

Г. ТИМЧЕНКО-РУБАНЪ.

ОЧЕРКЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ и ИМПЕРАТОРА

НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА

КАКЪ РУКОВОДИТЕЛЯ ВОЕННО-ИНЖЕНЕРНОЮ ЧАСТЬЮ.

ТОМЪ I.

Инженерная организацiя и техника.

Съ 7-ю автотипiями.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографiя Усманова. Вознесенскiй пр. 47.
1912.

Г. ТИМЧЕНКО-РУБАНЪ.

ОЧЕРКЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ и ИМПЕРАТОРА

НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА

КАКЪ РУКОВОДИТЕЛЯ ВОЕННО-ИНЖЕНЕРНОЮ ЧАСТЬЮ.

ТОМЪ I.

Инженерная организація и техника.

Съ 7-ю автотипіями.

С-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Усманова. Вознесенскій пр. 47.
1912.

Оглавленіе.

Генералъ-инспекторъ по инженерной части

Великій Князь

НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ

1817—1825 г.г.

(Съ писаннаго красками портрета изъ инженернаго комитета).

Часть I.

Инженерная организація и техника.

ОТЪ АВТОРА.

I.

Задавшись, въ мѣрѣ силъ и средствъ, изслѣдованіемъ дѣятельности Николая Павловича какъ руководителя инженерной отраслью русскаго военнаго дѣла и разбивая свой трудъ на двѣ части: I—„Инженерная организація и техника“ и II—„Инженерная подготовка границъ“—считаю долгомъ по поводу I части, нынѣ предлагаемой благосклонному вниманію читателей, сдѣлать слѣдующія оговорки.

Дѣятельность Николая Павловича въ области руководительства военно-инженерной частью въ Россіи была столь волшебно обширною, на ея долю удѣлялось Монархомъ такъ изумительно много времени и труда, а результаты подобнаго отношенія къ дѣлу отличались такой фундаментальностью, что автору разработки богатой темы пришлось не мало колебаться въ разрѣшеніи вопроса—къ какому пріему прибѣгнуть для составленія возможно полной характеристики замѣчательнаго вѣнценоснаго военнаго инженера. Если бы авторъ, пользуясь многими сотнями томовъ архивнаго матеріала поставилъ бы себѣ задачею матеріалъ этотъ только профильтровать въ соотвѣтствіе съ избранной темою, а отобранное

привести въ ту или другую систему—получилось бы произведеніе угнетающаго объема, въ которомъ самая тема расплылась бы и потеряла необходимую рельефность. Съ другой стороны, еслибы авторъ черпалъ изъ этого матеріала однѣ основныя данныя для сжатаго очерка дѣятельности Николая Павловича какъ руководителя инженерной частью—получилась бы статья, вѣра въ которую могла бы покоиться только на честномъ словѣ изслѣдователя и даже болѣе того: правдивый очеркъ могъ бы быть почтенъ за хвалебный мадригалъ. Такъ выходитъ, въ данномъ случаѣ, дѣйствительность изъ рамокъ обыденности. Выходъ, по мнѣнію автора, одинъ: улавливая, по мѣрѣ силъ и способностей, характерныя черты, взгляды и дѣйствія мудраго наставника русскихъ военныхъ инженеровъ, слѣдуетъ тотчасъ же сопровождать ихъ строго документальными данными фактическаго характера, фактами, хотя бы и не многочисленными, но по возможности рельефными. Этотъ пріемъ и принятъ, какъ общее правило, въ настоящемъ трудѣ, строго приноровленномъ къ избранной темѣ и отнюдь не долженствующемъ разсматриваться, какъ историческій очеркъ инженерной части въ Россіи за разсматриваемый періодъ времени.

II.

Центральный инженерный архивъ, послужившій основнымъ источникомъ настоящаго труда, содержится въ порядкѣ достаточномъ; но система храненія въ немъ дѣлъ не вполнѣ пріурочена къ удобству посылокъ изслѣдователя старины на тотъ или другой первоисточникъ. Дѣла сгруппированы по различнымъ описямъ, а каждая опись относится къ извѣстному періоду времени и къ извѣстному подраздѣленію современныхъ инженерныхъ органовъ. Чтобы указать, откуда заимствовано написанное, необходимо не только привести № дѣла, годъ и цифру листа, но и выписать весь заголовокъ описи, въ которой это дѣло зарегистровано, ибо дѣлъ съ однимъ и тѣмъ же № и годомъ весьма много. А такъ какъ для

приведенія заголовка описи, даже въ сокращенномъ видѣ, потребна печатная строка петита, а иногда и двѣ, то огромное большинство авторовъ, черпавшихъ матеріалъ для своихъ трудовъ изъ инженернаго архива, ссылалось только на № и годъ. Въ результатѣ, для свѣрки написаннаго съ первоисточникомъ, необходимо прибѣгать къ росыскамъ, кои всегда крайне затруднительны, а иногда граничатъ съ невозможностью разрѣшенія такой задачи. Во избѣжаніе сказаннаго, всѣ необходимыя описи центральнаго инженернаго архива мною означены отдѣльными литерами русскаго алфавита; сокращены заглавія и прочихъ источниковъ. Условность же ихъ обозначенія такова.

А. Инженерный архивъ.

А—„Опись дѣламъ бывшей канцеляріи инспектора инженернаго корпуса 1802—1836 г.г.“.

Б—„Опись дѣламъ бывшей канцеляріи инспектора инженернаго корпуса по главному инженерному училищу съ 1816 по 1831 г.г., по части саперныхъ и піонерныхъ баталіоновъ съ 1803 по 1825 г.г., по части военно-рабочихъ, арестантскихъ и исправительныхъ ротъ съ 1824 по 1834 г.г.“.

В—„Опись дѣламъ бывшаго 3 отдѣленія 1 стола по гвардейскимъ казармамъ съ 1809 по 1836 г.г.“.

Г—„Опись дѣламъ инженернаго департамента 2 отдѣленія 2 стола съ 1810 по 1836 г.г.“.

Д—„Опись дѣламъ 1 стола 2 отдѣленія инженернаго департамента съ 1812 по 1832 г.г“.

Е—„Опись дѣламъ бывшаго штаба генералъ-инспектора по сапернымъ (піонернымъ) баталіонамъ съ 1832 по 1839 г.г.“.

Э—„Опись дѣламъ по канцеляріямъ: а) директора и вице-директора съ 1812 по 1836 г.г., б) инспектора инженернаго замка съ 1822 по 1836 г.г.“.

Ж—„Опись дѣламъ канцеляріи инженернаго департамента съ 1836 по 1856 г.г.“.

З—„Опись дѣламъ департамента инженернаго 1 отдѣленія 1 стола съ 1812 по 1837 г.г.“.

И—„Опись дѣламъ 1 отдѣленія 2 стола инженернаго департамента съ 1812 по 1837 г.г.“.

І—„Опись дѣламъ 1 стола 1 отдѣленія инженернаго департамента съ 1836 по 1847 г.г.“.

К—„Опись дѣламъ 1 отдѣленія 2 стола инженернаго департамента съ 1836 по 1847 г.г.“.

Л—„Опись дѣламъ 3 стола 1 отдѣленія инженернаго департамента съ 1836 по 1847 г.г.“.

М—„Опись дѣламъ гвардейской казарменной комисіи съ 1821 по 1836 г.г.“.

Н—„Опись дѣламъ Высочайше утвержденнаго комитета о подводныхъ опытахъ съ 1840 по 1854 г.г.“.

О—„Опись дѣламъ 1 отдѣленія 2 стола инженернаго департамента съ 1847 по 1857 г.г.“.

П—„Опись дѣламъ 1 отдѣленія 1 стола инженернаго департамента съ 1847 по 1857 г.г.“.

Р—„Опись дѣламъ 1 отдѣленія 3 стола инженернаго департамента съ 1847 по 1857 г.г.“.

С—„Опись дѣламъ бывшей канцеляріи инспектора инженернаго корпуса съ 1802 по 1836 г.г.“.

Т—„Опись дѣламъ 1 отдѣленія 1 стола бывшаго штаба инспектора по инженерной части съ 1841 по 1863 г.г.“.

У—Опись дѣламъ 2 отдѣленія 1, 2 и 3 столовъ бывшаго штаба инспектора по инженерной и саперной части съ 1850 по 1866 г.г.“.

Ф—„Опись дѣламъ бывшаго инженернаго корпуса, назначеннымъ къ храненію навсегда, съ 1818 по 1837 г.г.“.

Х—„Опись дѣламъ по инженерному корпусу 1837 г.“.

Ц—„Опись дѣламъ штаба генералъ-инспектора по инженерной части, по сапернымъ баталіонамъ и конно-піонернымъ дивизіонамъ съ 1838 по 1845 г.г.“.

Ч—„Опись дѣламъ штаба генералъ-инспектора по инженерной части съ 1840 по 1849 г.г.“.

Б. Прочіе источники.

В. Уч. Арх.—Военно-ученый архивъ.

100 В. М.—„Столѣтіе военнаго министерства“ (т. I—„Историческій очеркъ развитія военнаго управленія въ Россіи“. СПБ. 1902; т. II—„Императорская главная квартира“. СПБ 1908, т. VII—„Главное инженерное управленіе“. СПБ. 1902 и 1903 г.г.).

Шильдеръ, гр. Тотлеб.—Н. Шильдеръ. „Графъ Эдуардъ Ивановичъ Тотлебенъ“. СПБ. 1885.

Шильдеръ—„Императоръ Николай I. Его жизнь и царствованіе“ СПБ. 1903.

Ал. С.—„Историческая замѣтка о Николаевскомъ инженерномъ училищѣ“ („Инж. Журн.“ № 11—1899 г.).

Никулищевъ—„Русско-германская граница въ стратегическомъ отношеніи“ (ів., № 3—1881 г.).

Шателенъ—„Атака и оборона Аландскихъ укрѣпленій въ 1854 г.“ (ів, № 5—1866 г.).

Савельевъ—А. И. Савельевъ. „Историческій очеркъ инженернаго управленія въ Россіи“. ч. III. СПБ. 1894 г.

Максимовскій—М. Максимовскій. „Историческій очеркъ развитія главнаго инженернаго училища“. СПБ. 1869 г.

Болдыревъ—„Краткое обозрѣніе военно-инженернаго искусства въ Россіи за 50 лѣтъ (съ 1819 по 1869 г.г.).“ СПБ. 1870 г.

Мазюкевичъ—М. Мазюкевичъ. „Жизнь и служба генералъ-адъютанта Карла Андреевича Шильдера“ („Инж. Журн.“ 1875 г.).

Волькенштейнъ — „Исторія л.-гв. сапернаго баталіона“. СПБ. 1852 г.

Корфъ—„Матеріалы и черты къ біографіи Императора Николая I“. („Сборн. Имп. Рус. Истор. Общ., т. 98).

Истор. обозр. — „Историческое обозрѣніе военно-сухопутнаго управленія съ 1825 по 1850 г.г.“ (ів.).

I. П. С. З.—Первое полное собраніе законовъ.

II. П. С. З.—Второе полное собраніе законовъ.

ГЛАВА I.

Общая характеристика Николая Павловича какъ начальника инженерной части и ея руководителя. Назначеніе Великаго Князя генералъ-инспекторомъ по инженерной части. Черты изъ дѣтства Николая Павловича. Врожденное влеченіе къ инженерному искусству. Вступленіе въ должность. Первый приказъ генералъ инспектора. Заботы объ образованіи корпуса русскихъ инженерныхъ офицеровъ. Учрежденіе главнаго инженернаго училища и отношенія къ нему основателя. Опредѣленіе въ преподаватели Арсеньева. Поощренія составителей руководствъ. Собраніе коллекцій рисунковъ и моделей. Отношеніе къ инженерному мундиру и къ инженернымъ офицерамъ; вниманіе къ ихъ службѣ и судьбѣ. Подъемъ духа въ инженерномъ корпусѣ. Участіе саперъ и военныхъ инженеровъ въ событіи 14 декабря 1825 года. Степень вліянія Великаго Князя и Императора на жизнь инженернаго корпуса. Знакомство съ личнымъ составомъ. Строгость къ атестаціямъ. Переписка Великаго Князя съ Ермоловымъ. Поддержаніе престижа инженернаго начальства. Заботы о распространеніи спеціальныхъ познаній. Годовыя задачи. Техническія библіотеки. Посвященіе офицерскихъ работъ Государю. Императоръ самъ слѣдитъ за наукой. Мѣры воспитательнаго характера. Искорененіе злоупотребленій. За вину-нѣтъ милости. Преданіе военному суду и отношеніе къ судебнымъ дѣламъ. Уровень этическихъ качествъ въ инженерной средѣ. Требованіе надзора за подчиненными Преслѣдованіе жестокостей. Караніе за дерзкое и за фамиліарное обращеніе съ подчиненными. Отношеніе къ доносамъ и извѣтамъ. Оцѣнка прежней дѣятельности лицъ и частей. Соблюденіе служебныхъ порядковъ. Склонность къ награжденіямъ за заслуги. Поощреніе усердныхъ офицеровъ. Педагогическое значеніе приказовъ генералъ-инспектора. Безграниченность довѣрія къ достойнымъ сотрудникамъ. Отношенія Царя къ генералу Дену. Вниманіе къ трудамъ инженернаго департамента; снисходительность къ его погрѣшностямъ. Бережливость генералъ-инспектора и отношеніе къ экономическимъ интересамъ. Уваженіе къ отечественной старинѣ. Заботы о поддержаніи древностей Смоленска и Нарвы. Черты военнаго мужества Императора.

1 іюля 1817 года состоялось бракосочетаніе Великаго Князя Николая Павловича съ принцесою Шарлотою Прусской, нареченной Великою Княгинею Александрою Ѳеодоровною. Въ тотъ же день, во время бала во дворцѣ,

Императоръ Александръ I подвелъ Николая Павловича къ караулу лейбъ-гвардіи саперныго баталіона и поздравилъ съ назначеніемъ шефомъ названнаго баталіона и генералъ-инспекторомъ по инженерной части. Приказъ объ этомъ состоялся 3 іюля *).

Назначеніе молодого Великаго Князя генералъ-инспекторомъ по инженерной части на 21 году отъ роду не явилось простой случайностью: во главѣ вѣдомства было поставлено лицо, давно уже тяготѣвшее къ военно-инженерной спеціальности и увлекавшееся ею съ младенческихъ лѣтъ.

Въ запискахъ статсъ-секретаря барона М. Корфа, собственноручно правленныхъ Императоромъ Александромъ II, находятся весьма любопытныя для насъ свѣдѣнія, касающіяся дѣтства Августѣйшаго начальника вѣдомства.

Въ дѣтствѣ обстановка далеко не благопріятствовала выработкѣ изъ Великаго Князя увлеченнаго военнымъ дѣломъ, военно-образованнаго человѣка. Воспитателемъ Николая и Михаила Павловичей былъ назначенъ генералъ М. И. Ламздорфъ, бывшій директоръ 1-го кадетскаго корпуса, личность, по свидѣтельству Корфа, малообразованная и не чуждая жестокости. Онъ держалъ своихъ воспитанниковъ въ тискахъ, систематично перечилъ ихъ наклонностямъ, нерѣдко билъ ихъ и даже сѣкъ; въ особенности не любилъ Николая Павловича. Когда же попеченіе о воспитаніи Августѣйшихъ дѣтей взяла въ свои руки Императрица Марія Феодоровна, то кардинальнымъ стремленіемъ явилось отвлеченіе Великихъ Князей отъ страсти ко всему военному. И не смотря на это, любимой забавою ихъ были всегда именно военныя игры, любимыми игрушками—оловянные солдатики. Лѣтомъ въ саду, „строили редуты, крѣпости и атаковали ихъ". Въ особенности увлекался этимъ занятіемъ Николай Павловичъ. Увлеченіе доходило до

*) Впослѣдствіи, именно 20 сентября 1821 года, Великій Князь былъ назначенъ также шефомъ 5-го піонернаго баталіона.

того, что, устраивая для няни или гувернантки изъ стульевъ, земли или игрушекъ „дачу", онъ никогда не забывалъ уснастить ее „для защиты" пушками.

При маленькихъ Великихъ Князьяхъ, въ качествѣ „кавалеровъ", состояли поначалу генералъ-маіоръ Ахвердовъ и полковники Арсеньевъ и Ушаковъ. Эти люди были много образованнѣе воспитателя и много гуманнѣе его. Въ особенности Ахвердовъ, относившійся съ большимъ вниманіемъ къ Николаю Павловичу. Самъ не любившій военнаго дѣла, но желавшій сдѣлать Великому Князю пріятное, Ахвердовъ „училъ его строить или рисовать крѣпости, дѣлалъ ему изъ воску бомбы, картечи, ядра, а также показывалъ ему—какъ нападать на гавани и оборонять ихъ". Когда же Николай Павловичъ пристрастился къ вырѣзыванію изъ бумаги крѣпостей, орудій, гаваней, кораблей и прочихъ атрибутовъ обороны, Ахвердовъ толковалъ—какъ употреблять эти фигуры для игръ.

По свидѣтельству барона Корфа, ,,Михаилъ Павловичъ, будучи гораздо живѣе своего брата, столько же любилъ *разрушать* сколько тотъ любилъ *строить* крѣпости, гавани, мосты и проч., и потому старшій братъ часто боялся даже присутствія младшаго для своихъ построекъ''.

Имѣются основанія полагать, что ребенокъ строитель размышлялъ надъ своими работами и выработалъ своеобразную технику, отвѣчавшую цѣли сооруженій. Это подтверждается хотя бы такимъ любопытнымъ фактомъ.

15 декабря 1802 года возникъ за обѣдомъ разговоръ объ Александровской мануфактурѣ, на которой напоромъ льда была испорчена главная машина; говорили о томъ, что ее хотятъ установить вновь и при томъ съ особой прочностью. Тутъ поднялся Николай Павловичъ и сказалъ: ,,А, хотятъ! Для этого надобно вотъ что: вбить сваи въ Неву или поставить столбы, обить ихъ желѣзомъ и сверху поставить машину''. Великому Князю тогда было всего 6 лѣтъ.

Не менѣе страстно относился Николай Павловичъ къ рисованію и черченію; за этими занятіями онъ проводилъ цѣлые часы.

Съ 1808 года Николаю Павловичу начали уже давать уроки инженернаго искусства и первымъ учителемъ по этому предмету былъ нѣкій Крафтъ. Впрочемъ, Крафтъ преподавалъ не долго: черезъ годъ онъ заявилъ, что передалъ ученику всѣ свои познанія, превосходно имъ усвоенныя, и просилъ увольненія отъ дальнѣйшаго чтенія лекцій. Тогда выборъ палъ на лучшаго въ то время знатока своего дѣла и вообще высокообразованнаго человѣка, на инспектора инженернаго корпуса, генерала Карла Ивановича Оппермана *).

Обременный серьезными административными обязанностями, Опперманъ затруднился быть *учителемъ* Великаго Князя; онъ принялъ на себя лишь общее руководство военнымъ образованіемъ Августѣйшаго юноши. Ближайшими же преподавателями явились: по инженерному искусству—полковникъ Джанотти и по артилеріи—полковникъ Маркевичъ. Но и эти ближайшіе учителя были далеко незаурядными учеными; ихъ занятія не замедлили увѣнчаться совершенно исключительнымъ успѣхомъ. Всего болѣе любилъ Великій Князь уроки Джанотти.

*) Карлъ Ивановичъ Опперманъ родился въ 1765 году. Лютеранинъ, сынъ тайнаго совѣтника гессенъ-дармштадтской службы, онъ вступилъ въ русскую службу инженеръ-подпоручикомъ въ 1783 году. Въ январѣ 1809 года назначенъ инспекторомъ инженернаго корпуса, а въ 1812 году—директоромъ инженернаго департамента съ оставленіемъ и въ прежней должности. На этомъ посту онъ оставался до кончины, одновременно занимая должности: съ 1824 г.—члена комисіи по постройкѣ Исакіевскаго собора, съ 1827 г.—„начальствующаго“ надъ строительнымъ департаментомъ по морской части, завѣдывающаго главными училищами инженернымъ и артилерійскимъ и члена государственнаго совѣта. Въ іюлѣ 1829 г. возведенъ въ графское достоинство. Скончался въ 1831 году. Участвовалъ въ кампаніяхъ: шведской 1788—1789 г.г. (за мужество при морскихъ дѣйствіяхъ получилъ Св. Георгія 4 ст.), 1805, 1812, 1813 (за осаду и взятіе Торна получилъ Св. Георгія 3 ст.) и 1814 г.г.

Съ 1815 года въ число предметовъ преподаванія вошли „бесѣды съ генераломъ Опперманомъ о военныхъ наукахъ". Заключались бесѣды въ томъ, что Николай Павловичъ самостоятельно разрабатывалъ предлагаемыя Опперманомъ темы, а затѣмъ готовыя работы подвергались разбору совмѣстно съ генераломъ. На сколько ученикъ относился къ этимъ занятіямъ серьезно, обдуманно, любовно и со знаніемъ дѣла, можно судить хотя бы по тому, что однажды, при разборѣ трактата Великаго Князя о войнѣ Россіи противъ соединенныхъ силъ Пруссіи и Польши, Опперманъ заподозрилъ—не позаимствовалъ ли Августѣйшій авторъ мыслей и выводовъ изъ секретнаго мемуара на ту же тему, принадлежавшаго перу одного извѣстнаго генерала. Подозрѣніе оказалось неосновательнымъ.

Итакъ, Николай Павловичъ имѣлъ съ дѣтства исключительную склонность къ инженерному дѣлу, а ко времени его назначенія генералъ-инспекторомъ пріобрѣлъ и довольно солидныя въ этомъ дѣлѣ научныя познанія.

Великій Князь принялъ въ руки инженерное вѣдомство не сразу послѣ назначенія; около полугода онъ провелъ заграницей, гдѣ продолжалъ заниматься фортификаціей, войдя въ близкія отношенія съ начальникомъ инженерной части въ Пруссіи, генераломъ Раухомъ. О вступленіи Его Высочества въ должность генералъ-инспектора начальникъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества, генералъ-адъютантъ князь П. М. Волконскій, увѣдомилъ директора инженернаго департамента, генералъ-лейтенанта Оппермана 19, января 1818 года, а всеподданнѣйшій о томъ рапортъ былъ поданъ Великимъ Княземъ 20 числа. Въ тотъ же день Николай Павловичъ отдалъ слѣдующій приказъ:

„По Высочайшей волѣ Государя Императора вступилъ я 20 числа сего января въ должность генералъ-инспектора по инженерной части. Давая о семъ знать

по инженерному корпусу, долгомъ поставляю подтвердить всѣмъ чинамъ онаго, что ревностнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, усердіемъ къ пользѣ государственной и отличнымъ поведеніемъ, всякій заслужитъ Государевы милости, а во мнѣ найдетъ усерднаго для себя ходатая передъ лицомъ Его Величества. Но въ противномъ случаѣ, за малѣйшее упущеніе, которое никогда, ни въ какомъ случаѣ, прощено не будетъ, взыщется по всей строгости законовъ. Отъ усердія и твердости господъ начальниковъ, отъ рвенія и полнаго повиновенія подчиненныхъ ожидаю имѣть всегдашнее удовольствіе; и твердо на сіе надѣясь, увѣряю всѣхъ и каждаго, что умѣю цѣнить милость Государеву, содѣлавшую меня начальникомъ столь отличнаго корпуса. Приказъ сей посылается лейбъ-гвардіи въ саперный баталіонъ черезъ его командира, а командирамъ армейскихъ саперныхъ и піонерныхъ баталіоновъ черезъ начальниковъ инженеровъ 1-й и 2-й армій; инженернымъ же командирамъ черезъ окружныхъ ихъ командировъ и динабургской, къ округу не причисленной. Генералъ-инспекторъ по инженерной части Николай''.

Собственноручный приказъ этотъ, заключенный въ рамку, и по сіе время хранится въ кабинетѣ начальника перваго отдѣленія главнаго инженернаго управленія.

Одною изъ первыхъ мѣръ новаго генералъ-инспектора, направленныхъ къ поднятію инженернаго корпуса на надлежащую высоту, было учрежденіе главнаго инженернаго училища.

До разсматриваемой эпохи у насъ хотя и существовали казенныя и частныя школы, имѣвшія цѣлью подготовку военно-инженерныхъ чиновъ (особый курсъ при 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, школа при чертежной инженернаго департамента и нѣсколько частныхъ школъ), однако, по единогласному отзыву современниковъ, всѣ эти учрежденія далеко не отвѣчали своему назначенію.

и достаточно образованныхъ *русскихъ* инженерныхъ офицеровъ у насъ почти не было. Сколько нибудь отвѣтственныя должности по инженерному вѣдомству неукоснительно замѣщались иностранцами, часто всю свою службу весьма плохо владѣвшими русскимъ языкомъ, что сопровождалось многими неудобствами и въ повседневной жизни корпуса, и въ области соображеній военно-политическаго характера. На такое ненормальное положеніе вещей Николай Павловичъ обратилъ самое серьезное вниманіе непосредственно по вступленіи въ должность генералъ-инспектора и въ относительно короткій срокъ осуществилъ дѣло великой для инженернаго корпуса важности—учрежденіе отечественнаго питомника для комплектованія названнаго корпуса русскими образованными дѣятелями. 24 ноября 1819 года открылись двери новаго главнаго инженернаго училища, иниціатива каковой мѣры безспорно принадлежитъ Великому Князю. Неоспоримо и ближайшее участіе въ нарожденіе этого заведенія со стороны генерала Оппермана, во всемъ являвшагося усерднымъ помощникомъ своего бывшаго ученика.

Подборъ преподавателей въ новое училище былъ произведенъ весьма тщательно, въ большинствѣ случаевъ лично генералъ-инспекторомъ. Въ ихъ среду было принято не мало професоровъ университета. Исключительно по иниціативѣ Великаго Князя и подъ его личною отвѣтственностью, былъ приглашенъ въ училище и опальный талантливый адъюнктъ-професоръ Арсеньевъ, удаленный отъ преподаванія въ университетѣ по извѣтамъ извѣстнаго Магницкаго. Поначалу Николай Павловичъ, поручившійся за благонадежность Арсеньева, присутствовалъ на всѣхъ его лекціяхъ, отнюдь не подчеркивая значенія такихъ посѣщеній и относясь къ своему ставленнику въ высокой степени деликатно. Характерно въ этомъ отношеніи нижеслѣдующее обращеніе Арсеньева къ Великому Князю.

Въ началѣ 1825 года Арсеньевъ написалъ Николаю Павловичу письмо, преисполненное благодарности, и просилъ разрѣшенія посвятить Его Высочеству составленную имъ „Древнюю Исторію". Въ письмѣ, между прочимъ, читаемъ: „Благославляю Промыслъ, даровавшій мнѣ несравненное счастье служить подъ покровительствомъ Вашего Императорскаго Высочества... Вы были Ангеломъ хранителемъ моимъ... Вашею снисходительной внимательностью Вы возстановили упадшій отъ скорби духъ мой"... Николай Павловичъ, ознакомившись съ трудомъ Арсеньева, обратился къ Царю съ просьбою разрѣшить посвятить сочиненіе Его Величеству. Государь разрѣшилъ не безъ колебаній и то при непремѣнномъ условіи, чтобы книга была предварительно разсмотрѣна и одобрена цензурой. Кстати, о первой части труда Арсеньева знаменитый историкъ Карамзинъ далъ отзывъ: „Не только автору, но и всякому другому скажу, что она написана съ умомъ и талантомъ. Особенное удовольствіе сдѣлали мнѣ главы о законодательствѣ: все основательно и ясно. Столь счастливый опытъ ручается за успѣхъ трудовъ дальнѣйшихъ". За сочиненіе это авторъ получилъ брильянтовый перстень уже отъ Императора Николая. Впослѣдствіи Арсеньевъ былъ преподавателемъ Наслѣдника Александра Николаевича.

По свидѣтельству М. Максимовскаго, Николай Павловичъ постоянно слѣдилъ за всѣмъ, что дѣлалось въ училищѣ, и входилъ во всѣ подробности его внутренняго быта. Заботамъ въ этомъ отношеніи не было границъ. Великій Князь часто посѣщалъ училище не только днемъ, но и по ночамъ. Зналъ всѣхъ воспитанниковъ, всѣхъ воспитателей, всѣхъ преподавателей. Будучи генералъ-инспекторомъ, навѣщалъ кондукторовъ такъ часто, что для Его Высочества было приготовлено особое кресло, на которомъ онъ постоянно и занимался. Кресло это до сей поры хранится въ конференцъ-залѣ академіи. Неоднократно генералъ-инспекторъ пріѣзжалъ

въ училище и съ Великою Княгинею Александрою Феодоровною, а однажды питомникъ инженерныхъ офицеровъ почтила своимъ посѣщеніемъ вдовствующая Императрица Марія Феодоровна, приказавшая, между прочимъ, дозволить кондукторамъ пить по вечерамъ чай и подарившая имъ самоваръ. Такое вниманіе Великаго Князя и Августѣйшей семьи дѣйствовало на воспитанниковъ высоко благотворно и вниманіемъ этимъ кондуктора чрезвычайно дорожили. Это зналъ и самъ Николай Павловичъ, и посему неудивительно, что однажды, когда въ училищѣ возникъ маленькій бунтъ по поводу непонравившихся куртокъ, Великій Князь наказалъ кондукторовъ тѣмъ, что цѣлую недѣлю не ѣздилъ въ роту, а по прошествіи недѣли долгое время бывалъ въ ней только по ночамъ.

Особое расположеніе выказывалъ Николай Павловичъ училищу до конца своихъ дней и эпизодами проявленія таковаго можно было бы заполнить не мало страницъ. Какъ характерный фактъ, приведу свидѣтельство Максимовскаго, повѣствующаго, что въ 1831 году, въ самый день рожденія Великаго Князя Николая Николаевича, Императоръ направился въ лагерь инженернаго училища подъ Царскимъ Селомъ и привѣтствовалъ воспитанниковъ: „Кондукторы! поздравляю съ новорожденнымъ товарищемъ: прошу любить и жаловать“!

Генералъ-инспекторъ лично разсматривалъ програмы всѣхъ курсовъ главнаго инженернаго училища, и таковыя вводились не иначе какъ съ его одобренія. Вопросы о составленіи учебниковъ и о характерѣ ихъ обязательно докладывались Великому Князю. Нерѣдко указывалъ самъ, кому составлять учебникъ, а затѣмъ слѣдилъ за успѣшностью порученія. Такъ, въ 1819 году Николай Павловичъ обязалъ преподавателя, капитана Христіани, перевести на русскій языкъ для нуждъ училища фортификацію Бусмара, а по окончаніи этой работы испросилъ разрѣшеніе Государя отпечатать переводъ на инженерныя суммы, дать переводчику 100

экземпляровъ книги и пожаловать ему брильянтовый перстень. Поручивъ въ 1820 году составленіе записокъ по долговременной фортификаціи и по строительному искусству Фельдману *), Ломановскому и архитектору инженернаго департамента Штауберту, онъ настойчиво потребовалъ въ 1824 году, чтобы сказанныя записки были закончены, „такъ какъ составленіемъ оныхъ занимаются уже четвертый годъ“. На отпечатаніе этихъ записокъ приказалъ отпустить необходимую сумму заимообразно изъ крѣпостного кредита, а чертежи „металогравировать“ въ собственной Его Высочества чертежной. Наконецъ, Великій Князь самолично ввелъ въ курсъ училища тактику и воинскіе уставы.

Въ дѣлѣ составленія и переводовъ учебниковъ Николай Павловичъ стремился и къ тому, чтобы авторы работали въ сферѣ своего призванія, а не по одной рекомендаціи начальства. Въ 1821 году оренбургской команды инженеръ подпоручикъ Рябиковъ выразилъ желаніе перевести для училища на русскій языкъ диференціальное и интегральное исчисленіе Боссю, а его начальникъ сдѣлалъ представленіе въ инженерный департаментъ—„можетъ ли переводъ означеннаго сочиненія, по общимъ, принятымъ для инженернаго корпуса правиламъ, считаться приличнѣйшимъ“? Опперманъ

*) Александръ Ивановичъ Фельдманъ родился въ 1789 году. Лютеранинъ, уроженецъ Эстляндской губ., „вольно-ученаго званія“, вступилъ въ службу въ 1806 году въ инженерный корпусъ. Поначалу состоялъ въ петербургской и динабургской инженерныхъ командахъ, затѣмъ былъ преподавателемъ въ главномъ инженерномъ училищѣ. Въ 1825 году назначенъ строителемъ укрѣпленій въ Ревелѣ, а въ 1831 г.—окружнымъ командиромъ по морской части (въ Кронштадтѣ). Въ томъ же году пожалованъ флигель-адъютантомъ, а въ 1833, произведенный въ генералъ-маіора, зачисленъ въ свиту Его Величества. Въ сентябрѣ 1836 г.—вице-директоръ инженернаго департамента, въ 1842 г.—членъ комисіи по постройкѣ Исакіевскаго собора, въ 1844 г.—генералъ-адъютантъ, въ 1849 г.—директоръ инженернаго департамента. Скончался въ 1861 году. Участвовалъ въ походахъ 1813, 1814 и 1815 г. г.

передалъ вопросъ на разсмотрѣніе конференціи училища, а послѣдняя отозвалась, что Боссю—авторъ неважный, и что будетъ лучше, если Рябиковъ переведетъ элементарную алгебру Бурдона. На этомъ сужденіи Великій Князь положилъ резолюцію: „Такъ какъ онъ желалъ перевести на россійскій языкъ диференціальное и интегральное исчисленія, то, если конференціею главнаго инженернаго училища найдено сочиненіе Боссю недостойнымъ перевода, то, казалось бы, слѣдовало предложить г. Рябикову для перевода какое либо сочиненіе о *томъ же предметѣ* (курс. подл.), коимъ онъ намѣренъ былъ заняться".

И по восшествіи на престолъ Николай Павловичъ слѣдилъ за дѣятельностью преподавателей училища, поощряя ревностныхъ и въ особенности составителей и переводчиковъ учебниковъ. В. Л. Шарнгорстъ въ 1827 году получилъ отъ Государя: за успѣшное преподаваніе тактики въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ—брильянтовый перстень, за такое же преподаваніе въ инженерномъ училищѣ—годовой окладъ жалованья и за составленіе для училища учебника тактики—1.000 руб.; въ 1830 году онъ опять получилъ годовой окладъ жалованья, въ 1833 году—награду въ 3.000 руб., въ 1839 году—аренду на 12 лѣтъ по чину генерамъ-маіора. Затѣмъ, преподаватели главнаго инженернаго училища были удостоены: надворный совѣтникъ Максимовскій—подарка въ 800 руб. за сдѣланный имъ въ 1833 году переводъ физической географіи Мальтъ Бруна; поручикъ Кирпичевъ—подарка, золотыхъ часовъ съ цѣпочкою, за переводъ въ томъ же году съ нѣмецкаго собранія математическихъ формулъ и задачъ; капитанъ Черневскій и штабсъ-капитаны Кирпичевъ и Степановъ—подарковъ по чинамъ за переводъ въ 1838 году сочиненія Лефебюра-де-Фурси „Тригонометрія прямолинейная и сферическая и опредѣленный анализъ" и т. д.

Заботился Императоръ и о томъ, чтобы въ инже-

нерномъ училищѣ были колекціи рисунковъ и моделей. Въ 1826 году, по личной иниціатвѣ Николая Павловича, училище получило „полное собраніе всѣхъ моделей и рисунковъ орудій (инструментовъ) и повозокъ, при иностранныхъ войскахъ употребляемыхъ“, а въ февралѣ того же года Государь приказалъ изготовить для обученія кондукторовъ училища модели одного фронта Динабургской и одного фронта Бобруйской крѣпостей, съ замѣною ими моделей системы Кармонтаня.

Не забывалась и библіотека училища, въ которую Царь нерѣдко присылалъ достойныя, на его взглядъ, сочиненія. Напримѣръ, въ 1837 году Его Величество лично передалъ въ училище 2 экземпляра сочиненія генералъ-адъютанта Жомини „Prècis de l'art de la guerre“ а вскорѣ 38 книгъ, отобранныхъ имъ изъ числа „полезныхъ сочиненій по инженерной части“, привезенныхъ изъ заграницы по порученію Его Величества генералъ-лейтенантомъ Базеномъ *).

Относясь съ такой сердечностью къ созданному имъ разсаднику дѣятелей русскаго инженернаго дѣла, Николай Павловичъ, и по началу чувствовавшій большую склонность къ инженерному корпусу, съ теченіемъ времени сталъ смотрѣть на саперныхъ и инженерныхъ офицеровъ какъ на людей ему особо близкихъ. По удостовѣренію барона Корфа, уже будучи на престолѣ, онъ постоянно говорилъ: „Мы инженеры“..., „Наша инженерная часть“... До конца дней своихъ, привѣтствуя гвардейскихъ саперъ съ баталіоннымъ праздникомъ, Николай Павловичъ выражался не иначе, какъ „Поздравляю своихъ саперныхъ товарищей“! Инженерный мундиръ Императоръ считалъ почетнымъ, и это вы-

*) А, № 28—1818, 1—3; Б, № 62—1823, 23, 36, 43, 44, 74; С, № 28—1818, 1—3; Ф, № 6—1819, 2, 11; № 8—1821, 9, 11; № 79—1825, 1, 5, 10, 12; № 120—1825, 5; № 32—1826, 1; № 11—1833, 4, 14; Х, № 69—1837 5, 7; № 70—I—1837, 1—3; № 70—II—1837, 1; Корфъ, 25, 27, 33—36. 45, 51, 62, 64, 82, 83; Максимовскій, 27, 29, 50, 106, 111, 113; Шильдеръ, Имп. Н. I, I, 713; 100 В. М. II, 82, VII, 148, 185; I П. С. Зак. № 27 998.

лилось, между прочимъ, въ Высочайшее повелѣніе, относящееся къ январю 1831 года и гласившее ,,дабы всѣ генералы, состоящіе въ спискѣ инженернаго корпуса, въ какихъ бы должностяхъ они не находились, въ томъ числѣ и тѣ, кои, до производства ихъ въ генералы, состояли въ саперныхъ баталіонахъ... носили инженерный мундиръ". Замѣтки вѣнценоснаго военнаго инженера объ осмотрѣ крѣпостей и инженерныхъ войскъ, относящіяся къ случаямъ, когда все обрѣталось въ должномъ порядкѣ, дышатъ, какъ увидимъ, глубокимъ чувствомъ удовлетворенія и гордостью за своихъ учениковъ. Въ бытность же генералъ-инспекторомъ, Николай Павловичъ похвалы своимъ подчиненнымъ отъ иныхъ начальствующихъ лицъ принималъ какъ событіе радостное. Узнавъ случайно изъ приказа по отдѣльному кавказскому корпусу о благодарности, объявленной въ 1821 году 8 піонернаго баталіона поручику Юргенсу за устройство дороги въ Дагестанѣ, Великій Князь точасъ же „съ удовольствіемъ" объявилъ объ этомъ по всему инженерному корпусу. Также поступилъ онъ и въ февралѣ 1823 года, когда главнокомандующій отдѣльнымъ литовскимъ корпусомъ, Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, довелъ до свѣдѣнія генералъ-инспектора, что сводная учебная саперно-піонерная команда за восемь мѣсяцевъ нахожденія въ Варшавѣ была прекрасна во всѣхъ отношеніяхъ и не вызвала самомалѣйшаго замѣчанія". Николай Павловичъ писалъ: ,,Весьма для меня пріятно сдѣлать (это) извѣстнымъ по инженерному корпусу".

При такомъ отношеніи высшаго начальника, немудрено, что весь корпусъ быстро воспрянулъ. Особенно рельефно подъемъ духа отразился на инженерныхъ войскахъ, кои ранѣе состояли на рангѣ рабочихъ командъ, до 1813 года не имѣли даже ружей, а до 1824—знаменъ. Устранивъ эти ненормальности, Великій Князь сумѣлъ въ короткій срокъ внушить войскамъ любовь къ своему дѣлу и уваженіе къ носимому званію воина, и получились примѣрныя части, вѣрныя долгу, вѣрныя Царю.

Въ инженерныхъ же воинскихъ частяхъ петербургскаг гарнизона и въ средѣ гвардейскихъ инженеровъ весьма быстро обнаружилось то глубокое обожаніе Августѣйшаго начальника, которое впослѣдствіи проникло и во всѣ части и органы инженернаго вѣдомства. Событіе 14 декабря 1825 года характерно подтвердили какъ сказанное, такъ и особое довѣріе Николая Павловича къ своимъ ближайшимъ воспитанникамъ.

Какъ извѣстно, 14 декабря толпа гренадеръ съ поручикомъ Пановымъ ворвалась во дворъ Зимняго дворца, гдѣ, по свѣдѣніямъ мятежниковъ, долженъ былъ находиться лишь весьма слабый караулъ финляндскаго полка. Фактически тамъ оказался уже гвардейскій саперный баталіонъ, только что прибывшій во дворецъ *бѣглымъ шагомъ*, во главѣ съ его командиромъ, полковникомъ Геруа *). ,,Саперы!!" послышалось въ рядахъ бунтовщиковъ, незамедлившихъ спѣшно броситься назадъ даже безъ попытки вступить въ переговоры съ такими, завѣдомо для крамольниковъ, безнадежно преданными новому Императору воинами. Вскорѣ во дворецъ прибылъ и учебный саперный баталіонъ. Въ собственноручной запискѣ Николай Павловичъ пишетъ: ,,Если бы саперный баталіонъ (гвардейскій) опоздалъ только нѣсколькими минутами, дворецъ и все наше семейство было бы въ

---

*) Александръ Клавдіевичъ Геруа родился въ 1783 году. Католикъ, дворянинъ московской губерніи, кончилъ 2-й кадетскій корпусъ въ 1800 году и выпущенъ подпоручикомъ въ піонерный полкъ. Въ 1816 году—командиръ 6-го (вскорѣ переименованнаго въ 5-й) піонернаго баталіона; въ 1818 году переведенъ въ лейбъ-гвардіи саперный баталіонъ. Съ 1819 года—адъютантъ генералъ-инспектора по инженерной части, а съ 1820—командиръ гвардейскаго сапернаго баталіона, съ оставленіемъ въ прежней должности. Въ августѣ 1825 г. пожалованъ во флигель-адъютанты, а 1 января 1826 г. произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ генералъ-адъютантомъ, съ оставленіемъ въ должности командира баталіона. Въ томъ же году—начальникъ штаба генералъ-инспектора, а съ 1837 года—управляющій инженернымъ департаментомъ, съ оставленіемъ въ прежней должности. Въ 1850 г. — членъ военнаго совѣта. Участвовалъ въ компаніяхъ 1812, 1813, 1814 1815 и 1828 г.г.

рукахъ мятежниковъ". Начальникъ Главнаго инженернаго училища, генералъ-лейтенантъ графъ Сиверсъ, „въ тотъ день, бывъ посланъ отъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны два раза къ Его Императорскому Величеству на Исакіевскую площадь, имѣлъ счастіе лично принять порученія отъ Государя Императора къ Ея Императорскому Величеству". Гвардейскіе инженеры—полковникъ князь Вадбольскій, штабсъ-капитанъ Шестаковъ, поручикъ Половцевъ 1-й и поручикъ Шмидтъ—„во все время мятежа находились при Его Императорскомъ Величествѣ съ самаго начала и, по Высочайшему повелѣнію офицерамъ вообще—расталкивать народъ—оное исполняли и брали мятежниковъ подъ арестъ, отдавая ихъ на бекеты, въ то время разставленные". Докторъ кондукторской роты Волькенау, „по личному порученію Его Императорскаго Величества, подавалъ помощь раненымъ подъ ружейнымъ огнемъ и перевязывалъ ихъ въ ближайшихъ домахъ до девяти часовъ вечера". Въ ночь на 15 декабря охрана царскаго кабинета была возложена на команду гвардейскихъ саперъ съ поручикомъ Аделунгомъ. Когда тѣ нижніе чины петербургскаго гарнизона, кои нарушили присягу и участвовали въ бунтѣ „по своему невѣдѣнію", были сведены въ особыя роты, командованіе послѣдними, по личному выбору Царя, было ввѣрено поручикамъ гвардейскаго сапернаго баталіона Заваліевскому, Аверину, Львову и Аделунгу.

Эпизодовъ участливаго отношенія Николая Павловича къ инженернымъ офицерамъ, выходившихъ изъ рамокъ обыденности, можно было бы привести не мало. Въ августѣ 1821 г. Великій Князь выхлопоталъ пособіе въ 1.000 руб. инженеръ-штабсъ-капитану Бочарову, „лишившемуся отъ неустанныхъ трудовъ по службѣ зрѣнія", и доставилъ ему возможность серьезно заняться леченіемъ, закончившимся относительно благополучными результатами; когда же въ 1826 году Государю доложили, что болѣзнь къ капитану Бочарову возвращается, „что

видно было изъ подписи его руки“, и что офицеръ этотъ, при всемъ своемъ желаніи продолжать службу, къ оной неспособенъ, „будучи удрученъ симъ несчастьемъ“, Его Величество повелѣлъ уволить его въ отставку подполковникомъ съ мундиромъ и полной пенсіею. Въ мартѣ 1826 года петербургской инженерной команды прапорщика Булыгина постигла также глазная болѣзнь. Вначалѣ ему была предоставлена возможность лечиться у лучшихъ докторовъ, а позднѣе, когда мнѣнія врачей разошлись, при чемъ Вилліе и Волькенау считали болѣзнь неизлечимою, а лейбъ окулистъ Груби подалъ надежду на поправку при условіи перемѣны климата, Государь приказалъ спросить Булыгина—куда желалъ бы онъ перевестись? По докладу о стремленіи больного продолжать службу на Кавказской линіи, Николай Павловичъ, вѣроятно найдя неудобнымъ имѣть въ боевой обстановкѣ немочнаго, повелѣлъ выдать ему единовременное пособіе въ 500 руб., произвести въ слѣдующій чинъ и уволить отъ службы съ полнымъ пенсіономъ. Въ 1839 году генералъ-инспекторъ по инженерной части, Великій Князь Михаилъ Павловичъ, опираясь на „недостаточность состоянія“ офицеровъ учебнаго сапернаго баталіона и на крайнюю дороговизну квартиръ въ Царскомъ Селѣ, возбудилъ ходатайство о назначеніи имъ двойныхъ квартирныхъ денегъ. Государь приказалъ отвѣтить Великому Князю, что „жалуетъ означеннымъ офицерамъ, въ видѣ единовременнаго пособія для найма квартиръ на 1840 годъ, 4.600 руб. (т. е. сумму, равную второму квартирному окладу); на постоянное же производство имъ двойныхъ квартирныхъ денегъ Монаршаго соизволенія не послѣдовало въ томъ вниманіи, что это дало бы поводъ просить таковыя и прочимъ загороднымъ войскамъ“. И тѣмъ не менѣе, указанное пособіе обратилось въ постоянное, лишь назначаемое ежегодно, каждый разъ по особому Высочайшему повелѣнію.

Бывали случаи, при которыхъ Государь относился къ офицерамъ въ инженерномъ мундирѣ съ большею

снисходительностью, чѣмъ къ офицерамъ другихъ родовъ оружія. 12 августа 1843 года полевой инженеръ капитанъ Орѣшковъ, будучи въ придворной петергофской церкви „лѣзъ впередъ такъ, что два раза становился передъ Государемъ Наслѣдникомъ, что было замѣчено Его Величествомъ; а вечеромъ, когда дворъ собрался въ Монплезирѣ, тотъ же капитанъ Орѣшковъ неоднократно выходилъ впередъ къ собранію". Такое поведеніе въ тѣ времена считалось совершенно недопустимымъ; за него полагалась весьма крутая кара. Однако Николай Павловичъ въ церкви Орѣшкову не сдѣлалъ даже замѣчанія; въ Монплезирѣ же ограничился тѣмъ, что приказалъ генералъ-маіору Лихардову удалить непрошеннаго гостя безъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Правда, послѣдствія явились, но безъ воли Государя. Военный министръ, освѣдомившись о случаѣ, тотчасъ же приказалъ генералъ-адъютанту Геруа доложить: „по какому случаю этотъ офицеръ находился въ Петергофѣ и какого онъ поведенія, а между тѣмъ, принять мѣры, чтобы его воздержать отъ подобныхъ неприличныхъ дѣйствій". Оказалось, что Орѣшковъ попалъ въ Петергофъ проѣздомъ изъ Риги въ Сибирь, на новое мѣсто своей службы. „Поведенія—писалъ Геруа—всегда онъ былъ хорошаго, и настоящій неприличный его поступокъ можетъ быть приписанъ единственно тому только, что со времени производства своего въ офицеры, 14 лѣтъ тому назадъ, онъ не былъ въ Петербургѣ и никогда не имѣлъ случая находиться при Высочайшихъ выходахъ. Но какъ подобное незнаніе приличья ничѣмъ извинено быть не можетъ, то онъ и подвергнутъ двухсуточному аресту".

При началѣ своей военно-инженерной дѣятельности посвятить себя таковой всецѣло и безраздѣльно Николай Павловичъ не могъ: 27 іюля 1818 годъ онъ былъ назначенъ командиромъ 2-й бригады 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи (Измаиловскій и Егерскій полки), а 3 марта 1825 года—начальникомъ 2-й гвардейской дивизіи. Эти побочныя обязанности, по свидѣтельству Н. К. Шиль-

дера, сильно тяготили Великаго Князя. Но, не смотря на это, Николай Павловичъ проявлялъ по истинѣ кипучую дѣятельность на поприщѣ близкаго его сердцу дѣла и интересовался этимъ дѣломъ постоянно. Даже отъѣзжая повременно заграницу, онъ требовалъ отъ Оппермана еженедѣльнаго представленія записокъ о движеніи всѣхъ дѣлъ по канцеляріи генералъ-инспектора и о сдѣланныхъ его замѣстителемъ, т. е. Опперманомъ, распоряженіяхъ. Такое же любовное отношеніе къ инженерному дѣлу сохранилось полностью и по вступленіи Николая Павловича на престолъ.

Необходимо замѣтить, что степень вліянія на инженерную часть со стороны генералъ-инспектора въ періодъ занятія этой должности Николаемъ Павловичемъ была значительно полнѣе, чѣмъ при его замѣстителѣ, Великомъ Князѣ Михаилѣ Павловичѣ. При назначеніи Михаила Павловича 14 декабря 1825 года, Императоръ, „во уваженіе обширныхъ занятій", лежавшихъ на Великомъ Князѣ по званію генералъ-фельдцейхмейстера, дозволилъ Его Высочеству „возложить часть должности генералъ-инспектора по инженерной части" на Оппермана. Нѣкоторыя же отрасли инженернаго дѣла остались цѣликомъ въ рукахъ Императора и при томъ не только какъ власти рѣшающей, но и какъ власти, направляющей дѣло. А. И. Савельевъ говоритъ, что „во всемъ былъ главнымъ хозяиномъ самъ Императоръ, хорошо знавшій людей и инженерную науку; поэтому и хозяйничать въ инженерномъ вѣдомствѣ людямъ, въ немъ не состоявшимъ, или господствовать тамъ во всемъ, какъ господствовалъ графъ Аракчеевъ, никто не могъ". Это—вѣрно. Надо, однако, добавить, что по нѣкоторымъ отраслямъ инженернаго дѣла, напримѣръ по крѣпостной, Николай Павловичъ—Великій Князь и Императоръ—работалъ и распоряжался въ совершенно одинаковой степени и оставилъ за собою *единоличное* руководство созданіемъ опорныхъ пунктовъ, такъ или иначе отстраняя попытки даже начальствовавшихъ надъ инженер-

нымъ вѣдомствомъ лицъ вносить въ дѣло нѣчто свое. Данными послѣдующихъ главъ это будетъ подтверждено съ несомнѣнностью. А вотъ, и отдѣльные эпизоды.

Въ 1844 году военный министръ, князь А. И Чернышевъ, приказалъ составить проектъ постройки каменныхъ казематовъ на куртинахъ форта „Императоръ Петръ I“ въ Кронштадтѣ, а составленный проектъ представилъ Царю. Государь положилъ резолюцію: „Куртины форта Петръ I въ Кронштадтѣ оставить въ настоящемъ видѣ впредь до особаго повелѣнія“. Въ слѣдующемъ году, осматривая Кіевскую крѣпость и увидѣвъ на „перешейкѣ“ между Дворцовою и Печерскою частями города трасировочныя работы подъ оборонительную казарму съ капониромъ, Государь освѣдомился: по чьему приказанію и указанію сіе производится? Получился отвѣтъ: по приказанію и личному указанію военнаго министра. Императоръ повелѣлъ работы остановить, а генералу Фельдману составить новый проектъ сооруженія по наставленіямъ, тутъ же преподаннымъ Его Величествомъ. Въ томъ же 1846 году Михаилъ Павловичъ представилъ на Высочайшее утвержденіе обширный проектъ предположенныхъ имъ улучшеній по Бобруйской крѣпости, явившійся слѣдствіемъ осмотра Великимъ Княземъ крѣпостныхъ сооруженій, взявъ на себя въ этомъ дѣлѣ инціативу, къ чему, судя по документамъ, относился вообще болѣе нежели осторожно. Государь собственноручно положилъ резолюцію: „Весьма полезное улучшеніе, но къ которому приступить можно будетъ тогда, когда прочія необходимыя довершенія верковъ будутъ кончены, сходно тому, какъ я лично генералъ-адъютанту Фельдману указалъ и ожидаю проектовъ“ *).

*) А, № 101—1825, 2; № 126—1826, 1, 6, 9, 20; № 35—1831, 1; I, № 30—1844, 8; К, № 105—1843, 99; № 63—1845, 9, 16: У, № 14--1852, 2, 3; Ф, № 84—1824, 4; № 15—1826, 13. 23, 29. 31, 37, 64; Ц № 8—1839, 4; № 41—XXXIII—1843, 1, 5: Приказы 1823 №№ 14, 36; Шильдеръ, Имп. Н. 1, I, 116, 123, 167, 288, Савельевъ, 199; Корфъ, 36; Случевскій 3; Волькенштейнъ, 17; 100 В. М., П 92, 188, 205.

Всѣ исторіографы русскаго инженернаго управленія единогласно удостовѣряютъ, что Николай Павловичъ превосходно зналъ личный составъ инженернаго корпуса. Да это не мудрено: лицъ, вышедшихъ изъ главнаго инженернаго училища въ періодъ пребыванія Великаго Князя генералъ-инспекторомъ, онъ зналъ еще кондукторами; съ болѣе старшимъ поколѣніемъ знакомился на многочисленныхъ смотрахъ и при ежегодныхъ объѣздахъ крѣпостей, а также при посѣщеніи офицерами Петербурга, для чего прибывающіе въ столицу были обязаны являться къ генералъ-инспектору не позднѣе 24 часовъ; наконецъ, знакомился съ личнымъ составомъ и по письменнымъ свѣдѣніямъ, къ которымъ относился весьма внимательно и со всею строгостью.

Въ сентябрѣ 1818 года командиръ кіевскаго инженернаго округа, генералъ-маіоръ Глуховъ, донесъ генералъ-инспектору, что инженеръ поручикъ Елкашевъ, будучи въ нетрезвомъ видѣ, нанесъ своей женѣ „жестокіе побои" и что въ подобныхъ же дѣяніяхъ этотъ офицеръ замѣчался и ранѣе. Николай Павловичъ тотчасъ же потребовалъ атестацію на Елкашева и увидѣлъ, что въ ней Глуховъ пишетъ: „поведенія хорошаго и пьянству не преданъ", т. е. пишетъ „несправедливо". Тогда послѣдовалъ приказъ по корпусу: „Занимаясь, сколь возможно, улучшеніемъ корпуса гг. инженерныхъ офицеровъ и очищеніемъ его отъ недостойныхъ въ немъ оставаться, нѣсколько разъ подтверждалъ окружнымъ инженернымъ начальникамъ, въ формулярныхъ и кондуитныхъ спискахъ, слѣдуя самой точной справедливости, атестовать г.г. офицеровъ всякаго по заслугамъ, дабы я, имѣя полную довѣренность къ свидѣтельству начальниковъ, могъ заочно о каждомъ офицерѣ мнѣніе мое установить и хорошихъ отъ дурныхъ отличать... Должность отдѣльныхъ начальниковъ есть доводить до свѣдѣнія высшаго начальства столь же исправно дурные, какъ и хорошіе поступки подчиненныхъ, дабы тѣмъ избавить достойныхъ офицеровъ отъ наносящаго имъ стыдъ то-

варищества. Посему надѣюсь, что впредь никто изъ господъ окружныхъ начальниковъ не захочетъ, черезъ пустое сожалѣніе къ дурному офицеру, ложной атестаціею потерять мою довѣренность; всякій изъ нихъ, напротивъ того, заблаговременно и не дожидаясь кондуитныхъ списковъ, долженъ доносить мнѣ объ офицерахъ, неподающихъ надежды къ исправленію". Глухову былъ объявленъ строжайшій выговоръ, а Елкашевъ былъ уволенъ отъ службы „за неприличные званію офицерскому поступки".

Отношеніе къ атестаціямъ инженерныхъ офицеровъ со стороны ихъ прямого начальства между прочимъ видно изъ такого обмѣна письмами Николая Павловича съ извѣстнымъ Ермоловымъ, командиромъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса.

,,Одна служба Государю—писалъ Ермоловъ въ маѣ 1819 года—могла дать мнѣ смѣлость обратиться къ Вашему Императорскому Высочеству со всепокорнѣйшимъ письмомъ моимъ, и я не дерзаю усомниться въ великодушномъ оной прощеніи. Повергаю въ милостивое воззрѣніе Вашего Императорскаго Высочества несчастное положеніе отставленнаго отъ службы, по Высочайшему приказу декабря 7 дня 1818 года, за дурное поведеніе, инженеръ-подполковника Герасимова. Не имѣвъ его въ худомъ замѣчаніи прежде, поручилъ я генералу-маіору барону Вреде удостовѣриться въ его поведеніи, ибо бѣдное состояніе большого семейства требовало сожалѣнія. Письмо его въ копіи у сего имѣю счастіе представить. Доставляя случай оказать и справедливость, и благотвореніе, я дѣлаю угодное Вашему Императорскому Высочеству. Просить о правосудіи я обязанъ!"

Сущность письма Вреде сводилась къ тому, что онъ, Вреде, всегда зналъ Герасимова за человѣка порядочнаго.

„Я получилъ письмо Вашего Высокопревосходительства—отвѣчалъ Николай Павловичъ—въ которомъ изъясняете мнѣ положеніе отставленнаго отъ службы, по

Высочайшему приказу, за дурное поведеніе, инженеръ-подполковника Герасимова. Такъ какъ Вы полагаете, что офицеръ сей страждетъ несправедливо, то считаю нужнымъ изъяснить Вашему Высокопревосходительству, что, принявъ начальство надъ инженернымъ корпусомъ, старался я, сколь возможно, избавить хорошихъ офицеровъ онаго отъ недостойныхъ товарищей, дабы тѣмъ возбудить ревнованіе въ первыхъ. Въ семъ не могъ я руководствоваться иначе, какъ атестаціею частныхъ начальниковъ, коимъ хорошія и дурныя качества подчиненныхъ должны быть извѣстны. Подполковникъ Герасимовъ атестованъ былъ начальникомъ инженеровъ 2-й арміи, генералъ-маіоромъ Ферстеромъ, весьма непохвальнымъ образомъ, и, вслѣдствіе принятаго мною намѣренія, представленъ къ исключенію изъ службы. Ваше Высокопревосходительство согласитесь со мною, что теперь, хотя генералъ-маіоръ Вреде и хорошо относится о подполковникѣ Герасимовѣ, но, какъ онъ не былъ его начальникомъ, то и не извѣстно ему прежнее его поведеніе и служба, а потому и засвидѣтельствованіе его не можетъ перевѣсить атестаціи генералъ-маіора Ферстера. Невозможность, въ коей нахожусь по симъ причинамъ помочь подполковнику Герасимову принятіемъ его опять въ службу, заставляетъ меня тѣмъ болѣе чувствовать несчастное положеніе семейства его, которому желая помочь, сколько отъ меня зависитъ, прошу покорнѣйше Ваше Высокопревосходительство доставить мнѣ къ тому случай“. . . . .

Въ октябрѣ 1821 года послѣдовало напоминаніе генералъ-инспектора частнымъ начальникамъ, „*кои бы, изъ предосудительнаго снисхожденія, захотѣли атестовывать подчиненныхъ ненадлежащимъ образомъ* (кур. подл.)—съ такихъ наистрожайше буду взыскивать, если впослѣдствіи откроется, что хорошая атестація ихъ не соотвѣтствуетъ поведенію и усердію офицеровъ“.

Въ томъ же году, въ ноябрѣ, командиръ грузинскаго инженернаго округа представилъ на двухъ гарнизонныхъ

инженеровъ кондуитные и формулярные списки. Разсматривая эти документы, Великій Князь замѣтилъ, что по кондуитамъ у обоихъ офицеровъ значатся пороки, по которымъ они не могутъ оставаться на службѣ, а по формулярамъ—оба признаются достойными къ повышенію по службѣ. Послѣдовалъ жестокій разносъ.

Убѣдясь изъ приведенныхъ и аналогичныхъ съ ними примѣровъ, что начальство зачастую чрезмѣрно снисходительно къ подчиненнымъ, Николай Павловичъ, въ февралѣ 1823 года, установилъ между прочимъ небывалый до того порядокъ въ отношеніи лишенія и возвращенія унтеръ-офицерскаго званія: оставивъ въ силѣ власть различныхъ частныхъ начальниковъ, имѣвшихъ право лишать этого званія, онъ воспретилъ имъ вновь производить разжалованныхъ иначе какъ съ предварительнаго разрѣшенія генералъ-инспектора.

Несоотвѣтствіе письменныхъ на различныхъ чиновъ свѣдѣній съ дѣйствительностью заставили Великаго Князя внимательно изучать таковыя, изучать во всѣхъ отношеніяхъ и при томъ каждый разъ, когда такіе документы бывали ему представляемы. Найденныя ошибки никогда не оставлялись безъ послѣдствій. Такъ, разсматривая послужный списокъ унтеръ-офицера 1-го піонернаго баталіона Лепехина, представленнаго къ производству въ офицеры, и увидѣвъ, что Лепехинъ представленъ за 7 мѣсяцевъ до положеннаго срока, Великій Князь объявилъ по корпусу, чтобы „подобныхъ упущеній не было; въ противномъ же случаѣ всякая невѣрность таковыхъ списковъ... сочтена будетъ умышленною и взыщу за нее строго“...

Даже и по вступленіи на престолъ, Николай Павловичъ провѣрялъ иногда атестаціи на инженерныхъ офицеровъ. Напримѣръ, въ февралѣ 1827 года Михаилъ Павловичъ испрашивалъ Высочайшее соизволеніе на увольненіе отъ службы „по домашнимъ обстоятельствамъ“ инженеръ подпоручика Сатулина, согласно прошенію послѣдняго. Государь потребовалъ кондуитъ Сатулина, а

въ немъ увидѣлъ, что названный офицеръ атестованъ какъ нерадѣющій къ службѣ и какъ человѣкъ нетрезвый. Отъ генералъ-инспектора были затребованы объясненія, сущность коихъ свелась къ тому, что Сатулинъ послѣ атестаціи „оказалъ нѣкоторое исправленіе". Николай Павловичъ указалъ, что обыкновеннымъ порядкомъ, а не исключеніемъ, Сатулинъ можетъ быть уволенъ со службы только въ томъ случаѣ, „если онъ останется на службѣ и совершеннымъ исправленіемъ поведенія заслужитъ одобренія начальства".

Слѣдя за тѣмъ, чтобы недостойные не выдвигались и даже не оставлялись на службѣ, Николай Павловичъ не пропускалъ безъ провѣрки также и представленій карательнаго характера.

Въ іюнѣ 1819 года командиръ грузинскаго инженернаго округа, генералъ-маіоръ Хотяевъ, донесъ инспектору инженернаго корпуса Опперману, что состоящій при Тифлисской инженерной командѣ поручикъ Набгольцъ „не подаетъ ни малѣйшей надежды къ исправленію себя, хотя ему неоднократно дѣлаемы были строжайшіе командиромъ команды выговоры, и какъ на него возлагались нѣкоторыя по службѣ порученія, изъ коихъ ни одно не выполнено; сверхъ того, поведенія развратнаго и неоднократно замѣченъ въ буйствѣ". Опперманъ представилъ о переводѣ Набгольца въ другую службу или о полномъ его увольненіи. Великій Князь прежде всего затребовалъ формуляръ поручика и, лишь убѣдившись по таковому, что Набгольцъ находился подъ судомъ за утрату казенныхъ денегъ, а послѣ помилованія Государемъ, вновь былъ замѣченъ въ дурномъ поведеніи и отставленъ отъ производства въ слѣдующій чинъ, согласился на его исключеніе изъ службы.

Въ апрѣлѣ 1823 года управляющій дунайскимъ инженернымъ округомъ, генералъ-маіоръ Лехнеръ, представилъ по командѣ просьбу полевого инженеръ-капитана Быстринскаго о переводѣ его во внутреннюю стражу, свидѣтельствуя со своей стороны, что проситель не мо-

жетъ продолжать службу въ инженерномъ корпусѣ по болѣзни. Когда дѣло дошло до Николая Павловича, онъ ознакомился съ кондуитомъ Быстринскаго, въ которомъ значилось, что послѣднiй „по службѣ требуетъ побужденiя; въ пьянствѣ иногда замѣченъ, въ хозяйствѣ посредственененъ"; въ формулярѣ же стояло: „за неисправность по службѣ къ повышенiю не атестуется". Усматривая изъ этого, что указываемая Лехнеромъ болѣзнь является лишь „предлогомъ", чтобы отдѣлаться отъ нерадиваго подчиненнаго, Великiй Князь приказалъ объявить генералу выговоръ, а капитана предупредить, „что ежели черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ сего не исправится, то будетъ представленъ къ отставкѣ отъ службы". Вмѣстѣ съ тѣмъ было приказано о поведенiи Быстринскаго доносить генералъ-инспектору ежемѣсячно.

На сей разъ догадка Великаго Князя не оправдалась: вскорѣ Лехнеръ донесъ, что Быстринскiй одержимъ „временнымъ помѣшательствомъ ума" и помѣщенъ въ Тираспольскiй военный госпиталь. Тогда Николай Павловичъ тотчасъ же испросилъ Высочайшее повелѣнiе о помѣщенiи больного въ московскую психiатрическую лечебницу, гдѣ его и вылечили. Затѣмъ, онъ былъ уволенъ отъ службы уже по прошенiю.

Въ маѣ 1821 года, освѣдомившись о недовольствѣ мѣстнаго начальства инженеръ-капитаномъ Семеновымъ, состоявшимъ при работахъ въ Царскомъ Селѣ, генералъ-инспекторъ приказалъ запросить управляющаго названнымъ городомъ, генерала Захаржевскаго, признаетъ ли онъ возможнымъ оставить Семенова при его обязанностяхъ. Отвѣтъ получился отрицательный, а мотивы—нетрезвость и нерадѣнiе. Неудовлетворившись этимъ, Николай Павловичъ приказалъ узнать мнѣнiе о Семеновѣ нѣкоего Е. А. Энгельгарда (кажется—директора лицея), бывшаго начальника названнаго офицера. Этотъ отвѣтилъ, что самъ никогда и ни въ чемъ дурномъ Семенова не замѣчалъ, хотя, впрочемъ, знаетъ его мало. А пока велась приведенная переписка, Семеновъ былъ уволенъ отъ

службы Высочайшимъ приказомъ. Прочитавъ послѣдній, Великій Князь тотчасъ же приказалъ запросить Захаржевскаго, кто представилъ инженернаго офицера къ увольненію? Завязалась длинная переписка, доходившая до начальника главнаго штаба, центръ тяжести которой крылся въ стремленіи побудить Великаго Князя примириться съ совершившимся фактомъ. Не безъ возраженій послѣдовало на то согласіе генералъ-инспектора, но и послѣ такого согласія Николай Павловичъ просилъ князя П. М. Волконскаго дать ему соотвѣтственныя по дѣлу разъясненія, ибо „совершенно неизвѣстно, кѣмъ представленъ онъ къ отставкѣ *мимо своего начальства*“ (курс. подл.).

Вообще, пристижъ инженернаго начальства Великій Князь поддерживалъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Такъ, по поводу жалобы херсонскаго военнаго губернатора о томъ, что командиръ тираспольской инженерной команды не исполнилъ его приказанія относительно производства извѣстной работы, Николай Павловичъ отозвался, что „по заведенному въ инженерномъ вѣдомствѣ порядку, подполковникъ Корольковъ не могъ исполнить предписанія, не имѣвъ на то приказанія отъ своего начальства, *которое одно имѣетъ право предписывать производство какихъ-либо работъ и располагать инженерными суммами*“ (кур. подл.).

Внимательно провѣряя служебныя качества увольняемыхъ изъ корпуса инженерныхъ офицеровъ, Николай Павловичъ дѣлалъ то же и при пріемѣ на службу отставныхъ. Протекція въ такихъ случаяхъ никакой роли не играла. Въ 1820 году, когда всесильный генералъ-адъютантъ князь Волконскій обратился къ Его Высочеству съ частной просьбою принять въ инженерный корпусъ подполковника Яростина, служившаго въ этомъ корпусѣ до 1817 года, генералъ-инспекторъ, ознакомившись по документамъ съ личностью княжескаго протеже, отвѣтилъ: „Къ переводу сему не могу я изъявить своего согласія, ибо подполковникъ Яростинъ недовольно имѣетъ

познаній для инженернаго офицера, и переводъ его отнялъ бы вакансію у достойнѣйшихъ въ инженерномъ корпусѣ офицеровъ".

Изъ эпизодовъ съ Набгольцемъ и Быстринскимъ было видно, что частные начальники нерѣдко возбуждали ходатайства о переводѣ инженерныхъ офицеровъ въ иного рода службу. Практиковался и пріемъ перевода полевыхъ инженеровъ—за дурное поведеніе и за нерадивость—въ инженеры гарнизонные. Однако, такой порядокъ держался не долго, а въ 1838 году послѣдовало строжайшее запрещеніе переименовывать полевыхъ инженеровъ въ гарнизонные за дурное поведеніе, при чемъ проводилась та мысль, что въ гарнизонные инженеры зачисляются лица, *научныя* познанія коихъ, а не *нравственныя* качества, малы для инженера полевого *).

Въ стремленіи хорошо знать личный составъ инженернаго корпуса, и при томъ не только въ отношеніи нравственныхъ качествъ каждаго подчиненнаго, но и въ отношеніи познаній хотя бы старшихъ офицеровъ въ области инженернаго искусства, Николай Павловичъ, еще въ мартѣ 1818 года, отдалъ приказъ: ,,Желая знать о полковникахъ, подполковникахъ и капитанахъ инженернаго корпуса не только, каково они ведутъ себя по службѣ, что и показывается установленнымъ порядкомъ въ формулярныхъ и кондуитныхъ спискахъ, но и познанія и способности каждаго, предписываю о сихъ чинахъ нынѣ же, безъ отлагательства донести мнѣ: какія именно познанія теоретическія и практическія по службѣ инженерной каждый изъ нихъ имѣетъ''. Конечно, такія донесенія служили только матеріаломъ для ознакомленія съ подчиненными въ указанномъ направленіи, провѣрявшимися при объѣздахъ крѣпостей и войскъ; но несомнѣнно, что въ концѣ концовъ Николай Павловичъ

*) А, № 172—1819, 1—12; № 51—1823, 4, 8, 9, 14; № 50—1820, 7; № 95—1821, 1—20; Д, № 8—1832, 21; Ф, № 62—1818, 1—4, 44, № 55—1818, 20—24; № 15—1826, 136—141; Приказы 1821, №№ 10, 34, 38, 48, 50, 1836 № 39.

зналъ очень многихъ и зналъ, чего можно отъ нихъ требовать и ожидать. Такъ. имѣя въ виду особо серьезныя задачи, онъ самолично назначалъ для ихъ выполненія инженерныхъ офицеровъ, не стѣсняясь ихъ мѣстомъ жительства и служебными обязанностями. Напримѣръ, въ августѣ 1829 года, Государь лично избралъ строителя ревельскихъ укрѣпленій, полковника Фельдмана, для выполненія временного порученія по составленію проекта укрѣпленія Брестъ-Литовска и Тирасполя, а въ іюлѣ 1831 года поручилъ проектировать укрѣпленіе Гродны строителю Динабурга, генералъ-маіору Клименку. Характерно, что, въ бытность генералъ-инспекторомъ, уѣзжая по временамъ заграницу и передавая при этомъ почти всѣ свои права Опперману, Великій Князь всегда отставлялъ за собою право представленія офицеровъ къ производству, а также право объявленія имъ благодарностей и выговоровъ. Зная почти всѣхъ и каждаго, онъ не рѣшался передовѣрять другому оцѣнку ихъ службы.

Интересуясь познаніями подчиненныхъ, Николай Павловичъ естественно заботился о томъ, чтобы офицеры инженернаго корпуса по возможности слѣдили за наукой, поддерживали и обновляли свои спеціальныя знанія. Всѣмъ инженернымъ офицерамъ, безъ различія чиновъ, во время пребыванія въ Петербургѣ дозволялось слушаніе лекцій въ офицерскихъ классахъ главнаго инженернаго училища. Въ 1826 году приступлено было къ изданію „Инженерныхъ Записокъ“, съ поощреніемъ авторовъ, до объявленія Высочайшихъ благоволеній „за отлично усердное участіе въ изданіи“. Было установлено заданіе офицерамъ для разработки особыхъ спеціальныхъ темъ.

По поводу послѣдней мѣры, въ проведеніи которой въ жизнь принялъ ближайшее участіе Великій Князь Михаилъ Павловичъ, замѣчу, что въ 1838 году инженерному отдѣленію военно-ученаго комитета было Высочайше указано составлять для офицеровъ всего корпуса особыя задачи, преслѣдуя систему постепеннаго перехода

отъ болѣе простыхъ къ болѣе сложнымъ темамъ. На первое время рекомендовалось вырабатывать задачи, „не требующія пособія тѣхъ наукъ, которыя еще мало распространены въ инженерномъ корпусѣ, и только впослѣдствіи, съ постепеннымъ распространеніемъ таковыхъ наукъ между офицерами, предлагать къ рѣшенію ихъ болѣе сложные вопросы“. Одновременно съ этимъ офицеры были оповѣщены приказомъ по корпусу, что съ новой мѣрою „соединена польза собственно ихъ образованія, составляющаго залогъ будущихъ успѣховъ ихъ по службѣ“.

Чтобы облегчить работу въ этомъ направленіи, Государь повелѣлъ завести при инженерныхъ командахъ важнѣйшихъ крѣпостей, при каждой саперной бригадѣ, при гвардейскомъ, учебномъ и кавказскомъ саперныхъ баталіонахъ и при конно-піонерныхъ эскадронахъ—особыя техническія библіотеки.

Всѣ рѣшенія задачъ обязательно разсматривались въ инженерномъ отдѣленіи военно-ученаго комитета, а результаты разсмотрѣнія помѣщались въ приказахъ по корпусу. За лучшія рѣшенія объявлялись Монаршія благоволенія. Такъ, въ 1845 году Монаршаго благоволенія удостоились по этому поводу полевой инженеръ-капитанъ Кори и адъютантъ Геруа—капитанъ Тизенгаузенъ.

Помимо обязательныхъ задачъ, были приняты мѣры и къ тому, чтобы офицеры занимались разработкой спеціальныхъ вопросовъ, слѣдуя собственнымъ вкусамъ и влеченіямъ. Мѣры эти заключались въ поощреніяхъ.

Въ 1847 году инженеръ-капитанъ Кори представилъ генералъ-инспектору рукопись „Описаніе новой системы оборонительныхъ башенъ“, а также модели таковыхъ. Трудъ былъ переданъ въ военно-ученый комитетъ, въ заключеніи котораго указывалось, „что предлагаемая въ сочиненіи система крѣпостныхъ верковъ и ихъ обороны заключаетъ въ себѣ нѣсколько оригинальныхъ идей, вполнѣ достойныхъ вниманія инженеровъ и артилеристовъ, и что капитанъ Кори обнаруживаетъ въ своемъ

сочиненіи разнообразныя познанія и любовь къ инженернымъ наукамъ". Объ этомъ было доложено Царю, и Его Величество, „удостоивъ разсмотрѣнія сочиненіе капитана Кори, изъявилъ Высочайшее соизволеніе на напечатаніе сего труда, съ выдачею на сей предметъ 500 руб. сер. Въ поощреніе же капитана Кори къ научнымъ занятіямъ и въ вознагражденіе за понесенныя имъ на устройство пояснительныхъ моделей издержки", Государь повелѣлъ выдать ему 1.000 руб. сер. „оставивъ самыя модели для храненія въ Инженерномъ замкѣ". Въ январѣ же 1851 года „Государь Императоръ съ особымъ удовольствіемъ разсматривалъ чертежи, *посвященные Его Величеству г.г. офицерами инженернаго корпуса*", и приказалъ отдать въ приказѣ по корпусу Монаршее благоволеніе цѣлому ряду офицеровъ, гдѣ были и генералы, и подпоручики.

Любопытенъ слѣдующій фактъ, свидѣтельствующій, какъ доброжелательно относился Государь къ трудамъ инженерныхъ офицеровъ, кои предпринимались по ихъ личной инціативѣ, и какъ деликатенъ онъ былъ въ тѣхъ случаяхъ, когда эти труды, исходившіе отъ заслуженныхъ лицъ, оказывались не вполнѣ удовлетворительными.

Въ 1840 году знаменитый саперъ—генералъ Шильдеръ *), подалъ генералъ-инспектору обширную записку

*) Карлъ Андреевичъ Шильдеръ родился въ 1785 году. Лютеранинъ, изъ дворянъ витебской губерніи, въ службу вступилъ унтеръ-офицеромъ въ 1802 году, а въ 1806 году произведенъ въ подпоручики 2-го піонернаго баталіона. Въ 1820 году—командиръ этого баталіона. Въ 1826 году переведенъ лейбъ-гвардіи въ саперный баталіонъ, а въ 1828 году назначенъ командиромъ этой части. Съ 1833 года генералъ-адъютантъ, съ 1836 года—начальникъ инженеровъ гвардейскаго корпуса, съ 1843 года—состоялъ при генералъ-инспекторѣ по инженерной части, съ 1850 года—начальникъ инженеровъ дѣйствующей (западной) арміи. Скончался отъ раны, полученной подъ Силистріей, въ 1854 году. Участвовалъ въ кампаніяхъ. 1805, 1828—1829 (за взрывъ 2-го бастіона крѣпости Варны награжденъ орденомъ Св. Георгія 4 ст., а за осаду Силистріи—Св. Георгія 3 ст.), 1831 (за дѣло подъ Тикочиномъ получилъ золотую съ алмазами шпагу) и 1854 г. г.

о способахъ усиленія укрѣпленій на Кавказѣ, т. е. записку, касавшуюся весьма тогда моднаго вопроса. Михаилъ Павловичъ представилъ трудъ Шильдера Государю съ ходатайствомъ о командированіи его автора на Кавказъ для осуществленія предложеній на практикѣ. Императоръ, внимательно прочитавъ записку, призналъ мысли Шильдера отъ начала до конца неудачными, а его командированіе на мѣсто совершенно излишнимъ. Однако, этотъ строгій приговоръ вылился въ такой деликатной формѣ: „По роду войны въ томъ краѣ и по мѣстнымъ обстоятельствамъ вообще, предложенныя симъ генераломъ средства не могутъ быть употреблены съ ожидаемою имъ пользою въ видахъ обороны, а особенно наступленія противъ горскихъ племенъ". Отдавая же „должную справедливость новому доказательству постоянной ревности" генерала, Николай Павловичъ повелѣлъ объявить Шильдеру „особое Государя Императора благоволеніе за отличное его усердіе" **).

Заботясь объ освѣженіи и расширеніи познаній въ средѣ инженерныхъ офицеровъ, Императоръ и самъ внимательно слѣдилъ за успѣхами инженерной науки, изучая почти всѣ новыя серьезныя сочиненія, или приказывая докладывать себѣ „любопытнѣйшія мѣста" изъ оныхъ. Въ послѣднемъ случаѣ онъ самъ указывалъ лицъ для такой работы. Въ 1832 году Государь возложилъ подобную задачу на генералъ-маіора Христіани по поводу сочиненія капитана Шумера „Mémoirs sur la fortification", сочиненія, предварительно имъ просмотрѣннаго, ибо отдѣлы для доклада были указаны Его Величествомъ. Въ ноябрѣ 1830 года онъ прислалъ генералу Опперману для разсмотрѣнія и доклада сочиненіе нѣмца Броке о минеральной смазкѣ для предохраненія строеній отъ сырости. Въ 1843 году Государь передалъ генералъ-адъютанту Герyа сочиненіе бельгійца Гертога о новой системѣ

**) Ж, № 100—1847, 1,2; З, № 67—1835, 1; И, № 28—1831, 9; Л, № 27—1842, 2; Приказы 1818, № 11; 1820, № 58; 1838, № 22; 1845, № 33; 1851, № 3; 1853, № 20; Максимовскій, 30.

обороны крѣпостей и т. д. Не лишнее замѣтить, что послѣдній авторъ настаивалъ на необходимости перехода отъ бастіоннаго начертанія къ „кругообразнымъ“ укрѣпленіямъ, на соотвѣтственности замѣны флангового огня „затыльнымъ“, а дальняго пушечнаго огня—ближнимъ мортирнымъ и на своевременности перехода отъ каменныхъ оборонительныхъ верковъ къ землянымъ. Сочиненіе это было въ инженерномъ департаментѣ разобрано отъ начала до конца и отъ начала до конца мысли автора были разбиты въ пухъ и въ прахъ. Внимательно прочитавъ разборъ и найдя таковой весьма поучительнымъ, Государь приказалъ напечатать его въ „Инженерныхъ Запискахъ“.

По нѣкоторымъ научнымъ трудамъ Государь требовалъ введенія заключавшихся въ нихъ свѣдѣній въ курсы главнаго инженернаго училища; напримѣръ, въ маѣ 1827 года, прочитавъ книгу „Тулонскія морскія работы“, Его Величество направилъ ее для указанной цѣли Опперману. Нѣкоторыя же сочиненія рекомендовалъ какъ пособія дѣятелямъ строительнаго дѣла. Когда въ 1842 году при устройствѣ въ башнѣ № 4 Кіевской крѣпости артезіанскаго колодца сломался на значительной глубинѣ буръ и мѣстные производители работъ затруднились извлечь таковой, Императоръ приказалъ „работу непремѣнно продолжать, ибо способы доставать сломанные бурова извѣстны и съ успѣхомъ употреблялись въ Парижѣ“, описаніе каковыхъ работъ и рекомендовалъ выписать изъ Франціи.

Будучи генералъ-инспекторомъ, Николай Павловичъ нерѣдко занимался въ Инженерномъ замкѣ, въ которомъ учредилъ особую, независившую отъ департамента, „собственную“ чертежную. Въ ней постоянно работало пять кондукторовъ, коимъ, между прочимъ, Великій Князь приказалъ отпускать обѣды и ужины изъ главнаго инженернаго училища за счетъ суммы, находившейся въ непосредственномъ распоряженіи Его Высочества. Въ эту чертежную генералъ-инспекторъ передавалъ различ-

ные чертежи и рисунки, въ ихъ числѣ и своей собственной работы, а также многія модели крѣпостныхъ сооруженій. Впослѣдствіи направленіе въ Инженерный замокъ моделей продолжалось, и Государь нерѣдко пріѣзжалъ для обзора ихъ. Въ апрѣлѣ 1845 года, при осмотрѣ Его Величествомъ установленной въ замкѣ модели Новогеоргіевска, кто-то изъ свиты выразилъ мысль о желательности помѣстить тамъ же копіи съ видовъ Новогеоргіевска, имѣвшихся въ царскосельскомъ дворцѣ. Государь немедленно приказалъ передать въ Инженерный замокъ всѣ оригиналы помянутыхъ картинъ, писанныхъ масляными красками, въ числѣ одинадцати. Затѣмъ, въ маѣ 1849 года Царь прислалъ въ Инженерный замокъ двѣ картины художника Залевскаго, изображавшія крѣпость Замосцье, а въ маѣ 1851 года—двѣ картины того же письма по крѣпости Бобруйску.

О томъ, насколько Николай Павловичъ находился въ курсѣ производства работъ по русскимъ крѣпостямъ, придется говорить не мало. Тутъ же отмѣчу, что у Государя имѣлся „принадлежащій собственно Его Величеству“ атласъ чертежей всѣхъ крѣпостей, который отъ поры до времени направлялся имъ въ чертежную инженернаго департамента для перемѣны листовъ, требовавшихъ, по ходу крѣпостного дѣла, измѣненій, или пополненій *).

Одновременно съ проявленіемъ большой заботливости въ области поднятія въ инженерномъ корпусѣ образовательнаго ценза, Николай Павловичъ не менѣе прилагалъ труда и къ проведенію въ жизнь мѣръ характера воспитательнаго.

Для пресѣченія практиковавшихся ранѣе злоупотребленій при строительныхъ работахъ, злоупотребленій, вошедшихъ въ обычай и даже непочитавшихся за беззаконныя, Великій Князь еще въ 1821 году, не ожидая

*) А, № 102—1832, 1—3; Б, № 14—1828,8; № 54—1832, 1—2; Ж, № 94—1845, 2, 5, 8; № 67—1849, 1; № 15—1850, 1—4; № 86—1851, 1; И, № 71—1832, 1; К, № 97—1842, 18; Л, № 118—1843, 1—5; Т, № 24—1849, 1.

выработки соотвѣтственнаго „устава“, преподалъ окружнымъ инженернымъ командирамъ „главныя правила“, въ которыхъ по разсматриваемому вопросу рекомендовалъ рачительно преслѣдовать медлительность подчиненныхъ, производство расходовъ не по прямому назначенію, пріемку плохихъ матеріаловъ, „напрасное“ притѣсненіе поставщиковъ и рабочихъ, наемъ вольныхъ рабочихъ тамъ, гдѣ можно обойтись казенными, растраты казенныхъ денегъ и т. д. „Окружной командиръ — писалъ Великій Князь—освѣдомясь о поступкѣ, тщательно различаетъ, отъ чего оный произошелъ: отъ вреднаго ли умысла, или нѣтъ“, и о результатахъ такихъ разслѣдованій во всякомъ случаѣ доноситъ генералу-инспектору. Но одновременно съ преслѣдованіемъ злоупотребленій, въ обязанность мѣстнаго начальства ставилось и наблюденіе за случаями обратнаго значенія. „Окружной командиръ долженъ быть столь внимателенъ къ службѣ каждаго подчиненнаго ему чиновника, чтобы ни одинъ подвигъ, доказывающій отличное благоразуміе, стараніе и принесшій казнѣ пользу, не оставался неизвѣстнымъ начальству“.

Кромѣ этого документа, цѣлый рядъ приводимыхъ ниже приказовъ и предписаній генералъ-инспектора не можетъ разсматриваться иначе, какъ *наставленія* пекущагося о пользѣ дѣла начальника, какъ наставленія суровыя, но всегда высокопоучительныя. Отмѣтимъ тутъ же хотя бы такой эпизодъ.

Въ 1820 году противъ командира херсонскаго инженернаго округа, генералъ-маіора Федорова, возникло обвиненіе въ злоупотребленіяхъ при назначеніяхъ крѣпостныхъ арестантовъ на инженерныя работы. На дѣлѣ оказалось, что Федоровъ виновенъ только въ отступленіи отъ принятыхъ формальностей. Генералъ-инспекторъ по этому поводу отдалъ по корпусу приказъ, въ коемъ между прочимъ писалъ: „Если бы генералъ-маіоръ Федоровъ держался какъ слѣдуетъ имѣющимся объ арестантахъ постановленіямъ, то не навлекъ бы на себя

предосудительныхъ чести его подозрѣній; а потому и нахожу нужнымъ сдѣлать ему за сіе выговоръ, рекомендуя впредь избѣгать неосновательныхъ поступковъ, кои въ сущности, хотя и не преступны, но наружностью не согласуются съ достоинствомъ чина его и занимаемаго мѣста и до воспослѣдованія объясненія и оправданія оставляющихъ его въ неблагопріятномъ видѣ".

Между тѣмъ, вскорѣ послѣ этого, на того же генерала Федорова министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Кочубей, принесъ новую жалобу, сущность которой заключалась въ томъ, что онъ, „безъ большой осмотрительности", освобождаетъ пріуроченныхъ къ крѣпостнымъ работамъ бродягъ, и что результатомъ этого явились различныя безчинства, до поджоговъ включительно. Николай Павловичъ приказалъ немедленно произвести строжайшее разслѣдованіе дѣла, а затѣмъ, усмотрѣвъ изъ слѣдственнаго производства, что Федоровъ и тутъ можетъ быть обвиненъ только въ небрежности, отдалъ приказъ по корпусу, въ которомъ, между прочимъ объявилъ во всеобщее свѣдѣніе: „Предписываю г.г. окружнымъ командирамъ вмѣнить себѣ въ строгую обязанность, дабы безъ достаточныхъ доказательствъ и доколѣ сами дѣйствительно не удостовѣрятся въ исправленіи поведенія бродягъ, въ крѣпостныя работы отдаваемыхъ, не дѣлали своихъ представленій объ освобожденіи ихъ и не позволяли бы себѣ таковыми неосторожными распоряженіями обращать напрасно Монаршее благотвореніе на людей таковыхъ, кои, бывъ обращены въ общество, по закоснѣлости своей въ порокахъ, могутъ болѣе сдѣлать ему вреда, нежели пользы. Въ противномъ же случаѣ, за всякое по предмету сему послабленіе, а тѣмъ болѣе еще пристрастіе, неупустительно взыскано будетъ по всей строгости законовъ съ того, по засвидѣтельствованію чьему таковые, не совершенно исправившіеся въ поведеніи, уволены будутъ отъ крѣпостныхъ работъ".

Прошло немного времени и въ рукахъ Николая Павловича оказались дополнительные по этому дѣлу доку-

менты, изъ коихъ Великій Князь усмотрѣлъ „новое обстоятельство, обвиняющее инженерное начальство въ освобожденіи отъ крѣпостныхъ работъ однихъ только незнающихъ никакого мастерства бродягъ, а что прочіе затѣмъ, хотя бы и дѣйствительно были хорошаго поведенія, не представляются вовсе къ освобожденію". Поборникъ справедливости прежде всего, Николай Павловичъ былъ сильно возмущенъ обнаруженнымъ, поставилъ это „на видъ" генералу Опперману „яко директору инженернаго департамента", приказалъ принять строжайшія мѣры къ искорененію подобныхъ злоупотребленій, а Федорова отрѣшилъ отъ должности и предалъ военному суду.

Почтенный исторіографъ инженернаго департамента, А. И. Савельевъ, отмѣчая крайнюю заботливость Великаго Князя и Императора по отношенію къ инженерному корпусу, увѣряетъ, будто Николай Павловичъ относился къ инженернымъ офицерамъ всегда болѣе нежели снисходительно. „Никто изъ инженеровъ—пишетъ онъ—не былъ преданъ суду; никто не былъ разжалованъ". Не входя въ разборъ этого увѣренія, въ смыслѣ правильности масштаба отношеній, замѣчу лишь, что оно совершенно невѣрно по существу. Николай Павловичъ никогда не мирволилъ инженернымъ офицерамъ; попустительства никогда не было; за виною, серьезной и доказанной, всегда слѣдовала кара строгая и справедливая. Достаточно указать, что случаевъ увольненія инженерныхъ офицеровъ отъ службы, случаевъ преданія ихъ военному суду и даже случаевъ разжалованья въ солдаты, при которыхъ Великій Князь и Императоръ былъ непосредственнымъ тому иниціаторомъ, можно найти не мало. Вотъ маленькій синодикъ инженерныхъ офицеровъ, для составленія котораго особыхъ изысканій мною не дѣлалось; онъ получился попутно, при разсмотрѣніи документовъ, интересныхъ въ другихъ отношеніяхъ. Уволены отъ службы безъ прошеній: въ 1818 году—подполковникъ Герасимовъ и поручикъ Елкашевъ; въ 1821 году—

полковникъ Карповъ, капитаны Леоновъ, Васильевъ 1-й и Васильевъ 2-й, подпоручикъ Юлинъ и прапорщикъ Баушкинъ; въ 1825 году—подполковникъ Сеславинъ; въ 1826 году—подпоручикъ Федоровъ и прапорщикъ Лещовъ; въ 1828 году—штабсъ-капитанъ Прохоровъ и т. д. Преданы военному суду: въ 1819 году—подпоручикъ Рыбинъ; въ 1820 году—подполковникъ Литовъ; въ 1821 году—подполковникъ баронъ Шаумбургъ; въ 1823 году—генералъ-маіоръ Федоровъ, полковникъ Корольковъ, подполковникъ Багговутъ, капитаны Катцъ и Ждановъ, подпоручикъ Годеніусъ и т. д. Разжалованы въ рядовые: въ 1819 году—подпоручикъ Рыбинъ; въ 1822 году—подпоручикъ Годеніусъ; въ 1825 году—капитанъ Леоновъ; въ 1834 году—прапорщикъ князь Урусовъ.

Еще въ февралѣ 1818 года генералъ-инспектору по инженерной части было предоставлено право „предавать суду подвѣдомственныхъ чиновниковъ до генерала, и утверждать окончательные приговоры по всѣмъ дѣламъ, по коимъ подсудимый не будетъ подлежать лишенія жизни и чиновъ“. И право это не оставалось мертвой буквою, а къ дѣламъ судебнымъ Николай Павловичъ относился съ глубочайшимъ вниманіемъ, входя всегда во всѣ подробности. Приведу хотя бы два примѣра.

Въ сентябрѣ 1819 года Великому Князю было представлено на утвержденіе судное дѣло, сущность коего заключалась въ слѣдующемъ.

Въ крѣпости Фанагоріи служили два инженерныхъ офицера: подпоручикъ Рыбинъ и прапорщикъ Ерихонскій. Оба одинаково сильно ухаживали за дочкой мѣстнаго цейхвартера Миронова, но первый безуспѣшно, а второй какъ будто и съ успѣхомъ. 1 Августа, по случаю праздника, оба офицера кутнули и въ возбужденномъ состояніи встрѣтились у дома своего предмета. Сначала переругались между собою, затѣмъ оба изругали мать Мироновой, а вернувшись домой на общую квартиру, вступили въ рукопашную. Рыбинъ схватился за шпагу и „имѣлъ намѣреніе уязвить въ грудь, но не попавъ,

ударилъ оною между лѣвымъ бокомъ и рукою въ полъ, отчего она переломилась надвое". Военный судъ приговорилъ Рыбина—„по силѣ воинскаго сухопутнаго устава 36-го артикула, лишить его живота, аркебузировать и взыскать денежный штрафъ". Весьма подробно, съ серіей отмѣтокъ на поляхъ, разсмотрѣвъ объемистое судное дѣло, Николай Павловичъ положилъ резолюцію: „Подпоручика Рыбина, за изложенныя въ семъ дѣлѣ преступленія, разжаловать, впредь до выслуги, въ солдаты, съ опредѣленіемъ въ піонерные баталіоны, а прапорщика Ерихонскаго, котораго поведеніе хотя также слабо, но, по молодымъ его лѣтамъ и при строгомъ начальникѣ, есть еще надежда въ исправленіи, арестовать на одинъ мѣсяцъ и отдать подъ особенный присмотръ". Кромѣ того, Великій Князь усмотрѣлъ изъ дѣла, что тутъ на лицо и другіе виновные: комендантъ крѣпости, освободившій Рыбина изъ подъ ареста до рѣшенія о немъ дѣла; затѣмъ, командиръ инженернаго округа, который, находясь въ Фанагоріи, не вошелъ въ разсмотрѣніе происшествія; наконецъ, „судопроизводитель", не предупредившій неосновательности нѣкоторыхъ заключеній военнаго суда, какъ-то: о взысканіи съ подсудимаго издержекъ за употребленные на судебное дѣло бумагу, сургучъ и холстъ (на обшивку дѣла), о наложеніи штрафа на Рыбина за безчестье Мироновой и ея дочери, которыя о томъ сами не просили, и т. п. Каждому было воздано по заслугамъ.

Въ одинъ изъ іюньскихъ дней 1821 года по улицамъ Ахтіара (Севастополя) разгуливалъ командиръ тамошней инженерной команды, подполковникъ баронъ Шаумбургъ, облаченный „въ полный мундиръ при всѣхъ орденахъ". И вотъ, „днемъ, посреди города, въ глазахъ часового, въ недалекомъ разстояніи отъ караула", на него набросился отставной маіоръ Новиковъ, „обидѣлъ разными неприличными словами и даже имѣлъ дерзость ударить нѣсколько разъ чубукомъ по эполетамъ и шляпѣ". Причина столкновенія въ достаточной мѣрѣ не выяснилась;

но наиболѣе повторявшаяся при разборѣ дѣла версія сводилась къ тому, что, гуляя по улицамъ, Шаумбургъ встрѣтился съ женою подполковника Бертье-де-ла-Гарди, во время разговора съ нею замѣтилъ экипажъ супруги отставного морского офицера Новикова и подержалъ со своею собесѣдницей пари, что экипажъ остановитъ. Затѣмъ, дѣйствительно приказалъ кучеру остановиться, „каковымъ неблагопристойнымъ поступкомъ сдѣлалъ позорище на улицѣ". Новикова тотчасъ же пожаловалась мужу, и въ результатѣ—драка. Для разслѣдованія скандала была назначена особая комисія по распоряженію морского начальства, которая повела дѣло не вполнѣ безпристрастно. Въ августѣ Николай Павловичъ писалъ херсонскому военному губернатору, графу Ланжерону: „Дошло до свѣдѣнія моего, что въ производствѣ слѣдствія... со стороны морского въ Севастополѣ главнаго начальства происходятъ разныя личности и безпорядки. Долгомъ поставляю предложить Вашему Сіятельству приказать имѣть строжайшій надзоръ надъ поступками оной комисіи, ибо порядокъ службы и честь мундира отъ того терпятъ". Тогда же Великій Князь распорядился о назначеніи въ комисію, въ качествѣ депутата отъ инженернаго вѣдомства, флигель-адъютанта полковника Мишо.

Тѣмъ временемъ Шаумбургъ и Новиковъ были преданы военному суду. Николай Павловичъ назначилъ Мишо и въ судную комисію, но тотъ въ это время умеръ. Вмѣсто него Великій Князь приказалъ командировать въ Севастополь изъ Свеаборга инженеръ полковника Клеменса, а до его прибытія—участвовать въ судѣ командиру инженернаго округа, генералъ-маіору Федорову. По окончаніи суда, чрезычайно внимательно разсмотрѣвъ все судное дѣло, Николай Павловичъ сдѣлалъ подробный письменный разборъ послѣдняго, занявшій одиннадцать страницъ. Въ разборѣ этомъ прежде всего указывалось на то обстоятельство, что судъ отклонился отъ законнаго порядка, пріобщилъ къ дѣлу массу ненужнаго матеріала и тѣмъ только запуталъ вопросъ. Вина Шаум-

бурга осталась не только недоказанной, но даже и невыясненной, тогда какъ о виновности Новикова двухъ мнѣній быть не можетъ. Иныхъ свидѣтелей, даже матросовъ, судъ къ дачѣ показаній допускалъ; другихъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, устранялъ. Въ общемъ, Великій Князь нашелъ, что Шаумбургъ виновенъ лишь въ томъ, что послѣ происшествія „искалъ предосудительнаго для чести своей свиданія съ маіоромъ Новиковымъ, къ чему побуждаемъ былъ, вѣроятно, однимъ мщеніемъ", а также въ томъ, что употреблялъ, какъ то выяснилось на судѣ, одного нижняго чина военно-рабочей роты къ услугамъ своимъ въ качествѣ кучера. Сообщая обо всемъ этомъ дежурному генералу главнаго штаба, Его Высочество указывалъ, что Шаумбурга онъ рѣшилъ уволить со службы, а о судьбѣ Новикова, какъ ему неподсуднаго, просилъ озаботиться своего кореспондента.

Карая злоупотребленія, Николай Павловичъ тщательно разбирался въ причинахъ таковыхъ и степени виновности причастныхъ къ нимъ лицъ. Каждому при этомъ воздавалось должное, по степени виновности.

Въ февралѣ 1823 года командиръ инженерной команды въ Гангутѣ, штабсъ-капитанъ Ждановъ, былъ изобличенъ въ обращеніи на работы по крѣпости запасовъ кирпича, доставшихся намъ еще отъ шведовъ, и въ показаніи по отчетамъ, будто кирпичъ покупался. По разслѣдованіи дѣла, согласно приказанію генералъ-инспектора, оказалось, что Ждановъ дѣйствовалъ по приказанію коменданта крѣпости, подполковника Веймарна. Отъ сказанной комбинаціи получилось 975 руб., изъ коихъ комендантъ 500 руб. положилъ себѣ въ карманъ, а 475 руб. были обращены Ждановымъ на постройку, безъ разрѣшенія подлежащаго начальства, бани для нижнихъ чиновъ. Веймарнъ былъ разжалованъ въ рядовые съ лишеніемъ дворянства, а Жданова Великій Князь подвергъ лишь штрафу въ 250 руб. и трехкратному обходу въ производствѣ въ слѣдующій чинъ.

Около, того же времени командиръ сибирскаго инже-

нернаго округа, полковникъ Булыгинъ, построилъ въ Омской крѣпости, безъ разрѣшенія инженернаго департамента, каменную казарму взамѣнъ ветхой деревянной. Его намѣревались предать суду. Разслѣдованіе показало, что Булыгинъ хотя и совершилъ беззаконіе, но при работахъ „дѣйствовалъ съ похвальнымъ хозяйственнымъ распоряженіемъ". Генералъ-инспекторъ по этому поводу объявилъ по корпусу: „Хорошія хозяйственныя распоряженія полковника Булыгина свидѣтельствуютъ о попеченіи его въ сохраненіи казеннаго интереса, но не перемѣняютъ сущности поступка его, который есть *самовольный и въ службѣ непозволительный* (курс. подл.), а потому дѣлаю ему по инженерному корпусу выговоръ, предписываю арестовать его на недѣлю съ содержаніемъ на гауптвахтѣ и притомъ даю знать всему инженерному корпусу, что если бы на будущее время кто либо содѣлался виновнымъ въ подобномъ сему дѣйствіи, то будетъ немедленно отрѣшенъ отъ должности и преданъ суду".

Не лишено интереса и такое слѣдственное дѣло.

Въ 1823 же году преданный Великимъ Княземъ военному суду полевой инженеръ подпоручикъ Годеніусъ былъ приговоре́нъ къ „лишенію чести" за самозванство, подлоги и вымогательства. Сущность дѣла заключалась въ томъ, что Годеніусъ, сфабриковавъ цѣлый рядъ довѣрительныхъ на свое имя документовъ отъ имени знаменитаго Аракчеева, обращавшихъ его, Годеніуса, въ тайнаго ревизора, уполномоченнаго раскрывать повсюду хищенія, притѣсненія крестьянъ, мздоимства и т. п., разъѣзжалъ по Россіи и бралъ, гдѣ придется, взятки за сокрытіе имъ обнаруженнаго. По представленію Николая Павловича, виновный былъ разжалованъ въ рядовые и посаженъ на годъ въ крѣпость.

Вообще, въ тѣ времена въ инженерномъ корпусѣ каждый зналъ, что грѣхи его безъ должнаго возмездія не останутся, что рано или поздно порокъ будетъ наказанъ. Крайне характеренъ въ этомъ отношеніи такой эпизодъ.

Въ апрѣлѣ 1826 года гарнизонный инженеръ подпоручикъ **Федоровъ** подалъ Михаилу Павловичу рапортъ, въ которомъ указывалъ, что, кончивъ курсъ главнаго инженернаго училища, онъ выпущенъ былъ въ учебный саперный баталіонъ, оттуда, „за разные предосудительные поступки“, былъ переведенъ въ 6-й піонерный, растратилъ прогоны, на новое мѣсто службы былъ водворенъ принудительнымъ порядкомъ, въ 6-мъ баталіонѣ опять совершилъ рядъ проступковъ, за таковые переведенъ въ гарнизонные инженеры, но и въ новой службѣ врядъ-ли удержится. „По склонности своей—писалъ Федоровъ—ко всѣмъ родамъ распутства, что показываетъ и самый мой кондуитъ, не могъ быть терпимъ своимъ начальствомъ и обществомъ офицеровъ. Не чувствуя же себя способнымъ когда-либо оставить свою склонность“, долженъ ожидать суда и разжалованія. „Желая избѣжать предстоящаго и ни въ чемъ не отвратимаго для меня несчастья, прошу“ увольненія отъ службы, „въ которой я, не будучи по своимъ поступкамъ полезнымъ отечеству и нанося всегдашнее неудовольствіе своему начальству, занимаю только мѣсто для достойнѣйшихъ меня офицеровъ“. По докладу рапорта Николаю Павловичу, Императоръ повелѣлъ уволить Федорова отъ службы „за нерадѣніе къ оной, дурное поведеніе и разныя шалости“.

Столь строгое отношеніе къ службѣ и къ поведенію инженерныхъ офицеровъ не осталось безъ слѣда и слѣдствія, и имѣются данныя для предположенія, что громадное большинство инженеровъ школы Николая Павловича отличалось безупречной добросовѣстностью и пользовалось прекрасною репутаціей.

Илюстрирую это предположеніе хотя бы двумя примѣрами.

Въ августѣ 1833 года главноуправляющій на Кавказѣ, баронъ Розенъ, указывая на то обстоятельство, что архитекторы, возводившіе постройки при кавказскихъ минеральныхъ водахъ, израсходовали уже 550.000 руб., а соорудили по смѣтамъ всего на 282.765 руб., и что „сіе

произошло отъ безпорядочнаго распоряженія суммами и отъ злоупотребленія", просилъ министра внутреннихъ дѣлъ возбудить ходатайство о замѣнѣ гражданскихъ архитекторовъ строителями болѣе надежными, именно— военными инженерами. Блудовъ всецѣло присоединился къ мысли барона Розена и въ свою очередь просилъ о томъ же инженерное начальство. Однако, генералъ-инспекторъ, Великій Князь Михаилъ Павловичъ, удовлетворить просьбу Блудова возможнымъ не призналъ.

Лѣтомъ 1840 года Государь приказалъ свиты Его Величества генералъ-маіору Зассу осмотрѣть работы по возведенію укрѣпленій въ Севастополѣ и произвести по нимъ негласную, но тщательную ревизію. Причина приказанія неизвѣстна. Выполнивъ Высочайшее порученіе, Зассъ, между прочимъ, донесъ военному министру: „Священнымъ долгомъ считаю свидѣтельствовать черезъ Ваше Сіятельство передъ лицомъ Августѣйшаго Монарха о замѣченныхъ мною неутомимыхъ трудахъ строителя севастопольскихъ укрѣпленій, инженеръ-полковника Павловскаго, командира оныхъ, капитана Бекъ-Булатова, и всѣхъ находящихся здѣсь при работахъ г.г. оберъ-офицеровъ инженернаго вѣдомства, тѣмъ болѣе, что о злоупотребленіяхъ и слуховъ нѣтъ, такъ какъ я сіе разными употребленными способами достовѣрно узналъ" *).

Смотря на себя какъ на воспитателя и наставника подчиненныхъ, Николай Павловичъ—генералъ-инспекторъ требовалъ такого же отношенія къ дѣлу и со стороны всѣхъ частныхъ начальниковъ, не оставляя безнаказанными какъ недосмотръ за чинами, ввѣренными попеченію послѣднихъ, такъ и отсутствіе заботливости о нихъ.

Въ августѣ 1820 года въ Перновской крѣпости уто-

А. № 55—1821, 2—4; № 173—1821, 3—6; № 90—1833, 1, 2, 8, 13; Г. № 29—1820. 35, 36, 41; Л. № 101—1840, 5; Р, № 18—1849, 32; Ф, № 13—1818, № 69—1819, 4, 13—30; № 36—1821, 45; № 43—1821, 1—4, 21, 42, 91—96, 102, № 66—1822, 2—5, 32, 35; № 15—1826, 43, 44, 58; № 75—1828, 32; 107—1828, 8; Приказы № 56—1820; № 23—1821; № 3—1823; № 16—1823; Савельевъ, 225.

Генералъ-инспекторъ по инженерной части
Великій Князь
МИХАИЛЪ ПАВЛОВИЧЪ
1825—1849 г.г.
(Съ писаннаго красками портрета изъ инженернаго комитета).

нулъ рядовой инженерной команды, а при разслѣдованіи обнаружилось, что нижніе чины этой команды купаются въ крѣпостномъ рву „не токмо въ неприличномъ мѣстѣ, но даже строго запрещенномъ, по причинѣ нечистой воды, вязкости отъ накопившейся глины и опасности отъ имѣющихся подъ водою, оставшихся отъ перемычекъ, свай". За такое отсутствіе заботливости о подчиненныхъ командиру команды, подполковнику Бражникову, Великій Князь объявилъ въ приказѣ по курпусу строжайшій выговоръ и посадилъ его на недѣлю на гауптвахту.

Въ іюнѣ слѣдующаго года, объявляя выговоръ командиру ново-финляндскаго инженернаго округа, генералъ-маіору Обручеву, за непорядки въ работахъ по крѣпости Свартгольмъ, Великій Князь писалъ: „Къ прискорбію моему безпорядки начинаютъ часто оказываться по разнымъ округамъ единственно отъ слабости г.г. окружныхъ командировъ и неумѣнія ихъ взыскивать съ подчиненныхъ; меня же оно вынудитъ сдѣлать, наконецъ, примѣръ, начавъ съ перваго виновнаго окружного командира, ибо отнынѣ объявляю, что всякій безпорядокъ въ ихъ округѣ взыщу съ нихъ первыхъ. Мнѣ тѣмъ прискорбнѣе подобно сему изъясняться съ моими подчиненными, что надѣялся, что нѣтъ уже между нихъ такихъ, которые бы не заслуживали изліянныхъ на нашъ корпусъ великихъ милостей Государя Императора; я требую отъ нихъ тѣхъ же чувствъ благодарности и усердія, которыя и меня одушевляютъ; а потому не стерплю между насъ никакого недостойнаго и марающаго нашъ мундиръ".

Въ началѣ 1822 года рядовой динабургской инженерной команды, балуясь, вскочилъ на вѣсы инженернаго вѣдомства, при чемъ подвѣсныя веревки оборвались, а коромысломъ нижняго чина убило наповалъ. Усмотрѣвъ изъ дознанія, что несчастный случай произошелъ исключительно по ветхости веревокъ, Великій Князь объявилъ командиру команды строжайшій выговоръ по корпусу.

Въ апрѣлѣ того же года Николай Павловичъ встрѣ-

тилъ на улицѣ пьянаго нижняго чина военно-рабочей роты № 7-й. Это былъ второй случай обнаруженія Его Высочествомъ нетрезваго рядового названной роты. Командира послѣдней, капитана Берлинскаго, Великій Князь арестовалъ на трое сутокъ, съ предупрежденіемъ, что если подобное повторится въ третій разъ, то Берлинскій будетъ уволенъ отъ службы. Вмѣстѣ съ этимъ командиру петербургскаго инженернаго округа, полковнику Латынину, было сдѣлано „замѣчаніе" въ приказѣ по курпусу.

Въ декабрѣ 1823 года на инспекторскомъ смотру гвардейскому саперному баталіону, произведенномъ генераломъ Опперманомъ по приказанію Великаго Князя, нижніе чины 2-й роты показали, что ихъ командиръ, штабсъ-капитанъ Азанчевскій „заставилъ ихъ сдѣлать, собственнымъ ихъ иждивленіемъ, къ старымъ мундирамъ новые воротники и къ киверамъ новые этишкеты". Азанчевскаго, „самовольно располагавшаго собственностью ввѣренныхъ ему нижнихъ чиновъ", Николай Павловичъ отрѣшилъ отъ командованія ротою и посадилъ на недѣлю подъ арестъ, фельдфебеля и отдѣленныхъ унтеръ-офицеровъ, за то, что о претензіи не знали или не заявили до смотра, разжаловалъ; командиру же баталіона, полковнику Геруа, за то, что не зналъ о происходящемъ въ его части, объявилъ „строжайшій выговоръ".

Въ февралѣ 1834 года инженеръ-прапорщикъ князь Урусовъ былъ изобличенъ въ прикосновенности ко „вредному замыслу противъ общественнаго спокойствія и тишины". Замышлялось произвести въ Астрахани бунтъ среди находившихся тамъ на службѣ нижнихъ чиновъ бывшей польской арміи, взорвать пороховой погребъ, разграбить имущество богатыхъ обывателей, а затѣмъ, захвативъ пять орудій, направиться либо для дальнѣйшаго погрома къ Черкасамъ, либо, въ случаѣ неудачи, бѣжать въ Хиву. По суду Урусовъ былъ приговоренъ къ смертной казни. Однако, Государь, принимая во вниманіе молодость преступника, которому едва исполнилось 19 лѣтъ,

его раскаяніе, а также то, что замыселъ приведенъ въ дѣйствіе не былъ, замѣнилъ смертную казнь лишеніемъ княжескаго и дворянскаго достоинства и разжалованьемъ въ рядовые. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Государь объявилъ выговоръ начальнику астраханской инженерной команды, подполковнику Жданову, „за то, что не обращалъ должнаго вниманія на поведеніе Урусова“.

Предписывая строжайше наблюдать за подчиненными и не мирволить имъ, Николай Павловичъ не только не поощрялъ жестокаго съ ними обращенія, но упорно преслѣдовалъ таковое.

Въ октябрѣ 1818 года Великому Князю стало извѣстнымъ, что въ 5-мъ піонерномъ баталіонѣ участились побѣги нижнихъ чиновъ и что это происходитъ по причинѣ жестокости фельдфебеля Баранова, который бьетъ рядовыхъ самовольно, а при полученіи отъ начальства приказаній наказать провинившихся розгами—всыпаетъ „вдвое и болѣе ударовъ“. Разжаловавъ Баранова въ рядовые „вѣчно“ („вѣчно“—собственноручная приписка Великаго Князя въ чистовомъ приказѣ) съ переводомъ въ другую часть. Николай Павловичъ объявилъ въ приказѣ по корпусу, что „въ семъ дѣлѣ виновнѣе всѣхъ“ командиръ баталіона, полковникъ Геруа, который заслуживаетъ строжайшаго выговора. Вмѣстѣ съ тѣмъ, удостовѣряя, что баталіонъ Геруа всегда былъ, въ глазахъ Его Высочества, на лучшемъ счету, генералъ-инспекторъ не безъ горечи констатировалъ наличность въ части жестокости режима. Въ отданномъ по этому поводу приказѣ между прочимъ читаемъ: „*Совершенство, пріобрѣтенное такими способами, теряетъ въ глазахъ моихъ всю свою цѣну* (курс. подл.) Хотя бы 5-й піонерный баталіонъ при осмотрѣ найденъ былъ и *еще исправнѣе, то не заслужилъ бы командиръ онаго моей благодарности, если бы тогда мнѣ было извѣстно жестокое обращеніе съ рядовыми въ семъ баталіонѣ* (то же). Поспѣшность моя ободрять и награждать заслуживающихъ того офицеровъ причиною, что, вслѣдъ за рапортомъ начальника инженеровъ 1-й арміи объ

осмотрѣ ввѣреннаго ему баталіона и послѣ отданной мною въ приказахъ благодарности, представилъ я полковника Геруа, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, Государю Императору къ полученію Высочайшаго благоволенія; если полковникъ Геруа удостоится столь лестнаго отъ Государя одобренія, то долженъ онъ чувствовать болѣе другихъ и впредь не терять изъ вида, что строгость нужна только рѣдко, жестокость же и несправедливость—никогда; и что къ достиженію требуемой отъ баталіона исправности и совершенства единый позволительный способъ есть: справедливое съ солдатомъ обхожденіе, за малыя ошибки—легкое, а за большіе только проступки строгое взысканіе".

Тутъ же необходимо замѣтить, что побѣгъ изъ службы почитался Николаемъ Павловичемъ однимъ изъ тягчайшихъ преступленій солдата и что преступленіе это каралось имъ безъ всякаго снисхожденія. Такъ, въ сентябрѣ 1820 года рядовой 2-го сапернаго баталіона Бабковъ былъ пойманъ послѣ третьяго изъ службы побѣга. Генералъ-инспекторъ приказалъ „прогнать (его) шпицрутеномъ черезъ тысячу человѣкъ пять разъ" и отдалъ о такомъ своемъ распоряженіи въ приказѣ по корпусу съ предупрежденіемъ, что то же самое будетъ дѣлать и впредь, „дабы черезъ сіе имя преступника, содѣлавшись извѣстнымъ, усугубило наказаніе, а извѣстность вины удержала бы прочихъ, и въ особенности молодыхъ и неопытныхъ солдатъ, отъ подобныхъ преступленій".

О неодобрительномъ отношеніи Николая Павловича къ жестокостямъ свидѣтельствуютъ и такіе примѣры.

Осенью 1818 года инженеръ-подполковникъ Алексѣевъ, будучи на работахъ въ Стрѣльнѣ и озлобившись на „безвиннаго" унтеръ-офицера гвардейской инвалидной команды, послѣднему „разбилъ все лицо въ кровь". Генералъ-инспекторъ приказалъ перевести Алексѣева изъ столицы въ Грузію. Въ томъ же году инженеръ штабсъ-капитанъ Богдановъ, строившій казармы въ Петергофѣ,

поколотилъ, а затѣмъ и высѣкъ „плотничнаго подрядчика„. За такой „непозволительный и самовольный поступокъ“ Великій Князь устранилъ его отъ работъ и заключилъ на двѣ недѣли въ Петропавловскую крѣпость. Въ февралѣ 1821 года командиръ 1-го пѣхотнаго корпуса, генералъ-лейтенантъ Гельфрейхъ, довелъ до свѣдѣнія Его Высочества о доставленіи въ военный госпиталь рядового 2-го сапернаго баталіона Сидорова, лишеннаго способности владѣть языкомъ, который запискою показалъ, что причиною тому послужило нанесеніе ему унтеръ-офицеромъ Стрюковымъ двухъ ударовъ прикладомъ ружья въ грудь. Усмотрѣвъ въ этомъ случаѣ „безпечность“ командира баталіона, полковника Дена 2-го, и „совершенное неумѣніе командовать“ со стороны командира роты, Николай Павловичъ объявилъ Дену строжайшій выговоръ, ротнаго командира отстранилъ отъ должности, „доколѣ не выучится всѣмъ обязанностямъ своего званія“, а Стрюкова разжаловалъ и предписалъ наказать передъ баталіономъ. Одновременно получилъ строжайшій выговоръ и командиръ 1-й піонерной бригады, генералъ-маіоръ Даниловъ, своевременно не донесшій о происшествіи генералъ-инспектору. Въ декабрѣ того же года Великій Князь освѣдомился, что въ перновской инженерной командѣ, „для воздержанія нетрезваго поведенія“ со стороны нижнихъ чиновъ, изобрѣтенъ „деревянный, такъ называемый, стулъ, съ цѣпью, надѣваемою на шею виновныхъ“. Возмущенный до глубины души, генералъ-инспекторъ писалъ въ приказѣ: „Если бы всѣ воинскія команды присвоили себѣ право вымышлять разныя несуществующія наказанія, то произошли бы отъ того величайшія злоупотребленія“. Стулъ велѣно уничтожить, а командиру лифляндскаго инженернаго округа, генералъ-маіору Шрейтерфельду, данъ жестокій нагоняй.

Преслѣдуя жестокость, Николай Павловичъ, съ другой стороны, не допускалъ и тѣни фамильярности между начальниками и подчиненными. Такъ, въ 1825 году, по представленію Его Высочества, былъ уволенъ отъ службы

инженеръ-подполковникъ Сеславинъ, главную вину котораго составляло „непозволительное и порядку службы противное фамильярное обращеніе съ нижними чинами". Правда, Сеславинъ былъ изобличенъ и въ другихъ провинностяхъ: въ „замаскированіи себя" и „въ неприличной связи съ женщиною подозрительнаго поведенія".

Далеко не поощрялось и дерзкое обращеніе съ подчиненными. Въ сентябрѣ 1824 года командиръ отдѣльнаго кавказскаго корпуса, генералъ Ермоловъ, доводя до свѣдѣнія генералъ-инспектора о томъ, что двое инженерныхъ офицеровъ, вслѣдствіе дерзкаго обращенія съ ними ихъ начальника, подполковника Парокье, сильно нагрубили послѣднему, полагалъ штабъ-офицеру объявить строжайшій выговоръ, а оберъ-офицеровъ подвергнуть продолжительному аресту. Согласившись на это, Николай Павловичъ просилъ, однако, Ермолова внушить Парокье, „что впредь за дерзкое обращеніе съ подчиненными, каковое, по характеру его, признаетъ генералъ Ермоловъ свойственнымъ ему, подвергнетъ онъ себя большой отвѣтственности" *).

Принимая къ свѣдѣнію и никогда не оставляя безъ наказанія проступки инженерныхъ офицеровъ, о которыхъ доводилось до свѣдѣнія Его Высочества различными начальствующими лицами, Николай Павловичъ совершенно иначе относился къ оповѣщеніямъ, носившимъ характеръ извѣтовъ и доносовъ.

Въ мартѣ 1819 года одинъ изъ ротныхъ командировъ инженерныхъ войскъ, штабсъ-капитанъ Кобритъ, довелъ до свѣдѣнія генералъ-инспектора, что при капитанѣ Соловьевѣ, отъ котораго онъ принялъ роту, въ послѣдней регулярно практиковались большія злоупотребленія, имъ, Кобритомъ, искорененныя. Найдя въ сообщеніи Кобрита „болѣе личности и намѣренія вредить капи-

*) А, № 50—1834; 1—13; Ф № 67—1818; 1, 2; Приказы №№ 28, 40—1818; № 46—1820; №№ 7,22. 47—1821; №№ 9,28—1822; № 88—1823; № 60—1824, № 39—1825.

тану Соловьеву, чѣмъ рачительности къ службѣ“ и признавъ оповѣщеніе „доносомъ“, Великій Князь ограничился тѣмъ, что объявилъ о неосновательномъ „доносѣ“ во всеобщее по инженерному корпусу свѣдѣніе.

Въ августѣ того же года „управляющій“ работами въ Динабургской крѣпости, генералъ-маіоръ Трузсонъ 2-й, принесъ, непосредственно на имя генералъ-инспектора, жалобу на командира динабургской инженерной команды, подполковника Близнина, обвинявшагося генераломъ „въ противныхъ службѣ и чинопочитанію поступкахъ“. Великій князь приказалъ Близнина арестовать; но, заподозривъ въ жалобѣ своего рода доносъ, распорядился производствомъ дознанія, что и было поручено генералу Зассу. Дознаніе, по заключенію Его Высочества, выяснило „совершенную неосновательность донесенія генерала Трузсона, не дѣлающую чести ни понятіямъ его о порядкѣ службы, ни сердцу“, о чемъ объявлено по корпусу съ отчисленіемъ Трузсона отъ должности.

Въ ноябрѣ 1820 года комендантъ Измаильской крѣпости, генералъ-маіоръ Сандерсъ, донесъ, что командиръ мѣстной инженерной команды, подполковникъ Литовъ, творитъ всяческія злоупотребленія по пріему отъ поставщиковъ кирпича, песку и другихъ матеріаловъ и употребляетъ для своихъ нуждъ казенныхъ рабочихъ. Великій Князь предалъ Литова военному суду. Слѣдствіе, однако, показало, что обвиняемый хотя и виноватъ, но далеко не въ мѣрѣ возведенныхъ на него обвиненій: злоупотребленія при поставкахъ не подтвердились; военно-рабочіе нижніе чины хотя и дѣйствительно работали у Литова, но за особую плату, что было воспрещено, но не составляло тяжкаго преступленія. Николай Павловичъ приказалъ Литова отъ суда освободить, подвергъ его трехмѣсячному аресту и перевелъ на службу въ Грузію, а начальнику главнаго штаба сообщилъ, что—какъ показало слѣдственное дѣло—весьма многіе „пункты доноса оказались сколько для подполковника Литова

обидны, столько и несправедливы, и вообще сдѣланы со стороны г. Сандерса не по долгу званія его и присяги, а изъ личности".

Въ декабрѣ 1825 года Оппермaнъ доложилъ Николаю Павловичу, что помѣщикъ Гриневичъ, проживающій въ окрестностяхъ Бобруйска,—личность уже неоднократно обращавшаяся къ Великому Князю съ различными неосновательными просьбами и претензіями, по которымъ минскому губернатору было предложено „воспретить безпокоить впредь" высшее начальство—вновь сдѣлалъ доносъ на злоупотребленія бобруйскихъ крѣпостныхъ инженеровъ, потакаемыя комендантомъ крѣпости. Хотя де Гриневичъ человѣкъ и неосновательный, „но поелику всякій доносъ изслѣдованъ быть долженъ", Оппермaнъ полагалъ дѣло разслѣдовать и возложить эту задачу на командира сводной піонерной бригады, генералъ-маіора Нагеля. Николай Павловичъ согласился. Получилось большое слѣдственное дѣло, по разсмотрѣніи коего, Оппермaнъ доложилъ новому генералъ-инспектору, Великому Князю Михаилу Павловичу, что „доносъ Гриневича сдѣланъ ложно", и что въ дѣйствіяхъ бобруйскаго строительнаго комитета „противозаконныхъ поступковъ къ ущербу казны и въ обиду частныхъ людей по подрядамъ ни малѣйше не открылось". Михаилъ Павловичъ, несомнѣнно съ вѣдома Императора, сообщилъ о семъ министру внутреннихъ дѣлъ, который отвѣтилъ: „Для удержанія дворянина Гриневича отъ дальнѣйшихъ ябедъ и доносовъ, я, съ моей стороны, полагалъ бы воспретить ему заниматься сочиненіемъ или переписываніемъ безъ исключенія всякаго рода дѣлъ или бумагъ, частныхъ и казенныхъ, кромѣ только собственно до него касающихся, что, для всеобщаго свѣдѣнія, и опубликовать". Возраженій не встрѣтилось.

Какъ не любилъ Николай Павловичъ ябедниковъ, такъ не поощрялъ онъ и людей, стремившихся подслужиться и изыскивавшихъ способы такъ или иначе отличиться. Въ 1842 году уволенный въ отставку строитель

Севастополя, генералъ-маіоръ фонъ Фелькерзамъ, подалъ всеподданнѣйшее прошеніе о дозволеніи ему лично поднести непосредственно Государю рядъ проектовъ: о раціональномъ преобразованіи обороны Севастополя, о примѣненія тамъ значительно менѣе дорогихъ способовъ производства работъ, о передѣлкѣ существующихъ плохихъ казематовъ въ хорошіе и т. п. Императоръ прежде всего затребовалъ справку: возбуждалъ ли Фелькерзамъ аналогичные вопросы, состоя на службѣ? Когда же оказалось, что не возбуждалъ, Николай Павловичъ, очевидно предчувствуя вздорность прошенія, отказался принять просителя и повелѣлъ сообщить ему, что съ предложеніями по инженерной части слѣдуетъ обращаться къ инженерному начальству. Предчувствіе Государя не обмануло: доставленнные Фелькерзамомъ въ инженерный департаментъ и тамъ разсмотрѣнные въ мельчайшихъ подробностяхъ, проекты оказались вниманія не заслуживающими.

При оцѣнкѣ степени провинности подчиненныхъ, Николай Павловичъ всегда обращалъ вниманіе не только на существо проступка, но и на прежнюю служебную дѣятельность провинившагося. Такъ, въ сентябрѣ 1820 года мѣстное начальство намѣревалось подвергнуть „строжайшему взысканію“, весьма до того времени исправнаго и полезнаго офицера, командира бобруйской инженерной команды, полковника Розенмарка, обвиненнаго въ самовольной отъ мѣста служенія отлучкѣ и происшедшихъ отъ того упущеній по службѣ. Генералъ-инспекторъ, „во уваженіе его прежней службы“, ограничился, въ противность мнѣнію окружного командира, генералъ-маіора Глухова, трехдневнымъ арестомъ. Надо полагать, въ инцидентѣ была какая-то закулисная сторона, ибо сильно пострадалъ тутъ самъ Глуховъ: за то, что „не препятствовалъ такимъ дѣйствіямъ полковника Розенмарка“ и вообще за слабый надзоръ за подчиненными, онъ былъ отрѣшенъ отъ должности.

Въ особенности цѣнилъ Николай Павловичъ заслуги

боевыя. Напримѣръ, въ 1829 году Императоръ повелѣлъ установить въ малой церкви Инженернаго замка черную мраморную доску и начертать на ней, въ память потомству, имена питомцевъ главнаго инженернаго училища, при защитѣ родины на полѣ брани убіенныхъ. Въ ноябрѣ 1849 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе— различнымъ веркамъ Ивангородской крѣпости присвоить названія по фамиліямъ генераловъ, участвовавшихъ въ сраженіяхъ 1831 года, именно: князей Горчакова и Шаховскаго, графовъ Толя, Палена, Витта, Крейца и Ридигера и генераловъ Кайсарова, Нейдгарда и Дена. 16 марта 1852 года Государь повелѣлъ: „Въ ознаменованіе особаго Монаршаго благоволенія къ 3-му резервному саперному баталіону, который, будучи сформированъ изъ части 5-го сапернаго баталіона, вѣрною и усердною службою и отличными подвигами мужества и храбрости на полѣ чести пріобрѣлъ полное право на Высочайшую признательность“, даровать „такое же георгіевское знамя, какое имѣетъ 5-й саперный баталіонъ, съ надписью: „за отличіе при переходѣ черезъ Балканскій хребетъ въ 1829 году, походъ въ Анди въ іюнѣ и взятіе Дарго 6 іюля 1845 года“. Любопытно, что баталіонъ сформированный лишь въ концѣ 1845 года, получилъ отличія за 1829 и начало 1845 г.г. *).

Но цѣня боевыя заслуги какъ частей, такъ и отдѣльныхъ лицъ, Николай Павловичъ не допускалъ отступленій отъ установленныхъ порядковъ службы даже по отношенію къ воинамъ ветеранамъ. Въ маѣ 1824 года до свѣдѣнія Его Высочества дошло, что въ нѣкоторыхъ инженерныхъ воинскихъ частяхъ затяжно больныхъ офицеровъ, не могущихъ исполнять обязанности службы по ранамъ, увѣчьямъ и престарѣлости, показываютъ только въ мѣсячныхъ рапортахъ, „въ коихъ такія отмѣтки легко могутъ быть упущены изъ вида“. Находя, что

*) Б № 4—1829, 1; З, № 27—1830, 1, 4. 35, 36; Л, № 18—1842, 5, 111; О, № 168—1849, 2; Ф, № 73—1820, 1, 13—17; № 130—1825, 1, 13—18, 15—58, 65, 67; Приказы №№ 14, 35—1819, № 57—1820, № 6—1846, № 28—1852.

судьба подобныхъ офицеровъ достаточно обезпечивается существующими положеніями и что „жалованье, служащимъ опредѣленное, не должно никоимъ образомъ почитаться пенсіею, а потому получающіе оное и обязаны исполнять во всей точности должность, чинамъ ихъ присвоенную, а не пользоваться окладомъ, проживая въ бездѣйствіи“, генералъ-инспекторъ приказалъ, чтобы командиры частей доносили ему о всѣхъ офицерахъ, кои рапортуются больными болѣе шести недѣль, и непремѣнно съ подробнѣйшими и точнѣйшими медицинскими свидѣтельствами, „дабы я могъ тотчасъ, судя по сему и по обстоятельствамъ, принять мѣры, которыя нужными сочту“.

Вообще, строгому порядку въ службѣ всегда и во всемъ придавалось весьма большое значеніе и отступленія отъ уставовъ безнаказанными не проходили. Въ іюнѣ 1823 года на гарнизоннаго инженера, поручика Молчанова принесла жалобу дѣвица Гребенщикова въ нанесеніи ей, и при томъ въ ея домѣ, „чувствительныхъ обидъ“. Великій князь предалъ Молчанова суду, на которомъ дѣвица столь плохо доказывала основательность своей жалобы, что генералъ-инспекторъ приказалъ подсудимаго отъ всякаго наказанія избавить. Между тѣмъ, уже послѣ этого приказанія, обнаружилось, что Молчановъ зашелъ къ Гребенщиковой, будучи дежурнымъ и возвращаясь съ рапорта своему начальнику. Такого нарушенія устава Великій Князь допустить не могъ; онъ приказалъ Молчанова посадить на мѣсяцъ на гауптвахту, а затѣмъ перевести на службу въ Грузію. Въ іюнѣ 1826 года министру народнаго просвѣщенія была подана динабургскими обывателями петиція объ обращеніи одного изъ мѣстныхъ костеловъ въ кирку. „Не находя приличнымъ отбирать церкви отъ одного вѣроисповѣданія и передавать другому“, Государь ходатайство отклонилъ; но при этомъ обратилъ главное свое вниманіе на то, что петицію между прочими подписали: динабургскій комендантъ, командиръ піонерной бригады и нѣсколько инже-

нерныхъ офицеровъ. За обращеніе таковыхъ съ ходатайствомъ не по начальству, Императоръ приказалъ наложить на нихъ дисциплинарное взысканіе.

Весьма строго относился Николай Павловичъ, въ особенности въ бытность генералъ-инспекторомъ, также и къ соблюденію инженерными офицерами установленной формы одежды и опрятности въ обмундированіи нижнихъ чиновъ. Въ апрѣлѣ 1822 года, встрѣтивъ на улицѣ гвардейскаго инженеръ-поручика Биппена съ растегнутымъ воротникомъ мундира и безъ шарфа, Великій Князь посадилъ его на сутки подъ арестъ и отдалъ о томъ въ приказѣ по корпусу. Въ іюлѣ слѣдующаго года прапорщикъ конно-егерскаго сѣверскаго полка, князь Гагаринъ, прикомандированный къ гвардейскому конно-піонерному эскадрону, замѣченный и ранѣе „неоднократно въ нерадѣніи, уклоненіи отъ службы и разныхъ шалостяхъ", былъ встрѣченъ генералъ-инспекторомъ на улицѣ одѣтымъ не по формѣ. Великій Князь приказалъ посадить его на недѣлю на гауптвахту, а затѣмъ „отправить въ свой полкъ, какъ неподающаго никакой надежды къ исправленію себя и потому недостойнаго быть въ отличномъ корпусѣ офицеровъ конно-піонернаго эскадрона". Въ октябрѣ того же года командиръ 1-го піонернаго баталіона, полковникъ Денъ 2-й, былъ посаженъ Великимъ Княземъ подъ арестъ за то, что прислалъ къ генералъ-инспектору, въ бытность Его Высочества въ Динабургѣ, неопрятно и дурно одѣтаго вѣстового. Наконецъ, въ іюнѣ 1825 года Николай Павловичъ объявилъ по корпусу: „Замѣчено мною, что нѣкоторые изъ г.г. офицеровъ носятъ галстухи неровные: спереди вырѣзаны низко, а по сторонамъ высоки такъ, что иногда до самыхъ ушей и даже болѣе вершка выше воротника". Такіе „собственной выдумки галстухи" предлагалось впредь не носить подъ опасеніемъ строгаго взысканія.

Преслѣдованіе отступленій отъ установленной формы одежды, носящее на первый взглядъ характеръ мелочной, обусловливалось особыми обстоятельствами—необхо-

димостью пресѣченія недопустимыхъ своеволій. Николай Павловичъ самъ писалъ, что, при началѣ его служебной дѣятельности, распущенность въ этомъ отношеніи переходила всякія границы: офицерамъ разрѣшалось носить штатское платье; они „ѣзжали на ученья во фракахъ, накинувъ на себя шинель и надѣвъ форменную фуражку“ *).

Выше много говорилось о строгости и взыскательности Николая Павловича. Нельзя, однако, не замѣтить, что за заслуги онъ награждалъ и очень любилъ это дѣлать. Такъ, въ бытность генералъ-инспекторомъ, непрерывно оставаясь довольнымъ дѣятельностью военныхъ инженеровъ по постройкѣ верковъ Бобруйской крѣпости, Великій Князь не приминулъ воспользоваться въ сентябрѣ 1823 года тѣмъ, что и посѣтившій въ то время крѣпость Императоръ Александръ I остался вполнѣ удовлетвореннымъ видѣннымъ. Генералъ-инспекторъ выхлопоталъ награды всѣмъ причастнымъ къ работамъ офицерамъ и при томъ награды незаурядныя: командиръ инженернаго округа, генералъ Обручевъ, получилъ аренду, комендантъ, генералъ Бергъ, и строитель, полковникъ Розенмаркъ—Владимира 3 ст., два инженерныхъ капитана—Владимира 4 ст., всѣ остальные—либо ордена, либо годовые и не менѣе полугодовыхъ окладовъ жалованья. Около того же времени, по возвращеніи изъ заграничной командировки полевыхъ инженеровъ: капитана Фельдмана и поручиковъ Павловскаго, Фелькерзама, Кульмана, Кубе и Герстфельда, изъ командировки длительной, цѣлью которой было изученіе германскихъ крѣпостей и способовъ производства тамъ крѣпостныхъ работъ, Николай Павловичъ писалъ начальнику главнаго штаба: „Офицеры сіи исполнили отличнымъ образомъ возложенное на нихъ порученіе, и я лично удостовѣрился въ успѣхѣ онаго и въ томъ, что они проведенное ими время заграницей употребили съ боль-

*) Приказы № 27—1822; №№ 39, 56, 75—1823; № 41—1824; № 44—1825; № 38—1826; Шильдеръ, Имп. Н. I, I, 150.

шою пользою; начальникъ же инженерной части въ Пруссіи, генералъ-лейтенантъ Раухъ, весьма похвально отзывается о стараніи и прилежаніи ихъ“. Посему Николай Павловичъ просилъ о награжденіи: Фельдмана—чиномъ, прочихъ офицеровъ—орденомъ Владимира 4 ст. Ходатайство было удовлетворено только отчасти: вмѣсто Владимира дали Анну 3 ст.

Въ періодъ царствованія Николая Павловича полевые инженеры и саперные офицеры получали награды прямо щедро, и въ особенности за труды по выполненію спеціальныхъ порученій. Результаты различныхъ сложныхъ опытовъ, какъ напримѣръ, надъ трубною системой въ подземной минной войнѣ, или надъ подводными оборонительными средствами, всегда докладывались Царю со списками о награжденіи особо потрудившихся офицеровъ. И отказа не бывало никогда.

Нельзя не замѣтить и того, что Николай Павловичъ, будучи генералъ-инспекторомъ, весьма ревниво относился къ своему праву миловать осужденныхъ или смягчать имъ наказанія. Напримѣръ, въ началѣ 1822 года военный судъ присудилъ однаго изъ нижнихъ чиновъ военно-рабочихъ ротъ къ кнуту и ссылкѣ „въ вѣчную работу на галерахъ“ за третій побѣгъ изъ службы. Представляя объ этомъ генералъ-инспектору, командиръ кіевскаго инженернаго округа, генералъ Обручевъ, ходатайствовалъ о пониженіи наказанія и полагалъ, съ своей стороны, достаточнымъ виновнаго „прогнать шпицрутенами черезъ баталіонъ три раза“ и обратить затѣмъ снова въ службу. Утвердивъ это ходатайство, Великій Князь замѣтилъ, однако, Обручеву, „что долгъ его есть неослабно приговаривать подсудимыхъ, т. е. не такъ много отступать отъ приговора военнаго суда, но сколько возможно соглашать съ онымъ мнѣнія свои, дабы высшее начальство имѣло возможность уменьшать наказанія“.

Приказы Августѣйшаго генералъ-инспектора, отдававшіеся по поводу объѣздовъ войскъ и крѣпостей, полны благодарностями и поощреніями, и при томъ въ

этомъ отношенiи они весьма своеобразны: Великiй Князь не допускалъ того, чтобы замѣченное хорошее нейтрализировало дурное, или наоборотъ—чтобы при наличности и заслугъ, и погрѣшностей даннаго лица, однѣ поглощали другiя; для каждаго оцѣнка его дѣятельности высшимъ начальствомъ запечатлѣвалась совершенно опредѣленно. Въ результатѣ, въ одномъ и томъ же приказѣ и одному тому же лицу объявлялись и благодарности, и выговоры.

Возьму лишь приказы, явившiеся слѣдствiемъ посѣщенiя генералъ-инспекторомъ въ маѣ 1824 года крѣпостей Динабурга и Бобруйска. Въ Динабургѣ крѣпостными работами Великiй Князь остался весьма доволенъ и объявилъ благодарность строителю крѣпости, генералъ-маiору Клименку, „за тотъ же успѣхъ, который привыкъ видѣть подъ благоразумнымъ и усерднымъ управленiемъ“ генерала; равнымъ образомъ, высказалъ свое удовольствiе и по поводу того, что военно-рабочая команда „весьма успѣла по работамъ“; но, оцѣнивая строевую подготовку той же команды, Великiй Князь нашелъ, что „сiя часть весьма упущена: многiе люди совершенно и вида солдатскаго не имѣютъ“: за такое же упущенiе, Клименку объявлено въ томъ же приказѣ замѣчанiе, а командира команды, полковника Брандта, и старшаго ротнаго командира, капитана Зоммера. приказано посадить подъ арестъ, перваго на 8, а второго на 24 часа. При осмотрѣ тогда же 1-й пiонерной бригады, генералъ-инспекторъ остался крайне недоволенъ 1-мъ пiонернымъ баталiономъ, который „опустился по всему“, и поставилъ это на видъ командиру бригады; и въ томъ же приказѣ и тому же лицу объявлена благодарность за бригадную учебную команду—за блестящее исполненiе возложеннаго на него по этой части порученiя, „которое онъ выполнилъ, превзойдя ожиданiя“ Великаго Князя. По Бобруйску отдана въ приказѣ благодарность командиру 2-й пiонерной бригады за превосходное состоянiе ввѣренныхъ ему частей и тутъ же сѣтованiе по поводу

бригадной учебной команды: „Не могу не изъявить моего удивленія генералъ-маіору Нагелю, что подлѣ столь отличнаго образца, та часть, которая именно долженствовала бы служить образцомъ для прочихъ, и ему самому лично порученная, могла быть въ столь дурномъ видѣ и столь мало соотвѣтствовать своей цѣли“

Весьма характернымъ примѣромъ, подтверждающимъ, насколько Николай Павловичъ любилъ награждать инженерныя части и насколько награжденія таковыхъ за явныя заслуги радовали его самого, можетъ служить пожалованіе георгіевскаго знамени гвардейскому саперному баталіону. Послѣ паденія въ 1828 году Варны, во время грандіознаго парада войскамъ, Императоръ собственноручно повязалъ георгіевскимъ темлякомъ знамя этой части. Когда же объѣздъ всѣхъ войскъ былъ оконченъ, Государь вновь подъѣхалъ къ баталіону и обратился къ нему со словами: „Поздравляю васъ съ георгіевскимъ знаменемъ! Вы мнѣ, старому своему товарищу, дали этимъ прекрасный праздникъ!“ *).

Обязанность начальника поощрять своихъ подчиненныхъ при проявленіяхъ ими особой рачительности къ службѣ всегда ставилась Николаемъ Павловичемъ на видъ высшимъ чинамъ инженернаго корпуса и вошла въ „главныя правила“, изданныя генералъ-инспекторомъ въ 1821 году, о которыхъ уже говорилось. Не забывалъ этой обязанности и самъ Николай Павловичъ, и въ дальнѣйшемъ изложеніи будетъ видно, какъ охотно, до самой кончины своей, онъ лично поощрялъ всѣхъ достойныхъ офицеровъ инженернаго корпуса и при каждомъ удобномъ для того случаѣ. Вниманію же его и милостямъ къ *ближайшимъ* сотрудникамъ, можно сказать, не было предѣла. Своего бывшаго наставника, а впослѣдствіи непосредственнаго исполнителя всѣхъ предначертаній по инженерному корпусу—генерала Оппер-

*) Ф, № 17—1821, 125; 129, Приказы: № 21—1822; № 70—1823; №№ 38; 45—1824; Волькенштейнъ, 69.

Инспекторъ по инженерной части
Иванъ Ивановичъ
ДЕНЪ
1849—1856 г.г.
(Съ писаннаго красками портрета изъ инженернаго комитета).

мана—Государь возвелъ 1 іюля 1829 года въ графское достоинство, пріурочивъ этотъ актъ ко дню осмотра крѣпости Бобруйска и отмѣтивъ въ рескриптѣ, что право на это почетное званіе пріобрѣтено „долговременнымъ, неутомимо дѣятельнымъ и полезнымъ служеніемъ“ генерала. Неутомимый и крайне энергичный генералъ Денъ *) получалъ неоднократно совершенно изъ ряду выходящія поощренія, о которыхъ скажу подробно ниже. Когда въ іюнѣ 1827 года скончался начальникъ главнаго инженернаго училища, генералъ графъ Сиверсъ, Императоръ самъ назначилъ его вдовѣ пенсію въ 8.000 руб. въ годъ и приказалъ выдать ей, на оплату долговъ покойнаго, 50.000 руб. единовременно. Кромѣ того, имена ближайшихъ сотрудниковъ своихъ Николай Павловичъ увѣковѣчилъ названіемъ различныхъ крѣпостныхъ верковъ: 7 мая 1850 года Его Величество повелѣлъ оборонительную башню на рѣчкѣ Бобруйкѣ именовать башнею графа Оппермана; верки имени Дена имѣются въ Ивангородѣ, въ Новогеоргіевскѣ и въ Кронштадтѣ; и т. д.

И нижнихъ чиновъ инженернаго корпуса, оказывавшихъ подвиги самоотверженности и вѣрности долгу, Великій Князь и Императоръ награждалъ по личной иниціативѣ и не въ обыденномъ порядкѣ. Осенью 1822 года 4-го піонернаго баталіона капитанъ Сивертъ и унтеръ-офицеръ Вяшкинъ должны были зажечь мину;

---

*) Иванъ Ивановичъ Денъ родился въ 1786 году. Лютеранинъ, финляндецъ, въ службу вступилъ въ 1804 году, сначала въ 1-й піонерный полкъ, затѣмъ въ гвардейскій саперный баталіонъ. Съ 1818 г.—командиръ 1-го сапернаго баталіона, съ 1826 г.—командиръ 1-й сводной піонерной бригады, съ 1830 г.—начальникъ штаба 1-го пѣхотнаго корпуса, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ—начальникъ инженеровъ дѣйствующей арміи. Съ сентября 1849 г. по январь 1856 г.—инспекторъ инженернаго корпуса. Съ 1850 г.—членъ государственнаго совѣта. Въ 1854—1855 гг. военный губернаторъ Кронштадта. Съ 1856 г.—товарищъ генералъ-инспектора по инженерной части и шефъ 4-й роты гвардейскаго сапернаго баталіона. Въ 1858 г., по престарѣлому возрасту, уволенъ въ безсрочный отпускъ. Участвовалъ въ походахъ 1804, 1808, 1831 (за штурмъ Варшавы получилъ Георгія 3 ст.), 1854—1855 г.г.

по неизвѣстной причинѣ, произошелъ преждевременный взрывъ, Вяшкину опалило волосы, лицо и часть тѣла, а силою газовъ его отбросило на нѣсколько саженей; но „не успѣвъ оправиться отъ боли и сильнаго удара", бравый унтеръ-офицеръ, замѣтивъ отсутствіе своего начальника, тотчасъ же бросился къ воронкѣ и вытащилъ совершенно засыпаннаго и лишившагося чувствъ капитана. Великій Князь оповѣстилъ о подвигѣ Вяшкина по корпусу, повысилъ его въ первый классъ и далъ ему отъ себя 100 руб. Въ маѣ 1824 года рядовой архангельской военно-рабочей роты Романовъ, найдя бумажникъ съ 95 руб., представилъ таковой по начальству. Генералъ-инспекторъ выхлопоталъ ему награду въ 100 руб. изъ суммъ кабинета Его Величества. Въ февралѣ 1826 года унтеръ-офицеръ 2 піонернаго баталіона Чугуновъ извлекъ изъ объятой пламенемъ избы малолѣтнихъ дѣтей и около того же времени унтеръ-цейхвартеръ дербентской инженерной команды Сѣровскій спасъ, съ опасностью жизни, двухъ утопавшихъ еврейчиковъ. Государь, помимо награжденія серебряными медалями съ надписями „за спасеніе человѣчества", повелѣлъ выдать обоимъ по 300 руб. Въ ноябрѣ 1826 года 6-го піонернаго баталіона рядовой Иваненко, при конвоированіи арестантовъ, былъ подговариваемъ къ совмѣстному побѣгу за большое вознагражденіе; но, не поддавшись соблазну, онъ принялъ мѣры предосторожности и тѣмъ пресѣкъ намѣреніе преступниковъ. Государь пожаловалъ ему 100 руб.

Выше было сказано, что цѣлый рядъ приказовъ Николая Павловича, отданныхъ по инженерному корпусу въ бытность Его Высочества генералъ-инспекторомъ, носитъ характеръ высокопоучительныхъ наставленій начальника, вся душа и помыслы котораго были направлены къ процвѣтанію ввѣренной ему части во всѣхъ отношеніяхъ. Для подтвержденія этой мысли можно привести такіе образчики.

Въ августѣ 1819 года генералъ-инспектору было

доложено о случаѣ пререканія между подчиненнымъ и начальникомъ: инженеръ подполковникъ Алексѣевъ 4-й прочелъ рѣзкое нравоученіе инженеръ-поручику Марчевскому, а этотъ послѣдній, оскорбившись попраніемъ его офицерскаго достоинства, наговорилъ начальнику дерзостей, пояснивъ затѣмъ свой поступокъ тѣмъ, что потерялъ терпѣніе. Въ приказѣ по корпусу находимъ нравоученіе:

„Недостатокъ въ терпѣніи никогда не можетъ служить оправданіемъ подчиненному въ неуваженіи къ начальству. Поручикъ Марчевскій, на мѣсто того, чтобы некстати говорить о правахъ офицера, долженъ бы прежде пріобрѣсть всѣ качества, образующія хорошаго офицера; главное изъ оныхъ есть непрекословное повиновеніе приказаніямъ начальниковъ; и сего то качества недостаетъ у поручика Марчевскаго“. Не обошлось дѣло вполнѣ благополучно и для Алексѣева, которому объявленъ выговоръ и рекомендовано на будущее время быть „осторожнѣе въ обхожденіи своемъ съ офицерами“. Поручикъ же Марчевскій былъ посаженъ Великимъ Княземъ подъ арестъ на два мѣсяца.

Въ сентябрѣ того же года, объявляя въ приказѣ по корпусу свою признательность всему личному составу 5-го піонернаго баталіона за блестящее во всѣхъ отношеніяхъ состояніе части и указывая, что такая благодарность выражается баталіону уже не въ первый разъ, генералъ-инспекторъ тутъ же присовокупляетъ: „Надѣюсь, что никто въ немъ, однако, не возмечтаетъ быть совершеннымъ; сіе было бы—первый шагъ къ паденію“.

Въ одномъ изъ приказовъ, относящихся къ маю 1820 года, находимъ какъ бы подзадориваніе частей одной и той же бригады къ взаимному соревнованію и указаніе на несоотвѣтственность опочиванія на лаврахъ, особенно заслуженныхъ предшественникомъ. Великій Князь пишетъ: „5-ый піонерный баталіонъ хорошъ, но не та уже разница между имъ и другими баталіонами сей бригады. Совѣтую подполковнику Дебоа не слиш-

комъ надѣяться на прежнее превосходство его баталіона: 1-й баталіонъ легко теперь можетъ его предупредить въ достиженіи совершенства". При этомъ надо замѣтить, что 5-й баталіонъ, при предшественникѣ Дебоа—при Геруа—заслужилъ репутацію блестящую, а 1-й баталіонъ въ 1818 году былъ найденъ Великимъ Княземъ совершенно и во всемъ неудовлетворительнымъ.

Весьма характеренъ и чрезвычайно поучителенъ одинъ изъ майскихъ приказовъ 1824 года. Осмотрѣвъ въ Динабургѣ 1-й піонерный баталіонъ и найдя, что онъ вновь „опустился по всему", генералъ инспекторъ—отнесшійся крайне круто къ командиру баталіона, полковнику Дену 2-му, котораго посадилъ на недѣлю на гауптвахту, устранилъ отъ должности и велѣлъ прикомандировать ко 2-му піонерному баталіону „для изученія порядка службы"—поставилъ это обстоятельство на видъ командиру бригады, генералъ-маіору Данилову, признавъ за нимъ большую вину въ томъ, что онъ, и самъ видѣвшій упадокъ баталіона, вздумалъ исправлять часть *самолично и непосредственно*. „Прошу настоятельно—писалъ Великій Князь—пріобрѣсти болѣе умѣнья и твердости въ заставленіи своихъ подчиненныхъ исполнять всѣ ихъ обязанности, и отнюдь не выходя изъ круга обязанностей *своихъ* (курсивъ подл.), какъ бригаднаго командира, не брать на себя излишній трудъ помощника баталіонныхъ командировъ. Каждому званію присвоена своя должность, особыя обязанности: всякаго начальника есть долгъ блюсти за своими подчиненными, чтобы они исполняли въ точности то, что отъ нихъ требуется, а въ нужномъ случаѣ, мѣрами строгости, заставлять исправляться тѣхъ, кои уклоняются или отступаютъ; но никогда начальникъ не долженъ, въ облегченіе подчиненныхъ или изъ снисхожденія къ нимъ, заниматься тѣмъ, что собственно ихъ должности присвоено". Приведемъ на справку, что въ ноябрѣ того же года, по засвидѣтельствованіи генералъ-маіоромъ Даниловымъ „объ усердіи и успѣхѣ, оказанныхъ въ познаніяхъ строевой службы" со стороны

полковника Дена, Великій Князь приказалъ послѣднему вновь вступить въ командованіе 1-мъ піонернымъ баталіономъ,

Вчитываясь въ послѣднія строки, нельзя не обратить вниманія на то, что гнѣвъ Николая Павловича на Дена 2-го и неудовольствіе его генераломъ Даниловымъ истекали изъ плохого состоянія части въ *строевомъ* отношеніи. По этому поводу считаю не лишнимъ замѣтить, что въ свое время—какъ говорится въ офиціальномъ историческомъ очеркѣ „Императорская главная квартира"—„установилось ходячее мнѣніе, что Императоръ Павелъ передалъ своимъ сыновьямъ слѣпое увлеченіе внѣшностью вахтпарадной военной службы и что Императоръ Александръ I и его братья увлекались муштрой, не обращая вниманія на болѣе важныя отрасли военнаго дѣла" *). Это мнѣніе безусловно не имѣетъ подъ собою достаточно прочнаго фундамента; во всякомъ случаѣ— по отношенію къ Николаю Павловичу и къ инженернымъ войскамъ. Да, Николай Павловичъ былъ „строевикъ"—отрицать этого нельзя; онъ не терпѣлъ небрежнаго отношенія въ названныхъ войскахъ къ строю и придавалъ фронтовой выправкѣ большое значеніе; но если на одну чашку вѣсовъ положить его заботы о строевой подготовкѣ саперъ, минеръ и піонеръ, а на другую заботы о спеціальномъ ихъ образованіи, то неизвѣстно, которая перетянетъ. Впослѣдствіи, въ своемъ мѣстѣ, это будетъ доказано рядомъ документальныхъ данныхъ.

Будучи большимъ законникомъ, человѣкомъ строгимъ и взыскательнымъ, Николай Павловичъ не любилъ, однако, придерживаться буквы закона всегда и во что бы то ни стало. Для пользы дѣла онъ иногда значительно отступалъ отъ установленныхъ порядковъ и въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда у дѣла стояли

*) А, № 173—1821, 3—6; № 82—1829, 1; Б № 61—1827, 56, 68; О, № 168—1849, 2; № 66—1850, 6; Приказы: №№ 37, 44—1819; № 30—1820; № 76—1822; №№ 24, 38, 66—1824; №№ 10, 18, 58—1826; 100 В. М. П. 96.

лица, пользовавшіяся полнымъ довѣріемъ Монарха. Характеренъ въ этомъ отношеніи эпизодъ съ начальникомъ инженеровъ дѣйствующей арміи, генераломъ Деномъ, на котораго въ 1844 году ополчилось все высшее центральное начальство.

Въ началѣ этого года военный министръ, князь А. И. Чернышевъ, обратился къ главнокомандующему, князю Варшавскому графу Паскевичу Эриванскому съ ядовитою просьбою доставить ему „повелѣнія, *буде имѣются*“, на основаніи коихъ въ 1835—1842 годахъ подрядчикамъ по крѣпостнымъ работамъ въ царствѣ Польскомъ выдавались „денежныя награды и пособія“. Рапортъ военнаго министра явился слѣдствіемъ доклада инженернаго департамента; закулисная сторона—необычайная самостоятельность и, пожалуй, самоволіе Дена, проистекавшія отъ безграничнаго довѣрія къ нему и со стороны Монарха, и со стороны главнокомандующаго, самостоятельность и самоволіе, давно возмущавшія департаментъ.

Предварительно отвѣта военному министру, князь Варшавскій, очевидно по схемѣ Дена, доложилъ непосредственно Императору: 1) „въ законахъ нашихъ не существуетъ никакого постановленія, воспрещающаго главнокомандующему дѣлать особыя распоряженія тамъ, гдѣ онъ усмотритъ явную пользу казны“; 2) главнымъ основаніемъ для такихъ распоряженій послужили для главнокомандующаго особыя, извѣстныя ему, обстоятельства, обнаружившіяся на торгахъ въ царствѣ Польскомъ; 3) за періодъ времени съ 1835 по 1842 годъ торговая уторжка превысила 700.000 руб. сер., а подрядчикамъ, доставившимъ казнѣ такую выгоду, „дѣлались иногда прибавки къ контрактамъ, кои, въ общей суммѣ, не превзошли 150 тысячъ, т. е. казна получила чистой прибыли 550 тысячъ“.

Само собой разумѣется, приведенный докладъ не можетъ быть признанъ исчерпывающимъ вопросъ. Но Государь прекрасно зналъ, что Денъ далеко не покро-

вительствовалъ подрядчикамъ и что нѣкоторыя льготы предоставлялись поставщикамъ только въ исключительныхъ случаяхъ и даже не ради простой справедливости, а по необходимости такихъ льготъ въ видахъ преуспѣянія дальнѣйшихъ операцій по постройкѣ западныхъ крѣпостей. Объ этомъ еще говорить придется. Въ результатѣ, по приведенному докладу послѣдовало Высочайшее повелѣніе: а) расходъ въ 150.000 руб. „считать по контролю окончательно оправданнымъ“ предписаніями, исходимыми отъ главнокомандующаго: б) на будущее время допускать примѣненіе такихъ же мѣръ съ тѣмъ, чтобы князь Варшавскій сообщалъ о своихъ распоряженіяхъ военному министру для оповѣщенія о томъ государственнаго контроля.

Насколько Императоръ довѣрялъ Дену, какъ строителю и технику, видно изъ такихъ примѣровъ.

Весною 1834 года въ 5-мъ бастіонѣ крѣпости Замосцья появились значительныя трещины. Николай Павловичъ, ознакомившись съ подробностями явленія, нашелъ, „что для лучшаго удостовѣренія о причинахъ сихъ трещинъ и для принятія мѣръ къ отвращенію впредь подобныхъ, полезно было бы командировать на мѣсто, строившаго сію крѣпость, инженеръ-генералъ-лейтенанта Малецкаго“. Соотвѣтственное предписаніе было послано на мѣсто. но невыполнено: главнокомандующій сообщилъ военному министру, что Денъ не видитъ необходимости въ командированіи Малецкаго, такъ какъ Замосцье осмотрѣлъ уже самъ и полагаетъ „оставить сей бастіонъ въ настоящемъ положеніи, имѣя въ виду, съ одной стороны, что уменьшить насыпь на ономъ невозможно безъ совершенной потери цѣли касательно обороны, а съ другой то, что строенія, поврежденныя нѣсколько отъ осадки фундаментовъ, по прекращеніи таковой черезъ сгущеніе земли, стоятъ безъ дальнѣйшаго вреда долгое время, чему имѣются примѣры; при сказанномъ же бастіонѣ почти незамѣтно значительнаго увеличенія оказавшихся трещинъ“. Госу-

дарь приказалъ „исполнить по мнѣнію генералъ-лейтенанта Дена и затѣмъ генералъ-лейтенанта Малецкаго въ Замосцье не посылать“.

25 сентября 1846 года въ Динабургѣ обрушился одинъ изъ вновь возведенныхъ казематовъ. Николай Павловичъ отнесся къ этому весьма круто, о чемъ рѣчь будетъ впереди, а въ концѣ концовъ приказалъ составить наставленіе для возведенія сводовъ, которое гарантировало бы отъ такихъ катастрофъ. Надъ наставленіемъ работали лучшія силы центральнаго инженернаго управленія и, подъ вліяніемъ грозы свыше, выработали крайне осторожныя правила: работы разсрочивались на значительный періодъ времени, въ первый годъ полагали возводить только фундаменты и стѣны, не ранѣе второго года покрывать ихъ сводами, нагружать своды землею также по истеченіи значительнаго срока и т. д. Правила представили Царю, а Его Величество приказалъ запросить заключеніе Дена. Однако, инженерный департаментъ не ограничился исполненіемъ только Высочайшаго повелѣнія: заключеній затребовали отъ всѣхъ строителей и всѣхъ, сколько нибудь извѣстныхъ, знатоковъ дѣла, не исключая молодого оберъ-офицера — штабсъ-капитана Паукера. Получилась чрезвычайная разнорѣчивость въ деталяхъ, но общій характеръ одинъ: рѣшительно всѣ инженеры, надо полагать опять таки подъ давленіемъ катастрофы и ея послѣдствій, отнеслись къ осторожности, проведенной въ департаментскихъ правилахъ, весьма сочувственно. Всѣ—кромѣ одного Дена. Генералъ Денъ горячо запротестовалъ противъ невозможнаго, по его мнѣнію, растягиванія работъ, призналъ проектируемую постепенность производства таковыхъ излишней и сослался на свои сооруженія, прочность коихъ обусловливается только правильностью и тщательностью работъ, а не ихъ затяжкою. Департаментъ на заключеніе Дена, пространное и уснащенное многочисленными теоретическими выкладками, навелъ большую критику, сослался при этомъ на гласъ народа, не преминулъ до извѣстной сте-

пени усомниться въ качествѣ деновскихъ построекъ и всетаки оставилъ въ правилахъ постепенность. Николай Павловичъ, обыкновенно избѣгавшій проявленія давленія на инженеровъ въ вопросахъ сколько нибудь спорныхъ, правила утвердилъ, но при этомъ „соизволилъ Высочайше отозваться, что Его Величество остается при прежнемъ убѣжденіи, что произведенныя работы подъ руководствомъ генерала Дена съ такимъ успѣхомъ свидѣтельствуютъ объ ихъ крѣпости".

На слѣдующій годъ главнокомандующій дѣйствующей арміи, князь Варшавскій, сообщилъ военному министру, что Денъ, связанный контрактами по Брестъ-Литовску, разрѣшилъ въ строившейся тамъ оборонительной казармѣ сложить пять сводовъ не по новымъ правиламъ, а пріемомъ старымъ, и что онъ, князь Варшавскій, это разрѣшеніе утвердилъ. Инженерный департаментъ вновь представилъ всеподданнѣйшій докладъ полемическаго характера, по поводу котораго военный министръ сообщилъ, „что Его Величество всегда предполагалъ предоставить генералу Дену производить возведеніе сводовъ по строющимся имъ крѣпостямъ способомъ, прочность коего, вопреки правилъ, оказывается его опытамъ; поэтому Государь Императоръ и разрѣшаетъ употреблять этотъ способъ какъ въ Брестъ-Литовскѣ, такъ и въ прочихъ строющихся генераломъ Деномъ крѣпостяхъ; для вящшаго однако удостовѣренія, который изъ двухъ способовъ предпочтительнѣе, передать этотъ предметъ на обсужденіе въ главномъ управленіи публичныхъ зданій и въ департаментѣ военныхъ поселеній". Первое оказалось на сторонѣ инженернаго департамента, а второй на сторонѣ Дена. Вновь послѣдовалъ всеподданнѣйшій докладъ, а на немъ Государь собственноручно положилъ резолюцію: „Полагаю оставить по прежнему рѣшенію, т. е. въ постройкахъ подъ начальствомъ генерала Дена дозволить распоряжаться по его усмотрѣнію, какъ на опытѣ оправдавшемуся".

Когда, послѣ кончины Михаила Павловича, Денъ

былъ назначенъ инспекторомъ по инженерной части, Императоръ Николай І-й, сознавая наличность во главѣ инженернаго вѣдомства лица высококомпетентнаго, не только считался съ его мнѣніями рѣшительно во всемъ, касавшемся крѣпостного дѣла—онъ какъ бы измѣнилъ своей прежней тактикѣ въ рѣшеніи фортификаціонныхъ вопросовъ, какъ бы отрѣшился отъ прежняго абсолютизма и безъ Дена не ставилъ ни на чемъ окончательной точки. Весьма въ этомъ отношеніи рельефны слѣдующіе эпизоды изъ осмотра Царемъ Кіевской крѣпости 5 и 6 октября 1852 года, при которомъ Денъ, по болѣзни, отсутствовалъ. Государю предъявили проектъ укрѣпленія врѣзного гласиса у правой стороны корфа казармы на перешейкѣ, проектъ составленный по детальнымъ указаніямъ самого Монарха, безъ предварительнаго совѣщанія съ Деномъ. „А онъ утвердилъ это"? спросилъ Государь. Затѣмъ, поднесли проектъ укрѣпленія Панкратьевскаго косогора. „А онъ видѣлъ это?" Далѣе, проектъ переустройства цитадели. „А онъ видѣлъ это?" И послѣ отрицательныхъ отвѣтовъ на приведенные вопросы, сказалъ: „Поспѣшить представленіемъ и сдѣлать такъ, какъ инспекторъ по инженерной части утвердитъ". Далѣе, встрѣтивъ затрудненіе въ соединеніи оборонительною стѣнкою казармъ на перешейкѣ съ Подольскими воротами, Государь сказалъ: „Пусть это онъ рѣшитъ". А за годъ передъ тѣмъ, по поводу предложенія инженера путей сообщенія генералъ-маіора Четверикова о предупрежденіи обваловъ въ крутостяхъ крѣпостного рва, шедшаго отъ Николаевскихъ воротъ скатомъ къ Днѣпру, генералъ-адъютантъ графъ Адлербергъ писалъ Дену: „Его Величество, и въ семъ случаѣ, не довѣряя собственному своему убѣжденію, поручаетъ Вашему Высокопревосходительству сообразить и доложить" *).

Какъ довѣрялъ Императоръ отдѣльнымъ, извѣстнымъ Его Величеству съ хорошей стороны, дѣятелямъ инже-

*) I; № 165—1843 I, 172, 214—219, 243, К, № 56—1844, 3, 4; О, № 87—1847, 1, 4—9, 28, 32, 37; Ф, № 104—1834, 8—10.

нернаго дѣла, такъ всегда довѣрялъ онъ и инженерному департаменту, во главѣ котораго стояли лица, имъ лично избранныя по заслугамъ. Департаментъ, какъ увидимъ, нерѣдко вступалъ въ споръ съ вѣнценоснымъ военнымъ инженеромъ, не рѣдко, получая Высочайшія резолюціи, докладывалъ о неудобствѣ ихъ проведенія въ жизнь; и Николай Павловичъ не только не сердился въ такихъ случаяхъ, но весьма часто, когда доклады были убѣдительны, измѣнялъ свои рѣшенія. Его отношенія къ департаменту были настолько мягкими, что даже увертки департамента—пріемъ, котораго Императоръ обыкновенно не допускалъ—проходили благополучно.

Въ сентябрѣ 1834 года главноуправляющій путями сообщенія, генералъ-адъютантъ графъ Толь, доложилъ Государю, что при осмотрѣ мостового укрѣпленія въ Динабургѣ онъ убѣдился въ большой подверженности этого верка разрушенію наводненіемъ, благодаря невыполненію работъ по переустройству гласиса одновременно съ постройкою плотины вѣдомства путей сообщенія, работъ, заблаговременно утвержденныхъ именно для обезпеченія укрѣпленія отъ размыва Двиною; такое же положеніе дѣла привело къ тому, что сооруженная инженерами путей сообщенія плотина не отвращаетъ, а только усугубляетъ опасность. Государь приказалъ военному министру затребовать объясненій по дѣлу отъ инженернаго департамента, который отозвался, что соображенія графа Толя правильны, что гласисъ необходимо было поднять не менѣе какъ на 5 футъ и что это не сдѣлано по неимѣнію необходимыхъ денегъ. Тогда департаменту приказано было доложить, почему о катастрофѣ, которая могла уже произойти и продолжаетъ угрожать крѣпости не было донесено своевременно? Департаментъ представилъ цѣлый рядъ оправданій, въ сущности не выдерживавшихъ никакой критики, а центральнымъ пунктомъ своей правоты выставилъ то обстоятельство, что сумма на перестройку гласиса была внесена въ общую по Динабургу рубрику сверхсмѣтныхъ работъ на 1834 годъ.

что кредита на такія работы отпущено не было и что департаментъ посему „не считалъ себя въ правѣ входить вновь съ представленіемъ ни по одному изъ тѣхъ предположеній на сверсхмѣтныя суммы". Не согласившись ни съ однимъ изъ доводовъ доклада, военный министръ вошелъ съ соотвѣтствующимъ всеподданнѣйшимъ представленіемъ, въ коемъ указывалъ на оплошность департамента и на его увертки и просилъ наложенія на виновныхъ взысканія. Государь собственноручно положилъ весьма спокойную резолюцію: „Замѣчаніе департаменту справедливо; сумму же отпустить изъ остатковъ отъ 150.000 руб., на Кронштадтъ оставшихся".

Въ 1843 году князь Варшавскій, представляя предположеніе о вооруженіи отдѣльнаго укрѣпленія впереди Остроленскаго фронта въ Новогеоргіевскѣ, ходатайствовалъ, чтобы на сказанномъ укрѣпленіи было установлено не только охранительное, но и часть оборонительнаго вооруженія, съ назначеніемъ между прочимъ въ горжевой капониръ 10 орудій. Инженерный департаментъ, докладывая вопросъ Государю, указалъ, что послѣднее ходатайство непріемлемо, ибо въ горжевомъ одноэтажномъ капонирѣ 5 казематовъ, а въ каждомъ по одной амбразурѣ, почему 10 орудій—явное недоразумѣніе; слѣдуетъ назначить 5. Его Величество съ этимъ, конечно, согласился. Между тѣмъ, князь Варшавскій доложилъ Императору, что первоначально дѣйствительно предполагалось устроить капониръ въ одинъ этажъ; но впослѣдствіи самъ инженерный департаментъ перемѣнилъ проектъ и исходатайствовалъ постройку капонира въ два этажа, въ десять казематовъ, съ десятью амбразурами. Когда департаменту пришлось дѣло докладывать вновь, онъ сталъ выкручиваться, якобы оправдывая свое первоначальное мнѣніе; „нельзя ожидать атаки на всѣ части укрѣпленія", для верхняго этажа орудія „безъ затрудненія будутъ свезены съ пунктовъ укрѣпленія, которымъ наименѣе угрожаетъ опасность" и т. д. Государь приказалъ добавить еще 5 орудій, „признавая ихъ не излишними", и

ни словомъ не обмолвился о введенiи его департаментомъ въ заблужденiе.

Въ iюлѣ 1845 года инженернымъ департаментомъ всеподданнѣйше было доложено, что мѣстечко Грива, расположенное на лѣвомъ берегу Двины, въ 500 саж. отъ гребня гласиса Динабургской крѣпости, сплошь выгорѣло. Государь положилъ собственноручно резолюцiю: „Запретить вновь строить до утвержденiя плана Гривы, который представить на утвержденiе немедленно". Департаментъ сообщилъ о Высочайшемъ повелѣнiи на мѣсто и успокоился. Между тѣмъ въ *сентябрѣ* министръ внутреннихъ дѣлъ, который также былъ поставленъ въ извѣстность о Высочайшей резолюцiи, но позже, увѣдомилъ военнаго министра, что нѣкоторые обыватели Гривы уже обстроились на новыхъ мѣстахъ, а другiе строятся, и что посему приведенiе въ исполненiе воли Императора сопряжено съ большими потерями и убытками для малосостоятельныхъ поселянъ. Департаментъ далъ нагоняй командиру лифляндскаго инженернаго округа за непредставленiе плана, о составленiи котораго „немедленно" послѣдовало Высочайшее повелѣнiе, и затребовалъ отъ него генеральный планъ расположенiя вновь возведенныхъ и возводимыхъ зданiй. Получивъ таковой, департаментъ составилъ планъ всей деревни примѣнительно къ новымъ постройкамъ (т. е. надо полагать, не примѣнительно къ потребностямъ обороны) и, поднося проектъ на утвержденiе, указывалъ, что новыя зданiя могутъ остаться въ неприкосновенности, ибо ихъ расположенiе не противорѣчитъ плану. Государь положилъ собственноручную резолюцiю: „Согласенъ, но безъ новыхъ каменныхъ построекъ, какiя бы ни были". При этомъ былъ сдѣланъ видъ, будто передержка департамента даже не замѣчена.

До самаго конца дней своихъ Николай Павловичъ не терялъ непосредственной связи съ инженернымъ департаментомъ и съ отдѣльными чинами вѣдомства. Хотя по закону всѣ инженерныя дѣла докладывались Его Вели-

честву вначалѣ начальникомъ главнаго штаба, а впослѣдствіи военнымъ министромъ, но фактически къ этимъ докладамъ зачастую привлекались и высшіе чины инженернаго вѣдомства, и бывали случаи, при которыхъ доклады военнаго министра передокладывались названными чинами по требованію самого Царя. Такъ, въ 1842 году военный министръ, князь Чернышевъ, представилъ на Высочайшее утвержденіе проектъ оборонительной башни на Аландѣ, точно составленный по указаніямъ Государя. Его Величество проекта не утвердилъ и приказалъ, чтобы таковой былъ ему доложенъ лично вице-директоромъ инженернаго департамента, генералъ-маіоромъ Фельдманомъ; по докладу же послѣдняго проектъ былъ утвержденъ безъ измѣненій. Того же Фельдмана потребовалъ къ себѣ Государь для личнаго доклада въ 1845 году, по поводу представленія военнаго министра о мѣрахъ предупрежденія поврежденій въ земляныхъ крутостяхъ крѣпостныхъ верковъ, происходившихъ „отъ сильныхъ дождей и вѣтровъ“. Вообще, названный генералъ требовался къ Царю весьма часто. Когда же сложные проекты составлялись не въ центрѣ, а на мѣстахъ будущаго производства работъ, Николай Павловичъ либо разсматривалъ ихъ во время объѣздовъ крѣпостей, либо требовалъ къ себѣ кого либо изъ мѣстныхъ дѣятелей. Напримѣръ, въ январѣ 1838 г., по поводу представленія Государю княземъ Варшавскимъ проекта Ивангородской крѣпости, Его Величество повелѣлъ, „дабы подобные проекты были присылаемы сюда отъ главнокомандующаго дѣйствующею арміею съ нарочными офицерами для личныхъ объясненій“. Иногда же Государь посылалъ на мѣста инженерныхъ генераловъ, извѣстныхъ своими познаніями, и чаще всего такія порученія возлагались Царемъ на того же Фельдмана, всегда пользовавшагося большимъ довѣріемъ Монарха. Напримѣръ, въ 1834 году инженеръ полковникъ Бюрно составилъ на мѣстѣ цѣлый рядъ проектовъ по переустройству временныхъ береговыхъ батарей Севастополя въ долговременныя, а Госу-

дарь, получивъ проекты, приказалъ запросить предварительно заключенія по нимъ отъ главнаго командира черноморскихъ портовъ, адмирала Лазарева, и отъ мѣстнаго генералъ-губернатора, графа Воронцова. Но въ іюнѣ того же года Николай Павловичъ, озабоченный скорѣйшимъ открытіемъ работъ, рѣшилъ отправить въ Севастополь Фельдмана, снабдивъ его большими полномочіями, а „по случаю отправленія“ генерала повелѣлъ проекты „не представлять на разсмотрѣніе генералъ-адъютанту Лазареву, а отъ генералъ-адъютанта графа Воронцова потребовать только мнѣніе, но не ожидать сего мнѣнія для приступленія къ работамъ *).

Въ заботахъ своихъ о процвѣтаніи военно-инженерной части, Николай Павловичъ никогда не упускалъ изъ вида экономической стороны дѣла, всегда противился расширенію безъ крайней нужды штатовъ и прилагалъ всяческія старанія къ сокращенію расходовъ на различныя по вѣдомству мѣропріятія.

Въ отношеніи противодѣйствія раздуванію штатовъ ограничусь документами хотя бы одного 1832 года.

Въ апрѣлѣ этого года, когда возникъ вопросъ о необходимости устройства въ Закавказьѣ ряда новыхъ крѣпостей и опорныхъ пунктовъ, Михаилъ Павловичъ возбудилъ ходатайство объ организаціи, вмѣсто одного грузинскаго, двухъ инженерныхъ округовъ. На это Государь „соизволилъ Высочайше отозваться, что какъ изъ числа крѣпостей, внесенныхъ нынѣ въ число штатныхъ Закавказскаго края, многія еще не устроены, и самыя соображенія о возведеніи ихъ не окончены, почему первоначальныя соображенія о сихъ крѣпостяхъ во многомъ могутъ измѣниться, то посему Его Императорское Величество изволитъ полагать сохранить, впредь до опредѣленнаго разрѣшенія предмета сего, грузинскій инженерный округъ въ настоящемъ видѣ нераздѣльно“. Въ

---

*) I, № 110—1843, 1; № 88—1845, 2, 5, 7, 13—16; К. № 11—1838, 1—4, № 12—1843, 1—4, 8, 20, 25; № 18—1845, 2; 0, № 135—1851. 6; № 136—1852 7—9; Ф, № 73—1821, 138—140, 151—153; № 86—1833, 110.

августѣ, по случаю рѣшенія обратить Брестъ-Литовскъ въ крѣпость, инженерный департаментъ испрашивалъ повелѣніе на учрежденіе для Бреста инженерной команды 1-го класса, двухъ военно-рабочихъ и нѣсколькихъ арестантскихъ ротъ. Государь приказалъ инженерную команду организовать по штату 2-го класса, а названныхъ ротъ имѣть по одной (всѣ эти части предназначались обыкновенно для *содержанія*, а не для постройки крѣпостей). Наконецъ, въ декабрѣ мѣстное начальство и инженерный департаментъ ходатайствовали объ учрежденіи въ Варшавѣ спеціальной инженерной команды для вновь возводимой Александровской цитадели, ибо имѣющаяся въ городѣ команда занята содержаніемъ казармъ. Царь ходатайство отклонилъ и отозвался, что съ нѣсколько расширившимся дѣломъ справится и одна команда.

Въ отдѣлѣ, посвященномъ личному участію вѣнценоснаго военнаго инженера въ проектированіи и созданіи крѣпостей, будетъ приведенъ цѣлый рядъ наставленій, клонившихся къ соблюденію экономическихъ интересовъ казны путемъ планомѣрной организаціи работъ и использованія мѣстныхъ природныхъ и иныхъ условій; здѣсь же ограничусь такими примѣрами, относящимися къ періоду бытности Николая Павловича въ должности генералъ-инспектора.

Въ апрѣлѣ 1822 года, когда, по ходатайству генералъ-инспектора, было рѣшено передать въ инженерное вѣдомство восемь понтонныхъ ротъ, состоявшихъ до того времени при артилеріи, предполагалось между прочимъ отпустить 9.163 р. 20 к. на замѣну сбруи 4-й понтонной роты новою. Николай Павловичъ лично осмотрѣлъ сказанную сбрую, призналъ ее еще достаточно годною и отъ асигнованія отказался. Въ сентябрѣ того же года, когда было признано необходимымъ привести крѣпости юго-западнаго фронта въ оборонительное положеніе, намѣчалось установить въ нихъ палисады. Принимая во вниманіе крайнюю на югѣ дороговизну лѣса и возможность установки готовыхъ палисадинъ въ весьма короткій

срокъ, Великій Князь настоялъ на одной заготовкѣ этихъ предметовъ, съ храненіемъ ихъ затѣмъ подъ крышами „въ такихъ мѣстахъ, дабы они не могли портиться“. Въ томъ же году, собственноручно измѣнивъ утвержденный къ исполненію проектъ двухъ прибрежныхъ полигоновъ Динабургской крѣпости, Николай Павловичъ достигъ того, что намѣчавшіяся работы, исчисленныя въ суммѣ 621.000 р., безъ какого либо ущерба силѣ обороны, понизились въ стоимости до 467.000 р. Даже въ мелочахъ берегъ Августѣйшій генералъ-инспекторъ казенную копейку. Въ февралѣ 1825 года Великій Князь будучи въ Берлинѣ, освѣдомился, что въ Парижѣ продается собраніе моделей французской артилеріи и понтоновъ за 12.000 франковъ. Признавъ желательнымъ пріобрѣсти эту колекцію съ тѣмъ, чтобы, „по жребію или какъ по обстоятельствамъ удобнѣе окажется“, распредѣлить ее между инженернымъ и артилерійскимъ училищами, Николай Павловичъ поручилъ, однако, секретарю нашего посольства въ Парижѣ приложить стараніе къ пониженію цѣны. Колекція была куплена за 8.000 франковъ. Характерно то обстоятельство, что когда, впервые при новомъ генералъ-инспекторѣ, пересматривались штаты инженернаго департамента и зашелъ вопросъ о необходимости имѣть въ распоряженіи директора департамента нѣкоторую сумму на непредвидимыя надобности. Николай Павловичъ пред ставилъ для сей цѣли генералу Опперману свое жалованье по званію инженернаго генералъ-лейтенанта.

Великій Князь всегда лично разсматривалъ годовые отчеты о работахъ по крѣпостямъ. Мало того, онъ сравнивалъ результаты даннаго года съ предшествовавшими. И когда замѣчалъ экономическій прогресъ, оповѣщалъ объ этомъ отрадномъ фактѣ по корпусу. Такъ, сопоставивъ цѣны по Бобруйской крѣпости за 1821 и 1822 года и лично исчисливъ, что, вслѣдствіе пониженія таковыхъ въ 1822 году, получилась для казны экономія въ 79.000 руб., генералъ-инспекторъ объявилъ свою за эта благодарность

какъ командиру кіевскаго инженернаго округа, генералу Обручеву, такъ и командиру бобруйской инженерной команды, полковнику Розенмарку *).

Въ дѣятельности Николая Павловича какъ военнаго инженера красною чертою прошло его особое уваженіе къ старинѣ, стремленіе сохранить для потомства различные памятники древности.

Еще въ 1821 году, въ октябрѣ, Великій Князь сдѣлалъ распоряженіе о высылкѣ изо всѣхъ инженерныхъ учрежденій въ департаментъ всевозможныхъ плановъ и чертежей, относящихся къ XVIII вѣку и къ болѣе ранней эпохѣ. „Намѣреніе мое—писалъ онъ при этомъ—составить особенный архивъ изъ всѣхъ плановъ, меморій и прочаго старѣе 1800 года". Организація такого архива была Его Высочествомъ возложена на генералъ-маіора Фирсова. Въ 1826 году состоявшее подъ Высочайшимъ покровительствомъ общество русскихъ художниковъ, приступивъ къ составленію очерка „примѣчательныхъ зданій и памятниковъ Петербурга", обратилось къ Государю съ ходатайствомъ о повелѣніи оказать ему помощь со стороны всѣхъ правительственныхъ учрежденій, въ ихъ числѣ и инженерныхъ. На ходатайствѣ Императоръ положилъ резолюцію: „Предоставляю требовать свѣдѣнія самому обществу, дѣлая то съ моего разрѣшенія и моимъ именемъ". Въ томъ же году Государь повелѣлъ собрать свѣдѣнія, въ какихъ городахъ имѣются остатки древнихъ замковъ и крѣпостей и въ какомъ они находятся положеніи; при этомъ повелѣвалось составить и соотвѣтственные чертежи для представленія на Высочайшее воззрѣніе. „Воля Его Величества—сообщалъ министръ внутреннихъ дѣлъ всѣмъ губернаторамъ—есть, чтобы строжайше было запрещено таковыя зданія разрушать, что и должно оставаться на отвѣтственности начальниковъ городовъ и мѣстной полиціи". Инженерному

*) А, № 209—1819, 3, 4; № 62—1832, 10; № 88—1832, 64; Г, № 1—1822, 107; З, № 96—1822, 95, 98; И, № 8—1823, 693; И, № 67—1834, 2, 9; Ф, № 112—1824, 1—3 Приказъ, № 34—1823.—

вѣдомству было приказано всячески содѣйствовать губернаторамъ въ этомъ дѣлѣ. Непосредственно же по доставленіи сказанныхъ свѣдѣній, было въ первую очередь Высочайше повелѣно „привести въ надлежащую исправность“ Маріентальскую крѣпость у Павловска и поддерживать, какъ памятникъ старины, древнюю крѣпость Акерманъ. Въ 1844 году командиръ отдѣльнаго кавказскаго корпуса, генералъ-адъютантъ Нейдгардтъ, всеподданнѣйше представилъ проектъ возобновленія въ Пицундѣ стариннаго замка съ цѣлью помѣщенія въ немъ нашей духовной мисіи, предназначавшейся для проповѣди православія среди абхазцевъ. Государь повелѣлъ этотъ проектъ разсмотрѣть весьма тщательно „какъ предметъ, заслуживающій особеннаго вниманія и относящійся до древняго зданія, сохраненіе котораго столь драгоцѣнно“. Въ 1846 году, по инициативѣ виленскаго военнаго губернатора, было предположено сломать развалины, находившіяся на восточной оконечности Замковой горы у Вильны, по причинѣ того, что онѣ грозили обрушеніемъ и притомъ, нѣкоторою своею частью—на проѣзжую дорогу; поддержаніе же руинъ признавалось невозможнымъ по ихъ крайней ветхости. Государь, затребовавъ чертежи, собственноручно отмѣтилъ, какую, относительно небольшую, часть развалинъ дѣйствительно надлежитъ для безопасности разобрать; „на сломку же прочихъ стѣнъ Высочайшаго соизволенія не послѣдовало“.

Но рельефнѣе всего отношеніе Николая Павловича къ памятникамъ старины выразилось на примѣрахъ Смоленска и Нарвы.

Въ ноябрѣ 1821 года Николай Павловичъ освѣдомился, что въ Смоленскѣ, вскорѣ послѣ Отечественной войны, многія части старыхъ крѣпостныхъ стѣнъ были признаны грозящими обрушеніемъ, вслѣдствіе чего подлежащія власти предоставили разборку этихъ стѣнъ и вѣдомству путей сообщенія — для постройки изъ получаемаго матеріала новаго моста, и вѣдомству внутреннихъ дѣлъ — для сооруженія разныхъ казен-

ныхъ зданій, и даже тѣмъ изъ городскихъ обывателей, которые потерпѣли убытки при нашествіи на Смоленскъ Наполеона. Великій Князь тотчасъ же обратился къ министру внутреннихъ дѣлъ, графу Кочубею, съ просьбой о сообщеніи — что въ Смоленскѣ уже разобрано, что намѣчено къ разборкѣ и въ какомъ видѣ находится древняя крѣпость; получивъ же такія свѣдѣнія и необходимые чертежи, испросилъ экстреннымъ порядкомъ Высочайшее повелѣніе „о немедленномъ прекращеніи сломки стѣнъ и башенъ города Смоленска“. Было разрѣшено воспользоваться матеріалами только отъ частей уже разобранныхъ и докончить разборку участковъ, фактически доведенныхъ почти до нуля. Тутъ же явилась мысль поддержать остающееся; но мысль эта сочувствія не встрѣтила. Взойдя на престолъ, Николай Павловичъ, уже въ 1827 году, приказалъ составить проектъ исправленія смоленскихъ „ветхостей“, оговоривъ при этомъ, что „весьма желательно, чтобы вообще древнія стѣны и башни, окружающія Смоленскъ, были приведены въ лучшій видъ, если только инженерный департаментъ найдетъ возможность исполнить сіе хотя исподволь изъ остатковъ суммъ, отпускаемыхъ въ его распоряженіе по годовымъ росписямъ“. Желаніе Монарха повидимому было принято болѣе къ свѣдѣнію, чѣмъ къ исполненію. Въ 1829 году Царю доложили, что одна изъ башенъ грозитъ обрушеніемъ. Собственноручная резолюція: „Починить какъ была“. Департаментъ донесъ начальнику главнаго штаба, что выполнить Высочайшую волю не можетъ за неимѣніемъ денегъ, почему и просилъ о разрѣшеніи башню разобрать. Графъ Чернышевъ отозвался, что не считаетъ себя въ правѣ докладывать ходатайство департамента Государю. Повторное аналогичное ходатайство, всеподданнѣйшій докладъ и Высочайшее повелѣніе: работы произвести за счетъ наличныхъ суммъ съ возвратомъ отъ гражданскаго вѣдомства, „о чемъ, по

окончаніи работъ, Государь Императоръ изволитъ дать надлежащее, кому слѣдуетъ, повелѣніе". Департаментъ докладываетъ, что башню перестраивать нельзя: развалится во время работъ. Государь приказываетъ „составить смѣтное исчисленіе для возведенія вмѣсто оной, на новомъ прочномъ фундаментѣ, другой башни, съ сохраненіемъ, однако же, стиля и вида древности, такъ, чтобы сія новая башня, во внутреннемъ и внѣшнемъ расположеніи, во всемъ была подобна старой, и съ тѣмъ, чтобы новое строеніе имѣло и самый діаметръ стараго, буде сохраненіе онаго окажется возможнымъ". При этомъ „Его Величеству благоугодно было отозваться, что по неимѣнію теперь въ инженерномъ департаментѣ суммы, изъ коей можно было бы произвесть требуемую для сего издержку, асигнована будетъ на построеніе помянутой башни особая сумма". Исчислено 72.000 руб. Государь приказалъ построить на наличныя инженерныя суммы, далѣе изыскать, чѣмъ можно башню занять, напримѣръ, для помѣщенія полицейскихъ чиновъ, кантонистовъ и проч., и затѣмъ деньги, затраченныя на работы, потребовать въ возвратъ отъ вѣдомства, въ которое зданіе поступитъ.

Посѣтивъ въ іюлѣ 1822 года Нарву, Николай Павловичъ во всѣхъ подробностяхъ осмотрѣлъ дворецъ Петра Великаго и древнюю крѣпость Иванъ-городъ, а уѣзжая приказалъ, чтобы петровскій дворецъ всегда обрѣтался „въ наилучшей опрятности" и чтобы „въ Иванъ-городѣ башни покрыть досками, а стѣны никогда не ломать". Это приказаніе соблюдалось въ точности. Но вотъ, въ апрѣлѣ 1844 года, случилось маленькое неблагополучіе: во дворцѣ опрокинулся шкафъ съ древней хрустальной посудой—надо думать, „отъ подгнитія шиповъ ножекъ, имѣющихъ шарообразный видъ и высоту отъ пола до основанія шкафа въ $1^1/_2$ фута"—при чемъ многое разбилось. Когда объ этомъ доложили Царю, послѣдовало повелѣніе командировать въ Нарву одного изъ членовъ

общаго присутствія инженернаго департамента для тщательнаго осмотра дворца и составленія соображенія, что нужно „къ исправленію и поддержанію этого древняго памятника славы и величія Россіи“. Отправленный на мѣсто военный инженеръ полковникъ Жуковскій донесъ, что въ общемъ во дворцѣ все находится въ исправности и что если желательно кой-что сдѣлать, такъ это исправить нѣкоторыя „ветхости“ самаго зданія, отремонтировать мебель и привести „въ благообразный видъ“ окружающую дворецъ мѣстность, на что потребуется около 2.500 руб. На докладѣ объ этомъ Государь положилъ собственноручную резолюцію: „Согласенъ, но съ тѣмъ, чтобы все возобновлялось *совершенно въ прежнемъ видѣ*, при чемъ и мебель *подновлять*, а не передѣлывать *отнюдь*“ (курс. подл). Въ слѣдующемъ году, въ іюлѣ, послѣдовало Высочайшее повелѣніе—не дозволять на будущее время строить *въ крѣпости* Нарвѣ деревянные дома, а при постройкѣ и перестройкѣ каменныхъ „придерживаться въ архитектурѣ готическаго стиля, дабы сохранить и примѣняться сколь можно болѣе древности существующихъ тамъ зданій“. Проекты и фасады таковыхъ повелѣно представлять каждый разъ на Высочайшее утвержденіе. Одновременно съ этимъ Императоръ приказалъ, „для поддержанія и исправленія Гермейстерскаго замка Иванъ-города и прочихъ древнихъ строеній“ всей Нарвской крѣпости, „съ соблюденіемъ ихъ первобытнаго вида“, назначать ежегодно по 5.000 руб. серебр., а вскорѣ послѣ этого военный министръ сообщилъ инженерному департаменту, что сказанное асигнованіе обусловлено желаніемъ Государя „сохранить, елико возможно, всѣ строенія и укрѣпленія крѣпости Нарвы, въ особенности Вышгорода или тамошней цитадели, крѣпостныя стѣны и Иванъ-города, а равно казенныя зданія, преимущественно тѣ, кои древностью своею драгоцѣнны“. Исправленія указывалось производить постепенно, а инженерному департаменту, по волѣ Его Величества, вновь подтверждено, „чтобы все исправляемое непремѣнно

сохранило свой древній характеръ". Получивъ такой приказъ, департаментъ вошелъ къ военному министру съ докладомъ, въ коемъ между прочимъ указывалось, что стѣны Иванъ-города „до того повреждены и мѣстами разрушены, что, по неимѣнію старыхъ чертежей, невозможно судить, въ какомъ видѣ эти части первоначально состояли". То же можно сказать и о казематахъ. Для исполненія же Высочайшей воли, департаментъ полагалъ послать въ Нарву начальника отдѣленія этого же учрежденія, колежскаго совѣтника Рѣзвого, бывшаго гвардейскаго инженера, который „по врожденной склонности имѣетъ основательныя познанія въ древней архитектурѣ и археологіи", съ порученіемъ ему разобраться и составить соображеніе на мѣстѣ. Князь Чернышевъ доложилъ объ этомъ Государю. Его Величество согласился, а когда, въ сентябрѣ 1847 года, Рѣзвой представилъ свою работу, лично разсмотрѣлъ ее и положилъ собственноручную резолюцію: „Прекрасная работа. Г. Рѣзвому сдѣлать подарокъ; самое же исправленіе начать какъ предположено, но не выходя изъ опредѣленныхъ на то способовъ. Арестантскую роту усилить".

Справедливость требуетъ отмѣтить, что Николай Павловичъ, въ бытность генералъ-инспекторомъ, произвелъ однажды и извѣстное покушеніе на старину, но старину въ нашихъ глазахъ. Въ октябрѣ 1822 года Великій Князь вошелъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ, въ которомъ указывалъ, что въ Михайловскомъ замкѣ размѣщены различныя инженерныя учрежденія и что посему „существующая надъ главнымъ фронтономъ онаго, во всю длину фасада надпись: „Дому Твоему подобаетъ святыня Господня въ долготу дней", равно надписи надъ воротами: „Воскресенскія", „Зачатейскія" и „Рождественскія" — неприличествуютъ болѣе сему зданію". Поэтому Его Высочество испрашивалъ разрѣшеніе—надписи снять, а на главномъ фронтонѣ изобразить: „Домъ инженернаго корпуса" или „Инженерный корпусъ" и тому подобное". 23 февраля 1823 года было Высочайше повелѣно Михай-

ловскій замокъ „называть впредь Инженернымъ замкомъ“: о надписяхъ же умалчивалось *).

Для пополненія настоящей главы, въ которой авторъ стремился сгрупировать данныя, дающія общую характеристику личности Николая Павловича, какъ руководителя инженерной частью въ Россіи, приводится нѣсколько примѣровъ проявленія Государемъ особаго хладнокровія и мужества при личномъ участіи Его Величества въ различныхъ инженерныхъ операціяхъ на театрѣ военныхъ дѣйствій въ 1828—1829 г.г.

13 мая 1828 года, когда подъ Браиловомъ была закончена наша главная осадная батарея, Императоръ, едва оправившійся отъ лихорадки, прибылъ къ мѣсту постройки на разсвѣтѣ, съ цѣлью провѣрить работы. Какъ и всегда, Государя сопровождала свита. Замѣтивъ скопленіе людей, турки не замедлили открыть по батареѣ огонь, грозившій съ минуты на минуту обратиться въ весьма мѣткій, такъ какъ перелеты чередовались съ недолетами. По свидѣтельству графа Бенкендорфа, Царь не обращалъ на это никакого вниманія; едва-едва уговорили Его Величество покинуть батарею. Черезъ нѣсколько дней, 28 числа, непосредственно послѣ переправы войскъ черезъ Дунай у Исакчи, Императоръ, не ожидая наводки прибывшаго изъ Измаила моста, направился на другой берегъ въ лодкѣ, въ которой кромѣ Монарха находились лишь 12 запорожцевъ гребцовъ съ атаманомъ Гладкимъ. Это былъ актъ безспорнаго, но и не безцѣльнаго мужества: съ одной стороны, запорожцы были нашими вчерашними смертельными врагами, а нѣсколько лишнихъ ударовъ веселъ могли доставить Царя въ турецкую еще Исакчу, съ другой стороны, оказываемое казакамъ чрезвычайное довѣріе не могло не произвести на нихъ громаднаго впечатлѣнія. 8 іюля, при инженерной рекогносцировкѣ у

*) А, № 118—1826, 1; В, № 52—1822, 1, 2; № 5—1827, 2; № 9—1827, 2; З, № 69—1822, 1; № 2—1823, 1—4; И, № 41—1831, 38; І, № 46—1844, 3, 5, 7, 29, 42; № 91—1845, 4; № 95—1845, 1, 3, 140—143, 252; № 64—1846, 3; Л, № 37—1845, 1; Ф, № 75—1821, 1—6, 9, 117, 152, 161, 187.

Шумлы, вызвавшей Буланлыкское сраженіе, Государь самъ распоряжался всѣми дѣйствіями, и очевидцы свидѣтельствуютъ, что спокойствіе Его Величества было изумительнымъ: будто на маневрахъ у Краснаго Села. Въ ночь на 9 іюля, когда приступали къ осаднымъ работамъ у Шумлы по плану, лично разработанному Государемъ, Его Величество направился въ самое опасное мѣсто и самъ сдѣлалъ первый ударъ киркою у перваго редута. Подъ Шумлой же, объѣзжая наши позиціи по два раза въ день, Государь неоднакратно подвергался явной опасности; кромѣ того, каждый разъ, когда изъ крѣпости открывали по осаднымъ работамъ огонь, Царь, при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ, спѣшилъ къ обстрѣливаемому мѣсту для личнаго ознакомленія съ положеніемъ дѣлъ и для личнаго руководства дѣйствіями нашей артиллеріи. Узнавъ вскорѣ, что производившаяся въ то же время осада Варны далеко не приводитъ къ вожделѣннымъ результатамъ, Николай Павловичъ рѣшилъ немедленно направиться туда и едва согласился взять въ прикрытіе небольшой отрядъ, хотя дорога, проходившая по крайне пересѣченной мѣстности, считалась чрезвычайно опасной. Послѣднее и подтвердилось: на ней встрѣтили непріятельскую конницу, съ которой чуть было не завязался бой; та же конница произвела однажды ночное нападеніе на бивакъ Императора, закончившееся къ счастью вполнѣ благополучно

Въ заключеніе, нельзя не отмѣтить, что пріѣздъ Государя подъ Варну на осадной операціи отразился весьма благотворно: разобщеніе крѣпости отъ дорогъ съ юга, произведенное по личному указанію Царя, непосредственное руководство составленіемъ и осуществленіемъ плана минной войны и принятіе Императоромъ „сомнительнаго“ въ глазахъ многихъ, шильдеровскаго плана „сокращеннаго хода“ осадныхъ работъ—таковы были главнѣйшіе факторы, повлекшіе паденіе вражеской крѣпости *).

*) Шильдеръ. Имп. Н. I, П, 130, 136, 143, 147, 148, 150, 152; Волькенштейнъ, 31, 35, 41.

ГЛАВА II.

Общія черты организаціи инженернаго корпуса и степень вліянія на эту организацію Николая Павловича. Высшее военное управленіе ко времени назначенія перваго генералъ-инспектора по инженерной части. Первоначальный органъ генералъ-инспектора; его права и обязанности. Частичныя преобразованія центральнаго военнаго управленія по восшествіи Николая Павловича на престолъ. Штабъ генералъ-инспектора. Коренныя реформы военнаго министерства. Положеніе о генералъ-инспекторѣ. Органъ инспектора по инженерной части. Комплектованіе инженерныхъ войскъ и учрежденій офицерами. Положеніе о главномъ инженерномъ училищѣ и черты изъ постановки обученія кондукторовъ и офицеровъ. Выпуски въ инженерный корпусъ изъ кадетскихъ корпусовъ. Составъ инженернаго корпуса и положеніе о немъ. Инженеры гвардейскіе, полевые и гарнизонные. Органы начальниковъ инженеровъ армій и корпусовъ. Инженерные округа. Правила для нихъ и исключенія для окраинъ. Строгость служебныхъ отношеній въ порядкѣ подчиненности. Особыя условія въ западномъ округѣ. Самостоятельность Дена и опора на главнокомандующаго. Пререканія Дена съ инженернымъ департаментомъ. Отношеніе къ этому со стороны Императора. Вѣдѣніе воинскими зданіями въ крѣпостяхъ и внѣ оныхъ. Учрежденіе гвардейской казарменной комисіи. Передача воинскихъ зданій внѣ крѣпостей въ департаментъ военныхъ поселеній. Двоевластіе въ береговыхъ крѣпостяхъ. Эпизоды недоразумѣній и пререканій. Оплата службы и труда военныхъ инженеровъ. Общее увеличеніе окладовъ и оклады добавочные. Денежныя награды и пособія. Запретъ частныхъ работъ.

Какъ было сказано въ предисловіи, настоящій очеркъ отнюдь не является исторіей инженернаго управленія за разсматриваемый періодъ времени. Однако, безъ выясненія, хотя бы въ общихъ чертахъ, организаціи и функціи этого управленія, а также взаимоотношеній къ общему военному управленію страны обойтись нельзя, ибо иначе въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи явилось бы много неяснаго, много недоговореннаго. Кромѣ того, послѣдующія строки имѣютъ и прямое отношеніе къ коренной темѣ очерка, ибо центръ тяжести ихъ лежитъ на вопросѣ о степени личнаго участія Николая Павловича въ дѣлѣ подъема

инженернаго корпуса на должную во всѣхъ отношеніяхъ высоту.

Первоначальное „учрежденіе“ военнаго министерства, разработанное Магницкимъ по схемѣ знаменитаго автора организаціи у насъ министерствъ вообще, т. е. по схемѣ Сперанскаго, было опубликовано въ 1812 году. По этому „учрежденію“, во главѣ вѣдомства стоялъ военный министръ, а центральными органами являлись департаменты: 1) артилерійскій, подчиненный директору, носившему вмѣстѣ сь тѣмъ званіе инспектора артилеріи, 2) инженерный, подчиненный директору, носившему вмѣстѣ съ тѣмъ званіе инспектора инженернаго корпуса, 3) инспекторскій съ директоромъ, 4) комисаріатскій съ генералъ-кригсъ-комисаромъ, 5) аудиторскій съ генералъ-аудиторомъ, 6) провіантскій съ генералъ-провіантмейстеромъ и 7) медицинскій съ директоромъ; при военномъ министрѣ состояла „общая канцелярія“ и „совѣтъ министра“; при министерствѣ вообще—общее по арміи дежурство, дежурство по рекрутской части и военно-ученый комитетъ, состоявшій изъ предсѣдателя и шести непремѣнныхъ членовъ, по два отъ артилеріи, отъ инженернаго корпуса и отъ квартирмейстерской части (генеральнаго штаба). Однако, при вступленіи Николая Павловича во вновь учрежденную должность генералъ-инспектора по инженерной части схема военнаго министерства была нѣсколько иной: по указу 12 декабря 1815 года министерству и въ мирное время былъ данъ строй, создавшійся въ періодъ Отечественной войны, по которому высшимъ центральнымъ военнымъ органомъ явился „главный штабъ Его Императорскаго Величества“ во главѣ съ его начальникомъ. Въ главномъ же штабѣ числились: военный министръ, инспектора артилеріи и инженернаго корпуса, генералъ-квартирмейстеръ, дежурный генералъ, генералъ-провіантмейстеръ, генералъ-кригсъ-комисаръ, генералъ-аудиторъ, комендантъ Императорской квартиры, генералъ-вагенмейстеръ, инспектора госпиталей и медицинской части, капитанъ надъ вожатыми и оберъ-

священникъ арміи. Прежніе департаменты остались въ неприкосновенности, а во главѣ ихъ директоры— должностныя лица, по мысли спеціально вѣдавшія этими учрежденіями, на практикѣ же совмѣщавшія обязанности директоровъ департаментовъ съ обязанностями инспекторовъ артилеріи, инженернаго корпуса и т. д. Докладчикомъ у Государя *по всѣмъ предметамъ* былъ начальникъ главнаго штаба; военный министръ былъ ему подчиненъ непосредственно и вѣдалъ самостоятельно только экономическою частью; директоры департаментовъ подчинялись по дѣламъ, „предусмотрѣннымъ учрежденіемъ о большой дѣйствующей арміи"—начальнику главнаго штаба, а по дѣламъ хозяйственнымъ—военному министру. По званіямъ инспекторовъ артилеріи и инженернаго корпуса, при директорахъ соотвѣтственныхъ департаментовъ состояли особыя канцеляріи.

Должность генералъ-инспектора по инженерной части была учреждена 1 іюля 1817 года. Генералъ-инспекторъ также состоялъ при главномъ штабѣ Его Величества. Его органъ—канцелярія—вначалѣ имѣлъ характеръ импровизаціи: личный составъ былъ позаимствованъ изъ инженернаго департамента, а на содержаніе канцеляріи Николай Павловичъ предоставилъ свое жалованье по званію генералъ-инспектора, именно 2000 руб. (жалованье по чину инженернаго генералъ-лейтенанта—2.779 руб.— Великій Князь передалъ въ распоряженіе генерала Оппермана „на извѣстное ему употребленіе", т. е. на выдачу пособій чинамъ департамента и корпуса въ экстренныхъ случаяхъ). 1 іюня 1818 года генералъ-инспекторъ писалъ начальнику главнаго штаба: При вступленіи въ должность „встрѣтилъ я при самомъ началѣ затрудненіе въ производствѣ дѣлъ отъ того, что при мнѣ не положено никакой канцеляріи. Необходимость заставила меня заимствоваться на первый случай чиновниками изъ инженернаго департамента, а писарями изъ ввѣреннаго мнѣ инженернаго корпуса. Но какъ симъ способомъ отвлекаются они отъ настоящихъ своихъ

мѣстъ, въ коихъ настоитъ въ нихъ также надобность по обязанностямъ, на нихъ возложеннымъ", то необходимо учредить особую штатную канцелярію. Выработанный Великимъ Княземъ штатъ былъ Высочайше утвержденъ 23 іюля того года. По штату были положены: правитель канцеляріи, его помощникъ, три чиновника, два писаря и два сторожа. Правителемъ канцеляріи былъ назначенъ адъютантъ Его Высочества — измайловскаго полка капитанъ Перовскій. Канцелярія помѣщалась въ наемномъ зданіи.

Права и обязанности генералъ-инспектора вначалѣ регламентированы не были, но фактически Николай Павловичъ быстро сталъ полнымъ хозяиномъ и начальникомъ инженернаго вѣдомства, лишь формально и то только *отчасти* подчиненнымъ начальнику главнаго штаба, ибо только нѣкоторые вопросы вершались черезъ послѣдняго, а большинство безъ его посредничества. Напримѣръ, о всѣхъ новыхъ назначеніяхъ и перемѣщеніяхъ по инженерному корпусу генералъ-инспекторъ подавалъ рапорты непосредственно на Высочайшее имя. Что же касается военнаго министра, то отношенія между нимъ и генералъ-инспекторомъ были совершенно неопредѣленными, и не будетъ большою ошибкою предположеніе, что Николай Павловичъ даже чурался опеки со стороны тогдашняго военнаго министра, конечно, не лица, а органа. Происходили отсюда и недоразумѣнія, какъ слѣдствія весьма сложнаго порядка взаимоотношеній лицъ высшей военной администраціи, порядка, по которому, напримѣръ, генералъ Опперманъ былъ подчиненъ: какъ директоръ инженернаго департамента—военному министру, какъ инспекторъ инженернаго корпуса—начальнику главнаго штаба, а какъ директоръ и инспекторъ—генералъ-инспектору, который, въ свою очередь, лишь отчасти былъ подчиненъ начальнику главнаго штаба и вовсе не подчиненъ военному министру. Такъ, 8 августа 1818 года Николай Павловичъ писалъ Князю Волконскому: „Его Императорскому Величеству угодно

было словесно мнѣ объявить, чтобы впредь *всѣ проекты* о крѣпостяхъ шли отъ меня прямо къ Вашему сіятельству, а не черезъ господина военнаго министра"; по докладѣ же дѣла военному министру, въ приказѣ Оппермана по инженерному корпусу было объявлено, что приведенное повелѣніе касается „*единственно* проектовъ на новыя укрѣпленія и крѣпости". Еще болѣе путаные документы относятся къ маю 1821 года, когда Оппермaнъ, за отсутствіемъ Великаго Князя, исполнялъ обязанности генералъ-инспектора. Военный министръ сообщилъ ему о Высочайшемъ повелѣніи осуществить рядъ оборонительныхъ мѣръ, намѣченныхъ по артилерійской части для нештатныхъ крѣпостей, и приказалъ сдѣлать, вытекающія изъ этого повелѣнія, распоряженія по части инженерной. Оппермaнъ отвѣтилъ, что инженерное вѣдомство считаетъ въ своемъ управленіи только крѣпости, вошедшія въ штатъ 1819 года. Военный министръ отозвался: „Мнѣ не остается иного сказать, какъ только то, дабы извѣстное Вашему Превосходительству Высочайшее повелѣніе... было въ точности исполнено". Оппермaнъ переписку представилъ начальнику главнаго штаба. Князь Волконскій, по существу Высочайшаго повелѣнія, сообщилъ: „Нахожу, что предписаніе сіе вовсе не касается инженернаго вѣдомства". Оппермaнъ этотъ отзывъ направилъ военному министру, и баронъ Меллеръ-Закомельскій замолчалъ. Аналогичныхъ примѣровъ можно было бы привести не мало.

Но если, такъ сказать, во внѣшнихъ сношеніяхъ порядки по инженерному вѣдомству и не отличались особой опредѣленностью, то внутренній укладъ былъ установленъ Николаемъ Павловичемъ и скоро, и совершенно точно. Всю часть искусственную по военно-строительной и войсковой техникѣ Великій Князь взялъ въ свою руки полностью; по этой части Оппермaнъ былъ ему только помощникомъ. Часть же административная была раздѣлена на предметы вѣдѣнія генералъ-инспектора и директора департамента. Приказомъ

10 октября 1819 года предписано представлять на разрѣшеніе генералъ-инспектора всѣ дѣла объ опредѣленіяхъ на службу, объ увольненіяхъ со службы, объ отпускахъ и командировкахъ всѣхъ чиновъ корпуса, объ инспекторскихъ смотрахъ, о присшествіяхъ, о пенсіяхъ и пособіяхъ, о вступленіи въ бракъ всѣхъ офицеровъ, о ходатайствахъ по части воспитанія дѣтей, о претензіяхъ къ казнѣ, о подсудности и т. д. Кстати, замѣтимъ, что почти на всѣхъ бумагахъ, относящихся къ этого рода дѣламъ, не смотря на огромное ихъ количество, имѣются собственноручныя резолюціи Великаго Князя, всегда пользовавшагося при этомъ перомъ и чернилами.

Николай Павловичъ повидимому сознавалъ недостатки установившагося высшаго военнаго управленія и вскорѣ по вступленіи на престолъ началъ подготовлять соотвѣтственную реформу. Уже въ маѣ 1828 года, при отъѣздѣ начальника главнаго штаба Его Величества, графа Дибича, къ дѣйствующей арміи, Монархъ соединилъ должность послѣдняго и военнаго министра въ одномъ лицѣ, и лицомъ этимъ явился графъ Александръ Ивановичъ Чернышевъ. Далѣе, въ 1832 году послѣдовалъ указъ объ „образованіи“, а въ 1836 году объ „учрежденіи“ военнаго министерства. По указу 1832 года, главный штабъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ ранѣе, былъ упраздненъ, и военная власть была объединена въ однѣхъ рукахъ, въ рукахъ военнаго министра. Хотя главный штабъ и продолжалъ именоваться „главнымъ штабомъ Его Императорскаго Величества“, но во главѣ его стоялъ уже дежурный генералъ, непосредственно подчиненный военному министру. Въ общемъ, схема военнаго министерства была однородной съ тою, какая дѣйствуетъ у насъ въ настоящее время. Опубликованное же 29 марта 1836 года „учрежденіе“ военнаго министерства должно разсматриваться какъ подробная регламентація порядковъ, установленныхъ въ 1832 году.

За этотъ промежутокъ времени, собственно по инженерному вѣдомству, произошли слѣдующія измѣненія.

Въ мартѣ 1827 года директору инженернаго департамента, генералу Опперману, былъ подчиненъ вновь учрежденный строительный департаментъ по морской части съ директоромъ послѣдняго, генералъ-лейтанантомъ Карбоньеромъ. 13 марта 1828 года канцелярія генералъ-инспектора была переформирована въ штабъ генералъ-инспектора. Въ 1831 году, въ особой собственноручной запискѣ по поводу реорганизаціи высшаго военнаго управленія, Государь между прочимъ начерталъ: „Военный министръ управляетъ непосредственно... в) артилерійскою и инженерною частью, какъ посредникъ между генералъ-фельдцейхмейстеромъ и генералъ-инспекторомъ инженеровъ, по искусственной и инспекторской ихъ частямъ, для доклада Государю". Въ іюлѣ того же года, по случаю кончины инспектора инженернаго корпуса и директора инженернаго департамента, графа К. И. Оппермана, Государь назначилъ и. об. инспектора инженернаго корпуса—начальника штаба генералъ-инспектора, генералъ-адъютанта Геруа, съ оставленіемъ и въ прежней должности, а и. об. директора инженернаго департамента—вице-директора, генералъ маіора Вансовича. Тогда же строительный департаментъ по морской части былъ изъятъ изъ вѣдѣнія сухопутнаго инженернаго начальства. Въ январѣ 1832 года н. д. инспектора инженернаго корпуса и директора инженернаго департамента назначенъ Императоромъ строитель Динабурга, генералъ-маіоръ Клименко и тогда же изъ вѣдѣнія директора департамента изъято главное инженерное училище, съ учрежденіемъ особой должности главноуправляющаго артилерійскимъ и инженернымъ училищами (назначенъ генералъ-адъютантъ Сухозанетъ). Въ 1837 году, за уходомъ Клименка, управляющимъ инженернымъ департаментомъ назначенъ генералъ-адъютантъ Геруа, съ оставленіемъ въ должности началь-

Директоръ инженернаго департамента
Карлъ Ивановичъ
графъ **ОППЕРМАНЪ**
1812—1831 г.г.
(Съ писаннаго красками портрета изъ инженернаго комитета).

ника штаба генералъ-инспектора, и тогда же должность главноуправляющаго специальными училищами упразднена, а „ближайшій надзоръ“ за главнымъ инженернымъ училищемъ порученъ Геруа.

По положенію 1832 года объ образованіи военнаго министерства, инженерный департаментъ, оставшійся въ прежнемъ своемъ видѣ, былъ поставленъ „въ совокупное управленіе военнаго министра и военнаго совѣта“; военный министръ обязанъ былъ слѣдить за порядкомъ въ департаментѣ и явился высшимъ начальникомъ служащихъ въ немъ. По „учрежденію“ же 1836 года, большихъ перемѣнъ въ устройствѣ инженернаго департамента не произошло. По этому поводу, передъ утвержденіемъ новаго „учрежденія“, военный министръ всеподданнѣйше докладывалъ: „По инженерной части также необходимо точное распредѣленіе обязанностей между управленіемъ генералъ-инспектора по инженерной части и военнымъ министромъ... ограничивъ обязанности министерства одною хозяйственною частью. Вообще, управленіе инженерное, поставленное прежде на степень отличнаго порядка и устройства, не требуетъ коренныхъ преобразованій“. Затѣмъ, въ 1836 году, на обязанность департамента было возложено „содержаніе въ исправности и готовности всѣхъ крѣпостей и укрѣпленій, военносухопутному управленію подвѣдомственныхъ; построеніе новыхъ крѣпостей; завѣдываніе воинскими зданіями, устроенными въ крѣпостяхъ и на форштатахъ, также Инженернымъ замкомъ; исправное содержаніе инженерныхъ парковъ и арсеналовъ; отопленіе, освѣщеніе и содержаніе тѣхъ зданій и снабженіе инженерныхъ войскъ нѣкоторыми вещами и ремонтами“ (§ 69). Далѣе, управленіе инженерною частью было „раздѣлено“ между генералъ-инспекторомъ и военнымъ министромъ. Первому врученъ общій надзоръ за состояніемъ всѣхъ частей вѣдомства и части: строевая, учебная, ученая и искусственная; второму—общая система сооруженія крѣпостей и вся часть хозяйственная. Имѣлись у нихъ и „совокуп-

ныя“ обязанности, заключавшіяся въ опредѣленіи стратегической „точки“ крѣпости и въ надзорѣ за постройкой и содержаніемъ крѣпостей, при чемъ военный министръ долженъ былъ избирать „мѣстность“ для крѣпости по стратегическимъ соображеніямъ, а генералъ-инспекторъ — „пунктъ“ для нея по соображеніямъ фортификаціоннымъ (§§ 308—317).

Организація военнаго министерства 1836 года сохранилась въ неприкосновенности до конца царствованія Императора Николая I. По инженерной же части отмѣтимъ слѣдующія перемѣны.

26 апрѣля 1838 года послѣдовало Высочайшее утвержденіе перваго положенія о генералъ-инспекторѣ по инженерной части. Общая часть этого положенія—сколокъ съ соотвѣтственной части „учрежденія“ военнаго министерства. Затѣмъ, регламентировалось: Генералъ-инспекторъ, пользуясь правами командира отдѣльнаго корпуса, инспектируетъ всѣ инженерныя войска и учрежденія и руководитъ распорядительною частью вѣдомства. „Всякое новое учрежденіе или перемѣна въ составѣ или назначеніи какой-либо части инженернаго вѣдомства, равнымъ образомъ всѣ усовершенствованія или изобрѣтенія, къ инженерному дѣлу относящіяся, черезъ какое бы лицо или мѣсто они представляемы ни были, поступаютъ непремѣнно на предварительное разсмотрѣніе генералъ-инспектора“. Всѣ дѣла по кругу вѣдѣнія генералъ-инспектора, подлежащія Высочайшему утвержденію, представляются черезъ военнаго министра. Военному же министру генералъ-инспекторъ представляетъ всѣ замѣчанія свои по осмотру войскъ и учрежденій. Директоръ инженернаго департамента подчиняется генералъ-инспектору во всемъ, кромѣ части хозяйственной; но и по послѣдней части, черезъ общее присутствіе департамента, генералъ-инспектору представляются на заключеніе всѣ вопросы, касающіеся усовершенствованій въ снабженіи и въ постройкахъ. Отвѣтственности генералъ-инспекторъ подвергается за превышеніе или за бездѣйствіи власти,

при чемъ мѣра отвѣтственности опредѣляется Высочайшею волею.

Въ 1849 году, послѣ кончины Великаго Князя Михаила Павловича, должность генералъ-инспектора была упразднена, а вмѣсто нея учреждена должность инспектора по инженерной части. Послѣднюю, съ 29 ноября того года, занялъ инженеръ генералъ И. И. Денъ. Въ концѣ этого года Высочайше утверждено положеніе объ инспекторѣ, почти ничѣмъ не отличавшееся по формѣ и еще того менѣе по существу отъ положенія 1838 года о генералъ-инспекторѣ. Тогда же генералъ адъютантъ Геруа былъ назначенъ членомъ военнаго совѣта, должность директора инженернаго департамента вручена генералъ адъютанту Фельдману, а должность начальника штаба инспектора по инженерной части—генералъ-маіору Политковскому. Канцелярія директора инженернаго департамента, по званію инспектора инженернаго корпуса, упразднена, а дѣла ея переданы въ штабъ инспектора по инженерной части. Наконецъ, въ томъ же году главное инженерное училище было подчинено Наслѣднику Цесаревичу, въ качествѣ главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, съ оставленіемъ на инженерномъ вѣдомствѣ обязанности направленія и инспектированія спеціальной части, а также снабженія училища соотвѣтственными пособіями.

26 ноября 1852 года должность генералъ-инспектора была возстановлена и на нее назначенъ Великій Князь Николай Николаевичъ. При этомъ было объявлено: „управленіе же инженернымъ корпусомъ... остается на прежнемъ основаніи, впредь до особаго повелѣнія“. Николай Николаевичъ фактически вступилъ въ должность въ 1856 году *).

*) А, № 132—1818, 1—5; № 219—1818, 1, 4, 5; № 40—1819, 21, 22, № 209—1819, 3, 4; И, № 19—1821, 1—9; С, № 219—1818, 2; Т, № 17—1849, 1, 3, 7, 17; Ф, № 3—1818, 10, 32, 43, 44, 73, 160, 202, 266; Э, № 50—1834 2; Приказы: № 40—1831; №№ 10, 15, 34—1832; № 18—1836; №№ 44, 59, 64—1849; № 7—1850; № 90—1852; I П. С. З. № 27.428; II П. С. З., №№ 942, 1.867, 5.318, 9.038, 11.171, 23.522; 100. В. М., I, 177—182, 219, 220, 232, 296.

Въ общія обязанности инженернаго департамента входило комплектованіе инженерныхъ войскъ и учрежденій офицерами и кондукторами, и благополучное разрѣшеніе этой задачи всегда озабочивало Николая Павловича и какъ генералъ-инспектора, и какъ Императора. Основнымъ разсадникомъ офицеровъ служило главное инженерное училище; кондуктора подготовлялись преимущественно при петербургскомъ баталіонѣ военныхъ кантонистовъ.

Какъ мы видѣли, главное инженерное училище—дѣтище Николая Павловича—было основано 24 ноября 1819 года, т. е. уже на другой годъ по вступленіи Великаго Князя въ должность генералъ-инспектора. По положенію о новомъ училищѣ, таковое было учреждено для образованія инженерныхъ, саперныхъ и піонерныхъ офицеровъ. Въ училище принимались по экзамену юноши 14—18 лѣтъ, нѣсколько уже подготовленные къ инженерной службѣ, т. е. либо отслужившіе опредѣленный срокъ вольноопредѣляющимися въ инженерныхъ войскахъ, либо окончившіе частныя инженерныя школы. Училище подраздѣлялось на два отдѣленія: офицерское и кондукторское; первое заключало два класса, второе три. Штатъ офицерскаго отдѣленія—48 подпоручиковъ; штатъ кондукторскаго—96 воспитанниковъ. Програма офицерскаго отдѣленія была приноровлена къ принципу, по которому военный инженеръ долженъ быть прежде всего военнымъ, знающимъ и строительную часть, но отнюдь не исключительно строителемъ.

При учрежденіи главнаго инженернаго училища были нарочито установлены снисходительные пріемные экзамены „для привлеченія большаго числа охотниковъ". Но съ теченіемъ времени, когда въ такихъ охотникахъ сталъ наблюдаться уже преизбытокъ, экзаменаціонныя требованія значительно усилили. Къ концу двадцатыхъ годовъ это дало возможность передвигать постепенно преподаваніе наукъ изъ высшихъ классовъ въ низшіе, при чемъ въ верхній кондукторскій классъ перешло

немало предметовъ, ранѣе преподававшихся въ младшемъ офицерскомъ. „Черезъ то—говорится въ одномъ изъ отчетовъ по училищу—кондуктора верхняго класса производятся уже нынѣ въ офицеры съ познаніями, необходимыми для инженернаго офицера, и могутъ впредь прямо отправляться на службу“. Одновременно съ этимъ въ офицерскихъ классахъ было значительно расширено преподаваніе спеціальныхъ курсовъ и упорно проводилось въ жизнь стремленіе кончать всѣ теоретическіе курсы въ младшемъ офицерскомъ классѣ съ тѣмъ, чтобы въ старшемъ офицеры получали образованіе практическое („d'application“). Для правильной постановки послѣдняго дѣла, Николай Павловичъ повелѣлъ преподавателей фортификаціи посылать поочередно, въ каникулярное время, во всѣ значительнѣйшія русскія крѣпости съ цѣлью изученія ими практики крѣпостного строительства; всѣхъ же прочихъ преподавателей обязать слѣдить за иностранной литературой, а по разсмотрѣннымъ ими сочиненіямъ, преимущественно по прикладнымъ инженернымъ наукамъ, давать „критическія замѣчанія“ съ выраженіемъ мнѣнія о томъ, что полезно вводить въ русскую практику. Чистая практика обучаемыхъ въ общемъ заключалась въ слѣдующемъ:

Кондуктора обучались въ лагеряхъ плетенію туровъ. вязкѣ фашинъ и постройкѣ простѣйшихъ мостовъ; производили лабораторныя артилерійскія работы и проходили первоначальный практическій курсъ стрѣльбы изъ орудій. Офицеры „посылались еженедѣльно въ теченіе цѣлаго года“ на главнѣйшія постройки, производившіяся въ столицѣ, для практическаго ознакомленія ихъ со строительнымъ искусствомъ, и участвовали въ ученіяхъ трехъ родовъ оружія, кои производились для слушателей курсовъ Императорской военной академіи. Офицерскій младшій классъ производилъ инструментальныя и глазомѣрныя съемки, а старшій на продолжительное время отправлялся въ Кронштадтъ „для узнанія порядка крѣпостной службы и *для производства* инже-

нерныхъ работъ“. Въ концѣ лѣта офицеры обоихъ курсовъ направлялись въ общій саперный лагерь для осмотра саперныхъ, осадныхъ и минныхъ работъ, при чемъ „сами трасировали противъ учебнаго полигона паралели, траншеи и батареи“; тамъ же присутствовали они при стрѣльбѣ изъ всѣхъ образцовъ полевой и осадной артилеріи. По окончаніи полнаго курса и по пробытіи года на дѣйствительной службѣ, каждый изъ „отличнѣйшихъ“ офицеровъ командировался, по Высочайшей волѣ, въ различныя крѣпости „для практическаго изученія производимыхъ тамъ инженерныхъ работъ“. Такіе офицеры были обязаны представлять въ главное инженерное училище подробные отчеты о своихъ занятіяхъ, и отчеты эти, съ критическимъ разборомъ преподавателей, прочитывались въ старшемъ офицерскомъ классѣ.

А. И. Савельевъ утверждаетъ, будто бы главное инженерное училище служило при Николаѣ Павловичѣ *единственнымъ* разсадникомъ инженерныхъ офицеровъ и будто бы такой порядокъ былъ нарушенъ только въ 1849 году, послѣ кончины Михаила Павловича и послѣ перехода этого училища въ вѣдѣніе управленія военно-учебными заведеніями. Почтенный исторіографъ инженернаго департамента говоритъ, будто начальникъ штаба названнаго управленія, генералъ-адъютантъ Ростовцевъ, „не могъ помириться съ мыслью“, что только изъ инженернаго училища, „бывшаго въ его вѣдѣніи“, офицеровъ выпускали въ инженерный корпусъ, „а выпускаемые изъ кадетскихъ корпусовъ этого права не имѣли“. Онъ указываетъ даже число впервые выпущенныхъ въ инженерный корпусъ кадетъ: сначала два, потомъ три, Какъ будетъ видно изъ послѣдующихъ строкъ, это невѣрно. Недоразумѣніе тѣмъ болѣе странно, что кадетовъ выпускали въ инженерные офицеры регулярно даже въ сороковыхъ годахъ. непосредственно передъ переходомъ инженернаго училища подъ власть Ростовцева. Такъ, въ 1843 году частью въ полевые инженеры,

частью въ саперы выпущено не мало кадетъ изъ трехъ петербургскихъ, московскаго, финляндскаго, полоцкаго и тульскаго кадетскихъ корпусовъ и изъ дворянскаго полка. Собственно въ полевые инженеры тогда выпущены кадеты: Матусевичъ, Черевинъ 1-й, Неовіусъ и т. д.

По документамъ не удалось установить, былъ ли прекращенъ выпускъ въ инженерный корпусъ кадетъ непосредственно послѣ учрежденія главнаго инженернаго училища; быть можетъ и такъ. Однако, скоро контингентъ училища оказался для комплектованія инженерныхъ войскъ и учрежденій недостаточнымъ и уже положеніемъ 20 апрѣля 1830 года о кадетскихъ корпусахъ было предусмотрѣно, что лучшіе изъ кадетовъ выпускаются въ инженерный корпусъ (какъ и въ гвардію, и артилерію). Затѣмъ, былъ прекращенъ выпускъ изъ инженернаго училища въ морскую строительную часть, а возстановленъ только въ 1838 году, но уже на новыхъ основаніяхъ: на соотвѣтственное число увеличенъ штатъ училища и содержаніе дополнительныхъ вакансій отнесено на счетъ морского вѣдомства.

Кадеты шли въ инженерный корпусъ охотно и въ такомъ числѣ, что въ серединѣ сороковыхъ годовъ въ инженерныхъ войскахъ и учрежденіяхъ обнаружился значительный сверхкомплектъ. Тогда, именно въ январѣ 1847 года, Государь повелѣлъ: всѣхъ воспитанниковъ главнаго инженернаго училища, какъ общихъ, такъ и офицерскихъ классовъ, выпускать въ инженерный корпусъ хотя бы сверхъ комплекта; безпрепятственно выпускать въ тотъ же корпусъ и тѣхъ кадетъ, кои заявятъ желаніе поступить, на имѣющіяся вакансіи, въ офицерскіе классы главнаго инженернаго училища; вообще же, выпускъ кадетъ въ инженерныя войска и учрежденія сократить и сохранить это право только за „отличнѣйшими“ изъ кончающихъ военно-учебныя заведенія.

Не касаясь пока инженерныхъ войскъ, о которыхъ рѣчь будетъ впереди, перехожу къ организаціи инженернаго корпуса по части административно-технической.

По общему штату 1803 года всего военныхъ инженеровъ положено было имѣть 229. Этотъ штатъ сильно разросся въ 1810 году, когда число военныхъ инженеровъ было опредѣлено въ 402. Всѣ военные инженеры, кромѣ состоявшихъ при центральномъ и окружныхъ управленіяхъ, служили въ крѣпостяхъ были одной категоріи и въ чинахъ имѣли передъ арміей преимущество: чинъ маіора существовалъ, но не было чина штабсъ-капитана. Штатъ 1810 года, по современной обстановкѣ. представился чрезмѣрнымъ, и эта чрезмѣрность выражалась главнымъ образомъ въ томъ, что во всѣхъ крѣпостяхъ, не исключая и малыхъ, совершенно неважныхъ и даже незаслуживавшихъ названія крѣпости, имѣлись особыя инженерныя команды. Въ такихъ крѣпостяхъ и работъ почти никакихъ не производилось, даже по ремонту зданій и верковъ, а военные инженеры пребывали въ нихъ въ полномъ бездѣйствіи. Съ другой стороны, обширность штатовъ и невозможность выдѣленія на корпусъ большихъ денежныхъ средствъ приводили къ тому, что служба всѣхъ военныхъ инженеровъ оплачивалась крайне скудно. Николай Павловичъ, непосредственно по вступленіи въ должность генералъ-инспектора, обратилъ на это самое серьезное вниманіе и уже въ февралѣ 1818 года всеподданнѣйше ходатайствовалъ объ упраздненіи инженерныхъ командъ въ 12 „такъ называемыхъ“ крѣпостяхъ *), о сокращеніи общаго инженернаго штата и объ увеличеніи за счетъ получаемой такимъ путемъ экономіи окладовъ содержанія. Императоръ Александръ I на это соизволилъ, и въ результатѣ явился новый штатъ и новое положеніе объ инженерномъ корпусѣ, разработанные подъ ближайшимъ руководствомъ генералъ-инспектора и Высочайше утвержденные 1 января 1819 года.

По положенію 1819 года, инженеры полевые, „какими нынѣ всѣ инженерные офицеры считаются“, были раздѣле-

*) Подробности во II части очерка.

ны на двѣ категоріи: на инженеровъ *полевыхъ* и инженеровъ *гарнизонныхъ*, при чемъ ко второй категоріи были причислены офицеры, практически знакомые со строительнымъ дѣломъ, но не обладавшіе достаточными теоретическими познаніями. На будущее же время намѣчалось въ полевые инженеры выпускать преимущественно успѣшно окончившихъ курсъ главнаго инженернаго училища, а въ гарнизонные—неуспѣшно окончившихъ тотъ же курсъ и производимыхъ въ офицеры изъ кондукторовъ инженернаго вѣдомства, кои могли, однако, удостаиваться офицерскаго званія не ранѣе 12 лѣтъ дѣйствительной службы. Преимущество въ чинахъ передъ арміей осталось только за полевыми инженерами, но съ измѣненіемъ прежняго порядка: введенъ чинъ штабсъ-капитана и упраздненъ чинъ маіора. Всего положено имѣть: полевыхъ инженеровъ—266 (10 генераловъ, 48 штабъ и 208 оберъ-офицеровъ), гарнизонныхъ—61 (3 подполковника, 6 маіоровъ и 52 оберъ-офицера).

Положеніе и штатъ 1819 года, въ общемъ, дѣйствовали до конца царствованія Николая Павловича; производились только частичныя реформы, наиболѣе существенной изъ которыхъ явилось нарожденіе новой категоріи военныхъ инженеровъ: 3 декабря 1820 года, по ходатайству генералъ-инспектора, былъ организованъ составъ инженеровъ *гвардейскихъ*, первоначально предназначавшихся главнымъ образомъ для завѣдыванія казармами гвардейскаго корпуса. Гвардейскихъ инженеровъ положено было имѣть: 1-го генерала, 4-хъ штабъ и 14 оберъ-офицеровъ. Съ переходомъ же гвардейскихъ казармъ въ вѣдѣніе департамента военныхъ поселеній, т. е. съ 1835 года, штатъ гвардейскихъ инженеровъ былъ сокращенъ до 1-го генерала, 2-хъ штабъ и 4-хъ оберъ-офицеровъ, „предназначенныхъ собственно для полевыхъ работъ“. Въ 1850 году этотъ штатъ былъ еще уменьшенъ на одного штабъ и одного оберъ-офицера.

Правда, въ мартѣ 1841 года Михаилъ Павловичъ представилъ Государю проектъ новой организаціи инже-

нернаго корпуса и просилъ безотлагательно преобразовать на новыхъ началахъ хотя бы три инженерныхъ округа. Однако, Николай Павловичъ, „отлагая окончательное утвержденіе сего проекта до подробнаго соображенія онаго въ установленномъ порядкѣ“, отозвался, „что по значительности требуемой прибавки къ штату, означенный проектъ едва ли можетъ быть въ скоромъ времени приведенъ въ дѣйствіе“. Въ видѣ опыта, по настояніямъ Великаго Князя, Императоръ согласился переформировать сначала одинъ, а потомъ и другой округъ. Но поскольку мѣра эта была осуществлена— сказать трудно. Къ тому же, одинъ изъ намѣченныхъ къ преобразованію округовъ былъ вскорѣ совсѣмъ упраздненъ *).

Переходя къ организаціи мѣстныхъ инженерныхъ органовъ, прежде всего скажу нѣсколько словъ о начальникахъ инженеровъ армій и корпусовъ.

По военной организаціи временъ Императора Николая Павловича, органы начальниковъ инженеровъ армій формировались только при мобилизаціи и ихъ составы опредѣлялись въ соотвѣтствіе съ обстановкой. Но было исключеніе: въ западной арміи, постоянно именовавшейся „дѣйствующею“, начальникъ инженеровъ арміи существовалъ и въ мирное время; ему были подчинены инженерныя войска и всѣ инженерныя учрежденія западнаго округа. По части строительной на немъ лежали всѣ функціи командира инженернаго округа, и хотя тамъ же существовалъ также и послѣдній, но фактически командиръ западнаго инженернаго округа являлся какъ бы помощникомъ начальника инженеровъ арміи.

Въ мирное же время имѣлись начальники инженеровъ корпусовъ: гвардейскаго и отдѣльныхъ: кавказскаго, оренбургскаго и сибирскаго. Начальникъ инженеровъ

*) А, № 40—1819, 1, 11, 22; В, № 44—1820, 6—18; Ж, № 77—1841, 1—4; Ф, № 67—1834, 2—15 Э, № 64—1834, 16; Приказы: № 3—1838; № 37—1843; I П. С. З., №№ 20. 648, 24. 099, 27. 617, 27. 998; II П. С. З., №№ 3. 615, 10. 857, 16. 285, 20. 852, 24. 165; Ал. С., 1615, 1616.

гвардейскаго корпуса, по началу, до перехода казарменнаго дѣла въ департаментъ военныхъ поселенiй, былъ занятъ почти исключительно постройкою и содержанiемъ гвардейскихъ казармъ; позднѣе же, по кругу его дѣятельности, ему болѣе приличествовало бы называться командиромъ сводной саперной бригады, въ составъ которой входили гвардейскiй, учебный и гренадерскiй саперные баталiоны (послѣднiй—по преобразованiи номерныхъ бригадъ) и гвардейскiй конно-пiонерный эскадронъ (дивизiонъ). Что же касается начальниковъ инженеровъ отдѣльныхъ корпусовъ, т. е. кавказскаго, оренбургскаго и сибирскаго, то по мирному времени функцiя ихъ была совершенно аналогичной съ функцiей командировъ прочихъ инженерныхъ округовъ государства; проще—они были тѣми же командирами инженерныхъ округовъ, но подъ другимъ названiемъ, и это явствуетъ хотя бы изъ того, что въ округахъ сибирскомъ и оренбургскомъ обѣ названныя должности всегда совмѣщались въ одномъ лицѣ, а въ округѣ грузинскомъ та же мѣра была фактически осуществлена еще въ 1819 году и узаконена окончательно въ 1835 году.

По штату 1819 года, за упраздненiемъ въ томъ же году астраханскаго, состояло всего 10 инженерныхъ округовъ: новофинляндскiй (командиръ генералъ-маiоръ Обручевъ), старофинляндскiй (генералъ-маiоръ Шрейтерфельдъ 1-й), петербургскiй (полковникъ Латынинъ), лифляндскiй (генералъ-маiоръ Шрейтерфельдъ 2-й), кiевскiй (генералъ-маiоръ Глуховъ), дунайскiй (полковникъ Карповъ), херсонскiй (генералъ-маiоръ Федоровъ), грузинскiй (генералъ-маiоръ Хотяевъ), оренбургскiй (генералъ-маiоръ Ракуза) и сибирскiй (полковникъ Булыгинъ). Въ 1828 году, послѣ перехода въ наши руки турецкихъ крѣпостей Тульчи, Мачина, Гирсова, Браилова, Исакчи, Варны и Кюстенджи, кои было рѣшено срыть, былъ образованъ одинадцатый инженерный округъ—задунайскiй, выполнившiй свою задачу къ лѣту 1830 года и тогда же упраздненный. Въ 1831 году, съ упраздненiемъ

автономнаго управленія въ царствѣ Польскомъ, а также съ рѣшеніемъ производства работъ по постройкѣ и перестройкѣ крѣпостей въ Модлинѣ (Новогеоргіевскъ), Замосцьѣ, Варшавѣ и Брестъ-Литовскѣ, былъ организованъ западный инженерный округъ. Въ 1835 году, по причинѣ упраздненія ряда крѣпостей въ Финляндіи, послѣ чего въ старофинляндскомъ округѣ осталась одна крѣпость, въ Выборгѣ, и одинъ фортъ, „Слава“ въ Роченсальмѣ, округъ этотъ былъ соединенъ съ новофинляндскимъ; получился просто финляндскій округъ. Наконецъ, въ 1850 году былъ упраздненъ инженерный округъ сибирскій, а въ 1851 году херсонскій. Такимъ образомъ, къ концу царствованія Императора Николая I всего инженерныхъ округовъ было 8.

Такъ какъ въ разсматриваемый періодъ времени инженерные органы вѣдали почти исключительно крѣпостями, то командиры инженерныхъ округовъ, въ общемъ имѣвшіе права и обязанности по крѣпостной части аналогичныя съ нынѣшними, особо широкой дѣятельности не проявляли. И это тѣмъ болѣе потому, во-первыхъ, что почти во всѣхъ возводимыхъ крѣпостяхъ, какъ-то въ Динабургѣ, Бобруйскѣ, Севастополѣ, Кіевѣ, Брестѣ, Варшавѣ, Новогеоргіевскѣ и на Аландѣ, имѣлись хозяйственные комитеты, надѣленные большими полномочіями, а во-вторыхъ, что нѣкоторыя крѣпостныя строительства, какъ, напримѣръ, въ Севастополѣ и Рожищѣ, минуя мѣстныя власти, были подчинены непосредственно инженерному департаменту. За то нерѣдко на командировъ инженерныхъ округовъ возлагались непосредственное руководство и отвѣтственность за постройку отдѣльныхъ крѣпостей. Такъ, командиръ лифляндскаго округа строилъ одно время Динабургскую крѣпость, командиръ кіевскаго округа—Бобруйскъ, а затѣмъ Кіевъ и т. д. Самые органы командировъ инженерныхъ округовъ были весьма скромные и состояли въ большинствѣ изъ адъютанта при одномъ или двухъ чиновникахъ. Невелики были инженерные штаты и въ крѣпостяхъ: въ первоклассныхъ—

1 полковникъ или подполковникъ, 4 оберъ-офицера, 5 юнкеровъ или кондукторовъ и 11 низшихъ служителей, т. е. цейхвартеровъ, писарей, сторожей и проч.; во второклассныхъ—1 подполковникъ или капитанъ, 3 оберъ-офицера, 3 юнкера и 7 служителей; въ третьеклассныхъ—1 капитанъ, 2 оберъ-офицера и 5 служителей.

Взаимоотношеніе мѣстныхъ инженерныхъ органовъ и центральнаго управленія въ округахъ Европейской Россіи, по всѣмъ частямъ, а въ особенности по части искусственной, весьма мало отличались отъ нынѣшнихъ. Останавливаться на этомъ вопросѣ посему не буду. Но нельзя, съ другой стороны, не отмѣтить, что служебные порядки въ то время отличались, если не крутостью, то полной опредѣленностью. Такой тонъ далъ Николай Павловичъ, въ бытность свою генералъ-инспекторомъ, и тонъ этотъ звучалъ въ инженерномъ департаментѣ долго. Документовъ, рисующихъ строгость отношенія Николая Павловича къ служебнымъ порядкамъ, въ первой главѣ было приведено не мало. Былъ и такой случай.

Въ іюлѣ 1821 года генералъ Оппerманъ представилъ Великому Князю рапортъ, поданный на имя Его Высочества командиромъ херсонскаго инженернаго округа, генераломъ Федоровымъ, состоявшимъ подъ судомъ за злоупотребленія по должности. Николай Павловичъ отозвался на это между прочимъ такими строками: „Генералъ-маіоръ Федоровъ, забывъ долгъ и порядокъ службы, осмѣлился въ ономъ рапортѣ приносить оправданія, которыя прилично было приносить ему *въ комисіи военнаго суда, а не въ рапортѣ на мое имя* (курс. подл.). Предписываю Вашему Превосходительству, воротивъ сей рапортъ генералъ-маіору Федорову, замѣтить ему, *что онъ повидимому мало свѣдущъ въ порядкѣ дѣлъ* (то же). Ежели же имѣетъ партикулярныя жалобы. то можетъ ихъ изъяснить *или въ комисіи, или прямоко мнѣ въ партикулярномъ письмѣ, но не въ видѣ рапорта и не тѣмъ слогомъ, каковымъ оный писанъ* (то же). Не могу не изъявить и Вашему Превосходительству моего удивленія, что пропустили сіе

обстоятельство безъ всякаго со своей стороны замѣчанія".

Строгость отношенія къ служебнымъ порядкамъ со стороны перваго генералъ-инспектора, какъ сказано, перешла и въ инженерный департаментъ, а директоры послѣдняго держали подвѣдомственныхъ имъ частныхъ начальниковъ въ Европейской Россіи, можно сказать, въ ежовыхъ рукавицахъ. Весьма нагляднымъ тому примѣромъ можетъ послужить слѣдующій фактъ.

Строитель Бобруйской крѣпости, полковникъ Кокоревъ, обратился въ 1840 году съ частнымъ письмомъ непосредственно къ управляющему инженернымъ департаментомъ, генералъ-адъютанту Геруа. Письмо начиналось словами: „Общія правила, Высочайше одобренныя, какъ равно и предписанія инженернаго департамента, одинаково налагаютъ отвѣтственность за отступленіе. Не находя средствъ согласить общее постановленіе и частное предписаніе, буду обвиненъ во всякомъ случаѣ. Такое затруднительное положеніе вынуждаетъ меня доказывать справедливость требованій инженерной команды, основанныхъ на общихъ постановленіяхъ. Переписка этого рода, по поверхностному на нее взгляду, можетъ присвоить мнѣ готовность къ возраженію противу распоряженій начальства. Опасаясь такого упрека, я осмѣлился здѣсь изложить, что обязываетъ меня испрашивать отмѣны въ назначеніяхъ департамента". Далѣе слѣдуетъ полемика по поводу забракованныхъ смѣтъ, сущность которой видна ниже, и просьба—смѣты пересмотрѣть вновь и съ возраженіями согласиться, „безъ чего я подвергнусь невинно строгой отвѣтственности". Письмо заканчивается соображеніемъ: „Взысканія за ошибки дѣйствуютъ временно; дѣйствія же вопреки Высочайшихъ постановленій могутъ затмить 33-лѣтнюю мою службу и всю мою будущность".

Геруа отвѣтилъ Кокореву официіальной бумагой, столь выпукло изложенной, что привожу ее почти цѣликомъ.

„Вы относитесь ко мнѣ письмомъ, изъ котораго видно превратное и въ непозволительномъ тонѣ изложенное сужденіе Ваше объ исправленіяхъ и сокращеніяхъ, сдѣ-

ланныхъ инженернымъ департаментомъ въ представленныхъ Вами смѣтахъ. Хотя изложенiе таковыхъ сужденiй, избранныхъ Вами, господинъ полковникъ, неправильнымъ путемъ, не заслуживало бы вниманiя, но для указанiя Вамъ всей неосновательности подобныхъ непозволительныхъ объясненiй Вашихъ съ начальствомъ, которое всѣ распоряженiя дѣлаетъ не иначе, какъ по тщательномъ и внимательномъ разсмотрѣнiи каждаго дѣла, не излишнимъ считаю сообщить Вамъ слѣдующее: Въ первомъ пунктѣ Вашего письма Вы полагаете невозможнымъ назначать въ подносчики къ вольнонаемнымъ каменщикамъ крѣпостныхъ арестантовъ, тогда какъ относительно сего воспрещенiя не существуетъ, и по всему инженерному вѣдомству таковыя назначенiя допускаются, а воспрещено только смѣшенiе во время работъ арестантовъ съ солдатами, на что имѣются особыя причины. Во второмъ, третьемъ и четвертомъ пунктахъ, Вы жалуетесь на увеличенiе противъ урочнаго положенiя уроковъ каменщикамъ и нижнимъ чинамъ изъ войскъ по переноскѣ земли и на отказъ въ добавленiи суммы на покупку инструментовъ и мѣшковъ. Если бы Вы обратили должное вниманiе на предписанiе департамента... то нашли бы въ немъ полное объясненiе, на какихъ основанiяхъ и сколь правильно сдѣланы были упомянутыя сокращенiя въ смѣтѣ. Въ объясненiи же Вашемъ Вы не излагаете вовсе никакихъ причинъ и доказательствъ, по которымъ сдѣланное департаментомъ назначенiе почитаете недостаточнымъ. Во избѣжанiе на будущее время подобныхъ, неосновательныхъ и съ порядкомъ не согласованныхъ, объясненiй, я предлагаю Вамъ, господинъ полковникъ, впредь не обращаться ко мнѣ съ письмами подобнаго содержанiя; а въ случаѣ, если, по Вашему мнѣнiю, Вы встрѣтите какiя либо недоразумѣнiя въ предписанiяхъ департамента, то входить установленнымъ порядкомъ съ представленiями, излагая Ваши сомнѣнiя не въ безотчетныхъ опроверженiяхъ заключенiй инженернаго департамента, но ясно, обстоятельно и точно, со всѣми необхо-

димыми доказательствами для полнаго убѣжденія въ тѣхъ затрудненіяхъ, которыя могутъ быть встрѣчены Вами при исполненіи предписаній департамента. Въ заключеніе присовокупляю, что никакое начальство не дѣйствуетъ черезъ подчиненныхъ своихъ иначе, какъ согласно съ Высочайше утвержденными правилами и на основаніи законовъ, и не дѣлаетъ отступленій отъ оныхъ безъ разрѣшенія высшей власти, и потому Вы должны быть увѣрены, что, при точномъ соблюденіи установленнаго порядка и исполненіи предписаній начальства, 33-лѣтняя служба Ваша омрачена быть не можетъ, а, напротивъ того, произвольныя дѣйствія, въ противность узаконеній и распоряженій начальства, не могутъ быть оправданы и долголѣтнею службою".

Таковы были взаимоотношенія между центромъ и мѣстными органами во внутреннихъ округахъ. На окраинахъ же порядки были иные и главнымъ образомъ потому, что въ Финляндіи—поначалу, а въ Польшѣ, въ Сибири, въ Оренбургскомъ краѣ и на Кавказѣ—долгое время—дѣйствовали особыя узаконенія и особыя полномочія мѣстныхъ военныхъ властей.

Въ Финляндіи, хотя ко времени вступленія Николая Павловича въ должность генералъ-инспектора и существовало два инженерныхъ округа, но почти всѣ крѣпости находились въ завѣдываніи какого-то миѳическаго комитета генералъ-маіора Барклая-де-Толи. 13 іюля 1819 года Николай Павловичъ, указывая, что „комитетъ, Высочайше утвержденный по финляндскимъ укрѣпленіямъ, самъ собою кончился смертью покойнаго генерала, ибо другихъ въ ономъ членовъ не было", просилъ Императора Александра I о передачѣ всѣхъ финляндскихъ крѣпостей, а равно дѣлъ и чертежей по нимъ, въ вѣдѣніе инженернаго департамента, на что и послѣдовало Высочайшее соизволеніе. Замѣтимъ кстати, что по доставленіи въ Петербургъ дѣлъ и чертежей, найденныхъ въ кабинетѣ Барклая, Великій Князь лично разсортировалъ ихъ и только послѣ этого направилъ въ департаментъ.

По округамъ сибирскому и оренбургскому значительная часть укрѣпленныхъ пунктовъ находилась въ вѣдѣніи „кордоннаго управленія“, всецѣло подчиненнаго командирамъ отдѣльныхъ корпусовъ. Въ 1819 году Николай Павловичъ испросилъ Высочайшее соизволеніе на передачу въ полное вѣдѣніе командирамъ же корпусовъ крѣпостей: по сибирской линіи—Ямышевской, Семипалатинской, Бійской и Кузнецкой и по оренбургской линіи—Кизильской, Верхнеуральской, Звѣриноголовской и Троицкой; тогда же были переданы командирамъ корпусовъ и суммы на содержаніе этихъ крѣпостей: сибирскаго—37.000 руб. и оренбургскаго—15.000 руб. въ годъ. Наконецъ, въ 1839 году тѣмъ же командирамъ корпусовъ Государь предоставилъ право утверждать собственною властью всѣ проекты на исправленіе крѣпостныхъ сооруженій, „съ тѣмъ, чтобы о всѣхъ перемѣнахъ въ веркахъ крѣпостей упомянутыхъ округовъ немедленно извѣщаемъ былъ инженерный департаментъ“.

Такое обособленное положеніе сибирскаго и оренбургскаго инженерныхъ округовъ на практикѣ приводило къ тому, что степень вліянія инженернаго департамента тамъ была далеко не твердой. Почти все находилось въ рукахъ командировъ отдѣльныхъ корпусовъ, которые ревниво оберегали свою власть отъ покушеній на нее со стороны департамента, отстраняя иногда даже заботливость послѣдняго о службѣ и судьбѣ безспорно ему подвѣдомственныхъ инженерныхъ офицеровъ.

Для поясненія сказаннаго можно привести такой казусъ.

Въ мартѣ 1849 года командиръ отдѣльнаго сибирскаго корпуса, генералъ князь Горчаковъ 2-й, доставилъ генералъ-адъютанту Геруа адресованный на имя послѣдняго пакетъ отъ находившагося подъ судомъ инженеръ-капитана Новоселова, пакетъ, по вскрытіи котораго содержимое оказалось запискою о значеніи границы нашей у Киргизъ-Кайсакской степи вообще и въ частности о необходимости укрѣпленія Омска по приложенному къ запискѣ проекту. По разсмотрѣніи документовъ въ инже-

нерномъ департаментѣ было найдено, что хотя вопросъ объ Омскѣ уже и рѣшенъ, но все же записка Новоселова „доказываетъ, что онъ не оставлялъ посвящать время свое на пользу службы“ и что вообще сужденія автора достойны серьезнаго вниманія. О такомъ заключеніи департамента по поводу труда офицера, состоящаго подъ судомъ, Геруа сообщилъ Горчакову, надо думать, не безъ желанія нѣсколько облегчить его участь. Отвѣтъ получился крайне рѣзкій. „По истинѣ не постигаю цѣли, для коей Вы, Милостивый Государь, меня почтили сей бумагой“, ибо вопросъ объ Омскѣ рѣшенъ и вновь не возбуждался, почему заключеніе департамента о полезныхъ трудахъ Новоселова „мнѣ ни къ исполненію, ни къ свѣдѣнію не подлежитъ, равно какъ и похвалы, коими Ваше Высокопревосходительство удостаиваете капитана Новоселова, по моему представленію судящагося не за недостатокъ познаній или лѣнность, а за явныя злоупотребленія... которыя, по моему мнѣнію, составленіемъ какого бы то ни было чертежа, наипаче не принимаемаго правительствомъ, заглажены быть не могутъ“. Геруа отозвался, что записка была прислана ему въ запечатанномъ конвертѣ, въ такомъ видѣ взятомъ отъ подсудимаго, и что посему, предугадывая неосвѣдомленность Горчакова о содержимомъ и возможность предположенія со стороны командира корпуса объ отношеніи пакета къ судному дѣлу, онъ, Геруа, считалъ „неприличнымъ“ не оповѣстить своего кореспондента о сущности документа. Кромѣ того, такъ какъ соображенія Новоселова касаются края, ввѣреннаго Горчакову, и признаны компетентнымъ органомъ заслуживающими вниманія, Геруа думалъ, что соображенія эти не могутъ быть совершенно неинтересными главному начальнику округа. Далѣе Геруа писалъ, что онъ вовсе не имѣлъ въ виду заступничества за Новоселова. „Похвалы мои, какъ Вы изволите называть оцѣнку трудовъ капитана Новоселова, суть только безпристрастный отзывъ о занятіяхъ его; подсудимость же офицера не препятствуетъ сказать въ его пользу все,

чего по справедливости онъ заслуживаетъ, хотя это и не можетъ служить ему къ оправданію дѣйствій, за которыя онъ подвергнутъ сужденію по законамъ“. Отзывъ этотъ даже не былъ удостоенъ отвѣтомъ.

По Кавказу, еще въ апрѣлѣ 1819 года, по поводу соображеній Ермолова объ организаціи обороны края, Николай Павловичъ выразилъ мнѣніе: „Конечно, всего удобнѣе поручить командующему войсками въ семъ краѣ составленіе проектовъ какъ на всю систему обороны, такъ и на самыя укрѣпленія, равно и хозяйственныя распоряженія при приведеніи помянутыхъ проектовъ въ исполненіе; къ тому же, самое нынѣшнее раздѣленіе грузинскаго округа способствуетъ предположенію господина Ермолова подчинить оный командующему въ Грузіи во всемъ, что не касается искусственной части, а сію послѣднюю предоставить инженерному департаменту, который и обязанъ разсматривать всѣ составленные тамъ проекты крѣпостямъ и укрѣпленіямъ. Командиръ же грузинскаго инженернаго округа можетъ вмѣстѣ исполнять и должность начальника инженеровъ грузинскаго корпуса и быть употребленъ по усмотрѣнію командующаго онымъ корпусомъ“. Мнѣніе это удостоилось Высочайшаго утвержденія. Въ ноябрѣ 1839 года командиру отдѣльнаго кавказскаго корпуса было предоставлено право утверждать собственною властью проекты исправленія крѣпостныхъ верковъ, но почему то не на долго: въ декабрѣ слѣдующаго года Государь повелѣлъ вѣдѣніе кавказскими крѣпостями вновь сосредоточить полностью въ инженерномъ департаментѣ. Въ сентябрѣ 1843 года командиръ отдѣльнаго кавказскаго корпуса, генералъ-адъютантъ Нейдгардъ, указывая на то обстоятельство, что инженерныя постройки края вообще не отличаются не правильностью, ни прочностью, и что это происходитъ, во-первыхъ, отъ возведенія ихъ молодыми и неопытными инженерами, которые, „при всемъ усердіи своемъ“, ни могутъ справиться съ поручаемымъ имъ дѣломъ, а во-вторыхъ, по причинѣ невозможности для

начальника инженеровъ корпуса руководить всѣми работами, разбросанными по обширному краю, ходатайствовалъ объ учрежденіи на Кавказѣ должностей инспекторовъ инженерныхъ работъ. Государь призналъ такое ходатайство заслуживающимъ уваженія и повелѣлъ имѣть въ округѣ трехъ инспекторовъ изъ числа инженерныхъ штабъ-офицеровъ или старшихъ капитановъ. Наконецъ, въ ноябрѣ 1846 года Николай Павловичъ предоставилъ намѣстнику на Кавказѣ, генералъ-адъютанту князю Воронцову, утверждать окончательно всѣ проекты и смѣты на инженерныя работы съ тѣмъ, чтобы проекты представлялись затѣмъ непосредственно на Высочайшее воззрѣніе; въ инженерный же департаментъ намѣстникъ могъ направлять какъ проекты, такъ и смѣты по своему усмотрѣнію, когда это представится ему желательнымъ. При этомъ необходимо имѣть въ виду, что къ тому времени въ распоряженіи кавказскаго начальства имѣлось подробное руководство по фортификаціи, составленное въ центрѣ спеціально для Кавказа и одобренное Государемъ *).

Съ приступомъ къ большимъ крѣпостнымъ работамъ въ царствѣ Польскомъ, было выработано и особое о порядкѣ ихъ производства положеніе, утвержденное Государемъ 14 октября 1832 года. Этотъ порядокъ собственно по положенію, мало отличался отъ общаго. Отличія заключались въ томъ, что крѣпости царства возводились на мѣстные доходы и что главнокомандующему дѣйствующей арміи было предоставлено право утверждать подряды на неограниченную сумму. Однако, на практикѣ въ западномъ округѣ вскорѣ создались

*) А, № 40—1819, 26; № 174—1819, 1, 102; № 106—1831, 2, 6, 17; № 67—1832, 1; № 70—1832, 1; Ж, № 114—1851, 1, 2; З, № 15—1836, 96; И, № 7—1819, 1—4; № 1—1820, 60; № 67—1830, 1, 36; К, № 22—1839, 69—72, Л, — 123—1839, 5; № 70—1842, 3; № 114—1843; 3—5, 8, 15; № 12—1846, 12; Р, № 18—1849, 1, 28, 31—35; № 48—1853, 1; Ф, № 60—1820, 13, 14, 19, 67; Приказы: № 61—1832 № 54—1843; № 94—1851; I П. С. З. № 27. 786; II П. С. З., №№ 5.362, 5.676, 8.106, 8.585, 24.240, 25.893.

совершенно своеобразныя условія производства работъ, породившія весьма большое неудовольствіе инженернаго департамента руководителемъ этихъ работъ, генераломъ Деномъ, относившимся къ законнымъ порядкамъ и къ департаментскимъ предписаніямъ далеко не раболѣпно и преслѣдовавшимъ въ своей дѣятельности только одну задачу—успѣшность дѣла. По этому поводу нѣкоторыя свѣдѣнія уже приводились и будутъ еще приведены ниже, въ соотвѣтственномъ мѣстѣ. Здѣсь же ограничусь такими фактами, весьма характерными и цѣнными для изслѣдователя отношеній Императора Николая I къ крѣпостному инженерному дѣлу.

Какъ только въ западномъ округѣ были пущены въ ходъ работы по перестройкѣ Модлина и по постройкѣ Варшавской Александровской цитадели и Брестъ-Литовска, главнокомандующій дѣйствующей арміею, князь Варшавскій графъ Паскевичъ Эриванскій, несомнѣнно по докладу начальника инженеровъ арміи, генералъ-лейтенанта Дена, испросилъ себѣ различныя полномочія по части крѣпостного строительства и сталъ отмежевываться отъ чрезмѣрнаго руководительства дѣломъ со стороны инженернаго департамента, а также отъ дѣйствовавшихъ повсюду порядковъ. Въ январѣ 1833 года, указывая, что на него возложено Государемъ ближайшее руководство укрѣпленіемъ Бреста, онъ сообщалъ военному министру, графу Чернышеву: „Для большаго порядка и совокупности дѣлопроизводства по вышеупомянутому предмету, имѣю честь просить Васъ, Милостивый Государь, о предписаніи, чтобы инженерный департаментъ не дѣлалъ уже отъ себя прямыхъ распоряженій по укрѣпленію Бреста, но чтобы Высочайшая относительно онаго воля сообщаема была мнѣ *такимъ же порядкомъ*, какъ сіе производится по воведенію крѣпостей, въ цар-з ствѣ устраивающихся“. Чернышевъ согласился.

Итакъ, съ самаго начала работъ по западнымъ крѣпостямъ инженерный департаментъ былъ лишенъ права непосредственнаго руководительства этимъ дѣломъ. Но

Дену этого было мало. Еще въ 1832 году, въ іюнѣ, онъ донесъ департаменту, что въ Модлинѣ работы „производятся по утвержденію господина главнокомандующаго, ибо смѣтъ онымъ, по краткости времени, сдѣлать и представить на разсмотрѣніе и утвержденіе департамента было невозможно“. Когда же распоряженіе это, обусловленное спѣшностью работъ, было принято къ свѣдѣнію, Денъ такой же порядокъ ввелъ въ систему на долгое время и тѣмъ вовсе освободилъ себя отъ попеченія департамента, а департаментъ—почти отъ всякаго вліянія на западное крѣпостное зодчество. Конечно, департаментъ съ такимъ положеніемъ вещей примириться не могъ, но и измѣнить положеніе не могъ также: слишкомъ прочна была почва подъ ногами у Дена; главнокомандующій безгранично вѣрилъ въ него, какъ въ прекраснаго военнаго инженера; Государь вполнѣ довѣрялъ Дену какъ инженеру-хозяину и считалъ его въ техническомъ отношеніи искуснѣйшимъ изъ всѣхъ своихъ сотрудниковъ по крѣпостной части.

Въ апрѣлѣ 1836 года князь Варшавскій сообщилъ военному министру, что на работы, предстоявшія въ томъ году къ выполненію по Новогеоргіевску, Замосцью, Варшавѣ и Бресту, всего на сумму около 13 мил. злотыхъ и 1 мил. рублей (въ царствѣ—злотые, въ Брестѣ—рубли), смѣты только что представлены въ департаментъ, съ опозданіемъ по ряду причинъ: по позднему прекращенію работъ прошлаго года, по открытію работъ въ томъ году ранѣе обычнаго времени, по болѣзни Дена и т. д. Имѣя же въ виду, что предположеніе о работахъ 1836 года уже утверждено Государемъ, что рабочіе въ крѣпости уже прибыли и что ожиданіе утвержденія смѣтъ департаментомъ поведетъ къ потерѣ драгоцѣннаго времени, онъ приказалъ Дену работы начать безотлагательно. Доложили Царю. Николай Павловичъ распоряженія главнокомандующаго одобрилъ. А смѣты были разсмотрѣны только къ сентябрю, т. е. когда работы уже заканчивались, и 17 числа этого мѣсяца департа-

ментъ представилъ всеподданнѣйшій докладъ, полный критическихъ замѣчаній по проектамъ и смѣтамъ, докладъ, заканчивавшійся указаніемъ, что по западнымъ крѣпостямъ производятъ ежегодно работъ на сумму до 8 мил. руб., что смѣты полагается представлять къ январю и что представили ихъ частью только къ 4 мая, а частью даже къ 8 іюня. Императоръ въ общемъ согласился, что такой порядокъ—непорядокъ, и Дену было дано соотвѣтственное предписаніе.

Въ слѣдующемъ 1837 году князь Варшавскій донесъ, что опять разрѣшилъ Дену приступить къ работамъ, не ожидая утвержденія смѣтъ. Государь мѣру одобрилъ. Опять въ сентябрѣ департаментъ доложилъ Императору, что въ этомъ году Денъ дошелъ уже до того, что въ проектахъ своихъ, приведенныхъ въ исполненіе до разсмотрѣнія центральнымъ инженернымъ органомъ, отступилъ даже отъ Высочайше утвержденныхъ плановъ крѣпостей. Николай Павловичъ приказалъ обождать отзыва по этому поводу князя Варшавскаго. Главнокомандующій сообщилъ, что громадная часть департаментскихъ замѣчаній относится къ „маловажнымъ измѣненіямъ, оказавшимся необходимыми по мѣстнымъ обстоятельствамъ и сдѣланнымъ имъ (т. е. Деномъ) согласно словесному Государя Императора приказанію, коимъ Его Величеству угодно было предоставить ему подобныя малости, а потому всѣ производимыя по упомянутымъ чертежамъ и смѣтамъ работы, по мнѣнію его, не подлежатъ никакому измѣненію“. Опять всеподданнѣйшій докладъ съ критикой, а на докладѣ краснорѣчивая помѣта: „Доложено Его Величеству“.

Въ апрѣлѣ 1842 года князь Варшавскій увѣдомилъ военнаго министра, что „по примѣру прошедшихъ годовъ“, онъ снова разрѣшилъ Дену начать крѣпостныя работы до утвержденія смѣтъ. И тутъ Государь это распоряженіе одобрилъ, но приказалъ: „Просить объ ускореніи представленія смѣтъ“.

Въ этомъ году департаментъ, обиженный Деномъ,

хотѣлъ и съ своей стороны досадить непокорному начальнику инженеровъ. Денъ испрашивалъ разрѣшеніе департамента произвести нѣкоторыя несущественныя измѣненія въ утвержденномъ уже проектѣ дома для коменданта Новогеоргіевска и замѣнить въ немъ обыкновенныя печи пневматическими. Послѣдовалъ отвѣтъ, что измѣненія не раціональны, и что пневматическія печи „не могутъ быть допущены иначе, какъ съ Высочайшаго разрѣшенія“. Но Дена это не смутило. По его докладу, князь Варшавскій сообщилъ военному министру объ отзывѣ департамента, указалъ съ своей стороны, что пневматическія печи сберегаютъ 75% топлива, слѣдуемаго по положенію на печи обыкновенныя, и просилъ доложить Государю, чтобы ему позволено было на будущее время вводить пневматическое отопленіе, гдѣ это окажется удобнымъ, не испрашивая каждый разъ особаго разрѣшенія. Николай Павловичъ согласился.

Въ апрѣлѣ 1844 года князь Варшавскій опять разрѣшилъ Дену производить крѣпостныя работы безъ утвержденныхъ смѣтъ. То же сдѣлалъ онъ и въ 1845 году, сообщивъ при этомъ военному министру, что на сей разъ большинство смѣтъ было представлено Деномъ въ департаментъ еще въ декабрѣ прошлаго года, но утвержденныхъ не было получено и въ мартѣ. Тутъ уже департаменту пришлось оправдываться. И не мудрено, что въ этомъ году не обошлось безъ новыхъ пререканій.

Усмотрѣвъ изъ смѣтъ, что Денъ собирается устроить во рву 2-го фронта Ивангородской крѣпости контръэскарпъ безъ контръ-форсовъ, департаментъ распорядился объ отложеніи этой работы и возвратилъ на мѣсто смѣту неутвержденной, но съ помѣтками на ней повѣрявшаго офицера. Вмѣстѣ съ тѣмъ, находя деновскій пріемъ неправильнымъ, департаментъ заручился союзничествомъ военно-ученаго комитета, послѣ чего Дену было предписано, согласно положенію названнаго комитета, строить стѣну непремѣнно съ контръ-форсами. На предписаніе это Денъ отозвался, что весьма затрудняется

исполнить такое требованіе, ибо работы по контръ-эскарпу безъ контръ-форсовъ находятся уже въ полномъ ходу. Департаментъ запросилъ его: „по какой именно необходимости“ къ работамъ приступили, и имѣется ли на то Высочайшее соизволеніе? Денъ отвѣтилъ, что работа департаментомъ была не отмѣнена, а только отложена, что своевременно имъ было представлено въ департаментъ особое мнѣніе, что, при принятой имъ толщинѣ стѣны, она, безъ контръ-форсовъ, будетъ прочнѣе рекомендованной меньшей толщины, но съ контръ-форсами, и при томъ безъ разницы въ цѣнѣ, что по мнѣнію этому отъ департамента отвѣта получено не было и что посему, „по заведенному здѣсь порядку—дѣлать всѣ распоряженія къ начатію работъ тотчасъ по одобреніи оныхъ господиномъ главнокомандующимъ»—онъ работы распорядилъ и привелъ уже къ окончанію. Департаменту, не разъ уже испытавшему тщетность жалобъ на Дена, осталось только просить его проектировать на будущее время контръ-эскарпы съ контръ-форсами.

Въ томъ же году департаментъ освѣдомился, что Денъ засыпалъ въ Брестѣ болото—произвелъ работу, не значившуюся въ Высочайше утвержденномъ предположеніи на 1845 годъ. Конечно, казусъ недопустимый. Но тутъ князь Варшавскій написалъ военному министру письмо, въ которомъ указывалъ, что послѣ весенняго въ Брестѣ наводненія, на мѣстахъ, гдѣ не было стока, застоялась вода и образовалось болото, которое въ жаркое время грозило зараженіемъ воздуха. Съ его, главнокомандующаго разрѣшенія, Денъ болото засыпалъ за счетъ крѣпостныхъ суммъ, съ возвратомъ таковыхъ въ слѣдующемъ году, при чемъ большая работа это обошлась всего въ 8.000 руб. сер., благодаря тому, что начальникъ инженеровъ воспользовался для засыпки мусоромъ отъ сносимыхъ обывательскихъ строеній, который безъ такой мѣры подлежалъ бы вывозу изъ крѣпости съ оплатой перевозки. На письмѣ этомъ Государь начерталъ: „Весьма дѣльно“.

15 апрѣля 1846 года князь Варшавскій сообщилъ

военному министру, что Денъ вновь испрашивалъ его разрѣшенія приступить къ работамъ по крѣпостямъ, не ожидая утвержденія смѣтъ. Въ виду переписки по этому предмету, онъ, князь Варшавскій, на сей разъ ходатайства Дена не уважилъ, а предпочитаетъ просить князя Чернышева приказать ускорить разсмотрѣніе смѣтъ, кои были представлены еще въ ноябрѣ, такъ какъ несвоевременный приступъ къ работамъ можетъ завершиться претензіями подрядчиковъ къ казнѣ. Смѣты были отправлены изъ департамента на мѣсто 21 мая. А тѣмъ временемъ князь Варшавскій обратился уже прямо къ Государю, докладывая, что работы по западнымъ крѣпостямъ не производятся, и не смотря на то, что всѣ подряды уже давно заключены. Николай Павловичъ затребовалъ объясненія промедленія, а департаментъ представилъ оправдательный докладъ, сущность котораго сводилась къ тому, что въ ноябрѣ были представлены не всѣ смѣты.

Получивъ, благодаря Дену и князю Варшавскому, непріятность, департаментъ въ долгу оставаться не захотѣлъ и вслѣдъ за сказаннымъ докладомъ представилъ Царю второй, въ которомъ указывалось, что князь разрѣшилъ начальнику инженеровъ построить за счетъ наличныхъ суммъ подземный, выложенный камнемъ, сточный каналъ отъ одного изъ люнетовъ до главнаго рва Ивангородской крѣпости, каковая работа не была предусмотрѣна ни Высочайше утвержденнымъ строительнымъ предположеніемъ, ни Высочайше утвержденнымъ проектомъ. Однако, Императоръ повелѣлъ распоряженіе главнокомандующаго принять къ свѣдѣнію.

И въ 1847 году, и въ послѣдующіе года въ западномъ округѣ работали безъ смѣтъ, и порядокъ этотъ повидимому былъ нарушенъ только въ 1850 году, послѣ назначенія Дена въ Петербургъ, на должность инспектора по инженерной части. Въ этомъ году князь Варшавскій доносилъ военному министру, что наступилъ уже мартъ, что подрядчики ведутъ уже изъ Россіи мастеровыхъ и вольныхъ рабочихъ, а утвержденныхъ смѣтъ нѣтъ и

прибудутъ онѣ не скоро. Чтобы избѣжать затяжки въ работахъ и претензій къ казнѣ, онъ вынужденъ былъ разрѣшить начальнику инженеровъ дѣйствующей арміи, генералъ-адъютанту Шильдеру, приступить къ работамъ по прежнему, не ожидая департаментскаго рѣшенія, „но единственно по тѣмъ только изъ смѣтъ, которыя, по ближайшему его соображенію, не могутъ подлежать измѣненію въ инженерномъ департаментѣ". Когда же, призванный къ отвѣту, департаментъ объяснилъ, что проволочка въ утвержденіи является постарому слѣдствіемъ позднаго представленія смѣтъ съ мѣста, Государь положилъ резолюцію: „Повторить приказаніе представлять смѣты непремѣнно въ срокъ".

Приведенныя обстоятельства въ связи съ тѣмъ, что Императоръ неоднократно вершалъ различные крѣпостные вопросы на мѣстахъ и разрѣшилъ Дену отчеты о работахъ по западнымъ крѣпостямъ, пока эти работы будутъ значительными, представлять въ концѣ слѣдующаго года, несомнѣнно облегчали задачу строителя и также несомнѣнно путали канцелярскіе порядки, нерѣдко ставивъ центральные органы въ невозможность отвѣчать на нѣкоторые вопросы, возбуждавшіеся въ Петербургѣ. Чтобы долго не останавливаться на этомъ, приведу только три примѣра.

Въ февралѣ 1836 года, для опредѣленія вооруженія крѣпостей царства Польскаго, генералъ-фельдцейхмейстеру потребовались подробные чертежи, для полученія которыхъ Его Высочество и обратился въ инженерный департаментъ. Оказалось, что въ департаментѣ „нѣтъ такихъ, которые бы были полны и со всѣми измѣненіями, сдѣланными впослѣдствіи при производствѣ работъ въ тѣхъ крѣпостяхъ по встрѣтившимся мѣстнымъ обстоятельствамъ". Не смотря на то, что должности генералъ-фельдцейхмейстера и генералъ-инспектора по инженерной части совмѣщались тогда въ одномъ лицѣ, въ лицѣ Великаго Князя Михаила Павловича, на инженерный департаментъ была принесена военному министру какъ бы жалоба. Графъ Чернышевъ счелъ нужнымъ „поста-

вить на видъ департаменту, что собраніе и храненіе плановъ всѣхъ крѣпостей и зданій, въ оныхъ находящихся, составляетъ одну изъ главнѣйшихъ его обязанностей". Вмѣстѣ съ тѣмъ, военный министръ обратился по тому же предмету къ князю Варшавскому, а изъ отвѣта послѣдняго видно, что точныхъ чертежей не имѣлось тогда и на мѣстахъ, а произошло де это потому, что многія работы выполнены по словеснымъ повелѣніямъ Государя при осмотрахъ крѣпостей; распоряженіе же о составленіи плановъ сдѣлано.

Въ январѣ слѣдующаго года Николай Павловичъ потребовалъ отъ департамента планы Новогеоргіевска и Александровской цитадели „съ подробнымъ показаніемъ, въ какой степени выполнены Высочайшіе проекты". Но департаментъ не могъ исполнить этого требованія, за неимѣніемъ такихъ плановъ. Они были доставлены только въ мартѣ 1838 года.

Въ апрѣлѣ 1842 года директоръ канцеляріи военнаго министерства, генералъ Брискорнъ, обратился къ генералъ-адъютанту Геруа за справкой: какія на тотъ годъ работы назначены по западнымъ крѣпостямъ? Геруа отвѣтилъ, что предположенія о работахъ „восходятъ на Высочайшее благоусмотрѣніе мимо инженернаго департамента" и что департаментъ о существѣ работъ узнаетъ только при ревизіи „отчетности за каждый предыдущій годъ въ исходѣ послѣдующаго"; правда, смѣты въ департаментъ, хотя и поздно, все же поступаютъ, но этотъ матеріалъ не даетъ де возможности судить, что именно изъ смѣтъ и когда предположено осуществить.

Въ заключеніе этого отдѣла замѣтимъ, что Денъ, съ благословенія Николая Павловича, не останавливался ни передъ производствомъ за счетъ будущихъ благъ даже крупныхъ работъ, ни передъ отступленіями отъ урочнаго положенія. Такъ, въ сентябрѣ 1841 года, воспользовавшись исключительнымъ мелководіемъ Вислы и Нарева, онъ произвелъ крупныя, преднамѣченныя на будущее время, работы по отрывкѣ въ полную профиль рвовъ

мостовыхъ укрѣпленій въ Новогеоргіевскѣ, достигнувъ этимъ весьма значительныхъ сбереженій, но затративъ деньги, назначенныя на другія нужды. А въ 1843 году, когда на торги по постройкѣ въ той же крѣпости плотоваго моста никто не явился по причинѣ составленія смѣты строго по урочному положенію, онъ предписалъ командиру западнаго инженернаго округа пересоставить смѣту, руководствуясь не буквой закона, а дѣйствительными потребностями. ,,Я нахожу сіе тѣмъ болѣе необходимымъ—писалъ онъ—что и на произведенныхъ въ прошломъ году торгахъ (по другому мосту и въ той же крѣпости), по смѣтѣ, составленной на гораздо лучшихъ основаніяхъ, желающихъ торговаться не явилось, и я съ трудомъ успѣлъ склонить одного подрядчика къ принятію этой работы, отъ которой, какъ мнѣ извѣстно, по причинѣ затруднительности получить требуемой доброты лѣсъ, онъ даже понесъ убытокъ". И оба распоряженія вѣнценоснымъ военнымъ инженеромъ, не только довѣрявшимъ Дену, но и отлично разбиравшимся въ его техническо-хозяйственныхъ пріемахъ, были одобрены *).

Какъ уже было сказано, мѣстные инженерные органы вѣдали при Николаѣ Павловичѣ почти исключительно крѣпостями, а въ нихъ какъ оборонительными, такъ и необоронительными сооруженіями. По этому вопросу будетъ приведено еще много данныхъ въ послѣдующихъ главахъ; тутъ же ограничусь указаніемъ, что необоронительныя работы въ крѣпостяхъ Европейской Россіи производились за счетъ нормальнаго асигнованія на новыя постройки и капитальныя перестройки, асигнованія въ среднемъ въ 630.731 руб. асигн. или 180.209 руб. сер. въ годъ, почти полностью шедшаго на сказанную по-

*) И, № 67—1834, 2; № 60—1835, 85; К, № 45—1836, 7, 14, 19, 29, 37, 45, 47, 53, 101; № 53—1836, 1, 2, 392, 393, 414; № 32—1837, 27, 85, 105, 114, 140; № 106—1840, 67; № 108—1841, 2, 5, 6; № 82—1842, 2, 9, 11; № 42—1843, 22; № 56—1844, 1; № 3—1845, 29, 68, 69, 311—314, 327; № 100—1845, 35, 36, 89, 92, 100, 123, 163, 207, 210; № 3—1846, 13—16, 30, 35; О, № 153—1849, 46, 53; П. П. С. З., № 16.233.

требность. На ремонтъ всѣхъ сооруженій въ тѣхъ же крѣпостяхъ департаменту отпускалось въ годъ въ среднемъ 698.971 руб. асигн. или 199.706 руб. сер., изъ каковой суммы фактически расходовалось по прямому назначенію 553.000 руб. ассигн. или 158.000 руб. сер. такъ какъ остальная сумма шла на содержаніе департамента и подвѣдомственныхъ ему органовъ. Размѣръ приведенныхъ суммъ, по причинѣ крайняго недостатка въ ремонтныхъ средствахъ, былъ измѣненъ по личной инициативѣ Императора въ началѣ 1853 года: Государь приказалъ суммы въ 180.209 и 158.000 руб. сер. соединить въ одну и предназначить 338.000 руб. сер. собственно на ремонтныя работы; на новыя же работы необоронительнаго характера отпускать ежегодно изъ государственнаго казначейства особую сумму въ 100.000 р. сер. О денежныхъ источникахъ на новыя оборонительныя работы будетъ сказано впослѣдствіи.

Воинскія зданія внѣ крѣпостей, при вступленіи Николая Павловича въ управленіе инженернымъ вѣдомствомъ, строились и ремонтировались почти повсюду, кромѣ округовъ военныхъ поселеній и Петербурга съ его окрестностями, распоряженіемъ и за счетъ городскихъ общественныхъ управленій, получавшихъ отъ казны квартирные оклады. Въ Петербургѣ и его окрестностяхъ къ 1820 году имѣлось въ наличности казенныхъ казармъ на 28 воинскихъ частей, возведенныхъ и содержавшихся распоряженіемъ инженернаго департамента (на спеціальные денежные отпуски), дѣйствовавшаго въ данномъ случаѣ черезъ посредство „главнаго попечительства гвардейскихъ казармъ"—органа, составъ и функція котораго достаточно регламентированы не были. Въ сентябрѣ 1820 года Николай Павловичъ вошелъ по этому поводу со всеподданнѣйшимъ докладомъ, Высочайше утвержденнымъ 3 декабря того года. Указывая, что число казенныхъ зданій достигло величины внушительной, Великій Князь проектировалъ учрежденіе для содержанія ихъ особой „гвардейской казарменной комисіи",

съ организаціей и особаго корпуса гвардейскихъ инженеровъ. О корпусѣ этомъ уже говорилось; самая же комисія, находясь въ вѣдѣніи начальника инженеровъ гвардейскаго корпуса, состояла изъ управляющаго оною и изъ членовъ: гвардейскихъ инженеровъ въ штабъ-офицерскихъ чинахъ, старшаго архитектора и контролера; при комисіи имѣлась канцелярія; гвардейскіе инженеры оберъ-офицеры были производителями работъ.

Таковъ былъ составъ комисіи по мирному времени. Въ военное же время начальникъ инженеровъ и гвардейскіе инженеры должны были выступать въ походъ со своимъ корпусомъ, а вѣдѣніе казармами переходило полностью въ руки комисіи сокращеннаго состава.

Комисія производила только ремонтныя работы и обязана была имѣть попеченіе объ исправномъ содержаніи зданій квартирующими войсками. Всѣ работы новыя и по капитальнымъ перестройкамъ производились по распоряженію инженернаго департамента. Комисіи отпускались ремонтныя суммы, размѣръ коихъ опредѣлялся особымъ комитетомъ изъ высшихъ чиновъ гвардейскаго корпуса и утверждался Высочайшею властью по докладу генералъ-инспектора. Деньги отпускались по тому времени значительныя. Такъ, въ двадцатыхъ годахъ выдавали на ремонтъ казармъ: кавалергардскихъ—25.105 р. 89½ к., коннаго полка—21.111 р. 81 к., преображенскаго—42.383 р. 37¼ к., семеновскаго—37.803 р. 64 к., егерскаго—29.107 р. 3 к., измаиловскаго—34.966 р. 74½ к., финляндскаго—19.232 р. 42¾ коп. и т. д. Комисія была освобождена „отъ многочисленныхъ письменныхъ обрядовъ“ по найму рабочихъ и по пріобрѣтенію матеріаловъ на суммы, каждый разъ, до 2,000 руб. Она должна была „дѣйствовать хозяйственно, стараясь о выиграніи времени для успѣха въ работахъ и о выгодности цѣнъ“. Цѣны утверждались начальникомъ инженеровъ гвардейскаго корпуса, а въ его отсутствіи, самой комисіей. Департаменту комисія была „подчинена только по употребленію суммъ, по отдачѣ въ оныхъ отчета и по

отвѣтствію за прочность произведенныхъ исправленій".

Начальникъ инженеровъ гвардейскаго корпуса обязанъ былъ наблюдать за работами и за тѣмъ, „чтобы живущіе въ казармахъ не распоряжались во вредъ зданіямъ". Всѣ казармы были распредѣлены по шести дистанціямъ, въ каждой изъ которыхъ состоялъ гвардейскій инженеръ, капитанъ или штабсъ-капитанъ, и необходимое число смотрителей и нижнихъ чиновъ военно-рабочихъ ротъ; послѣднихъ, т. е. ротъ, было при комисіи четыре. Это былъ составъ, надзиравшій за зданіями; работы же производили прочіе гвардейскіе инженеры, по указаніямъ начальника инженеровъ корпуса. Пожеланія войскъ о производствѣ тѣхъ или другихъ работъ представлялись начальнику инженеровъ, который, соображая ихъ по существу и отсчитываясь отъ наличности суммъ, представлялъ о томъ въ инженерный департаментъ черезъ командира корпуса.

Казармы въ округахъ военныхъ поселеній, строившіяся за счетъ казны, къ тридцатымъ годамъ настолько возросли по численности, что явилась необходимость въ организаціи особаго центральнаго, вѣдующаго этимъ дѣломъ органа—департамента военныхъ поселеній. Одновременно родилась и мысль о сосредоточеніи въ этомъ департаментѣ всего казарменнаго дѣла внѣ крѣпостей. Въ 1835 году, 10 іюня, Николай Павловичъ повелѣлъ департаментъ военныхъ поселеній преобразовать и возложить на него между прочимъ „управленіе казармами, госпитальными и другими военными зданіями, внѣ крѣпостей находящимися, въ отношеніи ремонтнаго ихъ содержанія и новаго устройства", а также отопленія и освященія. При этомъ было Высочайше указано инженерному департаменту—передать въ департаментъ военныхъ поселеній: «1) всѣ казарменныя и другія военныя зданія внѣ крѣпостей, состоящія нынѣ въ вѣдомствѣ онаго, со всѣми имѣющимися о нихъ свѣдѣніями, планами и остатками денежныхъ суммъ, дровъ и свѣчей; 2) чиновниковъ и писарей III отдѣленія департамента и

счетнаго отдѣленія контрольнаго стола для ревизіи отчетовъ гвардейской казарменной комисіи; 3) кирпичный заводъ гвардейской казарменной комисіи и остатки денежной суммы, на довольствіе генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ квартирными деньгами предназначенной; 4) суммы, до сего производимыя на содержаніе указанныхъ частей вѣдѣнія инженернаго департамента". Одновременно съ этимъ въ инженерное вѣдомство были переданы всѣ зданія въ крѣпостяхъ вѣдомствъ комисаріатскаго и провіантскаго, кои раньше строились и содержались этими вѣдомствами безъ участія военныхъ инженеровъ. Гвардейская казарменная комисія была упразднена; въ штатѣ гвардейскихъ инженеровъ оставлено 7 человѣкъ, а остальные переведены въ корпусъ инженеровъ военныхъ поселеній. Комплектованіе послѣдняго рѣшено производить выпусками изъ главнаго инженернаго училища и изъ института путей сообщенія.

Слѣдуетъ замѣтить, что полностью очерченное мѣропріятіе въ жизнь проведено не было или, по крайней мѣрѣ, проведено не сразу. Въ Финляндіи, напримѣръ, воинскія зданія въ упраздненныхъ крѣпостяхъ хотя и считались находящимися въ вѣдѣніи департамента военныхъ поселеній, но фактически обслуживались до августа 1843 года инженернымъ вѣдомствомъ, послѣ чего были переданы въ веденіе финляндскаго генералъ-губернатора, незамедлившаго возбудить ходатайство, чтобы надзоръ за ними былъ возложенъ на полевыхъ инженеровъ. Ходатайство это получило, однако, категорическій отпоръ со стороны генералъ-адъютанта Геруа, заявившаго, что „употребленіе сихъ офицеровъ собственно къ надзору за зданіями въ качествѣ смотрителей было бы несоотвѣтственно званію и назначенію инженеровъ". На Кавказѣ инженерные офицеры долгое время привлекались къ казарменному внѣ крѣпостей дѣлу, а инженерное вѣдомство въ 1839 году было обязано способствовать постройкѣ войсковыхъ штабъ-квартиръ путемъ назначенія для наблюденія за работами по устройству по-

мѣщеній для войскъ и складовъ тѣхъ выпускныхъ изъ главнаго инженернаго училища, кои выдержвали экзаменъ лишь на званіе армейскаго офицера. Въ западномъ округѣ многія воинскія зданія внѣ крѣпостей, какъ то всѣ казармы въ Люблинѣ, Ловичѣ и Калишѣ, состояли въ инженерномъ вѣдомствѣ еще и въ 1841 году и т. д. *).

Приводя свѣдѣнія о кругѣ правъ и обязанностей инженернаго вѣдомства въ періодъ разсматриваемой эпохи, нельзя умолчать о той ненормальности, которая наблюдалась въ этомъ отношеніи въ береговыхъ крѣпостяхъ, о двоевластіи въ нихъ, создавшемся путемъ историческимъ.

Указомъ 20 марта 1809 года всѣ крѣпости Балтійскаго, Чернаго и Бѣлаго морей „по предмету обороны“ были подчинены морскому вѣдомству. Мѣра эта не освободила, однако, вѣдомство сухопутное отъ заботъ по организаціи береговой обороны. Наоборотъ, дѣятельность центральныхъ военно-сухопутныхъ органовъ только усложнилась, такъ какъ артилерійская и инженерная крѣпостныя части, а также гарнизоны крѣпостей остались въ вѣдѣніи военнаго министерства, отдававшаго всѣ свои приказанія въ области постройки и вооруженія верковъ каждый разъ по сношенію съ морскимъ вѣдомствомъ или по почину послѣдняго. Мотивовъ подчиненія въ то время береговыхъ крѣпостей морякамъ въ сохранившихся дѣлахъ не найдено. Но поучительно то обстоятельство, что сказанное распоряженіе совпало съ крайнимъ упадкомъ нашего флота, съ такимъ упадкомъ, при которомъ разсчитывать на успѣшность дѣйствій морскихъ силъ въ открытомъ морѣ не приходилось, и флотъ какъ бы инстинктивно самъ жался къ берегу. Рельефнѣе всего это подтверждается повелѣніемъ Императора Александра I, относящимся къ началу царствованія, по которому графу А. Р. Воронцову—лицу

*) В, № 44—1820, 4—18, 131; I, № 151—1843, 1. 6; К. № 52—1839. 99; М. № 56—1835. 5. 6; Р. № 45—1853, 1. 2; Э № 64—1834. 1. 2. 16; Приказъ № 2—1839; I П. С. З. № 28.483; II П. С. З.. №№ 8.234; 9.273.

постороннему флоту—было поручено: „Извлечь флотъ изъ настоящаго мнимаго его существованія и привести оный въ подлинное бытіе“.

Ко времени вступленія Николая Павловича въ должность генералъ-инспектора обстановка, однако, измѣнилась: какъ бы естественнымъ путемъ, безъ особыхъ законодательныхъ актовъ, громадное большинство береговыхъ крѣпостей перешло полностью въ сухопутныя руки. Двоевластіе сохранилось только въ трехъ береговыхъ крѣпостяхъ, но за то въ самыхъ важныхъ: въ Кронштадтѣ, въ Севастополѣ и въ Ревелѣ. Въ Кронштадтѣ сухопутные вѣдали „главной крѣпостью“—оборонительной оградой на Котлинѣ; моряки—всѣми оборонительными сооруженіями на островѣ внѣ сказанной ограды, въ гаваняхъ и на искусственныхъ основаніяхъ въ морѣ. Моряки и содержали перечисленныя сооруженія и производили по нимъ работы, для чего въ Кронштадтѣ до 1829 года существовалъ особый морской строительный комитетъ, а позднѣе—инженерная команда морского вѣдомства. Въ Севастополѣ и въ Ревелѣ моряки лишь вѣдали обращенными въ море верками; строили же ихъ и содержали сухопутные. Впрочемъ, даже вѣдѣніе укрѣпленіями Севастополя морскими начальниками фактически осуществлялось только первые годы постройки крѣпости, при адмиралѣ Грейгѣ. Въ болѣе же позднее время принципъ единоначалія страдалъ главнымъ образомъ въ Кронштадтѣ.

Расширеніе правъ и обязанностей сухопутныхъ по Кронштадту началось уже въ 1819 году. Въ этомъ году главный командиръ порта. вице-адмиралъ Моллеръ, донесъ, что состоящая въ числѣ загородныхъ морскихъ укрѣпленій батарея Петровская, въ ночь на 19 сентября, была затоплена и полуразрушена, при чемъ „караулъ имѣлъ спасеніе, сдѣлавъ подмостки подъ самый потолокъ“ караульнаго дома; батарею де необходимо поднять на искусственную насыпь, т. е. перестроить, а затѣмъ передать сухопутнымъ, какъ укрѣпленіе, лишенное морского

значенія. Адмиралтейская колегія постановила: такъ какъ адмиралъ Моллеръ „назначаетъ оную къ отдачѣ въ сухопутное вѣдомство, то колегія, признавая посему перестройку уже излишнею, полагаетъ сдать сію батарею въ показанное вѣдомство въ такомъ положеніи, въ какомъ оная нынѣ находится“. Инженерный департаментъ отозвался, что Петровская батарея—укрѣпленіе временное и что посему принимать ее въ свое вѣдѣніе департаментъ „не находитъ надобности“. Начальникъ главнаго морского штаба обратился къ Николаю Павловичу, а Великій Князь заявилъ, что ужъ если принимать въ сухопутное вѣдомство, то всѣ батареи морского вѣдомства, расположенныя на Котлинѣ. На это и послѣдовало Высочайшее соизволеніе, и мѣра быстро отразилась на дѣлѣ благопріятно: батареи были приведены въ порядокъ, съ затратою свыше 36.000 руб., при чемъ ближайшее руководство перестройкой Николай Павловичъ взялъ на себя; на представленіи департамента о томъ, слѣдуетъ ли составить соотвѣтственные проекты, Великій Князь положилъ резолюцію: „Проекты, которые слѣдуетъ сдѣлать—сдѣлать лично мною назначенные г. Опперману“.

Въ 1828 году власть сухопутныхъ еще расширилась и расширилась опять для пользы дѣла. Директоръ инженернаго департамента, генералъ Опперманъ, разсматривая, по повелѣнію Государя, вопросы объ обороноспособности Кронштадта и Ревеля, установилъ, что на морскія батареи и гавани, подлежащія вооруженію средствами морского вѣдомства, требуется орудій: въ Кронштадтѣ—404 и въ Ревелѣ—51, а морское вѣдомство отозвалось, что удовлетворить этой потребности не можетъ. Государь учредилъ для освѣщенія дѣла особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ Оппермана, а въ комитетѣ выяснилась не только вѣрность сказаннаго заявленія моряковъ и невозможность сколько-нибудь прилично вооружить многіе верки и въ особенности гавани, но и то, что для морскихъ батарей „къ дѣйствію орудіями особыхъ по морской части артилеристовъ не положено“. Императоръ

приказалъ вооруженіе кронштадтскихъ гаваней и всѣхъ ревельскихъ верковъ передать сухопутнымъ, а въ рукахъ моряковъ оставить только морскія батареи Кронштадта.

Слѣдующій шагъ былъ сдѣланъ въ 1836 году. Въ январѣ этого года, по порученію Государя, инженеръ генералъ-маіоръ Фельдманъ и артилеріи полковникъ Философовъ составили подробнѣйшую вѣдомость недостаткамъ вооруженія Кронштадта. Названныя лица между прочимъ указывали, что на батареяхъ морского управленія лафеты 36-фунтовыхъ орудій не выдерживаютъ боевыхъ выстрѣловъ по несовершенству конструкціи и что моряки не имѣютъ для батарей „ни одной пудовой бомбы для единороговъ''. Разсмотрѣвъ вѣдомость во всѣхъ подробностяхъ и уснастивъ ее рядомъ резолюцій, Николай Павловичъ, 15 февраля 1836 года, повелѣлъ— ,,передать кронштадтскія морскія укрѣпленія въ сухопутное вѣдомство съ тѣмъ, чтобы морскому начальству вмѣнено было въ непремѣнную обязанность безостановочно, во всякое время, доставлять сухопутному вѣдомству способы для сообщенія съ отдѣльными батареями''. Впрочемъ, въ мартѣ того же года послѣдовала поправка: ,,передать въ военно-сухопутное вѣдомство, независимо отъ отдѣльныхъ морскихъ укрѣпленій, только тѣ изъ укрѣпленій Кронштадта, кои обращены къ Большому рейду до воротъ Купеческой гавани, а тѣ изъ нихъ, которыя отъ сихъ воротъ идутъ вдоль Малаго рейда, оставить по прежнему въ морскомъ строительномъ вѣдомствѣ''. Такимъ образомъ, установленное было единоначаліе оказалось нарушеннымъ быстро.

Не прошло многихъ лѣтъ, какъ часть фортовъ, принятыхъ сухопутными, начала возвращаться въ морское управленіе для производства по такимъ укрѣпленіямъ капитальныхъ работъ. Обстоятельство это повидимому объясняется исключительно тѣмъ, что сухопутному вѣдомству было весьма трудно организовать хозяйственную часть по работамъ въ морѣ за неимѣніемъ собственныхъ плавучихъ средствъ для подвозки матеріаловъ,

что предоставленіе подобныхъ средствъ однимъ вѣдомствомъ другому оказалось сопряженнымъ съ различными недоразумѣніями и что наемъ частныхъ судовъ для указанной надобности удорожилъ бы работы. Кромѣ того, въ то время въ оборонительныхъ постройкахъ перешли отъ дерева и земли къ камню при гранитной облицовкѣ, а казенныя Пютерлакскія гранитныя каменоломни состояли въ морскомъ управленіи и имѣли собственную морскую администрацію. Обратный переходъ фортовъ совершался постепенно и не безъ нѣкоторыхъ осложненій. Въ 1844 году морякамъ передали „Рисбанкъ“, въ 1850—„Кроншлотъ“, въ 1851—„Константинъ“.

По поводу передачи Кроншлота слѣдуетъ замѣтить, что въ началѣ 1850 года необходимыя по этому форту каменныя работы сухопутное вѣдомство полагало произвести само, и соотвѣтственный проектъ былъ посланъ въ морское вѣдомство только на заключеніе. Однако, начальникъ главнаго морского штаба, вмѣсто заключенія, увѣдомилъ, что проектъ былъ имъ доложенъ Государю и по Высочайшимъ указаніямъ передѣланъ въ корнѣ. Тогда военный министръ вошелъ съ представленіемъ о передачѣ форта морякамъ, на что и послѣдовало соизволеніе. Въ февралѣ 1851 года князь Меншиковъ просилъ военнаго министра отпустить морскому вѣдомству деньги, предназначенныя на работы по Кроншлоту, а не получая отвѣта, въ маѣ повторилъ свою просьбу, указывая, что работы носятъ характеръ спѣшности и что время для ихъ выполненія уже настало. Военный министръ отозвался, что спеціальнаго на эту потребность асигнованія не имѣется, какъ не имѣется въ распоряженіи военнаго вѣдомства и подходящаго для того источника. „Къ сему не лишнимъ считаю присовокупить—писалъ свѣтлѣйшій князь Чернышевъ—что фортъ Кроншлотъ, а равно и другія морскія укрѣпленія переданы были въ 1836 году изъ морского вѣдомства въ сухопутное также безъ суммъ, необходимыхъ на ихъ

содержаніе". Чѣмъ вопросъ кончился—неизвѣстно; но онъ отразился на послѣдующемъ.

Въ 1854 году управляющимъ морскимъ министерствомъ, Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ, былъ поднятъ вопросъ о пріемѣ въ сухопутное вѣдомство форта ,,Александръ I" по причинѣ того, что укрѣпленіе это постройкою уже закончено. Инженерный департаментъ доложилъ военному министру, что принимать фортъ основаній не имѣется, а ужъ если принимать, то не иначе какъ съ соотвѣтственными суммами на его содержаніе. Военный министръ адресовался къ Константину Николаевичу за заключеніемъ для доклада дѣла Государю. Великій Князь отвѣтилъ, что доложилъ вопросъ Его Величеству самъ и что Николай Павловичъ нашелъ, ,,что всѣ укрѣпленія, защищающія Кронштадтъ съ морской стороны и неимѣющія съ нимъ сухопутнаго сообщенія", должны быть въ рукахъ моряковъ, почему послѣднимъ слѣдуетъ передать и фортъ ,,Петръ I". Съ своей стороны Константинъ Николаевичъ просилъ также заключенія по дѣлу для доклада Царю, присовокупляя, что съ фортомъ ,,Петръ I" должны быть переданы морякамъ и суммы на его содержаніе. Военный министръ отвѣтилъ, что къ передачѣ форта препятствій нѣтъ, но нѣтъ и особыхъ суммъ на содержаніе этого укрѣпленія, которое было принято въ свое время отъ моряковъ на полное иждивеніе сухопутнаго вѣдомства *).

При обрисованномъ положеніи, естественно, по береговымъ крѣпостямъ, а въ особенности по Кронштадту, въ разсматриваемый періодъ наблюдалась большая запутанность во многихъ вопросахъ и сложность ихъ разрѣшенія, весьма часто возникали пререканія между двумя вѣдомствами, а отсюда—нежеланіе помочь другъ другу, при чемъ по всей справедливости можно сказать,

*) З, № 93—1823, 1—3, 6, 19, 20, 93, 98; № 45—1825, 28, 29, 86; № 14—1832, 181, 187, 210; I; № 36—1—1837, 3—23, 30, 119, 225; П. № 27—1850, 46, 60—63; № 177—1850; 1: № 99—1851, 5; № 114—1854, 1—8, 17, 19; I П. С. З., № 22.543; II П. С. З., № 2.866.

что такое нежеланіе несравненно чаще проявляли моряки. Подтвержденіемъ этому можетъ служить то обстоятельство, что въ документахъ находится не мало указаній на стремленіе сухопутныхъ такъ или иначе придти къ соглашенію, и это наравнѣ съ постоянною и непреклонною тенденціею въ морскихъ сферахъ—только властвовать. Сухопутные, для смягченія слѣдствій двоевластія, иногда даже поступались своими несомнѣнными правами.

Въ двадцатыхъ годахъ „попеченіе по экономической и строительной части" при возведеніи, распоряженіемъ сухопутнаго управленія, морскихъ батарей въ Ревелѣ было Высочайше возложено на адмирала Моллера. Тотчасъ же послѣ этого повелѣнія, генералъ Опперманъ, „дабы предупредить неудовольства, могущія послѣдовать отъ двойной подчиненности инженерной команды", отдалъ слѣдующія распоряженія: 1) подчинить командира названной команды адмиралу и поставить первому въ обязанность, въ случаяхъ необходимости полученія инструкцій отъ высшаго инженернаго начальства, дѣлать свои представленія не иначе какъ черезъ Моллера; 2) въ дѣлѣ пріисканія матеріаловъ и рабочихъ предоставить адмиралу полную самостоятельность, 3) предоставить ему же право избранія способовъ производства работъ, т. е. хозяйственнаго или подряднаго, а также право утвержденія контрактовъ на сумму до 10.000 руб., имѣя въ виду, что санкція контрактовъ на высшія суммы зависитъ отъ правительствующаго сената; 4) о распоряженіяхъ своихъ по п. 3 Моллеръ обязывался сообщать инженерному департаменту „ для одного свѣдѣнія"; 5) предоставить адмиралу же устанавливать ходъ и постепенность работъ съ тѣмъ, чтобы о семъ сообщалось департаменту единственно для своевременности асигнованія денегъ; 6) инженерной командѣ представлять въ департаментъ только срочныя свѣдѣнія о денежной казнѣ и объ успѣхѣ работъ, а также годовые отчеты.

Ничего похожаго никогда не дѣлало морское вѣдомство. Мало того: морскіе начальники зачастую не счита-

лись даже съ законами, регламентировавшими нѣкоторые частные случаи взаимоотношеній между моряками и сухопутными въ береговыхъ крѣпостяхъ. Такъ, по Высочайше утвержденному въ 1812 году положенію о крѣпостяхъ, комендантъ Кронштадтской крѣпости ,,состоялъ подъ командою'' главнаго командира порта по званію послѣдняго какъ военнаго губернатора, при чемъ предусматривалось, что при отсутствіи военнаго губернатора въ должность его вступаетъ комендантъ, а въ должность главнаго командира порта—старшій изъ наличныхъ адмираловъ. Въ декабрѣ 1829 года кронштадтскій комендантъ, генералъ-маіоръ Бурмейстеръ, донесъ военному министру, что, согласно распоряженію высшаго морского начальства, приведенный законъ игнорируется и что въ отсутствіе главнаго командира во всѣ его права и обязанности вступаетъ вице-адмиралъ Огильви. ,,Не будучи удостоенъ таковымъ, Высочайше предоставленнымъ званію его, порученіемъ и чувствуя себя совершенно въ томъ обиженнымъ противу предмѣстниковъ своихъ'', Бурмейстеръ просилъ о выясненіи его правъ. ,,А если находятъ его почему-либо неспособнымъ занимать его мѣсто, въ такомъ случаѣ не оставить произвести разслѣдованіе''. Государь приказалъ рапортъ Бурмейстера направить къ начальнику главнаго морского штаба съ запросомъ—,,нѣтъ ли особой причины, по которой кронштадтскій военный губернаторъ, во временномъ порученіи должности своей другому лицу, не руководствуется Высочайше утвержденнымъ положеніемъ''? Особой причины не нашлось, но нашелся поводъ къ возбужденію длинной переписки, закончившейся повелѣніемъ пересмотрѣть положеніе о комендантахъ береговыхъ крѣпостей, пересмотрѣть въ сухопутномъ вѣдомствѣ, но по соглашенію съ морскимъ. Однако, достиженіе соглашенія сухопутныхъ съ моряками у насъ никогда не удавалось, и вопросъ этотъ, сколько мнѣ извѣстно, до кончины Николая Павловича оставался навѣсу.

При такомъ положеніи нижеприводимые примѣры

отсутствія дружной работы сухопутныхъ и моряковъ въ береговыхъ крѣпостяхъ не должны удивлять никого. Умышленно воздерживаюсь отъ оцѣнки степени правоты исконнихъ антагонистовъ.

Послѣ наводненія 1824 года, поврежденныя морскія укрѣпленія Кронштадта приводились въ порядокъ сухопутными безъ всякаго содѣйствія со стороны моряковъ. Документы отмѣчаютъ и такой эпизодъ: въ серединѣ декабря обнаружилось, что весьма многія зданія инженернаго вѣдомства остались съ полуразрушенными бурею крышами, и надежды на скорую ихъ починку не было, ибо всѣ наличные въ Кронштадтѣ кровельщики занимались работами по морскому вѣдомству, въ томъ числѣ и работами третьестепеннаго значенія. Просьба Оппермана объ уступкѣ хотя бы незначительнаго числа такихъ мастеровыхъ, направленная къ начальнику главнаго морского штаба, осталась даже безъ отвѣта. Потребовалось энергичное вмѣшательство самаго Николая Павловича.

Для работъ 1826 года по Ревелю, именно для „двойной батареи“ на рейдѣ, требовалось доставить изъ Финляндіи около 300.000 пудовъ гранита, подлежавшаго, по категорическому повелѣнію Государя, перевозкѣ на военномъ транспортѣ „Графъ Хвостовъ“. Мѣстный строительный комитетъ нашелъ, что единственно удобнымъ причаломъ для выгрузки камня является набережная у старой военной гавани; но моряки признали такую выгрузку для гавани небезопасной. Въ Ревель отправился самъ Опперманъ, лично осмотрѣлъ избранное мѣсто и далъ заключеніе, что разгрузка тамъ гранита не сопряжена ни съ опасностью для гавани, ни даже съ какими либо неудобствами для морской жизни, послѣ чего обратился къ начальнику главнаго морского штаба съ просьбою сдѣлать соотвѣтственныя распоряженія. Отвѣтомъ былъ отказъ, мотивированный, въ противность мнѣнію Оппермана, слабостью грунта у набережной, возможностью поврежденія настилки пристани и другими соображеніями инженернаго характера. Тогда избрали другое мѣсто—

у южной части новой военной гавани. Начальникъ главнаго морского штаба отозвался—ни подъ какимъ видомъ; пусть разгружаются въ гавани купеческой. Это оказалось невозможнымъ по соображеніямъ уже морского характера: „Графъ Хвостовъ“, по осадкѣ своей, къ купеческой гавани подходить не могъ. Въ результатѣ инженерному вѣдомству, затратившему много времени на безплодную переписку, пришлось затратить еще недѣли и не мало денегъ на постройку *собственной* пристани у „рыбныхъ рядовъ“.

Для тѣхъ же работъ, собственно для доставки матеріаловъ къ батареѣ, расположенной въ морѣ, Императоръ повелѣлъ назначать ежедневно по 200 матросовъ. Стали высылать, и то не сразу, менѣе половины. Оппермaнъ обратился къ адмиралу Моллеру, а этотъ отвѣтилъ: „При всемъ желаніи моемъ дѣлать Вашему Высокопревосходительству угодное“—больше высылать не могу. Въ дѣло вмѣшался Августѣйшій генералъ-испекторъ, но кончилъ тѣмъ, что приказалъ нанимать вольныхъ рабочихъ. И эта мѣра оказалась неудачной: умѣлыхъ рабочихъ не нашлось. Работы затянулись; къ нимъ нельзя было приступить и въ іюнѣ. Доложили Царю. Послѣдовало повелѣніе сформировать новую инженернаго вѣдомства арестантскую роту. Оппермaнъ доложилъ, что арестантовъ негдѣ размѣстить, что они не сумѣютъ управляться ни на гребныхъ судахъ, ни, тѣмъ паче, на парусныхъ, что къ нимъ нуженъ конвой, иначе уйдутъ съ судами въ море. Государь приказалъ сформировать арестантскую роту изъ бывшихъ матросовъ.

Въ сороковыхъ годахъ функціонировалъ Высочайше утвержденный комитетъ „о подводныхъ опытахъ“, занятія коего были направлены къ изысканію способовъ обороны приморскихъ крѣпостей и береговъ вообще помощью минъ и другихъ боевыхъ вспомогательныхъ средствъ. Несмотря на цѣль комитета, сродную задачамъ флота, несмотря на Высочайшую волю, предуказавшую морскому вѣдомству споспѣшествовать опытамъ комитета всѣми своими сред-

ствами, не смотря на то обстоятельство, что въ средѣ комитета состояли и представители флота—фактически моряки относились къ нуждамъ и пожеланіямъ комитета далеко не предупредительно. Такъ, въ 1841 году, при производствѣ опытовъ въ Кронштадтѣ, комитетъ, черезъ Великаго Князя Михаила Павловича, просилъ морское вѣдомство и получилъ отвѣты: 1) предоставить ему на время опытовъ одинъ грузовой ботъ съ командою—нельзя „по крайней необходимости для перевозки адмиралтейскихъ тяжестей“; 2) дать ему нѣкоторое количество старыхъ парусовъ—такихъ де не имѣется; 3) предоставить въ распоряженіе комитета на незначительный срокъ команду портовыхъ мастеровыхъ—„болѣе двухъ или трехъ мастеровыхъ отдѣлить отъ портовыхъ работъ нѣтъ возможности“ и т. д. Позднѣе, когда минные опыты производились въ Ревелѣ, комитетъ, черезъ инспектора по инженерной части, генерала Дена, просилъ морское вѣдомство и получилъ отвѣты: 1) предоставить въ его распоряженіе одинъ изъ наличныхъ портовыхъ пароходовъ—ранѣе осени нельзя; 2) дать ему нѣсколько гребныхъ шлюпокъ—ранѣе осени нельзя; 3) дать ему на время нѣсколько концовъ запасныхъ цѣпей—такихъ не имѣется; 4) одолжить на время водолазный апаратъ—свободнаго нѣтъ; 5) предоставить въ Ревелѣ какое нибудь помѣщеніе-пріютъ для академика Якоби и его механика—помѣщеній нѣтъ, и т. д.

Назидательны и такіе примѣры по Кронштадту, гдѣ двоевластіе, какъ сказано, процвѣтало.

Въ мартѣ 1841 года въ инженерномъ департаментѣ былъ выработанъ новый типъ амбразуръ для единороговъ и для тяжелыхъ пушекъ береговыхъ казематированныхъ батарей, а Государь приказалъ направить чертежи въ морское вѣдомство для примѣненія въ строившемся тогда фортѣ „Александръ I“. Князь Меншиковъ раскритиковалъ проектъ въ пухъ и въ дребезги и сообщилъ департаменту, что съ мнѣніемъ его, князя, согласился и Императоръ. Департаментъ съ своей стороны вошелъ, черезъ военнаго

министра, со всеподданнѣйшимъ докладомъ, въ которомъ указывалъ, что отмѣченныя Меншиковымъ неудобства безслѣдно поглощаются цѣлымъ рядомъ вновь достигнутыхъ удобствъ и что, кромѣ того, совершенно идентичный типъ амбразуръ уже Высочайше утвержденъ для бомбическихъ пушекъ. Возможно предполагать, что Николай Павловичъ фактически и не былъ на сторонѣ князя Меншикова; по крайней мѣрѣ Государь приказалъ вопросъ разсмотрѣть въ особомъ совѣщаніи, членовъ котораго назначилъ лично; въ комитетъ вошли: инженеръ путей сообщенія генералъ Дестремъ, полевой инженеръ генералъ Фельдманъ, сухопутный артилеристъ генералъ Философовъ и ни одного представителя отъ морского вѣдомства. Комитетъ подалъ мнѣніе за проектъ департамента, мнѣніе это было Высочайше утверждено и предписано къ исполненію.

Въ томъ же году инженерный департаментъ представилъ Государю на утвержденіе проектъ перестройки угла купеческой гавани. Николай Павловичъ проектъ забраковалъ и далъ самыя подробныя указанія для составленія новыхъ двухъ варіантовъ. Когда это было исполнено, Царь весьма внимательно разсмотрѣлъ оба варіанта, остановился на одномъ изъ нихъ, но и послѣдній приказалъ вновь передѣлать, главнымъ образомъ по деталямъ, лично отмѣтивъ какъ и что должно измѣнить. Когда окончательный проектъ былъ готовъ, военный министръ переслалъ его для свѣдѣнія князю Меншикову, у котораго проектъ и застрялъ. Между тѣмъ, иностранные консулы подали жалобу, что неисправность угла гавани ведетъ къ порчѣ обшивки близь проходящихъ судовъ, и это побудило Государя приказать, не ожидая намѣченныхъ, большихъ и длительныхъ, работъ, починить гавань временно на ремонтныя суммы. Отъ князя Меншикова проектъ капитальныхъ работъ былъ доставленъ только осенью 1842 года и притомъ съ цѣлымъ рядомъ замѣчаній. Графъ Чернышевъ сообщилъ объ этихъ замѣчаніяхъ Михаилу Павловичу и просилъ дать

заключеніе для доклада Императору. Великій Князь, указывая на то обстоятельство, что проектъ департамента составленъ строго по Высочайшимъ указаніямъ и что замѣчанія князя Меншикова „измѣняютъ“ эти указанія, просилъ военнаго министра доложить проектъ „въ томъ видѣ, какъ онъ, во исполненіе вышеозначенной Высочайшей воли, былъ составленъ“. Графъ Чернышевъ представилъ Царю всю картину, и въ результатѣ работа была отложена на неопредѣленный срокъ. Быть можетъ, такое рѣшеніе явилось и слѣдствіемъ производства временной починки гавани.

Въ томъ же году произошелъ казусъ, еще характернѣе подтверждающій неудобство двоевластія. До того времени моряки сваливали на котлинъ „всякія нечистоты“ вблизи города и сухопутныхъ верковъ, ссылаясь на отсутствіе дорогъ для вывоза отбросовъ на болѣе подходящія мѣста. Длинная по этому поводу переписка завершилась тѣмъ, что въ февралѣ 1841 года морское вѣдомство рѣшило таки построить соотвѣтственную дорогу, при чемъ работы были исчислены всего на сумму менѣе 4.000 руб. Такъ какъ дорогу надлежало провести въ раіонѣ укрѣпленій, подвѣдомственныхъ сухопутному управленію, то предварительно приступа къ работамъ опять завязалась обширная переписка между министрами. Принципіальное рѣшеніе построить дорогу не выяснило— кому производить работы и на чьи средства отнести расходы, ибо дорога оказалась небезполезной и для сухопутныхъ. По двумъ всеподданнѣйшимъ докладамъ послѣдовало повелѣніе строить сухопутнымъ, а расходы раздѣлить пополамъ между двумя вѣдомствами. Небольшая дорога эта была закончена лишь черезъ два года. Тогда возбудился вопросъ: кому вѣдать этою дорогою, построенною на половинныхъ издержкахъ, кому ее исправлять и на чей счетъ относить расходы на послѣднюю потребность? Вновь вѣдомства обратились къ Верховной власти, послѣ чего завѣдываніе дорогою было поручено сухопутнымъ, а на каждое необходимое исправленіе

равныя суммы асигновывались по смѣтамъ обоихъ вѣдомствъ.

Еще болѣе сложное дѣло возникло въ 1843 году. Въ августѣ того года князь Меншиковъ сообщилъ военному министру, что Государь, будучи въ Кронштадтѣ, повелѣлъ безотлагательно исправить ворота купеческой гавани и что повелѣніе это относится къ сухопутному вѣдомству, завѣдывающему этими воротами. На дѣлѣ оказалось, что восточная часть воротъ принадлежитъ морскому вѣдомству, почему Геруа просилъ командировать въ инженерный департаментъ штабъ-офицера отъ главнаго морского штаба для совмѣстнаго составленія проекта. Командировали подполковника Заржецкаго. Проектъ составили и представили Императору, который нашелъ, „что при теперешнемъ ветхомъ положеніи этихъ воротъ невозможно допустить какое либо временное исправленіе оныхъ, которое повело бы лишь только къ напрасной тратѣ денегъ“, и посему приказалъ доложить ранѣе составленный проектъ перестройки всего угла гавани. Представили два проекта: „проектъ уширенія воротъ, составленный по видамъ морского начальства“ и „проектъ перестройки купеческаго угла, составленный (сухопутными) по собственнымъ указаніямъ Его Величества“. Государь положилъ резолюцію: „Надо передать князю Меншикову для личнаго доклада“. Вскорѣ Меншиковъ сообщилъ Геруа, что Государь приказалъ исправить ворота по прилагаемому морскому проекту, независимо отъ перестройки угла гавани. Но не прошло нѣсколькихъ дней— новый отзывъ князя: Государь приказалъ ему „имѣть совѣщаніе“ по этому дѣлу съ генераломъ Фельдманомъ. Опять возродился вопросъ о правой и лѣвой сторонѣ, и явилось два самостоятельныхъ проекта: сухопутный — на исправленіе правой стороны, стоимостью въ 49.575 р., и морской—на исправленіе лѣвой стороны, стоимостью въ 45.140 р. Вновь докладъ Царю и Высочайшее повелѣніе; работы произвести по сказаннымъ проектамъ, но по обоимъ—распоряженіемъ морского вѣдомства съ пере-

дачей послѣднему денегъ, исчисленныхъ на правую сторону воротъ; впослѣдствіи же содержать ворота по обѣимъ сторонамъ одному морскому вѣдомству. Повелѣніе явилось, собственно говоря, утвержденіемъ мнѣнія инженернаго департамента, полагавшаго такимъ путемъ избѣгнуть дальнѣйшей двойственности вѣдѣнія воротами. Освѣдомившись о рѣшеніи, Меншиковъ адресуется къ Геруа: по смѣтѣ на исправленіе сухопутной стороны воротъ введенъ трудъ военно-рабочихъ и арестантовъ, почему либо дайте таковыхъ, либо отпустите еще 5.800 руб. Геруа отвѣчаетъ, что склоненъ на первую мѣру. Возбуждается новый вопросъ: какъ и по какой линіи разграничить части гавани, примыкающія къ сухопутной сторонѣ воротъ и находящіяся въ сухопутномъ управленіи? Военный министръ обращается къ Меншикову, Меншиковъ къ Государю, а затѣмъ сообщаетъ, что Его Величество приказалъ, по отстройкѣ воротъ моряками, западную часть входа въ гавань вновь передать въ сухопутное вѣдомство, „дабы проходъ въ купеческія ворота былъ границею обоихъ вѣдомствъ". Тогда Геруа докладываетъ своему министру: „Представляя о возложеніи на одно вѣдомство какъ единовременнаго исправленія, такъ и ремонтнаго содержанія купеческихъ воротъ, инженерный департаментъ имѣлъ въ виду соблюденіе единообразія въ обѣихъ сторонахъ воротъ, которыя составляютъ какъ бы части одного и того же цѣлаго"; теперь же мысль эта снова исчезла. Посему Геруа просилъ исхлопатать хотя бы повелѣніе, коимъ въ обязанность морского вѣдомства было бы вмѣнено, чтобы при будущихъ ремонтныхъ и другихъ работахъ по восточной сторонѣ вѣдомство это сносилось бы съ сухопутнымъ „для соблюденія единообразія". Военный министръ сообщилъ о томъ Меншикову. Князь отъ отвѣта уклонился.

Какъ не существовало регламентаціи степени власти и существа обязанностей сухопутныхъ и морскихъ властей въ береговыхъ крѣпостяхъ въ мирное время, такъ не было соотвѣтственныхъ правилъ даже для времени военнаго.

и нѣкоторыя отправныя начала были установлены лишь къ пятидесятымъ годамъ по такому частному случаю.

Въ мартѣ 1844 года начальникъ главнаго морского штаба возбудилъ ходатайство объ уплатѣ вѣдомствомъ военнымъ морскому 6.000 руб., истраченыхъ еще въ въ 1828 году, по требованію коменданта Севастополя, на заготовку наръ для крѣпостного госпиталя. Комисаріатскій департаментъ полагалъ въ ходатайствѣ отказать, ибо комендантъ требовать такой заготовки права не имѣлъ, департаменту о требованіи своевременно донесено не было и въ нарахъ въ концѣ концовъ не оказалось нужды. На это князь Меншиковъ отозвался: „Въ настоящемъ дѣлѣ важность вопроса состоитъ не столько въ возвратѣ или невозвратѣ морскому вѣдомству употребленной на постройку наръ суммы, сколько въ томъ, можно ли допустить, что-бы въ военное время морское начальство имѣло право отказать военному, или наоборотъ, въ исполненіи связаннаго съ военными обстоятельствами экстреннаго требованія потому только, что требованіе это обращено не въ департаментъ того или другого министерства, находящійся за двѣ тысячи верстъ отъ мѣста, гдѣ должно исполнять самое требованіе“. Поэтому князь полагалъ необходимымъ къ вопросу отнестись весьма внимательно. Дѣло было представлено въ военный совѣтъ, который потребовалъ по этому поводу заключеній отъ всѣхъ департаментовъ военнаго министерства. Пошла переписка и разрѣшилась только въ маѣ 1850 года повелѣніемъ Императора, въ которомъ указывалось, какіе начальники въ береговыхъ крѣпостяхъ могутъ предъявлять въ военное время тѣ или другія требованія и какъ должны эти требованія удовлетворяться. При этомъ пояснялось, что начальникъ, предъявившій данное требованіе, отвѣтствуетъ за его существо передъ высшей властью, какъ отвѣтствуетъ и лицо, невыполнившее почему либо такого требованія, а также что о всѣхъ распоряженіяхъ одного вѣдомства по требованію другого надлежитъ доносить министрамъ военному и морскому.

При обрисованномъ двоевластіи, сохранившемся къ началу Восточной войны главнымъ образомъ въ Кронштадтѣ, нѣтъ ничего удивительнаго, что въ 1854 году надъ кронштадтскими комендантомъ и главнымъ командиромъ порта пришлось поставить высшее полномочное лицо и что таковымъ явился сухопутный генералъ—И. И. Денъ *).

Въ заключеніе настоящей главы—нѣсколько словъ о вознагражденіи службы и труда инженерныхъ офицеровъ.

Содержаніе, имъ присвоенное по штату 1810 года, было относительно скромное: генералы получали въ годъ 2.235 р., полковники—1.359, подполковники—959,12, маіоры—599,37, капитаны—512,68, поручики—351,44, подпоручики—280,06; въ этихъ цифрахъ заключались и жалованье, и раціоны.

Задавшись мыслью преобразовать инженерный корпусъ, какъ въ смыслѣ подъема научныхъ знаній, такъ и въ отношеніи улучшенія этическихъ качествъ личнаго состава, Николай Павловичъ, можно сказать въ первые же дни послѣ вступленія въ должность генералъ-инспектора, началъ изыскивать средства къ увеличенію содержанія военнымъ инженерамъ, при чемъ поставилъ въ первую очередь увеличеніе таковаго для чиновъ старшихъ, оклады коихъ, по мнѣнію Его Высочества, совершенно не соотвѣтствовали ни ихъ труду, ни ихъ обиходу. Надо думать, тутъ крылась и другая цѣль—дать возможность старшимъ жить безбѣдно на казенное содержаніе, избавить ихъ отъ фатальной необходимости прибѣгать къ „самопомощи“ и погрести этотъ послѣдній источникъ безслѣдно именно на верху, тамъ, откуда примѣръ идетъ къ низу и гдѣ сосредоточивается ближайшій контроль за службою и поведеніемъ меньшей братьи. Для дости-

*) Ж, № 77—1844, 1—3, 23; З, № 45—1825, 28, 29, 86; № 97—1834, 308, 321, 322, 333, 336, 357, 362, 370, 376, 379, 445, 446; I, № 10—1840, 13, 20, 26—31; № 32—1840, 75, 188, 239, 246, 254, 440; № 15—1841, 1—4; № 153—1842, 1, 2; № 152—1843, 1, 7, 9, 11, 13, 19, 24, 42, 53, 55, 60, 63, 66; Н, № 41—1841, 52, 53; № 126—1851, 64, 65; Ф, № 68—1818, 131—133; № 1—1830, 1, 2, 4, 9, 11.

женія этого Великій Князь не остановился передъ мѣрою героическою: специально для намѣченной цѣли онъ проектировалъ упраздненіе ряда крѣпостей съ прямымъ послѣдствіемъ онаго—уменьшеніемъ числа инженерныхъ командъ и числа инженерныхъ офицеровъ, „съ обращеніемъ жалованья, имъ по штату положеннаго, въ столовыя деньги *нѣкоторымъ генераламъ и полковникамъ*" (курс. подл.). Мѣра эта, касавшаяся крѣпостей, коимъ Николай Павловичъ придавалъ эпитетъ „такъ называемыхъ", была утверждена 1 января 1819 года.

По штату 1819 года и по особымъ, вскорѣ послѣдовавшимъ частнымъ повелѣніямъ, собственно жалованье инженернымъ офицерамъ осталось такимъ-же, какимъ оно было и раньше; но явилось новое довольствіе—столовыя деньги. Столовыя были присвоены: двумъ начальникамъ инженеровъ армій—по 6.000 р. въ годъ (1-я армія—графъ Сиверсъ и 2-я—Ферстеръ); тремъ генераламъ, окружнымъ командирамъ—по 4.000 р.; тремъ генераламъ, въ тѣхъ же должностяхъ—по 3.000 р.; вице-директору инженернаго департамента—3.000 р. (всего по штату генераловъ состояло 10, изъ нихъ одинъ—директоръ инженернаго департамента—получалъ содержаніе по особому Высочайшему назначенію); всѣмъ полковникамъ, командирамъ крѣпостныхъ инженерныхъ командъ I класса—по 2.000 р. Въ 1822 году, по ходатайству генералъ-инспектора, было установлено правило, по которому всѣ инженерные офицеры, прослужившіе безпорочно въ корпусѣ 20 лѣтъ, получали прибавку къ содержанію размѣромъ въ $^1/_3$ жалованья. Вскорѣ-же по восшествіи на престолъ, Николай Павловичъ повелѣлъ представить ему справку о сравнительномъ содержаніи инженерныхъ офицеровъ и офицеровъ корпуса путей сообщенія, а затѣмъ, именно въ 1831 году, послѣдовало Высочайшее повелѣніе назначить столовыя деньги: всѣмъ полковникамъ—по 2.000 р., всѣмъ подполковникамъ, состоящимъ по экстреннымъ порученіямъ—по 1.000 р., командирамъ инженерныхъ командъ II класса—по 750 р,

и III класса—по 500 р. Наконецъ, въ декабрѣ 1833 года столовыя деньги командирамъ саперныхъ бригадъ были увеличены до 5.000 р.

Штатными окладами не исчерпываются данныя объ оплатѣ труда и службы инженерныхъ офицеровъ. Твердо стоя на той точкѣ зрѣнія, что строгія требованія въ служебномъ и въ этическомъ отношеніяхъ должны идти рука объ руку съ „приличнымъ отъ казны вознагражденіемъ", Николай Павловичъ устанавливалъ и особые оклады для лицъ достойныхъ, и добавочныя содержанія, и пособія, зачастую весьма щедрыя. Но прежде чѣмъ приводить документальныя данныя по этому поводу, позволю себѣ небольшое отступленіе, но все же отступленіе въ область, сродную съ предметомъ этихъ строкъ.

Иванъ Ивановичъ Денъ никогда не пользовался расположеніемъ старшихъ инженерныхъ генераловъ и особенно чиновъ инженернаго департамента. Первымъ повидимому не нравились прямота и рѣзкость Дена, запечатлѣнныя во многихъ его резолюціяхъ на бумагѣ; вторымъ—его удивительная самостоятельность, а пожалуй до нѣкоторой степени и непочтительность къ департаментскому начальству. Отъ нерасположенія до инсинуаціи бываетъ иногда дистанція размѣра не огромнаго. И вотъ, съ легкой руки недоброжелателей, о Денѣ была пущена слава какъ о человѣкѣ небезупречномъ въ области „самопомощи". Намеки такого рода, хотя и безъ точнаго указанія фамиліи Дена, можно встрѣтить даже въ трудахъ одного почтеннаго исторіографа инженернаго департамента, частью современника Дена, автора, всегда стоявшаго близко къ департаментскимъ сферамъ по службѣ своей въ главномъ инженерномъ училищѣ. И по сей день многими инженерными офицерами повторяется апокрифическая фраза, якобы произнесенная Николаемъ Павловичемъ въ отвѣтъ на чей-то вопросъ о стоимости Новогеоргіевска: „Объ этомъ знаетъ Господь Богъ и Денъ"! И фраза эта всегда повторяется съ ироническими улыбками. На мой взглядъ, взглядъ вполнѣ без-

пристрастнаго изслѣдователя письменныхъ архивныхъ данныхъ, не черпавшаго свѣдѣній ни изъ легендъ, ни изъ ,,воспоминаній" современниковъ, противъ приведенной фразы протестовать можно и должно. Во первыхъ, Николай Павловичъ—пропускавшій черезъ свои руки всѣ, даже мельчайшіе проекты по Новогеоргіевску, какъ и по другимъ крѣпостямъ, самъ разсматривавшій, а еще чаще и самолично пересоставлявшій строительныя предположенія, вникавшій въ существо каждаго денежнаго исчисленія—такой фразы сказать не могъ. Во вторыхъ то, что о Денѣ—этомъ ближайшемъ и довѣреннѣйшемъ сотрудникѣ вѣнценоснаго военнаго инженера—уже было сказано и то, что сказано будетъ, и все на основаніи несомнѣнныхъ документальныхъ источниковъ, свидѣтельствуетъ о крайне упорномъ и постоянномъ стремленіи Дена къ соблюденію казеннаго интереса. Въ третьихъ, нельзя обойти молчаніемъ и такого обстоятельства.

Однажды, весьма почтенный инженерный генералъ сказалъ мнѣ: ,,Ну, офиціальные документы—сплошь да рядомъ мертвечина. Бумага—одно; жизнь—другое. А чѣмъ вы объясняете, что Денъ оставилъ послѣ себя весьма крупное по тому времени состояніе"?

Денъ, по своей должности начальника инженеровъ западной арміи, долгіе годы получалъ около 10.000 р. содержанія. Примѣрно то же и по должностямъ инспектора по инженерной части и товарища генералъ-инспектора. Въ 1820 году ему было Высочайше даровано имѣнье въ 2.000 десятинъ; въ 1826 году—староство Залужье Бобруйскаго уѣзда съ доходомъ въ 3.500 р. въ годъ; въ 1832 году—вмѣсто Залужья—аренда на 12 лѣтъ по 6.300 р. (1.800 р. сер.); въ 1833 году—единовременное пособіе въ 50.000 р.; въ 1835 году—маіоратъ, мѣстечко Козеницо Радомской губ., съ доходомъ въ 10.500 р.; въ 1840 году—пособіе въ 50.000 р.; въ 1850 году—аренда въ 10.500 р. и т. д. Если подсчитать какъ все это, такъ и другія болѣе мелкія награды, то окажется, что Денъ, кромѣ вполнѣ приличнаго оклада

содержанія, кромѣ имѣнья въ 2.000 десятинъ, получилъ отъ Николая Павловича, весьма и весьма его цѣнившаго, ни болѣе, ни менѣе, какъ 538.600 руб. тогдашнихъ асигнацій, кои, по нынѣшнимъ временамъ, слѣдуетъ считать цѣннѣе девальвированаго рубля серебромъ. Было изъ чего обезпечить наслѣдниковъ!

Не одинъ Денъ получалъ отъ Царя большія денежныя награды и пособія. Выдавались таковыя и другимъ заслуженнымъ и полезнымъ дѣятелямъ инженернаго искусства. Генералу Опперману, по ходатайству Николая Павловича, были выданы единовременныя пособія: въ 1820 году—14.000 р., въ 1823 году—57.000 р.; въ 1826 году Государь пожаловалъ ему на 50 лѣтъ „во владѣніе" староство Любоницкое, безъ платежа кварты; въ 1827 году—пожизненный пенсіонъ въ 6.000 р.; въ 1829 году—пособіе въ 50.000 р. Генералъ Лехнеръ получилъ въ 1828 году пособіе въ 10.000 р. Генералъ Рербергъ получилъ разновременно пособій 11.000 р. Генералъ Евреиновъ—14.000 р. Генералъ Бухмейеръ—5.000 р. и въ вѣчное владѣніе 1.500 десятинъ земли, и т. д.

Для такихъ же полезныхъ инженерному вѣдомству лицъ, устанавливались и особые нештатные оклады. Такъ, въ январѣ 1819 года Николай Павловичъ исходатайствовалъ назначеніе генералъ-маіору Шрейтерфельду 1-му столовыхъ по 4.000 р. въ годъ (полагалось 3.000) „яко отличнѣйшему изъ инженерныхъ окружныхъ командировъ". Въ 1824 году, по ходатайству Великаго Князя, строителю Динабурга, генералъ-маіору Клименку, „во уваженіе отличной его службы", было назначено, не въ примѣръ прочимъ, 4.000 р. столовыхъ. Въ январѣ 1826 года генералу Геруа повелѣно отпускать, кромѣ содержанія по должности, ежегодно по 2.906 р. 60 к. изъ собственной Его Величества конторы; и т. д.

Въ крѣпостныхъ строительствахъ и младшіе офицеры инженернаго корпуса получали добавочное содержаніе. Мѣра эта была установлена по Динабургу тотчасъ послѣ вступленія на престолъ Николая Павловича. Въ январѣ

1827 года Государь повелѣлъ „состоящимъ при работахъ въ Бобруйскѣ, Ревелѣ и Кронштадтѣ инженернымъ офицерамъ, во уваженіе трудовъ и нѣкоторыхъ издержекъ ихъ при семъ случаѣ, производить прибавочное жалованье изъ строительныхъ суммъ, по примѣру Динабурга, по назначенію строителей и по утвержденію директоромъ инженернаго департамента, „по мѣрѣ усердія и искусства каждаго“, но не выше годового оклада жалованья. Тотъ же порядокъ былъ установленъ на Аландѣ въ 1829 году, въ Кіевѣ въ 1831 году, въ Брестѣ въ 1833 году, въ Севастополѣ въ 1834 году. Полевые инженеры въ Польшѣ и на Кавказѣ получали особые усиленные оклады.

Въ крѣпостяхъ, въ которыхъ добавочнаго содержанія не выдавали, практиковался иногда пріемъ назначенія наградныхъ при окончаніи извѣстной серіи работъ. Напримѣръ, въ Севастополѣ, когда къ 1827 году закончили укрѣпленіе рейда временными батареями, Государь приказалъ выдать въ награду: строителю—5.000 р., офицерамъ—годовые и полугодовые оклады. Въ февралѣ 1845 года, по донесенію генерала Нейдгарда объ окончаніи укрѣпленія Петровскаго и „неутомимомъ стараніи и примѣрной распорядительности“ инженеръ-капитана Эггера, Государь повелѣлъ выдать ему годовой окладъ. Любопытно, что въ то же время Царю доложили о наложеніи на Эггера штрафа въ 9.110 руб. за то, что, при переводѣ его изъ Польши на Кавказъ, онъ не предъявилъ въ таможню своего багажа. Николай Павловичъ повелѣлъ „оказать на сей разъ Эггеру снисхожденіе сложеніемъ помянутаго взысканія“ *).

При командировкахъ инженерныхъ офицеровъ по

*) А, № 52—1818, 6, 10, 11; № 40—1819, 47; № 108—1828, 8; № 125—1828, 1; № 89—1834, 31, 32; И, № 33—1829, 30; № 27—1833, 1, 2, 12, 14 Л, № 88—1841, 114; Ф, № 56—1822, 5; № 77—1823, 1; № 18—1824, 3; № 126—1826, 3; № 139—1827, 37; № 7—1828 1; № 125—1828, 96; № 100—1831, 4; Ц, № 41—XXX—1843, 9; Формуляры; I П. С. З., №№ 20.648, 24.099, 27.617.

дѣламъ службы, происходившихъ въ разсматриваемый періодъ времени довольно часто, кромѣ положенныхъ по закону видовъ довольствія, почти всегда выдавались и особыя пособія. Приведемъ нѣсколько тому примѣровъ, при которыхъ иниціатива назначеній принадлежала самому Николаю Павловичу.

Въ февралѣ 1821 года, по личному ходатайству Августѣйшаго генералъ-инспектора, послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе на командированіе заграницу капитана Фельдмана, поручиковъ Павловскаго, Кубе, Фелькерзама и Кульмана и подпоручика Герстфельда, причемъ Великій Князь просилъ дежурнаго генерала, генералъ-адъютанта Закревскаго, ,,на первыя издержки приказать отпустить по 150 червонцевъ (по 1.622 р. 25 к. асигн.) на каждаго, а чтобы могли они сколько возможно прилично жить въ чужихъ краяхъ, то со дня отправленія назначить имъ опредѣленное содержаніе по заграничному уже положенію''. Просьба эта была удовлетворена И все же, въ октябрѣ того года, ,,удостовѣрившись лично, что инженерные офицеры, находящіеся въ Реймсѣ, по дороговизнѣ того края, не могутъ прилично себя содержать данными имъ доселѣ способами'', Великій Князь выхлопоталъ имъ еще пособія: сначала по 100, а затѣмъ и еще по 150 червонцевъ на каждаго. Въ мартѣ 1827 года командированному на Кавказъ для исправленія должности начальника инженеровъ арміи, генералъ-маіору Трузсону 2-му Государь приказалъ, кромѣ прогоновъ, выдать единовременное пособіе въ 3.000 руб. Въ августѣ 1829 года Императоръ повелѣлъ выдать не въ зачетъ годовое жалованье инженеръ-полковнику Фельдману, командированному въ Брестъ-Литовскъ для примѣненія къ мѣстности эскиза крѣпостного расположенія. Въ концѣ 1838 года Государь командировалъ заграницу генерала Шильдера и разрѣшилъ ему взять съ собою гвардейскаго конно-піонернаго эскадрона прапорщика Кистера, при чемъбыло Высочайше повелѣно выдать въ пособіе: первому 500, а второму 200 червонцевъ.

Когда до свѣдѣнія Царя дошло, что Шильдеръ задолжалъ нашему генеральному консулу въ Лондонѣ еще 500 червонцевъ—повелѣно возвратить ихъ изъ казны. Когда же выяснилась необходимость въ продленіи командировки, въ общемъ продолжавшейся около года, Николай Павловичъ опять пожаловалъ: Шильдеру—1.000, а Кистеру 200 червонцевъ. Не въ зачетъ годовой окладъ былъ выданъ, по личной инициативѣ Царя, инженеръ-подполковнику Постельсу, командированному въ 1840 году для осмотра Черноморской береговой линіи; а когда, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, на того же офицера было возложено порученіе сдѣлать рекогносцировку всей боевой линіи на Кавказѣ, Его Величество приказалъ выдать Постельсу дополнительное пособіе въ 3.500 р. Въ 1842 году Высочайше повелѣно командировать на Кавказъ, временно, для работъ на Черноморской линіи, двухъ инженерныхъ офицеровъ, съ выдачею имъ не въ зачетъ годовыхъ окладовъ и двойныхъ прогонныхъ денегъ. Наконецъ въ 1844 году Государь повелѣлъ принять за общее правило, чтобы инженернымъ офицерамъ, командируемымъ на Кавказъ, выдавались, кромѣ прогоновъ, также и пособія въ размѣрѣ годовыхъ окладовъ жалованья.

Выдавались инженернымъ офицерамъ награды и пособія при каждомъ возложеніи на нихъ особыхъ, сложныхъ или трудныхъ, порученій. Такъ, въ 1818 году, за составленіе обширнаго атласа съ чертежами россійскихъ крѣпостей, двѣнадцати инженерамъ, по представленію Николая Павловича, выданы награды по 3.000 р. При производствѣ инженерныхъ съемокъ полагались особыя суточныя деньги. Выдавались изъ соотвѣтственныхъ источниковъ пособія на леченіе, на женитьбу и т. д.

Такимъ образомъ, въ особенности если не забыть объ относительной дешевизнѣ жизни того времени, можно сказать, что при Николаѣ Павловичѣ трудъ инженерныхъ офицеровъ оплачивался въ нѣкоторыхъ случаяхъ роскошно, всегда хорошо и во всякомъ случаѣ въ мѣрѣ, позволявшей жить безбѣдно на казенное содержаніе. Съ

другой стороны, вѣнценосный военный инженеръ, дѣлая все возможное для своихъ сотрудниковъ, имѣлъ право требовать и фактически требовалъ, чтобы инженерные офицеры отдавали всѣ свои силы исключительно службѣ и только ей одной. Посторонніе заработки не только не поощрялись, но даже преслѣдовались; исключеніе дѣлалось лишь по отношенію къ научнымъ работамъ. Напримѣръ, въ апрѣлѣ 1834 года обнаружилось, что инженерный офицеръ, нѣкій Федоровъ, три раза публиковалъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" о желаніи своемъ получить работы по постройкѣ частныхъ домовъ. „За такой неприличный и противный порядку службы проступокъ", Федоровъ былъ посаженъ на три недѣли подъ арестъ и его приказано было перевести изъ Петербурга въ другой округъ. Тогда же въ приказѣ по инженерному корпусу было объявлено: „Частнымъ начальникамъ строжайше наблюдать", чтобы инженерные офицеры отнюдь партикулярными работами не занимались, „ибо подобныя занятія, отвлекая офицеровъ отъ прямыхъ обязанностей ихъ, могутъ быть поводомъ ко вреднымъ для самой службы дѣйствіямъ". Изъ частныхъ занятій былъ разрѣшенъ только одинъ родъ — лекціи. Въ ноябрѣ 1831 года Николай Павловичъ разрѣшилъ инженернымъ офицерамъ заниматься преподаваніемъ наукъ въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, но не иначе какъ въ свободное отъ службы время и съ особаго каждый разъ согласія прямого ихъ начальства *).

*) А, № 96—1831, 3; № 10—1834, 4; И, № 28—1831, 12; Л, № 26—1840 33; № 27—1841, 15; № 95—1845, 9; Ф, № 17—1821, 1—5, 94, 99, 113, 114; № 15—1826, 13, 37; № 119—1826, 42; № 106—1827, 2; № 16—1833, 4; Ц, № 2—I—1838, 7, 13, 34, 35, 63, 67, 96, 114, 119; Приказъ, № 46—1844; II, II. С. З., № 17.694; 100 В. М., VII, 113, 123.

Глава III.

Участіе Николая Павловича въ проектированіи и созданіи крѣпостей. Степень вліянія на наше крѣпостное зодчество иностранныхъ образцовъ. Заграничныя командировки инженерныхъ офицеровъ и наставленія командируемымъ. Высочайшія директивы для проектированія крѣпостныхъ сооруженій и собственноручные наброски. Требованія наглядности и правильности чертежей. Облегченіе Императоромъ работы чертежниковъ при срочныхъ проектахъ. Принципъ несоотвѣтственности устройства въ крѣпостяхъ временныхъ сооруженій. Заботы о силѣ и правильности профили, о наличности надлежащихъ обстрѣловъ, о дефилированіи верковъ и т. п. Разносторонность техническихъ указаній вѣнценоснаго военнаго инженера. Осторожность Николая Павловича при утвержденіи проектовъ. Осмотрительность въ настояніяхъ. Вниманіе къ мѣстнымъ условіямъ и къ сужденіямъ мѣстныхъ дѣятелей. Рѣшеніямъ неукоснительно предшествуетъ выясненіе мельчайшихъ неясностей. Требованія дополнительныхъ свѣдѣній. Допущеніе обсужденія Высочайшихъ повелѣній и представленія по нимъ возраженій. Внимательность отношенія къ такимъ возраженіямъ и перемѣна рѣшеній.

„Въ строительномъ отношеніи—говоритъ Н. К. Шильдеръ—наши крѣпости, возведенныя въ царствованіе Императора Николая, могли быть признаны вполнѣ образцовыми произведеніями военнаго зодчества, рѣдко встрѣчавшимися даже въ лучшихъ заграничныхъ крѣпостяхъ“. Въ краткомъ же очеркѣ инженернаго искусства, составленномъ професоромъ Болдыревымъ ко дню пятидесятилѣтія Николаевскаго инженернаго училища, находимъ слѣдующія строки, посвященныя крѣпостному дѣлу той же эпохи.

„При разсмотрѣніи вновь возведенныхъ и преобразованныхъ крѣпостей въ искусственномъ отношеніи, мы находимъ—говоритъ професоръ—безпристрастное употребленіе всѣхъ средствъ и улучшеній, которыя предлагаетъ намъ инженерная наука, выработанная трудами француз-

скихъ и германскихъ инженеровъ. Въ новыхъ крѣпостяхъ представляются намъ: бастіонные и капонирные фронты и ограды неправильнаго начертанія, но вполнѣ согласованныя съ требованіями обороняемой мѣстности; эскарпы примкнутые къ валу и отдѣльные отъ него: казематированныя оборонительныя постройки разнаго вида, разнаго устройства и съ различными цѣлями; наконецъ, согласно съ понятіями и принятыми правилами времени—достаточно сильное вооруженіе. Къ этой краткой характеристикѣ можно прибавить, что, не смотря на кажущееся разнообразіе, въ общемъ и частномъ расположеніи укрѣпленій ясно проглядываютъ одни и тѣ же главныя начала, служащія основаніемъ для всѣхъ подобныхъ расположеній—и не удивительно, такъ какъ они истекали отъ одного и того же руководителя, который....... преобразовалъ инженерную часть, а впослѣдствіи, до конца своей жизни, не переставалъ принимать въ ней самое живое и самое дѣятельное участіе".

Предварительно сообщенія свѣдѣній, свидѣтельствующихъ о томъ, что въ дѣлѣ созданія крѣпостей Николай Павловичъ былъ тоже болѣе, чѣмъ руководителемъ, скажу два слова о русской фортификаціонной школѣ того времени, во главѣ которой безспорно стоялъ самъ Императоръ.

У Н. К. Шильдера встрѣчаются намеки на то, что идеи Монталамбера, идеи массированія артилеріи въ многоярусныхъ, открытыхъ съ поля, оборонительныхъ казармахъ и башняхъ, были заимствованы нами изъ Пруссіи, гдѣ практически онѣ начали находить примѣненіе съ 1815 года, объ этомъ заимствованіи изъ Пруссіи много писалось и ранѣе того, Но уже Болдыревъ доказывалъ, что система Монталамбера пришла къ намъ прямо изъ Франціи, что многія наши крѣпости строились по образцу именно французскихъ. На основаніи же обширнаго архивнаго матеріала можно смѣло утверждать, что никакія иностранныя крѣпости, въ области расположенія верковъ и принятія тѣхъ или другихъ твердыхъ

фортификацiонныхъ формъ, намъ образцами не служили. Мы пользовались только *идеями* Монталамбера, чистой теорiей, какъ пользовались и мыслями Шаслу и Карно. Даже принципы названныхъ знаменитыхъ фортификаторовъ не принимались къ руководству слѣпо и въ неприкосновенномъ ихъ видѣ. Имѣются свидѣтельства, что Императоръ Николай I весьма любилъ сводить сторонниковъ Монталамбера, Шаслу и Карно, возбуждать пренiя по фортификацiи и суммировать взгляды и доводы антагонистовъ. Это суммированiе на практикѣ завершилось тѣмъ, что создалась своя русская фортификацiонная школа, фундаментъ которой безспорно былъ французскаго происхожденiя, но только фундаментъ. Многое явилось и результатомъ русскаго творчества. Я не говорю уже о „кавказской фортификацiи", всецѣло выработанной у насъ дома.

На иностранныя крѣпости Николай Павловичъ оглядывался, но главнымъ образомъ въ узкомъ техническо-строительномъ отношенiи. Примѣромъ попытки заимствованiя изъ нихъ фортификацiонной формы, и то примѣромъ, не завершившимся на практикѣ ничѣмъ, могутъ служить только пресловутыя башни Эрцгерцога Максимилiана.

Въ апрѣлѣ 1833 года нашимъ посольствомъ въ Вѣнѣ были присланы въ Петербургъ чертежи и описанiя оборонительныхъ башенъ, возводимыхъ въ Австрiи по проекту Эрцгерцога. Николай Павловичъ приказалъ передать документы на разсмотрѣнiе и заключенiе инженернаго департамента, коему Высочайше было предложено составить и смѣты для опредѣленiя, во что обошлись бы такiя башни въ Кронштадтѣ, Ревелѣ, Ригѣ, Динабургѣ, Вильнѣ, Бобруйскѣ и Кiевѣ. Чертежи и описанiя разсматривалъ начальникъ чертежной департамента, полковникъ Сорокинъ, который далъ о башняхъ далеко не лестный отзывъ: въ жилыхъ подземныхъ помѣщенiяхъ отсутствуетъ сколько-нибудь сносная вентиляцiя, орудiйные казематы неминуемо будутъ наполняться дымомъ,

казематы внутреннiе чрезмѣрно низки, вся конструкцiя башенъ такова, что производство бреши въ лицевой стѣнѣ повлечетъ за собою обвалъ сводовъ и т. д. Съ своей стороны Сорокинъ предложилъ вкорень измѣнить конструкцiю сказанной оборонительной постройки, оставивъ неприкосновенной лишь тактическую идею—насажденiе шаблонныхъ башенъ, гдѣ придется и сколько придется. Составилъ Сорокинъ и собственный проектъ. Однако, и послѣднiй подвергся жестокой критикѣ со стороны директора департамента. Сущность этой критики сводилась къ тому, что, не смотря на усиленiе Сорокинымъ крайне слабыхъ сводовъ, все же, „какъ скоро выстрѣлы батарей осаждающаго получатъ надлежащее направленiе“, дѣйствiе башни „не только прекратится, но на ней оставаться даже будетъ почти невозможно“... „Къ чему—писалъ далѣе генералъ Клименко—укрѣпленiямъ, долженствующимъ быть опорными пунктами укрѣпленнаго лагеря, состоять безъ всякаго исключенiя однѣми башнями и даже одной величины, одного расположенiя? Фортификацiя была бы весьма легкою наукою, если бы все дѣло состояло въ расположенiи только башенъ однѣхъ! Укрѣпленiя должны быть приноровлены къ мѣстности и соображены съ обстоятельствами: отъ сего зависитъ какъ ихъ фигура, такъ величина и расположенiе“. Въ концѣ концовъ даже смѣтъ на башни составлено не было.

Инымъ было отношенiе къ заимствованiю у иностранцевъ практическихъ прiемовъ крѣпостного строительнаго искусства. Тутъ, при всякой возможности, перенималось все достойное подражанiя.

Еще въ февралѣ 1821 года, по ходатайству Николая Павловича, нѣсколькимъ лучшимъ инженернымъ офицерамъ было Высочайше разрѣшено отправиться заграницу, въ науку къ начальнику прусской военно-инженерной части, къ генералъ-лейтенанту Рауху, согласившемуся руководить занятiями командированныхъ по личной просьбѣ Его Высочества. Великiй Князь избралъ для

того полевыхъ инженеровъ: капитана Фельдмана. поручиковъ Павловскаго I-го. Кубе, Фелькерзама и Кульмана и подпоручика Герстфельда. Любопытенъ манускриптъ, полученный ими отъ Его Высочества, въ качествѣ наставленія. „Милость Августѣйшаго Монарха, коею вы воспользовались образованіемъ и обученіемъ васъ въ главномъ инженерномъ училищѣ, повторяется нынѣ вновь въ отправленіи васъ на казенный счетъ въ Пруссію, для распространенія пріобрѣтенныхъ познаній. Обширныя крѣпостныя построенія, на Рейнѣ нынѣ производимыя, представляютъ вамъ обширное поле къ усовершенствованію себя по сей части. Похвальное ваше поведеніе въ училищѣ и таковое же во время пребыванія вашего на службѣ, соединенное съ отличнымъ усердіемъ къ оной, позволяетъ инженерному начальству ожидать отъ васъ того-же и при нынѣшнемъ васъ отправленіи. Правила, которыми вамъ при семъ порученіи надлежитъ руководствоваться, суть слѣдующія: 1) Быть всегда и вездѣ скромными и удерживаться отъ всѣхъ разговоровъ, могущихъ навести на васъ подозрѣніе тамошнихъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ или жителей, относительно ихъ образованія, національныхъ обычаевъ и образа жизни. 2) Оказывать полное и должное уваженіе ко всему тому, что относиться будетъ до управленія и службы тѣхъ владѣній, черезъ которыя проѣзжать и гдѣ жить должны будете. 3) Не позволять себѣ, ни въ какое время, никакихъ разговоровъ о положеніи и связяхъ одной націи съ другою. 4) Повиноваться безусловно всѣмъ тѣмъ наставленіямъ, кои относительно посѣщенія работъ и прочаго даны будутъ отъ прусскаго военнаго начальства, равно какъ, безъ особаго позволенія мѣстнаго начальника, никакой части крѣпости и никакимъ работамъ не снимать чертежи. 5) Противу прусскихъ г.г. офицеровъ наблюдать во всей точности то же самое чинопочитаніе, какъ по нашей службѣ. 6) Обратить полное вниманіе и прилежность на совершенное познаніе и уразумѣніе: а) общаго управленія и отчетности по

работамъ, b) свойства употребляемыхъ матеріаловъ, c) приготовленія оныхъ къ работамъ, d) употребленія различныхъ при работахъ машинъ, e) самаго производства работъ, входя при семъ во всѣ подробности. Всему прописанному въ шестомъ пунктѣ вести подробные журналы и дѣлать описанія съ приложеніемъ тѣхъ чертежей, на составленіе коихъ дано будетъ позволеніе прусскаго инженернаго начальства; но таковые чертежи всегда предварительно представлять на разсмотрѣніе частнаго прусскаго главнаго инженера и просить его засвидѣтельствовать своею подписью въ томъ, что оный имъ разсмотрѣнъ. 7) Отправиться вамъ отсюда прямо въ Берлинъ, гдѣ и явиться у меня. 8) По прибытіи на мѣсто производства работъ, имѣетъ старшій каждаго частнаго отдѣленія еженедѣльно доносить мнѣ въ Берлинъ, или гдѣ буду, о занятіяхъ каждаго; о мѣстѣ же моего пребыванія будете увѣдомлены. Равно находиться будете въ совершенномъ распоряженіи прусскаго начальника, коему поручитъ васъ генералъ Раухъ, а потому оному будете повиноваться во всемъ, какъ дѣйствительному своему частному начальнику. 9) Отправляясь отсюда въ Варшаву и далѣе заграницу, отнюдь не разлучаться въ дорогѣ; въ путевыхъ и другихъ издержкахъ наблюдать большую бережливость. издержки дѣлать самыя необходимыя, вести себя какъ прилично благороднымъ людямъ и русскимъ офицерамъ и особенно... (не разобралъ). 10) Быть всегда въ совершенно исправной установленной нашей формѣ и отъ оной отнюдь не отходить“.

Изъ донесеній старшихъ между прочимъ усматривается, что офицеры наши подробно ознакомились съ курсами и съ порядками артилерійско-инженерной академіи въ Дрезденѣ. По этому поводу Фельдманъ докладывалъ Великому Князю: „Въ преподаваемыхъ наукахъ ничего новаго не нашелъ, но даже примѣтилъ, что они, по части фортификаціи, *новѣйшихъ французскихъ методъ вовсе не знаютъ*... Собраніе фортификаціонныхъ, артилерійскихъ и архитектурныхъ моделей, также и

библіотека. вовсе бѣдны“. Осматривали наши крѣпость Майнцъ, которую нашли во многихъ частяхъ отстроенною на скорую руку и содержимою плохо. Осмотрѣли тамъ-же новую оборонительную башню, только-что возведенную прусскими инженерами, считавшими „себя самыми искуснѣйшими по сей части“, башню, въ коей Фельдманъ усмотрѣлъ цѣлый рядъ весьма серьезныхъ погрѣшностей. Тамъ-же видѣли маневръ примѣрной атаки крѣпости. Въ Кобленцѣ „находились при крѣпостныхъ работахъ“, каждый офицеръ при отдѣльной, и принимали въ этомъ дѣлѣ ближайшее участіе. Въ Кельнѣ состояли также при работахъ, уже въ качествѣ помощниковъ частныхъ прусскихъ строителей Доносили, и при томъ весьма подробно, о порядкѣ производства работъ и объ ихъ успѣшности. Собирали всякія наставленія и инструкціи. Словомъ, пробывъ заграницей полтора года, по свидѣтельству Николая Павловича, „исполнили отличнымъ образомъ возложенное на нихъ порученіе“, и Его Высочество „лично удостовѣрился“, что время командировки употребили „съ большою пользою“. Многое узналъ и самъ Николай Павловичъ, весьма внимательно изучавшій отдѣльныя донесенія и общій отчетъ командированныхъ. Лицъ же, особо споспѣшествовавшихъ продуктивности занятій нашихъ офицеровъ—прусскихъ генераловъ Рауха и Астера, а также нѣкаго Блессона—нашъ военно-ученый комитетъ, по предложенію Великаго Князя, избралъ: первыхъ двухъ—въ почетные члены комитета, третьяго въ члены-кореспонденты.

Въ августѣ 1822 года, генералъ Раухъ, вполнѣ въ соотвѣтствіе съ желаніемъ Николая Павловича, самъ посѣтилъ крѣпости Свеаборгъ, Роченсальмъ, Фридрихсгамъ и Ревель, въ коихъ въ подробностяхъ осмотрѣлъ всѣ крѣпостныя сооруженія. По совершеніи объѣзда, онъ написалъ Великому Князю длинное письмо, заключавшее рядъ сравненій нашихъ и прусскихъ техническихъ пріемовъ, съ поясненіемъ причинъ, по которымъ пруссаки поступаютъ такъ, а не иначе. Письмо это было

разсмотрѣно Великимъ Княземъ совмѣстно съ Опперманомъ, и замѣчанія Рауха не только были приняты къ свѣдѣнію, но и сообщены для руководства строителямъ всѣхъ новыхъ крѣпостей.

Въ декабрѣ 1832 года иностранецъ Дюбокажъ представилъ Николаю Павловичу записку о „новой системѣ защищенія крѣпостей посредствомъ паровыхъ машинъ, съ отмѣною почти вовсе употребленія пороха", и предложилъ произвести въ Россіи большіе опыты по своему изобрѣтенію. Государь записку передалъ на заключеніе инженернаго департамента, а когда послѣдній отозвался, что, за неимѣніемъ ни чертежей, ни подробныхъ описаній приборовъ, судить о вопросѣ трудно, приказалъ вытребовать такіе отъ Дюбокажа и разсмотрѣть его предложеніе въ военно-ученомъ комитетѣ. Сущность предложенія заключалась въ томъ, что главные валы крѣпостей цѣлесообразнѣе де вооружать не огнестрѣльными орудіями, а такими, кои, подобно духовымъ ружьямъ, дѣйствуютъ сжатымъ воздухомъ, для чего подъ валгангомъ должны размѣщаться особые, дѣйствующіе паромъ, приборы, снабженные трубами, проложенными вдоль брустверовъ; эти трубы должны были имѣть отвѣтвленія съ клапанами на концахъ, а отъ клапановъ къ орудіямъ надлежало приращивать просмоленные кожаные рукава. Кромѣ того, изобрѣтатель предлагалъ примѣнять при оборонѣ крѣпостей также балисты и катапульты для метанія съ прикрытаго пути и съ передовыхъ верковъ „звѣздѣ подобныхъ снарядовъ съ острыми, какъ у ежа, иглами", коими нельзя заряжать орудія; эти снаряды предназначались не только для пораженія осаждающаго въ періодъ ближней осады, но и для образованія впереди крѣпостныхъ верковъ искусственныхъ препятствій, путемъ „осыпанія" ежами подступовъ. Военно-ученый комитетъ отозвался, что пневматическія орудія— не новость, и что пріемъ, весьма сходный съ дюбокажевскимъ, уже испытанъ въ Англіи, гдѣ онъ возбудилъ вначалѣ большое вниманіе, а затѣмъ былъ категорически

отвергнутъ, такъ какъ опыты указали на крайнюю сложность и непрочность системы. Что-же касается балистъ и катапультъ съ ежами, то комитетъ нашелъ ихъ непримѣнимыми, съ одной стороны, по необходимости, а съ другой, по невозможности прикрыть эти машины отъ орудійнаго огня съ поля. Прочитавъ журналъ комитета, Государь приказалъ сообщить содержаніе такового изобрѣтателю.

Въ 1837 году, когда возвратился въ Петербургъ командированный для осмотра иностранныхъ крѣпостей, полевой инженеръ капитанъ Постельсъ, Государь лично разсмотрѣлъ его отчетъ и повелѣлъ испытать у насъ цѣлый рядъ пріемовъ заграничныхъ техниковъ. Мало того: предназначивъ Постельса къ переводу на службу въ одну изъ крѣпостей съ большими работами, Царь приказалъ командировать его предварительно на шесть мѣсяцевъ въ Новогеоргіевскъ, а затѣмъ на такой-же срокъ въ Севастополь, „чтобы онъ, во время пребыванія своего въ сихъ мѣстахъ, сообщилъ инженернымъ начальствамъ оныхъ, завѣдывающимъ крѣпостными работами, пріобрѣтенныя имъ во время путешествія своего свѣдѣнія о новыхъ усовершенствованіяхъ по строительной части“.

Въ слѣдующемъ году, по повелѣнію Монарха, заграницу опять отправили цѣлую партію полевыхъ инженеровъ: полковника Бальца и капитановъ Зейдлица, Федорова и Козлова. По возвращеніи, командированные представили весьма объемистый отчетъ о всемъ видѣнномъ ими во Франціи, Бельгіи, Италіи, Австріи и Баваріи. Въ отчетѣ заключались данныя о томъ, какія сооруженія и какого характера возведены въ послѣднее время въ крѣпостяхъ названныхъ государствъ, какія сдѣланы заграницей открытія, нововведенія и усовершенствованія въ области инженерной техники и т. п. „Экстрактъ“ изъ отчета былъ представленъ Государю, который „изволилъ разсматривать съ особеннымъ удовольствіемъ заключающіяся въ означенномъ экстрактѣ

свѣдѣнія, доказывающія, съ какою пользою упомянутые офицеры употребляли время заграничной поѣздки“, и лично указалъ на тѣ мѣропріятія, изъ числа осуществленныхъ заграницею, кои представлялось бы желательнымъ примѣнить или испытать у насъ. Отчетъ командированныхъ, какъ и всѣ аналогичные ему матеріалы, повелѣно хранить въ инженерномъ департаментѣ, а всѣ свѣдѣнія, собранныя по части гидротехники, сообщить главноуправляющему путями сообщенія.

Въ томъ же 1838 году Государь командировалъ заграницу, на шесть мѣсяцевъ, генералъ-адъютанта Шильдера, какъ для осмотра рейнскихъ крѣпостей и укрѣпленій Линца, такъ и для посѣщенія механическихъ заведеній Бельгіи и Англіи; кромѣ того, ему было повелѣно ознакомиться съ понтонною частью въ Австріи. По возвращеніи изъ командировки, Шильдеръ представилъ Его Величеству: 1) описаніе названныхъ крѣпостей; 2) описаніе усовершенствованной минной системы, которою австрійскіе военные инженеры полагаютъ „возстановить потерянное равновѣсіе между обороною и атакою крѣпостей“, 3) описаніе способовъ сверленія артезіанскихъ колодцевъ; 4) описаніе австрійскихъ понтоновъ; 5) записку о положеніи подводнаго плаванія въ Англіи съ критикой практикуемыхъ пріемовъ; 6) описаніе способовъ приготовленія непромокаемыхъ тканей; 7) описаніе способовъ консервированія мяса и 8) описаніе опытовъ надъ дѣйствіемъ ракетъ и другихъ новыхъ снарядовъ въ Вульвичѣ, на кои его допустили „съ условіемъ не настаивать въ показаніи всѣхъ мастерскихъ и техническаго производства означенныхъ снарядовъ“. Кромѣ того, Шильдеръ пріобрѣлъ въ Англіи водолазный апаратъ, думая затѣмъ испытать его какъ средство проникновенія въ минныя галереи тотчасъ послѣ взрыва, когда галереи эти еще наполнены дымомъ. Государь разсмотрѣлъ весь матеріалъ Шильдера, послужившій къ производству у насъ, по повелѣнію Его Величества, цѣлаго

ряда широкихъ опытовъ, свѣдѣнія о которыхъ будутъ приведены въ своемъ мѣстѣ.

Въ мартѣ 1842 года Николаю Павловичу были представлены подробныя данныя объ „оборонительной системѣ" французскихъ береговъ, собранныя на мѣстѣ „кореспондентомъ" нашего военнаго министерства. Государь, «разсмотрѣвъ внимательно эти любопытныя свѣдѣнія", направилъ ихъ, для ближайшаго ознакомленія, генералъ-инспектору по инженерной части и начальнику главнаго морского штаба. Съ своей стороны, Его Величество обратилъ вниманіе на два пункта записки: 1) на указаніе, что во Франціи рѣшено имѣть на береговыхъ батареяхъ не только тѣ-же калибры, что и во флотѣ, но и вообще всю матеріальную часть артилеріи вполнѣ „идентичную" съ флотской, дабы было возможно судовое вооруженіе примѣнять на берегу и обратно и 2) на указаніе, что во Франціи проектируется примѣненіе въ береговой оборонѣ 27-сантиметровыхъ мортиръ. На запискѣ имѣются собственноручныя отмѣтки Государя: по пункту 1-му—„Это неоспоримо полезно и у насъ»; по пункту 2-му—„Бомбическія пушки, кажется, лучше мортиръ для приморскаго дѣйствія".

Въ 1845 году заграницу былъ командированъ начальникъ инженеровъ гвардейскаго корпуса, генералъ-лейтенантъ Витовтъ, которому было приказано осмотрѣть и въ мѣрѣ возможности собрать свѣдѣнія по укрѣпленіямъ Парижа, по береговымъ укрѣпленіямъ между Гавромъ и Булонемъ и по крѣпостямъ Кельнъ, Кобленцъ, Эренбрейтштейнъ, Раштатъ, Гермерсгеймъ, Ульмъ и Ингольштадтъ; кромѣ того, ему было вмѣнено въ обязанность собрать попутно и различныя свѣдѣнія, касающіяся строительнаго дѣла и вообще инженерной техники. Его отчетъ былъ внимательно разсмотрѣнъ Монархомъ, приказавшимъ описанія и чертежи крѣпостей передать директору инженернаго департамента, въ послѣднемъ обсудить данныя по строительной части, а свѣдѣнія,

касающіяся вѣдомствъ морского и путей сообщенія, передать по принадлежности.

Въ 1850 году, по случаю обрушенія „проволочнаго" моста въ Анжерѣ, во Франціи, Государь приказалъ начальнику инженеровъ дѣйствующей арміи разобраться въ причинахъ катастрофы и сообразить—не требуется-ли принятіе мѣръ предосторожности по мостамъ той-же системы въ Новогеоргіевскѣ и Брестѣ. Когда же Шильдеръ на это донесъ, что журнальныя извѣстія не даютъ достаточныхъ данныхъ для правильнаго по этому вопросу сужденія, Николай Павловичъ приказалъ командировать въ Анжеръ инженеръ-капитана Спиридонова, съ возложеніемъ на него сбора свѣдѣній какъ по катастрофѣ съ мостомъ, такъ, попутно, и по новостямъ строительнаго дѣла вообще.

Не оставлялъ Императоръ въ разсматриваемомъ отношеніи безъ вниманія даже замѣчаній, имѣвшихъ въ большей части косвенное отношеніе къ крѣпостной техникѣ. Въ ноябрѣ 1838 года Его Величеству была представлена обширная по объему записка съ такими замѣчаніями. составленная начальникомъ главнаго штаба дѣйствующей арміи, генералъ-адъютантомъ княземъ Горчаковымъ, обозрѣвшимъ передъ тѣмъ крѣпости Стразбургъ, Мецъ, Фальцбургъ, Тіонвиль, Люксембургъ, Майнцъ, Кобленцъ и Кельнъ. Государь приказалъ записку эту разсмотрѣть въ подробностяхъ въ инженерномъ департаментѣ и доложить съ заключеніемъ. Департаментъ докладъ составилъ; но съ своей стороны призналъ въ запискѣ заслуживающими вниманія только три пункта: 1) о соотвѣтственности обученія саперъ устройству большихъ хлѣбопекарныхъ печей, 2) о пользѣ благовременной заготовки разборныхъ деревянныхъ, быстро собираемыхъ, блиндъ, для укрытія ими орудій, открыто стоящихъ на валгангахъ и 3) о нераціональности широкаго примѣненія въ крѣпостяхъ палисадовъ. Департаментъ полагалъ и Государь съ нимъ согласился—1-й и 3-й пункты принять къ свѣдѣнію и руководству, а мѣру, указанную

въ пунктѣ 2-мъ, распространить только на южныя крѣпости, гдѣ не имѣется подручнаго лѣсного матеріала.

Не лишены интереса разсужденія князя Горчакова о палисадѣ. Заблаговременную установку палисадовъ на крѣпостныхъ веркахъ онъ признавалъ раціональной только въ случаяхъ исключительныхъ, напримѣръ, въ цитаделяхъ, кои предназначены для держанія въ повиновеніи ненадежнаго населенія большихъ городовъ; тутъ палисадъ долженъ де разсматриваться какъ готовое искусственное препятствіе противъ совершенно неожиданнаго нападенія въ мирное время. Полезно содержать въ крѣпостяхъ нѣкоторые запасы палисада, но исключительно для усиленія ими „редутовъ", возводимыхъ на вспомогательныхъ, временного характера, позиціяхъ. На крѣпостныхъ же веркахъ, долженствующихъ сопротивляться правильной осадѣ, палисадамъ мѣста нѣтъ. Вообще говоря—они безполезны, такъ какъ ихъ не трудно разрушить издали огнемъ артилеріи. Въ частности—они даже вредны, ибо лишаютъ стрѣлковъ, находящихся на прикрытомъ пути, возможности укрываться отъ огня земляными мѣшками.

Пользуясь различными данными по иностранной военно-инженерной техникѣ и получая таковыя почти всегда путемъ гласнымъ, благодаря любезности чужеземныхъ правительствъ, Николай Павловичъ не препятствовалъ и иностранцамъ получать въ Россіи аналогичныя свѣдѣнія, не представлявшія особаго секрета. Высокіе иностранные гости зачастую присутствовали при осмотрахъ Государемъ нашихъ крѣпостей; выдавались нѣкоторые документы и военнымъ агентамъ дружественныхъ державъ. Такъ, въ іюлѣ 1826 года, Высочайше разрѣшено прусской службы генералъ-маіору графу Ностицу выдать чертежъ принятаго у насъ для казематовъ каронаднаго станка; въ августѣ того же года французскимъ полковникамъ Денкуру и Каталю Государь разрѣшилъ выдать чертежи воинскихъ зданій, но съ тѣмъ, чтобы впредь „въ подобныхъ случаяхъ объ-

ясняемо было всегда предварительно, какіе именно планы испрашиваются къ выдачѣ"; въ сентябрѣ тѣмъ же лицамъ разрѣшено осмотрѣть артилерійскія и инженерныя учрежденія въ Тулѣ, Брянскѣ и Бобруйскѣ; въ ноябрѣ австрійскому капитану барону Бокаси позволено показать принятый у насъ способъ воспламененія минныхъ зарядовъ; въ декабрѣ 1828 года австрійцу же маіору графу Кабога повелѣно дать записку съ различными свѣдѣніями о русскомъ инженерномъ корпусѣ, при условіи, однако, чтобы эта записка была предварительно представлена на личное усмотрѣніе Его Величества и т. д. *).

Переходя къ вопросу о проектированіи и созданіи крѣпостей того времени, считаю необходимымъ замѣтить, что, для составленія проектовъ крѣпостныхъ сооруженій, подробныя наставленія, въ большинствѣ случаевъ устныя, но иногда и письменныя, давалъ нерѣдко самъ Николай Павловичъ; зачастую дѣлалъ собственноручно и наброски.

Примѣровъ устныхъ наставленій можно было бы привести чрезвычайно много. Ограничусь хотя бы такими.

Въ 1833 году, когда возникъ вопросъ объ укрѣпленіи Гродны, и Государю были доложены различные варіанты, составленные Клименкомъ, Деномъ и княземъ Варшавскимъ, Его Величество не остановился ни на одномъ изъ нихъ, вытребовалъ къ себѣ генерала Фельдмана и далъ ему подробныя указанія для составленія новаго проекта. При разсмотрѣніи строительнаго предположенія по Бобруйску на 1838 годъ, Государь лично ввелъ въ таковое постройку оборонительной башни на рѣчкѣ Бобруйкѣ и приказалъ составить проектъ означеннаго

---

*) З, № 14—1822, 2, 3, 6, 14, 18; № 6—1833, 1—4; К, № 63—1837, 1—3; Л, № 134—1838, 1—7; № 126—1841, 1, 2, 18; О, № 153—1849, 108, 109; Р, № 26—1847, 1—4; Т, № 90—1843, 1—6; Ф, № 17—1821, 1, 5, 11—13, 21, 22, 37, 39, 41, 43; № 66—1822, 2; № 75—1826, 3, 11, 15, 25, № 116—1828, 5; № 138—1832, 1, 2, 5, 15—17, 21; Ц, № 2—I—1838, 7, 63, 64, 67, 114, 132; Шильдеръ, гр. Тотл., II, 551, 552; Болдыревъ 91, 92; Максимовскій, 167.

сооруженія „по словеснымъ наставленіямъ, которыя Его Величество изволилъ дать вице-директору департамента, генералъ-маіору Фельдману». Въ январѣ слѣдующаго года, получивъ рядъ проектовъ по Кіевской крѣпости, Николай Павловичъ приказалъ все тому же Фельдману проекты, отъ перваго до послѣдняго, вкорень передѣлать „по даннымъ Его Величествомъ словеснымъ наставленіямъ“. Въ январѣ 1845 года, при докладѣ военнымъ министромъ проекта устройства „отдѣльной постройки“ передъ исходящею частью 8-го полигона Бобруйской крѣпости, Государь заявилъ, что лично дастъ соотвѣтственныя указанія для передѣлки проекта. И т. д.

Замѣчу между прочимъ, что проекты, кои составлялись по личнымъ наставленіямъ Царя, не всегда утверждались Его Величествомъ. Такъ, въ 1846 году Фельдманъ, получивъ Высочайшія указанія, составилъ проектъ казематированнаго редюита передъ куртиною 7-го полигона Бобруйска; но мысль Монарха была передана чертежомъ не вполнѣ точно. Послѣдовало повелѣніе составить проектъ новый.

Въ 1842 году въ инженерный департаментъ поступило письменное наставленіе Государя для проектированія части Госпитальнаго укрѣпленія въ Кіевѣ: такъ какъ исходящій уголъ этого укрѣпленія „приходится на глубокую рытвину, заваленную мусоромъ, т. е. на грунтъ весьма ненадежный, то составить проектъ на отрытіе насыпного мусора до твердаго грунта и на устройство фундамента подъ профильную стѣнку изъ столбовъ съ арками, а подъ земляною частью укрѣпленія отрыть только тотъ мусоръ, который подверженъ согнитію и послѣ котораго можетъ произойти значительная осадка въ валѣ, и потомъ производить насыпку при тщательномъ утрамбованіи, исподволь, дабы земля сама по себѣ постепенно осѣла и легла плотно“.

Характеренъ и такой документъ.

Въ сентябрѣ 1837 года Николай Павловичъ преподалъ инженерному начальству подробныя наставленія

для проектированія цѣлаго ряда крѣпостныхъ сооруженій въ Севастополѣ и приказалъ, по составленіи проектовъ, передать таковые на предварительное заключеніе начальника главнаго морского штаба, генералъ-адъютанта князя Меншикова, а затѣмъ представить Его Величеству записку съ тремя графами: 1-я графа—изложеніе сущности проекта, 2-я—замѣчанія Меншикова, 3-я—пустая, для Высочайшихъ резолюцій. Эта послѣдняя графа была заполнена по всѣмъ пунктамъ со словъ Государя, кажется, Фельдманомъ. Въ ней, между прочимъ находимъ: а) Проектъ устройства Павловской батареи въ видѣ полубашни въ одинъ или два этажа. Князь Меншиковъ полагалъ батарею возвести въ три этажа съ устройствомъ наверху платформы для установки мортиръ. Резолюція: „Установленіе мортиръ на платформѣ столь высокаго сводчатаго строенія Его Величество считаетъ опаснымъ для самого зданія". б) По Александровской батареѣ Меншиковъ проектировалъ устройство въ горжевой стѣнѣ амбразуръ для затыльной орудійной обороны Большой бухты. Резолюція: „Государь Императоръ предпочитаетъ присыпку барбетовъ". в) Въ батареѣ № 4 Меншиковъ полагалъ необходимымъ установить крупныя мортиры для продольнаго дѣйствія по Большой бухтѣ. Резолюція: „Государь Императоръ считаетъ вооруженіе сей батареи бомбическими пушками гораздо дѣйствительнѣе и полезнѣе, нежели какъ мортиры".

Бывали случаи, при которыхъ Николай Павловичъ не только давалъ наставленія для составленія проектовъ укрѣпленій, но даже пояснялъ причины своихъ взглядовъ на вещи. Въ началѣ 1851 года, когда рѣшено было устроить въ Ивангородской крѣпости мостовое укрѣпленіе у рѣки Вепржа, составитель проекта, генералъ Денъ, полагалъ между прочимъ самый Вепржъ отвести новымъ русломъ за горжу укрѣпленія, намѣченнаго къ устройству неподалеку отъ валовъ главной крѣпости, съ цѣлью оставить его подъ сильнымъ огнемъ крѣпостной артилеріи; старое-же русло рѣки оставить въ не-

прикосновенномъ видѣ. Забраковавъ и эту мысль, и самый проектъ, Государь, будучи въ Ивангородѣ, лично продиктовалъ начальнику инженеровъ дѣйствующей арміи, генералъ-адъютанту Шильдеру, „нижеслѣдующія причины, по которымъ полагаетъ полезнымъ измѣнить этотъ проектъ: 1) Плотина, предполагаемая на лѣвомъ берегу новаго русла Вепржа, по значительной высотѣ своей, заслоняетъ 4-й фронтъ и смежныя къ нему верки 3-го фронта—и тѣмъ облегчаетъ атакующему заняться овладѣніемъ мостового укрѣпленія. 2) Непріятель съ удобностью можетъ вести подступы праваго фланга своей атаки, врѣзываясь въ наружную отлогость плотины, и устроить въ сей послѣдней батареи противъ башни. А по занятіи мостового укрѣпленія, плотина эта послужитъ ему готовою насыпью для устроенія батарей, подъ защитою которыхъ онъ можетъ продолжать атаку на слабѣйшій, въ сравненіи съ прочими, 4-й фронтъ крѣпости. 3) Если-бы и допущено было вырытіе новаго русла, то засыпка стараго была бы необходима потому, что правый берегъ стараго русла, въ лѣтнее время, при маловодіи, значительно превышая дно русла, послужитъ атакующему обширнымъ и почти готовымъ ложементомъ. 4) При сближеніи русла рѣки Вепржа къ крѣпости, нельзя ручаться, чтобы теченіями двухъ сходящихся рѣкъ, въ томъ направленіи, какъ означено въ проектѣ, не могли послѣдовать опасныя для крѣпостныхъ сооруженій повреждения". Для разрѣшенія задачи правильно необходимо: „Оставить р. Вепржъ въ прежнемъ положеніи; построить за нею, примѣрно на мѣстѣ существующаго временного люнета, самостоятельное мостовое укрѣпленіе, а по другую сторону рѣчки башню для фланкированія съ лѣвой стороны. Укрѣпленіе это могло-бы быть подобное предположенному за Вислою, но въ меньшихъ размѣрахъ. При таковомъ расположеніи, въ ожиданіи осады, можно усилить 4-й фронтъ постройкою нѣсколькихъ батарей на эспланадѣ между крѣпостью и мостовымъ укрѣпленіемъ. Выпрямить русло Вепржа

въ двухъ изгибахъ, какъ означено карандашомъ на проектномъ планѣ, дабы подвести направленіе русла подъ продольные выстрѣлы укрѣпленія, засыпать отрѣзанные изгибы и выровнять мѣстность вокругъ укрѣпленія". И не смотря на столь детальное изученіе вопроса на мѣстѣ, Государь не придалъ изложенному значенія окончательнаго рѣшенія: Его Величество приказалъ, по прибытіи въ Ивангородъ Дена, доложить ему о „предположеніяхъ" Монарха „для обсужденія".

Всѣхъ случаевъ, когда Николай Павловичъ собственноручно составлялъ или передѣлывалъ проекты крѣпостныхъ сооруженій, прямо не перечесть. Все-же привожу нѣсколько и при томъ по различнымъ пунктамъ—для характеристики существа такой работы.

Въ 1822 году Августѣйшій генералъ-инспекторъ собственноручно составилъ по Динабургу чертежи пушечныхъ, фланкирующихъ рвы, казематовъ. Въ 1832 году Государь лично передѣлалъ значительную часть чертежей на работы слѣдующаго года по Кронштадту. Въ октябрѣ 1835 года, убѣдившись на мѣстѣ въ неполной удачности уже Высочайше утвержденнаго проекта постройки Брестъ-Литовской крѣпости, Монархъ „набросалъ отъ руки" новое начертаніе фронтовъ Кобринскаго и Тереспольскаго укрѣпленій. Въ началѣ 1837 года, разсматривая чертежи по работамъ, предстоявшимъ къ выполненію въ Новогеоргіевскѣ, Государь, во-первыхъ, обратилъ вниманіе на то, что по проекту Новодворской башни, казематамъ, при передней ихъ ширинѣ въ 32 фута, предположено дать высоту въ 12 футъ, отчего „своды ихъ будутъ весьма плоски и отъ того слабы", а затѣмъ вкорень передѣлалъ весь проектъ собственноручно; во вторыхъ, лично начертилъ, какимъ образомъ слѣдуетъ устроить спускъ къ Наревскимъ воротамъ. Въ томъ же году, будучи въ Кіевѣ и убѣдившись въ незаурядной, по мѣстнымъ условіямъ, сложности составленія проекта на перестройку оборонительной казармы между башнями №№ 2 и 4, Императоръ далъ строителю крѣпости под-

робныя указанія для проектированія, а нѣкоторыя детали лично набросалъ карандашемъ. Въ ряду длинной серіи замѣчаній и указаній Монарха по поводу проекта постройки Ивангородской крѣпости, читаемъ: „Для сообщенія съ мортирною батареею мостового укрѣпленія, устроить въ капонирахъ, замыкающихъ рвы, выходы и передъ ними мосты, какъ показано (Государемъ) на чертежѣ карандашомъ“. Въ 1845 году Николаю Павловичу поднесли на утвержденіе проектъ перестройки „Темныхъ воротъ“ Нарвской крѣпости, составленный по указаніямъ Его Величества; проектъ былъ найденъ „неудовлетворительнымъ“; новый, второй, также; по третьему проекту Императоръ замѣтилъ, что „фронтонъ надъ воротами не соотвѣтствуетъ общему стилю зданія“, и самъ набросалъ чертежъ карандашомъ; утвержденъ былъ только четвертый проектъ. Въ 1846 году Царь собственноручно обозначилъ на генеральномъ планѣ Бобруйска направленіе шоссе отъ крѣпости къ рѣкѣ Березинѣ и начертилъ рядъ деталей устройства этого пути по гласису. Въ 1848 году Николай Павловичъ намѣтилъ серію мѣропріятій для усиленія Рижской крѣпости, сообщая о чемъ инженерному департаменту, военный министръ присовокуплялъ, что Монархомъ „все это показано карандашомъ на генеральномъ планѣ Рижской крѣпости“. Въ томъ же году, получивъ изъ главнаго управленія путями сообщенія проектъ дорогъ у постояннаго моста черезъ Днѣпръ въ Кіевѣ, Государь вытребовалъ къ себѣ въ Царское Село генерала Фельдмана и далъ ему подробное наставленіе для составленія варіантовъ устройства оборонительныхъ сооруженій для обстрѣла сказанныхъ дорогъ; при этомъ Его Величество замѣтилъ, что окончательныя указанія для проектированія верковъ будутъ имъ даны лишь послѣ представленія плановъ точно указанныхъ площадей въ большемъ масштабѣ, а также профилей мѣстности по ряду линій,

собственноручно проведенныхъ Его Величествомъ на планѣ *).

Разсматривая всѣ подносившіеся на Высочайшее утвержденіе проекты съ крайнею и неизмѣнною внимательностью, Императоръ требовалъ и отъ составителей чертежей такого-же отношенія къ дѣлу. Мало того: Его Величество не пропускалъ безъ замѣчаній и простыхъ чертежныхъ ошибокъ, наличность которыхъ затрудняла быстроту и правильность оцѣнки проекта; требовалъ вмѣстѣ съ тѣмъ отъ чертежей и достаточной ихъ наглядности. Въ апрѣлѣ 1834 года Государю былъ представленъ проектъ одного изъ укрѣпленій, подлежавшихъ возведенію у Вильны. „При разсмотрѣніи проекта, Его Величество, замѣтивъ, что разрѣзъ бонета долженъ быть изображенъ на профили по линіи № 1 съ лѣвой стороны, а не съ правой, Высочайше повелѣть соизволилъ—неосмотрительность сію поставить на видъ инженерному департаменту“. Въ 1825 году, разсматривая проектъ перестройки двойной батареи на рейдѣ у Ревеля и обративъ между прочимъ вниманіе на то обстоятельство, что составитель чертежа перестарался въ художественности въ ущербъ наглядности, Николай Павловичъ приказалъ „воду, текущую изъ желобовъ, не показывать въ такомъ изобиліи“. Въ маѣ 1834 года военный министръ сообщилъ инженерному департаменту о замѣчаніи Государя, что на представляемыхъ чертежахъ „отступаютъ отъ приказанія Его Величества, не показывая при фасадѣ человѣческой фигуры во весь ростъ по масштабу чертежа“; спустя же нѣсколько дней въ департаментъ было прислано и разъясненіе сказаннаго требованія, выполненіе де котораго необходимо „для удобнѣйшаго опредѣленія масштаба“. Въ іюлѣ 1853 года

---

*) З, № 69—1822, 95; № 46—1833, 80; И, № 64—1835, 14; I, № 208—1843, 278; К, № 32—1837, 148, 149; № 95—1837, 19, 20, 24; № 11—1838, 1—4; № 15—1838, 121; № 97—1842, 19; № 138—1843, 40; № 26—1845, 17, 18; Л, № 105—1837, 18—21; О, № 142—1847, 58; П, № 65—1848, 2; Т, № 127—1848, 56—58, 65.

главнокомандующій на Кавказѣ представилъ проектъ переустройства укрѣпленія Воздвиженскаго. Военный министръ передалъ таковой въ инженерный департаментъ, увѣдомивъ, что „Государь Императоръ желаетъ имѣть болѣе подробный планъ предполагаемыхъ въ укрѣпленіи Воздвиженскомъ измѣненій, такъ какъ изъ чертежа, приложеннаго къ настоящему отношенію князя Воронцова, нельзя ясно видѣть подробностей устройства новаго крѣпостного вала, припертыхъ къ оному казармъ и связи между валомъ и башнями, которыя, хотя называются отдѣльными, но по плану оказываются примкнутыми къ валу“.

Какъ инженеръ, проявляя требовательность въ отношеніи акуратности чертежной работы, Николай Павловичъ, опять таки, какъ опытный техникъ, не упускалъ случая облегчить задачу чертежникамъ въ тѣхъ случаяхъ, когда работа носила характеръ срочности. Рельефнѣе всего это выражалось въ томъ, что Государь нерѣдко требовалъ къ себѣ черновые чертежи, а цѣль этого требованія ясна изъ такого примѣра. Въ августѣ 1832 года директоръ инженернаго департамента докладывалъ Царю о мѣропріятіяхъ, связанныхъ съ приступомъ въ томъ году къ работамъ по постройкѣ Брестъ-Литовской крѣпости, по которой имѣлся Высочайше утвержденный генеральный планъ, но еще не было чертежей детальныхъ. Въ соотвѣтствіе съ обстановкою, Николай Павловичъ приказалъ безотлагательно, не ожидая утвержденія детальныхъ чертежей, приступить къ заготовкѣ потребныхъ для работъ матеріаловъ, приказалъ приложить всѣ старанія и къ тому, чтобы детальные чертежи были готовы въ кратчайшій срокъ. Черезъ нѣсколько дней инженерному департаменту было сообщено, что, такъ какъ, „по дошедшимъ до Его Величества свѣдѣніямъ“, детальные чертежи вчернѣ уже готовы и начинаютъ приготовлять чертежи чистовые, то Государь приказалъ представить черновые, „какъ въ нихъ можетъ что-либо измѣниться“, а также „дабы не было надоб-

ности передѣлывать послѣ чисто отдѣланные чертежи". Когда же оказалось, что черновые чертежи готовы далеко не всѣ и что составленіе бѣловыхъ идетъ паралельно, безъ потери времени спеціально на вычерчиваніе, Царь все же повелѣлъ составить въ первую очередь только черновики, представить ихъ Его Величеству и чистую работу производить уже по проектамъ, Государемъ исправленнымъ. Совершенно тотъ же порядокъ и по тому же Бресту былъ примѣненъ и въ 1833 году.

По тому же поводу можно привести примѣръ еще болѣе рельефный. Въ 1838 году, уже въ началѣ строительнаго сезона, Императору былъ представленъ проектъ на постройку въ Ивангородской крѣпости оборонительной казармы, въ которой надлежало размѣстить госпиталь для 300 больныхъ и помѣщенія на 3.500 нижнихъ чиновъ. Государь призналъ проектъ неудовлетворительнымъ и приказалъ таковой пересоставить. Между тѣмъ, обнаружилось, что на мѣстѣ, гдѣ, какъ мы видѣли, князь Варшавскій и Денъ не особенно считались съ „установленнымъ порядкомъ", уже приступили къ работамъ по этой постройкѣ и вывели фундаментъ. Это обстоятельство обусловило крайнюю спѣшность пересоставленія и утвержденія проекта. И вотъ, Николай Павловичъ ѣдетъ самъ въ Инженерный замокъ, разсматриваетъ черновой проектъ въ чертежной департамента и даетъ рядъ указаній непосредственно ближайшимъ исполнителямъ работы.

При такомъ отношеніи къ дѣлу Царя, естественно и высшее военное начальство избѣгало какихъ бы то ни было по инженерной части проволочекъ, и тамъ, гдѣ это было можно, требованія Монарха выполнялись съ поразительной быстротою. Однажды, подвечеръ, наканунѣ докладного дня (выѣзда въ Царское Село), военному министру дано было знать, что Государь интересуется планами и иными чертежами Черкѣевскаго тетдепона у моста черезъ Сулакъ на Кавказѣ. Начальникъ канцеляріи военнаго министерства написалъ объ этомъ письмо

генералъ-адъютанту Геруа. Письмо подписано: „11 сентября 1844 года въ $9^1/_2$ часовъ вечера“; чертежи же долженствовало доставить на домъ военному министру „непремѣнно къ 5 часамъ утра“ *).

При разсмотрѣніи фортификаціонныхъ проектовъ и плановъ работъ, а также при осмотрѣ возводимыхъ или возведенныхъ крѣпостныхъ сооруженій, Императоръ всегда высказывалъ свои взгляды—одобрительные или неодобрительные, но всегда поучительные—и нерѣдко давалъ различныя указанія. Высочайшія замѣчанія и наставленія зачастую бывали весьма обширными. Объ общемъ объемѣ ихъ можно судить хотя бы по тому примѣру, что по соображенію о производствѣ работъ 1833 года въ Брестѣ одни императивныя, безъ всякихъ мотивовъ, замѣчанія Царя заняли четыре страницы in—folio убористаго почерка. Что же касается существа такихъ замѣчаній и указаній, то таковое будетъ видно изъ нижеизлагаемаго.

При устройствѣ крѣпостей—опорныхъ пунктовъ, заслуживавшихъ такого названія—Государь неизмѣнно рекомендовалъ приступать сразу къ постройкѣ долговременныхъ сооруженій, отнюдь не замѣняя ихъ, хотя бы и на первое время, постройками временного характера; долговременнымъ же оборонительнымъ оградамъ и отдѣльнымъ веркамъ всегда указывалось придавать возможно сильную и непремѣнно правильную профиль.

Еще въ 1821 году Николаю Павловичу были представлены проекты по укрѣпленію Севастополя, составленные инженеръ-полковникомъ Мишо и разсмотрѣнные затѣмъ какъ главнымъ командиромъ черноморскаго флота, вице-адмираломъ Грейгомъ, такъ и директоромъ инженернаго департамента, генераломъ Опперманомъ. Въ общемъ одобривъ проекты, Великій Князь писалъ: „Полагаю однако же нужнымъ привести толщину брустверовъ и траверзы по возможности въ надлежащій видъ *и со-*

*) З, № 14—1834, 1—4; № 97—1834, 236, 237; № 91—1835, 11; И, № 67—1834, 25, 217; К, № 11—1838, 14; Л, № 16—1844, 26; Р, № 84—1853, 1.

размѣрность“ (курсивъ — собственноручная приписка Николая Павловича на бѣловой бумагѣ). Въ октябрѣ 1827 года Государь, найдя набережный люнетъ № 2 Динабургской крѣпости слабымъ, повелѣлъ безотлагательно привести его „въ надлежащую профиль“. Въ началѣ 1830 года Императору былъ представленъ проектъ усиленія крѣпости Измаила, по которому, между прочимъ, полагалось устроить для двухъ баталіоновъ временныя казармы. повидимому, въ стремленіи уменьшить стоимость осуществленія проекта. Царь эту мѣру отклонилъ и повелѣлъ построить для помянутыхъ частей каменныя двухъэтажныя оборонительныя казармы. Въ 1839 году, когда Старую Шемаху рѣшено было обратить въ долговременную крѣпость, кавказское начальство, въ заботахъ о скорѣйшемъ приведеніи этого пункта въ оборонительное состояніе, полагало придать крѣпостной оградѣ вначалѣ профиль полевую, а затѣмъ уже перейти постепенно къ профили долговременной. Государь, принимая во вниманіе, что „это повлечетъ за собою двойную пересыпку земли и вмѣстѣ съ тѣмъ напрасную потерю издержекъ на обдѣлку“, приказалъ сразу приступить къ осуществленію профили долговременной.

Въ тридцатыхъ годахъ, при постройкѣ западныхъ крѣпостей — Новогеоргіевска, Ивангорода, Бреста и Варшавской Александровской цитадели — Императоромъ было указано дать имъ сколь возможно сильную профиль въ цѣляхъ затрудненія эскалады. Фактически были возведены весьма высокіе валы съ малымъ заложеніемъ наружныхъ крутостей. Высота валовъ, „отъ хода за оборонительною стѣнкою“, была доведена въ Новогеоргіевскѣ — до $66^1/_2$ футъ, а въ Александровской цитадели — до 54 футъ. Наружныя крутости всюду имѣли около 45 градусовъ наклона, а въ Александровской цитадели, по ходатайству князя Варшавскаго, указывавшаго на расположеніе цитадели почти въ городѣ, на отсутствіе внѣшнихъ верковъ и на подверженность укрѣпленія нападеніямъ со стороны ненадежнаго населенія, Государь

повелѣлъ придать наружнымъ крутостямъ уголъ въ 48 градусовъ. На практикѣ оказалось, что въ отношеніи крутизны поверхностей, при тогдашнихъ способахъ плакировки, нѣсколько увлеклись: при сильныхъ дождяхъ въ началѣ сороковыхъ годовъ крутости стали обваливаться. Инженерный департаментъ забилъ тревогу. Князь Варшавскій, по совѣщаніи съ Деномъ, отнесся къ этому совершенно спокойно. Указывая, что въ Александровской цитадели, напримѣръ, за 12 лѣтъ былъ только одинъ серьезный обвалъ, онъ разсуждалъ, что если и впредь будетъ такъ, то „бѣда еще не велика“. Стать на такую точку зрѣнія Государь возможнымъ не призналъ и приказалъ Фельдману дѣло изслѣдовать, обдумать и изыскать мѣры къ устраненію досаднаго дефекта, по возможности не ослабляя противоштурмовой силы профили. Фельдманъ предложилъ усовершенствованный способъ плакированія крутостей, и этимъ повидимому задача была разрѣшена вполнѣ благополучно.

Характеренъ и такой эпизодъ.

Въ январѣ 1849 года князь Варшавскій обратилъ вниманіе военнаго министерства на то, что пространство передъ первымъ фронтомъ Варшавской Александровской цитадели, между гласисомъ и рѣкою, весьма плохо обстрѣливается, и при томъ дальнимъ огнемъ, изъ горжевого капонира, почему это пространство необходимо подвести подъ обстрѣлъ правофланговой батареи, а для сего слѣдуетъ значительно понизить контръ-эскарпъ и корону гласиса. На такое ослабленіе профили Императоръ не согласился, отозвавшись, что предложенную мѣру „считаетъ болѣе вредной, чѣмъ полезной“. Въ собственноручной резолюціи Царя значится: „Скорѣе допустить можно построить блиндированную батарею на берегу для обстрѣливанія той части города (крѣпости?); но и это считаю почти излишнимъ“. Вслѣдствіе же того обстоятельства, что князь Варшавскій все же настаивалъ на своемъ предложеніи, Государь, лично осмотрѣвъ цитадель въ маѣ 1849 года, вторично отвергъ цѣлесооб-

разность пониженія профили, но указалъ: „Продолжить гласисъ до воды съ крутостью къ рѣкѣ въ 45 градусовъ, не трогая вовсе короны гласиса... и такъ, чтобы набережная крутость эта, по которой проходить будетъ почти невозможно, обстрѣливалась изъ дальнихъ казематовъ центральнаго набережнаго капонира горжи цитадели“.

Какъ образчикъ преслѣдованія не только силы, но и правильности профили, можно привести распоряженіе, отданное въ маѣ 1845 года, послѣ посѣщенія Императоромъ крѣпости Динабургъ. „По причинѣ неровностей, происшедшихъ отъ осадки внутренняго гласиса мостового укрѣпленія, Его Величество повелѣлъ привести поверхность онаго въ совершенно правильный видъ, такъ, чтобы, при образованіи по всему пространству гласиса гладкихъ и ровныхъ покатостей, линіи пересѣченія сихъ послѣднихъ были выведены съ математическою вѣрностью“.

Въ документахъ пятидесятыхъ годовъ находимъ крайне любопытныя данныя, подтверждающія приведенное выше указаніе на недовѣріе, съ которымъ Николай Павловичъ относился къ сооруженіямъ временной профили вообще, а въ частности къ растяжкѣ такихъ сооруженій по длиннымъ оборонительнымъ линіямъ.

Передъ Восточной войной комитетомъ по оборонѣ Петербурга было признано, что защита столицы съ сухого пути должна „основываться исключительно на дѣйствіяхъ подвижного корпуса въ полѣ“; однако, „на всякій случай“, полезно имѣть готовые проекты укрѣпленія города съ сѣвера и съ юга. На журналѣ комитета Императоръ положилъ резолюцію: „Таковой проектъ приготовить необходимо“. Проектъ по южной сторонѣ и былъ приготовленъ въ инженерномъ департаментѣ безъ замедленія, а сущность его заключалась въ томъ, что отъ Черной рѣчки (между о.о. Рѣзвымъ съ Гутуевскимъ и Екатерингофомъ) до Невы (впереди Фабрикантской слободы по Шлиссельбургскому тракту) полагалось возвести рядъ люнетовъ и двойныхъ редантовъ усиленной полевой

профили, въ разстояніи другъ отъ друга на 200—250 саж., „чтобы они могли доставлять другъ другу взаимную оборону“. Разсматривая проектъ вмѣстѣ съ Деномъ, находившимъ, что таковой составленъ „по точнымъ указаніямъ науки“, но едва ли практиченъ, Государь призналъ сомнительнымъ, чтобы линія проектированныхъ укрѣпленій могла удержать стремительный натискъ значительныхъ силъ и высказался за полную реорганизацію проектированной обороны. Согласно съ мнѣніемъ Дена, Его Величество полагалъ значительно болѣе правильнымъ, отказавшись отъ многочисленныхъ временныхъ построекъ, устроить три, даже два, но сильныхъ опорныхъ пункта, пріурочивъ таковые къ узламъ дорогъ и имѣя въ нихъ гарнизоны, способные, по численности, къ активнымъ операціямъ. Такіе прочно укрѣпленные пункты, имѣя позади себя сильные резервы полевыхъ войскъ, заставятъ противника брать ихъ длительной осадой, ибо въ противномъ случаѣ, при рѣшеніи врага форсировать промежутки, въ лобъ ударятъ резервы, а во флангъ гарнизоны укрѣпленій. Невольно приходитъ на умъ, что модная нынѣ идея групового устройства крѣпостей, за пріоритетъ которой недавно сражались въ печати молодые люди, родилась еще въ тѣ времена, и что едва ли родоначальниками этой идеи не слѣдуетъ считать Императора Николая I и его вѣрнаго сотрудника—И. И. Дена.

На сколько Николай Павловичъ тяготѣлъ къ фортификаціи долговременной, видно и изъ того, что даже въ періодъ войны 1853—1855 г.г., когда столица была прикрыта со стороны взморья временными батареями, Государь стремился превратить ихъ въ казематированныя, долговременныя. Въ глазахъ Монарха вскорѣ обнаружилась и побудительная къ тому причина: наводненіе сильно повредило земляныя батареи. Николай Павловичъ окрѣпъ въ своемъ рѣшеніи, полагая лишь вести работы такъ, „чтобы постройку постоянныхъ батарей начать, не разрушая временныхъ“, а „мѣста для новыхъ батарей

назначить, отступя отъ прежнихъ на нѣсколько саженъ, или перестраивать ихъ частями такъ, чтобы дѣйствіе съ существующихъ батарей не прекращалось". Остановили Императора въ этомъ его намѣреніи деньги: на перестройку батарей было исчислено 2.686.500 руб. серебромъ—сумма по тому времени громадная. На соотвѣтственномъ докладѣ Высочайшая резолюція: „Приступить немедля къ починкѣ батарей; прочее рѣшу позднѣе" *).

При утвержденіи проектовъ различныхъ верковъ, Государь неукоснительно интересовался степенью дефилированія внутренности укрѣпленій и наличности достаточнаго обстрѣла съ крѣпостныхъ валовъ. Для устраненія мертвыхъ пространствъ Его Величество рекомендовалъ и производство планировокъ, и примѣненіе подходящей системы фортификаціонныхъ сооруженій, и усиленіе оградъ отдѣльными передовыми верками.

Въ октябрѣ 1835 года Монархъ лично преподалъ строителю Брестъ-Литовской крѣпости основанія для дефилированія внутренности крѣпости въ соотвѣтствіе съ конфигураціею окружающей крѣпость мѣстности; а за годъ передъ тѣмъ, ту же задачу по Виленскимъ укрѣпленіямъ возложилъ на директора инженернаго департамента, генерала Клименка, командированнаго для того на мѣсто съ обязательствомъ—выработанный проектъ дефилированія представить на Высочайшее разсмотрѣніе. Въ августѣ 1837 года Государь приказалъ спланировать бугоръ передъ среднимъ фасомъ одной изъ оборонительныхъ казармъ Бобруйской крѣпости, при чемъ—не лишнее замѣтить — сказанную работу было Высочайше рекомендовано выполнить тогда, когда будетъ заканчиваться валъ 7-го полигона, дабы использовать полученную землю на доведеніе вала до утвержденной профили. Разсматривая въ томъ же году проектъ устройства пристани для сообщенія въ Кронштадтѣ съ фортомъ „Петръ I" и усмо-

*) А, № 140—1821, 1—3; З, № 154—1827, 1; И, № 51—1830, 64; № 67—1834, 88, 89; І № 52—1845, 1—3; К, № 18—1845, 7, 8, 31; Л, № 129—1838 13—16; О, № 11—1849, 102, 104; Т, № 6—1854, 1—10; № 7—1854, 1, 14, 20.

трѣвъ въ проектѣ предположеніе о постройкѣ отъ пристани возвышенной, незаливаемой при подъемѣ воды, дороги, Государь проекта не утвердилъ, ибо „предполагаемая дорога имѣетъ такое направленіе, что она вовсе не обстрѣливается крѣпостными верками". Въ 1839 году, при разсмотрѣніи проекта укрѣпленія Старой Шемахи, по которому, во вниманіе къ значительной пересѣченности мѣстности, почти всѣ гласисы предполагалось устроить отрѣзными, Монархъ повелѣлъ „Буде мѣстныя обстоятельства дозволятъ, устроить передъ плацдармами полные гласисы, вмѣсто отрѣзныхъ, дабы непріятель, подступивъ къ крѣпости, не имѣлъ возможности скрываться вблизи самыхъ верковъ". Въ 1841 году, послѣ внимательнаго изученія частью по планамъ, частью на мѣстѣ, обстрѣловъ съ валовъ ограды и другихъ оборонительныхъ сооруженій Новогеоргіевска, Императоръ убѣдился въ наличности мертвыхъ пространствъ впереди Остроленскаго фронта, для уничтоженія которыхъ повелѣлъ усилить фронтъ отдѣльнымъ долговременнымъ укрѣпленіемъ. Такая же мѣра была рекомендована Царемъ въ слѣдующемъ году по Бресту — для уничтоженія мертвыхъ пространствъ передъ первымъ полигономъ. Высочайшимъ повелѣніемъ, относящимся къ 1842 году, инженерному департаменту было предложено составить по Бресту проектъ казематированія крѣпостныхъ верковъ по системѣ Шаслу „для уничтоженія мертвыхъ пространствъ во рвахъ передъ исходящими углами бастіоновъ и равелиновъ". Въ слѣдующемъ году, обративъ вниманіе на желательность отвода дождевыхъ водъ, устремляющихся извнѣ къ одному изъ участковъ оборонительной линіи Кіева, Николай Павловичъ лично преподалъ основанія для устройства отвода этихъ водъ, но составленнаго засимъ проекта не утвердилъ: „Находя, что два колѣна этого канала обстрѣливаются, одно изъ Госпитальнаго, а другое изъ Васильковскаго укрѣпленій, съ открытыхъ валовъ и только небольшимъ числомъ орудій, почему, при оплошности гарнизона, непріятель могъ бы легко симъ кана-

ломъ воспользоваться какъ готовою траншеею", Государь приказалъ вопросъ обсудить вновь и представить новый проектъ.—Въ іюнѣ 1845 года князь Варшавскій докладывалъ Государю, что при тогдашнемъ положеніи мѣстности впереди Варшавскаго фронта Новогеоргіевской крѣпости, какъ наступленіе, такъ и отступленіе нашихъ войскъ, оперирующихъ въ крѣпостномъ раіонѣ, является крайне затруднительнымъ даже въ лучшее время года; въ дождливую же пору и весною маневрировать у крѣпости совершенно невозможно. Для устраненія этого существеннаго неудобства, князь проектировалъ постройку четырехъ шоссе, „идущихъ отъ разныхъ точекъ укрѣпленія" поперекъ низменности до возвышеннаго берега, съ приданіемъ имъ, во избѣжаніе анфилированія съ батарей обложенія, зигзагообразнаго начертанія и съ устройствомъ на поворотахъ площадокъ для расположенія артилеріи, „которая могла бы огнемъ своимъ покровительствовать движенію войскъ"; на этихъ площадкахъ можно заблаговременно устроить низкіе бруствера. Кромѣ того, главнокомандующій высказался за желательность устройства отъ правой оконечности гласиса Варшавскаго фронта, внизъ по Вислѣ до горнаго берега, высокой трехверстной плотины, съ поднятіемъ шоссе, ведущаго къ Варшавѣ. Императоръ эти соображенія одобрилъ, но съ тѣмъ лишь, чтобы „направить упоминаемыя дороги не на разныя точки укрѣпленій, но на оконечности оныхъ, дабы оставить свободными для дѣйствія всѣ линіи главнаго укрѣпленія". Въ 1847 году Николай Павловичъ утвердилъ представленный Его Величеству проектъ усиленія исходящаго угла 1-го полубастіона Бобруйской крѣпости съ тѣмъ, „чтобы скату переломамъ отрѣзного гласиса праваго крыла 1-го полубастіона, для правильнаго обстрѣливанія, дать направленіе, показанное собственноручно Его Величествомъ карандашемъ". Въ 1851 году, при осмотрѣ Кіевской крѣпости, продолжавшемся четверо сутокъ, Государь преподалъ цѣлый рядъ указаній о дефилированіи верковъ вообще и въ

частности оборонительныхъ казематовъ, послѣднихъ— соотвѣтственнымъ возвышеніемъ гребня гласиса. Въ слѣдующемъ же году и въ той же крѣпости, признавъ необходимымъ уничтожить мертвыя пространства между Госпитальнымъ укрѣпленіемъ и башнею № 6, Его Величество приказалъ представить ему „для собственныхъ соображеній“ профили мѣстности сказаннаго промежутка.

Трудно услѣдить за всѣми техническими указаніями, кои дѣлались Монархомъ при разсмотрѣніи проектовъ крѣпостныхъ верковъ и кои всегда имѣли одну цѣль — увеличеніе обороноспособности сооруженій. Въ нихъ выражалась заботливость и о наличности для людей безопасныхъ убѣжищъ, и о соотвѣтственности организаціи, гдѣ можно, закрытой фланговой обороны, и о желательности устройства береговыхъ батарей пріемомъ, позволяющимъ всегда быть готовымъ къ бою и т. п. Разносторонность этихъ указаній, ихъ связь съ особыми мѣстными условіями, гибкость умозаключеній и отсутствіе рутины прямо поражаютъ читателя рукописей *).

Внимательность оцѣнки всевозможныхъ проектовъ и работъ по крѣпостнымъ сооруженіямъ неукоснительна была совершенно исключительной. Не было той мелочи, на которую Николай Павловичъ не обратилъ бы вниманія во-время, которою пренебрегъ бы по неважности. Приведу хотя бы такіе примѣры.

Въ 1827 году, разсматривая вопросъ объ устройствѣ казармъ въ Динабургѣ, Императоръ указалъ на недопустимость отсутствія у зданій, вдоль улицъ, сточныхъ канавъ. Въ 1832 году Монархъ повелѣлъ сортію набережной башни въ Бобруйскѣ „выбѣлить внутри для лучшаго свѣта, а буде окажется недостаточенъ, то сдѣлать вверху, въ сводѣ, просвѣтъ“. Въ 1836 году,

*) З, № 97—1834, 296, № 91—1835, II, И, № 8—1823, 238, № 64,—1835 14, I, № 36—1837, 589, К, № 95—1837, 2, 3, № 132—1841, 2, № 97—1842, 17, № 118—1843, 3, 8, № 63—1845, 152, № 75—1845, 2, 3, Л; —105—1837, 1, № 126—1838, 13—16, О, №, 136—1852, 2, Т, № 2—1851, 15—18.

разсматривая предположеніе о постройкѣ въ Новогеоргіевскѣ домиковъ для сторожей, служба коихъ заключалась въ наблюденіи за порядкомъ на крѣпостныхъ веркахъ, Царь лично измѣнилъ и число домиковъ, и ихъ расположеніе на участкахъ обороны, и мѣста ихъ постройки въ самихъ укрѣпленіяхъ. Въ томъ же году, въ серіи проектовъ по западнымъ крѣпостямъ, Его Величество сдѣлалъ весьма много измѣненій, указавъ между прочимъ, гдѣ—въ горжевыхъ стѣнахъ оборонительныхъ казармъ—нужно, кромѣ бойницъ, продѣлать и амбразуры, въ какихъ казематахъ и галереяхъ, и гдѣ именно, надо устроить продушины для отвода дыма, какъ лучше перемѣстить входы въ минныя галереи. Въ слѣдующемъ году, не найдя на проектѣ оборонительной казармы Новогеоргіевской крѣпости отхожихъ мѣстъ, приказалъ затребовать отъ строителя разъясненія, гдѣ предполагается таковыя устроить. Въ 1838 году, утверждая проектъ на устройство въ Ивангородѣ одного изъ капонировъ, повелѣлъ лѣстницу въ немъ „расположить такъ, чтобы она не отнимала мѣста для установленія орудій“. Въ слѣдующемъ году, замѣтивъ въ Кронштадтской крѣпости, что при восточной оборонительной казармѣ „при дверяхъ притолки окрашены клеевою краскою“, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы эту краску замѣнить масляною „во избѣжаніе обтирки оныхъ“. Въ 1842 году, изучая проектъ оборонительной башни на островѣ Прэстъ-э Аландскаго архипелага, приказалъ, вмѣсто плоской крыши, устроить платформу подъ крышею со слуховыми окнами, пояснивъ, что сказанное измѣненіе, во-первыхъ, дастъ возможность установить въ башнѣ въ военное время бо́льшее число орудій, и во-вторыхъ, „въ мирное время получится подъ крышею мѣсто для храненія лафетъ и прочихъ артилерійскихъ принадлежностей, потребныхъ для вооруженія башни“. Въ томъ же году приказалъ представить по Кіеву проектъ уменьшенія полуциркульныхъ оконъ въ башняхъ и редюитѣ Васильковскаго укрѣпленія, пояснивъ свое требованіе

тѣмъ, что при нынѣшнихъ ихъ размѣрахъ оконные переплеты сильно коробятся, а стекла вслѣдствіе этого лопаются. Тогда же самъ указалъ всѣ мѣста для постройки въ Кіевѣ службъ для госпитальной администраціи, для каждаго зданія особо. Въ слѣдующемъ году, утверждая проектъ контръ-минной системы въ Новогеоргіевскѣ, между прочимъ повелѣлъ: „а) Галереи устроить такъ, чтобы онѣ имѣли нѣкоторое паденіе, хотя по одному дюйму на каждую погонную сажень, къ контръ-эскарпу и б) чтобы во всѣхъ галереяхъ, передъ фальцами, были заложены крючья для навѣшиванія дверей; въ сводахъ же, въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ, были устроены выемы для безпрепятственнаго отворянія дверей". Въ 1845 году, по Кіевской крѣпости, между прочимъ приказалъ: 1) въ арсеналѣ, въ залѣ донской артилеріи, къ устроеннымъ для конской сбруи восьми стелажамъ, прибавить еще четыре стелажа и 2) въ оборонительной казармѣ, предназначавшейся въ мирное время для помѣщенія жандармовъ, вмѣсто подваловъ въ половину ширины зданія, тѣсныхъ для манипуляцій съ помѣщенными въ нихъ апаратами амосовскаго отопленія, устроить таковые во всю ширину постройки, а для удобнѣйшаго сообщенія съ подвалами расположить съ внутренней стороны стѣны небольшой коридоръ. И т. д.

Обращая вниманіе на всевозможныя мелочи, Николай Павловичъ никогда, однако, ими не увлекался чрезмѣрно, и изъ-за мелочей общая идея организаціи обороны не страдала ни мало. Еще въ бытность генералъ-инспекторомъ, обсудивъ и исправивъ рядъ проектовъ по береговой оборонѣ Севастополя, проектовъ безсистемныхъ, доставленныхъ командиромъ черноморскихъ портовъ, адмираломъ Грейгомъ, Великій Князь закончилъ свой по этому поводу отвѣтъ адмиралу такими словами: „Сверхъ того весьма желательно, чтобы, для общаго обозрѣнія всѣхъ Вами предполагаемыхъ постоянныхъ укрѣпленій для приведенія сего порта навсегда въ совершенно благонадежное состояніе, *составленъ былъ общій планъ*, безъ котораго не могу судить въ полной мѣрѣ о выгодахъ

или недостаткахъ предполагаемыхъ укрѣпленій, ни доложить Государю Императору". Впослѣдствіи же, будучи Императоромъ, Николай Павловичъ такимъ общимъ планамъ настолько придавалъ значеніе первостепенное, что, даже утверждая ежегодныя строительныя предположенія по крѣпостямъ, требовалъ доставленія не только генеральныхъ плановъ крѣпостей, но и плановъ постепеннаго выполненія работъ по возведенію крѣпости, а также свѣдѣній, что уже осуществлено и чего не сдѣлано. Впрочемъ, объ этомъ говорить еще придется *).

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Николай Павловичъ, весьма часто посѣщавшій крѣпости Европейской Россіи и царства Польскаго, былъ превосходно освѣдомленъ въ мѣстныхъ условіяхъ. Подтвержденіемъ этому могутъ служить хотя бы такіе три факта. Въ 1836 году, разсматривая представленный княземъ Варшавскимъ генеральный планъ Брестъ-Литовской крѣпости, Государь сразу указалъ, что конфигурація мѣстности показана невѣрно. Въ 1847 году отказался утвердить проектъ устройства въ Кіевѣ оборонительной казармы „на перешейкѣ" по той причинѣ, что составители проекта и инженерный департаментъ забыли о наличности у праваго фланга казармы оврага съ мощнымъ ключемъ. А въ 1853 году, когда командированный въ Севастополь свиты Его Величества генералъ-маіоръ Баранцевъ донесъ, будто въ крѣпости нѣтъ помѣщеній для храненія соснороваго лѣса для орудійныхъ платформъ, Государь „соизволилъ отозваться, что для храненія сосноваго лѣса имѣются въ Севастополѣ (спеціальные) сараи". Не подлежитъ никакому сомнѣнію и то обстоятельство, что Императоръ имѣлъ весьма обширныя познанія по строительному дѣлу вообще, а по фортификаціи въ особенности. И, несмотря на это, Монархъ утверждалъ проекты съ крайней осмотрительностью, съ большою осторожностью.

*) З, № 154—1827, 1; И,—№ 8—1823, 238; № 10—1833, 2—5; I, № 24—1838, 79: № 110—1843, 1; К, № 53—1836, 435, 450, 451; № 32—1837, 148, 149; № 11—1838, 1—4; № 97—1842, 17; № 22—1843, 43; № 63—1845, 7.

Когда мѣстные проекты видоизмѣнялись въ Петербургѣ, самимъ ли Царемъ или инженернымъ департаментомъ, Николай Павловичъ никогда не утверждалъ новыхъ варіантовъ ранѣе полученія отзыва по нимъ отъ мѣстныхъ властей. Ни одинъ проектъ по сооруженію береговой обороны не утверждался безъ полученія заключенія отъ начальника главнаго морского штаба. Въ послѣднемъ отношеніи исключеній не допускалось даже для работъ второстепеннаго значенія. Напримѣръ, въ 1844 году самъ князь Меншиковъ просилъ инженерный департаментъ принять мѣры къ укрѣпленію подошвы стѣнъ кронштадтскаго форта „Петръ I" каменною отсыпью или какими-либо другими способами, по усмотрѣнію департамента; когда же проектъ былъ представленъ Государю, Его Величество приказалъ отправить его къ князю и утвердилъ не ранѣе полученія отъ Меншикова отзыва, что „придуманныя департаментомъ исправленія во всѣхъ подробностяхъ соотвѣтствуютъ цѣли".

Осторожность Монарха въ вопросѣ объ утвержденіи проектовъ весьма рельефно можетъ быть установлена перепискою по такому факту.

Въ 1840 году, провѣряя проектъ Госпитальнаго укрѣпленія въ Кіевѣ, Государь замѣтилъ, что линія стараго, еще временъ Миниха, вала „отходитъ подъ небольшимъ угломъ отъ фаса нынѣ утвержденной разбивки укрѣпленія", и приказалъ обсудить, нельзя ли сказанный валъ включить въ боевую линію для достиженія экономіи, съ выясненіемъ и размѣра послѣдней. Мѣстное начальство, изслѣдовавъ задачу, отозвалось, что хотя осуществленіе предположенія и принесетъ экономію около 10.000 руб., но оно невыгодно въ оборонительномъ отношеніи. Инженерный департаментъ призналъ эти невыгоды „малозначущими" и полагалъ составленный, въ сходность съ мыслью Царя, проектъ утвердить и преподать къ исполненію. На докладѣ собственноручная резолюція Николая Павловича: „Согласенъ; но нужно обратить вниманіе на оврагъ, помѣченный знакомъ NB у подошвы срѣзного

гласиса, и сообразить—откуда удобно будетъ взять землю для его засыпки, и вообще представить проектъ обдѣлки всей окружности укрѣпленій сей части, съ показаніемъ: 1) настоящаго положенія, 2) будущаго или предполагаемаго, 3) откуда возьмется земля для засыпки овраговъ и 4) куда обратится излишняя". Проектъ укрѣпленія Высочайше утверженъ окончательно только по доставленіи всѣхъ этихъ данныхъ и по оцѣнкѣ ихъ.

Аналогичныхъ примѣровъ осторожности вѣнценоснаго военнаго инженера можно привести много.

Въ 1825 году въ Ревелѣ рѣшено было построить „двойную батарею" по типу проектированныхъ для Кронштадта, при чемъ Опперманъ полагалъ облицевать батарею, для дешевизны, не гранитомъ, а плитнякомъ. На рапортѣ Оппермана резолюція Николая Павловича: „Можно ли употреблять плиту на мѣсто гранита—предоставить подробно разсмотрѣть подполковнику Фельдману (строителю укрѣпленій въ Ревелѣ); но я сего не полагаю; тѣмъ болѣе полезно достать гранитъ". Въ 1830 году былъ составленъ проектъ усиленія крѣпости въ Измаилѣ. Государь лично внесъ въ этотъ проектъ цѣлый рядъ поправокъ, но проекта не утвердилъ; Его Величество приказалъ командировать на мѣсто особо опытнаго военнаго инженера для провѣрки тамъ какъ основного проекта, такъ и измѣненій къ нему. По возвращеніи же въ Петербургъ „извѣстнаго своею опытностью и благоразуміемъ" полковника Черкасова, Царь вновь обсуждаетъ проектъ во всѣхъ деталяхъ, вновь воздерживается отъ утвержденія общаго плана и разрѣшаетъ приступить пока къ постройкѣ только одной оборонительной казармы. Въ 1838 году, прежде чѣмъ утвердить проектъ постройки въ Новогеоргіевскѣ военнаго госпиталя, Монархъ лично и весьма тщательно выбиралъ для этого сооруженія мѣсто, наименѣе подверженное непріятельскому огню, и нѣсколько разъ совѣтывался по этому поводу съ мѣстными властями. Въ слѣдующемъ году, воздержавшись отъ утвержденія предполо-

женія по сгласированію мѣстности впереди Васильковскаго укрѣпленія Кіевской крѣпости, повелѣлъ съ означенной мѣстности, „которую предполагается привести въ безвредное для обороны состояніе, снять подробный планъ, дабы возможно было съ точностью провѣрить предполагаемыя по этому предмету работы“. Въ 1843 году Государь разсмаривалъ „составленные по личному приказанію Его Императорскаго Величества“ генераломъ Деномъ проекты контръ-минной системы въ Новогеоргіевскѣ, съ примѣненіемъ трубной системы Шильдера, и повелѣлъ, до приведенія проекта въ исполненіе, обсудить таковой въ военно-ученомъ комитетѣ, пригласивъ всѣхъ посредниковъ, бывшихъ на опытахъ при испытаніи трубъ; послѣ же этого, до утвержденія проекта, Царь трижды разсматривалъ его вновь, требуя все дополнительныхъ справокъ и разъясненій. Въ 1846 году Государь лично указалъ мѣсто для устройства черезъ Днѣпръ постояннаго моста и далъ директивы для проектированія предмостныхъ укрѣпленій; по полученіи же проекта таковыхъ, приказалъ, во-первыхъ, направить его къ главноуправляющему путями сообщенія для соображенія при проектированіи самаго моста, во-вторыхъ, по составленіи и утвержденіи проекта моста, доставить сей проектъ въ инженерный департаментъ, и въ третьихъ, департаменту вновь составить окончательный проектъ тетдепона и представить его на Высочайшее утвержденіе. Въ 1847 году, при разсмотрѣніи проекта одной изъ оборонительныхъ казармъ Кіевской крѣпости, Государь обратилъ вниманіе на необходимость укрѣпленія береговъ прилегавшаго къ правому флангу казармы оврага съ мощнымъ ключемъ и приказалъ представить ему: 1) соображеніе объ устройствѣ въ оврагѣ прочнаго канала, „обративъ бдительное вниманіе, чтобы ключевой водѣ былъ данъ полный и правильный истокъ“ и 2) „профили, черезъ каждыя 5 саж., праваго фланга оборонительной казармы на перешейкѣ, съ показаніемъ обра-

ботки и устройства лежащей передъ симъ флангомъ крутости“ *).

Не меньшую осторожность проявлялъ Николай Павловичъ и во всѣхъ своихъ настояньяхъ, касавшихся военно-инженернаго дѣла.

При разсмотрѣніи строительнаго предположенія на 1833 годъ по Кіевской крѣпости, Государь лично видоизмѣнилъ двѣ крупныя работы: предполагалось осуществить въ томъ году только незначительную ихъ часть, а Монархъ приказалъ обѣ работы закончить полностью съ добавленіемъ необходимаго на то кредита. Однако, къ выполненію этого повелѣнія на мѣстѣ встрѣтили затрудненіе, которое не исчерпывалось недостаткомъ денегъ: указывалось на отсутствіе потребной рабочей силы и на неминуемость, именно по этой причинѣ, разсрочки работъ по крайней мѣрѣ на два года. Затребовавъ всѣ данныя, необходимыя для того, чтобы разобраться въ дѣлѣ, и убѣдившись по нимъ, что соображенія мѣстнаго начальства не вполнѣ основательны, Его Величество все же не рѣшился настаивать на первоначальномъ приказаніи, не провѣривъ самого себя. Онъ отложилъ рѣшеніе вопроса до посѣщенія Динабурга, гдѣ находился еще инженеръ изъ искуснѣйшихъ практиковъ, бывшій строитель этой крѣпости, вновь назначенный директоромъ инженернаго департамента, генералъ Клименко, обсудилъ дѣло „вмѣстѣ“ съ послѣднимъ и только тогда повелѣлъ прежнее приказаніе выполнить въ точности, усиливъ по возможности наряды на работы отъ пѣхоты и саперъ кіевскаго гарнизона.

Въ 1838 году князь Меншиковъ сообщилъ военному министру, что морской строительной части подполковникъ Мѣдниковъ представилъ ему проектъ чугунныхъ кожуховъ для одежды щекъ и подошвы амбразуръ, кои

---

*) З, № 100 —1832, 1; И, № 51—1830, 122, 148, 165; І, № 175—1843, 74, 137, 149, 159; К, № 45—1836, 37; № 32—1837, 156—159; № 7—1841, 24—27,50: № 22—1843, 1, 40,—43: № 163—1845, 44; № 66—1846, 3; Л, № 32—1839, 3; Т, № 3—1850, 75.

могли бы быть примѣнены съ пользою во всѣхъ крѣпостяхъ. Государь приказалъ затребовать заключеніе отъ Фельдмана, а этотъ послѣдній, указавъ, во-первыхъ, что сказанные кожухи имѣютъ цѣлью усилять деревянныя амбразуры, имѣющіяся у насъ только въ Кронштадтѣ, во-вторыхъ, что передѣлка таковыхъ въ каменныя уже намѣчена самимъ Монархомъ и въ третьихъ, что существующія деревянныя амбразуры, даже одѣтыя чугуномъ, просуществуютъ весьма недолго, а затратить по Кронштадту пришлось бы на чугунные кожухи около 200.000 руб.—предложилъ, до передѣлки кронштадтскихъ амбразуръ въ каменныя, покрыть ихъ жидкостью мюнхенскаго академика Фукса, такъ называемымъ „жидкимъ стекломъ“, которое упреждаетъ возгораніе дерева и стоитъ очень недорого. Николай Павловичъ всецѣло присоединился къ мнѣнію Фельдмана и повелѣлъ таковое привести въ исполненіе, однако *не раньше того*, какъ жидкость Фукса будетъ испытана въ купеческой гавани, съ которой чаще всего производилась въ то время салютаціонная стрѣльба. Осторожность оказалась неизлишней: вскорѣ выяснилось, что „жидкое стекло“ для сказанной цѣли вовсе непригодно.

Въ 1842 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе о производствѣ въ Кіевской крѣпости практической стрѣльбы съ крѣпостныхъ валовъ, буде это окажется возможнымъ. Усмотрѣвъ изъ возникшей по этому поводу переписки, что поначалу на мѣстѣ считали такую стрѣльбу крайне затруднительной по причинѣ ея опасности для окрестнаго населенія и что подходящіе верки едва-едва выискали подъ давленіемъ предписаній изъ центра, Государь приказалъ вопросъ пересмотрѣть. И, не смотря на завѣренія кіевскихъ инженеровъ и артилеристовъ, что съ избранныхъ верковъ стрѣльба можетъ производиться вполнѣ безопасно, Царь приказалъ ихъ мнѣніе представить на заключеніе мѣстнаго военнаго губернатора. Только послѣ благопріятнаго отзыва по-

слѣдняго, было предписано первоначальное повелѣніе привести въ исполненіе.

Въ 1843 году Николай Павловичъ, изучая обстрѣлы съ верковъ Новогеоргіевска, приказалъ засыпать оврагъ передъ Парижскимъ фронтомъ; однако, ранѣе приведенія сего приказанія въ исполненіе, представить Его Величеству планъ мѣстности—„какъ она будетъ по окончаніи сихъ работъ".

Въ іюнѣ 1845 года департаментъ генеральнаго штаба вошелъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ о переводѣ артилерійскаго парка № 2 гренадерской парковой бригады изъ мѣстечка Креславка Витебской губерніи въ городъ Люцинъ. Имѣя въ виду, что прочіе запасы всей названной бригады находятся въ Динабургской крѣпости, Государь приказалъ и паркъ № 2 привести туда же. Однако, это приказаніе слѣдовало привести въ исполненіе *только въ томъ случаѣ*, если къ осуществленію мѣры не встрѣтится какихъ-либо препятствій по обстоятельствамъ, Его Величеству неизвѣстнымъ.

Осторожность вѣнценоснаго военнаго инженера проявлялась и въ тѣхъ случаяхъ, когда въ проектахъ или предположеніяхъ о работахъ обнаруживались нѣкоторыя неясности или недомолвки. Не отдавая себѣ полнаго отчета въ существѣ хотя бы и мелочей, Государь никогда и ничего не утверждалъ ранѣе всесторонняго выясненія недоразумѣній.

Въ маѣ 1823 года Николай Павловичъ командировалъ въ Динабургъ и Бобруйскъ, для осмотра производившихся тамъ работъ, инженеръ-подполковника Фельдмана. По возвращеніи изъ командировки, Фельдманъ представилъ отчетъ Опперману, а послѣдній направилъ таковой къ Великому Князю со своими замѣчаніями. Документъ этотъ содержитъ цѣлый рядъ карандашныхъ замѣтокъ Николая Павловича, изъ коихъ отмѣтимъ двѣ. Фельдманъ указывалъ, что въ названныхъ крѣпостяхъ своды, передъ обсыпкою ихъ землею, покрываются глиною. Не протестуя противъ этого, онъ рекомендовалъ

засыпать своды землею тотчасъ по накладкѣ глины, еще сырой, „дабы въ глинѣ не сдѣлалось трещинъ, черезъ которыя мокрота могла бы проходить до сводовъ“. Опперманъ возражалъ по этому сужденію, что глина кладется на своды тонкими слоями, что каждый слой высыхаетъ ранѣе наложенія слѣдующаго, что трещины замазываются при дальнѣйшей работѣ и что въ результатѣ получается компактная масса, черезъ которую влага проходить не можетъ. „Я судить о томъ, что не видѣлъ, не могу—пишетъ Николай Павловичъ—но сколько я знаю, никогда глина совершенно гладко не засыхаетъ, въ особенности когда вѣтеръ и особливо солнце на нее дѣйствуютъ; стало (быть) совершенно избѣгнуть трещинъ считаю невозможнымъ; можетъ быть, однако, что способомъ Фельдмана легче отвратятся сіи невыгоды“. Далѣе Фельдманъ докладывалъ, что въ Бобруйской крѣпости практикуется весьма удобный способъ „для толченія кирпича въ цементъ“ и что примѣненіе этого способа необходимо распространить также и на Динабургъ. Опперманъ присоединился къ этому мнѣнію и испрашивалъ соотвѣтственнаго приказанія. Великій Князь отозвался: „Я желаю знать, въ чемъ сей способъ состоитъ“.

Въ февралѣ 1837 года Государю были представлены на утвержденіе различные чертежи по Новогеоргіевску. Одинъ изъ нихъ остался неутвержденнымъ: повелѣно было запросить—почему у участка вновь возводимаго эскарпа, неподалеку отъ Остроленскихъ воротъ цитадели, брустверъ отдѣленъ отъ эскарпа бермою въ 33 фута? На это послѣдовало съ мѣста разъясненіе, что брустверъ предположено расположить указаннымъ способомъ, „дабы болѣе закрыть внутреннее пространство, ибо, по нахожденію бруствера на довольно наклонной мѣстности или скатѣ, относительная вышина его, и при малѣйшемъ отставленіи вовнутрь, значительно увеличится“. Удовлетворившись такимъ разъясненіемъ, Царь проектъ утвердилъ.

При разсмотрѣніи въ слѣдующемъ году проектовъ по Ивангородской крѣпости, Государь, откладывая утвержденіе ихъ, повелѣлъ доставить ему дополнительныя свѣдѣнія о томъ: „1) какое вліяніе имѣли вновь отстроенныя на правомъ берегу отводныя плотины на лѣвый берегъ рѣки Вислы? 2) для какого назначенія предположены казематы во внутреннихъ входящихъ углахъ дворовъ полубашенъ при главной оборонительной казармѣ? 3) почему подъ зарядными погребами Вепржскаго мостового укрѣпленія полагаются двойные своды“?

Въ мартѣ 1839 года на Высочайшее утвержденіе былъ представленъ проектъ измѣненія устройства фундаментовъ въ равелинахъ №№ 3 и 4 Динабургской крѣпости. Ранѣе утвержденія проекта, Царь повелѣлъ „представить предварительное свѣдѣніе, по какимъ именно причинамъ инженерный департаментъ находитъ необходимымъ, при 4-мъ равелинѣ, по разобраніи фундамента, срѣзать сваи и возвести оный по роствергу безъ усиленія“? Отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ приведенъ ниже *).

Обыкновенно мы привыкли слышать и вѣрить тому, будто Николай Павловичъ былъ человѣкомъ до крайности властнымъ, повелѣвалъ всегда категорически, никакихъ сужденій по своимъ повелѣніямъ не допускалъ и разъ отданныя приказанія никогда не отмѣнялъ. Въ области, нами разсматриваемой, все это совершенно невѣрно; по крѣпостной и вообще по военно-инженерной части Императоръ не только разрѣшалъ обсуждать Высочайшія повелѣнія, не только не гнѣвался на возраженія, но зачастую вкорень измѣнялъ уже послѣдовавшія приказаія въ соотвѣтствіе съ протестами по нимъ. Скажу больше: судя по документамъ, Царь никогда не

*) З, № 147—1823, 5—9; И, № 35—1834, 35 55, 128, 129; I, № 26—1838, 1, 5—7, 18, 77; № 44—1838, 70, 76; № 63—1845, 1; К, № 32—1837, 148, 149; № 57—1837, 2, 3; № 11—1838, 1—4; № 97—1842, 233—236, 279; № 22—1843, 37, 43.

упорствовалъ по отношенію къ своимъ предположеніямъ и даже къ своимъ рѣшеніямъ, и возраженія по нимъ, исходившія преимущественно изъ инженернаго департамента—разъ такія возраженія были вѣски и хорошо обоснованы—неукоснительно вели къ перерѣшеніямъ.

Въ октябрѣ 1829 года возникъ вопросъ о перестройкѣ ветхаго Абоскаго моста въ Выборгѣ, при чемъ инженерный департаментъ представилъ Государю два варіанта, одинъ стоимостью въ 115, а другой въ 50 тысячъ рублей, оба—пріуроченные къ соединенію „Короны Сантъ Анны" съ главною крѣпостью, минуя „Шлоссъ". Николай Павловичъ проекты забраковалъ и повелѣлъ, для удешевленія, „устроить два моста, посредствомъ коихъ шлосская крѣпость, черезъ которую и проложить дорогу, соединялась бы съ главною Выборгскою и Корона-Сантъ-Аннскою крѣпостями... если впрочемъ не встрѣтится особенныхъ, Его Величеству неизвѣстныхъ, къ тому препятствій". По этому поводу инженерный департаментъ доложилъ, что мостъ лежитъ на дорогѣ общаго пользованія, по которой производится весьма оживленное движеніе повозокъ и пѣшеходовъ какъ днемъ, такъ и ночью, что имѣющіяся въ „Шлоссѣ" ворота чрезмѣрно узки, а передѣлка ихъ будетъ стоить дорого, наконецъ, что содержаніе воротъ въ „Шлоссѣ" открытыми неудобно по причинѣ нахожденія тамъ арестантовъ, могущихъ воспользоваться этимъ для побѣговъ. Государь призналъ эти соображенія правильными, но все же, желая сократить расходы на мостъ, повелѣлъ построить таковой не на постоянныхъ опорахъ, какъ предполагалъ департаментъ, а на плавучихъ устояхъ, подобно тому, что сдѣлано въ Ригѣ и Динабургѣ. Департаментъ вновь доложилъ Его Величеству, что со стороны „Короны Сантъ Анны", на главномъ трактѣ уже имѣется каменная, облицованная тесанымъ гранитомъ, дамба, которою прекрасно можно воспользоваться для моста на постоянныхъ опорахъ и которую придется совершенно передѣлывать для наплавного моста; что передъ этою дамбою

расположено множество свай теперешняго и старыхъ мостовъ, свай, для плавучихъ устоевъ весьма опасныхъ; что положеніе наплавного моста, при частыхъ и сильныхъ вѣтрахъ съ морской стороны, всегда будетъ ненадежнымъ; что при такомъ мостѣ, требующемъ большихъ издержекъ на ремонтъ, сообщеніе будетъ прерываться при замерзаніи протоковъ и при вскрытіи ихъ отъ льда, т. е. въ періодъ ледохода и т. д. Императоръ сдался и одобрилъ 50—тысячный проектъ съ тѣмъ, чтобы работы были выполнены на наличныя деньги департамента съ возвратомъ расходовъ изъ финляндской казны.

Въ августѣ 1830 года, посѣтивъ Фридрихсгамъ, Государь повелѣлъ немедленно „обрушившіяся части тамошней крѣпости исправить дерномъ, съ употребленіемъ къ работѣ состоящихъ въ Фридрихсгамѣ военно-рабочихъ № 6 роты и крѣпостныхъ арестантовъ“. Инженерный департаментъ доложилъ, что военно-рабочихъ на мѣстѣ мало и что, „по малосостоянію оныхъ и надобности къ другимъ, также нетерпящимъ отлагательства, работамъ, нѣтъ возможности въ нынѣшнемъ году одними ими приступить къ помянутымъ дерновымъ работамъ; а при томъ, ежели бы увеличить число крѣпостныхъ арестантовъ, то для помѣщенія оныхъ вовсе не имѣется въ Фридрихсгамѣ строеній“. Посему департаментъ проектировалъ выполнить Высочайше намѣченную работу нарядомъ нижнихъ чиновъ отъ войскъ, расположенныхъ близъ крѣпости. Запрошенный по этому поводу командиръ финляндскаго корпуса, генералъ-адъютантъ графъ Закревскій, отозвался, что войскъ у Фридрихсгама не хватаетъ даже для правильнаго содержанія карауловъ. Тогда департаментъ возбудилъ ходатайство объ отложеніи работы „до возможности“, и Государь отмѣнилъ свое повелѣніе о безотлагательности, высказавъ, однако, мнѣніе, что необходимыя исправленія верковъ „можно произвести исподволь состоящими въ оной крѣпости военно-рабочими и арестантами“.

Въ бытность свою на театрѣ военныхъ дѣйствій во время турецкой кампаніи 1828—1829 г.г., проѣзжая черезъ крѣпость Измаилъ, Императоръ лично намѣтилъ основанія переустройства ея цитадели и далъ мѣстному инженерному начальству самыя подробныя указанія для составленія проекта. Изготовленный проектъ былъ значительно передѣланъ въ инженерномъ департаментѣ; вѣрнѣе тамъ составили проектъ новый и поднесли таковой на Высочайшее утвержденіе въ маѣ 1831 года. При разсмотрѣніи проекта, Николай Павловичъ замѣтилъ, что, поскольку онъ помнитъ мѣстность, можно вполнѣ обойтись безъ добавленной департаментомъ батареи, дѣйствующей по Дунаю, сохранивъ ранѣе намѣченное начертаніе главной ограды, которое исчерпывало вопросъ объ обстрѣлѣ рѣки; кромѣ того, одному изъ люнетовъ необходимо придать тыловую оборону. Съ этими поправками проектъ былъ Высочайше утвержденъ, хотя и съ оговоркою, чтобы замѣчанія Его Величества были соображены съ мѣстностью. Не смотря на то обстоятельство, что условія мѣстности ничѣмъ не отражались на существѣ государевыхъ поправокъ, Опперманъ высказался за оставленіе департаментскаго проекта въ неприкосновенности. Указывая на то, что батарею предположено устроить казематированною „для благонадежнаго дѣйствія противъ судовъ и ихъ навѣсныхъ выстрѣловъ“, что она будетъ замкнута съ горжи и послужитъ редюитомъ берегового фронта, а также, что тылъ люнета обстрѣливается изъ башни, на немъ расположенной, директоръ департамента вновь представилъ на Высочайшее утвержденіе проектъ первоначальный. Государь призналъ возраженія Оппермана „уважительными“ и проектъ былъ переутвержденъ.

Въ 1832 году, соизволивъ на отчужденіе въ казну четырехъ обывательскихъ домовъ, находившихся внутри укрѣпленій у Вильны, Монархъ повелѣлъ представить соображеніе на приспособленіе этихъ зданій подъ казармы. Изготовленный проектъ Государь утвердилъ, но соб-

ственноручно внесъ въ него весьма существенныя измѣненія по перестройкѣ одного изъ домовъ. По полученіи Высочайше утвержденнаго проекта, инженерный департаментъ вошелъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ, въ коемъ указывалъ, что часть намѣченныхъ Его Величествомъ передѣлокъ осуществить невозможно по непрочности стѣнъ зданія, ибо въ Вильнѣ, въ частныхъ домахъ, внутрь стѣнъ кладутъ мелкій бутъ и щебень. На докладѣ Царь положилъ резолюцію—„Лично объясниться", а затѣмъ отъ своихъ поправокъ отказался.

Въ январѣ слѣдующаго года князь Варшавскій увѣдомилъ военнаго министра, что Высочайшее повелѣніе о возведеніи въ томъ году въ Новогеоргіевскѣ арсенала до второго этажа замедлитъ болѣе важную работу—устройство во рву главной крѣпости оборонительной стѣнки, замедлитъ потому, что на арсеналъ пойдетъ весь кирпичъ, который возможно заготовить на казенныхъ заводахъ. Между тѣмъ, если по арсеналу ограничиться устройствомъ одного фундамента, то сказанную стѣнку можно будетъ закончить и сомкнуть. Отъ отмѣны постройки арсенала, по мнѣнію главнокомандующаго, никакого вреда не произойдетъ, а „напротивъ того, вновь отсыпанная крѣпость безъ оборонительной стѣнки не только не принесла бы никакой пользы для насъ во время осады, но служила бы непріятелю (атакующему цитадель?) вѣрнѣйшею первою параллелью и сверхъ того, по своему возвышенію, доставила бы ему чрезвычайныя выгоды при заложеніи на ней батарей". Посему князь Варшавскій ходатайствовалъ объ отмѣнѣ помянутаго Высочайшаго повелѣнія, на что Монархъ и соизволилъ.

Въ маѣ 1834 года тотъ же князь Варшавскій доставилъ графу Чернышеву соображенія Дена о томъ, какія мѣры слѣдуетъ принять по крѣпостямъ Новогеоргіевску и Бресту, а также по Варшавской Александровской цитадели для предупрежденія послѣдствій наводненій. Государь предположенія Дена одобрилъ и приказалъ

Директоръ инженернаго департамента
Михаилъ Ивановичъ
КЛИМЕНКО
1831—1837 г.г.
(Съ писаннаго красками портрета изъ инженернаго комитета).

передать дѣло для исполненія въ инженерный департаментъ. Между тѣмъ, директоръ послѣдняго, генералъ Клименко, вмѣсто исполненія Высочайшаго повелѣнія, вошелъ въ критику уже одобренныхъ Его Величествомъ предположеній и представилъ по этому поводу мотивированный докладъ, въ коемъ проектировалъ видоизмѣненіе цѣлаго ряда намѣченныхъ мѣръ. Вѣскость обширной и логичной мотивировки побудила Царя согласиться съ Клименкомъ.

Въ ноябрѣ слѣдующаго года, разсматривая потребности Измаильской крѣпости, Николай Павловичъ между прочимъ повелѣлъ—пользованіе воротами Бендерскими и Царьградскими прекратить, самыя ворота наглухо запереть, а караулы у нихъ упразднить. Когда же мѣра эта была опротестована бессарабскимъ генералъ-губернаторомъ, графомъ Воронцовымъ, Государь свое повелѣніе отмѣнилъ.

Въ октябрѣ 1836 года князь Варшавскій сообщилъ военному министру, что, въ бытность свою въ Петербургѣ. онъ докладывалъ Царю о предположеніи Дена по редюитамъ люнетовъ за №№ 2 и 3 въ Брестѣ—, въ виду обнаруженія въ тѣхъ мѣстахъ весьма большой влажности воздуха и обилія атмосферныхъ осадковъ—подлежащіе постройкѣ своды до поры до времени землей не обсыпать, а прикрыть ихъ желѣзными крышами съ такимъ расчетомъ, чтобы впослѣдствіи можно было подсыпать подъ крышу необходимый слой земли и устроить, подъ крышами же, въ средней части редюитовъ, бруствера въ видѣ кавальеровъ, съ которыхъ, по снятіи крышъ, представилась бы возможность обстрѣла какъ въ сторону поля, такъ и по направленію къ образованнымъ въ главной оградѣ брешамъ, а также по внутренности вала. если онъ будетъ занятъ непріятелемъ. Государю эта мысль весьма понравилась; въ видахъ же еще лучшаго предохраненія казематовъ отъ сырости Высочайше повелѣно—своды обсыпать землею не черезъ извѣстный срокъ, а только въ предвидѣніи военныхъ

дѣйствій. Когда сказанное повелѣніе было сообщено Дену, послѣдній нашелъ отложеніе обсыпки сводовъ до осаднаго періода невыгоднымъ, „ибо, по множеству въ то время работъ, исполненіе которыхъ будетъ лежать на гарнизонѣ, и при томъ по необходимости, сколь возможно, сберегать людей сего послѣдняго, таковая обсыпка можетъ остаться несдѣланною; посему и своды не будутъ въ состояніи выполнить своей цѣли“. Къ этому Денъ присовокупилъ, что во всякомъ случаѣ своды слѣдуетъ обсыпать не ранѣе ихъ полной просушки. „Прочитавъ письмо“ князя Варшавскаго съ изложеніемъ мыслей Дена, Монархъ къ этимъ мыслямъ присоединился и отъ своего приказанія отказался.

Въ апрѣлѣ слѣдующаго года возникъ вопросъ объ организаціи сообщенія между фортомъ „Петръ I“ и берегомъ Котлина при помощи парома. Приказавъ проектъ послѣдняго представить на Высочайшее утвержденіе, Николай Павловичъ тутъ же подалъ мысль—воспользоваться для устройства парома „обыкновенными большими перевозочными судами, извѣстными подъ названіемъ водовиковъ“. Главный командиръ порта, адмиралъ Рожновъ, запрошенный по этому поводу строителемъ крѣпости, выразилъ мнѣніе, что, по открытости у названнаго форта воднаго плеса, на которомъ западные вѣтры развиваютъ волненіе, препятствующее сообщенію даже на гребныхъ судахъ, паромъ предположенной системы окажется средствомъ ненадежнымъ и пожалуй опаснымъ. Не смотря на это, проектъ парома былъ изготовленъ по мысли Царя и представленъ на утвержденіе. Ознакомившись съ мнѣніемъ Рожнова, Николай Павловичъ приказалъ затребовать заключеніе и отъ начальника главнаго морского штаба. Князь Меншиковъ въ общемъ повторилъ доводы Рожнова. Тогда послѣдовало Высочайшее повелѣніе—вопросъ о паромѣ „оставить безъ исполненія“.

Въ томъ же году Императоръ повелѣлъ: въ Новогеоргіевскѣ, при частяхъ складочнаго магазина, наиболѣе подверженныхъ напору льда и водѣ во время половодья

въ Наревѣ и Вислѣ, при соединеніи коихъ находится этотъ магазинъ, устроить „отводы, подобно дѣлаемымъ у мостовъ“. Денъ донесъ по этому поводу, что такіе отводы будутъ препятствовать приставанію у магазина судовъ, почему болѣе раціональнымъ явилось бы: 1) устройство въ углахъ зданія брусчатыхъ заслоновъ, 2) постановка въ иныхъ мѣстахъ прочно утвержденныхъ въ землѣ упорныхъ столбовъ, окованныхъ желѣзными полосами и 3) производство каменной наброски у существующихъ шпунтовыхъ свай. Соотвѣтственно этому имъ и былъ разработанъ детальный проектъ. Инженерный департаментъ, не возражая противъ брусчатыхъ заслоновъ, при условіи измѣненія нѣкоторыхъ деталей, полагалъ, во-первыхъ, каменную наброску, которая будетъ препятствовать причалу судовъ, замѣнить вторымъ рядомъ шпунтовыхъ свай, а во-вторыхъ, вмѣсто упорныхъ столбовъ, укрѣпить берегъ фашинами съ устройствомъ впереди ледорѣзовъ. Одобривъ мнѣніе департамента, Государь повелѣлъ послѣднюю мѣру „исполнить рѣшительно“, а прочее сообщить Дену для соображеній. Денъ вновь протестуетъ: замѣнить каменную наброску у шпунтовыхъ свай вторымъ рядомъ послѣднихъ нельзя, ибо вода такъ размываетъ дно, что обнаруживаетъ самыя сваи; для прикрытія же ихъ необходима именно наброска камня, которая будетъ на такой глубинѣ, что для мѣстныхъ судовъ она препятствія не представитъ. Въ концѣ концовъ, въ бытность свою въ Новогеоргіевскѣ, Государь утвердилъ проектъ Дена.

При осмотрѣ въ 1838 году крѣпостныхъ работъ въ Динабургѣ, Николай Павловичъ остался весьма недоволенъ произведенною въ томъ году кирпичною кладкою и приказалъ производить таковую въ будущемъ тѣмъ же способомъ, какой практикуется въ Новогеоргіевскѣ, гдѣ кладка особенно хороша, или, по крайней мѣрѣ, по способу кронштадтскому, который все же много лучше динабургскаго. На это строитель Динабурга, полковникъ Кульневъ 2-й, донесъ, что, по собраннымъ имъ свѣдѣ-

ніямъ, новогеоргіевская кладка обходится по 46 р. 44 к. съ тысячи кирпича, тогда какъ динабургская—по 13 р. 69$^{1}/_{2}$ к., почему только на одинъ 1839 годъ, по числу 4.900.000 штукъ кирпича, для Динабурга потребуется дополнительнаго на сей предметъ асигнованія 160.450 р. 50 к.

Любопытны подробности. Въ Новогеоргіевскѣ де „кирпичъ выбирается по мѣркѣ, и сторона, назначаемая на лицо, обмакивалась въ воду и въ известковый растворъ; потомъ производилась натирка кирпичемъ и повторялась дотолѣ, покуда лицо кирпича получитъ совершенно сухую цементированную поверхность; послѣ этого, съ соблюденіемъ правильности въ рядахъ, кирпичъ, съ приправкой боковъ, клался въ стѣну на известь такъ, чтобы известь во швахъ недопускалась до лицевой стороны на полъ дюйма“. При этомъ каменщикъ клалъ въ день не болѣе 28 кирпичей.

По докладу приведенныхъ обстоятельствъ, Государь приказалъ, во-первыхъ, запросить главнокомандующаго дѣйствующею арміею, дѣйствительно ли кладка въ Новогеоргіевскѣ такъ дорога и почему, а во-вторыхъ, представить свѣдѣнія о стоимости кладки въ Кронштадтѣ. Фельдмаршалъ князь Варшавскій отвѣтилъ на это, что въ Новогеоргіевскѣ тысяча кирпича въ кладкѣ обходится 24 р. 7$^{1}/_{2}$ к., и такъ дорого потому, что въ сумму эту включаются всѣ расходы, тогда какъ въ Россіи многіе относятся на особые источники; но цѣна эта была опротестована инженернымъ департаментомъ, который, перебравъ рядъ отчетовъ и выведя среднюю цѣну, указалъ, что въ Новогеоргіевскѣ кладка тысячи кирпичей обходилась фактически въ 32 р. 61$^{1}/_{4}$ к. Въ Кронштадтѣ же та же цѣна не превосходила 13 р. 75 к., а кладка производилась и производится общепринятымъ способомъ. Въ результатѣ Государь не только отказался отъ первоначальнаго своего приказанія—примѣнить въ Динабургѣ новогеоргіевскій способъ, но и повелѣлъ вообще „ввести при крѣпостныхъ работахъ обыкновенную кирпичную кладку

въ Кронштадтѣ употребляемую, принявъ при томъ мѣры, чтобы кладка кирпича въ Динабургской крѣпости, которая несравненно ниже кронштадтской, на будущее время была производима по крайней мѣрѣ въ одинаковой съ сею послѣднею тщательностью".

Въ сентябрѣ 1839 года, вслѣдствіе повелѣнія о выводѣ изъ Динабургской крѣпости всѣхъ торговыхъ заведеній на новые форштаты, мѣстное купечество возбудило ходатайство о разрѣшеніи постройки гостиннаго двора на высотѣ за эспланадою крѣпости, гдѣ находились зданія стараго, подлежавшаго упраздненію, форштата. Инженерный департаментъ не встрѣтилъ къ этому никакихъ препятствій и всеподданнѣйше испрашивалъ разрѣшеніе намѣченной операціи. Начальникъ военно-походной Его Величества канцеляріи, генералъ-адъютантъ Адлербергъ, сообщилъ на это, что Государь, предполагая указанную выше возвышенность „современемъ совершенно сравнять и срыть, а землю съ оной обратить на гласисъ крѣпости, не соизволилъ на застройку оной, а предоставляетъ жителямъ Динабурга строиться по линіи, проведенной Его Величествомъ на планѣ карандашемъ... и вправо отъ этой линіи". Купцы вновь ходатайствуютъ о старомъ мѣстѣ, указывая, „что оно есть самое удобное для производства торговли", а инженерный департаментъ подтверждаетъ, что у Динабурга „дѣйствительно болѣе удобнаго" мѣста не найти, почему надо де уважить ходатайство, „какъ клонящееся къ общей пользѣ жителей и торговли города". Государь представленіе департамента уважилъ.

Въ 1843 году Николаю Павловичу было поднесено на утвержденіе положеніе военнаго совѣта о разрѣшеніи инженерному вѣдомству произвести, на сумму около 50.000 руб., работы по устройству въ Динабургской крѣпости сплошного на сваяхъ фундамента подъ эскарпъ контргарда № 4. Государь повелѣлъ: „Вмѣсто сплошного на сваяхъ фундамента, устроить таковой на аркахъ, основавъ только пяты ихъ на сваяхъ, отъ чего должно

послѣдовать значительное сбереженіе въ числѣ свай и количествѣ каменнаго матеріала“. Получивъ такое повелѣніе, инженерный департаментъ вошелъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ, въ которомъ указывалъ, что, по количеству матеріала, осуществленіе мысли Царя, на первый взглядъ, можетъ принести экономію на сумму до 10.000 руб.; однако, фактически это выйдетъ не такъ: для устройства арокъ необходимъ особый, тщательно обтесаный камень, для кладки ихъ необходимо нанять извѣстное количество вольныхъ мастеровъ и т. п. Въ результатѣ, какъ выяснилось на предварительныхъ торгахъ, арки дадутъ не экономію, а перерасходъ въ 10.000 руб., почему и испрашивалось разрѣшеніе произвести работы по первоначальному проекту. Государь согласился.

Въ мартѣ 1845 года состоялось Высочайшее повелѣніе—въ крѣпостяхъ пороховые погреба возводить не болѣе какъ на 500 пуд. взрывчатаго вещества. Между тѣмъ, въ это время въ Ревелѣ уже былъ заложенъ фундаментъ подъ погребъ на 12.000 пуд. Военный министръ затребовалъ по этому поводу отъ инженернаго департамента соображенія, „въ какой мѣрѣ, съ большею для казны выгодою, можно привести въ исполненіе упомянутую Высочайшую волю“. Департаментъ доложилъ, что остановка работы, связанная съ непроизводительною потерею затраченныхъ уже суммъ и съ необходимостью возмѣщенія убытковъ подрядчика, плюсъ постройка малыхъ погребовъ потребуютъ расхода около 66.000 руб. сер., тогда какъ окончаніе погреба будетъ стоить только 9.500 руб, сер.; кромѣ того, возводимый погребъ, „находясь въ отдаленіи отъ жилыхъ зданій, не продставляетъ опасности“. Императоръ приказалъ продолжить постройку въ Ревелѣ погреба на 12.000 пудовъ.

Въ томъ же году эстляндское дворянство обратилось къ командиру ревельской инженерной команды съ просьбою разрѣшить пристройку къ дому дворянскаго собра-

нія на Вышгородѣ; послѣдовалъ отказъ по причинѣ того, что просимая пристройка стѣснила бы площадь и частью загородила бы двѣ улицы; при этомъ указывалось и на существованіе запрещенія застройки Вышгорода безъ особаго Высочайшаго разрѣшенія. Тѣмъ не менѣе, дворянство фундаментъ подъ намѣченную постройку заложило. Когда объ этомъ доложили Императору, послѣдовало повелѣніе—уже исполненное уничтожить, а дворянству, для расширенія собранія, предоставить, если оно пожелаетъ, пріобрѣсти покупкою прилегающія частныя зданія. Ходатаемъ за дворянство выступилъ мѣстный губернаторъ, графъ Гейденъ, который обратился къ Великому Князю Михаилу Павловичу, указывалъ въ своемъ представленіи на то, что перестроенное по изготовленному проекту зданіе дворянскаго собранія явится украшеніемъ города Ревеля и что площадь останется „еще довольно большою". На всеподданѣйшемъ по этому поводу докладѣ Его Величество положилъ резолюцію: „Представить планъ въ большемъ видѣ". Когда же приказаніе это было выполнено и оказалось, что соображеніе губернатора въ достаточной мѣрѣ правильно, Николай Павловичъ первоначальное свое приказаніе отмѣнилъ и просьбу графа Гейдена уважилъ.

Въ маѣ 1846 года Императоръ повелѣлъ, чтобы во всѣхъ крѣпостяхъ западнаго округа амбразуры, подверженныя дѣйствію наводненій, были одѣты тесанымъ камнемъ. Денъ доложилъ по этому поводу князю Варшавскому, что можно поступить и иначе: одѣть амбразуры особо прочнымъ кирпичемъ, съ закругленіемъ краевъ, что, во-первыхъ, не потребуетъ выломки части стѣнъ, и во-вторыхъ будетъ и дешевле, и прочнѣе, такъ какъ мѣстный камень хуже хорошаго кирпича, могущаго выдержать не только дѣйствіе воды, но и напоръ льда; имѣя же въ виду, что заготовка тесанаго камня можетъ быть произведена только къ осени, а къ работамъ по обдѣлкѣ амбразуръ придется приступить не ранѣе спада воды въ будущую весну, Денъ просилъ разрѣшить ему,

въ видѣ опыта, перестроить по его способу амбразуры Александровской цитадели. Ознакомившись съ предложеніемъ Дена, Государь на просьбу его соизволилъ.

Въ томъ же году, имѣя въ виду вышеприведенное Высочайшее запрещеніе устраивать въ крѣпостяхъ порохохранилища свыше чѣмъ на 500 пудовъ, главнокомандующій, въ бытность Императора въ Варшавѣ, представилъ Его Величеству генеральный планъ Новогеоргіевска съ показаніемъ размѣщенія наличнаго запаса пороха (70.000 пудовъ) въ 140 погребахъ. При этомъ князь Варшавскій доложилъ, что „хотя взрывъ одного большого порохового склада причинилъ бы много вреда, однако хранящійся въ 140 мѣстахъ порохъ скорѣе подвергается опасности". Кромѣ того, на постройку 140 погребовъ потребуется 490.000 руб. сер., а для окарауливанія ихъ 420 нижнихъ чиновъ; если же порохъ размѣстить въ двухъ погребахъ, имѣющихся въ цитадели крѣпости, и такихъ-то казематахъ, могущихъ быть спеціально для того приспособленными, то порохохранилищъ получится 14, денегъ потребуется 52.000, а караула 80 человѣкъ. Принимая же въ соображеніе, что въ военное время около 7.000 пудовъ пороха пойдетъ для нуждъ полевыхъ войскъ, а около 42.000 пудовъ разойдутся по расходнымъ погребкамъ на веркахъ, князь Варшавскій полагалъ, что намѣчаемое имъ распредѣленіе пороха и удобно, и безопасно. Докладъ этотъ не только былъ одобренъ, но повидимому заставилъ Государя и вообще усомниться въ раціональности повелѣнія о 500 пудахъ. По крайней мѣрѣ Дену было Высочайше указано выработать аналогичныя съ новогеоргіевскими предположенія по всѣмъ западнымъ крѣпостямъ, а инженерному департаменту сдѣлать ту же работу для всѣхъ прочихъ крѣпостей имперіи.

Въ 1847 году, признавъ необходимымъ уничтожить Звѣринецкое укрѣпленіе Кіевской крѣпости и желая эту операцію соединить съ практикою войскъ, Государь повелѣлъ произвести маневръ атаки и обороны назван-

наго укрѣпленія и широко развить минную войну съ цѣлью подрыва верковъ излишняго опорнаго пункта. Политическая обстановка 1848 года воспрепятствовала производству маневра, ибо половина саперной бригады изъ Кіева ушла. Августѣйшій генералъ-инспекторъ полагалъ, какъ маневръ, такъ и уничтоженіе Звѣринецкаго укрѣпленія отложить. Согласившись съ тѣмъ, что производство большого маневра по обстоятельствамъ является неисполнимымъ, Николай Павловичъ все же приказалъ, чтобы укрѣпленіе было разрушено и непремѣнно минною практикою оставшихся въ Кіевѣ саперъ. На это Царю доложено, что для осуществленія такой операціи матеріальныхъ средствъ и денегъ у саперъ нѣтъ и что на пріобрѣтеніе одного лишь пороха для взрывовъ потребуется 7.500 р., тогда какъ срывка верковъ обойдется всего въ 1.560 р. Государь, отказавшись отъ первоначальнаго своего намѣренія, повелѣлъ срыть укрѣпленіе исподволь, съ нарядомъ на работы крѣпостныхъ арестантовъ.

Въ началѣ 1850 года, по докладу Дена о томъ, что палисадъ на прикрытомъ пути Варшавской Александровской цитадели почти совершенно сгнилъ, Императоръ повелѣлъ палисадъ убрать и одновременно срыть банкетъ. Князь Варшавскій доложилъ по этому поводу, что цитадель должна быть всегда готовой къ отраженію нечаяннаго нападенія, что при этомъ будетъ полезно ставить пѣхоту на прикрытомъ пути для развитія ружейнаго огня, что срывка банкета и обдѣлка внутренней крутости гласиса вызовутъ непроизводительные расходы. Поэтому фельдмаршалъ просилъ отмѣнить повелѣніе о срывкѣ банкета. Государь согласился.

Въ сентябрѣ того же года, освѣдомившись о готовности редюита въ горжѣ Васильковскаго укрѣпленія Кіевской крѣпости и исходя изъ того соображенія, что разъ веркъ готовъ—онъ долженъ имѣть надлежащій обстрѣлъ, Монархъ повелѣлъ площадь противъ сказаннаго редюита „непремѣнно начать планировать въ нынѣшнемъ

году и продолжать эти работы зимою". Инспекторъ по инженерной части, генералъ Денъ, доложилъ по этому поводу, что для выполненія Высочайше утвержденнаго на ту работу проекта планировка обязательно должна производиться весьма тонкими пластами и потребуетъ очень тщательной работы, которая невозможна въ мерзломъ грунтѣ. Поэтому Денъ просилъ приказаніе о зимней работѣ отмѣнить. Государь такъ и сдѣлалъ.

По свидѣтельству Н. К. Шильдера, въ 1852 и 1853 годахъ, руководство практическими работами въ саперномъ лагерѣ подъ Петергофомъ было возложено на инженеръ-капитана Тотлебена. Однажды, Государь, весьма часто посѣщавшій саперъ, осматривалъ работы по инженерной атакѣ крѣпостного фронта и далъ по этому поводу рядъ указаній. „Нисколько не смущаясь— пишетъ Шильдеръ—капитанъ Тотлебенъ откровенно высказалъ Государю, почему указываемый имъ способъ дѣйствій не приведетъ къ желаемой цѣли, и объяснилъ, какимъ образомъ онъ намѣренъ рѣшить предстоявшій вопросъ. Окружавшія ихъ начальствующія лица въ трепетномъ недоумѣніи внимали этому смѣлому разговору молодого капитана съ Государемъ; но Императоръ Николай милостиво выслушалъ объясненія Эдуарда Ивановича и вполнѣ одобрилъ представленные имъ доводы и предположенный образъ дѣйствій".

Въ заключеніе разсматриваемаго вопроса замѣчу, что изъ тѣхъ предположеній Николая Павловича по инженерной части, по коимъ слѣдовали основательныя сужденія и справки отрицательнаго характера и которыя всетаки приводились въ исполненіе по волѣ Монарха, мнѣ извѣстно только одно. Въ іюнѣ 1838 года, при осмотрѣ Динабургской крѣпости, Государь между прочимъ приказалъ строителю представить соображеніе— „не дешевле ли будетъ устроить въ коридорахъ оборонительной казармы въ мостовомъ укрѣпленіи полы торцами, вмѣсто предположенныхъ по смѣтѣ камнемъ"? Изъ подсчетовъ оказалось, что это обойдется втрое до-

роже. Все же, „имѣя въ виду, что торцовая мостовая представляетъ болѣе безопасности (въ какомъ отношеніи— неизвѣстно), и самая издержка на ея устройство не слишкомъ значительна“, Государь повелѣлъ настлать коридоры торцами *).

---

*) З, № 95—1833, 7, 22—24; И, № 19—1834, 188—193; № 63—1834 5—8, 13; № 44—1835, 1, 5, 178, 179; I, № 36—1837, 465, 574, 599, 619; № 137—1837, 124, 146; № 10—1838, 25, 26, 35—38; № 80—1838, 28—41; № 151—1842, 43, 106—112; № 28—1845, 1, 22—25; № 83—1845, 11, 12, 30—36; К, № 53—1836. 436, 437, 458; № 24—1838, 7—13, № 100—1845, 218, 219; № 14—1846, 1—5; О, № 130—1847, 4, 18, 29, 35; № 153—1849, 106, 107; № 147—1850, 4, 13, 14; Ф, № 79—1829, 4, 7, 11, 17, 22; Ф, № 27—1831, 1, 2. 5; Шильдеръ, Эд. Ив. Тотлебенъ, ч. I, 86.—

ГЛАВА. IV.

Платоническіе проекты и заготовленіе чертежей впрокъ. Стремленіе къ удешевленію сооруженій и къ избѣжанію излишествъ. Сохраненіе верковъ упраздненныхъ крѣпостей. Секретность крѣпостныхъ чертежей. Работы необоронительныя. Обезпеченіе войскъ помѣщеніями во всѣхъ отношеніяхъ удобными. Соблюденіе санитарныхъ условій. Заботы о пожарной безопасности. Отношеніе къ внѣшнему виду построекъ. Заботы о справочныхъ свѣдѣніяхъ и о практической подготовкѣ строителей. Проектъ Николая Павловича объ учрежденіи инженернаго комитета. Реорганизація комитета военно-ученаго и дѣятельность его инженернаго отдѣленія. Командировки инженерныхъ офицеровъ въ мѣста производства спеціальныхъ работъ. Разсмотрѣніе Государемъ вѣдомостей объ успѣхѣ работъ и преслѣдованіе затяжекъ въ производствѣ оныхъ. Спокойное отношеніе къ неумышленному извращенію Высочайшихъ повелѣній и къ обнаруженію неисправностей, какъ слѣдствія форсмажорныхъ причинъ. Караніе за неисправности и катастрофы въ строительномъ дѣлѣ какъ слѣдствія небрежности и непредусмотрительности. Возстановленіе поврежденныхъ и разрушенныхъ сооруженій за счетъ виновныхъ. Ближайшее участіе Монарха въ рѣшеніи различныхъ вопросовъ по вооруженію крѣпостей.

Разсматривая старыя дѣла инженернаго архива, невольно поражаешься количествомъ такъ сказать платоническихъ проектовъ, которые составлялись по указаніямъ Николая Павловича для того... чтобы мирно покоиться въ секретныхъ шкафахъ. Полный энергіи и благихъ порывовъ, вѣнценосный военный инженеръ неустанно стремился къ постановкѣ боевой инженерной подготовки государства на вполнѣ твердую почву и къ приведенію отдѣльныхъ крѣпостей въ соотвѣтствіе съ современными требованіями военнаго искусства. Государь самъ работалъ надъ этимъ дѣломъ, не покладая рукъ; задавалъ массу работы также центральному и мѣстнымъ инженернымъ органамъ. Но этотъ гигантскій трудъ въ значительной степени разбивался о диктатуру метала.

Хроническое у насъ „затруднительное положеніе государственнаго казначейства“ сплошь да рядомъ превращало благія начинанія въ мечты несбыточныя, и это—не смотря на то, что Императоръ, какъ увидимъ, прилагалъ героическія усилія къ изысканію средствъ и источниковъ для крѣпостныхъ работъ. Относящагося къ этой темѣ матеріала найдется не мало во второй части очерка. Здѣсь же ограничусь такими данными.

Еще въ первое время пребыванія въ должности генералъ-инспектора, именно въ 1820 году, изучая на мѣстѣ условія обороны Бобруйска, Николай Павловичъ пришелъ къ заключенію о крайней желательности оборудованія приспособленій для затопленія въ военное время лощины рѣки Березины. Соображая этотъ вопросъ съ военными инженерами, Великій Князь наткнулся на рядъ техническихъ затрудненій и обратился, какъ къ эксперту, къ инженеру путей сообщенія Зеге-фонъ-Лауренбергу. Мысль послѣдняго о загражденіи всей широкой лощины рѣки грандіозной плотиной со шлюзомъ, мысль заманчивая, но сопряженная, по заявленію самого автора, съ весьма крупными расходами, была тотчасъ же отвергнута. Тогда Зеге предложилъ ограничиться затопленіемъ не всей лощины, а лишь нѣкоторыхъ, ближайшихъ къ веркамъ, участковъ мѣстности и вызвался составить необходимый для того проектъ. Проектъ былъ разработанъ, провѣренъ и переработанъ строителемъ крѣпости, вновь провѣренъ и вновь переработанъ въ инженерномъ департаментѣ... Колосальные цифровые итоги расходовъ вызвали резолюцію Великаго Князя: „Оставить такъ“. А это означало—предать проектъ забвенію.

Воздержусь отъ приведенія всей массы аналогичныхъ примѣровъ по всѣмъ крѣпостямъ за періодъ нахожденія Николая Павловича уже на престолѣ. Ограничусь однимъ Кронштадтомъ—крѣпостью, на которую всегда обращалось исключительное вниманіе и на которую денегъ относительно не жалѣли.

Въ 1837 году Государь приказалъ замѣнить во рву главной крѣпости, въ сѣверо-западномъ ея углу, старое деревянное батардо новымъ каменнымъ, а сумму въ 100.000 руб., выяснившуюся послѣ составленія проекта, полагалъ назначить „особо“ отъ намѣченнаго для Кронштадта кредита. Самый проектъ былъ Высочайше утвержденъ, а засимъ, „не имѣя нынѣ въ виду свободныхъ суммъ, изъ коихъ можно бы назначить 100.000 руб.“, Монархъ повелѣлъ работу отложить на неопредѣленное будущее. Въ слѣдующемъ году послѣдовало приказаніе Его Величества представить проектъ и подробное соображеніе о стоимости облицовки гранитомъ форта „Константинъ“ и о перестройкѣ деревяннаго „Рисбанка“ въ каменный съ такою же облицовкой. Проекты представили въ двухъ варіантахъ, при правильной фигурѣ облицовочныхъ камней и при неправильной, а стоимость ихъ выразилась: по „Константину“—1.497.725 или 1.416.000 руб., а по „Рисбанку“—3.823.925 или 3.612.000 р. „По значительности предстоящихъ нынѣ на другіе предметы расходовъ“, Государь призналъ, что „исполненіе означеннаго проекта необходимо оставить впредь до времени“. Въ февралѣ 1843 года Николай Павловичъ потребовалъ представленія проекта Кроншлота, съ превращеніемъ его въ трехъ-ярусный. При этомъ было Высочайше указано, чтобы, до приступа къ проектированію новаго форта, генералъ Фельдманъ явился къ князю Меншикову для совмѣстной съ нимъ выработки основаній мѣропріятія. Такъ и было сдѣлано; подробный проектъ составленъ и представленъ; его стоимость 1.600.000 руб. Государь положилъ резолюцію: „Передать князю Меншикову на разсмотрѣніе“. Меншиковъ сдѣлалъ лишь мелочныя замѣчанія. Финалъ—повелѣніе: „Все это дѣло хранить до возможности приступить къ выполненію по оному, когда денежныя средства то дозволятъ“. Въ 1846 году, одобривъ составленный по Высочайшимъ директивамъ „предварительный очеркъ“ оборонительной казармы въ юго-западномъ углу купече-

ской гавани, Царь приказалъ составить подробный проектъ общаго укрѣпленія гавани. На представленномъ проектѣ, стоимость коего была исчислена въ 1.650.000 р., имѣется Высочайшая резолюція: „Хранить до востребованія“. Въ 1847 году послѣдовало повелѣніе объ упраздненіи форта „Константинъ“ съ тѣмъ, чтобы для „затыльной“ защиты фортовъ „Александръ I“ и „Петръ I“ были устроены новыя спеціальныя батареи. Когда же проекты на двѣ такія батареи были представлены, Монархъ повелѣлъ ихъ постройку „отложить до удобнѣйшаго времени“. Въ томъ же году инженерному департаменту было сообщено о Высочайшей волѣ, дабы порохохранилища на 8.000 пуд. для зарядовъ, потребныхъ въ военное время къ орудіямъ батареи „Князь Меншиковъ“, были возведены на кронштадтской косѣ, во избѣжаніе опасности сосредоточенія въ мирное время такого значительнаго количества пороха на самой батареѣ. Когда же проектъ былъ составленъ, а смѣта исчислена въ 23.000 руб. сер., Государь повелѣлъ—порохъ „покуда“ оставить на Охтенскомъ заводѣ. Въ апрѣлѣ 1848 года Николай Павловичъ приказалъ начальнику инженеровъ гвардейскаго корпуса, генералъ-маіору Цурмилену, силами гвардейскаго и учебнаго саперныхъ баталіоновъ, построить въ теченіе лѣта двѣ батареи на кронштадтской косѣ, каждую по 24 орудія, для полученія перекрестнаго огня по большому рейду; батареямъ быть сомкнутыми, съ блокгаузами для тыльной обороны и съ помѣщеніями для гарнизоновъ. Мѣропріятіе оказалось сопряженнымъ съ расходомъ въ 41.287 руб. сер., по докладу о чемъ послѣдовало Высочайшее повелѣніе: „отложить до удобнѣйшаго времени“. Наконецъ относительная мелочь: въ 1846 году Императоръ повелѣлъ составить соображеніе о разведеніи въ Кронштадтѣ сада „на бермѣ крѣпости для общественнаго гулянія“. Когда же соображеніе было представлено и оказалось, что осуществленіе мѣры связано со значительнымъ расходомъ, Государь положилъ резолюцію: „По длинѣ эскарпа и

и контръ-эскарпа посадить ивнякъ, а разведенiе сада отложить впредь до приказанiя". Кстати замѣтимъ, что ивнякъ пошелъ плохо: его уничтожали черви и какая-то порода грызуновъ, о чемъ мѣстное начальство донесло инженерному департаменту „съ представленiемъ при семъ одного изъ пойманныхъ грызуновъ".

Необходимо оговориться: всѣ вышепомянутые проекты по Кронштадту остались безъ исполненiя. Хотя перестройка и облицовка фортовъ гранитомъ въ концѣ концовъ и были произведены, но по другимъ проектамъ, болѣе скромнымъ. *).

По причинѣ диктатуры метала и по свойственной натурѣ Монарха бережливости вообще, при разсмотрѣнiи проектовъ крѣпостныхъ сооруженiй Николай Павловичъ не упускалъ случая давать указанiя, направленныя къ достиженiю того, чтобы постройки стоили дешевле и чтобы не устраивалось ничего ненужнаго.

Въ 1823 году, изучая проекты по устройству батарей въ Севастополѣ, составленные подъ руководствомъ адмирала Грейга, и обративъ между прочимъ вниманiе на многочисленность просторныхъ однопушечныхъ казематовъ, а также на устройство у батарей, съ морской стороны, прикрытаго пути съ палисадомъ, Великiй Князь рекомендовалъ казематы нѣсколько уширить для постановки въ каждомъ двухъ орудiй, а прикрытаго пути, по отсутствiю въ немъ необходимости, не устраивать вовсе, благодаря чему получится значительная экономiя въ денежныхъ средствахъ. Въ 1831 году въ Гельсингфорсѣ намѣчалось устройство, взамѣнъ ветхаго, новаго госпиталя, при расходѣ на это 450.000 руб. Государь обратилъ вниманiе инженернаго вѣдомства на наличность въ томъ же пунктѣ вполнѣ удовлетворительныхъ зданiй, ранѣе занимавшихся финляндскими кантонистами, и приказалъ приспособить таковыя подъ гос-

*) I, № 36—II—1837, 240, 562; № 90—1837, 1, 24, 31; № 32—1840, 511, 512; № 44—1843, 2, 3, 8, 12, 17: № 66—1846, 2, 11, 31; II. № 107—1847, 104, 106; № 150—1847, 1, 2, 7; № 41—1848, 41, 42, 60, 63.

питаль, что обошлось всего въ 43.000 руб. Въ 1833 году, утверждая проектъ устройства въ Динабургѣ предохранительной отъ наводненій дамбы, Императоръ замѣтилъ, что таковую предположено возвести и на тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ будутъ построены двѣ каменныя башни, прикрытыя гласисами. Такъ какъ гласисъ „самъ собою можетъ служить предохранительнымъ средствомъ отъ наводненій“, повелѣно „насыпку сихъ частей дамбы на гласисахъ обѣихъ башенъ исключить изъ проекта“. Въ октябрѣ 1835 года Государь набросалъ отъ руки новое начертаніе фронтовъ Кобринскаго и Тереспольскаго укрѣпленій и, въ ряду необходимыхъ по этому поводу указаній, намѣтилъ способъ удешевленія работъ на тотъ случай, если бы при отрывкѣ рвовъ до указанной профили и насыпкѣ валовъ оказалось, что земли не хватитъ на гласисъ. Въ такомъ случаѣ Монархъ указалъ „продолжать поверхность гласиса углубленіемъ въ впереди лежащую мѣстность“ съ тѣмъ, чтобы внѣшней, напольной, крутости полученнаго такимъ образомъ треугольнаго рва дать уклонъ въ 45 градусовъ и уснастить эту крутость искусственными препятствіями. Въ 1837 году, разбираясь въ предположеніяхъ о работахъ по Кронштадту и найдя необходимымъ построить въ водяномъ рвѣ главной крѣпости новое каменное батардо, Государь приказалъ Фельдману сообразить, „не можетъ ли старое служить вмѣсто перемычки во время устройства новаго батардо“. Въ томъ же году возникъ вопросъ о переводѣ виленской комисаріатской комисіи въ Динабургъ, причемъ военный министръ, сходно съ заключеніемъ инженернаго департамента, всеподданнѣйше доложилъ о необходимости постройки для сказанной цѣли новыхъ зданій; хотя въ крѣпости и были зданія обывательскія, оставшіяся пустыми за выселеніемъ мирныхъ жителей на форштаты, но пріобрѣтеніе ихъ графъ Чернышевъ признавалъ невыгоднымъ, „ибо вообще частныя строенія въ той крѣпости, какъ и вездѣ, по разнымъ ихъ недостаткамъ въ отношеніи расположенія и прочности,

не могутъ доставить ни пользы, ни выгоды для казны". Имѣя въ виду, съ одной стороны, дешевизну пустующихъ частныхъ зданій, а съ другой, невѣроятность полной ихъ непригодности хотя бы для удовлетворенія части нужды въ помѣщеніяхъ, Государь повелѣлъ, „дабы инженерный департаментъ обратилъ на сіе особенное вниманіе при составленіи проектовъ на построеніе въ Динабургѣ комисаріатскихъ зданій". Тогда же, разсматривая предположеніе о работахъ по Бобруйской и Динабургской крѣпостямъ, Монархъ собственноручно обозначилъ карандашемъ на генеральныхъ планахъ мѣста, на которыхъ слѣдуетъ возвести караульные домики. Инженерный департаментъ принялъ это указаніе къ точному исполненію и внесъ въ смѣту расходъ на постройку всѣхъ домиковъ одновременно и въ ближайшій строительный періодъ. Тогда Николай Павловичъ указалъ, что караулки нужны въ мѣстахъ законченныхъ работъ, а не въ чистомъ полѣ, и приказалъ возводить ихъ постепенно. Въ маѣ 1839 года Государь обратилъ вниманіе инженернаго департамента на то, что въ Кронштадтѣ, не смотря на большой недостатокъ въ землѣ, таковую, при отрывкѣ котловановъ подъ фундаменты крѣпостныхъ сооруженій и при производствѣ планировокъ, расточаютъ зря; на будущее время было повелѣно употреблять эту землю на засыпку низкихъ у крѣпости мѣстъ. Въ томъ же году всеподданнѣйше былъ представленъ проектъ на постройку въ Севастополѣ Павловской батареи, проектъ, находившійся ранѣе на заключеніи князя Меншикова, который пристроилъ къ батареѣ безопасную казарму для моряковъ—сооруженіе грандіозное и дорогое, вызванное его нахожденіемъ въ сферѣ поражаемости огнемъ непріятельскаго флота. Императоръ положилъ резолюцію: „Ограничиться постройкою, по представленному проекту, одной трехъ-этажной казематированной батареи, не пристраивая къ ней казармы для морского вѣдомства, такъ какъ сія послѣдняя для обороны бухты вовсе безполезна, и лучше будетъ построить

ее на другой, удобнѣйшей мѣстности". Къ 1840 году относится Высочайшее повелѣніе: въ мостовыхъ укрѣпленіяхъ Новогеоргіевска, по всему эскарпу въ Брестъ-Литовскѣ, въ равелинахъ и контргардахъ Замосцья, а также по прикрытымъ путямъ всѣхъ западныхъ крѣпостей поставить живой ивовый палисадъ, „вмѣсто дорого стоящаго обыкновеннаго, производя однако-жъ разсадку деревъ не вдругъ, а исподволь". Въ сентябрѣ 1843 года главнокомандующій представилъ Царю соображенія о полной необходимости постройки въ Новогеоргіевской крѣпости безопаснаго отъ бомбъ госпиталя на 700 человѣкъ и поднесъ на утвержденіе проектъ этого сооруженія, уже одобренный инженернымъ департаментомъ. Такъ какъ Николай Павловичъ относился къ предложеніямъ князя Варшавскаго весьма внимательно и всегда избѣгалъ рѣзко отвергать таковыя, то послѣдовала резолюція: Государь, „соизволивъ разрѣшить возвести въ Новогеоргіевскѣ *современемъ* таковой постоянный и безопасный отъ бомбъ госпиталь, изволилъ однако-жъ отозваться, что въ постройкѣ этого зданія нѣтъ особой надобности". При оцѣнкѣ въ 1844 году боевого значенія свеаборгскихъ укрѣпленій Вестеръ Сварта и Стура Остеръ Сварта была, между прочимъ, установлена необходимость замѣны стоявшихъ въ горжахъ палисадовъ оборонительными каменными стѣнами, а также необходимость планировки крайне неровной поверхности внутренности укрѣпленій. Инженерный департаментъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи работъ по устройству въ горжахъ названныхъ укрѣпленій кирпичныхъ стѣнокъ, поясняя срочность этой работы тѣмъ, что палисадъ пришелъ въ совершенную ветхость. Государь согласился, но, преслѣдуя планомѣрность и экономичность операціи, повелѣлъ, „чтобы предположенныя оборонительныя стѣнки были возводимы не кирпичныя, а изъ тамошняго камня, преимущественно употребляя для сего камень изъ неровности площади и внутренности укрѣпленія, добывая оный надлежащими взрывами". Въ

1847 году, когда рѣшено было упразднить Звѣринецкое укрѣпленіе Кіевской крѣпости, Императоръ, по экономическимъ соображеніямъ, повелѣлъ, чтобы баталіоны 2-й саперной бригады производили свои практическія минныя занятія именно въ веркахъ этого укрѣпленія, „дабы вмѣстѣ съ производствомъ опытовъ укрѣпленіе было уничтожено". Въ 1851 году въ Брестѣ предполагалось построить домъ для крѣпостного инженернаго управленія, ибо существовавшее для этой надобности зданіе пришлось снести при возведеніи крѣпостного собора. Государь работу отмѣнилъ и приказалъ: имѣющееся въ крѣпости помѣщеніе для остановокъ Высочайшихъ особъ предоставить коменданту, а квартиру коменданта передать инженерному управленію.

Весьма вдумчивое отношеніе Императора къ соблюденію экономіи въ смыслѣ избѣжанія непроизводительныхъ работъ рельефно подтверждается такимъ частнымъ случаемъ.

Въ 1841 году инженерный департаментъ вошелъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ о постройкѣ въ Динабургской крѣпости казематированныхъ траверсовъ въ контргардахъ для усиленія обороны рвовъ равелиновъ. Но въ это время уже было рѣшено усилить оборону крѣпости путемъ искусственнаго наводненія, при чемъ этотъ новый факторъ могъ отразиться какъ на степени необходимости вышеуказанной мѣры, такъ и на значеніи тѣхъ или другихъ крѣпостныхъ верковъ. Послѣдовало повелѣніе: „Проектъ построенія казематовъ въ контргардахъ представить Его Величеству послѣ составленія проекта наводненія мѣстности передъ 5-мъ и 6-мъ полигонами посредствомъ рѣчки Шуницы". Когда этотъ проектъ былъ готовъ, инженерный департаментъ, базируясь на повелѣніе 1841 года, вновь представилъ въ 1844 году проектъ помянутыхъ казематовъ, полагая возвести ихъ какъ на новыхъ контргардахъ, которые еще подлежали къ устройству, такъ и на всѣхъ существовавшихъ. Осуществленіе всей этой операціи одновременно

представлялось затруднительнымъ по финансовымъ соображеніямъ и тѣмъ болѣе потому, что настояла необходимость въ производствѣ нѣкоторыхъ болѣе важныхъ въ оборонительномъ отношеніи работъ; операцію по устройству казематовъ можно было выполнить только частью; а операція, грубо говоря, распадалась на двѣ: на устройство казематовъ въ существующихъ контргардахъ, гдѣ приходилось разрывать валы, и на постройку ихъ въ новыхъ, въ которыхъ валы еще не насыпаны. Отложить первыя работы можно было безъ ущерба въ техническо-хозяйственномъ отношеніи; отложеніе же вторыхъ, безъ задержки устройства самихъ контргардовъ, повлекло бы за собою необходимость въ будущемъ также разрывать готовые валы. Очевидно, руководствуясь этимъ соображеніемъ, Государь собственноручно положилъ резолюцію: „Согласенъ начать только тамъ, гдѣ возводятся фундаменты или вовсе работъ еще не начато; но передѣлку конченныхъ контргардовъ отложить до возведенія двухъ отдѣльныхъ башенъ и прочихъ работъ по гласису“. Основную мысль этой резолюціи инженерный департаментъ не понялъ, а не понявъ, принялъ ее къ руководству буквально. Какъ и всегда въ такихъ случаяхъ, не замедлило народиться недоразумѣніе. Въ 5-мъ контргардѣ, въ правомъ фасѣ, гдѣ ко времени полученія Высочайшей директивы имѣлся только фундаментъ эскарпа, казематъ построили; въ лѣвомъ же фасѣ, у котораго къ тому же времени уже возвели весь эскарпъ, строить каземата не осмѣлились и задумались надъ вопросомъ: заваливать ли эскарпъ и придавать валу положенную профиль или нѣтъ? Рѣшили доложить Царю, что если завалить, то въ будущемъ, при постройкѣ каземата, придется вновь отрывать землю. Естественно, Императоръ повелѣлъ построить казематъ и въ лѣвомъ фасѣ.

Въ стремленіяхъ своихъ къ сбереженію казеннаго интереса Николай Павловичъ не останавливался передъ комбинированіемъ работъ различныхъ вѣдомствъ. Такъ, въ 1848 году, разсматривая проекты по Кіевской крѣ-

ности и остановившись между прочимъ на устройствѣ гласиса передъ Спасскимъ бастіономъ, Монархъ повелѣлъ, чтобы таковой былъ насыпанъ вѣдомствомъ путей сообщенія „изъ земли, остающейся въ излишествѣ отъ работъ при Аскольдовомъ спускѣ“, съ тѣмъ, чтобы обдѣлка крутостей гласиса была произведена военно-инженернымъ вѣдомствомъ. Такое же распоряженіе было сдѣлано относительно насыпки вала „по всему верхнему краю Днѣпровскаго косогора, замыкающаго горжу крѣпости“. А вскорѣ Государь повелѣлъ—если при устройствѣ спуска къ постоянному черезъ Днѣпръ мосту и засимъ останется еще излишняя земля, то вѣдомству путей сообщенія развозить таковую по мѣстамъ, кои укажутъ военные инженеры.

Экономическія соображенія заставили Николая Павловича упразднить цѣлый рядъ существовавшихъ до его вступленія на престолъ крѣпостей и укрѣпленныхъ пунктовъ, не имѣвшихъ особо серьезнаго стратегическаго значенія или вовсе утратившихъ таковое. Однако, этотъ актъ сопровождался уничтоженіемъ верковъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда нельзя было не опасаться, что очищенныя укрѣпленія могутъ попасть въ руки непріятеля. Такое уничтоженіе практиковалось главнымъ образомъ на Кавказѣ. При упраздненіи, напримѣръ, крѣпостей Перновской, Херсонской, Еникальской, Перекопской, Фридрихсгамской, Роченсальмской, Кюменьгородской, Кексгольмской и Вильманстрандской послѣдовало повелѣніе передать крѣпостные верки: въ Россіи въ городскія управленія, а въ Финляндіи въ гражданское вѣдомство края, ибо „хотя оные и не будутъ поддерживаться починками, должны быть, однако-жъ, предохраняемы отъ всякаго разоренія и поврежденія жителями“.

Даже при перестройкахъ крѣпостей, безъ особой нужды, верки рекомендовалось не срывать. Послѣ наводненія 7 ноября 1824 года, значительно повредившаго укрѣпленія Кронштадта, было рѣшено крѣпость пере-

строить, при чемъ Николай Павловичъ, по вступленіи на престолъ, предложилъ Опперману составить между прочимъ проектъ сооруженія на Котлинѣ передовыхъ верковъ. Расположеніе такихъ верковъ было намѣчено въ 750 саж. отъ гласиса главной крѣпости, „дабы непріятель, въ намѣреніи сдѣлать осаду, не могъ расположиться между крѣпостью и сими укрѣпленіями, не овладѣвъ прежде ими“, прямымъ слѣдствіемъ каковаго соображенія явилось ходатайство Оппермана объ уничтоженіи верковъ Александръ-Шанца, удаленнаго отъ крѣпости на 5 верстъ. На послѣднее Высочайшаго соизволенія не послѣдовало *).

Въ царствованіе Николая Павловича, по причинѣ крайней осмотрительности Монарха въ дѣлѣ постройки крѣпостныхъ сооруженій, завершавшейся на практикѣ составленіемъ чуть ли не по каждой работѣ варіантовъ предположеній, а также по причинѣ заготовленія цѣлаго ряда проектовъ, охарактеризованныхъ выше эпитетомъ „платоническихъ“, накапливалось огромное количество секретныхъ чертежей. Всѣ эти чертежи, не исключая и заготовлявшихся впрокъ, сохранялись въ глубочайшей тайнѣ. Это видно хотя бы изъ такого отрицательнаго примѣра.

Въ 1827 году, передъ русско-турецкою войною, послѣдовало Высочайшее повелѣніе о приведеніи крѣпости Измаилъ въ полное оборонительное состояніе, съ устройствомъ достаточнаго количества безопасныхъ отъ бомбъ помѣщеній. Проектъ, весьма грандіозный, былъ составленъ, представленъ управлявшему въ то время главнымъ штабомъ Его Величества, графу Чернышеву, а при отъѣздѣ Государя въ 1828 году на театръ военныхъ дѣйствій, былъ взятъ для доклада Императору „въ походѣ“.

*) З, № 71—1829, 1, 11; № 105—1835, 3; № 2—1836, 113; № 15—1836 109, 112, 262, 273; И, № 8—1823, 238; № 36—1834, 2—4; № 64—1835, 1 I, № 90—1837, 1; № 100—1837, 9—12; № 24—1838, 79; № 47—1843, 89, 92; № 165—1843, 7, 10, 16, 119; К, № 125—1843, 1, 2; Л, № 105—1837, 38 39 О, № 142—1847, 37, 38, 48; П, № 97—1847, 1; Т, № 39—1851, 1.

Хотя вскорѣ выяснилось, что осуществленіе широко задуманнаго проекта врядъ ли когда-либо послѣдуетъ, все же директоръ инженернаго департамента, графъ Опперманъ, памятуя постоянныя требованія Царя о секретности крѣпостныхъ плановъ и объ отвѣтственности департамента и его органовъ за соблюденіе тайны, тотчасъ по возвращеніи Государя въ Петербургъ, просилъ графа Чернышева о возвращеніи ему помянутаго проекта. Графъ отозвался, что проектъ находился на разсмотрѣніи бессарабскаго генералъ-губернатора, графа Воронцова, который, по соотвѣтственному запросу, „увѣряетъ“, что чертежи были имъ представлены при запискѣ Императору, а нынѣ „не отыскиваются“. Къ этому графъ Чернышевъ прибавилъ: „должно полагать, что оные во время похода затеряны“. Опперманъ не успокоился: онъ вновь обратился къ своему прямому начальнику съ указаніемъ, что послѣднему былъ переданъ 21 чертежъ; „по важности ихъ—писалъ Опперманъ—яко содержащихъ подробный проектъ сей важной пограничной крѣпости, я полагаю, что о неотысканіи ихъ должно быть донесено Его Императорскому Величеству“. Не получая отвѣта, Опперманъ подалъ рапортъ Августѣйшему генералъ-инспектору, а Михаилъ Павловичъ немедленно препроводилъ таковой въ главный штабъ. Тогда графъ Чернышевъ сообщилъ, что о случаѣ имъ было доложено Государю еще до настояній Оппермана и что Его Величество „отозваться соизволилъ, что обстоятельство сіе будетъ разрѣшено впослѣдствіи времени“. Чѣмъ кончилось дѣло—неизвѣстно.

Что Николай Павловичъ лично и чрезвычайно заботился о сохраненіи крѣпостныхъ плановъ въ тайнѣ—не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ 1821 году, когда Севастополь укрѣпляли съ морской стороны подъ руководствомъ адмирала Грейга, Августѣйшій генералъ-инспекторъ послалъ ему въ помощь военнаго инженера полковника Мишо. Этотъ послѣдній повидимому взялъ все дѣло въ свои руки, но не надолго: черезъ годъ онъ

скончался. Какъ только вѣсть о его смерти дошла до Петербурга, Великій Князь немедленно приказалъ доставить ему всѣ планы и другіе документы, имѣющіе отношеніе къ оборонительнымъ работамъ, „съ объясненіемъ, кѣмъ и съ какою осторожностью планы и бумаги собраны и хранимы были“? Присланный же матеріалъ Его Высочество разсмотрѣлъ самолично. Въ августѣ 1835 года Императоръ разрѣшилъ Наслѣднику Цесаревичу, „во время окончательнаго курса Его Высочества въ долговременной фортификаціи“, пользоваться планами крѣпостей, имѣющимися въ инженерномъ департаментѣ, но при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы „означенные планы отпускать по требованіямъ начальника главнаго инженернаго училища, генералъ-маіора Христіани, подъ личною отвѣтственностью его въ сохраненіи оныхъ въ цѣлости и надлежащей тайнѣ“. Въ 1837 году морское вѣдомство, нуждаясь въ планѣ города Севастополя, просило вѣдомство инженерное допустить морскихъ съемщиковъ въ раіонъ крѣпости. На докладѣ объ этомъ Государь положилъ резолюцію: „Увѣдомить князя Меншикова, чтобы въ планъ укрѣпленій не вмѣщалось“. Въ 1842 году обнаружилось, что генеральный планъ Кіевской крѣпости, взятый на домъ бывшимъ ея комендантомъ, генералъ-маіоромъ Аракчеевымъ, еще въ 1816 году, „нынѣ за всѣми розысками не отысканъ“. Государь повелѣлъ планъ этотъ изъ описи исключить, установивъ на будущее время правиломъ, чтобы коменданты отнюдь не дерзали требовать какіе-либо крѣпостные чертежи къ себѣ на домъ и чтобы, при надобности, разсматривали таковые непремѣнно въ помѣщеніяхъ инженерныхъ архивовъ. Въ 1847 году командиры инженерныхъ округовъ дунайскаго и херсонскаго, донося, что прибывшіе на мѣсто, для собранія по Высочайшему повелѣнію военно-статистическихъ свѣдѣній, офицеры генеральнаго штаба требуютъ предъявленія имъ генеральныхъ плановъ крѣпостей и допуска къ осмотру оныхъ, испрашивали, поскольку эти требованія подлежатъ

удовлетворенію. Истолкователемъ Высочайшей воли, по сношенію съ военнымъ министромъ и очевидно съ доклада Императору, явился Августѣйшій генералъ-инспекторъ, который разъяснилъ: „1) на командированныхъ офицеровъ генеральнаго штаба, для собранія, по Высочайшему повелѣнію, военно-статистическихъ свѣдѣній о государствѣ вообще, возложено было между прочимъ и описаніе крѣпостныхъ строеній, разумѣя подъ этимъ собственно помѣщенія для войскъ, свѣдѣнія о которыхъ дѣйствительно необходимы при соображеніи квартирнаго расположенія; и 2) что же касается до крѣпостныхъ верковъ и ихъ подробнаго устройства, то это не входило и не могло войти въ составъ свѣдѣній, собираемыхъ офицерами генеральнаго штаба, и затѣмъ, дозволяется имъ получать отъ инженернаго вѣдомства тѣ только свѣдѣнія, сообщеніе которыхъ не нарушило бы существующихъ правилъ“. Въ томъ же году департаментъ генеральнаго штаба просилъ доставить ему копію съ плана укрѣпленій Новороссійска и окрестностей этого города. Августѣйшій генералъ-инспекторъ, основываясь на Высочайше преподанныхъ инженерному вѣдомству правилахъ и войдя по этому поводу въ сношеніе съ военнымъ министромъ, приказалъ передать въ генеральный штабъ планъ мѣстности, но безъ обозначенія на немъ укрѣпленій. Въ маѣ 1848 года начальникъ штаба Михаила Павловича по артилерійской части, генералъ-адъютантъ князь Долгоруковъ, просилъ инженерный департаментъ доставить ему на время „очерки“ крѣпостей Бобруйска, Динабурга, Риги, Динаминда и Виленской цитадели. Геруа донесъ Михаилу Павловичу, какъ генералъ-инспектору по инженерной части, что требуемое—документы секретные, и какъ онъ прикажетъ поступить? Великій Князь отказался рѣшить вопросъ самолично и представилъ о томъ военному министру. Военный министръ доложилъ Государю. Его Величество повелѣлъ просьбу князя Долгорукова уважить, но съ

тѣмъ, чтобы съ означенныхъ документовъ копіи отнюдь не снимались *).

Изумительная внимательность, съ которою Императоръ относился ко всѣмъ вопросамъ, касавшимся оборонительныхъ работъ, не ослаблялась и по отношенію къ инженернымъ работамъ необоронительнаго характера. Вопросъ казарменный былъ также близокъ Монарху, какъ и вопросы фортификаціонные. Характерно то обстоятельство, что при осуществленіи различныхъ военныхъ мѣропріятій, связанныхъ съ перемѣщеніемъ войскъ и запасовъ, Николай Павловичъ зачастую лично слѣдилъ за наличностью въ новыхъ мѣстахъ соотвѣтственныхъ помѣщеній. Не мало удѣлялъ Государь вниманія и на то, чтобы войсковыя помѣщенія имѣли всѣ необходимыя для квартирующихъ удобства.

Въ 1831 году, разсматривая проектъ приспособленія зданій упраздненной роты финляндскихъ кантонистовъ подъ Гельсингфорсскій военный госпиталь, Императоръ утвердилъ этотъ проектъ съ тѣмъ, „чтобы въ планѣ и смѣтѣ добавлено было построить пивоварню, магазейнъ для госпитальныхъ припасовъ, прачечную и сушильню для больничнаго бѣлья, если для таковыхъ построекъ позволяетъ мѣсто“. Въ августѣ 1832 года, когда послѣдовало рѣшеніе приступить къ постройкѣ крѣпости въ Брестъ-Литовскѣ и когда инженерный департаментъ ходатайствовалъ о сформированіи для того инженерной команды, военно-рабочей и арестантской ротъ, Царь согласился на эту мѣру съ тѣмъ, чтобы для названныхъ частей были заблаговременно приготовлены помѣщенія. Въ слѣдующемъ году, разсматривая соображенія „комитета объ избраніи стратегическихъ пунктовъ“ о соотвѣтственности расположенія въ Динабургѣ „постояннаго парка“ на три пѣхотныя и одну кавалерійскую дивизіи (запасы ружей, патроновъ, пороха, артилерійскихъ снарядовъ и при-

*) З, № 65—1835, 1—3; И, № 6—1822, 7, 8; № 8—1823, 87—89; № 51—1830, 39—43; К, № 15—1842, 9; Л, № 36—1837, 5; О, № 44—1847, 7; Р, № 30—1847, 1—4; № 37—1847, 8; Т, № 101—1848, 1—4,

надлежностей), Монархъ, не утвердивъ доклада, повелѣлъ „предварительно удостовѣриться, окажется ли возможность и удобство къ помѣщенію въ крѣпости Динабургъ такого парка“; мѣропріятіе было утверждено только тогда, когда свободныя помѣщенія нашлись. Въ 1837 году инженерный департаментъ всеподданнѣйше представилъ рядъ проектовъ по Новогеоргіевску и въ числѣ ихъ генеральный планъ расположенія сараевъ для храненія плавучаго моста и судовъ. Планъ этотъ былъ забракованъ по той причинѣ, что зданія предполагалось построить въ удаленіи отъ рѣки, т. е. безъ соблюденія удобства наводки моста и спуска судовъ. Въ слѣдующемъ году всеподданнѣйше испрашивалось разрѣшеніе устроить въ новогеоргіевской горжевой оборонительной казармѣ паровую мельницу. Государь, припомнивъ, что въ той же казармѣ помѣщается госпиталь, согласился условно: „если стукъ отъ мельницы не будетъ безпокоить больныхъ“. Разсматривая строительное предположеніе по Динабургу на 1847 годъ, остановившись на пунктѣ объ устройствѣ службъ для персонала артилерійскаго арсенала и ознакомившись въ подробностяхъ съ расположеніемъ въ томъ мѣстѣ зданій вообще, Императоръ положилъ резолюцію: „Поелику постройка на избранномъ мѣстѣ службъ при домѣ для чиновниковъ и нижнихъ чиновъ динабургскаго артилерійскаго арсенала стѣснила бы весьма малый дворъ при артилерійскихъ мастерскихъ, то подъ службы обратить часть публичнаго сада, составивъ для того проектный планъ въ большемъ масштабѣ, при чемъ имѣть въ виду нынѣ существующій, старый, небольшой священническій домъ сломать и отнести на болѣе удобное мѣсто, дабы на пространствѣ, гдѣ находятся артилерійскія мастерскія и артилерійскій домъ со службами, не было никакихъ другихъ зданій“.

Степень заботливости Николай Павловича о войсковыхъ помѣщеніяхъ наглядно явствуетъ изъ такого примѣра.

Въ іюлѣ 1833 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе размѣстить два баталіона лейбъ-гвардіи волынскаго полка въ оборонительныхъ казармахъ Кронштадта подъ №№ 1 и 2. Одновременно съ этимъ повелѣно: „Отнестись къ кронштадтскому военному губернатору, дабы онъ въ непродолжительномъ времени увѣдомилъ генералъ-адъютанта Адлерберга, для доклада Его Императорскому Величеству, какимъ образомъ, когда и въ какія именно казармы, существующія въ Кронштадтѣ, полагаетъ возможнымъ помѣстить всѣ военно-рабочія роты, исправительную роту и прочія войска, квартирующія нынѣ въ означенныхъ 1-й и 2-й оборонительныхъ казармахъ, притомъ—какія именно войска и въ какомъ числѣ должны быть по сему случаю выведены изъ Кронштадта въ уѣздъ и вообще объяснить, какимъ образомъ признаетъ онъ, военный губернаторъ, удобнѣе привести въ исполненіе Высочайшую волю“. Разсмотрѣвъ представленныя за симъ соображенія, Государь лично преподалъ цѣлый рядъ указаній, какъ размѣстить волынцевъ съ наибольшими для нихъ удобствами. При этомъ не были забыты даже мелочи хозяйственнаго обихода частей: Царь указалъ, гдѣ складывать дрова, гдѣ помѣстить артельныхъ лошадей, гдѣ хранить роспуски и т. д.

При очерченной заботливости о войсковыхъ помѣщеніяхъ, немудрено, что и актъ исключенія ветхихъ построекъ изъ числа воинскихъ зданій совершался только съ согласія Монарха, неукоснительно требовавшаго при этомъ чертежи такихъ зданій и данныя объ ихъ фактическомъ состояніи.

Санитарныя условія квартированія войскъ и командъ также не забывались. Еще въ апрѣлѣ 1822 года Николай Павловичъ писалъ министру внутреннихъ дѣлъ, графу Кочубею: „Ваше Сіятельство словесно мнѣ упоминали о способѣ устроенія нужныхъ мѣстъ, изобрѣтенномъ во Франціи, въ коемъ посредствомъ огня очищается воздухъ. Какъ изобрѣтеніе сіе можетъ быть весьма полезно въ многочисленныхъ нашихъ военныхъ зда-

ніяхъ, то и прошу покорнѣйше Ваше Сіятельство сообщить мнѣ имѣющіяся по сему предмету у Васъ свѣдѣнія“. Съ присланныхъ Кочубеемъ чертежей и описаній тотчасъ же были сняты копіи и разосланы во всѣ инженерные органы для руководства. Въ іюнѣ 1833 года Государь освѣдомился, что въ Динабургской крѣпости „вырыты нѣкоторые колодцы близь отхожихъ мѣстъ, отчего вода имѣетъ дурной запахъ“. Его Величество тотчасъ же повелѣлъ „удостовѣриться, точно ли свѣдѣнія сіи справедливы, и если оныя подтвердятся, то сдѣлать соображеніе, гдѣ бы именно можно было вырыть, вмѣсто тѣхъ, другіе колодцы, съ уничтоженіемъ нынѣ существующихъ“. Фактически оказалось нѣчто иное: почва въ Динабургѣ была въ значительной части болотистой, почему дѣйствительно временами колодезная вода оказывалась плохою. Государь приказалъ изслѣдовать грунтъ въ различныхъ мѣстахъ минными буравами и принять энергичныя мѣры къ устраненію сказаннаго изъяна. Въ августѣ 1834 года военный министръ всеподданнѣйше доложилъ объ окончаніи работъ по постройкѣ въ Кронштадтѣ сѣверной оборонительной казармы и о мнѣніи генералъ-инспектора по инженерной части относительно соотвѣтственности оставить еще сырое зданіе незанятымъ до будущаго года. Между тѣмъ, въ Кронштадтѣ ощущался большой недостатокъ въ воинскихъ помѣщеніяхъ. Принявъ это во вниманіе, Императоръ повелѣлъ: „Помѣстить нынѣ же въ сіи казармы военно-рабочія и исправительныя роты, временно, въ видѣ испытанія сихъ казармъ, такъ какъ сему составу войскъ болѣе извѣстны способы отапливанія новыхъ казармъ“. Въ іюнѣ 1838 года, посѣтивъ варшавскій военный госпиталь, Николай Павловичъ, между прочимъ приказалъ—всѣ палаты, въ коихъ помѣщаются больные глазами, выкрасить внутри свѣтлозеленою краскою, какъ наиболѣе гигіеническою. Къ 1840 году относится Высочайшее повелѣніе по Севастополю: „Плацы въ батареяхъ усыпать какимъ бы то ни было пескомъ, только не бѣлымъ, по вредному

вліянію онаго на зрѣніе“. Разсматривая въ 1842 году проектъ военнаго госпиталя въ Брестъ-Литовскѣ, Монархъ повелѣлъ—правый фасъ зданія, предназначавшійся для арестантовъ, какъ обращенный къ солнечной сторонѣ, отвести подъ помѣщеніе для больныхъ отъ войскъ, а арестантовъ перевести въ освобожденныя такимъ образомъ палаты. При осмотрѣ въ маѣ 1845 года Кіевской крѣпости, Государь обратилъ вниманіе на тяжелый воздухъ въ двухъ палатахъ тамошняго госпиталя и приказалъ генералу Фельдману изслѣдовать причины этого явленія; когда же Фельдманъ доложилъ, что послѣ двухдневной топки каминовъ, съ повременнымъ открываніемъ форточекъ, воздухъ очистился совершенно, Его Величество отозвался; „Такъ какъ послѣ отопленія каминовъ и открыванія форточекъ, въ вышеозначенныхъ палатахъ воздухъ немедленно очистился, то это доказываетъ, что онъ и не могъ бы быть тяжелъ, если бы прежде были приняты мѣры, упоминаемыя генералъ-адъютантомъ Фельдманомъ“. Тогда же, при осмотрѣ помѣщенія кантонистовъ, было повелѣно назначать во вновь устроенныя ретирадныя мѣста сторожей изъ нижнихъ чиновъ, „дабы ватерклозеты впредь не могли быть попорчены шалостью кантонистовъ“. Будучи въ томъ же году въ Динабургѣ и замѣтивъ, что комнаты нижняго этажа госпиталя, въ которыхъ ранѣе стояли ванны, передѣлываются подъ баню, Императоръ высказалъ предположеніе, что сказанная мѣра поведетъ къ появленію сырости въ верхнемъ этажѣ, и приказалъ отнюдь не помѣщать надъ банею больныхъ нижнихъ чиновъ. Въ 1848 году, осматривая садъ при Кіевскомъ госпиталѣ, дорожки коего были усыпаны мелкимъ пескомъ, приказалъ этого никогда не дѣлать—„вредно для глазъ больныхъ“—а дорожки „вышоссировать“. Въ 1851 году было обращено вниманіе на появленіе значительной сырости въ нѣкоторыхъ казармахъ Динабургской крѣпости, а по разслѣдованію оказалось, что причиною тому служитъ помѣщеніе въ казармѣ непомѣрно большого количества

людей. Тогда Государь повелѣлъ—„строго подтвердить всѣмъ комендантамъ и инженернымъ командирамъ, чтобы отнюдь не допускать въ казармахъ большаго числа людей помѣщать, чѣмъ по положенію слѣдуетъ, на строжайшей ихъ отвѣтственности". Въ 1852 году былъ возбужденъ общій вопросъ о принятіи по всѣмъ военнымъ госпиталямъ мѣръ для устраненія наблюдавшагося въ палатахъ тяжелаго воздуха, при чемъ инженерный департаментъ полагалъ необходимымъ устройство въ нихъ значительнаго числа каминовъ. На соотвѣтственномъ докладѣ Императоръ собственноручно положилъ резолюцію: „камины необходимы; но вводить ихъ постепенно, а въ новыхъ строеніяхъ непремѣнно".

Находятся въ документахъ архива инженернаго департамента и Высочайшія повелѣнія, касающіяся санитарныхъ мѣръ по строительной части вообще. Такъ, въ ноябрѣ 1835 года, Государь приказалъ: „Въ столицѣ и въ окрестности оной каменные дома, вновь оконченные въ одно лѣто, не штукатурить ни внутри, ни снаружи въ продолженіе того же года, а соблюдать надлежащее правило по архитектурѣ для просушки новыхъ стѣнъ, за чѣмъ мѣстной полиціи имѣть строгое наблюденіе, и правило сіе вмѣнить въ обязанность архитекторовъ, производителей работъ и самихъ обывателей, распространивъ оное и на казенныя зданія".

Принимались, по инициативѣ Царя, и широкія мѣры къ улучшенію въ раіонахъ крѣпостныхъ расположеній неблагопріятныхъ климатическихъ условій. Постройку крѣпости въ Сухумѣ откладывали изъ года въ годъ исключительно по причинѣ затруднительности осушки болотъ, являвшихся источникомъ маляріиныхъ заболѣваній. При началѣ устройства Бобруйской крѣпости было обращено весьма серьезное вниманіе на сырость мѣстности. Были приняты различныя мѣры для ея осушки, причемъ Николай Павловичъ приказалъ производить систематическія наблюденія за „состояніемъ качества воздуха", а свѣдѣнія объ этомъ доставлять въ медицинскій депар-

таментъ. Въ 1834 году Императоръ повелѣлъ вырубить постепенно весь лѣсъ и кустарникъ въ пятиверстной полосѣ кругомъ крѣпости, усугубивъ наблюденіе за результатами этой мѣры. Мѣра оказалась вполнѣ отвѣчающей цѣли: въ 1840 году медицинскій департаментъ доложилъ, „что климатъ Бобруйска значительно улучшается и постепенно теряетъ свои вредныя качества, замѣченныя въ прежніе годы“ *).

Слѣдилъ Монархъ и за пожарною безопасностью въ крѣпостяхъ, и въ этомъ отношеніи принимались мѣры широкія.

Въ ночь на 22 іюня 1842 года внутри Брестъ-Литовской крѣпости, въ 30 саж. отъ обширныхъ комисаріатскихъ магазиновъ, начался весьма сильный пожаръ, уничтожившій 18 деревянныхъ и 6 каменныхъ обывательскихъ зданій. Магазины едва отстояли. Затѣмъ, пожары начинались вновь, но были во-время затушаемы, при чемъ былъ собранъ рядъ уликъ, заставлявшихъ предполагать умышленные поджоги со стороны евреевъ. Естественно возникъ вопросъ объ уничтоженіи внутри крѣпости обывательскихъ домовъ, расположенныхъ по сосѣдству съ казенными зданіями и въ особенности еврейскихъ. Николай Павловичъ приказалъ доставить ему планъ застройки крѣпости и потребовалъ по разсматриваемому вопросу заключеніе отъ князя Варшавскаго. Главнокомандующій донесъ, что евреи и безъ того должны выселиться изъ крѣпости на форштаты къ 1 января 1843 года, получивъ за такое выселеніе вознагражденіе, опредѣленное имъ по произведенной уже справедливой оцѣнкѣ ихъ имуществъ; но въ виду явной опасности для казенныхъ зданій, онъ полагаетъ желательнымъ выселить ихъ къ 1 сентября, дома ихъ сло-

*) З, № 64—1834, 3; № 43—1835, 24, 38, 39; № 55—1835, 1; № 116—1835, 1, 12; № 2—1836, 113; И, № 67—1834, 2; № 30—1835, 1, 18, 35; І, № 1—1840, 16, 33; № 52—1845, 4; № 149—1845, 17; К, № 32—1837, 148, 149; № 79—1838, 3; № 85—1838, 1; № 132—1839, 2, 3, 8; № 97—1842, 19, № 63—1845, 7, 11, 12; Л, № 101—1840, 20; О, № 142—1847, 25; Р, № 32—1852, 1; Ф, 22—1822, 1—6; Приказъ № 22—1851.

мать, а за преждевременность осуществленія намѣченной мѣры уплатить каждому домовладѣльцу, сверхъ оцѣнки, по 100 руб. асигн. Государь на это согласился, но съ тѣмъ, чтобы въ крѣпости были уничтожены также тѣ деревянныя строенія, принадлежащія христіанамъ, кои расположены въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ казенными учрежденіями. Такъ и было сдѣлано; но ликвидація мѣропріятія завершилась не вполнѣ благополучно.

Дѣло въ томъ, что христіанамъ, дома которыхъ были уничтожены, выдали вознагражденіе по 200 руб. сер. на домовладѣльца, и такое вознагражденіе признавалось правильнымъ, какъ по причинѣ однотипности построекъ, такъ и по дѣйствительной ихъ цѣнности. Во всякомъ случаѣ—владѣльцы не протестовали. Но совершенно въ иномъ положеніи оказался вопросъ объ удовлетвореніи евреевъ, получившихъ на руки пока лишь пособія за преждевременность выселенія. Та справедливая оцѣнка ихъ имуществъ, о которой упоминалъ князь Варшавскій, фактически была произведена частью далеко не справедливо; частью же евреи отъ нея уклонились по высшимъ соображеніямъ. Въ общемъ, налаживался крупный гешефтъ, въ который были вовлечены и оцѣнщики, и въ результатѣ евреямъ намѣчалось къ выдачѣ свыше 50.000 руб., многимъ по нѣскольку тысячъ на брата, тогда какъ по нормамъ, установленнымъ для христіанъ, получить имъ слѣдовало менѣе 7.000 руб. Къ тому же, евреи оказались разбитыми на нѣсколько категорій, внѣ зависимости отъ качества ихъ имущества, просто по способности каждаго къ подкупу и сутяжничеству. Внимательно изучивъ дѣло и придя къ заключенію, что гражданскимъ судомъ врядъ-ли удастся достигнуть торжества истины, Николай Павловичъ съ евреями рѣшилъ просто: повелѣлъ „всѣхъ евреевъ подвести подъ одну категорію, т. е. выдать за каждый домъ по 100 руб. сер.“, сверхъ полученныхъ пособій. Одновременно, „по неправильности и непомѣрной высокости оцѣнокъ на дома въ Брестѣ-Литовскѣ“, Государь „изволилъ остаться

весьма недовольнымъ дѣйствіями лицъ, въ этомъ дѣлѣ участвовавшихъ, и повелѣлъ ихъ предать военному суду".

Въ февралѣ 1844 года аналогичный вопросъ, т. е. вопросъ объ устраненіи пожарной опасности для казенныхъ крѣпостныхъ зданій, былъ разрѣшенъ уже по отношенію ко всѣмъ крѣпостямъ: послѣдовало Высочайшее повелѣніе—„принять за постоянное правило и имѣть строгое наблюденіе, чтобы *внутри* (курс. подл.) крѣпостей ни подъ какимъ предлогомъ не было допускаемо возведеніе и возобновленіе деревянныхъ зданій".

Между прочимъ, замѣчу, что это категорическое приказаніе какъ будто носило признаки нѣкоторой торопливости, думаю, со стороны редактора Высочайшей воли, т. е. со стороны военнаго министра, и тѣмъ болѣе потому, что послѣдовало оно по поводу донесенія объ уничтоженіи пожаромъ казенной деревянной конюшни въ Динабургской крѣпости. Вторая половина такого предположенія основывается на томъ, что тотчасъ по опубликованіи приведеннаго повелѣнія и безъ какихъ-либо привходящихъ причинъ, Государь приказалъ разъяснить, что запрещеніе не касается казенныхъ зданій временного характера, ибо „временныя строенія, по самому названію своему, не могутъ быть каменными и не должны подходить подъ общее правило".

При разсмотрѣніи проектовъ каменныхъ сооруженій, условія пожарной безопасности также изъ вида не упускались. Такъ, утверждая въ 1837 году проектъ двухъэтажной каменной оборонительной казармы по Новогеоргіевску, Государь измѣнилъ количество лѣстницъ, положивъ по двѣ на каждую тысячу человѣкъ. Но особое вниманіе обращалъ Императоръ на безопасность въ пожарномъ отношеніи складовъ пороха и другихъ огнестрѣльныхъ припасовъ.

Въ маѣ 1833 года Государь приказалъ окна въ пороховыхъ погребахъ оборонительной казармы мостового укрѣпленія въ Динабургѣ уничтожить „для отвра-

щенія всякой опасности, могущей произойти отъ злоумышленниковъ или отъ иныхъ непредвидѣнныхъ случаевъ, а для доставленія другимъ образомъ въ сіи погреба воздуха и свѣта составить проектъ". Проектъ составили: предположили устроить въ погребахъ двойныя стѣны съ отдушинами и фонарями особой конструкціи, прикрытыми стеклами. Монархъ проектъ одобрилъ, но съ тѣмъ, чтобы фонари были установлены той системы, какая принята во флотѣ для освѣщенія крюйтъ-камеръ. Въ августѣ 1840 года Николай Павловичъ обратилъ вниманіе на недостаточно осмотрительное размѣщеніе въ Новогеоргіевскѣ запасовъ пороха и приказалъ: изъ имѣющагося въ крѣпости пороха, 6.000 пуд. хранить въ трехъ пороховыхъ магазинахъ, не болѣе 2.000 пуд. въ каждомъ, а остальной порохъ распредѣлить по всѣмъ редюитамъ прикрытаго пути, намостивъ въ нихъ полы, сдѣлавъ стелажи и устроивъ двери и окна съ мѣдною оковкою. Въ томъ же году Государь обнаружилъ, что въ Динабургѣ большой запасъ ружейныхъ патроновъ, свыше 2 миліоновъ, хранится внутри крѣпости въ старомъ провіантскомъ магазинѣ, по сосѣдству съ другими ветхими зданіями. „При этомъ случаѣ, Его Величество, обращаясь къ тому, что для храненія патроновъ былъ избранъ въ Динабургѣ провіантскій магазинъ, находящійся въ столь опасномъ мѣстѣ, что безпрерывно надобно было ожидать несчастныхъ послѣдствій, Высочайше повелѣть соизволилъ: мѣстному начальству, виновному въ избраніи столь неудобнаго и опаснаго мѣста, сдѣлать строгое замѣчаніе" *).

При разсмотрѣніи проектовъ необоронительныхъ сооруженій Николай Павловичъ всегда обращалъ вниманіе и на внѣшность зданій, на ихъ фасады. По этому поводу въ инженерной средѣ приходилось слышать, будто Императоръ самолично выработалъ „казенный типъ"

*) З, № 105—1834, 4, 5, 9; I, № 57—1840, 5, 35, 36; № 19—1844, 1—5 К, № 32—1837, 148, 149; № 106—1840, 1; № 72—1842, 1, 13, 22—24. 94—101.

фасада, одинаковый чуть-ли не для всѣхъ зданій, фасада отнюдь не изящнаго, примѣнявшагося всюду и въ продолженіи всего періода его царствованія. Извѣстные шаблонные фасады дѣйствительно существовали и не только для казенныхъ зданій, но и для частныхъ, преимущественно для возводившихся въ крѣпостяхъ и на форштатахъ. Но утверждаю, во-первыхъ, что „казеннаго типа", какъ уники, не существовало, и во-вторыхъ, что Николай Павловичъ неоднократно побуждалъ дѣятелей военно-инженернаго искусства вырабатывать фасады изящные и при томъ главнымъ образомъ въ русскомъ вкусѣ. Къ 1837 году относится Высочайшее повелѣніе по инженерному вѣдомству—„стараться обновлять и улучшать стиль военной архитектуры". Въ томъ же году князь Варшавскій, всеподданнѣйше докладывая, что въ устьѣ Вепржа, на мѣстѣ предположенной крѣпости (Ивангородской), начали возводить строенія, въ которыхъ вначалѣ будутъ жить рабочіе, а затѣмъ гарнизонъ, испрашивалъ разрѣшеніе—всѣмъ вообще зданіямъ этой крѣпости придать готическій стиль. Послѣ нѣкотораго колебанія, Государь на это не согласился и приказалъ использовать стиль русскій. Въ слѣдующемъ году, разсматривая проекты по той же крѣпости и найдя церковь и внутренніе фасады оборонительныхъ казармъ „некрасивыми", Царь повелѣлъ пересоставить проекты храма и сказанныхъ фасадовъ архитекторамъ Брюлову и Тону и „непремѣнно въ русскомъ вкусѣ".

Могу привести и такіе факты.

Въ 1842 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе о выселеніи обывателей изъ крѣпости Брестъ-Литовска на форштаты. Евреи, испросивъ разрѣшеніе остаться на старыхъ мѣстахъ еще одинъ годъ, обязались, по истеченіи этого срока, сломать свои дома и обстроиться на указанныхъ имъ площадяхъ и въ преднамѣченной системѣ. Когда же годичный срокъ подходилъ къ концу, они стали указывать на свою бѣдность и на невозможность для нихъ строиться по Высочайше утвержденнымъ

фасадамъ, почему и просили отвода имъ, подъ еврейскую слободку, пустопорожнихъ мѣстъ *за* форштатами, гдѣ каждый могъ бы обстроиться „по способности". Государь согласился на это условно: разрѣшивъ отводъ евреямъ мѣстъ, за форштатами, Его Величество, „для отклоненія безобразія въ застройкѣ слободки, особенно въ кварталахъ, прилегающихъ къ почтовой дорогѣ", приказалъ департаменту военныхъ поселеній выработать нѣсколько фасадовъ малыхъ домиковъ съ тѣмъ, чтобы никто не былъ стѣсненъ въ выборѣ одного изъ нихъ.

Около того же времени и по поводу того же выселенія обывателей Бреста, было Высочайше повелѣно устроить на Кобринскомъ форштатѣ костелъ для католиковъ. Проектъ костела разрабатывался очень долго, неоднократно разсматривался въ комисіи по устройству брестскихъ форштатовъ и въ крѣпостномъ строительствѣ, затѣмъ былъ представленъ въ инженерный департаментъ, одобренъ имъ и повергнутъ въ январѣ 1846 года на Высочайшее благовоззрѣніе предсѣдателемъ помянутой комисіи, генералъ-лейтенантомъ Паткинымъ. „Государь Императоръ, найдя этотъ проектъ крайне неудовлетворительнымъ, Высочайше повелѣть соизволилъ замѣтить сіе составлявшему оный архитектору и представить другой проектъ—безъ прихотей, но въ красивомъ стилѣ и гдѣ бы простота соединялась съ изяществомъ католическихъ костеловъ".

Въ 1850 году, разсматривая проектъ крѣпостного собора въ Брестѣ же, проектъ, по которому храмъ предполагалось выстроить въ византійскомъ стилѣ, Государь нашелъ, что проектъ не соотвѣтствуетъ ни русскому духу, ни православію, и приказалъ пересоставить его.

Организовывая техническую часть крѣпостного строительнаго дѣла, Николай Павловичъ прилагалъ не мало заботъ и къ тому, чтобы жизненная военно-инженерная техника развивалась, чтобы она была руководима компетентнымъ ученымъ органомъ какъ въ смыслѣ привитія къ практической дѣятельности новѣйшихъ пріемовъ, такъ

и въ смыслѣ повсемѣстнаго насажденія одинаковыхъ принципіальныхъ взглядовъ на крѣпостное дѣло, чтобы дѣятелямъ инженернаго искусства предоставлялись всякія свѣдѣнія научнаго и справочнаго характера.

Еще въ августѣ 1818 года Августѣйшій генералъ-инспекторъ всеподданнѣйше докладывалъ о крайней желательности поднятія русской военно-инженерной техники: „Почитаю—писалъ Великій Князь—необходимымъ: распространеніе и усовершенствованіе теоретическихъ и практическихъ по инженерной части познаній поручить *особому сословію избранныхъ людей, извѣстныхъ начальству своими по сей части свѣдѣніями* (курс. подл.). Сужденія и и сближеніе разныхъ мнѣній людей опытныхъ и съ талантами приносили во всѣхъ случаяхъ большую пользу; и таковыя по инженерной части сословія существуютъ во Франціи и другихъ иностранныхъ земляхъ. Составленное на сей конецъ положеніе *объ учрежденіи инженернаго комитета по ученой части* имѣю честь при семъ представить на благоусмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества“. По мысли Николая Павловича, цѣль „инженернаго комитета“ должна была заключаться главнымъ образомъ въ исправленіи и пополненіи всевозможныхъ по инженерному искусству руководствъ, въ распространеніи въ средѣ военныхъ инженеровъ новѣйшихъ свѣдѣній изъ иностранныхъ источниковъ, въ изданіи переводовъ полезныхъ сочиненій, въ поощреніи ученыхъ трудовъ по инженерной спеціальности русскихъ авторовъ, въ разсмотрѣніи отчетовъ о спеціальныхъ занятіяхъ въ инженерныхъ войскахъ и т. д. Въ комитетъ Великій князь полагалъ назначить: предсѣдателемъ—начальника инженеровъ 1-й арміи, генералъ-маіора графа Сиверса и членами—полковниковъ барона Эльснера, Фирсова и Баженова.

Проектъ Николая Павловича полностью осуществленъ не былъ: вмѣсто особаго инженернаго комитета, въ мартѣ 1819 года, при военно-ученомъ комитетѣ, состоявшемъ въ вѣдѣніи главнаго штаба, было организовано

инженерное отдѣленіе, состоявшее изъ начальника и двухъ членовъ, причемъ генералъ-инспектору было предоставлено какъ выбирать начальника и членовъ отдѣленія, такъ и руководить ихъ дѣятельностью. Получилось нѣчто не вполнѣ цѣлесообразное, ибо начальникъ инженернаго отдѣленія, съ одной стороны, оказался въ подчиненіи у директора комитета, а съ другой, у генералъ-инспектора. Эта двойственность подчиненія не могла не возбудить на практикѣ треній, и таковыя обнаружились на первыхъ же порахъ.

Уже въ октябрѣ того же 1819 года начальникъ главнаго штаба сообщилъ Николаю Павловичу, что начальникъ инженернаго отдѣленія военно-ученаго комитета, генералъ-маіоръ графъ Сиверсъ, „уклоняется отъ порядка, указываемаго директоромъ, заводитъ напрасную переписку, обременяющую самого себя, комитетъ и начальниковъ, оную разбирающихъ“. Князь Волконскій писалъ: „Я покорно прошу Ваше Императорское Высочество приказать генералъ-маіору графу Сиверсу болѣе заниматься настоящимъ дѣломъ, нежели возраженіями, невмѣстными ни съ порядкомъ службы, ни съ правилами сюбординаціи; въ противномъ же случаѣ я вынужденъ буду представить о немъ Его Императорскому Величеству“. Тутъ же было приложено и представленіе по дѣлу Волконскому отъ директора комитета, генерала Гогеля, кончавшееся словами: „Стыжусь занимать Ваше Сіятельство столь неученою перепискою отдѣленія“.

По первому взгляду дѣло заключалось въ томъ, что Сиверсъ докучалъ предсѣдателю комитета рапортами о внутреннихъ распорядкахъ въ учрежденіи, объ ихъ нецѣлесообразности и о необходимости приданія инженерному отдѣленію бо́льшей самостоятельности; кромѣ того, онъ вступалъ съ директоромъ въ рѣзкія письменныя пререканія, доходившія до обвиненія Гогеля въ извращеніи докладовъ инженернаго отдѣленія „по смыслу и истинѣ“. Противъ одного изъ такихъ обвиненій имѣется замѣтка Гогеля: „Какія выраженія! Какое заключеніе!

Ежели о директорѣ можно такъ писать въ актахъ то какую же цѣну имѣютъ начальники отдѣленій? Какую члены оныхъ? Какую секретари? Какую прочіе начальники?“ Но была въ дѣлѣ и подоплека, и заключалась она въ томъ, что Николай Павловичъ, имѣя полное на то право, давалъ зачастую инженерному отдѣленію порученія не черезъ директора комитета, а непосредственно, и требовалъ, опять-таки имѣя на то право, представленія заключеній отдѣленія не въ комитетъ, а генералъ-инспектору. Съ такимъ порядкомъ не желалъ мириться Гогель—начальникъ учрежденія, въ коемъ вершились дѣла какъ-бы въ тайнѣ отъ него.

Изъ затруднительнаго положенія выходъ былъ найденъ самимъ Николаемъ Павловичемъ, дипломатично указавшимъ, что служебное положеніе Сиверса не исчерпывается должностью начальника инженернаго отдѣленія военно-ученаго комитета, и что порученія ему давались какъ начальнику инженеровъ 1-й арміи, непосредственно подчиненному генералъ-инспектору. Опираясь на это, Великій Князь нашелъ, что въ дѣлѣ неправъ и Сиверсъ, и директоръ комитета, что оба отклонились отъ правильнаго порядка. „Разсужденіями—сообщилъ онъ Сиверсу—вовсе неприличными не только Вашему лицу, но и всякому подчиненному, нарушили (Вы) совершенно порядокъ и должное почтеніе къ начальству, въ чемъ я и самъ удостовѣрился, прочтя Ваши рапорты къ генералъ-маіору Гогелю, и прочія бумаги по сему дѣлу“. Графу предписывалось на будущее время строго держаться основного положенія о комитетѣ, подъ страхомъ подвергнуть себя „справедливому взысканію вышняго начальства“, имѣя вмѣстѣ съ тѣмъ въ виду, что порученія Великаго Князя, даваемыя ему „по другимъ должностямъ“, отнюдь не слѣдовало и не слѣдуетъ вносить ни въ отдѣленіе, ни въ комитетъ, которому до такихъ порученій нѣтъ никакого дѣла. Былъ приведенъ и примѣръ: составленіе наставленія для саперныхъ и піонерныхъ баталіоновъ, „которое дѣлается подъ моимъ соб-

ственнымъ руководствомъ“ и не подлежитъ компетенціи комитета.

Приведенное предписаніе повидимому воздѣйствовало умиротворительнымъ образомъ, распри въ средѣ комитета прекратились и инженерное отдѣленіе съ теченіемъ времени стало функціонировать спокойно и проявлять достаточно плодотворную дѣятельность.

Въ области изданія комитетомъ руководствъ и справочныхъ свѣдѣній крупный шагъ былъ сдѣланъ въ томъ же 1819 году: Великій Князь испросилъ Высочайшее повелѣніе, дабы годовые остатки отъ штатной суммы на комитетъ, какъ равно и вся выручка отъ продажи изданій, обращались полностью на новыя изданія и „на награды трудившихся сочиненіями и переводами, уваженія заслуживающими“; послѣдняя мѣра быстро отразилась и на числѣ, и на качествѣ изданій. Затѣмъ, въ 1825 году Николай Павловичъ предписалъ начальнику инженернаго отдѣленія комитета генералъ-маіору Трузсону 1-му, въ предположенномъ тогда къ изданію „Военномъ Журналѣ“ помѣщать „свѣдѣнія, касающіяся вообще до инженерной части въ стратегическомъ смыслѣ, или новыя системы и т. под. извлеченія изъ новыхъ книгъ объ инженерномъ искусствѣ“. Наконецъ, вскорѣ по вступленіи на престолъ, Императоръ Николай I повелѣлъ издавать при отдѣленіи спеціальныя „Инженерныя Записки“, въ которыхъ печатались свѣдѣнія, дававшія весьма солидный научный и практическій матеріалъ по всѣмъ отраслямъ дѣятельности инженерныхъ и саперныхъ офицеровъ.

По волѣ Николая Павловича, статьи, предназначавшіяся для „Инженерныхъ Записокъ“, всегда подвергались извѣстнаго рода цензурѣ со стороны военно-ученаго комитета, а нерѣдко и со стороны различныхъ начальствующихъ лицъ, до генералъ-инспектора включительно. Можно привести такой образчикъ.

Лѣтомъ 1829 года начальникъ инженеровъ 2-й арміи, генералъ-маіоръ Трузсонъ 2-й, прислалъ для напечата-

нія въ „Инженерныхъ Запискахъ“ описаніе незадолго до того окончившейся осады Варны. Статья была направлена на заключеніе къ генералу Опперману, который указалъ на нѣкоторые ея недостатки, а въ ихъ числѣ и на неудобство абзаца, гласившаго: „Вѣрно артилеристы нашей арміи—единственные въ мірѣ, которые не заботятся даже о починкѣ своихъ амбразуръ, черезъ что инженеры бываютъ не только часто, но даже безпрерывно отвлечены отъ прочихъ важнѣйшихъ занятій осады. Но и кромѣ того, вѣрно поручиться нельзя, чтобы когда либо не случалось, что амбразуры приходили преждевременно въ негодность отъ небреженія артилеристовъ, которые тѣмъ самымъ получаютъ достаточный предлогъ не дѣйствовать, но отдыхать“. Отъ Оппермана статья попала въ руки генералъ-фельдцейхмейстера и генералъ-инспектора по инженерной части, Великаго Князя Михаила Павловича, который по тому-же поводу писалъ: „Укорять нашихъ артилеристовъ въ томъ, что они не заботятся даже о починкѣ своихъ амбразуръ, нельзя, ибо сіе не поставляется въ ихъ обязанность, но есть у насъ дѣло инженеровъ, хотя отъ сего дѣйствительно и происходятъ разныя важныя неудобства. А что касается до того, что артилеристы допускаютъ преждевременное поврежденіе амбразуръ для того, чтобы не дѣйствовать, но отдыхать, то сіе есть замѣчаніе не только несправедливое, но и вовсе неприличное и обидное для такого войска, которое отличало себя всегда и во всѣхъ случаяхъ какъ искусствомъ, такъ и дѣятельностью и мужествомъ. А потому, за такое непристойное выраженіе, сдѣлать моимъ именемъ строжайшій выговоръ сочинителю журнала, и если я впредь замѣчу подобныя неумѣстныя выраженія, то съ виновнаго взыщу по всей строгости, ибо польза службы всегда терпитъ когда заводятся колкости и личности“.

Съ другой стороны, нельзя не отмѣтить, что чрезмѣрно авторовъ статей высшее инженерное начальство не стѣсняло. По тому же сочиненію Трузсона, прошедшему и

черезъ руки генералъ-адъютанта графа Воронцова еще въ періодъ подготовленія статьи къ печатанію въ „Инженерныхъ Запискахъ“, сей послѣдній представилъ Михаилу Павловичу свои соображенія, въ которыхъ, во-первыхъ, указывалъ на не вполнѣ правильное освѣщеніе одного изъ боевъ, именно у редута № 1, и распоряженій въ бою его, графа Воронцова, а во-вторыхъ, возставалъ противъ строкъ, посвященныхъ авторомъ восхваленію неустрашимости турокъ. Графъ указывалъ, что строки эти полны преувеличеніями и что не подобаетъ проводить печатно мысли, „будто всякій турокъ есть герой“, ибо по его, графа Воронцова, наблюденіямъ, турки хорошо защищаются только въ укрѣпленіяхъ, да и тутъ „никогда не могли выдерживать хладнокровно виду нашихъ штыковъ“. Великій Князь приказалъ описаніе боя у редута № 1 передѣлать и тѣмъ болѣе потому, что въ вѣрности заявленія графа Воронцова „сознается и самъ генералъ-маіоръ Трузсонъ“. Что же касается неустрашимости турокъ, „то хотя замѣчанія и на сіе графа Воронцова кажутся справедливыми, но поелику генералъ-маіоръ Трузсонъ изложилъ сіе въ видѣ личнаго его мнѣнія о сихъ предметахъ, то полагаю, что должноему предоставить, какъ автору журнала, изъясняться на сей счетъ по увѣренію его“.

Кромѣ справочныхъ свѣдѣній общедоступнаго характера, Николай Павловичъ заботился и о составленіи подходящаго матеріала также и по предметамъ секретнымъ. Такъ, по поводу командировки шести военныхъ инженеровъ въ Пруссію, къ генералу Рауху, командировки, о которой говорилось выше, Его Высочество приказалъ Фельдману сдѣлать „извлеченія“ изъ журналовъ и чертежей командированныхъ и привести эти извлеченія въ такой видъ, чтобы получилось удобное руководство по военно-строительной части для пользованія имъ въ нашихъ крѣпостяхъ. Крупный трудъ справочнаго характера былъ выполненъ, по волѣ Николая Павловича, и по отечественнымъ крѣпостямъ. Въ маѣ 1833 года со-

стоявшему по инспекторской части инженернаго корпуса, дѣйствительному статскому совѣтнику Майеру, было Высочайше указано составить историческое описаніе инженерной части въ Россіи, а въ 1839 году Государь повелѣлъ поручить тому же Майеру составить, въ видѣ части его работы систематическіе описаніе русскихъ крѣпостей съ тѣмъ, чтобы часть техническая была провѣрена инженернымъ департаментомъ, а часть стратегическая—тѣмъ-же учрежденіемъ совмѣстно съ департаментомъ генеральнаго штаба. Для выполненія этой работы Майеру было Высочайше разрѣшено пользоваться документами государственнаго, морского и инженернаго архивовъ, библіотеки и архива генеральнаго штаба. Всѣ програмы и образцы описаній разсматривались самимъ Царемъ и разсматривались весьма внимательно. По мѣрѣ же окончанія систематическихъ описаній отдѣльныхъ крѣпостей, таковыя также представлялись Монарху. Работа была произведена тщательно и повидимому вполнѣ отвѣтила мысли ея иниціатора. По крайней мѣрѣ, послѣ окончанія каждаго отдѣльнаго описанія Майеру объявлялось Высочайшее благоволеніе.

Не менѣе заботился Николай Павловичъ и о томъ, чтобы лица, производившія крѣпостныя работы, кромѣ свѣдѣній научно-теоретическаго и справочнаго характера, располагали бы и данными для своего усовершенствованія въ практическомъ отношеніи. Средствомъ же для этого, по волѣ самого Царя, являлись повременныя командировки военныхъ инженеровъ изъ одной крѣпости въ другую съ цѣлью обучиться или обучить той отрасли строительнаго дѣла, практики по которой въ данной крѣпости еще не было.

Въ августѣ 1837 года, въ бытность свою въ крѣпости Кіевъ, Государь обратилъ вниманіе на то, что облицовка стѣнъ гранитомъ производится тамъ не вполнѣ удовлетворительно, почему и приказалъ перевести въ Кіевъ изъ Кронштадта, гдѣ аналогичныя работы шли давно и уже наладились, одного офицера и десять воен-

но-рабочихъ изъ числа лучшихъ каменотесовъ; для того же, чтобы означенные чины прибыли въ Кіевъ скорѣе и могли принять участіе еще въ работахъ того года, было Высочайше указано „отправить какъ офицера, такъ и нижнихъ чиновъ сихъ по почтѣ“. Въ 1838 году, оставшись весьма недовольнымъ кирпичной кладкой въ Динабургѣ, Государь повелѣлъ „дабы изъ офицеровъ, завѣдующихъ работами въ Динабургѣ, выслано было по одному, съ нѣкоторымъ числомъ мастеровыхъ военно-рабочихъ ротъ, въ Кронштадтъ и Новогеоргіевскъ, для наблюденія при производящейся въ сихъ мѣстахъ кирпичной кладки такъ, чтобы при возвращеніи могли руководствовать оною въ Динабургѣ; въ Динабургъ же командировать также по одному офицеру, съ нѣсколькими военно-рабочими, изъ Кронштадта и Новогеоргіевска для пріученія рабочихъ въ Динабургѣ способу кладки, употребляемому въ сихъ двухъ мѣстахъ“. Въ томъ же году, разрѣшивъ начальнику инженеровъ дѣйствующей арміи, генералу Дену, отправиться въ отпускъ въ Петербургъ, Николай Павловичъ поручилъ ему „осмотрѣть нѣкоторыя работы, производящіяся въ Динабургѣ и Кронштадтѣ, съ тѣмъ, дабы то, что въ сихъ двухъ мѣстахъ по производству работъ имъ усмотрѣно будетъ примѣчательнаго и подражанія достойнаго, примѣнилъ бы къ работамъ въ Новогеоргіевскѣ, а все, что по работамъ новогеоргіевскимъ заслуживаетъ особаго вниманія и можетъ быть полезнымъ, передалъ бы завѣдующимъ работами въ Динабургѣ и Кронштадтѣ“. Въ сентябрѣ 1841 года, разсматривая проектъ устройства моста въ Динабургѣ, Императоръ между прочимъ повелѣлъ: „Инженернаго офицера, который назначенъ будетъ къ постройкѣ моста въ Динабургѣ, предварительно командировать въ Ковну для подробнаго осмотра тамошняго моста“. Въ 1845 году, при осмотрѣ Кіевской крѣпости, Монархъ обратился къ командиру инженернаго округа: „Былъ-ли ты когда въ западномъ округѣ?“ Когда же послѣдовалъ отвѣтъ отрицательный, Николай Павловичъ сказалъ: „Надобно тебѣ

съѣздить! Я теперь приказалъ отправить Жеванова (строителя Кіева); когда онъ вернется, поѣзжай ты и осмотри работы въ тамошнихъ крѣпостяхъ“. Въ началѣ 1853 года, въ Севастополѣ надлежало приспособить амбразуры береговыхъ батарей для дѣйствія изъ бомбическихъ пушекъ. Государь приказалъ командировать для этой цѣли инженеръ-полковника Карташевскаго, „снабдивъ сего штабъ-офицера надлежащими наставленіями для установки орудій и поручивъ ему, до отъѣзда, изучить способъ установки лафета при амбразурахъ различнаго устройства въ Кронштадтѣ, на батареѣ „Князь Меньшиковъ“ и фортѣ „Императоръ Александръ I“.

Стремленіе Царя освѣдомлять военныхъ инженеровъ въ различныхъ отрасляхъ техники характерно высказалось въ нелишенной извѣстнаго интереса исторіи поломки въ Кіевѣ артезіанскаго бура.

Въ 1843 году докторъ Петрашевскій представилъ Его Величеству докладъ по поводу осмотра имъ госпиталей въ Юго-Западномъ краѣ, Крыму и Бесарабіи, въ коемъ между прочимъ указывалъ, что попытка устроить при Кіевскомъ военномъ госпиталѣ артезіанскій колодезь закончилась поломкою бура. Государь, „находя, что наши инженеры еще вообще не довольно искусны въ буреніи артезіанскихъ колодцевъ“, повелѣлъ поручить русскому генеральному консулу въ Парижѣ, г. Спису, пріискать „искуснаго и знающаго механика, съ которымъ ему и условиться, дабы онъ прибылъ сюда, со всѣми нужными инструментами, для указанія здѣсь какъ лучшаго и удобнѣйшаго, такъ и вѣрнѣйшаго способа буренія сихъ колодцевъ, равно и средствъ къ извлеченію переломившагося въ Кіевѣ бура“. По сношенію со Списомъ, было рѣшено выписать изъ Парижа инженеръ-механика Мюло, съ тѣмъ, чтобы отправить его поначалу въ Кіевъ; „впослѣдствіи же времени, если дѣйствія механика Мюло окажутся успѣшными“, Государь предполагалъ предложить ему вступить въ русскую службу. Тогда же военный министръ обратился къ генералъ-адъютанту Геруа съ отзывомъ, въ которомъ выражалъ

надежду, что Мюло „встрѣтитъ со стороны инженернаго начальства въ Кіевѣ не какія-либо препятствія, а полное и радушное содѣйствіе".

Любопытенъ контрактъ, заключенный съ Мюло: срокъ его пребыванія въ Россіи—6 мѣсяцевъ; каждый мѣсяцъ онъ будетъ получать по 500 франковъ; на обратный проѣздъ получитъ 800 франковъ; всѣ поѣздки его по Россіи будутъ приняты на счетъ казны; *отцу* Мюло „за письменное его руководство при производствѣ всѣхъ работъ по изслѣдованію сондировокъ грунта земли" будетъ уплачиваемо по 3 франка за каждый метръ сондированнаго грунта и по 500 франковъ за всѣ сверленія, при которыхъ вода подниmется выше поверхности земли.

Когда Мюло пріѣхалъ въ Петербургъ и ему было предложено направиться въ Кіевъ на почтовой телѣгѣ, онъ, осмотрѣвъ этотъ экипажъ, наотрѣзъ отказался совершить въ немъ путешествіе. Повелѣно было пріобрѣсти для француза тарантасъ. Въ общемъ, путь механика Парижъ—Петербургъ—Кіевъ обошелся въ 8.718 р. 57 к., при чемъ сумма эта была отнесена къ расходамъ „на извѣстное Его Величеству употребленіе".

Пріѣхавъ въ Кіевъ, Мюло ничего путнаго не сдѣлалъ: онъ заявилъ, будто мѣстныя условія таковы, что „всякія по этому поводу издержки будутъ напрасною тратою", почему Государь и приказалъ обратить Мюло на буреніе колодца въ Вознесенскѣ. Но этимъ исторія кіевскаго артезіанскаго колодца не оканчивается. Одновременно съ отъѣздомъ Мюло, командиръ кіевскаго инженернаго округа возбудилъ ходатайство о разрѣшеніи ему приступить къ устройству новой артезіанской скважины, высказывая увѣренность, что работа закончится вожделѣннымъ успѣхомъ и обойдется не дороже 4.000 руб. Государь на это согласился, но съ тѣмъ, чтобы работу вести не болѣе одного года и чтобы ежемѣсячно Его Величеству представлялись свѣдѣнія о томъ, что сдѣлано и каковы эфекты буренія. Годъ прошелъ, скважину сдѣлали глубиною въ 182 фута, воды не получили, но денегъ осталось 2.300 руб. Послѣдовало хода-

тайство буреніе продолжить. Разрѣшено еще на годъ. Еще годъ прошелъ; денегъ осталось около 1.500 р. Опять разрѣшено бурить еще одинъ годъ. Къ 1847 году скважину довели до $342^{1}/_{2}$ футъ и остановились „по разрыву веслой трубы“. Тогда возбудили ходатайство о разрѣшеніи войти въ сношеніе съ Парижемъ по поводу вновь изобрѣтеннаго бура Лефевра и Фовеля съ тѣмъ, чтобы для ознакомленія съ новымъ способомъ буренія былъ командированъ заграницу спеціально для того назначенный инженерный офицеръ. На первое Государь соизволилъ, а вторую задачу повелѣлъ возложить на инженеръ штабсъ-капитана Паукера, который отправлялся тогда во Францію для усовершенствованія въ математическихъ наукахъ. Тѣмъ временемъ изъ Парижа была доставлена депеша о томъ, что буръ Фовеля оказался неудовлетворительнымъ. Только тогда послѣдовало Высочайшее повелѣніе—работы по кіевскому артезіанскому колодцу прекратить.

Къ изложенному необходимо добавить, что въ 1838 году былъ установленъ порядокъ, клонившійся къ устраненію возможности для полевыхъ инженеровъ долго засиживаться на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ. „Дабы молодые офицеры, при самомъ вступленіи на поприщѣ службы, ознакомились съ положеніемъ и обстоятельствами сколь можно разнородныхъ мѣстъ“. Императоръ, 15 марта того года, повелѣлъ, чтобы полевые инженеры, состоящіе въ оберъ-офицерскихъ чинахъ, переводились изъ одной крѣпости въ другую: въ предѣлахъ одного инженернаго округа черезъ каждые 4 года, а изъ одного округа въ другой черезъ каждыя 6—8 лѣтъ. Тогда же было установлено правило, чтобы командиры инженерныхъ командъ оставлялись въ данной крѣпости 4—5 и не болѣе 6 лѣтъ и чтобы старшіе въ округахъ оберъ-офицеры прикомандировывались на 2 года къ чертежной инженернаго департамента, которая въ тѣ времена играла роль нынѣшняго инженернаго комитета. Всѣ переводы офицеровъ повелѣвалось пріурочивать къ зимнему вре-

мени, когда заканчивались не только всѣ работы, но и отчеты по нимъ *).

Вникая въ мельчайшія подробности всѣхъ крѣпостныхъ проектовъ, Николай Павловичъ, естественно, интересовался и успѣшностью ихъ осуществленія. Еще будучи генералъ-инспекторомъ, именно въ августѣ 1823 года, Великій Князь приказалъ *еженедѣльно* доставлять ему свѣдѣнія объ успѣхѣ работъ по Динабургской и Бобруйской крѣпостямъ по особой, имъ одобренной, формѣ. И эти свѣдѣнія требовались не для очистки совѣсти и не на всякій случай. Великій Князь разсматривалъ ихъ лично, съ большой акуратностью и вниманіемъ. Это видно хотя бы изъ такихъ примѣровъ. Однажды, не найдя въ одной изъ вѣдомостей по Бобруйску свѣдѣній о соборѣ, который въ то время строился, Его Высочество приказалъ этотъ пропускъ поставить на видъ строителю. Въ другой разъ, было обращено вниманіе на то, что по казармѣ у Слуцкихъ воротъ Бобруйска же „не примѣчается той дѣятельности“, которая желательна, ибо нѣсколько недѣль сряду показывается только струганіе досокъ. Насколько Великій Князь интересовался этимъ дѣломъ видно изъ того, что, уѣзжая въ августѣ 1824 года въ Берлинъ, онъ приказалъ вѣдомости объ успѣхѣ работъ, тотчасъ же по полученіи ихъ, переправлять къ нему съ фельдъегерями. Постепенно, по волѣ генералъ-инспектора, вѣдомости пополнялись новыми данными. Такъ, въ 1825 году было приказано точно указывать въ нихъ, какія именно войска находятся у каждой работы, указывать по формѣ, лично продиктованной Николаемъ Павловичемъ начальнику канцеляріи Его Высочества,

*) I, № 80—1838, 10, 11; № 124—1838, 14, 18, 20, 90—98; № 28—1841, 14; К, № 15-1837, 27; № 32—1837, 46; № 63—1837, 272; № 11—1838, 1—4; № 107—1842, 1—3, 16, 21, 33; № 133—1842, 30—32; № 46—1843, 38, 49, 79, 80, 109, 111, 133, 151, 157, 174, 185, 195, 197, 205, 206, 213, 259, 298—302, 319, 320, 359, 366, 374; № 63—1845, 18; О, № 66—1850, 24; Т, № 3—1850, 99; Ф, № 50—1818, 9, 13—16, 18—24, 44, 64, 70—91; № 8—1821, 19; № 27—1823, 2; № 129—1825, 2; № 20—1829, 11, 13, 15, 16, 31—37, 39; II П. С. З., № 11.053.

полковнику Адлербергу; тогда же было предписано доставлять и свѣдѣнія о новыхъ обывательскихъ постройкахъ на форштатахъ, „означая: какіе дома переносятся, куда, и какая по сему работа производится“.

Такое же отношеніе къ разсматриваемому вопросу сохранилось и послѣ вступленія Николая Павловича на престолъ. Въ первые годы царствованія, Его Величеству представлялись ежемѣсячныя вѣдомости объ успѣхѣ работъ по Севастополю. Въ 1831 году, когда, по политическимъ обстоятельствамъ, признано было необходимымъ привести въ оборонительное состояніе Кіевскую крѣпость, Государь повелѣлъ представлять ему свѣдѣнія о работахъ еженедѣльно, въ чемъ мѣстное начальство даже переусердствовало: имѣется Высочайшее повелѣніе— „не представлять сихъ рапортовъ въ зимнее время, а только тогда, когда будутъ производиться работы“. Въ 1832 году главнокомандующій былъ обязанъ Царемъ представлять Его Величеству каждыя двѣ недѣли свѣдѣнія о томъ, что дѣлается по инженерной части въ крѣпостяхъ Модлинѣ, Замосцьѣ и Варшавѣ и т. д.

Изучая вѣдомости объ успѣхѣ работъ по крѣпостямъ, Монархъ нерѣдко подтягивалъ инженерные органы за безпричинную или неумѣстную затяжку въ работахъ.

Въ іюнѣ 1833 года, разсматривая донесенія о ходѣ работъ въ Кронштадтѣ, Государь приказалъ начальнику военно-походной канцеляріи сообщить инженерному департаменту, „что Его Величество, соизволивъ поставить на видъ сему департаменту остановку въ устроеніи предохранительной плотины по правую сторону С.-Петербургскихъ воротъ, тогда какъ, по донесенію тамошняго инженернаго начальства, произведены тамъ весьма выгодно торги, но, за неполученіемъ разрѣшенія департамента вообще по устройству плотины, нельзя было приступить ни къ работамъ, ни къ заключенію контрактовъ“— повелѣлъ немедленно работу разрѣшить, а по затяжкѣ ея представить объясненія. Департаментъ отправилъ Адлербергу длиннѣйшій докладъ, полный оправданій

весьма сомнительнаго качества, докладъ, принятый по достоинству: на немъ помѣта—„доложено Его Величеству“—и больше ничего. Курьезно, что департаментъ, очевидно проморгавшій заявленіе мѣстнаго начальства и не остановившій на немъ своего вниманія передъ представленіемъ свѣдѣній Царю, предписалъ командиру петербургскаго инженернаго округа „поставить сіе на замѣчаніе кронштадтской инженерной командѣ съ тѣмъ, чтобы въ дѣйствіяхъ и донесеніяхъ своихъ“ *она* „соблюдала впредь строжайшую внимательность“.

Въ томъ же 1833 году Государю представили на утвержденіе проектъ дамбы, возведеніе которой признавалось необходимымъ для охраненія крѣпостныхъ верковъ Динабурга отъ наводненій во время весеннихъ половодій Двины. Работы должно было производить вѣдомство путей сообщенія, но по проекту инженернаго департамента. Замѣтивъ, что нѣкоторыя части дамбы проектированы въ мѣстахъ, въ которыхъ предстояло насыпать крѣпостной гласисъ, Государь приказалъ такихъ участковъ дамбы не строить, ибо гласисъ вполнѣ ихъ замѣнитъ. Новый проектъ былъ представленъ къ марту 1834 года, Царь его утвердилъ и указалъ, какія части должны быть возведены въ первую очередь, на имѣющееся асигнованіе. Но къ работамъ ни весной, ни лѣтомъ не приступили, при чемъ инженерный департаментъ, въ сентябрѣ того же года, объяснилъ это обстоятельство тѣмъ, что въ первоочередныя работы вошли какъ участки дамбы вѣдомства путей сообщенія, такъ и участки гласиса, дамбу замѣняющіе, почему родился вопросъ: на чей счетъ долженъ возводиться гласисъ, на счетъ-ли вѣдомства путей сообщенія, обязаннаго осуществить мѣру противъ наводненія, или на счетъ вѣдомства военно-инженернаго, завѣдывающаго устройствомъ всѣхъ крѣпостныхъ верковъ? Императоръ повелѣлъ расходы на помянутые участки гласиса отнести поровну на оба вѣдомства. „Вмѣстѣ съ тѣмъ, Его Величество повелѣлъ истребовать отъ инженернаго департамента

свѣдѣніе: отчего съ марта по сентябрь мѣсяцъ столь простой вопросъ оставался безъ отвѣта и время пропущено даромъ?“ По этому поводу возникла длиннѣйшая переписка между вѣдомствами, съ оборотомъ вины другъ на друга, и въ результатѣ, какъ въ такихъ случаяхъ бываетъ всегда, виновнаго не оказалось.

Въ 1839 году, по тому же Динабургу, предполагали фундаменты, уже возведенные въ 4-мъ равелинѣ, разобрать и сложить вновь, а на приказъ Царя—объяснить причину такой мѣры—доложили, что грунтъ подъ фундаментами оказался крайне слабымъ, каковое обстоятельство и вызвало необходимость передѣлать фундаменты заново, возведя ихъ на ростверкахъ. Такимъ объясненіемъ Государь удовлетворился; „но вмѣстѣ съ тѣмъ, Его Величество изволилъ замѣтить, что обстоятельство сіе долженъ былъ строитель Динабургской крѣпости ранѣе предвидѣть и избѣгнуть лишнихъ расходовъ и потери времени“.

Въ цѣляхъ достиженія большей успѣшности производства крѣпостныхъ работъ, Николай Павловичъ прибѣгалъ иногда къ мѣрамъ совершенно исключительнаго характера. Такъ въ маѣ 1840 года военный министръ увѣдомилъ Великаго Князя Михаила Павловича, что Государь, „отдавая полную справедливость усердію и познаніямъ строителя Динабургской крѣпости, инженеръ-полковника Кульмана, изволитъ, однако-жъ, приписывать неоканчаніе положенныхъ по сей крѣпости въ 1839 году работъ малой опытности и такъ сказать суетливости сего штабъ-офицера“. Посему Его Величество призналъ полезнымъ перевести штабъ лифляндскаго инженернаго округа изъ Риги въ Динабургъ, дабы начальникъ округа, имѣя постоянное свое пребываніе въ этой крѣпости, имѣлъ бы „и главный надзоръ за построеніемъ оной“. Инженерный департаментъ всеподданнѣйше докладывалъ по этому поводу, что намѣченная мѣра сопряжена съ новымъ постояннымъ расходомъ, ибо для размѣщенія въ Динабургѣ окружного инженер-

наго штаба придется выселить часть офицеровъ изъ казенныхъ квартиръ и выдавать имъ квартирныя деньги. Все же Императоръ повелѣлъ предположеніе привести въ исполненіе, послѣ чего должность строителя крѣпости была упразднена, а Кульманъ „обращенъ на службу по инженерному корпусу“.

Подтягивая въ разсматриваемомъ отношеніи военныхъ инженеровъ, Николай Павловичъ преслѣдовалъ цѣль вполнѣ опредѣленную: пользу дѣла, а никакъ не караніе одного ослушанія. Эта черта Императора видна и въ томъ, что въ случаяхъ, когда Высочайшія приказанія путали безъ особеннаго вреда для дѣла, Монархъ относился къ этому совершенно спокойно. Приведу хотя бы такой примѣръ.

Весною 1835 года, необычайный, трехсаженный, подъемъ воды въ Двинѣ, закончился грандіознымъ наводненіемъ въ Динабургѣ. Особенно пострадали лагерныя строенія, оказавшіяся впослѣдствіи небезопасными для жилья; сильно были повреждены и крѣпостные верки. Государь потребовалъ представленія ему „плана наводненія“ съ подробной легендой къ оному, что и было исполнено. Вслѣдъ за этимъ, военный министръ сообщилъ инженерному департаменту, будто Государь приказалъ доложить, „нельзя ли устроить небольшую паровую машину, которая выкачивала бы остающуюся во рвахъ послѣ таковыхъ наводненій стоячую воду? принесла ли бы она существенную пользу, и что будетъ стоить устройство оной?“ Точно слѣдуя такому приказанію, департаментъ прежде всего обратился за помощью къ начальнику адмиралтейскихъ Ижорскихъ заводовъ, генералъ-лейтенанту Вильсону, и къ директору Александровскаго литейнаго завода, г-ну Кларку, прося, чтобы они, „по извѣстнымъ познаніямъ ихъ и опытности въ устройствѣ всякаго рода паровыхъ машинъ“, дали свои по вышеуказаннымъ вопросамъ заключенія, опираясь на сообщенныя имъ данныя департамента о количествѣ воды во рвахъ и о другихъ мѣстныхъ условіяхъ. И Кларкъ,

и Вильсонъ къ намѣченной мѣрѣ отнеслись весьма скептически; подсчетами же, особенно подробными у Кларка, установили, что осуществленіе предположенія оказалось бы связаннымъ съ весьма большими расходами, ибо выкачивать пришлось бы ежегодно огромную массу воды. Инженерный департаментъ представилъ по этому предмету обширный всеподданнѣйшій докладъ, въ которомъ не скрылъ отношенія къ вопросу спеціалистовъ, а съ своей стороны указалъ, что во рвахъ Динабургской крѣпости уже возобновляются сливныя трубы и что черезъ нихъ вода будетъ изъ рвовъ уходить, хотя и постепенно. Поэтому департаментъ полагалъ мысль Царя не осуществлять и машинъ не заводить.

Оказалось, что критикѣ, и довольно суровой, подверглась не мысль Государя, а перепутанное приказаніе. Но Николай Павловичъ отнесся къ этому вполнѣ спокойно: „Его Величество—писалъ графъ Чернышевъ—находя, что инженерный департаментъ не съ той точки разсматривалъ сіе предложеніе, въ поясненіе онаго изволилъ объявить, что Его Величество полагалъ приспособленіе паровой машины въ крѣпости Динабургъ для выкачиванія воды на тотъ единственно конецъ, что если наводненіе и разлитіе водъ вокругъ Динабурга приведетъ воду во рвахъ крѣпости столь высоко, что она можетъ угрожать нижнимъ амбразурамъ, то Его Величесто и желалъ узнать, можно ли посредствомъ паровой машины въ такомъ случаѣ не выкачивать всю воду, во рвахъ находящуюся, а удерживать оную такъ, чтобы она оставалась всегда фута на полтора или по крайней мѣрѣ на футъ ниже сихъ амбразуръ. Въ семъ видѣ Его Величеству угодно, чтобы инженерный департаментъ сдѣлалъ новое, основательное, соображеніе“.

Такая постановка вопроса рѣзко измѣнила взгляды на мѣру и Вильсона, и Кларка; оба нашли ее вполнѣ осуществимою; по расчету же Кларка, она оказалась сопряженной съ относительно небольшимъ расходомъ въ 22.000 руб. асигн. Чѣмъ разрѣшился вопросъ—по ин-

женерным документамъ не видно. Горный инженеръ, генералъ-лейтенантъ Саблуковъ, предложилъ для указанной цѣли какой-то спеціальный „снарядъ", который, по Высочайшей волѣ, былъ переданъ на испытаніе въ артилерійское вѣдомство.

Спокойно относился Императоръ и къ нѣкоторымъ дефектамъ, обнаруживавшимся въ крѣпостныхъ сооруженіяхъ послѣ ихъ отстройки по причинамъ форсмажорнымъ. Напримѣръ, весною 1832 года, отличавшеюся у Кіева крайнею дождливостью, подъ куртиною между Андреевскимъ и Алексѣевскимъ бастіонами Печерской цитадели разорвало трубу подъ потерной, и эта послѣдняя со всѣмъ рухнула. Государь не сдѣлалъ по этому поводу даже замѣчанія и спокойно приказалъ потерну возобновить съ тѣмъ, „что бы новое устройство сей потерны было столь надежно, дабы не подвергалось разрушенію отъ дѣйствія воды, что и возложить на особенную обязанность и отвѣтственность строителя крѣпости, за чѣмъ имѣть также наблюденіе инженерному департаменту".

Вооруженнаго весьма солидными знаніями, вѣнценоснаго военнаго инженера зачастую не пугали и признаки неблагополучія, казавшіеся его сотрудникамъ грозными. Такъ, въ 1833 году въ обоихъ фасахъ 6-го бастіона Динабургской крѣпости, насыпанныхъ за годъ передъ тѣмъ, была обнаружена значительная осадка земли и боковое давленіе на сваи, вбитыя подъ фундаменты эскарповъ. Основная причина была ясна для всѣхъ: крѣпость Динабургъ, заложенная еще въ Отечественную войну, возводилась на торфяномъ болотѣ; но результаты обнаруженнаго дефекта произвели на многихъ удручающее впечатлѣніе; боялись, что эскарпы растрескаются и обвалятся, почему и проектировалась перестройка таковыхъ. Внимательно изучивъ всѣ явленія, Государь приказалъ: „оставить пока такъ, полагая, что не послѣдуетъ дальнѣйшаго движенія земли, и каменные эскарпы тѣхъ двухъ фасовъ не потребуютъ перестройки, ибо при семъ

бастіонѣ, равно и при другихъ частяхъ, гдѣ только обнаружилась земля торфная и материкъ неблагонадежный, приняты усиленныя мѣры къ утвержденію фундаментовъ посредствомъ укрѣпленія и уширенія оныхъ, также набивкою сплошныхъ свай въ удвоенномъ числѣ противъ обыкновеннаго ихъ расположенія". Вмѣстѣ съ тѣмъ, на будущее время „для полнаго обезпеченія прочихъ работъ отъ вреднаго вліянія такой осадки земли, особенно на юго-восточной сторонѣ крѣпости 4-го, 5-го и 6-го полигоновъ, гдѣ мѣстность чрезмѣрно болотистая, имѣла протоки ручья, засыпаннаго при первоначальномъ образованіи главныхъ частей вала", Царь приказалъ составить проекты особо прочнаго усиленія фундаментовъ и представить таковые ему. Составленные проекты были подвержены обсужденію въ специіальной комисіи при инженерномъ департаментѣ, а ея заключенія разсмотрѣны во всѣхъ подробностяхъ самимъ Монархомъ. Окончательный проектъ былъ Государемъ одобренъ, но съ тѣмъ, чтобы „работы приводимы были въ исполненіе не иначе, какъ по убѣжденію въ совершенной ихъ необходимости и всякій разъ съ доклада" Августѣйшему генералъ-инспектору.

Черезъ два года, безъ всякихъ внѣшнихъ побудительныхъ причинъ, Николай Павловичъ приказалъ представить ему свѣдѣнія, „въ какихъ именно мѣстахъ Динабургской крѣпости, въ продолженіе послѣднихъ пяти лѣтъ эскарповыя стѣны выдвинулись, на сколько футовъ простирается ежегодная осадка вала, а также въ какой постепенности зданія Динабургской крѣпости осѣли въ фундаментахъ въ продолженіи того же времени". Доставленныя свѣдѣнія были переданы Его Величествомъ въ инженерное отдѣленіе военно-ученаго комитета съ приказаніемъ разсмотрѣть дѣло съ особенною внимательностью. По выполненіи этого порученія, комитетъ представилъ Государю весьма объемистое заключеніе и особую записку инженеръ-подполковника барона Дальвица „объ отвращеніи подобныхъ поврежденій"; какъ коми-

тетъ, такъ и Дальвицъ настаивали на полной необходимости принятія по Динабургу ряда экстренныхъ мѣръ. Однако, Николай Павловичъ, изучивъ весь этотъ матеріалъ, полный грозныхъ предчувствій, повелѣлъ: „Впредь до времени не принимать никакихъ особенныхъ мѣръ для предупрежденія осадки въ валѣ и эскарповыхъ стѣнахъ Динабургской крѣпости; подполковнику же барону Дальвицу поручить—изъ составленной имъ записки извлечь одну его новую теорію и, обработавъ оную во всей полнотѣ, въ видѣ ученаго сочиненія, препроводить на разсмотрѣніе Императорской академіи наукъ, заключеніе коей по сему сочиненію представить на благоусмотрѣніе Его Величества“.

Не лишенъ интереса и слѣдующій казусъ.

Въ 1851 году въ Кіевѣ, на значительномъ протяженіи, обрушились крутости крѣпостного рва, шедшаго скатомъ отъ Николаевскихъ воротъ къ Днѣпру. Государь лично изслѣдовалъ обвалы, стараясь доискаться причины явленія, и весьма спокойно бесѣдовалъ объ этомъ со строителемъ крѣпости, полковникомъ Клименкомъ. Затѣмъ, начальникъ военно-походной канцеляріи, генералъ-адъютантъ графъ Адлербергъ, сообщилъ инспектору по инженерной части, генералу Дену: „Полковникъ Клименко относитъ этотъ обвалъ къ ключамъ, находящимся подъ поверхностью верхняго слоя земли, которые, просасываясь, производятъ трещины и, наконецъ, обрушеніе земли. Для отвращенія сего важнаго неудобства, полковникъ Клименко полагаетъ достаточнымъ два устройства: а) провести подземную каменную трубу для собиранія ключевыхъ водъ и правильнаго ихъ истока, и б) построить сзади существующаго на берегу Днѣпра верка (который Его Величество повелѣлъ впредь именовать Подольскими воротами) контрфорсную стѣну, въ видѣ лежачаго свода, обращеннаго къ горѣ. Государь Императоръ, не раздѣляя мнѣнія полковника Клименка, изволитъ полагать, что обвалъ произошелъ не столько отъ просасыванія ключевыхъ водъ, какъ отъ

того, что вся земля, вынутая для образованія рва, была набросана на поверхность по объ стороны и наиболѣе на ту, съ которой образовался обвалъ, отчего вся эта послѣдняя часть горы, уже ослабленная прокапываніемъ рва, получила еще сильнѣйшее давленіе на оную новой огромной тяжести. Его Величество того мнѣнія, что постройка контрфорсной стѣны можетъ, конечно, удержать отъ паденія ту часть горы, у подошвы которой она будетъ возведена, но она не можетъ предохранить отъ вящщихъ еще обваловъ по всему протяженію горы. Для сего Государь Императоръ изволитъ полагать необходимымъ снять не только всю землю, насыпанную по вынутіи изъ рва, но и отъ самаго горизонта мѣстности настолько, сколько нужнымъ окажется для облегченія бокового давленія, разсыпавъ эту землю по всему пространству между Николаевскими воротами и инженернымъ дѣловымъ дворомъ или употребивъ ее для насыпки предположеннаго по близости вала. Для собиранія же ключевыхъ водъ сдѣлать не одну каменную подземную трубу, какъ предполагаетъ полковникъ Клименко, а нѣсколько обыкновенныхъ деревянныхъ трубъ, расположенныхъ такъ, чтобы каждый ключъ получилъ правильный истокъ въ устроенный уже кюветъ. Впрочемъ, Его Величество и по этому предмету передаетъ Вашему Высокопревосходительству свое мнѣніе не какъ окончательное рѣшеніе, а только какъ мысль для обсужденія и соображенія вмѣстѣ съ другими, кои Вамъ представлены будутъ. Что же касается до могущаго встрѣтиться затрудненія, что предлагаемое Его Величествомъ снятіе земли можетъ потребовать большихъ издержекъ, то Его Величество изволитъ полагать, что эти издержки, какъ бы велики онѣ ни были, не могутъ войти въ сравненіе съ тѣми, въ которыя вовлечетъ несомнѣнно дальнѣйшее распространеніе обваловъ“.

Денъ лично отправился на мѣсто и занялся самымъ подробнымъ изученіемъ явленія, послѣ чего установилъ главную, по его мнѣнію, причину неблагополучія,

выражающуюся въ томъ, что „просасывающаяся по пропускнымъ слоямъ вода, разжижая поверхность твердыхъ глинистыхъ пластовъ, содѣйствуетъ ихъ скользенію; при чемъ, какъ полагать должно, образовываются значительныя пустоты, производящія впослѣдствіи осѣданія и обвалы“. Подтвержденіемъ тому служатъ де прецеденты: въ началѣ столѣтія набережный край подворья Малаго Николы внезапно, съ росшими тамъ деревьями, осѣлъ на 35 футъ, а въ 1825 году—еще на 14 футъ; мѣстность у Панкратьевскаго спуска осѣла въ 1841 году на 3 фута, а въ 1845 году еще на 16 футъ, при чемъ многіе частные дома наклонились и обрушились, а въ церкви на Аскольдовой могилѣ въ сводахъ появились значительныя трещины; около того же времени монастырскій садъ, на площади въ 400 кв. саж., сдвинулся почти горизонтально на 12 саж. и т. д. Все это произошло безъ какихъ либо видимыхъ на поверхности причинъ. Поэтому Денъ полагалъ, что насыпанная у крутостей рва земля не могла быть причиною обвала; она, быть можетъ, тяжестью своею ускорила движеніе косогора, но только ускорила. Цѣлесообразнымъ же средствомъ для упрежденія аналогичныхъ явленій, по его мнѣнію, было бы широкое дренажированіе грунта и забивка въ нѣкоторыхъ мѣстахъ шпунтовыхъ свай. Государь противъ такого взгляда на вещи не возражалъ и приказалъ представить ему детальные проекты намѣченныхъ работъ.

Какъ и всегда поступалось въ такихъ случаяхъ, детальные проекты велѣно было составить предварительно на мѣстѣ. Они и были составлены Клименкомъ, но въ основу ихъ положены соображенія о причинахъ явленія самого строителя, соображенія, уже забракованныя и Царемъ, и Деномъ. За это Клименку и досталось. Его пояснительная записка испещрена карандашными замѣчаніями Дена, отнюдь не галантнаго характера. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: „Логики нѣтъ“!—„Слова, а не дѣло“.—„Все смѣшеніе! до сего пласта въ верхней части дойти невозможно“ —„Не понимаю“.—„Никогда случиться

не можетъ“.—„Вздоръ“!—„Ея нѣтъ и никогда быть не можетъ“. —„Какъ можно говорить о выстрѣлахъ съ кофра, когда они невозможны“?!—„Все вздоръ“!—„Пустое“! и т. д.

Весьма характерны и такія помѣтки Дена.

Клименко между прочимъ проектировалъ устройство въ „набережномъ“ веркѣ крѣпости, вмѣсто закрытой трубы, деревяннаго моста. Въ нижеприводимой его фразѣ, въ скобкахъ, курсивомъ, означены карандашныя вставки Дена. „Расходъ въ сущности уменшится еще нѣсколько тѣмъ (*что повторяется через каждыя 10 лѣтъ*), что мостъ этотъ, замѣняя и укорачивая шоссе на 19 саж., уменьшаетъ также (*на копѣйку*) и требующіяся на то издержки“. Въ томъ же мѣстѣ, гдѣ Клименко увѣрялъ, что съ устройствомъ моста стѣны верка останутся незакрытыми и отвратится вліяніе на нихъ сырости, „сходно изъявленной на то воли Государя Императора“, Денъ написалъ: „Воля Государя—особое дѣло; но выводы надо вывести основательные“.

Въ концѣ концовъ, Денъ всѣ проекты передѣлалъ по-своему, и Монархъ ихъ утвердилъ *).

Менѣе спокойно относился Николай Павловичъ къ дефектамъ въ инженерныхъ сооруженіяхъ, появленіе коихъ обуславливалось небрежнымъ отношеніемъ къ дѣлу и непредусмотрительностью строителей. Быть предусмотрительнымъ строителю вмѣнялось въ непремѣнную обязанность; вмѣнялось это и въ обязанность инженернаго начальства вообще; самъ же Николай Павловичъ, въ бытность генералъ-инспекторомъ, неоднократно проявлялъ должную въ этомъ отношеніи прозорливость, что видно хотя бы изъ такихъ двухъ примѣровъ.

Въ октябрѣ 1821 года, послѣ приступа къ пере-

*) З, № 159—1826, 1, 13, 24, 48, 78—83; № 41—1833, 246—249, 257; № 106—1834, 1, 2, 69; № 105—1835, 87, 88; № 120—1835, 1, 12—37; И, № 8—1823, 180; № 11—1831, 110, 115; № 60—1835, 85; I, № 30—1837, 1, 8, 19, 24, 35, 42, 56, 60—75, 94; № 44—1838, 70, 76; № 57—1840, 2, 3, 7; О, № 135—1851, 4, 5, 44—50; Т, № 2—1851, 34—43, 86; Ф, № 126—1832, 1, 6; II П. С. З., № 14 337.

стройкѣ „двойной“ батареи на среднемъ рейдѣ Ревеля, Августѣйшій генералъ-инспекторъ, по личной инициативѣ, обратился къ начальнику главнаго штаба съ ходатайствомъ о назначеніи на работы 1822 года возможно большей суммы, при чемъ указывалъ, что старая деревянная батарея и каменная одежда ея основанія въ значительной мѣрѣ уже разломаны и что настоитъ полная необходимость вести дальнѣйшія работы весьма быстро и безостановочно, дабы вновь возводимыя части „могли противостоять сильному дѣйствію морскихъ волнъ“. Тутъ же Великій Князь сообщилъ, что на мѣстѣ предполагалось безотлагательно разобрать остатки стѣнъ батареи, какъ для возможности воспользоваться при дальнѣйшихъ работахъ камнемъ, подлежащимъ предварительной разсортировкѣ, такъ и для возможности самыя работы по всей батареѣ вести равномѣрно и по всему периметру. Признавая такой пріемъ вполнѣ раціональнымъ, но раціональнымъ только при условіи, если будутъ отпущены средства, кои позволятъ работать энергично и быстро, ибо при неотпускѣ средствъ и при затяжкѣ новыхъ работъ придется „допустить волны дѣйствовать на самый фундаментъ, черезъ что можетъ быть оный вымытъ на значительную глубину“, Николай Павловичъ не согласился на окончательный разборъ стѣнъ до асигнованія на работы достаточныхъ денегъ. Но, не смотря на изложенное, средствъ не дали.

Черезъ годъ съ лишнимъ, въ ноябрѣ 1822 года, Августѣйшій генералъ-инспекторъ донесъ тому же князю Волконскому: „Въ Ревелѣ, у двойной на средней рейдѣ батареи, поврежденной отъ бывшей въ январѣ мѣсяцѣ бури, каменная лицевая стѣна развалилась до самаго основанія... Вашему сіятельству извѣстно уже, что сей угрожаемый казнѣ ущербъ былъ мною предвидѣнъ; но какъ на перестройку сихъ въ морѣ батарей хотя и требована была департаментомъ инженернымъ необходимо нужная сумма, но въ число оной на сей 1822 годъ нисколько не асигновано, то, судя по сему, не могу я

предположить, скоро ли къ возобновленію батарей сихъ приступить будетъ можно".

Катастрофа не замедлила воздѣйствовать, и князь Волконскій тотчасъ же вошелъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ объ асигнованіи на работы денегъ. Императоръ Александръ I приказалъ передать вопросъ графу Аракчееву для разсмотрѣнія въ „финансовомъ комитетѣ", а въ послѣднемъ дѣло рѣшили въ благопріятномъ смыслѣ только къ апрѣлю 1823 года. Какъ только Волконскій узналъ объ этомъ, онъ съ тою же поспѣшностью запросилъ генералъ-инспектора, сколько денегъ нужно на всю работу и сколько необходимо отпустить сейчасъ же. Отвѣтъ Николая Павловича дышетъ спокойствіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ стремленіемъ воспользоваться переполохомъ для крѣпостныхъ нуждъ вообще. Указавъ, что вся перестройка двойной батареи въ Ревелѣ обойдется въ 393.000 руб., Великій Князь писалъ: „Касательно же раздѣленія суммы по годамъ, должно принять въ соображеніе, что какъ построеніе въ морѣ не можетъ производиться безъ большихъ усилій, то сообразно съ симъ должно быть заготовленіе матеріаловъ; а слѣдовательно нужно совершенное удостовѣреніе, что вышепоказанная сумма въ теченіе двухъ лѣтъ отпущена будетъ *вполнѣ* (курс. подл.). И какъ приготовленіе многихъ матеріаловъ и начальныя работы нужно производить зимою, по замерзаніи рейда, то, кажется, удобнѣе всего асигновать половину означенной суммы къ концу года, хотя въ счетъ будущаго, а такимъ же образомъ и другую половину. По симъ причинамъ я нахожу гораздо выгоднѣе обратить въ семъ году на Динабургъ и Бобруйскъ то, что асигновано будетъ для Ревеля". Сумма въ 393.000 руб. была асигнована на три года, а ея треть тотчасъ же, съ обращеніемъ послѣдней на Динабургъ и Бобруйскъ и съ возстановленіемъ въ концѣ года кредита на Ревель заимообразно изъ общихъ инженерныхъ суммъ.

Въ томъ же 1821 году, въ концѣ ноября, по возвращеніи изъ Динабурга, Николай Павловичъ доложилъ

Императору „объ угрожающихъ поврежденіяхъ динабургскимъ укрѣпленіямъ при ежегодномъ разлитіи рѣки, которая, при необыкновенномъ половодіи, можетъ даже разорить укрѣпленія“, и испросилъ Высочайшее разрѣшеніе выработать мѣры къ упрежденію этого неблагополучія совмѣстно съ „начальникомъ путей сообщенія“, генералъ-лейтенантомъ Бетанкуромъ; послѣдняго же просилъ направить на мѣсто партію инженеровъ-развѣдчиковъ и имѣть въ виду, что въ апрѣлѣ 1816 года вода въ Двинѣ поднялась выше ординара на 27 футъ. По этому вопросу сохранилась обширнѣйшая переписка между Великимъ Княземъ и Бетанкуромъ, оригинальная между прочимъ тѣмъ, что всѣ бумаги начальника путей сообщенія заключали на лѣвой половинѣ листа текстъ русскій, а на правой—текстъ французскій, послѣдній—подписанный Бетанкуромъ. Переписка эта, какъ и дальнѣйшая, съ преемникомъ Бетанкура, герцогомъ Александромъ Виртембергскимъ, практическаго результата не имѣла. Въ 1829 году, по повелѣнію Императора, Михаилъ Павловичъ писалъ герцогу, что вопросъ объ упрежденіи вліянія наводненій на верки признается Его Величествомъ крайне важнымъ, что „какія по сему сдѣланы предположенія—о томъ неизвѣстно“, что новыя наводненія приносятъ новыя поврежденія и что принятіе радикальныхъ мѣръ обязательно. Соотвѣтственный проектъ былъ составленъ только къ марту 1832 года и разсмотрѣнъ Государемъ съ генераломъ Клименкомъ „на квартирѣ“ у Михаила Павловича. Монархъ проектъ утвердилъ, но съ цѣлымъ рядомъ личныхъ поправокъ. Центръ тяжести проекта—устройство „гласисовъ, служащихъ плотиной“.

Крупныя неисправности, обнаруживавшіяся при производствѣ строительныхъ работъ, а тѣмъ болѣе катастрофы чрезвычайно обстоятельно изслѣдывались по приказанію самого Николая Павловича, и если дознаніемъ устанавливалось, что виною ихъ являлись власти, утверждавшія проекты, строительная администрація или под-

рядчики—убытки казны неукоснительно взыскивались съ виновныхъ.

3 іюля 1824 года въ одной изъ новыхъ оборонительныхъ казармъ Бобруйской крѣпости обрушились два свода. Генералъ-инспекторъ немедленно командировалъ на мѣсто особую комисію, въ составъ которой назначилъ двухъ, пріобрѣвшихъ впослѣдствіи громкія имена, военныхъ инженеровъ—полковника Дена, тогда командовавшаго саперным батальономъ, и подполковника Фельдмана, а также архитектора инженернаго департамента Штауберта. Доставленный комисіей матеріалъ Николай Павловичъ разсмотрѣлъ лично и съ большимъ вниманіемъ, послѣ чего самъ опредѣлилъ причины катастрофы, кои, по мнѣнію Великаго Князя, заключались: 1) въ слабости угловыхъ упоровъ и въ несовершенной осушкѣ стѣнъ; 2) въ употребленіи въ дѣло, вопреки установленному порядку, неразсортированнаго, разномѣрнаго кирпича; 3) въ излишествѣ количества раствора внутри стѣнъ; 4) въ неровности, а отчасти и въ неправильности швовъ кирпичной кладки въ стѣнахъ и сводахъ; 5) въ устройствѣ продольныхъ арокъ, вопреки предписанію инженернаго департамента, элиптическими, а не полуциркульными; 6) въ расположеніи сводовъ и поперечныхъ арокъ не въ строгомъ соотвѣтствіи съ утвержденнымъ проектомъ. Разбираясь далѣе въ первоисточникахъ неблагополучія, Николай Павловичъ усмотрѣлъ, что таковые крылись: въ неправильности утвержденнаго проекта, по которому „угловые подпоры были назначены слабыми“, въ отступленіи на мѣстѣ отъ того же проекта и при томъ только въ тѣхъ его частяхъ, кои были вполнѣ правильны, наконецъ, въ неакуратности и непрочности самихъ работъ. По поводу неправильности утвержденнаго проекта, Великій Князь высказался, что тутъ виноваты: архитекторъ Штаубертъ, составлявшій проектъ и составившій его небрежно; далѣе, директоръ инженернаго департамента, „неосторожно“ поднесшій на утвержденіе невѣрный проектъ; наконецъ, самъ генералъ-

инспекторъ, „который, не усмотрѣвъ архитекторской ошибки, утвердилъ и отдалъ планъ къ исполненію“. Относительно же прочихъ неисправностей признаны нарушившими свои обязанности: бывшій окружной командиръ, генералъ Обручевъ, занимавшій этотъ постъ при началѣ производства работъ, состоявшій тогда же при работахъ капитанъ Любенковъ, командиръ инженерной команды, полковникъ Шведеръ и въ особенности позднѣйшіе дѣятели—строитель крѣпости, полковникъ Розенмаркъ, и дистанціонный офицеръ, капитанъ Ивановъ, „самовольно“ отступившіе отъ утвержденнаго проекта и „не съ должнымъ прилежаніемъ и рачительностью наблюдавшіе за порядкомъ и акуратностью работъ“, а также подрядчикъ, 2-й гильдіи купецъ Торлецкій, на коемъ, по контракту, лежала отвѣтственность за прочность работъ.—Отдавая обо всемъ изложенномъ въ приказѣ по инженерному корпусу, Великій Князь предписалъ генералу Опперману денежную сумму, потребную на приведеніе казармы въ исправность, взыскать: половину—съ подрядчика, другую половину со всѣхъ поименованныхъ лицъ пропорціонально получаемому ими жалованью. „Я же—заканчивался приказъ—не замедлю внесть, что на мою часть придется“. Кромѣ того, были наложены и дисциплинарныя взысканія.

По имѣющимся свѣдѣніямъ, виновными изъ числа чиновъ центральнаго управленія было на указанную надобность внесено: Августѣйшимъ генералъ-инспекторомъ—584 р. 60 к., Оппермановъ—958 р. $48^3/_4$ к. и Штаубертомъ—252 р. 95 к. Назидательно и то, что Великій Князь, предоставившій свое жалованье въ распоряженіе Оппермана для выдачи пособій, пополнилъ „свой штрафъ“ изъ собственныхъ денегъ.

Въ сентябрѣ 1832 года начальникъ военно-походной Его Величества канцеляріи, генералъ-адъютантъ Адлербергъ, сообщилъ военному министру, что Государь, осмотрѣвъ въ Смоленскѣ выстроенную инженернымъ вѣдомствомъ, „въ такъ называемой Королевской крѣпости“,

казарму для арестантовъ, нашелъ „оную вовсе неудобною для жительства по чрезвычайной сырости и самой неправильной постройкѣ“ и тогда же повелѣлъ: поставить это на видъ инженерному департаменту; слѣдующихъ уже въ Смоленскъ арестантовъ остановить въ пути; находившемуся же въ городѣ инженеръ генералъ-маіору Рербергу немедленно изыскать средства для устраненія обнаруженныхъ въ постройкѣ дефектовъ. Вскорѣ же послѣ этого, Государь приказалъ назначить въ Смоленскъ комисію для выясненія причинъ обнаруженнаго неблагополучія и установленія степени виновности какъ строителей, такъ и лицъ, свидѣтельствовавшихъ постройку и удостовѣрившихъ, что таковая возведена правильно и прочно. Въ результатѣ, было Высочайше повелѣно—расходы на приведеніе арестантской казармы въ порядокъ возложить въ половинномъ размѣрѣ на подрядчика, а въ половинномъ на строителей и пріемщиковъ.

Въ ноябрѣ 1833 года въ Петербургѣ было получено донесеніе командира дунайскаго инженернаго округа, генерала Лехнера, о томъ, что передняя стѣна со сводами казармы, строившейся въ то время подъ валгангомъ Килійской крѣпости, обрушилась на протяженіи десяти саж. По произведенному Лехнеромъ дознанію, оказалось, что катастрофа явилась слѣдствіемъ единственно недостаточности надзора за работами со стороны командира мѣстной инженерной команды, полковника Алексѣева I, который къ тому времени уже выбылъ въ отставку. Государь повелѣлъ всю казарму сломать и возвести вмѣсто нея новую, а вызванный этою мѣрою расходъ взыскать съ Алексѣева и съ самаго Лехнера, какъ командира округа.

25 сентября 1846 года обрушились своды казематовъ, кои возводились въ то время въ лѣвомъ фасѣ 5-го контргарда Динабургской крѣпости. На докладѣ объ этомъ Государь собственноручно положилъ резолюцію; „По иcлѣдованіи причинъ—донести. Срамъ“! На мѣсто

былъ командированъ состоявшій при генералъ-инспекторѣ, инженеръ-полковникъ Бальцъ, произведшій весьма подробное дознаніе, кончавшееся вполнѣ мотивированнымъ заключеніемъ, по которому единственной причиной катастрофы явился неправильный проектъ сооруженія, ибо всѣ работы выполнены строго по проекту, хорошо и изъ вполнѣ доброкачественнаго матеріала. Николай Павловичъ потребовалъ все дознаніе къ себѣ, а затѣмъ собственноручно положилъ на немъ резолюцію: „Разобрать и убытокъ возложить на директора и прочихъ чиновъ департамента, участвовавшихъ въ неосновательномъ проектѣ“. Такъ какъ проектъ былъ составленъ начальникомъ чертежной, генералъ-маіоромъ Сорокинымъ, по личнымъ указаніямъ вице-директора департамента, генералъ-адъютанта Фельдмана, на то взыскать расходъ надлежало съ Сорокина, съ Фельдмана и съ управлявшаго департаментомъ—съ генералъ-адъютанта Геруа.

Впрочемъ на сей разъ этого сдѣлано не было.

Генералъ Геруа, бывшій одновременно и управляющимъ инженернымъ департаментомъ и начальникомъ штаба генералъ-инспектора, обратился къ военному министру съ письмомъ, въ которомъ излагалъ, что штрафъ на него накладывается по званію управляющаго департаментомъ, „хотя, осмѣливаюсь доложить, я, какъ Вашему Сіятельству небезызвѣстно, по всему ходу службы моей, не имѣлъ случая приспособить и въ подробности ознакомить себя съ высшею теоріею и спеціальными подробностями строительнаго искусства“. Кромѣ того, инкриминируемый ему проектъ былъ составленъ совершенно аналогично съ подобными же проектами по другимъ крѣпостямъ, въ коихъ сооруженія не рушатся и обрѣтаются въ цѣлости уже давно. „Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ принявъ изъявленіе Монаршей воли“, Геруа всетаки просилъ князя Чернышева, не признаетъ ли онъ возможнымъ „предстательствовать передъ Государемъ Императоромъ о всемилостивѣйщемъ сложеніи взысканія... въ томъ вниманіи, что мы, всѣ трое, недо-

статочнаго состоянія и обременены многочисленными семействами". Монархъ повелѣлъ: „Взысканіе на этотъ разъ сложить. Его Величество изволитъ, однако же, надѣяться, что впредь не послѣдуетъ подобныхъ сему случаевъ по постройкамъ инженернаго вѣдомства".

Весьма характеренъ случай, происшедшій около того же времени въ Кіевѣ, и характеренъ именно по отношенію къ нему со стороны Императора.

Командиръ Староингерманландскаго пѣхотнаго полка всеподданнѣйше донесъ, что, при производствѣ въ Кіевской крѣпости земляныхъ работъ, свалившеюся на рабочихъ глыбою земли засыпало 20 нижнихъ чиновъ, изъ которыхъ погибло 16 человѣкъ. На рапортѣ Государь начерталъ: „Ужасно! Не можетъ быть иначе какъ отъ дурного распоряженія при отрывкѣ старой насыпи, довольно рыхлой!" Догадка Монарха въ общемъ оправдалась. Вскорѣ поступило донесеніе и по инженерному вѣдомству, въ которомъ излагалось: „При отрывкѣ котлована подъ лѣвый флангъ оборонительной казармы, намѣчавшейся къ постройкѣ „на перешейкѣ" между Печерскою и Дворцовою частями города, былъ обнаруженъ глубокій слой насыпной земли, по которой, въ ближайжемъ сосѣдствѣ къ мѣсту работъ, пролегала дорога общаго пользованія. Еще передъ приступомъ къ работамъ, инженерная администрація просила гражданскую власть сказанную дорогу закрыть; но эта просьба осталась безъ исполненія. По мѣрѣ хода работъ, подъ дорогою оказалась узкая, трехсаженная, полоса, и вновь былъ возбужденъ вопросъ объ ея закрытіи. Между тѣмъ, производитель работъ, инженеръ-капитанъ Чеснокъ 4-й, имѣя въ виду, что земля въ верхнихъ слояхъ была упрочнена конскимъ навозомъ и фашинами, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и довольно прочными балками, рѣшилъ, для ускоренія работъ, продолжать выемку дальше, съ принятіемъ лишь нѣкоторыхъ мѣръ предосторожности. 24 августа, когда по дорогѣ двигался крестьянскій обозъ, были замѣчены три тяжелые экипажа, намѣревавшіеся обозъ

обогнать. Подобный пріемъ у мѣста работъ вообще былъ запрещенъ настрого; упредить могущую произойти отъ этого опасность стремились и разставленные Чеснокомъ дневальные; но кучера запретомъ принебрегли, а на дневальныхъ не обратили вниманія. Одинъ изъ экипажей задѣлъ колесомъ ближайшую къ выемкѣ тумбу, послѣ чего на голову рабочихъ и рухнула глыба земли. Положивъ на докладѣ объ этомъ резолюцію: „надо привесть въ ясность и отвратить повтореніе подобнаго“, Государь приказалъ затѣмъ генералъ-адъютанту Фельдману „отправиться самому въ Кіевъ, какъ для изслѣдованія сего несчастнаго происшествія, такъ и для указанія мѣръ, дабы на будущее время не могло случиться подобнаго“.

Побывавъ въ Кіевѣ, Фельдманъ всеподданнѣйше представилъ, во-первыхъ, дознаніе, а во-вторыхъ, подробное соображеніе отомъ, какъ вообще слѣдуетъ вести работы по отрывкѣ глубокихъ котловановъ въ насыпномъ грунтѣ.

Изъ дознанія усматривалось, что собственно производитель работъ дѣйствовалъ съ достаточною осмотрительностью, что дорога въ началѣ работъ могла быть оставлена безъ особыхъ опасеній, что о ея закрытіи къ подлежащей власти было предъявлено требованіе, но недостаточно настоятельное, наконецъ, что мѣстныя гражданскія власти, не внимая законному требованію командира кіевскаго инженернаго округа, генералъ-маіора Фреймана, занимались однѣми отписками. На докладѣ Фельдмана Императоръ собственноручно положилъ резолюцію: „Генералъ-маіору Фрейману, за упущеніе своей обязанности, сдѣлать строгій выговоръ, а губернатору, въ отсутствіи генералъ-губернатора завѣдывавшему его обязаностью и не распорядившемуся во-время устройствомъ другой дороги, а упустившему время въ пустыхъ перепискахъ, сдѣлать строжайшій выговоръ; а полицеймейстера, не взявшаго никакихъ мѣръ къ предупрежденію неумѣстной скорой ѣзды и вообще (къ) сохраненію порядка въ опасномъ мѣстѣ, сдѣлавъ строжайшій выговоръ,

выдержать 8 дней на гауптвахтѣ, а штрафъ внесть въ формуляръ *).

Въ заключеніе настоящей главы приведу нѣкоторыя данныя о личномъ участіи Николая Павловича въ разрѣшеніи вопросовъ, касавшихся вооруженія крѣпостей.

Вѣковѣчная тѣсная связь между артилеріей и фортификаціей и зависимость фортификаціонныхъ формъ отъ конструкціи и качества орудій и лафетовъ всегда побуждали военныхъ инженеровъ всѣхъ странъ относиться къ вопросамъ вооруженія крѣпостей съ большою внимательностью. У насъ же, по крайней мѣрѣ во времена Николая Павловича, эта внимательность возвысилась до проявленія военными инженерами иниціативы и даже руководства въ области упорядоченія крѣпостной артилеріи. Судя по документамъ, въ началѣ прошлаго вѣка, наблюдалось нѣсколько странное отношеніе къ крѣпостной артилеріи со стороны прямого ея хозяина: артилерійское вѣдомство, полное заботъ о процвѣтаніи артилеріи полевой, смотрѣло на крѣпостное дѣло какъ на побочное. Правда, оно слѣдило за техникой и заготовляло крѣпостныя орудія, отвѣчающія современнымъ требованіямъ; но далѣе этого не шло. Заготовленные орудія и комплекты разсылались по крѣпостямъ зачастую безъ всякой системы, въ добавокъ къ наличному вооруженію и безъ изъятія изъ употребленія старыхъ образцовъ. Результатомъ же этого явилось скопленіе во многихъ крѣпостяхъ артилеріи многочисленной, требовавшей крупныхъ расходовъ на ея содержаніе, и одновременно непригодной къ бою либо по устарѣлости, либо по мѣстнымъ условіямъ. На это послѣднее обстоятельсто Николай Павловичъ обратилъ вниманіе почти вслѣдъ за вступленіемъ въ должность генералъ-инспектора по инженерной части. Въ мартѣ 1818 года Великій Князь затребо-

*) И, № 78—1834, 1, 8, 25; І, № 165—1843, ч. І, 172, 174, 177, 187, 214—218; К, № 120—1846, 1—3, 6, 9, 13—25, 30; Ф, № 68—1819, 179, 200, 201, 206, 210—212; № 73—1820, 1, 3, 31, 53. 60, 68, 80, 93, 100, 118; Приказы, № 63—1824, № 116—1833; 100 В. М., т. П, 94.

валъ отъ директора инженернаго департамента „общую табель для всѣхъ нашихъ крѣпостей, съ наличнымъ числомъ находящихся въ нихъ орудій, съ означеніемъ мнѣнія департамента и съ бѣлой графой для означенія въ оной моего мнѣнія“, а, получивъ этотъ матеріалъ, нашелъ необходимымъ сдѣлать широкія сокращенія въ количествѣ наличной артилеріи и установить вполнѣ опредѣленныя табели вооруженія. Однако, съ присущей Его Высочеству осторожностью, Великій Князь рѣшилъ вопросъ обсудить всесторонне, и въ результатѣ получилась весьма основательная и объемистая работа, въ которой по каждой крѣпости приводились паралельно: 1) свѣдѣнія о существующемъ вооруженіи, 2) предположенія инженернаго департамента объ измѣненіи таковаго, 3) мнѣніе по этому поводу департамента артилерійскаго и 4) „рѣшительное“ мнѣніе. Это рѣшительное мнѣніе явилось слѣдствіемъ ряда совѣщаній между тремя лицами: генералъ-инспекторомъ по инженерной части, инспекторомъ артилеріи и инспекторомъ инженернаго корпуса. Законченную работу Николай Павловичъ представилъ, для доклада Императору, начальнику главнаго штаба, который вскорѣ послѣ этого отвѣтилъ, что Его Величество повелѣлъ артилерійскому и инженерному департаментамъ составить расчетъ, сколько стоитъ нынѣшнее содержаніе орудій и сколько получится экономіи отъ сокращенія числа орудій „по новому предположенію“. Въ концѣ концовъ, новыя, сокращенныя, табели вооруженія были Высочайше утверждены 16 января 1820 года.

Вскорѣ послѣ этого, именно въ ноябрѣ 1822 года, Николай Павловичъ, по личной инициативѣ, возбудилъ вопросъ о крайнемъ неудобствѣ, истекающемъ изъ того, что въ артилерійскомъ вѣдомствѣ не имѣется твердыхъ образцовъ лафетовъ и станковъ для крѣпостныхъ орудій, какъ не имѣется и чертежей таковымъ. „Доколѣ не будетъ окончательно утверждена конструкція сихъ лафетовъ и станковъ—писалъ Великій Князь генералъ-

фельдцейхмейстеру—инженерная часть будетъ находиться при построеніи новыхъ укрѣпленій, въ величайшемъ затрудненіи, въ особенности при построеніи казематовъ, ибо. дѣлая оные просторнѣе, чѣмъ нужно, повлечетъ лишнія значительныя издержки, а, сдѣлавъ ихъ слишкомъ тѣсными, подвергнется другого рода неудобствамъ". Голосу генералъ-инспектора вняли, образцы лафетовъ и станковъ выработали и утвердили, составили чертежи и переслали ихъ къ инициатору вопроса. Весьма любопытнымъ является тотъ фактъ, что, разсмотрѣвъ эти чертежи, Николай Павловичъ тотчасъ же указалъ на крупную погрѣшность артилеристовъ: каждому данному калибру былъ присвоенъ одинъ и тотъ же лафетъ, внѣ зависимости отъ того, предназначается ли орудіе для сухопутной или для береговой обороны. И вотъ, глава инженернаго вѣдомства опротестовываетъ постановленіе, поучаетъ артилеристовъ тому, какова разница въ манипуляціяхъ съ орудіями при стрѣльбѣ по осаднымъ работамъ и по флоту, и настаиваетъ на разработкѣ особыхъ береговыхъ лафетовъ и станковъ.

Дѣлу разработки лафетовъ и станковъ Николай Павловичъ удѣлялъ время и въ бытность свою на престолѣ; лично Монархомъ предлагались даже усовершенствованія. Такъ, въ сентябрѣ 1829 года, Государь посѣтилъ Александровскій литейный заводъ, обратилъ вниманіе на изготовлявшійся тамъ крѣпостной лафетъ, сконструированный артилерійскимъ отдѣленіемъ военно-ученаго комитета, осмотрѣлъ его во всѣхъ подробностяхъ и забраковалъ: конструкцію призналъ неудачной, составныя части непрочными. Все же работу не остановилъ, но указалъ, что „вмѣсто находящагося приономъ (лафетѣ), для наведенія орудія, подъемнаго клина удобнѣе было бы употребить вертикальный подъемный винтъ, почему и соизволилъ Высочайше повелѣть, чтобы мысль сія была при заводѣ обдумана". Вмѣстѣ съ тѣмъ, Государь приказалъ заготовить образцы какъ по комитетскому проекту, такъ и по мысли Его Величества, а затѣмъ про-

извести обѣимъ системамъ паралельныя испытанія. Къ сожалѣнію результатовъ испытаній въ дѣлахъ не найдено.

Еще будучи генералъ-инспекторомъ, Николай Павловичъ проводилъ идею о соотвѣтственности заготовки новой артилеріи въ мѣрѣ успѣшности производства фортификаціонныхъ работъ для устраненія той ненормальности, при которой готовые верки оставались безъ вооруженія, а готовыя орудія некуда было поставить. Когда, въ мартѣ 1824 года, генералъ-фельдцейхмейстеръ увѣдомилъ объ окончательной разработкѣ новаго образца каронадъ и просилъ указанія, сколько орудій нужно заказать для всѣхъ крѣпостей, Николай Павловичъ отвѣтилъ, что, въ зависимости отъ системы верковъ, сказанныя орудія нужны только для Динабурга и Бобруйска, что въ этихъ крѣпостяхъ положено имѣть каронадъ столько-то и что доставка ихъ должна быть пріурочена къ такимъ-то срокомъ. Сроки эти—для Динабурга до 1833 года—были установлены путемъ подсчета успѣшности производства фортификаціонныхъ работъ, при условіи отпуска на нихъ денегъ по средней сложности предшествовавшихъ асигнованій.

Раціональность заготовленія артилеріи паралельно съ ростомъ фортификаціонныхъ сооруженій признавалась и позднѣе; но на практикѣ повидимому мысль эта осуществлялась не въ полной мѣрѣ. Иначе не имѣло бы мѣста повелѣніе, относящееся къ апрѣлю 1846 года: „Государю Императору благоугодно, дабы при приведеніи въ окончаніе какой-либо вновь возводимой или переустраиваемой части крѣпости была оная въ то же время вооружаема“, для чего повелѣвается, чтобы инженерный департаментъ сообщалъ артилерійскому, во-первыхъ, о веркахъ, готовыхъ принять вооруженіе, и во-вторыхъ, о веркахъ, находящихся въ работѣ—„когда будетъ сближаться время къ совершенному оныхъ окончанію“.

Заботясь о своевременности вооруженія крѣпостныхъ верковъ, Государь принималъ мѣры и къ тому, чтобы

самое вооруженіе соотвѣтствовало современнымъ требованіямъ, чтобы крѣпостная артилерія освѣжалась. Однако, въ этомъ вопросѣ приходилось сильно считаться съ экономическою стороною и производить перевооруженіе постепенно. Когда, въ 1834 году, былъ возбужденъ вопросъ о замѣнѣ на береговыхъ батареяхъ Кронштадта, Ревеля и Свеаборга значительной части старыхъ орудій новыми бомбическими пушками, артилерійскій департаментъ полагалъ заготовить сразу все намѣченное количество послѣднихъ и выслать въ Кронштадтъ 48, въ Ревель 20 и въ Свеаборгъ 16 пушекъ. Представленія по этому поводу Императоръ не утвердилъ и отозвался, что эти крѣпости „отнюдь не предполагалось вдругъ вооружить полнымъ числомъ бомбовыхъ пушекъ, но имѣлось въ виду произвесть сіе исподволь, безъ особыхъ усилій и безъ допущенія столь значительныхъ расходовъ, какіе артилерійскій департаментъ на сей предметъ исчислилъ“. Перевооруженіе было повелѣно произвести постепенно „и безъ большого помѣшательства въ производствѣ другихъ работъ“. Въ частности, по отношенію къ Свеаборгу, Царь приказалъ „на первый случай вооружить въ Свеаборгѣ только одно укрѣпленіе Густавъ-Свертъ четырьмя бомбовыми пушками для защиты главнаго фарватера, поставивъ оныя такимъ образомъ, какъ на генеральномъ планѣ собственноручно Его Величество изволилъ карандашемъ назначить“. Приходилось, по тѣмъ же финансовымъ соображеніямъ, и пріостанавливать нѣкоторыя артилерійскія заготовки. Напримѣръ, въ 1836 году, на докладѣ военнаго министра о количествѣ вновь заготовленныхъ береговыхъ лафетовъ и о необходимости продленія заготовки для снабженія ими южныхъ крѣпостей, Государь собственноручно положилъ резолюцію: „Обратить всѣ готовые лафеты въ Севастополь; для Измаила и Киліи достаточно будетъ нѣкотораго только числа лафетъ къ орудіямъ на батареяхъ, дѣйствующихъ по теченію Дуная; все прочее можно отложить“.

Лично слѣдилъ Императоръ и за тѣмъ, чтобы оборонительныя постройки специальнаго назначенія получали вооруженіе, этому назначенію отвѣчающее. Такъ, въ январѣ 1827 года, Его Величеству была представлена вѣдомость всѣхъ подлежавшихъ вооруженію казематовъ различныхъ крѣпостей, при чемъ оставался совершенно открытымъ вопросъ—какіе и куда назначить лафеты. Монархъ собственноручно отмѣтилъ, гдѣ слѣдуетъ установить высокіе крѣпостные лафеты „съ передѣлкою амбразуръ“, гдѣ имѣть „черноморскій коронадный станокъ“, гдѣ крѣпостной лафетъ на настильной платформѣ, какіе казематы пока не вооружать вовсе. Въ другой разъ, именно въ маѣ 1848 года, освѣдомившись о назначеніи въ казематы Бобруйска, фланкировавшіе рвы, орудій на поворотныхъ платформахъ, Государь приказалъ, чтобы казематы „были вооружены каронадами на присвоенныхъ имъ лафетахъ, а не иными орудіями на поворотныхъ платформахъ, стѣсняющихъ безъ пользы внутреннее пространство сихъ капонировъ, между тѣмъ, какъ поставленныя здѣсь орудія, дѣйствуя только по продольному направленію рва, вовсе не требуютъ большого круговращенія“.

При вооруженіи верковъ, въ тѣхъ же заботахъ о раціональномъ использованіи артилеріи, Николай Павловичъ указывалъ и на соотвѣтственность групировки орудій по родамъ и калибрамъ для облегченія управленія огнемъ. Въ 1841 году инженерный департаментъ представилъ Государю два варіанта трехъ-ярусной батареи, предположенной къ возведенію въ углу купеческой гавани въ Кронштадтѣ. Утвердивъ одинъ изъ нихъ, Царь повелѣлъ: „1) Казематы, назначенные для устройства ядрокалильныхъ печей, обратить для помѣщенія орудій; 2) для ядрокалильныхъ печей, на случай въ нихъ надобности, назначить мѣста подъ лѣстницами, потому что Его Величеству угодно, чтобы нижній этажъ этихъ казематовъ, безъ потери ни одного изъ нихъ, былъ вооруженъ бомбовыми пушками, второй—пудовыми

единорогами, а третій этажъ или платформа 36—фунтовыми пушками". Совершенно аналогичное, въ отношеніи рода и распредѣленія орудій повелѣніе послѣдовало въ 1850 году по поводу предположенія о вооруженіи казематированнаго верка, возводившагося поперекъ подъѣздного къ постоянному мосту черезъ Днѣпръ шоссе въ Кіевской крѣпости. Въ 1852 году, когда Государю представили проектъ смѣшаннаго вооруженія Павловской и Михайловской батарей въ Севастополѣ, Его Величество приказалъ орудія сгрупировать по родамъ и калибрамъ и установить: на Павловской батареѣ—въ первомъ и второмъ этажахъ бомбическія пушки, въ третьемъ—пудовые единороги и на платформѣ 30-фунтовыя пушки; на Михайловской батареѣ—въ нижнемъ этажѣ бомбическія пушки, въ верхнемъ—пудовые единороги и на платформѣ 30-фунтовыя пушки.

Не упускалась Государемъ изъ вида и необходимость наличности приборовъ для стрѣльбы. Провѣрка такой наличности въ Севастополѣ была между прочимъ возложена въ 1853 году на генералъ-маіора Баранцева, который донесъ, что на береговыхъ батареяхъ крѣпости имѣется всего по одному прибору съ діоптрами на два орудія. „На приморскихъ батареяхъ—писалъ Баранцевъ—стрѣльба должна производиться поспѣшно и одновремено изъ всѣхъ орудій; нумеръ, наводящій орудіе, долженъ имѣть прицѣлъ постоянно въ рукахъ; онъ обязанъ слѣдить за движеніемъ корабля, чтобы имѣть возможность уловить надлежащій моментъ для производства выстрѣла; передача діоптра отъ одного орудія къ другому совершенно неудобна, а въ казематированныхъ батареяхъ часто неисполнима". За неимѣніемъ лучшаго, Баранцевъ приказалъ сдѣлать „недостающее число діоптровъ простыми, изъ тонкихъ дощечекъ". На докладѣ Государь собственноручно начерталъ: „Не мѣшаетъ тоже учинить и въ Кронштадтѣ, и въ Свеаборгѣ, и въ Ревелѣ, ежели уже не сдѣлано".

Не пренебрегался и вопросъ о надлежащей постановкѣ

практики крѣпостной артилеріи. Дѣло въ томъ, что въ описываемую эпоху практическая стрѣльба крѣпостной артилеріи производилась долгое время не съ верковъ, а съ особыхъ полигоновъ въ окрестностяхъ крѣпостей, т. е. практическая стрѣльба велась въ обстановкѣ несходной съ боевой. Въ январѣ 1843 года Николай Павловичъ приказалъ, „для лучшей практики артилеристовъ и наблюденія инженеровъ, производить на будущее время цѣльную стрѣльбу въ крѣпостяхъ съ крѣпостныхъ валовъ и изъ казематовъ". Имѣя же въ виду, что такая стрѣльба должна производиться весьма осмотрительно, по наличности у крѣпостей форштатовъ и поселковъ, Государь повелѣлъ представить ему на разсмотрѣніе самыя подробныя по каждой крѣпости свѣдѣнія о томъ, съ какихъ именно участковъ валовъ или изъ какихъ казематовъ думаютъ производить стрѣльбу, по какимъ направленіямъ, какова тамъ мѣстность, имѣются-ли поселки, пашни, сѣнокосы и т. п. На сколько внимательно эти данныя разсматривались Императоромъ, доказываетъ такой примѣръ. Получивъ затребованныя свѣдѣнія по Динабургу, въ которомъ было предположено вести практическую стрѣльбу съ вала 5-го бастіона и изъ казематовъ 6-го куртинлюнета, Монархъ замѣтилъ, что относительно свободная площадь въ направленіи выстрѣловъ крайне тѣсна, да еще пересѣкается дорогою, по которой сообщаются старый и новый форштаты. Находя посему производство стрѣльбы, согласно намѣченному, крайне опаснымъ, Его Величество приказалъ избрать другое мѣсто. Тогда намѣтили для сказанной цѣли мостовое укрѣпленіе. Вновь разсмотрѣвъ мѣстное предположеніе, Государь призналъ таковое пріемлемымъ; но, обративъ вмѣстѣ съ тѣмъ вниманіе на то, что на линіи выстрѣловъ лежали пашни и сѣнокосы помѣщика Клопмана, Монархъ повелѣлъ, „для устраненія съ его стороны какихъ-либо претензій", начинать учебную стрѣльбу не ранѣе уборки сѣна и хлѣба, принимая при этомъ и другія предосторожности.

Какъ и по всѣмъ крѣпостнымъ вопросамъ, и по вопросу о вооруженіи верковъ Николай Павловичъ входилъ зачастую въ техническія мелочи, въ родѣ способовъ постановки орудій на мѣста или распредѣленія снарядовъ по хранилищамъ. Въ сентябрѣ 1841 года, будучи въ Новогеоргіевскѣ и замѣтивъ, что пріемы артилеристовъ по водворенію орудій на назначенныя для нихъ мѣста крайне сложны и медлительны, Царь самъ указалъ имъ, какъ легче справиться съ дѣломъ. Въ 1846 году князь Варшавскій, вслѣдствіе крайней недостаточности въ Александровской цитадели помѣщеній, кои могли быть предназначены для храненія вполнѣ снаряженныхъ снарядовъ, разрѣшилъ имѣть такихъ снарядовъ: для крупныхъ калибровъ—по 100 на орудіе, а для прочихъ—по 50; всѣ же остальные снаряды содержать въ неготовомъ видѣ. Не протестуя противъ указанныхъ нормъ, Государь нашелъ, однако, что надежды на возможность быстраго снаряженія комплектовъ въ минуту надобности могутъ не оправдаться и что оставленіе снарядовъ неготовыми къ дѣйствію не вызывается даже необходимостью. Его Величество указалъ, что готовые снаряды могутъ храниться удобно и безопасно въ фортѣ Сливицкомъ, откуда ихъ легко будетъ развезти по мѣстамъ при первой же надобности.

Въ ряду цѣлой серіи документовъ, свидѣтельствующихъ объ отношеніи Николая Павловича къ вопросамъ вооруженія и о компетентности въ нихъ, упомяну хотя бы о такомъ.

Весною 1837 года въ Кронштадтѣ была произведена грандіозная опытная стрѣльба: „304 орудія практически дѣйствовали по фарватеру и доказали, что Кронштадтскія батареи готовы къ бою“. На этой стрѣльбѣ присутствовалъ адъютантъ Великаго Князя Михаила Павловича, артилеріи полковникъ Бакунинъ, который представилъ затѣмъ обширную записку о видѣнномъ и о мѣрахъ, подлежавшихъ, по его мнѣнію, къ выполненію. Записка была представлена Государю, и Его Величество

не только прочелъ ее отъ начала до конца, но всю уснастилъ собственноручными замѣтками—резолюціями. Изъ этихъ резолюцій привожу только небольшую часть.

Бакунинъ указываетъ, что на „Рисбанкѣ“ крѣпленія поворотныхъ платформъ испорчены. Резолюція: „Надо знать отъ чего? Отъ гнилости ли бруствера (деревяннаго) или отъ дурной ковки скрѣпленія? И потомъ исправить“.

Обнаружены неисправности установочныхъ частей послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ. Резолюція: „Это надо немедля сообщить комитету, которому ѣхать въ Кронштадтъ и все сіе испробовать и исправить на мѣстѣ“.

Бакунинъ писалъ, что при орудіяхъ, для номера съ трубками, „который вмѣстѣ съ тѣмъ держитъ въ крѣпостной артилеріи запалъ, скамейки не положено было, полагая, что онъ можетъ входить на платформу по брусьямъ, которые находятся подъ заднимъ краемъ платформы; брусья сіи были тогда такъ устроены, что нижній былъ длиннѣе верхняго; распоряженіемъ артилерійскаго департамента или чьимъ другимъ, не знаю, изъ экономіи нижніе брусья отрѣзали“, и безъ скамейки не обойтись. Резолюція: „Исправить, сдѣлавъ у лѣваго бруса желѣзное стремя или подножку, и испробовать—не будетъ ли удобнѣе скамейки, которая лишаетъ скорости поворотъ“.

Артилерійскимъ гарнизонамъ фортовъ, въ ожиданіи въ военное время подхода непріятеля, приходится лежать на голыхъ камняхъ; хорошо бы сдѣлать изъ старыхъ канатовъ маты. Резолюція: „Можно“.

Въ углу купеческой гавани весьма полезно поставить новую оборонительную башню. Резолюція: „Предполагается современемъ; но есть еще нужнѣе того работы“.

Дѣйствіе по кораблямъ книпелями (снарядъ изъ двухъ полушарій, соединенныхъ стержнемъ), неизвѣстно почему, отмѣнено; а между тѣмъ книпели для судовъ, по мнѣнію Бакунина, весьма „вредоносны“. Резолюція: „Не помню; узнать“.

Для усиленія обороны, хорошо бы имѣть блокшифъ, устанавливаемый между купеческою гаванью и Кроншлотомъ. Резолюція: „Предположено поставить 100-пушечный“ *).

Изложеннымъ въ III и IV главахъ я стремился охарактеризовать отношеніе Николая Павловича къ вопросамъ военно-инженерной техники въ дѣлѣ проектированія и созиданія крѣпостныхъ сооруженій. Для того же, чтобы получить хотя бы приблизительное представленіе объ объемѣ труда, посвященнаго военно-инженерному дѣлу Монархомъ, лично разсматривавшимъ рѣшительно всѣ, даже третьестепенной важности, проекты, мнѣ остается указать, что при Императорѣ Николаѣ I было вновь отстроено 10 штатныхъ крѣпостей, 111 отдѣльныхъ самостоятельныхъ укрѣпленій и 46 самостоятельныхъ укрѣпленныхъ постовъ, а въ нихъ: оборонительныхъ казармъ и башенъ—120, казематовъ жилыхъ—3.794, казематовъ нежилыхъ—3.817, помѣщеній для войскъ—на 148.224 человѣка, помѣщеній для провіанта—на 256.332 четверти и помѣщеній для пороха—на 205.856 пуд. **).

*) З, № 15—1822, 10, 11; № 103—1824, 1—5; № 13—1836, 4, 8; И, № 4—1817, 31, 105, 109—125, 143; I, № 36—1837, 439—448; № 32—1840; 239. № 10—1843, 1, 112, 117; № 39—1846, 1; К, № 47—1836, 3; № 111—1841, 1, 2; № 157—1846, 8—11; О, № 15—1848, 5; № 130—1850, 1; Т, № 3—1850, 72, 224; Ф, № 108—1834, 6—17.

**) Истор. обозр., 397; Савельевъ, 166.

ГЛАВА V.

Осмотры Николаемъ Павловичемъ крѣпостей и работъ по нимъ. Общій характеръ такихъ осмотровъ. Личная подготовка Монарха къ предстоящимъ осмотрамъ. Провѣрка на мѣстахъ генеральныхъ плановъ крѣпостей, разбивокъ и трасировокъ отдѣльныхъ укрѣпленій. Провѣрка на мѣстахъ же строительныхъ предположеній и утвержденіе проектовъ. Заботы о прочности сооруженій и о чистотѣ ихъ отдѣлки. Щеголеватость строительныхъ работъ—конекъ вѣнценоснаго военнаго инженера. Разнообразность техническихъ указаній производителямъ работъ. Передѣлки уже сдѣланнаго. Вниманіе къ продуктивности строительной дѣятельности каждаго изъ инженерныхъ офицеровъ. Требованія по отношенію къ содержанію верковъ и зданій. Отвѣтственность квартирующихъ войскъ за сохранность казармъ. Инструкція комендантамъ крѣпостей. Степень тщательности Высочайшихъ осмотровъ жилыхъ помѣщеній. Заботы о разведеніи въ крѣпостяхъ растительности. Запечатлѣніе результатовъ посѣщенія крѣпостей. Личныя замѣтки Государя. Приказы объ осмотрахъ Августѣйшаго генералъ-инспектора. Характерные штрихи изъ донесеній мѣстныхъ властей о посѣщеніяхъ крѣпостей Императоромъ.

Въ бытность Николая Павловича генералъ-инспекторомъ по инженерной части, значительныя строительныя работы производились только въ двухъ крѣпостяхъ: въ Динабургѣ и въ Бобруйскѣ. Обѣ эти крѣпости Великій Князь посѣщалъ ежегодно по два раза, весною и осенью, иногда осенью даже два раза, часто посвящая осмотру работъ, сооруженій и гарнизоновъ по нѣскольку дней. Такъ, въ Динабургской крѣпости въ 1821 году Его Высочество былъ и въ сентябрѣ, и въ ноябрѣ; въ весенній объѣздъ 1824 года и осенній 1825 года пробылъ въ ней по недѣлѣ, именно съ 16 по 22 мая и съ 1 по 8 сентября. Весенніе объѣзды имѣли цѣлью провѣрку на мѣстѣ предстоявшихъ работъ, предварительныхъ по нимъ распоряженій и трасировокъ; осенніе—осмотръ возведенныхъ уже сооруженій.

И по восшествіи на престолъ Николай Павловичъ

почти ежегодно посѣщалъ извѣстное число крѣпостей, но обыкновенно уже не оставался въ нихъ на такой длинный срокъ, ограничивая свои осмотры однимъ—двумя днями. Только въ случаяхъ исключительныхъ Государь останавливался въ крѣпостяхъ на болѣе продолжительное время и посѣщалъ ихъ чаще обыкновеннаго. Напримѣръ, въ Кіевской крѣпости, гдѣ обнаружилось къ тому времени весьма невыгодное для крѣпостныхъ работъ движеніе „материковаго грунта“, Императоръ провелъ: въ 1850 году—5 дней (21—25 сентября), въ 1851 году—4 дня (14, 15, 19 и 20 сентября) и въ 1852 году—2 дня (5 и 6 октября). По скольку то зарегистрировано въ документахъ, Николай Павловичъ, въ періодъ своего царствованія, осматривалъ крѣпости: Динабургъ—13 разъ, Бобруйскъ—8 разъ, Новогеоргіевскъ—13 разъ, Варшавскую Александровскую цитадель—12 разъ, Ивангородъ—4 раза, Брестъ-Литовскъ—7 разъ, Виленскія укрѣпленія—1 разъ (10 августа 1837 г.), Кіевъ—13 разъ, Кронштадтъ—30 разъ, Ревель—2 раза, Свеаборгъ—2 раза, Севастополь—3 раза, Измаилъ—1 разъ (въ іюнѣ 1828 г.), Бендеры—1 разъ (то-же), Анапу—1 разъ (24 сентября 1837 г.), Ахалцыхъ—1 разъ (1 октября 1837 г.) и Александрополь—1 разъ (4 октября 1837 г.). Можно сказать съ увѣренностью, что свѣдѣнія эти не полны и что въ дѣйствительности многія крѣпости были осмотрѣны Монархомъ значительно большее число разъ.

Архивный матеріалъ, обширный въ количественномъ отношеніи, но, къ сожалѣнію, не чуждый большой сухости содержанія и изложенія, позволяетъ сдѣлать такую общую характеристику объѣздовъ крѣпостей Императоромъ.

Почти всегда Государь пріѣзжалъ въ ту или другую крѣпость либо рано утромъ, иногда на разсвѣтѣ, либо поздно вечеромъ, на ночь. Въ послѣднемъ случаѣ онъ останавливался въ имѣвшихся почти всюду царскихъ покояхъ—небольшомъ и скромномъ помѣщеніи, подъ которое обычно отводилась часть комендантскаго дома.

Это помѣщеніе почти во всѣхъ крѣпостяхъ устраивалось, согласно однажды отданному повелѣнію, по одному и тому же плану, именно по плану царскихъ покоевъ въ Кронштадтѣ, начертанному самимъ Императоромъ. Мебель въ царскихъ покояхъ была простая, березовая; утварь—самая необходимая и незатѣйливая. Соотвѣтственно порядку, установленному самимъ Николаемъ Павловичемъ еще въ бытность генералъ-инспекторомъ, при пріѣздѣ Царя вь ту или другую крѣпость, предписывалось „никакой особенной встрѣчи не дѣлать", а всѣмъ чинамъ инженернаго вѣдомства находиться при своихъ должностяхъ и занятіяхъ. Изъ этихъ чиновъ встрѣчали Государя только командиръ инженернаго округа и строитель (или командиръ инженерной команды), и то не при въѣздѣ въ крѣпость, а при входѣ Его Величества въ царскіе покои; сюда не допускали болѣе никого, за исключеніемъ адъютанта окружного командира, если таковой имѣлся. На ординарцы наряжался юнкеръ или кондукторъ инженерной команды; „офицеровъ инженернаго корпуса, военно-рабочихъ ротъ и сихъ послѣднихъ нижнихъ чиновъ, безъ особыхъ приказаній", не разрѣшалось наряжать „ни на ординарцы, ни для посылокъ". Инженерная команда и военно-рабочія роты осматривались уже при обходѣ работъ или крѣпостныхъ сооруженій, для чего ихъ выстраивали въ приличномъ мѣстѣ въ полной походной амуниціи. Тогда же командиръ округа представлялъ поименно всѣхъ инженерныхъ офицеровъ.

Обходы и объѣзды крѣпостныхъ работъ и сооруженій зачастую начинались раннимъ утромъ и продолжались до поздняго вечера, при чемъ обѣдалъ Царь, по свидѣтельству Бенкендорфа, обыкновенно „наскоро". Работы, находившіяся въ ходу, осматривались всѣ безъ исключенія, какъ и большинство сооруженій вновь отстроенныхъ. При обозрѣніи крѣпостныхъ оградъ, Николай Павловичъ большею частью всходилъ на валы и слѣдовалъ по нимъ на значительномъ протяженіи обычно

„по покатостямъ бруствера“. Иногда Его Величество выходилъ къ подошвѣ гласиса и далѣе въ поле, обозрѣвая верки съ наружной стороны. Слѣдуя по крѣпостнымъ валамъ, Царь часто останавливался и зорко осматривалъ впередилежащую мѣстность, изучая ея конфигурацію и мѣстные предметы. Наличность такихъ изъ числа послѣднихъ, кои были невыгодны для цѣлей обороны, всегда озабочивала Монарха. Такъ, 31 мая 1846 года, „Его Величество, съ высоты главнаго вала, обративъ вниманіе на малый Динабургскій форштатъ, изволилъ спрашивать: скоро ли оный будетъ уничтоженъ? По докладу господина коменданта, что строенія въ немъ приходятъ въ разрушеніе, Государь соизволилъ изъявить удовольствіе“. Обращалось вниманіе и на значеніе для обороны близь-лежащихъ возвышенностей. Напримѣръ, въ маѣ 1850 года, слѣдуя по валамъ Брестъ-Литовска и дойдя до исходящаго угла бастіона № 1, Императоръ обратилъ вниманіе на впередилежащую возвышенность „и вошелъ въ разсмотрѣніе дефилированія верковъ“. Въ то же время не упускалъ Государь и случая оцѣнить степень взаимной поддержки различныхъ верковъ, давая соотвѣтственныя наставленія, какъ далъ рядъ таковыхъ въ 1851 году по Кіевской крѣпости „для открытія взаимнаго дѣйствія башенъ Прозоровской и № V и доставленія ими этой части крѣпости затыльной обороны“.

При осмотрахъ отдѣльныхъ укрѣпленій данной крѣпости, переходы между ними совершались большею частью пѣшкомъ. Дурная погода Государя не пугала и не вліяла на тщательность осмотра. Такъ, 11 октября 1835 года посѣщеніе Кіевской крѣпости совпало съ внезапнымъ наступленіемъ ранней зимы. „Выпавшій уже въ довольно большомъ количествѣ снѣгъ—пишетъ Бенкендорфъ—значительно затруднялъ переходы наши по необитаемымъ пустырямъ, по которымъ мы пробирались къ укрѣпленіямъ съ дѣятельною живостью, отличавшею Императора Николая, особенно во всемъ, касавшемся до инже-

нерной части“. По поводу осмотра той же крѣпости 5 и 6 октября 1852 года, окружной командиръ генералъ-лейтенантъ Фрейманъ, доносилъ, что всѣ свои приказанія Царь отдавалъ непосредственно строителю крѣпости, полковнику Клименку, ибо онъ, Фрейманъ, „по слабости ногъ, былъ не въ состояніи слѣдовать безотлучно при особѣ Его Императорскаго Величества во время быстраго перехода отъ одного мѣста къ другому“.

Въ крѣпостяхъ морскихъ—Кронштадтѣ, Ревелѣ—къ отдѣльнымъ морскимъ батареямъ и фортамъ путь совершался на гребномъ катерѣ; по осмотрѣ же работъ и сооруженій, Государь иногда объѣзжалъ укрѣпленія кругомъ, чтобы „обозрѣть гранитную кладку“, какъ это было въ Ревелѣ 30 октября 1827 года. Попутно съ осмотромъ верковъ, посѣщались госпиталя, арсеналы, склады и казармы, а въ береговыхъ крѣпостяхъ—доки и другія адмиралтейскія сооруженія. Почти всегда удѣлялось время и на поѣздку къ „плацъ-парадному мѣсту“, гдѣ производился краткій смотръ частямъ гарнизона крѣпости. Иногда дѣлались „ученья“ войсковымъ частямъ, на что удѣлялось уже больше времени, а однажды, въ 1835 году, цѣлый день былъ посвященъ обозрѣнію у крѣпости Брестъ-Литовска маневра корпуса генерала Крейца. Крѣпостные соборы посѣщались каждый разъ и тутъ слушалось краткое богослуженіе. Въ Кіевѣ Государь часто бывалъ на обѣднѣ въ лаврѣ. Тамъ же, въ промежутокъ между утренними и вечерними осмотрами крѣпости, посѣщались университетъ, институтъ и гимназія. При переѣздахъ по улицамъ внутри крѣпостей, Николай Павловичъ „пристально“ приглядывался ко всякимъ, казеннымъ и частнымъ домамъ, и нерѣдко обнаруживалъ ихъ недочеты въ томъ или другомъ отношеніи. Такъ, 3 августа 1837 года, проѣзжая по улицамъ Динабурга, Его Величество замѣтилъ частное фахверковое зданіе, тотчасъ приказалъ навести справки, кто разрѣшилъ постройку таковаго, а узнавъ, что домъ возведенъ безъ разрѣшенія, повелѣлъ предписать мѣст-

ному начальству „наистрожайше смотрѣть, дабы впредь не были внутри крѣпости возводимы подобныя строенія“. Вечера посвящались, какъ увидимъ, занятіямъ съ мѣстнымъ инженернымъ начальствомъ, а въ западныхъ крѣпостяхъ, кромѣ того, „занятіямъ съ фельдмаршаломъ дѣлами царства“.

Бывали случаи, когда при Государѣ въ крѣпостяхъ совершались торжества закладки, освященія и наименованія верковъ. Наиболѣе памятнымъ изъ такихъ торжествъ является устроенное 21 мая 1833 года, въ день Пятидесятницы, въ крѣпости Динабургѣ, главныя работы по которой къ тому времени были уже закончены. Въ этотъ день, Государь, пріѣхавшій въ крѣпость наканунѣ, повелѣлъ совершить, въ своемъ присутствіи, послѣ литургіи, крестный ходъ изъ соборной церкви на крѣпостные валы и освятить приготовленный тамъ штандартъ. „Гарнизонъ и всѣ расположенныя въ окрестностяхъ войска—пишетъ Бенкендорфъ—были разставлены на валѣ, по всѣмъ извилинамъ куртинъ и бастіоновъ. Послѣ торжественнаго богослуженія въ церкви, всѣ вышли на тотъ бастіонъ, который былъ предназначенъ для поднятія крѣпостного флага, и когда послѣдній взвился на верхъ мачты, войска и крѣпостныя орудія салютовали освященію этой величественной и грозной твердыни. Особенно примѣчательнаго случилось тутъ то, что въ минуту окропленія флага святою водою и потомъ поднятія его, всѣхъ насъ оросило дождемъ при совершенно чистомъ и ярко сіявшемъ небѣ. Солдатамъ это показалось особеннымъ чудомъ, изліяніемъ милости Божіей на новую крѣпость, и ихъ „ура“ загремѣло отъ того еще громче. Засимъ, Государь, въ предшествіи духовенства со святою водою и въ сопровожденіи своей свиты, обошелъ весь валъ и всѣ стоявшія на немъ войска, которыя отдавали ему честь. Величественное это зрѣлище привлекло множество народа изъ всѣхъ окрестностей. Въ заключеніе церемоніи, войска, сойдя съ вала

выстроились въ колоны за эспланадою, гдѣ Государь сдѣлалъ имъ смотръ".

Торжество дѣйствительно произвело сильное впечатлѣніе какъ на гарнизонъ, такъ и на мѣстныхъ жителей. Немного времени спустя, комендантъ Динабурга, отъ лица перваго и вторыхъ, всеподданнѣйше возбудилъ ходатайство о совершеніи крестнаго хода на крѣпостные валы ежегодно въ день Троицы. Государь затребовалъ заключенія отъ оберъ-священника арміи и флота, который отозвался, что въ этотъ день совершается и безъ того длинное богослуженіе, почему крестный ходъ, не могущій не быть обременительнымъ для мѣстнаго духовенства, лучше перенести на день Преполовенія. Тогда съ мѣста поднялъ голосъ уже протоіерей крѣпостного собора, заявившій отъ себя, причта и всей своей паствы, что имъ дорога память событія и дня онаго, что объ обременительности для духовенства жаждуемаго ежегодно торжества не можетъ быть и рѣчи. Государь направилъ просьбу въ святѣйшій синодъ, который возраженій не представилъ. И крестный ходъ на валы крѣпости въ Троицу былъ установленъ навсегда *).

Многіе объѣзды крѣпостей Императоръ совершалъ совмѣстно съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ. Такъ, Его Высочество сопровождалъ Монарха при осмотрахъ въ 1837 году крѣпостей Динабурга, Бобруйска, Кіева, Севастополя и Александрополя, въ 1840 году—Кіева, въ 1846 году—Кронштадта, въ 1850 году—Брестъ-Литовска. Подъ конецъ своего царствованія, Николай Павловичъ почти всегда бралъ съ собою въ объѣзды крѣпостей Великихъ Князей Николая Николаевича и Михаила Николаевича. Однажды, именно 8 мая 1851 года, Николай Павловичъ показывалъ во всѣхъ подробностяхъ устрой-

*) А, № 120—1819, 1—3; 3, № 97—1834, 492, 493; № 108—1834, 1, 2; И, № 25—1829, 1, 2, 10; I, № 164—1837, 1; № 52—1846, 1—3; № 62—1846, 1—3; № 66—1846, 1, 2; К, № 66—1838, 1; 118—1843, 3; О, № 66—1850, 23, № 135—1851, 19; № 136—1852, 2; Т, № 2—1851, 16; Шильдеръ, Имп. Н. I, т. II, 664, 695, 721, 722.

ство крѣпости Новогеоргіевской Королю Прусскому. Бывали примѣры, и не единичные, осмотра крѣпостей Царемъ въ присутствіи иностранныхъ принцевъ и чужеземныхъ посланниковъ. 18 іюня 1836 года Николай Павловичъ отправился въ Кронштадтъ вмѣстѣ съ англійскимъ полномочнымъ министромъ, лордомъ Дургамомъ. Тамъ, на большомъ рейдѣ, былъ произведенъ смотръ флоту, послѣ чего состоялся объѣздъ всѣхъ оборонительныхъ сооруженій, по коимъ шли болѣе или менѣе значительныя работы. Между прочимъ, въ этотъ день была совершена торжественная закладка оборонительной казармы № 2, при чемъ Государь собственноручно заложилъ на извести кирпичъ и предложилъ сдѣлать то же лорду Дургаму. Въ 1844 году, 3 іюля, Императоръ осматривалъ Кронштадтскую крѣпость вмѣстѣ съ прусскимъ генераломъ Раухомъ; 8 мая 1845 года—съ нимъ же Новогеоргіевскъ, а 10 числа того же мѣсяца—Варшавскую Александровскую цитадель съ принцемъ Эмилемъ Гессенскимъ; 9 іюня 1845 года—укрѣпленія Кронштадта съ принцами Карломъ Прусскимъ и Фридрихомъ Нидерландскимъ и генераломъ Раухомъ; 4 іюля 1846 года—крѣпость Кронштадтъ съ принцемъ Оскаромъ Шведскимъ и т. д.

Передъ отъѣздомъ своимъ изъ столицы для осмотра крѣпостей, Государь, такъ сказать, оріентировался въ предстоящемъ дѣлѣ, припоминая фактическое состояніе укрѣпленныхъ пунктовъ по послѣднимъ чертежамъ и соотвѣтственнымъ документамъ инженернаго департамента. Напримѣръ, въ началѣ августа 1841 года, начальникъ военно-походной канцеляріи Его Величества, генералъ-адъютантъ Адлербергъ, потребовалъ изъ департамента для указанной цѣли всѣ послѣднія свѣдѣнія объ успѣхѣ работъ по Динабургу, Брестъ Литовску, Варшавѣ, Новогеоргіевску и Ивангороду, а также планы этихъ крѣпостей съ показаніемъ на нихъ, какія работы были назначены на тотъ годъ и что исполнено въ дѣйствительности.

Нерѣдко Государь провѣрялъ на мѣстахъ Высочайше утвержденные генеральные планы крѣпостей, опредѣляя, на сколько эти планы соотвѣтствуютъ наличнымъ условіямъ обороны и конфигураціи мѣстности и не требуется ли произвести въ нихъ какихъ-либо измѣненій. Такимъ образомъ былъ провѣренъ генеральный планъ Кіевской крѣпости 31 мая 1830 года, провѣренъ и видоизмѣненъ по детальнымъ указаніямъ самого Монарха, опредѣлившаго также и районы, въ которыхъ можно строиться обывателямъ. При подобныхъ случаяхъ Государь зачастую лично назначалъ точныя мѣста для тѣхъ или другихъ крѣпостныхъ сооруженій, предварительно провѣряя на мѣстности удобство ихъ расположенія и соотвѣтствіе общей идеи обороны. Такъ, въ сентябрѣ 1837 года Николай Павловичъ, будучи въ Севастополѣ, назначилъ мѣста подъ постройку люнетовъ для усиленія Сѣвернаго укрѣпленія, а также мѣста подъ сооруженіе береговыхъ башенъ, послѣднихъ—какъ средства для отраженія попытокъ къ производству десанта; въ сентябрѣ 1843 года, при осмотрѣ Кіевской крѣпости, Его Величество избралъ мѣсто для оборонительной казармы между башнями № 5 и № 6, измѣнивъ расположеніе башни № 6; въ сентябрѣ 1850 года, въ томъ же Кіевѣ, лично избралъ у Пещернаго косогора („дальнія пещеры“) мѣсто для устройства казематированнаго верка, предназначавшагося для продольнаго обстрѣливанія дороги отъ постояннаго черезъ Днѣпръ моста, и т. д.

Бывали случаи, и случаи эти отнюдь не представлялись исключительными, когда Императоръ самолично провѣрялъ цѣлесообразность произведенныхъ по укрѣпленіямъ трасировокъ. Въ 1832 году, свѣривъ на мѣстѣ, въ Кіевѣ, трасировку укрѣпленія по Васильковской дорогѣ съ Высочайше утвержденнымъ планомъ, Николай Павловичъ хотя и увидѣлъ точное совпаденіе трасировки съ чертежемъ, но призналъ ее несоображенною съ мѣстностью и вызывающею излишніе расходы, почему

и преподалъ рядъ измѣненій. То же и тогда же было сдѣлано по нѣкоторымъ веркамъ Кіево-Печерской цитадели. Осмотрѣвъ трасировку башенъ № 2 и № 3, сдѣланную, „слѣдуя во всей точности размѣрамъ Высочайше утвержденнаго генеральнаго плана“, Императоръ замѣтилъ, „что значительная часть башни № 2, обращенная къ сторонѣ Звѣринецкаго укрѣпленія, снисходила въ прилегающую рытвину, и для возведенія фундамента подъ сію часть башни востребовались бы значительныя издержки, во избѣжаніе чего“ Его Величество повелѣлъ центръ башни подать внутрь крѣпостного расположенія на 12 саж. По обозрѣніи же мѣстности, „на которой учинена была трасировка башни № 3, соизволилъ опредѣлить гораздо выгоднѣйшее оной башни положеніе, подавъ центръ оной по продолженію праваго длиннаго крыла земляного укрѣпленія далѣе отъ опредѣленнаго прежнею трасировкою центра башни на 18 саж.“. Въ томъ же Кіевѣ, въ сентябрѣ 1843 года, Государь лично провѣрилъ трасировку гласисовъ и плацдармовъ Госпитальнаго укрѣпленія и исправилъ трасировку башни № 5. Наконецъ, въ той же крѣпости, разсмотрѣвъ въ 1851 году проекты цѣлаго ряда оборонительныхъ работъ, Монархъ приказалъ: „Все это разбить и означить вѣхами къ слѣдующему дню для личнаго осмотра“.

При объѣздахъ крѣпостей, весьма часто, почти каждый разъ, Государемъ провѣрялись правильность и планомѣрность строительныхъ на будущій годъ предположеній. Такимъ дѣломъ 5 сентября 1832 года Царь занимался въ Бобруйскѣ, 31 мая 1846 года въ Динабургѣ и т. д.

Бывали примѣры утвержденія Императоромъ на мѣстахъ различныхъ фортификаціонныхъ проектовъ и различныхъ мѣропріятій по крѣпостямъ, утвержденія предположеній мѣстныхъ дѣятелей и властей. Особенно часто это случалось по западнымъ крѣпостямъ, по личнымъ докладамъ генерала Дена. Къ такимъ фактамъ инженерный департаментъ относился съ большою щепе-

тильностью, Но на дѣла по западной границѣ департаментское неудовольствіе особаго вліянія не имѣло: западный округъ, какъ мы видѣли, отвоевалъ себѣ почти полную автономію, и попытки департамента обуздать генерала Дена почти безъ исключеній терпѣли неудачу. За то строителямъ болѣе близкихъ крѣпостей разсматриваемые казусы даромъ не проходили. Напримѣръ, 30 октября 1827 года, строитель Ревеля, полковникъ Фельдманъ (впослѣдствіи директоръ департамента), поднесъ Государю на утвержденіе относительно мелочной проектъ—детальные чертежи амбразуръ на „двойной“ батареѣ. Императоръ утвердилъ. Инженерный департаментъ далъ полковнику порядочный нагоняй за Высочайшее утвержденіе чертежей, еще не разсмотрѣнныхъ въ центральномъ органѣ инженернаго вѣдомства *).

При осмотрахъ крѣпостей Николай Павловичъ постоянно указывалъ строителямъ и производителямъ работъ на необходимость заботиться какъ о прочности, такъ и о чистотѣ въ отдѣлкѣ, о красотѣ и изяществѣ сооруженій. Соблюденіе этого указанія всегда вызывало Высочайшую благодарность; несоблюденіе—большое неудовольствіе. Въ приказѣ по инженерному корпусу, относящемся къ сентябрю 1821 года, между прочимъ, читаемъ: „Осмотрѣвъ крѣпостныя работы въ Динабургѣ, удостовѣрился въ отличномъ порядкѣ и правильности оныхъ, не смотря на важныя и многочисленныя препятствія. Отдаю полную справедливость неутомимымъ трудамъ“ строителя и его сотрудниковъ. „Надѣюсь, что усердіемъ ихъ въ скоромъ времени крѣпость приведена будетъ въ должный видъ, съ надлежащею прочностью и чистотою въ отдѣлкѣ“. Въ іюлѣ 1827 года, осмотрѣвъ крѣпостныя

*) З, № 97—1834, 491; И, № 1—1832, 55, 56; № 10—1833, 2—№ 36—1834, 1—4; I, № 36—1836, 1, 2; № 7—1840, 118; № 66—1846, 1—2; № 62—1846, 1—3; К, № 81—1840, 1—4; № 118—1843, 1, 2; Л, № 105—1837, 4; О, № 66—1850, 72; № 135—1851, 23; П, № 35—1849, 1,—6; Т, № 138—1841, 1; № 131—1842, 3; № 98—II—1845, 1; № 98—VII—1845, 3; № 134—1846, 3, 7, 10, 12; Ф, № 118—1832, 4; № 105—1835, 1, 2; Х, № 160—1837, 2—5. Приказъ, № 41—1851; Шильдеръ, Имп. Н, I, т. II, 740—750.

сооруженія въ Кронштадтѣ и „найдя оныя въ отличномъ состояніи, съ прочностью, красотою и искусствомъ произведенныя“, Императоръ выразилъ свою признательность всѣмъ причастнымъ къ дѣлу лицамъ, отъ директора инженернаго департамента до младшаго производителя работъ включительно. Въ сентябрѣ 1833 года, осматривая ту же крѣпость, Государь замѣтилъ, „что кирпичная кладка въ упорахъ оборонительной стѣнки по правую сторону С.-Петербургскихъ воротъ производится весьма дурно, что отчасти должно приписать невниманію офицера, при сей работѣ находящагося, а отчасти и дурному свойству кирпича, отъ подрядчика доставленнаго“; послѣдовалъ жестокій разносъ мѣстному инженерному начальству отъ Августѣйшаго генералъ-инспектора. Почти то же было замѣчено по Динабургу въ 1838 году.

Въ іюнѣ этого года начальникъ военно-походной Его Величества канцеляріи сообщилъ военному министру: „Государь Императоръ, осмотрѣвъ, при послѣднемъ проѣздѣ Его Величества черезъ Динабургъ, вновь произведенныя тамъ крѣпостныя работы, замѣтить изволилъ, что кладка кирпича не производится тамъ съ надлежащею тщательностью и отнюдь не такъ хороша, какъ Его Величество изволилъ найти оную въ прошломъ году въ Бобруйскѣ, и нынѣ въ Кронштадтѣ и въ особенности въ Новогеоргіевскѣ“. Основываясь повидимому именно на этомъ документѣ, графъ Чернышевъ, не безъ сгущенія красокъ, увѣдомилъ управляющаго инженернымъ департаментомъ, генералъ-адъютанта Геруа, что Государь въ Динабургѣ убѣдился, „что кирпичная кладка производится весьма дурно и нерачительно“, почему и повелѣлъ, „дабы на этотъ предметъ было обращено особое и строжайшее вниманіе“.

Осматривая въ маѣ 1845 года Кіевскую крѣпость, Царь обратилъ между прочимъ вниманіе на чистоту работы по обдѣлкѣ гранитомъ щекъ амбразуръ башни № 5; однако, въ общемъ видѣнное удовлетворило Его Величество не вполнѣ: „Все, что я видѣлъ—сказалъ

Монархъ командиру инженернаго округа—очень хорошо, но нужно болѣе щегольства“.

Справедливость требуетъ отмѣтить, что настоянія на щеголеватости и чистотѣ отдѣлки въ каменныхъ работахъ зачастую переходили за черту холоднаго благоразумія и завершались иногда на практикѣ и затяжкою работъ, и ихъ удорожаніемъ. Николай Павловичъ въ этомъ дѣлѣ несомнѣнно увлекался какъ художникъ строительнаго искусства. Въ февралѣ 1835 года, при осмотрѣ работъ по устройству цоколя въ люнетѣ № 3 крѣпости Брестъ-Литовскъ, князь Варшавскій, очевидно по просьбѣ самого Дена, поручилъ послѣднему „сдѣлать опытъ такой кладки, которая, не имѣя столь чистой отдѣлки (какъ въ люнетѣ № 3), требовала бы меньшей тески камня, а слѣдовательно меньше издержекъ и времени, но не уступала бы ей въ отношеніи прочности“. Денъ, почти тотчасъ же, доложилъ, что опытъ (очевидно произведенный до приказанія) увѣнчался полнымъ успѣхомъ, и что ежели всѣ цоколя и эскарпы Бреста будутъ сдѣланы новымъ способомъ, то получится экономія до 1,5 мил. руб., а ходъ работъ значительно ускорится. На донесеніи же объ изложенномъ Государь начерталъ: „При возведеніи цоколей въ люнетахъ и эскарповыхъ стѣнахъ Брестъ-Литовской крѣпости производить впредь работы, согласно мнѣнію главнокомандующаго дѣйствующею арміею, посредствомъ кладки, имѣющей меньшую чистоту въ отдѣлкѣ, нежели произведенная въ прошломъ году, избѣгая, сколь возможно, употребленія мелкаго камня для соединенія между собою швовъ большихъ камней; но въ 3-мъ люнетѣ, для единообразія, окончить работы начатымъ въ прошломъ году способомъ“.

Уже изъ второй половины резолюціи видно, что Николай Павловичъ какъ бы сдался въ вопросѣ о щегольствѣ подъ давленіемъ экономическихъ соображеній и то лишь отчасти, что чистота работы была конькомъ вѣнценоснаго военнаго инженера. Это можно подтвердить

еще болѣе рельефно тѣмъ, что въ слѣдующій свой пріѣздъ въ Брестъ-Литовскъ Монархъ остался особенно доволенъ именно люнетомъ № 3 и выразилъ свое удовольствіе громко и безъ какихъ-либо оговорокъ.

Документы, касающіеся осмотровъ Николаемъ Павловичемъ крѣпостей, полны техническихъ замѣчаній, указаній и требованій, зачастую весьма детальнаго, а иногда даже мелочного характера. Напримѣръ, въ маѣ 1824 года, осматривая крѣпостныя работы въ Бобруйскѣ, Августѣйшій генералъ-инспекторъ преподалъ цѣлый рядъ наставленій: установилъ послѣдовательность работъ оборонительныхъ и необоронительныхъ; преподалъ детали устройства пороховыхъ погребовъ; измѣнилъ профили многихъ верковъ въ соотвѣтствіе съ мѣстными условіями: приказалъ устроить дополнительные выѣзды изъ нѣкоторыхъ укрѣпленій; рекомендовалъ мѣры для предупрежденія размывовъ дождями гласисовъ, насыпанныхъ изъ слабаго, илисто-песчанаго, грунта; приказалъ дренажировать почву у фундаментовъ, близь которыхъ были обнаружены ключи; преподалъ способы для упрежденія обваловъ крутостей земляныхъ эскарповъ, у подошвы коихъ понадобилось произвести отрывку земли; въ строившихся казармахъ измѣнилъ назначеніе покоевъ; узнавъ, что одинъ изъ двухъэтажныхъ флигелей намѣреваются выстроить на половину, но во всю высоту, приказалъ построить, вмѣсто этого, весь первый этажъ; въ возводимомъ комендантскомъ домѣ указалъ, въ какихъ комнатахъ полы слѣдуетъ сдѣлать паркетными и въ какихъ досчатыми; строившуюся деревянную казарму велѣлъ обшить досками и окрасить; далъ строителю, полковнику Розенмарку, „подробныя наставленія“, какъ устроить форштатъ и т. д.

Относясь съ такимъ вниманіемъ къ крѣпостному инженерному дѣлу въ бытность свою генералъ-инспекторомъ, Николай Павловичъ, и по восшествіи на престолъ, ничуть не измѣнилъ своему обычаю. Въ 1827 году, будучи въ Динабургѣ, Государь между прочимъ преподалъ

детальныя указанія для переустройства ряда казематовъ; намѣтилъ серію мелочныхъ передѣлокъ въ крѣпостномъ военномъ госпиталѣ; приказалъ устроить по улицамъ, вдоль воинскихъ зданій, сточныя канавы и т. д. Въ 1832 году, при осмотрѣ Бобруйска, приказалъ сортію набережной башни, „для лучшаго свѣта“, внутри выбѣлить, а буде эта мѣра окажется недостаточной—продѣлать вверху свода просвѣтъ; всѣ апарели въ крѣпости велѣно сдѣлать болѣе отлогими для облегченія выката орудій. Въ 1840 году, въ Кіевѣ, замѣтивъ чрезмѣрную крутость спуска въ потернѣ у башни № 2 и имѣя въ виду, что потерна эта для провоза орудій не предназначается, приказалъ устроить въ ней ступени. Въ 1843 году, въ томъ же Кіевѣ, лично указалъ, какъ устроить отводъ дождевыхъ водъ изъ крѣпости въ рытвину, находившуюся у Прозоровой башни; самъ опредѣлилъ размѣщеніе артилерійскихъ сараевъ внутри Васильковскаго укрѣпленія. Въ 1845 году, въ Динабургѣ, повелѣлъ сломать серію деревянныхъ службъ, оказавшихся крайне ветхими; остановилъ работы по устройству сообщенія съ полемъ черезъ мостовое укрѣпленіе, разъяснивъ, почему дѣлаемое нецѣлесообразно, и какъ слѣдуетъ вести работу, но воздержавшись отъ приказанія осуществить эту мысль до обсужденія ея въ Петербургѣ, совмѣстно съ высшимъ инженернымъ начальствомъ; приказалъ спустить воду изъ крѣпостныхъ рвовъ, тщательно осмотрѣть каменные эскарпы и замазать швы между лицевыми камнями самымъ прочнымъ цементомъ для предупрежденія ежегодной порчи стѣнъ; въ комендантскомъ домѣ, гдѣ обнаружилъ зловоніе, повелѣлъ переустроить отхожія мѣста въ ватерклозеты. Въ 1846 году, осмотрѣвъ рядъ крѣпостей, между прочимъ замѣтилъ, „что плотничная работа производится недовольно тщательно, а въ каменной кладкѣ фундаментовъ не постоянно наблюдается непремѣнное для прочности зданій правило, чтобы оная производилась такъ сказать на перевязь, т. е. чтобы одинъ камень непремѣнно входилъ въ другой“; инже-

нерному департаменту было повелѣно сдѣлать соотвѣтственныя сему распоряженія. Въ сентябрѣ 1847 года. въ Кіевѣ, бойницы на лѣвомъ флангѣ башни № 5 приказалъ обратить въ амбразуры для продольной обороны лежащаго тутъ оврага; подойдя къ косогору, что у Панкратьевскаго спуска, у военнаго собора Св. Николая у поселка Красницы, и замѣтивъ, что дѣйствіемъ дождевыхъ водъ и ключей образованы рытвины, промоины и даже обвалы, обошелъ отъ начала до конца весь этотъ косогоръ и далъ рядъ наставленій какъ предупредить аналогичныя явленія въ будущемъ; въ гранитномъ цоколѣ госпиталя приказалъ продѣлать отдушины для сохраненія половъ отъ преждевременной порчи; въ казармѣ кантонистовъ, осматривая умывальную комнату и замѣтивъ, что у рукомойниковъ стѣны сильно забрызганы водой, приказалъ немедленно обшить ихъ досками. Въ маѣ 1850 года, осматривая неоплакированные еще брустверa нѣкоторыхъ верковъ Брестъ-Литовска и замѣтивъ въ одномъ мѣстѣ неровность поверхности, обратился къ строителю, полковнику Теше: „Это ты долженъ мнѣ подсыпать, чтобы оно не могло быть причиною осадокъ; ты можешь это выравнять безъ издержекъ“. Осенью того же года, при осмотрѣ въ Кіевѣ казармы кантонистовъ, замѣтилъ: „На чугунныхъ лѣстницахъ ступени начинаютъ сглаживаться, а потому, не допуская ихъ до совершенной гладкости, благовременно образовывать на подобныхъ мѣстахъ шероховатость“; въ Васильковскомъ укрѣпленіи въ редюитѣ № 1, приказалъ уничтожить деревянныя отхожія мѣста, замѣнивъ ихъ кирпичными палубашнями съ бойницами прямыми и навѣсными (машикули), при чемъ „опредѣлилъ величину оныхъ соотвѣтственно дѣйствительной надобности“.

Начиная съ пятидесятыхъ годовъ, когда во главѣ инженернаго вѣдомства, въ качествѣ инспектора по инженерной части, былъ поставленъ Денъ, въ познанія и опытъ котораго Государь вѣрилъ вполнѣ и безусловно, Его Величество, по крайней мѣрѣ въ огромномъ боль-

шинствѣ случаевъ, уже не рѣшалъ самолично техническихъ вопросовъ окончательно; всегда имѣлось въ виду предварительно посовѣтоваться съ Деномъ. Например, въ 1851 году, въ бытность въ Кіевѣ, Государь поинтересовался, какъ будетъ устроенъ гласисъ у казармы „на перешейкѣ" и прилегающая къ нему часть Кловскаго оврага? Царю поднесли проектъ. Послѣдовалъ приказъ: „Не приступать къ работѣ сей. Я укажу, какъ ее произвесть слѣдуетъ". Далѣе Его Величество спросилъ: какъ предположено устроить кофръ передъ той же казармой? Подали два проекта. „Ни тотъ, ни другой— сказалъ Николай Павловичъ, здѣсь будетъ иначе". Окончательныя же резолюціи послѣдовали по конференціи съ Деномъ.

Когда въ частяхъ крѣпостныхъ сооруженій, а иногда и въ цѣлыхъ, относительно незначительныхъ, сооруженіяхъ обнаруживались дефекты, по мнѣнію Николая Павловича, нетерпимые, происходившіе не отъ форсмажорныхъ причинъ, а отъ дурной работы, Его Величество не задумывался отдавать приказанія разбирать готовое и возводить новое. Иногда, въ особенности въ бытность Николая Павловича генералъ-инспекторомъ, такія приказанія носили признаки горячности и выполнялись беззамедлительно. Въ маѣ 1824 года, при осмотрѣ крѣпости Динабургъ, Великій Князь приказалъ сломать при себѣ вновь построенную кордегардію у Николаевскихъ воротъ; повидимому это приказаніе были отдано и выполнено тотчасъ по обнаруженіи небрежности работы: въ тотъ пріѣздъ Николай Павловичъ пробылъ въ крѣпости 7 дней, а разрушалась кордегардія въ воскресенье; арестантамъ, вызваннымъ для этой операціи, за работу въ праздничный день, приказано было выдать по чаркѣ водки. Въ сентябрѣ 1832 года, во время осмотра работъ по Бобруйску, Императоръ повелѣлъ—башню прибрежнаго редана „разобрать до основанія и построить вновь прочнымъ образомъ". Въ сентябрѣ слѣдующаго года, при посѣщеніи Кронштадта, ,,замѣтивъ при строющейся

по правую сторону С.-Петербургскихъ воротъ оборонительной стѣнкѣ, при поперечныхъ простѣнкахъ, гдѣ оставлены мѣста для сведенія надъ проходами арокъ, что кладка не прямая и швы очень толсты", Монархъ повелѣлъ эти части стѣнки разобрать и возвести вновь съ надлежащею тщательностью. Въ августѣ 1840 года, осматривая новую церковь кіевскаго крѣпостного госпиталя, Царь обратилъ вниманіе на весьма неудачное изваяніе голубя, подвѣшаннаго въ вертикальномъ положеніи; замѣтивъ, что птица похожа скорѣе на орла, Его Величество приказалъ сдѣлать голубя вновь, парящимъ и въ болѣе наклонномъ положеніи. Осматривая въ томъ же Кіевѣ, въ августѣ 1845 года, оборонительную казарму, предназначавшуюся въ мирное время для жительства жандармовъ, и замѣтивъ, что въ цоколѣ отхожаго мѣста между камнями оставлены большіе швы, Николай Павловичъ сказалъ сопровождавшимъ его инженернымъ офицерамъ: „Вотъ, вы тутъ уже поторопились къ моему пріѣзду, чтобы мнѣ болѣе показать. Сломать и сдѣлать такіе швы, чтобы только ножъ проходилъ между каменьями". Тогда же, въ башнѣ № 5 было повелѣно нѣсколько сводовъ разобрать и сложить вновь.

Осматривая крѣпостныя постройки Николай Павловичъ всегда интересовался, подъ наблюденіемъ кого именно изъ инженерныхъ офицеровъ произведена данная работа. За детальными разъясненіями Его Величество зачастую обращался непосредственно къ производителямъ работъ, свое удовольствіе или неудовольствіе выражалъ имъ лично и неукоснительно проводилъ мысль, что первымъ отвѣтчикомъ по каждой отдѣльной работѣ является въ его глазахъ ближайшій ея распорядитель. Еще въ бытность генералъ-инспекторомъ, въ ноябрѣ 1824 года, осматривая сооруженія Бобруйска, Николай Павловичъ особенно остался доволенъ работами поручика Фелькерзама и объявилъ въ приказѣ по инженерному корпусу, что у этого инженера „отдѣлка отличается противу прочихъ правильностью и чистотою во всѣхъ

отношеніяхъ, и вообще доказываетъ тщательное стараніе, которое равномѣрно приложено симъ офицеромъ къ исправному и отличному исполненію всѣхъ порученныхъ ему обязанностей", вслѣдствіе чего онъ и ставится „въ примѣръ всѣмъ прочимъ г.г. частнымъ строителямъ". Тогда же были отмѣчены весьма хорошія работы инженеръ-капитана Мѣдникова. Въ августѣ 1840 года, будучи въ Кіевѣ, Императоръ лично поблагодарилъ инженеръ поручика Майделя за прекрасную кладку сводовъ въ оборонительной башнѣ № 2, а въ редюитѣ № 1, осмотрѣвъ лишь половину сооруженія, найдя работы отличными и выразивъ свое удовольствіе непосредственно инженеръ поручику Шпигелю, Монархъ, на желаніе этого оберъ-офицера показать и другую половину редюита, сказалъ; ,,Вѣрю, что и тамъ у тебя также все хорошо и чисто''. Въ маѣ 1845 года, осматривая въ Кіевѣ же работы по Госпитальному укрѣпленію, Государь остался особенно доволенъ капониромъ и лично выразилъ свое благоволеніе строителю названнаго сооруженія, инженеръ-поручику Биркину. Но за то въ этотъ же объѣздъ крѣпостей, усмотрѣвъ въ редюитѣ № 5 Динабурга, что ,,мортирныя амбразуры и бойницы сдѣланы не отвѣсно, своды надъ ними выведены неправильно и оконныя рамы сдѣланы небрежно такъ, что неплотно примыкаютъ къ стѣнамъ и особенно къ сводамъ амбразуръ'', Императоръ тутъ же приказалъ строителя, штабсъ-капитана фонъ Вендриха, отправить на 8 сутокъ на гауптвахту. Въ сентябрѣ 1847 года, внимательно осматривая матеріалы, заготовленные для возведенія оборонительной казармы ,,на перешейкѣ'' въ Кіевѣ, и оставшись весьма довольнымъ чистотою выдѣлки кирпича вообще, а шаблоннаго—для колонъ—въ особенности, тотчасъ-же освѣдомился о фамиліи инженернаго офицера, завѣдывавшаго кирпичными заводами. Въ октябрѣ 1852 года, въ томъ же Кіевѣ, проѣзжая по вновь открытой дорогѣ, устроенной на засыпанной части Кловскаго оврага и ,,восхищаясь'', какъ этою дорогою, такъ и

,,преобразованіемъ самой мѣстности'', Николай Павловичъ остановился, подозвалъ къ себѣ инженернаго офицера, завѣдывавшаго этою работою, и сказалъ: ,,Прекрасно! Великое благодарю''! *).

При осмотрахъ инженерныхъ сооруженій, какъ въ крѣпостяхъ, такъ и внѣ оныхъ, Николай Павловичъ интересовался не только производствомъ работъ, но и уходомъ за существующими зданіями и верками. Въ соотвѣтствіе съ наличною обстановкою и укоренившимися порядками, особенно озабочивалъ его вопросъ о содержаніи казармъ квартирующими въ нихъ войсками, относившимися къ этому дѣлу далеко не удовлетворительно.

Еще въ началѣ свой инженерной дѣятельности, въ 1819 году, Николай Павловичъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы инженерные офицеры еженедѣльно обходили и осматривали казармы и иныя воинскія зданія вѣдомства инженернаго департамента въ Царскомъ Селѣ, въ Павловскѣ, въ Стрѣльнѣ, въ Петергофѣ, въ Ораніенбаумѣ и на Охтенскихъ пороховыхъ заводахъ, удостовѣряясь при этомъ—все ли въ исправности, а если не все, то кто виноватъ въ упущеніяхъ. Тогда же командиру петербургскаго инженернаго округа было предписано мелкія неисправности немедленно исправлять либо на ремонтныя суммы, либо за счетъ виновныхъ, а о крупныхъ доносить инженерному департаменту. Въ маѣ же 1824 года почти аналогичное приказаніе было отдано по зданіямъ вѣдомства гвардейской казарменной комисіи: членамъ этой комисіи вмѣнялось въ обязанность посѣщать казармы въ Петербургѣ—еженедѣльно, внѣ города—ежемѣсячно; въ тѣ же сроки доносить генералъ-инспектору о содержаніи зданій квартирующими. И все

*) З, № 154—1827, 1; № 41—1833, 312; И, № 18—1824,1—7; № 10—1833, 2—5; I, № 80—1838, 1, 4, 8, 10; № 52—1845, 1—3, 14, 23, 30, 32—34; К, № 81—1840, 1—4; № 118—1843, 1, 2; № 63—1845 15—18; Л, № 86—1846, 1; О, № 142—1847, 1—3, 23—25; № 66—1850, 23, 70, 71; № 135—1851, 19, № 136—1852. 4; Ф, № 102—1835, 6, 7; № 105—1835, 3; № 118—1832, 8; Приказы: № 27—1821, № 65—1824, №№ 55, 60—1827, № 93—1833.

же въ 1835 году послѣдовалъ приказъ: ,,Государь Императоръ изволилъ лично замѣтить, что нѣкоторыя казармы содержатся войсками вовсе не въ той чистотѣ, какую слѣдовало бы сохранять въ нихъ, и что по сей причинѣ казармы содѣлываются прежде времени неудобными къ дальнѣйшему помѣщенію войскъ''. Высшему войсковому начальству повелѣвалось зорко смотрѣть, чтобы такихъ непорядковъ впредь не было, и предупредить командировъ полковъ и другихъ частей, что ,,малѣйшее упущеніе съ ихъ стороны въ семъ отношеніи подвергнетъ ихъ строжайшему взысканію''.

Такая угроза не оставалась мертвой буквой. Однажды, посѣтивъ домъ, ранѣе занимавшійся школою гвардейскихъ подпрапорщиковъ и уже сданный въ инженерное вѣдомство, Николай Павловичъ обнаружилъ въ немъ ,,много неисправностей, большую неопрятность и во всемъ запущеніе непростительное'' и приказалъ ,,привесть все немедленно въ должную исправность и опрятность'', а затѣмъ составить расчетъ расходовъ ,,для взысканія оныхъ съ командира школы''. Въ другой разъ, проѣзжая мимо казармъ гвардейскаго конно-піонернаго эскадрона, Государь замѣтилъ, что уголъ эскадронной конюшни ,,почти развалился'' Немедленно обстоятельство это было поставлено на видъ инженерному департаменту, отъ котораго затребовано объясненіе—,,почему сія неисправность допущена, тогда какъ ремонтная сумма на поддержаніе гвардейскихъ казармъ отпускается ежегодно въ достаточномъ количествѣ''? Департаментъ обратился съ запросомъ къ гвардейской казарменной комисіи, которая донесла, что поврежденный уголъ зданія находится у воротъ, что черезъ ворота проѣзжаютъ огромные возы съ сѣномъ, постоянно задѣвающіе за уголъ, что исправленіе поврежденій производится по нѣскольку разъ въ годъ и что виновны въ неисправности, конечно, квартирующіе. По докладѣ объ этомъ, Императоръ повелѣлъ: безотлагательно и при томъ капитально исправить разрушающуюся часть конюшни,

взыскавъ половину расхода съ командира эскадрона, а другую половину съ членовъ гвардейской казарменной комисіи.

Съ неменьшею строгостью относился Императоръ и къ содержанію крѣпостныхъ верковъ. Такъ, въ 1845 году Его Величество лично обнаружилъ по каменнымъ веркамъ Динабурга, что „въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кирпичъ начинаетъ выпадать, и вмѣсто того, чтобы эти поврежденія своевременно закладывать кирпичемъ же, ихъ просто закрашиваютъ красною краскою, которая потекла по цоколю". Строителю былъ сдѣланъ строжайшій выговоръ, а затѣмъ было повелѣно, дабы во всѣхъ крѣпостяхъ „вмѣсто выкрошившагося кирпича вставлять новый съ большимъ тщаніемъ, чтобы сохранить красивый видъ каменныхъ стѣнъ". Въ другой разъ, будучи въ Бобруйскѣ, Государь приказалъ „мелочныя исправленія непремѣнно производить по мѣрѣ порчи, черезъ что предупредятся значительныя издержки и крѣпость со строеніями будетъ во всякое время, постоянно, въ лучшемъ видѣ". Посѣтивъ въ томъ же году Новогеоргіевскъ и замѣтивъ при одной изъ оборонительныхъ казармъ сломаную и во-время не исправленную подпорку желѣзной рѣшетки, Царь приказалъ тотчасъ же исправить это на счетъ командира инженерной команды. Но характернѣе всего выразилось отношеніе Николая Павловича къ разсматриваемому вопросу по нижеслѣдующему поводу.

27 августа 1845 года Государь осматривалъ крѣпость Бобруйскъ. Работы по всѣмъ вновь возводившимся оборонительнымъ постройкамъ были признаны „отличнохорошими"; Императоръ сказалъ, что „ничего лучшаго желать не остается". Что же касается „содержанія возведенныхъ уже крѣпостныхъ верковъ, то Его Величество, къ сожалѣнію, изволилъ найти по этой части чрезвычайную небрежность и отсутствіе всякаго наблюденія за порядкомъ. Повсюду, для сокращенія пути пѣшеходамъ, проложены тропинки черезъ гласисъ и

даже черезъ брустверы; трава въ надлежащихъ мѣстахъ не скашивается, отчего образовались выпуклости по крутостямъ, потерявшимъ свою профиль, и даже оказались значительные (по другимъ документамъ—,,незначительные") обвалы. Таковыя неисправности Его Величество изволитъ относить къ винѣ прежняго строителя (незадолго передъ тѣмъ получившаго другое назначеніе—полковника Кокорева) и частью къ послабленію коменданта, который, какъ главный хозяинъ и блюститель порядка въ крѣпости, долженъ былъ имѣть постоянный и неусыпный надзоръ за исправнымъ ея содержаніемъ и въ случаѣ какихъ либо упущеній, немедленно донести кому слѣдуетъ". Кокореву былъ объявленъ строгій выговоръ, а коменданту—,,Высочайшее неудовольствіе". Вмѣстѣ съ тѣмъ, Государь на мѣстѣ же повелѣлъ: ,,Всѣ работы по вновь возводимымъ частямъ, производившіяся казенными рабочими какъ отъ войскъ, такъ и отъ инженернаго вѣдомства, пріостановить, и всѣхъ рабочихъ обратить на исправленіе тѣхъ неисправностей и приведеніе всего въ надлежащее положеніе, а также на возстановленіе и плакировку обвалившихся крутостей".

Неисправность Бобруйска видимо весьма огорчила Николая Павловича и онъ не скоро забылъ объ этомъ. Черезъ мѣсяцъ, осматривая въ Кіевѣ цитадель. Его Величество сказалъ окружавшимъ: ,,Вотъ крѣпость, хотя и старая, но содержится превосходно; а новая крѣпость Бобруйскъ такъ неисправна"!

По поводу обнаруженнаго Монархомъ 1845 году плохого вида верковъ въ Динабургѣ сохранился весьма любопытный и характерный документъ—докладная записка генералъ-адъютанта Адлерберга Августѣйшему генералъ-инспектору по инженерной части. „Государь Императоръ—писалъ Адлербергъ—Высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ, *не сообщая военному министру*, *но совершенно конфиденціально*, донести Вашему Императорскому Высочеству, что при теперешнемъ осмотрѣ Динабург-

ской крѣпости Его Величество изволилъ замѣтить, что послѣднія крѣпостныя работы (преимущественно ремонтныя) произведены съ чрезвычайною небрежностью, невниманіемъ и вообще не съ тѣмъ совершенствомъ и раченіемъ, которыя Его Величество всегда привыкъ видѣть во всѣхъ инженерныхъ работахъ... Государь Императоръ, отдавая справедливость командиру лифляндскаго инженернаго округа, генералъ-маіору Жеванову, какъ человѣку весьма ученому и знающему теорію искусства, остается и теперь при томъ же мнѣніи, которое личная опытность Его Величества доставила, что генералъ-маіоръ Жевановъ недостаточно умѣетъ примѣнять познанія свои къ дѣлу на практикѣ и вообще не имѣетъ довольно распорядительности и твердости для командованія инженернымъ округомъ. Мнѣніе сіе... Государь Императоръ изволитъ передавать на дальнѣйшее благоусмотрѣніе Вашего Императорскаго Высочества".

Михаилъ Павловичъ тотчасъ же командировалъ въ Динабургъ состоявшаго при немъ инженеръ-полковника Бальца, который представилъ вскорѣ подробнѣйшій отчетъ о видѣнномъ, отчетъ, сводившійся къ тому, что къ пріѣзду Государя въ крѣпость многое было еще въ работѣ, что часть работъ и построекъ еще не была принята отъ подрядчиковъ, что вылощить всего не успѣли и т. д. Закончилъ же свой отчетъ Бальцъ тѣмъ, что главная бѣда—недостатокъ ремонтныхъ суммъ и средствъ. Тогда же возникла большая переписка, которую увѣнчалъ всеподданнѣйшій докладъ, полный сѣтованій на то, что инженерному департаменту на ремонтъ и содержаніе сооруженій отпускаютъ несоразмѣрно малыя суммы. На этомъ докладѣ Императоръ собственноручно положилъ резолюцію: „Все это весьма справедливо, но мои замѣчанія о дурномъ содержаніи Динабурга касаются до небреженія и неопрятности, и такихъ исправленій, кои не требуютъ никакихъ особыхъ издержекъ, ибо на то есть военно-рабочіе и арестанты, и происходятъ единственно отъ небреженія мѣстнаго начальства". Департа-

ментъ вновь вошелъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ и указалъ въ немъ, что до того времени казенные рабочіе назначались, обыкновенно и главнымъ образомъ, на большія работы, а къ работамъ ремонтнымъ привлекались только тѣ, которые оставались засимъ безъ дѣла. На будущее время департаментъ полагаетъ поступать на оборотъ. На докладѣ Высочайшая резолюція: „Совершенно справедливо и давно бы пора“.

Около того же времени, по Высочайшему повелѣнію, было приступлено къ составленію особой для комендантовъ крѣпостей инструкціи, направленной къ содержанію въ полномъ порядкѣ какъ верковъ, такъ и всякихъ зданій, при чемъ высшее руководство этой работой взялъ въ свои руки самъ Государь. Инструкція была Высочайше утверждена 17 ноября 1850 года. Ея объемъ— 48 рукописныхъ страницъ, но въ ней нѣтъ пожалуй и слова лишняго: исчерпывающая вопросъ во всей полнотѣ, инструкція эта являетъ собою замѣчательно обдуманное, ясно и кратко составленное, наставленіе, сущность котораго заключалась въ слѣдующемъ.

Комендантъ наблюдаетъ за крѣпостными верками и охраняетъ ихъ отъ поврежденій; слѣдитъ, чтобы по нимъ не прокладывалось тропъ для сокращенія пути, чтобы не было потравъ скотомъ, чтобы не портились древесныя насажденія и т. п. Однако, самое содержаніе верковъ находится цѣликомъ на обязанности инженернаго вѣдомства. Комендантъ слѣдитъ также и за тѣмъ, чтобы всѣ улицы, плацы и пустопорожнія мѣста въ крѣпости находились во вполнѣ опрятномъ состояніи. Въ вѣдѣніи коменданта состоятъ рѣшительно всѣ крѣпостныя зданія; на ближайшей же его отвѣтственности лежитъ наблюденіе за зданіями комендантскаго управленія и за всѣми воинскими помѣщеніями частей крѣпостного гарнизона; зданія, занимаемыя учрежденіями инженернаго, артилерійскаго и интендантскаго управленій содержатся ближайшимъ начальствомъ.

Для наблюденія за гарнизонными зданіями и для

содержанія ихъ въ порядкѣ, при комендантѣ состоитъ одинъ гарнизонный инженеръ и извѣстное количество вахтеровъ и нижнихъ чиновъ военно-рабочихъ ротъ: лица эти—главнымъ образомъ глаза коменданта; они обязаны слѣдить за зданіями непрерывно и съ крайнею внимательностью. Всѣ гарнизонныя зданія, тотчасъ послѣ ихъ отстройки, передаются инженернымъ вѣдомствомъ непосредственно коменданту. Воинскія части получаютъ ихъ уже отъ коменданта, при чемъ составляются подробныя описи съ обозначеніемъ, въ какомъ видѣ что принято. При выводѣ данной части изъ казармы комендантъ же производитъ подробный осмотръ зданія. Командиру каждой части, вновь занимающей то или другое помѣщеніе, комендантъ вручаетъ особую инструкцію о содержаніи зданія. Въ положеніи приведенъ весь матеріалъ для составленія такой инструкціи. Не забыты и мелочи: когда и какъ убирать помѣщенія, какъ топить ихъ, какъ относиться къ топливу и какъ учитывать его, какъ содержать отхожія мѣста и умывальники, какъ и когда убирать навозъ изъ конюшенъ и т. д. Не забыто запрещеніе въ стѣны вбивать гвозди и требованіе, чтобы въ сѣняхъ всегда имѣлась рогожа для обтиранія сапогъ. За соблюденіемъ этой инструкціи наблюдаетъ комендантъ. На его же обязанности лежитъ своевременное обнаруженіе всѣхъ неисправностей или поврежденій въ зданіяхъ, подлежащихъ устраненію, по предложенію коменданта, распоряженіемъ инженерной команды, но за счетъ квартирующей части. На казенный счетъ могутъ относиться только такія издержки по исправленію зданій, кои являются результатомъ вліянія на постройки времени или силъ стихійныхъ.

Осматривалъ Николай Павловичъ казармы во всѣхъ подробностяхъ; ни мелочныя неисправности, ни второстепенныя нужды квартирующихъ не ускользали отъ взора Его Величества; не гнушался Монархъ и осмотра закоулковъ, не отличавшихся ароматомъ. Такъ, въ 1837 году, въ казармѣ № 41 Бобруйска Государь обратилъ

вниманіе мѣстнаго начальства на рядъ совершенно мелочныхъ „ветхостей“, остался недоволенъ плотничными по ней работами и сдѣлалъ замѣчаніе за то, что стекла въ окнахъ оказались „зеленоваты и тусклы“. При посѣщеніи въ августѣ 1840 года Кіевской крѣпости, въ казармѣ кантонистовъ Императоръ обошелъ всѣ кухни и пекарни; въ судомойной провѣрилъ дѣйствіе насоса, установленнаго для поднятія воды изъ колодца, и отвѣдалъ качество воды; обошелъ всѣ ватерклозеты и осмотрѣлъ ихъ устройство; ротные цейхаузы, помѣщенные въ верхнихъ жилыхъ этажахъ, приказалъ перевести внизъ, гдѣ свободнаго мѣста было достаточно; въ Прозоровскую башню, которая была къ тому времени закончена, приказалъ было перевести баталіонъ гарнизона, но, обнаруживъ затѣмъ наличность въ зданіи всего одного отхожаго мѣста, повелѣлъ, до перевода части, устроить второе. Въ томъ же Кіевѣ, въ маѣ 1845 года, осматривая госпиталь, Государь заходилъ во всѣ ватерклозеты, а въ одномъ изъ коридоровъ тщательно осмотрѣлъ неокрашенный еще полъ, замѣтивъ, „что этотъ полъ могъ бы оставаться всегда въ такомъ видѣ“; у Госпитальнаго укрѣпленія, увидѣвъ нѣсколько обгорѣвшее, но вполнѣ еще пригодное и прочное зданіе, Монархъ сказалъ: „Надобно озаботиться объ устройствѣ вмѣсто сгорѣвшихъ новыхъ зимнихъ рамъ; это дѣло важно и къ осени должно быть готово; и непремѣнно изъ сухого дерева“.

О мѣрахъ, рекомендовавшихся Царемъ при осмотрѣ казармъ по части санитарной, уже говорилось въ предыдущей главѣ.

Посѣщая крѣпости, Николай Павловичъ не упускалъ случая обращать вниманіе мѣстнаго начальства на необходимость разведенія въ нихъ растительности, какъ для маскировки верковъ, такъ и для укрѣпленія насыпей. Нерѣдко Государь самолично сажалъ растенія, помнилъ о своихъ посадкахъ и всегда выражалъ особое удовольствіе, когда его саженцы обращались въ роскошныя деревья. Рекомендовалось заводить питомники, указывалось,

какія породы и гдѣ наиболѣе желательны, приказывалось молодыя деревья оплетать хворостомъ—въ видѣ туровъ и на такую высоту, что бы скотъ не могъ ихъ огрызать и т. п. На сколько Царь относился къ этому дѣлу горячо и любовно, можно видѣть хотя бы изъ такихъ двухъ примѣровъ.

Въ маѣ 1850 года, обходя пѣшкомъ верки Брестъ-Литовска, Императоръ обратился къ строителю крѣпости, полковнику Теше, со словами: „Тутъ я вижу то, чего я давно добиваюсь, но не могу вездѣ достигнуть: всѣ разсадки содержаны въ отличномъ порядкѣ. Благодарю! Благодарю! Разведи мнѣ еще поболѣе деревъ вездѣ, гдѣ только можно: на внутреннихъ плацахъ укрѣпленій, по валгангу, но только по одной куртинѣ, а не по другимъ мѣстамъ; внизу, при подошвѣ крутости, ты можешь насадить вездѣ нѣсколько рядовъ деревъ. Только учебнаго плаца не засади".

Въ сентябрѣ 1851 года, объѣзжая оборонительный участокъ Кіевской крѣпости между башнями № 2 и 4, Государь приказалъ подошву валганга засадить деревьями, преимущественно колючими. „Когда—доносилъ строитель крѣпости—я имѣлъ счастье доложить Его Величеству, что это мѣстами уже сдѣлано, и всѣ апарели на валѣ семъ и частью подошва вала обсажены бѣлою акаціею, отличающеюся какъ игловатостью вѣтвей—и и потому не истребляемою скотомъ—такъ и необыкновенною силою растительности, подымающею дерева эти болѣе аршина въ лѣто, и что на этотъ предметъ приготовлено въ командномъ разсадникѣ (т. е. въ разсадникѣ инженерной команды) до 5 тысячъ корней, то Его Величество, съ видимымъ удовольствіемъ и весьма одобрительнымъ отзывомъ выслушавъ этотъ докладъ мой, сказалъ:—Продолжай"!

Надо, однако, замѣтить, что въ дѣлѣ разведенія въ крѣпостяхъ растительности Николай Павловичъ преслѣдовалъ между прочимъ и задачу просто украсить внѣшній видъ сооруженій, придать имъ пріятность для взора.

Иногда же растительность должна была являться не боевой маскировкой, а маскировкой неудачныхъ фасадовъ. Такъ, въ бытность свою въ Кіевѣ въ сентябрѣ 1851 года, Императоръ повелѣлъ: „По каждой сторонѣ вновь устроенной дороги, отъ дворцовой гауптвахты, до Никольскихъ воротъ, посадить двойной рядъ пирамидальныхъ, одинаковой породы тополей. Съ лѣвой стороны отъ дворцовой гауптвахты, вдоль той же дороги, къ обрыву, выровнять пространство земли и устроить на немъ цвѣтникъ, доведя его также до крѣпостного гласиса". При посѣщеніи же крѣпости Брестъ-Литовскъ въ маѣ 1850 года, замѣтивъ, что фасадъ комендантскаго дома далеко не отличается красотою и зная, что пространство передъ этимъ домомъ ни подъ какія сооруженія не предназначено, Государь сказалъ полковнику Теше: „Заведи для коменданта садъ. Этимъ ты лучше всего закроешь неправильность фасада".

По окончаніи осмотра той или другой крѣпости, Императоръ всегда приказывалъ всѣ Высочайшія замѣчанія излагать на бумагѣ и представлять затѣмъ о результатахъ на соотвѣтственныя распоряженія въ инженерный департаментъ. Когда было время, напримѣръ, когда Царь оставался въ крѣпости на ночлегъ, требовалъ, чтобы записки о сказанныхъ замѣчаніяхъ предварительно читались Его Величеству. При такихъ чтеніяхъ вводились личныя поправки Монарха. Иногда повелѣвалось Высочайшія указанія по работамъ изображать на соотвѣтственныхъ чертежахъ и представлять послѣдніе „на обозрѣніе Его Величества" до отъѣзда изъ крѣпости. По такому дѣлу, 9 сентября 1832 года, Государь принялъ съ докладомъ строителя Кіевской крѣпости, полковника Жеванова, въ десятомъ часу вечера.

Результаты осмотровъ, вѣрнѣе впечатлѣнія отъ нихъ, нерѣдко заносились въ походный журналъ со словъ и даже подъ диктовку самого Монарха. У Н. К. Шильдера, въ приложеніяхъ къ его труду, находимъ весьма любопытный тому образчикъ—журналъ путешествія Ни-

колая Павловича въ 1837 году, писанный генералъ-адъютантомъ Адлербергомъ подъ диктовку Царя. Привожу изъ него выборки, непосредственно касающіяся осмотра крѣпостей.

„Въ Динабургѣ, куда мы пріѣхали 2 августа, я, кромѣ 2-й пѣхотной дивизіи и гренадерскаго сапернаго баталіона, подробно осмотрѣлъ вновь построенный арсеналъ, провіантскіе магазины и крѣпостныя работы. Все идетъ тамъ прекрасно; но весенніе разливы еще продолжаютъ много портить, а укрѣпленіе песчаннаго грунта валовъ требуетъ еще не мало издержекъ и трудовъ. Шоссе, выходящее изъ тетдепона безподобно и много красить мѣстность... До Бобруйска мы добрались поздно ночью. Утромъ 12 августа я смотрѣлъ 5-ю пѣхотную дивизію и крѣпостныя работы. И здѣсь, и въ Динабургѣ я всегда любуюсь ими съ особымъ удовольствіемъ. Все мною посаженное, уже разрослось въ огромныя деревья, особенно италіанскіе тополи. Госпиталь меня взбѣсилъ. Представьте себѣ, что чиновники заняли для себя лучшую часть зданія, и то, что предназначалось для больныхъ, обращено въ залы г.г. смотрителя и докторовъ. За то я коменданта посадилъ на гауптвахту, смотрителя отрѣшилъ отъ должности и всѣхъ отдѣлалъ по своему“... Кіевъ, 16 августа. „Я обозрѣвалъ работы по возведенію крѣпости, которая заключитъ въ себѣ весь Кіевъ, для охраненія тамошнихъ огромныхъ военныхъ запасовъ. Работы подвигаются, но медленно, за встрѣчающимися на каждомъ шагу мѣстными препятствіями; строятъ хорошо, и открытый мною камень лучше мрамора. Работа по постройкѣ постояннаго моста черезъ Днѣпръ представляетъ большія трудности и будетъ стоить громадныхъ суммъ; но нечего дѣлать: эти предметы первостепенной важности“. . Севастополь, 11 сентября. „Мы съ Наслѣдникомъ осматривали сперва Инкерманскую бухту — часть того огромнаго залива, который образуетъ гавань и въ которомъ было бы мѣсто укрыться всѣмъ европейскимъ флотамъ вмѣстѣ, а потомъ береговыя укрѣпленія.

Милости просимъ теперь сюда англичанъ, если они хотятъ разбить себѣ носъ"!... 2 октября, проѣздъ черезъ Ахалцыхъ и Ахалкалаки, а 3-го—пріѣздъ въ Гумры (Александрополь). „Меня поразили огромныя работы, предпринятыя по сооруженію этой новой крѣпости, настоящаго оплота для Грузіи и пункта, откуда можно угрожать одновременно и Турціи, и Персіи, которыхъ границы здѣсь почти сливаются. Мѣстоположеніе крѣпости единственное, на отвѣсной скалѣ, далеко господствующей надъ отоманскими владѣніями. Каменная одежда уже вся окончена съ тою тщательностью, какую мы привыкли видѣть въ лучшихъ нашихъ крѣпостяхъ, и здѣсь надо было отдать полную справедливость барону Розену (командиру отдѣльнаго кавказскаго корпуса), и инженеру, управлявшему работами, какъ за быстроту возведенія послѣднихъ и превосходное ихъ очертаніе, такъ и за бережливость, почти невѣроятную, съ которой все это построено"...

О поѣздкѣ Николая Павловича на Кавказъ въ 1837 году сохранились и такія свѣдѣнія.

Государь отбылъ изъ Севастополя съ эскадрою черноморскаго флота, 24 сентября высадился у Анапы и осмотрѣлъ крѣпость во всѣхъ подробностяхъ, давъ коменданту рядъ наставленій. 27 сентября осмотрѣлъ крѣпость Редутъ-Кале. 1 октября осматривалъ крѣпость Ахалцыхъ и проектъ ея усиленія, при чемъ призналъ, что мѣстоположеніе Ахалцыха совершенно не отвѣчаетъ устройству въ этомъ пунктѣ серьезной крѣпости. 2 октября утвердилъ на мѣстѣ проектъ перестройки Ахалкалаки. 4 октября было посвящено осмотру крѣпости Гумры, по которой работы шли полнымъ ходомъ. Работами въ этомъ пунктѣ Государь остался очень доволенъ, тутъ же произвелъ строителя Руденкова въ полковники, а всѣхъ прочихъ военныхъ инженеровъ приказалъ представить къ наградамъ. Не обошлось безъ цѣлаго ряда техническихъ указаній. Между прочимъ присутствовалъ при заложеніи въ Гумрахъ церкви

во имя Св. Великомученицы Царицы Александры. 5 октября Монархъ провѣрялъ трасировку крѣпости въ Эривани. 9—11 октября провелъ въ Тифлисѣ, гдѣ занимался разсмотрѣніемъ проектовъ многихъ Кавказскихъ укрѣпленій, въ ихъ числѣ и проекта превращенія въ обширную крѣпость самаго Тифлиса *).

О впечатлѣніяхъ Николая Павловича по поводу осмотра крѣпостей и о слѣдствіяхъ такихъ впечатлѣній имѣется много свѣдѣній и въ дѣлахъ инженернаго архива. Нѣсколько словъ объ этомъ сказать необходимо.

Приказы Николая Павловича—генералъ-инспектора по инженерной части, за весь періодъ пребыванія Его Высочества въ этой должности, полны благодарностями строителямъ возводившихся тогда крѣпостей: Динабурга и Бобруйска. Въ особенности часто и особо лестныхъ похвалъ удостаивался строитель Динабурга, полковникъ, а позже генералъ-маіоръ Клименко, впослѣдствіи директоръ инженернаго департамента. Въ приказѣ, отданномъ послѣ весенняго осмотра Динабурга въ 1824 году, Великій Князь между прочимъ объявилъ благодарность Клименку за „тотъ же успѣхъ, который привыкъ видѣть подъ благоразумнымъ и усерднымъ управленіемъ" его. По поводу осенняго осмотра той же крѣпости и въ томъ же году, Николай Павловичъ писалъ: „Во всѣхъ работахъ, въ нынѣшнемъ году произведенныхъ, видно то же щегольство въ отдѣлкѣ, которое я всегда и въ прежнихъ работахъ крѣпости сей съ удовольствіемъ усматривалъ". Наконецъ, въ приказѣ, относящемся къ сентябрю 1825 года, читаемъ: „Осматривая Динабургскую крѣпость, нашелъ я, что работы оной, въ которыхъ я

*) В, № 33—1835, 1—4; Ж, № 103—1850, 99; З, № 3—1820, 1; И, № 36—1834, 1, 9; I, № 52—1845, 93—98, 130—132; № 62—1846, 13; К, № 95—1837, 2, 3; № 81—1840, 1—4; № 63—1845, 15—18, 68, 96; М, № 52—1824, 1, 5, 14; О, № 66—1850, 18, 23, 25; № 135—1851, 20; Т, № 98—II—1845, 2—4, 22—29, 42, 56; № 98—III—1845, 2; № 7—1850, 29—47; № 2—1851, 1, 13; Ф, № 96—1825, 1; Х, № 160—1837, 2—6; Приказы: № 26—1835, № 43—1845; Шильдеръ, Имп. Н. I, т. II, 740, 742, 747, 750.

привыкъ видѣть всегда правильность, чистоту и успѣхъ во всѣхъ частяхъ, нынѣ по всѣмъ симъ отношеніямъ превзошли мои ожиданія. Не смотря на то, что значительная часть работъ производилась мастеровыми, образованными въ теченіе одного года изъ неученыхъ мастерствамъ рядовыхъ 1-й бригады 2-й пѣхотной дивизіи, оныя однако столь превосходны въ отдѣлкѣ, что одному только неусыпному старанію и усердію строителя крѣпости, генералъ-маіора Клименка, можно приписать столь неимовѣрный успѣхъ. Съ особымъ удовольствіемъ замѣтилъ я отличный порядокъ и чистоту, соблюдаемые по всѣмъ строеніямъ и заведеніямъ даже въ малѣйшихъ подробностяхъ... По всей справедливости поставляю его (Клименка) въ примѣръ всему инженерному корпусу, какъ отличнѣйшаго и ревностнаго исполнителя начальнической воли".

Въ первые годы пребыванія въ должности генералъ-инспектора, Николай Павловичъ отдавалъ почти такіе же по существу приказы и послѣ осмотровъ Бобруйска; но затѣмъ, тонъ этихъ приказовъ значительно измѣняется. Въ ноябрѣ 1824 года Великій Князь писалъ: „Требую болѣе чистоты въ частной отдѣлкѣ, на которую и рекомендую строителю крѣпости, полковнику Розенмарку, обратить неотступное вниманіе". Приказъ же, помѣченный сентябремъ 1825 года, носитъ всѣ признаки значительнаго неудовольствія. „Осматривая работы по Бобруйской крѣпости—писалъ Николай Павловичъ—нашелъ я и сей разъ, что нѣкоторыя части работъ отлично произведены, другія—съ большимъ небреженіемъ; непростительнѣе же то, что, не смотря на приказъ мой, при послѣднемъ осмотрѣ данный, видно со стороны начальства надъ работами то же невниманіе и оплошность въ частномъ присмотрѣ, которыя неоднократно были причиною моихъ выговоровъ". Ставя это на видъ Розенмарку, Великій Князь предупреждалъ его: „Въ послѣдній разъ довольствуясь выговоромъ".

По восшествіи на престолъ, продолжая осмотры крѣ-

постей, Николай Павловичъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, оставался вполнѣ удовлетвореннымъ дѣятельностью военныхъ инженеровъ и неоднократно благодарилъ строителей Динабурга, Бобруйска, Кронштадта, Ревеля, Варшавской цитадели, Новогеоргіевска, Ивангорода, Брестъ-Литовска и Кіева. Отмѣчу, только нѣкоторые эпизоды, наиболѣе рельефные.

Осенью 1834 года, осматривая крѣпостныя работы въ Варшавской Александровской цитадели и въ крѣпости Новогеоргіевскѣ, Государь „съ особымъ удовольствіемъ изволилъ удостовѣриться, что возведеніе сихъ важныхъ укрѣпленій сопровождается блистательнымъ успѣхомъ" и объявилъ Монаршее благоволеніе начальнику инженеровъ дѣйствующей арміи, генералъ-лейтенанту Дену, „главнымъ производителямъ работъ" — полковнику Павловскому (Новогеоргіевскъ) и подполковнику Зейдлицу (Варшава), всѣмъ военнымъ инженерамъ, 1-му, 2-му, 3-му и 1-му резервному сапернымъ баталіонамъ. Въ августѣ 1837 года, посѣтивъ Кіевъ и „найдя превосходное производство всѣхъ крѣпостныхъ работъ какъ по быстротѣ, съ которою всѣ укрѣпленія возводятся, такъ и по отличной красивости и чистой отдѣлкѣ всѣхъ построекъ", Государь удостоилъ Монаршаго благоволенія строителя крѣпости, генералъ-маіора Фреймана, и всѣхъ лицъ строительной администраціи. Въ іюлѣ слѣдующаго года, осматривая Новогеоргіевскъ, Императоръ „съ истинымъ удовольствіемъ изволилъ удостовѣриться въ превосходномъ во всѣхъ отношеніяхъ выполненіи важнѣйшихъ работъ по возводимымъ тамъ укрѣпленіямъ и военнымъ зданіямъ, отличающимся какъ красивою и изящною отдѣлкою своею, такъ и несомнѣнною прочностью самыхъ построекъ"; за такое „успѣшное и быстрое производство столь огромныхъ работъ", благоволенія удостоились: генералъ Денъ, командиръ западнаго инженернаго округа, генералъ-маіоръ Ярмерштедтъ, главный производитель работъ, полковникъ Рындинъ, командиръ инженерной команды, подполковникъ Ганзенъ

и др. Въ 1840 году по тому же Новогеоргіевску Государь отмѣтилъ „неимовѣрно быстрый успѣхъ" крѣпостныхъ работъ. Въ 1845 году „крѣпостныя работы въ Брестъ-Литовскѣ найдены въ столь же превосходномъ порядкѣ какъ въ Новогеоргіевскѣ и Ивангородѣ въ отношеніи отлично красивой отдѣлки" и т. д.

Документы свидѣтельствуютъ, что за все царствованіе Императора Николая I серьезное неудовольствіе Его Величества, собственно при осмотрахъ *новыхъ капитальныхъ* крѣпостныхъ работъ, было выражено лишь однажды, именно въ 1845 году по Динабургу. Это неудовольствіе выразилось, между прочимъ, такой оцѣнкой работъ въ крѣпости Ивангородѣ: „Въ Ивангородѣ всѣ работы производятся въ превосходномъ порядкѣ, съ отличною красивостью и образцовою отчетливостью, такъ что лучшаго ничего желать нельзя не только по главнымъ частямъ зданій, но и по отдѣлкѣ самыхъ мелкихъ частей, которыя даже могутъ ускользнуть отъ взгляда. Столь превосходное производство работъ особенно замѣчено послѣ осмотра Динабургской крѣпости, гдѣ обращено вниманіе на отдѣлку только частей, бросающихся въ глаза, тогда какъ прочія части, легко ускользающія отъ быстраго взора, отдѣлываются съ недостаточною заботливостью и раченіемъ".

Когда Николай Павловичъ видѣннымъ въ крѣпостяхъ оставался доволенъ, на благодарности онъ не скупился. Приведу хотя бы выдержки изъ отчета объ осмотрѣ Императоромъ 9 мая 1850 года крѣпости Брестъ-Литовскъ. Обходя VI бастіонъ, Государь обратился къ начальнику инженеровъ дѣйствующей арміи, генералъ-адъютанту Шильдеру, и къ строителю крѣпости, полковнику Теше, со словами: „Я вижу, что здѣсь крѣпостные верки содержаны особо тщательно. Я это не говорю въ похвалу, потому что это есть должное и прямая обязанность; но мнѣ пріятно сказать, что я вижу, что здѣсь это исполняется вполнѣ и въ точности". Далѣе, замѣтивъ заботливое отношеніе къ древеснымъ насажденіямъ, Государь ска-

залъ: „Благодарю! Благодарю!“. Шествуя по валамъ далѣе, Монархъ обратился къ тѣмъ же лицамъ: „Благодарю! По всему видно, что инженеры здѣсь работаютъ добросовѣстно, изъ чести и изъ амбиціи; это мнѣ вдвойнѣ пріятно! ,.Вскорѣ Государь пересѣлъ въ экипажъ. На тереспольскомъ мосту Его Величество приказалъ кучеру остановиться, кликнулъ къ себѣ Теше, ѣхавшаго въ пятомъ по порядку экипажѣ, и снова произнесъ: .,Благодарю! Очень, очень благодарю! Я никогда не похвалю, что не хорошо; не скажу хорошо, когда дурно; напротивъ, я скажу всякому въ глаза дурно, когда увижу что нибудь нехорошее; но здѣсь я нашелъ все въ лучшемъ порядкѣ и гораздо болѣе, какъ я ожидалъ, лучше, какъ я когда либо видѣлъ‘‘. Подъѣхавъ къ царскимъ покоямъ и взойдя на крыльцо, Государь повернулся и громкимъ голосомъ сказалъ: ,,Повторяю: я совершенно доволенъ. Крѣпость содержится въ опрятнѣйшемъ видѣ, лучше, чѣмъ я ожидалъ, чѣмъ я привыкъ видѣть. Благодарю‘‘. Уѣзжая изъ крѣпости, садясь въ экипажъ, Царь опять обратился къ провожавшимъ: ,,Спасибо Теше! Тебѣ— строитель Теше!‘‘.

Нельзя не отмѣтить небольшого курьеза: въ подлинникѣ цитируемаго документа, въ фразѣ—,,инженеры здѣсь работаютъ добросовѣстно‘‘—слово *здѣсь* зачеркнуто широкимъ мазкомъ другими чернилами, надо полагать рукою одного изъ заправилъ инженернаго департамента.

Бывали случаи, при которыхъ Николай Павловичъ, оставаясь доволенъ мѣстными инженерными дѣятелями, обращался къ нимъ съ шутками. Такъ, 10 сентября 1847 года, послѣ осмотра Кіевской крѣпости, Императоръ обратился къ командиру инженернаго округа, генералу Фрейману, взялъ подъ козырекъ и произнесъ: „Ganz vortrefflich, enre exellenz“! Въ сентябрѣ же 1850 года, осматривая ту же крѣпость и остановившись у ,,набережнаго верка‘‘, Монархъ подозвалъ къ себѣ строителя, полковника Клименка, похвалилъ его, назвалъ его „мой пузатый ребятишка“ и порекомендовалъ сопровождавшимъ Его Величество инженерамъ путей

сообщенія: „Господа! Подражайте, соревнуйте ему".

Не забывалъ Государь и о низшей братьи. Напримѣръ, 6 октября 1852 года, оставшись вполнѣ довольнымъ работами по Кіевскому арсеналу и увидѣвъ, по выходѣ изъ зданія, групу вольныхъ рабочихъ, произнесъ: „Благодарю и васъ, ребята, за прекрасную работу".

Вѣнценосный военный инженеръ не только удостовѣрялся въ качествѣ сооруженій, возводившихся по имъ утвержденнымъ проектамъ, по преподаннымъ имъ наставленіямъ; зачастую Монархъ „восхищался" прекраснымъ выполненіемъ своихъ идей, какъ можетъ восхищаться только ближайшій участникъ инженернаго творчества. Приведу примѣры только по одной крѣпости, по Кіевской. Въ дневникѣ Бенкендорфа, подъ октябремъ 1835 года, читаемъ: „Укрѣпленія вокругъ Кіева замѣтно подвинулись впередъ съ послѣдняго посѣщенія нами этого города, и огромная оборонительная казарма уже была подведена подъ крышу. Она особенно порадовала Государя тѣмъ, что для ея цоколя былъ употребленъ камень, не уступавшій въ красотѣ граниту и даже подходившій подъ лабрадоръ, который отыскали по личнымъ его указаніямъ, вопреки общему мнѣнію, утверждавшему, что въ этомъ краѣ не существуетъ камня". 10 августа 1840 года, въ церкви Прозоровской оборонительной башни, Царь „восхищался" изяществомъ отдѣлки въ готическомъ вкусѣ рѣзныхъ оконныхъ переплетовъ, дверныхъ полотенъ и рѣзьбою иконостаса. Тогда же, любуясь прекрасной кладкой кирпича въ сѣверной полубашнѣ, Императоръ подозвалъ къ себѣ Наслѣдника и сказалъ: „Надѣюсь тебѣ все сдать въ такой исправности, ежели успѣю начатое мною окончить". Осмотрѣвъ затѣмъ оборонительную казарму Госпитальнаго укрѣпленія, Монархъ вышелъ во дворъ у нея и „любовался колосальностью и изяществомъ зданія". 9 сентября 1847 года Царь, „обходя возводимую на перешейкѣ казарму, неоднократно останавливался и, съ видимымъ удовольствіемъ всматриваясь въ архитектурныя украшенія, выполненныя съ

особымъ тщаніемъ и правильностью, благоволилъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ отозваться о работахъ этихъ''; на другой же день, въ первую очередь, Его Величество снова направился къ этой же постройкѣ, чтобы еще разъ полюбоваться ею. По письму полковника Клименка къ Фельдману, въ сентябрѣ 1850 года Императоръ ,,остался необыкновенно доволенъ вообще всѣмъ тѣмъ, что осматривать изволилъ; но при обозрѣніи казармы на перешейкѣ и набережнаго казематированнаго верка Его Величество приходилъ въ восторгъ—въ полномъ смыслѣ сего слова; на каждомъ шагу отзывался въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ объ исполнителяхъ работъ: ,,Прекрасно! Отлично! Чудо—хорошо! Вотъ это по-моему! Лучше желать нельзя!'' Это всѣ тѣ изреченія, которыми всемилостивѣйшій Монархъ выражалъ намъ свое удовольствіе и которыя отзвучиваютъ еще въ ушахъ и чувствахъ моихъ''. Самая казарма Царю понравилась на столько, что Его Величество объявилъ: ,,Я пришлю къ вамъ изъ Варшавы живописца для снятія прелестныхъ видовъ этой казармы *).

*) I, № 52—1845, 32—34; К, № 81—1840, 1—4; О, № 142—1847, 23, 26; № 66—1850, 24, 26, 67, 68; № 125—1851, 1, 2; № 135—1851, 20; № 136—1852, 10; № 92—1853, 1—3; Приказы: № 36—1820; № 37—1822; № 34, 35—1823; №№ 38, 65—1824; №№ 70, 71—1825; № 57—1826; №№ 55, 60, 76—1827; № 112—1834; №№ 33, 35—1837; № 30—1838; № 39—1840; № 43—1845; Шильдеръ, Имп. Н. I, т. II, 722.

ГЛАВА VI.

Производство опытовъ надъ крѣпостными сооруженіями и составными ихъ частями. Испытанія прочности каменныхъ верковъ пораженіемъ артилерійскими снарядами. Выясненіе эфектовъ потрясеній сооруженій отъ собственныхъ боевыхъ выстрѣловъ. Практическія стрѣльбы. Отношеніе Императора къ новостямъ въ иностранныхъ крѣпостяхъ и соотвѣтственные опыты. Разборные мосты и штурмовыя лѣстницы. Отечественныя техническія усовершенствованія. Подрываніе крѣпостныхъ стѣнъ. Опыты по очищенію фарватеровъ рѣкъ. Подрываніе мостовъ. Трубная система въ сухопутной минной войнѣ, предложенная генералъ-адъютантомъ Шильдеромъ. Опыты подъ Краснымъ Селомъ, на Семеновскомъ плацу и у Петергофа. Опытъ-маневръ съ трубною системою и фугасными ракетами за Московской заставой. Новогеоргіевскіе опыты. Семафорный телеграфъ. Первоначальные опыты съ электрическими телеграфами. Высочайше утвержденный комитетъ о подводныхъ опытахъ. Фугасныя и зажигательныя ракеты. Подводныя мины Шильдера-Якоби. Опыты на Невѣ и у Кронштадта. Автоматическія мины Якоби. Опыты въ Высочайшемъ присутствіи близь Ораніенбаума и ихъ послѣдствія. Дальнѣйшія испытанія минъ Якоби. Гальваноударныя мины и „минный переметъ“ Нобеля. Испытанія ихъ на Охтѣ, въ Кронштадтѣ и у Біоркэ. Подрываніе затопленныхъ кораблей. Плавучія батареи Чистякова.—Водогонъ Саблукова. Подводная лодка Шильдера.

При объѣздахъ крѣпостей и при посѣщеніяхъ учебныхъ полигоновъ, Николай Павловичъ неоднократно присутствовалъ при многочисленныхъ опытахъ, имѣвшихъ цѣлью какъ провѣрку прочности оборонительныхъ сооруженій и пріемовъ веденія крѣпостной и осадной войны, такъ и провѣрку различныхъ предложеній въ области снабженія крѣпостей боевыми вспомогательными средствами. Вообще, производство такихъ опытовъ практиковалось въ тѣ времена въ широкомъ масштабѣ, всегда по Высочайшему повелѣнію, весьма часто по личной инициативѣ Монарха и постоянно при ближайшемъ со стороны Его Величества руководительствѣ.

Для показанія разносторонности сказанныхъ опытовъ

и испытанія различныхъ новостей, такъ или иначе касавшихся крѣпостного дѣла, приведу такія данныя.

Еще будучи генералъ-инспекторомъ, Николай Павловичъ постоянно стремился къ тому, чтобы степень прочности инженерныхъ построекъ провѣрялась благовременно, опытнымъ путемъ. Въ сентябрѣ 1820 года Великій Князь писалъ директору инженернаго департамента, генералу Опперману: „Я говорилъ уже съ Вашимъ Превосходительствомъ о пробѣ, которую долженствуетъ сдѣлать изъ осадныхъ орудій надъ одеждою эскарпа изъ булыжнаго камня въ Динабургской крѣпости; теперь снесся я о томъ съ Его Императорскимъ Высочествомъ генералъ-фельдцейхмейстеромъ, а Вамъ предлагаю предписать инженеръ-полковнику Клименку, назначивъ для оной пробы часть отдѣланнаго изъ булыжника эскарпа, сдѣлать мнѣ подробное донесеніе о дѣйствіяхъ надъ онымъ ядеръ“. После этого Августѣшимъ генералъ-инспекторомъ были даны и детальныя указанія по отношенію къ организаціи опытовъ, и, въ соотвѣтствіе съ таковыми, противъ фаса одного изъ люнетовъ крѣпости, на прикрытомъ пути, установили четыре 24 фунт. пушки, стрѣльбу вели залпами, эфектъ каждаго залпа тщательно обслѣдовали и наблюденія заносили въ протоколы. На опыты, также по приказанію Великаго Князя, были приглашены комендантъ крѣпости, всѣ военные инженеры и командиры квартировавшихъ тогда въ Динабургѣ піонерныхъ баталіоновъ. Самые опыты оказались весьма для эскарпа благопріятными, не смотря на то, что кладка была свѣжа, а громили ее ядрами съ разстоянія всего въ 72 саж. Ознакомившись съ подробнымъ отчетомъ, Николай Павловичъ сообщилъ Опперману, что „остался доволенъ дѣйствіемъ онаго опыта, доказывающаго прочность“ эскарпа, „построеннаго изъ булыжнаго, рванаго и плоскостороннаго камня“; исправленіе же поврежденій приказалъ произвести за счетъ суммъ, находившихся въ безотчетномъ распоряженіи Его Высочества.

Въ августѣ 1821 года, въ Петербургѣ, на Выборгской

сторонѣ, была устроена, по приказанію Николая Павловича, „образцовая мортирная батарея", съ примѣненіемъ казематовъ французскаго типа, для испытанія прочности этого сооруженія стрѣльбою изъ него. Военно-ученый комитетъ, разсматривавшій програму опытовъ, полагалъ назначить для стрѣльбы „кегорновыя мортиры"; но такое предположеніе было опротестовано Августѣйшимъ генералъ-инспекторомъ въ резолюціи: „Отвѣчать, что, по моему мнѣнію, калибръ кегорновой мортиры слишкомъ малъ, чтобы могъ дать опредѣленное испытаніе надъ сими казематами, а считаю нужнымъ употребить на то двухпудовую мортиру, приведя лафетъ оной въ надлежащій видъ и наклоненіе". Артилерійское вѣдомство отозвалось, что двухпудовая мортира назначена будетъ, но на обыкновенномъ станкѣ. Тогда Николай Павловичъ обратился къ самому Августѣйшему генералъ-фельдцейхмейстеру: „Нахожу, что станки сихъ мортиръ мало соотвѣтствуютъ цѣли и могутъ быть еще усовершенствованы", почему и просилъ сдѣлать соотвѣтственныя распоряженія. Въ результатѣ было рѣшено опытную стрѣльбу произвести изъ двухпудовой мортиры на новомъ станкѣ генерала Фицтума. Строили батарею гвардейскіе саперы подъ наблюденіемъ Оппермана. Послѣдній, а также директоръ военно-ученаго комитета, генералъ Гогель, присутствовали на каждой изъ стрѣльбъ, которыя производились нѣсколько дней. Послѣ каждой стрѣльбы составлялись подробные протоколы, немедленно представлявшіеся Великому Князю.

2 ноября 1824 года, въ Бобруйской крѣпости, въ присутствіи Николая Павловича, были произведены опыты обстрѣливанія отдѣльной оборонительной стѣнки на правомъ фасѣ перваго полигона. Опытами руководилъ самъ Великій Князь. По приказанію Его Высочества, брешь-батарея была построена въ десяти саж. отъ стѣнки, у контръ-экскарпа, и вооружена двумя пудовыми единорогами; снарядъ—сплошныя ядра. Николай Павловичъ приказалъ стрѣлять залпами, „направляя орудія на одинъ

опоръ сводовъ, примкнутыхъ къ оборонительной стѣнкѣ, дабы, по разбивкѣ онаго, узнать, какія части сводовъ, упирающихся на сей опоръ, останутся въ цѣлости". Всего было произведено 40 выстрѣловъ, и результаты оказались весьма для инженеровъ благополучными, „ибо—значится въ журналѣ опытной комисіи—хотя изъ подъ лѣваго свода почти совершенно подбитъ опоръ, но въ ономъ (въ сводѣ) даже непримѣтно ни малѣйшей трещины, что доказываетъ доброту раствора, употребляемаго въ Бобруйскѣ для каменныхъ работъ".

Въ ноябрѣ 1835 года Императоръ повелѣлъ произвести въ Кіевѣ опытъ—выдержатъ ли своды нижняго этажа редюита № 1 Васильковскаго укрѣпленія, построенные въ полтора кирпича, сотрясенія при выстрѣлахъ полными боевыми зарядами изъ орудій большого калибра, размѣщенныхъ во второмъ этажѣ этой постройки. „Весьма полезно—указывалъ при этомъ Государь—если опыты сіи будутъ производиться въ теченіе нынѣшней зимы, дабы при работахъ будущаго лѣта съ достовѣрностью можно (было бы) опредѣлить, какую слѣдуетъ принять для подобныхъ сводовъ толстоту: въ полтора или три кирпича, какъ въ иностранныхъ и многихъ нашихъ вновь строющихся крѣпостяхъ". Опыты произвели въ началѣ 1836 года, при чемъ было сдѣлано 20 боевыхъ выстрѣловъ изъ 24 фунт. пушекъ. Сводъ получилъ сразу, но незначительную трещину въ соединеніи своемъ съ наружной стѣной, трещину, „не имѣющую, впрочемъ, вліянія на прочность, ибо при послѣдовавшихъ затѣмъ выстрѣлахъ трещина осталась безъ измѣненія"; кромѣ того, были обнаружены поврежденія въ амбразурахъ нижняго этажа. Представляя журналъ опытовъ Царю, генералъ Фельдманъ указывалъ на необходимость опытъ повторить, такъ какъ, по мнѣнію его, таковой былъ произведенъ неправильно и такъ какъ именно эта неправильность и породила помянутые дефекты: стрѣляли съ осадныхъ лафетовъ и при несоотвѣтственныхъ углахъ возвышенія, тогда какъ нужно было взять лафетъ, кото-

рый будетъ въ казематѣ въ военное время, т. е. крѣпостной, а стрѣльбу вести прицѣльную, по ложементамъ, расположеннымъ въ соотвѣтствіи съ боевой обстановкой. Мнѣніе это многими, въ особенности артилеристами, оспаривалось; считали, что трещина произошла бы и при пріемѣ, рекомендованномъ Фельдманомъ. Однако, Государь вполнѣ присоединился къ заключенію своего постояннаго сотрудника и не даромъ: когда трещину и поврежденія въ амбразурахъ задѣлали и произвели новыхъ 20 выстрѣловъ въ указанной обстановкѣ—все оказалось въ полномъ порядкѣ. Слѣдствіемъ явилось повелѣніе—впредь, для полуциркульныхъ сводовъ при пролетахъ до трехъ саж., въ отношеніи прочности сопротивленія сотрясеніямъ отъ выстрѣловъ изъ крупныхъ орудій, ограничиваться толщиною въ полтора кирпича.

Въ серединѣ сороковыхъ годовъ, въ оборонительной казармѣ мостового укрѣпленія Динабурга обнаружились, въ относительномъ изобиліи, трещины, породившія сомнѣнія въ прочности постройки. Пользуясь крѣпостнымъ маневромъ, предстоявшимъ къ производству въ Динабургѣ въ 1847 году, Николай Павловичъ указалъ—всѣ трещины въ стѣнахъ и казематахъ зарегистрировать и оклеить бумагой, казематы вооружить и произвести опытную стрѣльбу изъ орудій большихъ калибровъ „для точнаго удостовѣренія устойчивости стѣнъ сихъ зданій противъ потрясенія воздуха при стрѣльбѣ“, а затѣмъ представить Его Величеству отчетъ „со всѣми подробностями“. Было произведено по 24 выстрѣла изъ всѣхъ находившихся на вооруженіи 24 фунт. пушекъ и пудовыхъ единороговъ; ни новыхъ трещинъ, ни малѣйшаго увеличенія старыхъ не получилось.

Производились и техническіе опыты съ цѣлью установленія способовъ возведенія верковъ наиболѣе правильной конструкціи. Такъ, въ 1838 году генералъ Фельдманъ подалъ Михаилу Павловичу записку, въ которой, указывая, что въ нашихъ крѣпостяхъ, при устройствѣ наклонныхъ потернъ, кладку стѣнъ иногда, а

сводовъ всегда, ведутъ не горизонтальными рядами кирпичей, что порождаетъ непрочность сооруженій—предлагалъ новый способъ устройства наклонныхъ построекъ и представилъ соотвѣтствующую модель. Предложеніе Фельдмана было доложено Императору, а его Величествомъ передано на заключеніе военно-ученаго комитета, въ который повелѣно пригласить инженера путей сообщенія, генералъ-лейтенанта Дестрема. Комитетъ отнесся къ проекту сочувственно; генералъ же Дестремъ, не отвергая общей правильности мысли автора отозвался, что новый способъ, „при излишнихъ издержкахъ", практически неудобенъ. Прочитавъ журналъ комитета и начертавъ противъ словъ объ издержкахъ—„какихъ"?—Николай Павловичъ приказалъ затребовать отъ Дестрема „обстоятельнаго объясненія" брошеннаго имъ замѣчанія. Далѣе, внимательно разсмотрѣвъ представленную Дестремомъ обширную техническую записку, Государь нашелъ, что вопросъ въ ней далеко не исчерпанъ, и повелѣлъ произвести всесторонніе опыты надъ новымъ способомъ въ одной изъ строившихся крѣпостей Европейской Россіи и въ одной изъ крѣпостей Царства Польскаго.

Въ маѣ 1845 года, при осмотрѣ крѣпостныхъ сооруженій Динабурга, Его Величество замѣтилъ, „что въ тѣхъ частяхъ крѣпостныхъ верковъ, которыя въ весеннее и осеннее время находятся подъ водою и кои обложены булыжнымъ камнемъ, начинаетъ выпадать цементъ, такъ что вода, проникая постепенно между булыжною одеждою, можетъ впослѣдствіи разрушить и самыя стѣны". Признавая совершенно необходимымъ принять энергичныя мѣры къ отвращенію этого изъяна, Императоръ приказалъ обсудить, какъ это сдѣлать—„заливать ли сшивы гидравлическимъ цементомъ или инымъ способомъ?"—а затѣмъ произвести соотвѣтственные опыты. Интересно, что при изслѣдованіи въ Динабургѣ стѣнъ 5-го полигона, отстроеннаго въ 1820 году, было обнаружено, что тамъ уже 25 лѣтъ растворъ держится прекрасно и воду не пропускаетъ, при чемъ „по сизому

цвѣту“ раствора высказывалась догадка о примѣси къ нему толченаго кирпича. Безотлагательно были произведены соотвѣтственные опыты, и хотя расшивку дѣлали въ неблагопріятное время, позднею осенью, уже въ ноябрѣ, а затѣмъ свѣжая кладка подверглась дѣйствію сильнаго мороза—результаты оказались прекрасными. Этотъ пріемъ Царемъ и былъ одобренъ на будущее время.

Неоднократно, по личной инициативѣ Николая Павловича, производилась провѣрка дѣйствія крѣпостной артилеріи въ обстановкѣ, близкой къ боевой. Мы уже видѣли, что Государь предписывалъ производить въ крѣпостяхъ боевыя стрѣльбы не на полигонахъ, а съ мѣстъ боевого расположенія орудій, и что тамъ, гдѣ это было возможно, напримѣръ въ Кронштадтѣ, опытныя боевыя стрѣльбы производились одновременно со всѣхъ фронтовъ крѣпостного расположенія, дѣйствовавшихъ по данному направленію. Къ этому прибавлю, что въ апрѣлѣ 1822 года, будучи въ Динабургѣ, Николай Павловичъ лично руководилъ опытами стрѣльбы по соотвѣтственнымъ цѣлямъ изъ вновь установленныхъ въ казематахъ единороговъ и каронадъ, а въ апрѣлѣ 1833 года повелѣлъ организовать широкіе опыты стрѣльбы изъ каронадъ фланкирующихъ построекъ по сапамъ, устроеннымъ для постепеннаго перехода черезъ крѣпостные рвы.

Николай Павловичъ бывалъ на опытахъ не только въ русскихъ, но и въ иностранныхъ крѣпостяхъ. Въ іюнѣ 1825 года Великій Князь сообщалъ генералъ-фельдцейхмейстеру: „Въ бытность мою въ прошломъ году въ Берлинѣ, производились королевско-прусскою гвардейскою артилеріею и инженерами, большею частью въ присутствіи моемъ, разные опыты по части артилерійскаго и инженернаго искусствъ, между прочимъ и дѣйствіе выстрѣловъ изъ орудій и мортиръ на покрытыя деревомъ амбразуры и сапы“. Къ письму прилагались соотвѣтственные чертежи и журналы, по поводу коихъ

Его Высочество писалъ: „Нужнымъ считаю присовокупить, что я, какъ очевидецъ, могу свидѣтельствовать всего того, что о дѣйствіи изъ орудій и мортиръ на упоминаемыя амбразуры и сапы сказано“.

Образчикомъ отношенія Николая Павловича къ различнымъ новостямъ въ крѣпостномъ дѣлѣ можетъ служить хотя бы такой документъ. Въ маѣ 1837 года, возвратившійся изъ командировки въ Пруссію и Голландію, полевой инженеръ капитанъ Постельсъ представилъ подробнѣйшій отчетъ о видѣнномъ имъ въ заграничныхъ крѣпостяхъ, а къ отчету приложилъ „экстрактъ“ онаго, представившій собою тетрадку въ 50 страницъ. Экстрактъ былъ представленъ Императору, который обратилъ особое вниманіе: 1) на способы предохраненія крѣпостныхъ сводовъ отъ сырости; 2) на пріемы предохраненія отъ гніенія брусчатыхъ потолковъ. обсыпанныхъ землею; 3) на устройство блокгаузовъ, „опускаемыхъ въ военное время въ землю“ (строились такіе блокгаузы изъ брусьевъ на длинныхъ подкладкахъ, осмаливались и покрывались легкою крышею; въ военное же время крыша снималась, подъ сооруженіемъ вырывалась яма, надъ которою блокгаузъ на подкладкахъ временно оставался на вѣсу, а послѣ готовности ямы спускался въ таковую до потребной глубины, при чемъ вырытую землю набрасывали на потолокъ и присыпали къ стѣнамъ); 4) на устройство шлюзныхъ воротъ по системѣ Бланке; 5) на „усовершенствованный способъ употребленія мастики или левицъ-цемента“; 6) на прусскій способъ устройства гаубичныхъ амбразуръ; 7) на познанскую конструкцію бойницъ; 8) на прусскую сокращенную отчетность по производству крѣпостныхъ работъ. Противу пунктовъ 1, 2, 3 и 6 Государь начерталъ—„испробовать“, по пункту 4-му—„сообщить г. Толѣ“; по пункту 5-му—„выписать и испробовать“; по пункту 7-му—„испробовать въ Кронштадтѣ“; по пункту 8-му—„непримѣнно испробовать“.

Или такіе примѣры: въ началѣ 1842 года Импера-

торъ, ознакомившись съ сочиненіемъ французскаго артилориста капитана Фаве о новой системѣ обороны крѣпостей, долженствующей, по мысли автора, заключаться въ широкомъ развитіи активности съ производствомъ частыхъ вылазокъ и съ устройствомъ контръ-апрошей, прислалъ книжку Фаве Фельдману для разбора и заключенія. На запискѣ, представленной по этому поводу послѣднимъ, Его Величество начерталъ: „Оборонительныя траншеи (контръ-апроши) есть мысль не новая, хотя рѣдко употреблявшаяся. Турки большіе въ томъ мастера; а хотя расположеніе ихъ траншей вовсе неправильно, но неимовѣрно затрудняло осадныя работы. Эти ближе всего извѣстно л—гв. саперному баталіону, который съ этими препятствіями боролся подъ Варной, и дѣйствительно примѣненіе сихъ траншей къ правильной оборонѣ можетъ быть весьма полезно, ежели заблаговременно приготовлено“. Вмѣстѣ съ этимъ Государь повелѣлъ—предложенія Фаве провѣрить опытнымъ путемъ на саперномъ полигонѣ за Московской заставой, книжку его отправить въ Варшаву на заключеніе Дена, ему же доставить и отчетъ о результатахъ опытовъ. На полигонѣ соотвѣтственныя работы, а затѣмъ и маневры были выполнены въ 1843 году. Комисія посредниковъ высказалась, что апроши въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ проектированы Фаве, будучи расположены на гласисѣ и въ особенности на исходящихъ капитальныхъ линіяхъ, не представляютъ для обороны выгодъ, ибо „главнѣйшее условіе обороны, т. е. обстрѣливаніе гласиса съ главнаго вала, заслоняется ими, а по овладѣніи непріятелемъ контръ-апрошами, облегчается ему приближеніе до гребня гласиса“. Но во входящихъ частяхъ, при расположеніи подошвы контръ-апрошей ниже горизонта, „подъ выстрѣлами съ крѣпостныхъ верковъ“, можно достигнуть значительныхъ выгодъ. Представилъ ли свое заключеніе Денъ—неизвѣстно.

Въ 1840 году Государь освѣдомился, что французскій инженеръ-механикъ Швикарди „нашелъ“ средство—

при всякихъ постройкахъ, для предупрежденія пожаровъ, замѣнять дерево „плющильнымъ“ желѣзомъ. Тотчасъ же было повелѣно соотвѣтственные чертежи и описанія выписать изъ Парижа и разсмотрѣть въ инженерномъ департаментѣ съ тѣмъ, чтобы затѣмъ произвести необходимые опыты. Впрочемъ, отъ послѣднихъ пришлось отказаться: департаментъ доложилъ Царю, что чертежи и описанія отличаются крайнею туманностью, исключающей возможность производства опытовъ даже въ самомъ маломъ размѣрѣ.

Въ 1841 году Николай Павловичъ обратилъ вниманіе на появившееся въ иностранныхъ газетахъ сообщеніе объ испытаніи въ имѣньѣ г. Бойда у Лондона новаго взрывчатаго вещества, изобрѣтеннаго нѣкимъ Варнеромъ. Указывалось, что лодку въ 23 фута длины и 7 ширины загрузили бревнами, всю массу стянули желѣзными хомутами и полученный такимъ образомъ грузъ, превысившій 16.000 фунтовъ, обратили въ щепу взрывомъ 18-фунтоваго заряда. „Изобрѣтатель увѣряетъ, что онъ, помощью средства, которое можетъ на себѣ нести одинъ лошакъ, въ состояніи разорить самую большую крѣпость“. Государь приказалъ дѣло изучить съ тѣмъ, чтобы имѣть въ виду пріобрѣтеніе состава и производство надъ нимъ опытовъ. Привлеченное къ вопросу, посольство наше увѣдомило, что по поводу изобрѣтенія Варнера въ Англіи поднятъ газетами большой шумъ; прислало оно въ Петербургъ и соотвѣтственный, весьма обильный, матеріалъ. Разсмотрѣніе послѣдняго было поручено военно-ученому комитету, который, внимательно изучивъ дѣло, призналъ его слѣдствіемъ политической шумихи на почвѣ борьбы партій. Дѣло въ томъ, что министерство Мельборна на изобрѣтеніе Варнера достаточнаго вниманія не обратило, а опозиція, во главѣ съ Робертомъ Пилемъ „которая пользуется всякимъ малѣйшимъ обстоятельствомъ, которое можетъ быть перетолковано ко вреду министерства и можетъ служить къ униженію его въ общественномъ мнѣніи“, не замедлила

ударить въ набатъ. Когда же старое министерство пало, то новый премьеръ, Робертъ Пиль, „который былъ свидѣтелемъ описаннаго опыта“, также не обратилъ „никакого вниманія“ на раздутое имъ же изобрѣтеніе. Посему комитетъ высказался, что дальнѣйшее изученіе вопроса представляется излишнимъ. Такъ и рѣшено было поступить.

Въ 1842 году Николай Павловичъ прислалъ Августѣйшему генералъ-инспектору по инженерной части книгу французскаго подполковника Роге, посвященную описанію опытовъ, произведенныхъ въ Мецѣ по подрыванію крѣпостныхъ стѣнъ. Опыты Роге, произведенные въ 1838 году, заключались въ разрушеніе малыми зарядами—„петардами“—стѣны, построенной еще римлянами, и столь заинтересовали Императора, что Его Величество, во чтобы то ни стало, хотѣлъ провѣрить пріемы французскаго подполковника у насъ. Вначалѣ было повелѣно предназначить для того каменную галерею, имѣвшуюся на красносельскомъ инженерномъ полигонѣ; но начальникъ инженеровъ гвардейскаго корпуса, генералъ Витовтъ, отозвался, что такой опытъ не будетъ сколько нибудь поучительнымъ, такъ какъ галерея, предназначавшаяся къ тому же для испытанія дѣйствія фугасныхъ ракетъ, построена изъ мягкаго плитняка и имѣетъ стѣны и своды въ одинъ футъ толщиною. Далѣе, Государь повелѣлъ построить въ безопасномъ мѣстѣ стѣну спеціально для опытовъ, что было признано „малопоучительнымъ“ военно-ученымъ комитетомъ, по причинѣ несоотвѣтствія подрыванія постройки свѣжей кладки. Тогда-то Императоръ и обратился къ Августѣйшему генералъ-инспектору для направленія дѣла въ западный округъ. Однако, и изъ этого ничего не вышло: князь Варшавскій отозвался, что въ западныхъ крѣпостяхъ опыты неосуществимы за отсутствіемъ ненужныхъ стѣнъ. Приказано было поискать—не найдется ли въ западномъ округѣ старыхъ стѣнъ внѣ крѣпостей? Такія нашлись, въ томъ числѣ у Варшавы, за Вольскою заставою, но осмотръ всѣхъ

найденныхъ стѣнъ показалъ, что онѣ не подходятъ для опытовъ ни по размѣрамъ своимъ, ни по тому, что всѣ обильно уснащены трещинами. Николай Павловичъ не успокоился и приказалъ произвести опыты гдѣ нибудь въ имперіи. На мѣста пошли запросы. Какъ будто бы и подходящія стѣны нашлись: подъ Нарвою, именно въ Иванъ-Городѣ, постройки 1492 года, затѣмъ въ Ревелѣ, у Херсонеса и Инкермана—стоящія нѣсколько столѣтій, наконецъ, въ Свеаборгѣ—болѣе поздняго происхожденія. Признавъ, что всѣ указанныя постройки, кромѣ Ревеля, представляютъ собою цѣнные историческіе памятники, разрушеніе коихъ недопустимо, Государь повелѣлъ подвергнуть опытамъ участокъ старой контръ-эскарповой стѣны въ Ревелѣ. Оказалось, что валъ съ намѣченнымъ участкомъ находится въ вѣдѣніи городского магистрата, заявившаго о полной невозможности исполненія Монаршей воли, ибо противъ сего протестуетъ содержательница почты Вильгельмина Аландъ, которой валъ отданъ въ арендное пользованіе. Длиннѣйшая по этому поводу переписка закончилась Высочайшей резолюціей: „Отложить впредь до особаго повелѣнія“.

По многимъ новостямъ въ крѣпостномъ и вообще строительномъ дѣлѣ Николай Павловичъ не пропускалъ и мелочей. Напримѣръ, въ ноябрѣ 1830 года, Его Величество направилъ графу Опперману, для разсмотрѣнія и доклада, нѣмецкую брошюру Броке о примѣненіи минеральной смазки для предохраненія зданій отъ сырости. Опперманъ передалъ брошюру въ военно-ученый комитетъ, а затѣмъ доложилъ, что изложеніе предмета настолько неясно, что безъ провѣрки способа опытомъ никакого заключенія дать нельзя. Императоръ приказалъ выписать препаратъ изъ заграницы; опыты же надъ нимъ лично возложилъ на архитектора инженернаго департамента Штауберта съ тѣмъ, чтобы о результатахъ было доложено Его Величеству. Любопытно заключеніе Штауберта: онъ констатировалъ, что препаратъ Броке,

уступая многимъ, давно уже извѣстнымъ, имѣетъ лишь одну особенность—„нестерпимый запахъ“.

Имѣются свѣдѣнія о производствѣ, по Высочайшему повелѣнію, опытовъ для выясненія способовъ расчистки рѣкъ отъ ледяныхъ заторовъ и углубленія фарватеровъ. Въ декабрѣ 1838 года, состоявшій при мисіи нашей въ Берлинѣ, генералъ-адъютантъ Мансуровъ представилъ Николаю Павловичу прусскую инструкцію о новомъ способѣ борьбы съ ледяными у мостовъ заторами, при пользованіи малыми зарядами. Императоръ переслалъ эту инструкцію къ Михаилу Павловичу для производства соотвѣтственныхъ опытовъ, а вскорѣ самолично составилъ для этихъ опытовъ и наставленіе. Наставленіе Монарха гласило: „1) Для предварительнаго обученія нижнихъ чиновъ нужнымъ пріемамъ и дѣйствіямъ, произвести предварительные частные опыты гдѣ нибудь на взморьѣ. 2) Послѣ сего, обучеными нижними чинами произвести уже настоящіе опыты, когда ледъ тронется, на Невѣ у Новопетровскаго моста (съ Петровскаго острова на Крестовскій). 3) При производствѣ сихъ опытовъ принять въ руководство порядокъ, въ прусской оригинальной инструкціи описанный. 4) Предоставить лейбъ-гвардіи саперному баталіону примѣненіе при этихъ опытахъ зажиганія зарядовъ помощью гальваническаго прибора. 5) Предполагаемые опыты произвести въ нынѣшнемъ году нижними чинами лейбъ-гвардіи сапернаго баталіона подъ наблюденіемъ инженернаго отдѣленія военно-ученаго комитета обще съ генералъ-адъютантомъ Шильдеромъ и генералъ-маіоромъ Витовтомъ“. Опытамъ велись весьма подробные журналы, которые и представлялись Его Величеству. Признавъ результаты 1840 года не вполнѣ исчерпывающими вопросъ, Государь повелѣлъ продолжать опыты и въ слѣдующемъ году.

Въ сентябрѣ 1853 года князь Варшавскій доложилъ Царю, по поводу приказанія Его Величества—„произвести опыты надъ очищеніемъ фарватера рѣкъ (у Варшавы и Новогеоргіевска) посредствомъ фугасовъ,

на днѣ оныхъ закладываемыхъ“—что опыты эти довели пока только до пріисканія довольно удобнаго средства къ углубленію зарядовъ подъ дно рѣки; ощутительнаго же вліянія на углубленіе русла малые заряды, доселѣ употребленные, не произвели‘‘. Императоръ повелѣлъ опыты продолжить и при томъ въ болѣе широкомъ размѣрѣ.

Передъ относительно большими издержками для провѣрки опытнымъ путемъ изобрѣтеній, суливших, хотя бы и на первый взглядъ, выгодность ихъ примѣненія въ крѣпостной или осадной войнѣ, Николай Павловичъ не останавливался. Напримѣръ, въ 1837 году, на выставкѣ въ Одессѣ, ,,удостоивъ вниманія‘‘ модели перекидного черезъ крѣпостные рвы моста и штурмовой лѣстницы, изобрѣтенія нѣкаго ,,заштатнаго VII класса Черневскаго‘‘, Государь приказалъ изобрѣтателю представить Его Величеству описаніе моста. По полученіи такового, Царь передалъ документъ на разсмотрѣніе въ инженерный департаментъ. Когда же послѣдній отозвался, что предложеніе Черневскаго вниманія заслуживаетъ, но ,,по неясности изложенія имъ своего предмета, тѣмъ болѣе, что при описаніи не находится ни чертежа, ни модели‘‘, о выгодахъ и удобствахъ моста судить трудно—послѣдовало повелѣніе вызвать изобрѣтателя съ чертежами и моделью въ Петербургъ, выдавъ ему прогонныя на одну повозку деньги (418 руб.) и пособіе въ 1.500 руб. Черневскій заявилъ, что онъ никакъ не можетъ помѣститься съ моделью въ одной повозкѣ и просилъ о назначеніи вторыхъ прогонныхъ денегъ. Разрѣшено и это. Результатъ не оправдалъ расходы: военно-ученый комитетъ мостъ Черневскаго забраковалъ, во-первыхъ, потому, что работы по его наводкѣ оказались крайне мѣшкотными, и рабочіе должны были находиться долгое время подъ прямыми выстрѣлами съ бруствера, а во-вторыхъ, потому, что подсчеты установили чрезмѣрный вѣсъ моста (54.700 фунтовъ), обращавшаго его въ грузъ,

перевезенiе котораго за осаднымъ корпусомъ являлось болѣе, нежели затруднительнымъ.

Кстати замѣчу, что вообще съ готовыми перевозимыми мостами, кромѣ понтонныхъ, дѣло въ то время не клеилось. Такъ, еще 1828 году нашими инженерными офицерами были сконструированы и построены возимые мосты „канатный“ и „стропильный“. Государь приказалъ оба моста передать, для испытанiя ихъ на походѣ, въ гвардейскiй саперный баталiонъ. По испытанiи же, имущество канатнаго моста было признано просто негоднымъ, а имущество стропильнаго—„совершенно ни къ какому употребленiю ненужнымъ“ *).

По приказанiю Николая Павловича и часто въ его присутствiи, производились и широкiе опыты по саперному подрывному дѣлу, при чемъ испытывались предложенiя преимущественно русскихъ изобрѣтателей. Еще въ 1824 году Августѣйшiй генералъ-инспекторъ приказалъ произвести опыты при гвардейскомъ и учебномъ саперныхъ баталiонахъ надъ „жидкимъ зажигательнымъ составомъ“ для минъ и фугасовъ, изобрѣтенныхъ медикомъ Власовымъ. Оказалось, что „дѣйствительно составъ можетъ быть употребляемъ безъ малѣйшей опасности для заряжающихъ мины; облегчаетъ работу, не требуя прокладки сосисовъ; послѣ долговременнаго заряжанiя мины, производитъ съ равномѣрною скоростью взрывъ, который часто, при сосисахъ, отсырѣвшихъ отъ долгаго лежанiя, не получается; въ оборонительныхъ минахъ чрезвычайно выгоденъ, ибо галерея остается совершенно приступною тотчасъ послѣ взрыва, чего при заряжанiи сосисомъ никакъ имѣть нельзя; и,

*) А, № 130—1821, 1—6, 11, 35; Г, № 3—1828, 5, 9, 45; З, № 23—1821, 1—3, 23, 25; № 145—1823, 1; И, № 71—1832, 1, 4, 9, 19; № 1—1833, 1—12; I, № 54—1845, 1, 11, 12, 19; К, № 63—1837, 40—45; Л, № 57—1838, 8, 9, 20; № 88—1840, 1, 4; № 19—1842, 1—3, 17, 20, 23, 32; О, № 76—1851, 244; П, № 8—1847, 41, 101, 102; Т, № 105—1841, 4—6. 20—25 Ф, № 30—1820, 3, 5, 6; № 113—1824, 2—4; № 82—1825. 2; № 100—1835. 1, 4—7; Ц, № 26—I—1839, 21, 31, 32, 82; № 26—IV—1839, 4, 12, 31; Ч, № 32—1842, 1, 2, 13, 17; Приказъ. № 43—1853.

наконецъ, весьма удобенъ для подрыванія мостовъ". Власову Николай Павловичъ выхлопоталъ награду въ 3.000 руб. Главные же опыты по подрывному дѣлу производились въ области примѣненія гальваническаго способа воспламененія зарядовъ, способа, открытаго въ 1822 году чиновникомъ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, барономъ Шиллингомъ фонъ Канштатъ, и примѣненнаго къ военнымъ нуждамъ знаменитымъ русскимъ саперомъ К. А. Шильдеромъ. Въ ряду такихъ опытовъ, первоначально наибольшее вниманіе было обращено на дѣйствіе подводныхъ фугасовъ для разрушенія мостовъ. Отмѣчу два опыта.

Лѣтомъ 1835 года былъ произведенъ опытъ разрушенія двадцатисаженнаго деревяннаго моста тремя фугасами, изъ коихъ одинъ былъ погруженъ въ воду въ присутствіи Государя. Работали гвардейскіе конно-піонеры, и трудъ ихъ увѣнчался блистательнымъ успѣхомъ. Послѣ взрыва Императоръ сказалъ: „Поздравляю конно-піонеръ съ этою обновкою; дарю ее имъ какъ надежный способъ къ уничтоженію мостовъ; нужно только придумать, на чемъ бы можно было съ удобствомъ возить этотъ снарядъ".

12 іюня 1837 года Николай Павловичъ, будучи въ Красномъ Селѣ, прибылъ къ Фабрикантской рѣчкѣ, на которой былъ устроенъ плотовый мостъ, подлежавшій разрушенію тѣмъ же способомъ. Работы производились гвардейскими саперами, а руководилъ опытами, по обыкновенію, генералъ-адъютантъ Шильдеръ. По недосмотру, три подведенныхъ подъ мостъ фугаса были воспламенены не послѣдовательно, какъ намѣчалось по програмѣ, а одновременно. Произошелъ весьма сильный взрывъ; обломки моста полетѣли гораздо дальше, чѣмъ можно было ожидать; часть ихъ упала у того мѣста, гдѣ стояли Государь и свита; другая часть обрушилась на лагерь образцоваго пѣхотнаго полка, гдѣ убило одного солдата и ранило офицера. Тотчасъ послѣ взрыва перепуганная свита разсыпалась во всѣ стороны; на

мѣстѣ остался одинъ Императоръ, не сдѣлавшій ни малѣйшаго движенія. Естественно, Николай Павловичъ остался опытомъ весьма недоволенъ и даже арестовалъ Шильдера домашнимъ арестомъ за несоблюденіе должныхъ мѣръ предосторожности. Вскорѣ же послѣ этого Государь приказалъ Шильдеру позаняться дѣломъ внимательнѣе и воспользоваться совѣтами знающихъ людей. Когда же выборъ Шильдера палъ на професора Якоби, а послѣдній сообщилъ ему, что, вполнѣ соглашаясь на предложеніе, не можетъ принять таковое безъ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, у коего находится въ полномъ подчиненіи, Императоръ повелѣлъ сообщить министру о возложеніи на Якоби сказаннаго порученія по Высочайшей волѣ. Поучительно, что одновременно съ этимъ Якоби было предложено немедленно прекратить тѣ опыты по гальванизму, которые ранѣе производились имъ при постороннихъ. Вскорѣ совмѣстные труды Якоби и Шильдера увѣнчались полнымъ успѣхомъ, далеко бо́льшимъ достигнутаго заграницей, и тогда было повелѣно выработанные пріемы взрывовъ принять къ руководству и сохранять ихъ въ строжайшей тайнѣ.

Въ присутствіи же Царя, именно 7 сентября 1846 года, были произведены весьма удачные опыты взрыва фугасовъ, воспламенявшихся какъ по желанію, такъ и автоматически, фугасовъ, предложенныхъ тѣмъ же Шильдеромъ. Охарактеризовавъ новые фугасы опредѣленіемъ „дьявольскіе“, Государь приказалъ безъ замедленія направить партію ихъ на Кавказъ.

Значительно большею широтою отличались опыты, производившіеся, по приказанію Монарха, съ цѣлью испытанія предложенной Шильдеромъ „трубной системы“ сухопутныхъ контрминъ, заключавшейся въ примѣненіи къ подземной минной войнѣ буровыхъ скважинъ.

Ознакомившись въ деталяхъ съ мыслями автора изобрѣтенія, Государь передалъ вопросъ на обсужденіе военно-ученаго комитета и приказалъ произвести соотвѣт-

ственные опыты. Первоначальные опыты были произведены въ сентябрѣ 1833 года подъ Краснымъ Селомъ, а полученные при этомъ результаты столь заинтересовали Николая Павловича, что Его Величество пожелалъ повторить ихъ непремѣнно въ своемъ присутствіи. Повторные опыты были произведены 5 октября, при чемъ Государь подробно осмотрѣлъ всѣ работы, остановивъ особое вниманіе на вновь изобрѣтенныхъ сверлахъ. Безошибочная же удачность всѣхъ взрывовъ послужила къ выраженію Его Величествомъ мысли, что „предложенія и проекты генерала Шильдера составляютъ истинный переворотъ въ инженерномъ искусствѣ". А при такомъ взглядѣ на дѣло, естественно, было признано необходимымъ опыты продолжить и при томъ по болѣе широкой програмѣ, для составленія которой Монархъ лично преподалъ рядъ указаній.

Къ 21 марта 1834 года, на Семеновскомъ плацу былъ устроенъ полигонъ съ участкомъ контрминной системы, изъ галерей которой буровыя скважины были подведены подъ ложементы атакующаго; въ этотъ же день предстояло испытать также новое предложеніе Шильдера — фугасныя ракеты. На опыты прибыли Императоръ, Михаилъ Павловичъ, князь Варшавскій, графъ Чернышевъ и многочисленная свита. Взрывы при посредствѣ буровыхъ скважинъ совершенно разрушилъ ложементы атаки, а обстрѣлъ образовавшихся воронокъ ракетами указалъ на полную невозможность ихъ занятія непріятелемъ. Государь неоднократно выражалъ полное удовольствіе: „Хорошо! Прекрасно!" говорилъ онъ. И все же опыты велѣно было вновь повторить и повторены они были нѣсколько разъ въ саперныхъ лагеряхъ у Петергофа и за Московской заставой, съ испытаніемъ дѣйствительности пораженія непріятеля фугасными ракетами, пускавшимися по тѣмъ же буровымъ скважинамъ, подъ землею.

Назидательны опыты, произведенные въ саперномъ лагерѣ за Московскою заставою въ 1841—1843 годахъ.

Въ 1841 году гвардейскому и учебному сапернымъ баталіонамъ было Высочайше повелѣно прежде всего разбить за Московскою заставою полигонъ крѣпостного расположенія и отдѣлать нѣкоторыя его части полностью. Затѣмъ, преподана была програма опытовъ: предположено, что крѣпость обороняется трубной системой, для чего по всѣмъ капиталямъ надлежало расположить, начиная отъ контръ-эскарпа, ниши, въ 15 саж. одна отъ другой, съ соединеніемъ ихъ между собою галереями; изъ каждой ниши велѣно вывести по два яруса трубъ, верхній—преимущественно для дѣйствія фугасными ракетами, нижній—спеціально для взрыва камуфлетовъ; затѣмъ, приступить къ минной войнѣ. Послѣдняя велась по капиталямъ одного равелина и одного плацдарма на прикрытомъ пути. Когда атакующій взорвалъ усиленный горнъ, разрушившій на нѣсколько саженъ подземныя трубы, и приступилъ къ вѣнчанію воронки—изъ уцѣлѣвшихъ частей трубъ представилась возможность дѣйствовать еще хорошо. Взрывами изъ верхняго яруса трубъ и пускавшимися черезъ нихъ ракетами опрокидывались цѣлые ряды туровъ и вѣнчаніе воронки разрушалось, почему атакующій ,,опять былъ вынужденъ къ медленному ходу подземной войны, безъ коей надземныя его работы не могли подвигаться''. Прикрывшись въ самой вершинѣ воронки блиндажами, онъ провелъ минную галерею въ 4 саж. длиною, но тутъ натолкнулся на нижній ярусъ трубъ, откуда было произведено нѣсколько камуфлетовъ, которые, сильно повредивъ галерею и совершенно задымивъ ее, ,,принудили его поспѣшить снова заложить усиленный горнъ только на одной сажени впереди отъ вѣнчанія воронки''. Дальнѣйшая война велась въ томъ же духѣ. Въ общемъ—Шильдеръ торжествовалъ.

Въ 1842 году минная война продолжалась уже при участіи трехъ баталіоновъ: гвардейскаго, учебнаго и гренадерскаго. По Высочайшему повелѣнію, на опытахъ присутствовалъ, вызванный для того изъ Варшавы, гене-

ралъ Денъ. Обороною управлялъ Шильдеръ и какъ будто бы уже не съ такимъ успѣхомъ. Между прочимъ, въ ночь на 11 августа онъ дѣйствовалъ по сапнымъ работамъ атакующаго ,,болѣе ракетами, пускаемыми открыто надъ поверхностью земли, нежели черезъ минныя трубы", и посредники возбудили вопросъ: допустимо ли это? Управляющій инженернымъ департаментомъ, генералъ-адъютантъ Геруа, отвѣтилъ, что недопустимо, ибо испытывается собственно трубная система. Повидимому дѣло заключалось въ томъ, что атакующій приспособился и уже не терялся, какъ терялся въ минувшемъ году. По донесенію Дена Августѣйшему генералъ-инспектору по инженерной части, съ открытіемъ работъ атакующаго, Шильдеръ ,,началъ взрывать фугасы и пускать ракеты изъ нишей противъ головъ сапъ и вѣнчанья воронки, но, видя неуспѣшность сихъ дѣйствій, прибѣгнулъ къ ракетамъ поверхностнымъ, пускаемымъ съ гласиса, устроеннаго въ видѣ контръ-апроши не далѣе 12 саж. отъ вѣнчанія воронки". Эти ракеты, примѣненныя въ обстановкѣ, врядъ ли сходной съ боевой, наносили вредъ существенный; ,,но ни фугасы, ни ракеты, пущенныя изъ нишей, не причинили ни малѣйшаго вреда осаждающему". Открывая трубы, атакующій рубилъ ихъ и забивалъ кольями и при томъ вполнѣ успѣшно. Шильдеръ прибѣгнулъ къ фланговой атакѣ трубами, но и тутъ успѣхъ имѣлъ небольшой. Осаждающій два раза захватывалъ даже сверла обороняющагося. Но, конечно, трубы задачу атакующаго минера усложняли. Въ общемъ, Денъ остановился на такомъ заключеніи: ,,Трубная минная система, не будучи въ состояніи вполнѣ замѣнить обыкновенную контрминную, можетъ быть полезна какъ вспомогательное средство и средство—дѣйствительное при удобномъ грунтѣ и тѣхъ усовершенствованіяхъ, которыя желательно доставить бураву".

Въ 1843 году опыты было рѣшено поставить еще серьезнѣе. Програма, предусматривающая всевозможныя детали, была выработана въ военно-ученомъ комитетѣ,

разсмотрѣна и утверждена самимъ Царемъ. За недосугомъ, Государь просилъ присутствовать на опытахъ Наслѣдника Цесаревича. Опыты снова завершились результатами для трубной системы благопріятными. 17 августа Его Высочество личнс воспламенилъ четыре горна гальваническимъ способомъ и всѣ удачно; ненастная погода ничуть тому не помѣшала. Какъ только атакующій подошелъ двойной тихой сапой къ одной изъ трубъ верхняго яруса, былъ произведенъ взрывъ заряда въ 25 фунтовъ пороха. Оба мантелета и нѣсколько туровъ были раскинуты, а голова сапы совершенно обнаружена для дѣйствія по ней съ крѣпостныхъ валовъ картечью. Усиленные горны разрушали трубы только на 8 футъ. Камуфлетъ въ два пуда изъ нижней трубы совершенно опрокинулъ галерею атакующаго по длинѣ трехъ саженъ. Атакующій взорвалъ даже горнъ съ зарядомъ въ 70 пуд. пороха, при которомъ получилась воронка свыше 8 саж. діаметромъ; но и тутъ трубы были разрушены всего на 3 саж., а затѣмъ быстро исправлены.

Разнорѣчивость результатовъ опытовъ и указаніе Дена на вспомогательную роль трубной системы побудили Императора произвести новые опыты совмѣстнаго дѣйствія обыкновенной контрминной и трубной системъ по строго обдуманному плану, и составленіе проекта таковаго Монархъ возложилъ на Дена, указавъ и мѣсто опытовъ—Новогеоргіевскъ. Проектъ контрминъ въ Новогеоргіевскѣ ,,съ примѣненіемъ трубной системы генералъ-адъютанта Шильдера въ совокупности съ существующею системою'', изготовленный Деномъ, былъ подвергнутъ, по Высочайшему повелѣнію, обсужденію военно-ученаго комитета съ тѣмъ, чтобы къ работѣ этой были привлечены всѣ посредники, находившіеся при опытахъ прежнихъ лѣтъ, а также генералъ-адъютантъ Фельдманъ. Заключеніе комитета Государь разсмотрѣлъ, уснастилъ его рядомъ замѣчаній, соображеній и предложеній и вновь передалъ въ комитетъ. И то же по-

вторялось еще три раза. Только послѣ этого проектъ былъ утвержденъ Императоромъ.

Подробный отчетъ по опытамъ, произведеннымъ въ Новогергіевскѣ, былъ представленъ Царю съ заключеніемъ князя Варшавскаго, который въ общемъ нашелъ, что „употребленіе фугасныхъ ракетъ противъ осадныхъ работъ и введеніе буравленыхъ подземныхъ трубъ обѣщаетъ большія выгоды", и сдѣлалъ цѣлый рядъ умозаключеній. Императоръ положилъ резолюцію: „Замѣчанія эти, по важности и разнообразію предметовъ, передать на соображеніе того же комитета, который первоначально дѣло это разсматривалъ". По полученіи же соображеній комитета, Николай Павловичъ, по поводу вышеприведеннаго общаго заключенія князя Варшавскаго, собственноручно начерталъ: „Самый важный и самый удовлетворительный результатъ. Сообщить Его Высочеству. Я былъ впередъ убѣжденъ, по бывшимъ при мнѣ опытамъ, въ неимовѣрной пользѣ сей системы, которая, при дальнѣйшихъ опытахъ, еще гораздо усовершенствуется. Проводъ желобовъ нужно непремѣнно улучшить; ими и зимой заняться можно при гвардейскомъ саперномъ баталіонѣ, возложивъ сіе на генерала Витовта. Впрочемъ, ихъ прокладывать можно и отрывая землю тамъ, гдѣ минная система впередъ заготовляется".

Въ послѣдующее затѣмъ время пріемы Шильдера вводились уже ежегодно въ програмы практическихъ занятій всѣхъ саперныхъ частей, т. е. система его была принята оффиціально.

Производились при Николаѣ Павловичѣ и опыты по организаціи „телеграфическаго" сообщенія, какъ семафорнаго, такъ и электрическаго.

Семафорный телеграфъ дѣйствовалъ удовлетворительно или на небольшихъ разстояніяхъ, или тамъ, гдѣ представлялась полная возможность устраивать рядъ промежуточныхъ, близкихъ другъ къ другу, станцій.

Но вотъ, въ 1838 году Императоръ повелѣлъ устроить между Варшавскою Александровскою цитаделью и Новогеоргіевскомъ „телеграфическое сообщеніе безъ промежуточныхъ постовъ и произвести надъ этимъ необходимые опыты“. Въ обоихъ названныхъ пунктахъ были возведены башни, а надъ ними еще и вышки. Въ лѣсахъ между цитаделью и крѣпостью прорубили просѣки, и приступили къ опытамъ, кои продолжались до осени 1853 года. Опыты оказались совершенно безуспѣшными. Вначалѣ это приписывали неудовлетворительности зрительныхъ трубъ, идентичныхъ съ тѣми, кои употреблялись на обычныхъ промежуточныхъ станціяхъ семафорнаго телеграфа. Выписали изъ Мюнхена лучшія трубы. Но и ими непосредственной передачи сигналовъ изъ Варшавы въ Новогеоргіевскъ не достигли, ,,собственно потому, что въ пасмурные дни туманы вдоль рѣки Вислы, а въ ясное время сильная отъ воды рефракція препятствуютъ ясно различать сигналы“. Пришлось переходить на телеграфъ электрическій, о чемъ свѣдѣнія будутъ приведены во второмъ томѣ.

Электромагнитный телеграфъ, изобрѣтенный русскимъ чиновникомъ—барономъ Шиллингомъ фонъ Конштатъ, сразу обратилъ на себя серьезное вниманіе Николая Павловича. Въ 1835 году Государь лично наблюдалъ надъ практическимъ его примѣненіемъ во время спеціальныхъ опытовъ, а въ началѣ 1837 года поручилъ барону Шиллингу устроить опытную подводную линію между Петербургомъ и Ораніенбаумомъ. Къ сожалѣнію, 25 іюля того года баронъ внезапно скончался, сотрудниковъ по этому дѣлу у него не было, и смерть его отстрочила широкое введеніе у насъ электрическаго телеграфа на значительный срокъ. Правда, послѣ Шиллинга занимался тѣмъ же дѣломъ академикъ Якоби, и въ апрѣлѣ 1842 года Государь приказалъ ему устроить электромагнитый телеграфъ между Петербургомъ и Царскимъ Селомъ; Якоби была даже дана для этого команда

въ 55 саперъ; но вскорѣ почему-то послѣдовала отмѣна этого повелѣнія *).

Но самые обширные, самые обстоятельные и продолжительные опыты были произведены при Николаѣ Павловичѣ въ области испытанія средствъ для обороны морскихъ подступовъ къ береговымъ крѣпостямъ. Объ этихъ опытахъ приведу свѣдѣнія болѣе подробныя.

Въ концѣ 1839 года былъ Высочайше учрежденъ „особый комитетъ о подводныхъ опытахъ“ подъ предсѣдательствомъ генералъ-лейтенанта Козена. Членами Государь назначилъ: отъ инженернаго вѣдомства—генералъ-адъютанта Шильдера и генералъ-маіора Витовта; отъ артилеріи—полковниковъ Соболевскаго и Внукова; отъ морского вѣдомства—контръ-адмираловъ Казина и Чистякова; въ составъ же комитета, въ качествѣ члена, вошелъ нашъ извѣстный ученый, академикъ Якоби. Комитетъ состоялъ при военномъ министерствѣ, въ ближайшемъ подчиненіи генералъ-инспектору по инженерной части. Чтобы не повторяться въ дальнѣйшемъ изложеніи, скажу тутъ-же, что Николай Павловичъ не только систематически слѣдилъ за дѣятельностью комитета, но и принималъ живѣйшее участіе въ его работахъ повременными совѣтами и техническими указаніями.

Началъ комитетъ свою дѣятельность съ разработки образцовъ фугасныхъ и зажигательныхъ ракетъ, предназначавшихся для дѣйствія по непріятельскимъ кораблямъ. Первый опытъ съ такими ракетами былъ произведенъ 20 января 1840 года на льду Большой Невки, между Петровскимъ и Крестовскимъ островами. Съ разстоянія въ 300 саж., по льду, слегка покрытому снѣгомъ, ракеты пускались въ щитъ, состоявшій изъ четырехъ

*) I, № 36—I—1837,448; К, № 22—1843, 1, 40—43; № 155—1843, 20, 48; Л, № 102—1837, 4—7, 17, 27, 31; О, № 100—1853, 1—4; Т, № 75—1842, 1. 21, 41; Ф, № 60—1824, 20—26; И, № 52—1839, 3—5, 15; Ч, № 44—I—1840, 57, 99—102; № 25—1842, 9, 99—101, 123, 125, 128—135; № 33—1842, 2, 5; № 25—1843, 7, 29, 69, 127, 128; Савельевъ, 198; Мазюкевичъ, 241—249, 257, 266—268, 679—683, 1161.

рядовъ 10-дюйм. бревенъ. Изъ 15 ракетъ попали въ щитъ 4 фугасныхъ и 4 зажигательныхъ. Результатъ—разрушеніе щита и воспламененіе бревенъ, не смотря на сырость послѣднихъ. Затѣмъ, такіе же опыты были многократно повторены уже на водѣ въ іюнѣ и іюлѣ того же года и въ теченіе лѣта слѣдующаго. Стрѣляли ракетами фугасными (имѣвшими разрывной зарядъ въ 36 фунтовъ пороха) и зажигательными съ плотика адмирала Чистякова и съ парохода „Отважность“, со станковъ, разработанныхъ Чистяковымъ же и Внуковымъ. Способъ стрѣльбы былъ двоякій: по водѣ и по воздуху; дистанція—около 400 саж.; цѣли—ботъ и барка. Въ конечномъ выводѣ пришли къ заключенію, что „прицѣльная“ стрѣльба по воздуху много лучше стрѣльбы по водѣ, ибо въ послѣднемъ случаѣ малѣйшее волненіе вызывало большую неправильность полета. Ракеты фугасныя дѣйствовали весьма недурно; зажигательныя—много хуже. Первыя были признаны достаточно разработанными. Ими предполагалось снабдить береговыя крѣпости на ряду съ другими средствами, подлежавшими дальнѣйшему испытанію въ комитетѣ.

16 марта 1840 г. комитетъ произвелъ первый опытъ надъ дѣйствіемъ подводныхъ минъ, разработанныхъ въ средѣ комитета, главнымъ образомъ трудами Шильдера и Якоби. Мина представляла собою зарядъ пороха около пуда, заключенный въ двойной цилиндръ изъ листового желѣза, помѣщенный въ осмоленную деревянную бочку. Взрывъ—по желанію, помощью электрическаго тока; проводники изолированные; очагъ взрыва—гальваническая батарея Якоби.

Необходимо замѣтить, что еще лѣтомъ 1839 года у насъ былъ произведенъ рядъ опытовъ по примѣненію для взрывовъ горящаго подъ водою фитиля, именно шнура Бикфорда, которымъ въ то время пользовались всюду заграницей. Эти опыты, организованные въ прудѣ на Волковомъ полѣ, дали результаты не вполнѣ удачные, въ общемъ аналогичные съ получавшимися всюду и за-

границей. Тогда у насъ рѣшили для подводныхъ взрывовъ примѣнять исключительно способъ гальваническій и достигли въ этомъ отношеніи результатовъ блестящихъ. И это въ то время, когда заграницей всѣ усилія техниковъ въ томъ же направленіи никакими практическими результатами не сопровождались.

Передъ опытомъ 16 марта, заряженныя и вполнѣ снаряженныя мины были продержаны въ водѣ 23 дня. Опытъ увѣнчался вожделѣннымъ успѣхомъ, и главный его выводъ заключался „въ возможности располагать мины подъ водою въ столь близкомъ одна отъ другой разстояніи, чтобъ можно было почти въ одномъ и томъ же пунктѣ повторять нѣсколько разъ взрывы, одинъ послѣ другого. для пораженія непріятельскихъ кораблей, которые бы силились прорваться, слѣдуя по одному и тому же направленію“.

Въ томъ же году былъ намѣченъ и способъ „управленія“ такими минами въ боевыхъ загражденіяхъ. Этотъ способъ, предложенный адмираломъ Чистяковымъ, въ общемъ заключался въ слѣдующемъ.

Мины должно закладывать въ линію. Позади нихъ, въ тылу, устанавливаются на якоряхъ плоты съ людьми и батареями Якоби. Устраивается „двойной телеграфъ“— мачты съ сигналами; двѣ мачты на линіи, перпендикулярной къ линіи минъ, съ которыхъ сигнализируется, къ какой минѣ подходитъ непріятельскій корабль. причемъ оповѣщеніе это должно коректироваться и съ плотиковъ; одна мачта на створѣ минъ, и съ нея даются сигналы: „приготовиться“, „непріятель приближается“, „подходитъ“, „пли“!

Цѣлый рядъ опытовъ, произведенныхъ на маломъ невскомъ фарватерѣ за Елагинымъ островомъ въ 1840—1841 годахъ, опредѣленно выяснилъ возможность: 1) устраивать подводныя мины непроницаемыми для воды на неопредѣленное время; 2) воспламенять ихъ на всякомъ разстояніи, какое только можетъ встрѣтиться въ дѣйствительности, въ желаемое мгновеніе; 3) наносить

разрушеніе непріятельскому судну взрывомъ минъ, непосредственно прикасающихся къ корпусу корабля. Оставался открытымъ вопросъ объ эфектѣ взрыва мины въ нѣкоторомъ разстояніи отъ объекта пораженія.

Въ 1842—1846 годахъ опыты съ минами продолжались, и въ этотъ промежутокъ времени Якоби разработалъ собственные типы минъ, взрываемыхъ какъ по желанію, такъ и автоматически. Его мины—двойной деревянный, кубической формы, ящикъ, снабженный крышкой; между стѣнками ящиковъ залито смолой; закрытый уже ящикъ также осмаливается; зарядъ—до 60 фунтовъ пороха; въ минѣ, взрываемой по желанію—запалъ; въ минѣ автоматической—соединительный приборъ; отъ запала или соединительнаго прибора идутъ проводники; запалъ—угольный или платиновый; соединительный приборъ—стеклянная трубочка съ ртутью, дающая автоматическій контактъ при наклонѣ; проводникъ — мѣдная жила, изолированная резиной, паклей и непроницаемымъ для воды составомъ; батареи—„индукціонныя, электрогальваническія и электромагнитическія".

Въ 1847 году Николай Павловичъ приказалъ произвести достаточно широкіе опыты надъ минами Якоби въ своемъ присутствіи. Мѣсто было избрано сначала у Петергофа, а затѣмъ на плесѣ между Ораніенбаумомъ и Кроншлотомъ. Програмою опытовъ было преподано: а) произвести проходъ судна черезъ незаряженую мину съ обозначеніемъ результата на берегу, помощью звонка; б) произвести тотъ же маневръ, но со взрывомъ въ сторонѣ отъ судна мины, соотвѣтственно соединенной съ наѣздной; в) произвести рядъ взрывовъ по желанію; г) навести помощью шлюпокъ старое судно на двѣ мины и взорвать ихъ; всего минъ заложить 25.

Самый опытъ былъ произведенъ 15 іюля и увѣнчался прекрасными результатами. Не было ни одного отказа. Наведенное же на двѣ мины судно оказалось разбитымъ въ щепы, при чемъ обломки разлетѣлись на 50 саж. Императоръ призналъ опытъ „произведеннымъ

съ совершеннымъ успѣхомъ" и отозвался, „что теперь остается только сдѣлать примѣненіе сего, столь полезнаго и важнаго, оборонительнаго средства". Все же Якоби доложилъ, что дальнѣйшія испытанія необходимы и при томъ въ иной обстановкѣ, чѣмъ водный плесъ у Кронштадта. Принимая же во вниманіе, что при испытаніяхъ, при существующихъ пріемахъ, придется производить взрывы, а это не отвѣчаетъ желательности и даже необходимости содержать дѣло въ тайнѣ, Якоби тутъ же предложилъ, вмѣсто линіи минъ, ставить подъ водою имъ изобрѣтенную „телеграфическую линію" съ такими приспособленіями, при которыхъ проходы судовъ и взрывы будутъ обозначаться на берегу. Поясненія существа „телеграфической линіи" въ документахъ не найдено.

Приведенный докладъ Якоби былъ причиною Высочайшаго повелѣнія: 1) морскому вѣдомству избрать мѣсто для производства широкихъ опытовъ съ подводными минами съ цѣлью выясненія ихъ примѣнимости къ морскому дѣлу; 2) комитету сообразить, какъ эти опыты организовать, и составить смѣту расходовъ; 3) если соображенія комитета будутъ Высочайше утверждены, самые опыты произвести лѣтомъ 1848 года съ привлеченіемъ къ нимъ морскихъ чиновъ; 4) такъ какъ въ сухопутномъ вѣдомствѣ занятія по примѣненію гальванизма къ военному дѣлу начались теоретическимъ обученіемъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, а затѣмъ уже усваивались необходимые пріемы на практикѣ, то и по морскому вѣдомству принять тотъ же порядокъ, приведшій къ должному успѣху; 5) для сего сформировать морскую учебную команду изъ 2 офицеровъ, 10 рядовыхъ и 2 слесарей, а обученіе вести при гальванической командѣ гвардейскаго саперного баталіона подъ руководствомъ Якоби. Офицеровъ было повелѣно назначить непремѣнно изъ числа знающихъ французскій и нѣмецкій языки. Это, думается, обусловливалось тѣмъ, что Якоби русскимъ языкомъ повидимому владѣлъ плохо; по крайней

мѣрѣ всѣ его письма изложены либо на французскомъ, либо на нѣмецкомъ языкахъ.

Дальнѣйшіе опыты съ минами Якоби были произведены только въ 1849 году, да и то особой широтой не отличались, ибо первую половину лѣта изобрѣтатель былъ боленъ, вторая половина пошла на обученіе морской команды, и къ производству самыхъ опытовъ оказалось возможнымъ приступить только въ октябрѣ. Тутъ ужъ испытывались мѣдныя кованыя мины, обдѣланныя въ дерево, и при томъ главнымъ образомъ на ихъ безопасность для своихъ судовъ. По линіи заряженыхъ минъ, погруженныхъ между кронштадтскими фортами ,,Императоръ Александръ I'' и ,,Рисбанкъ'', нѣсколько разъ былъ пропущенъ пароходо-фрегатъ ,,Богатырь'' безъ какого либо вреда для судна. За то многія мины оказались испорченными, а нѣкоторыя пошли ко дну. Было рѣшено корпуса дѣлать болѣе прочными. Попутно выяснилось, что постановка минъ съ обыкновенныхъ судовъ крайне затруднительна и что необходимо обзавестись для этой цѣли спеціальными минными транспортами.

Въ 1850 году на сѣверномъ Кронштадтскомъ фарватерѣ было погружено значительное количество минъ съ усовершенствованными корпусами, погружено весьма удачно, со спеціальнаго судна, шедшаго на буксирѣ парохода „Александрія“. Затѣмъ, по минамъ 15 разъ пропустили „Александрію“ и парусный тендеръ „Павлинъ“. Все обошлось вполнѣ благополучно. Опыты этого года, при которыхъ мины стояли какъ на двухъ, такъ и на одномъ проводникѣ, между прочимъ указали на желательность пользованія двумя проводниками: при одномъ получалось весьма много отказовъ. По поводу этихъ опытовъ Якоби указывалъ, что онъ не упустилъ ничего для выполненія воли Государя—сдѣлать подводныя мины практически удобными. „Но писалъ онъ—какъ всѣ дѣла человѣческія совершенствуются мало-по-малу, и встрѣчающіяся затрудненія отстраняются не вдругъ,

то и здѣсь, чтобы довести этотъ предметъ до надлежащей степени совершенства, нужны постоянныя, правильныя ежегодныя упражненія".

Въ 1852 году Николай Павловичъ повелѣлъ опыты съ минами Якоби продолжить на большой глубинѣ, въ раіонахъ, подверженныхъ значительному волненію. Выполнено это было въ Ревелѣ. Результаты прекрасные. Явилась полная увѣренность въ боевой пригодности минъ, и въ маѣ 1853 года инспекторъ по инженерной части, генералъ Денъ, всеподданнѣйше возбудилъ ходатайство о заведеніи подводныхъ минъ Якоби для обороны всѣхъ важнѣйшихъ береговыхъ крѣпостей. Въ принципѣ одобривъ эту мѣру, Императоръ возложилъ „дальнѣйшее направленіе этого дѣла" на Августѣйшаго начальника морского вѣдомства, на Великаго Князя Константина Николаевича.

Небезынтересно отмѣтить, что всѣ опыты надъ минами Якоби обошлись всего въ 7.094 руб. 95 коп. сер. *).

Въ сентябрѣ 1840 года иностранецъ (шведъ) Нобель предложилъ русскому правительству совершенно, по тѣмъ временамъ, новый типъ подводной мины—гальваноударной, при чемъ испрашивалъ за свое изобрѣтеніе 25.000 руб. асигн. По Высочайшему повелѣнію, вопросъ былъ переданъ въ комитетъ о подводныхъ опытахъ. Комитету Нобель тотчасъ же раскрылъ свои карты. Его мина—дубовый боченокъ, схваченный желѣзными обручами; боченокъ наполненъ порохомъ и заключенъ въ другой, такой-же, но нѣсколько большій, боченокъ; между обоими проложенъ пикъ (смолистое вещество) для предохраненія пороха отъ сырости; во внутренній боченокъ вставлена запальная трубка съ порохомъ самой лучшей выдѣлки, а у трубки вата, пропитанная хлоро-

*) Н, № 11—1839, 5, 18, 19, 23, 24; № 15—1840, 2, 34, 35; № 21—1840, 1, 2; № 41—1841, 82; № 58—1841, 43, 51; № 94—1846, 28, 35, 54, 59—65, 74; № 101—1847, 6, 19—21, 120—123, 148, 149, 196, 197, № 126—1851, 110. 195, 210.

кислымъ кали; замыкатель—жестяной поплавокъ на вертикальной оси, у основанія которой и вблизи запала вставлена стеклянная трубка съ сѣрною кислотою; при находѣ на поплавокъ (конечно подводный) судна, трубка ломается, сѣрная кислота проливается на вату, происходитъ воспламененіе, а затѣмъ взрывъ. О способахъ установки такихъ минъ скажу ниже.

Подробно ознакомившись съ изобрѣтеніемъ, комитетъ прежде всего задалъ Нобелю вопросъ: а какъ предотвратить гибель въ минированномъ порту собственнаго судна, если его сорветъ съ якоря и нанесетъ на мину? Получивъ же отвѣтъ, что упредить такое несчастье нельзя никакъ, комитетъ не осмѣлился производить опыты на свой рискъ и представилъ вопросъ на разрѣшеніе Августѣйшаго генералъ-инспектора по инженерной части. Михаилъ Павловичъ опыты разрѣшилъ, таковые были произведены, убѣдили комитетъ въ практичности изобрѣтенія и послужили основаніемъ для возбужденія ходатайства о задержаніи Нобеля въ Россіи и о зачисленіи его въ составъ комитета, на что самъ изобрѣтатель соглашался при условіи уплаты ему 25 руб. асигн. въ сутки. Михаилъ Павловичъ нашелъ, что ходатайство о Нобелѣ удовлетворено быть не можетъ, какъ противорѣчащее соблюденію работъ комитета въ тайнѣ отъ иностранцевъ. Однако, Государь посмотрѣлъ на дѣло иначе, приказалъ выдать заболѣвшему въ это время изобрѣтателю тысячу рубл. серебр. и зачислить его, хотя и не въ составъ комитета, но въ прикомандированіе къ нему.

Весь 1841 годъ Нобель присутствовалъ на различныхъ минныхъ опытахъ, а въ началѣ слѣдующаго года представилъ комитету обширную програму испытанія своихъ минъ, обусловивъ принятіе его изобрѣтенія довольно оригинально: „Если Его Императорское Величество—писалъ изобрѣтатель—осчастливитъ опыты своимъ присутствіемъ, то я не опредѣляю вознагражденія за мое новое изобрѣтеніе; но въ противномъ случаѣ я прошу нынѣ же позволить оное впередъ обозначить“. Такова

была вѣра иностранца въ справедливость и милость русскаго Монарха. И онъ не ошибся.

По докладу изложеннаго Его Величеству, послѣдовало повелѣніе: 1) выдать Нобелю 20 пудовъ пороха и 2.850 руб. сер. на матеріалы и другія издержки собственно для заготовки минъ, по примѣрной смѣтѣ изобрѣтателя; 2) снестись съ морскимъ вѣдомствомъ о предоставленіи Нобелю плавучихъ средствъ. Затѣмъ, нѣсколько спустя, Государь приказалъ выдать ему же еще 1.600 руб. сер. на организацію опытовъ въ Высочайшемъ присутствіи у Синяго моста на Охтѣ; послѣ же производства опытовъ, оказавшихся весьма удачными, Императоръ, „въ награду за сообщеніе нашему правительству секрета изобрѣтенныхъ имъ подводныхъ постоянныхъ минъ", даровалъ Нобелю 25.000 руб. сер. (вмѣсто первоначально испрашивавшихся имъ 25.000 руб. асигн.) и приказалъ зачислить его уже *въ составъ* комитета о подводныхъ опытахъ.

Опыты на Охтѣ были произведены надъ новымъ изобрѣтеніемъ—надъ „миннымъ переметомъ". Система Нобелевскаго перемета была такова.

Подъ водою, въ извѣстномъ разстояніи отъ дна, располагалась линія деревянныхъ, пустотѣлыхъ, діаметромъ въ 9 дюймовъ, жердей, соединенныхъ между собою особыми шарнирами такимъ образомъ, что, съ одной стороны, линія эта могла изгибаться отъ теченія и волненія, т. е. обладала упругостью, необходимою для упрежденія ея разрыва, а съ другой стороны, всѣмъ жердямъ одновременно можно было сообщать вращательное движеніе вокругъ горизонтальной оси. Для послѣдней цѣли имѣлся особый приводъ, заканчивавшійся на берегу рулевымъ колесомъ, приводимымъ въ дѣйствіе вручную. Жерди удерживались подъ водою грузами на веревкахъ; къ жердямъ же, на веревкахъ же, прикрѣплялись плавучія подводныя мины. Придавая жердямъ вращательное движеніе, достигали того, что якорныя веревки и минрепы наматывались на жерди или разма-

тывались, и получалась возможность мины погружать на любую глубину или вытравливать ихъ на поверхность воды. Плавучесть минъ регулировалась булыжнымъ баластомъ, который помѣщался между днищъ боченковъ. Такимъ образомъ, нобелевскій переметъ давалъ тѣ преимущества, какихъ гальваноударная мина не имѣетъ и теперь: мины, путемъ сниженія ихъ, становились безопасными для своихъ судовъ, кои могли плавать надъ ними; мины, путемъ ихъ выведенія на поверхность воды, могли быть осматриваемы и безопасно убираемы. Но, конечно, какъ ни хороши были результаты опытовъ, все же переметъ являлъ собою апаратъ весьма сложный, примѣнимый только для небольшихъ загражденій, для узкостей строгаго порядка. Это повидимому было сознано тогда же, ибо, какъ увидимъ, система перемета вскорѣ была измѣнена.

Въ 1843 году опыты съ миннымъ переметомъ продолжались на сѣверномъ фарватерѣ въ Кронштадтѣ; длину перемета довели до одной версты. Для изготовленія матеріальной части, Государь отпустилъ Нобелю 13.000 руб. сер. Опыты затянулись до глубокой осени, а затѣмъ было рѣшено испытать систему въ отношеніи ея сопротивляемости ледоходу. Предполагалось мины поднять уже зимою, черезъ проруби во льду, а для облегченія этой операціи, мины были привязаны къ спеціальнымъ вѣхамъ. Но тутъ вышелъ казусъ и притомъ весьма непріятный: 4-го и 5-го декабря задулъ штормовой вѣтеръ, вода у Кронштадта поднялась на 5 футъ выше ординара, окрѣпшій уже ледъ взломало и глыбы его понесло вначалѣ на востокъ, а вскорѣ на западъ, т. е. въ море. Съ глыбыми сорвало вмерзшія въ нихъ вѣхи, а съ вѣхами поплыли прочно къ нимъ прикрѣпленныя, всегда опасныя, гальваноударныя мины.

Въ 1844 году испытывали уже новый переметъ Нобеля. Въ немъ жерди были замѣнены „канатомъ, протянутымъ сквозь шкивы, придѣланные къ чугун-

нымъ гирямъ", находившимся на днѣ у начала и конца перемета. Вращательное приспособленіе на берегу (или на плоту на мертвомъ якорѣ) было сохранено, но идея совершенно измѣнена, скажу даже—искажена. Суть заключалась въ натяжкѣ каната посредствомъ ворота: при нахожденіи каната наслаби, мины, къ нему прикрѣпленныя, всплывали на поверхность; когда же канатъ былъ натянутъ, мины погружались на опредѣленную, заданную, глубину; держать на любой глубинѣ всю линію минъ уже было невозможно; элементъ безопасности загражденія для своихъ судовъ изчезъ. Собственно опыты съ новымъ переметомъ увѣнчались большой удачей. Выяснилась возможность опускать или поднимать мины по желанію: либо постепенно, либо „мгновенно". Комитетъ призналъ, что новый переметъ и лучше стараго и дешевле. Выражено было лишь пожеланіе замѣнить канатъ мѣднымъ тросомъ, съ переходомъ и къ мѣднымъ миннымъ корпусамъ.

Такой переметъ и изготовили, съ затратою на передѣлку стараго 2.034 руб. сер., и Государь приказалъ испытать его лѣтомъ 1845 года, подъ наблюденіемъ Шильдера и Якоби, въ Свеаборгѣ. Однако, вскорѣ Николай Павловичъ самъ отказался отъ намѣченнаго пункта, ибо въ Свеаборгѣ „соблюденіе тайны при опытахъ было бы крайне затруднительно", почему и повелѣлъ опыты произвести въ Роченсальмѣ. Противъ этого запротестовалъ комитетъ, указывавшій, что въ Роченсальмѣ нѣтъ никакихъ портовыхъ средствъ, что сообщеніе съ нимъ крайне трудно и что тамъ все обойдется гораздо дороже, чѣмъ въ Свеаборгѣ. Императоръ запросилъ князя Меншикова, а тотъ отвѣтилъ, что одно прибытіе въ Свеаборгъ Нобеля произведетъ огромную и нежелательную сенсацію, ибо шведскія газеты и безъ того трубятъ о его дѣятельности на службѣ въ Россіи. Въ концѣ концовъ, остановились на Березовыхъ островахъ, т. е. на плёсѣ у Біоркъ—Э.

Опыты 1845 года на большой глубинѣ указали на

рядъ дефектовъ перемета. Главнымъ его недостаткомъ явился отказъ дѣйствія приспособленія для подъема и погруженія минъ при днѣ сильно илистомъ или неровномъ, т. е. при разныхъ глубинахъ мѣста; обнаружилось и деформированіе всего перемета при длительномъ нахожденіи подъ водою. Комитетъ призналъ нужнымъ изобрѣтеніе значительно усовершенствовать, а Шильдеръ предложилъ рядъ соотвѣтственныхъ мѣръ, кои признаны были теоретически правильными. Однако, о дальнѣйшемъ усовершенствованіи минъ Нобеля свѣдѣній въ документахъ не найдено. Впрочемъ, имѣется извѣстіе, что въ 1855 году минами Нобеля, расположенными въ три линіи, были заграждены сѣверный и средній фарватеры у Або.

Кромѣ ракетъ и минъ, комитетъ о подводныхъ опытахъ разсмотрѣлъ и произвелъ испытанія также по ряду другихъ предложеній, изъ коихъ наибольшаго вниманія заслуживаютъ слѣдующія.

Въ началѣ 1840 года генералъ-адъютантъ Шильдеръ, неоднократно и весьма успѣшно взрывавшій наплавные мосты и мостовые устои помощью подводныхъ фугасовъ, предложилъ и способъ разрушенія такими же фугасами судовъ, затонувшихъ на относительно небольшой глубинѣ, съ цѣлью очищенія загроможденныхъ морскихъ проходовъ. Николай Павловичъ приказалъ комитету испытать это предложеніе и воспользоваться для того кораблемъ „Андрей“, затонувшимъ незадолго передъ тѣмъ на сѣверномъ кронштадтскомъ фарватерѣ. 20 іюня того года подъ корабль былъ подведенъ зарядъ въ 120 пудовъ пороха, взорванный гальваническимъ способомъ. Судно оказалось совершенно разрушеннымъ, а фарватеръ очищеннымъ.

Въ іюлѣ того же года контръ-адмиралъ Чистяковъ обратилъ вниманіе комитета на то обстоятельство, что въ

*) Н, № 33—1840, 1, 8, 12—15, 26; № 55—1841, 17, 20, 37, 44; № 65—1842, 11—23, 39, 94, 143; № 75—1843, 1, 17; № 82—1844, 7, 10, 15—24, 122, 123; Т, № 113—1855, 112.

тѣ времена въ нашемъ флотѣ всегда имѣлись корабли, по устарѣлости своей непригодные для эскадренной службы. Указывая затѣмъ, что деревянныя суда загниваютъ поначалу въ верхнихъ своихъ частяхъ, тогда какъ днища ихъ, постоянно находящіяся въ водѣ, сохраняются еще долго и могутъ служить лѣтъ десять послѣ выхода корабля изъ строя, адмиралъ предложилъ снимать съ такихъ судовъ верхъ до нижняго дека, устанавливать на нихъ по парѣ паровыхъ машинъ, совокупною мощностью въ 150 силъ, вооружать ихъ бомбическими пушками, числомъ до 14, и ракетными станками, съ оборудованіемъ этихъ плавучихъ батарей траверсами изъ деревянныхъ срубовъ и безопасными отъ судовой артилеріи помѣщеніями для персонала. Подобные „оборонительные пароходы", какъ назвалъ ихъ авторъ предложенія, могли бы, по его мнѣнію, находиться въ постоянной готовности занимать на рейдахъ приморскихъ крѣпостей мѣста заранѣе опредѣленныя или оказавшіяся въ періодъ боя наиболѣе важными, могли бы съ успѣхомъ выдерживать нападеніе врага и даже быстро атаковать разстроившагося въ сраженіи непріятеля. „Съ тремя таковыми пароходами, съ приличнымъ расположеніемъ по мѣстности обороны нѣсколькихъ плотовъ и минъ, я готовъ—писалъ адмиралъ—встрѣтить непріятеля въ силѣ 12-ти линейныхъ кораблей и надѣюсь, что онъ не рѣшится атаковать или будетъ разбитъ непремѣнно". Разсмотрѣвъ предложеніе и найдя его весьма заманчивымъ, комитетъ не рѣшился, однако, принять иниціативу осуществленія этой мѣры на себя. Онъ полагалъ, что вопросъ долженъ быть переданъ, по принадлежности, въ морское вѣдомство, что и было утверждено. Повидимому моряки отнеслись къ идеѣ Чистякова несочувственно.

Въ томъ же 1840 году горный инженеръ генералъ-лейтенантъ Саблуковъ, давно уже занимавшійся научными и прикладными открытіями, изобрѣлъ особый центробѣжный насосъ, названный имъ „водогономъ", кото-

рый, по мнѣнію изобрѣтателя, могъ быть примѣненъ какъ двигатель для надводныхъ и даже подводныхъ судовъ. Предложеніе Саблукова было передано въ комитетъ и по распоряженію послѣдняго надъ новымъ апаратомъ былъ произведенъ рядъ опытовъ. Эти опыты показали, что изобрѣтеніе принадлежитъ къ числу тѣхъ, „польза коихъ можетъ оказаться впослѣдствіи черезъ различныя приспособленія“. Отъ практическаго же примѣненія „водогона“ комитетъ почему то уклонился. Тогда Саблуковъ возбудилъ ходатайство о напечатаніи свѣдѣній о его приборѣ въ публичныхъ вѣдомостяхъ съ тѣмъ, чтобы каждый имѣлъ право дѣлать „по своему произволу и усмотрѣнію примѣненіе этой машины“. Императоръ на ходатайство соизволилъ и повелѣлъ объявить Саблукову Высочайшее благоволеніе „за постоянно усердные и безкорыстные труды его на пользу общую“.

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ о подводной лодкѣ Шильдера, предназначавшейся изобрѣтателемъ для тайнаго подведенія минъ къ борту вражескаго корабля.

По свидѣтельству біографа нашего знаменитаго сапера—г. Мазюкевича—проектъ подводной лодки былъ разработанъ Шильдеромъ еще въ 1833 году. Всѣ апараты и принадлежности по минной части были изготовлены, на личныя средства изобрѣтателя, въ мастерской гвардейскаго сапернаго баталіона; самую же лодку—желѣзный корпусъ ея—построили, съ разрѣшенія Государя, на казенный счетъ, на Александровскомъ литейномъ заводѣ. Первые опыты дѣйствія лодки были произведены, въ Высочайшемъ присутствіи, 29 августа 1834 года. Результаты ихъ неизвѣстны, но, по предположенію Мазюкевича, Императоръ остался ими доволенъ, такъ какъ приказалъ выдать находившейся на лодкѣ командѣ денежныя награды. Затѣмъ опыты производились въ Кронштадтѣ и очевидно де не завершились плохими результатами; они указали только на неудачность первоначальной конструкціи и дали матеріалъ для проектированія новой лодки, для постройки которой Николай Павловичъ при-

казалъ отпустить Шильдеру 10.000 руб. Испытанія усовершенствованной лодки были произведены подъ Кронштадтомъ 24 іюня 1838 года и увѣнчались вполнѣ хорошимъ успѣхомъ.

Однако, почтенный біографъ Шильдера едва ли не отнесся къ изобрѣтенію нѣсколько оптимистически. Такъ думать заставляютъ слѣдующія данныя инженернаго архива.

Въ 1840 году испытаніе подводной лодки Шильдера было Высочайше возложено на комитетъ о подводныхъ опытахъ. членомъ котораго состоялъ и самъ изобрѣтатель. Въ то время лодка представляла собою желѣзный корпусъ, снабженный бушпритомъ, на коемъ укрѣплялось три мины, каждая съ пятью фунтами пороха; провода отъ минъ шли внутрь лодки. Имѣются свѣдѣнія, что погруженіе лодки въ воду достигалось, во-первыхъ, впускомъ въ особые резервуары воды и, во-вторыхъ, дѣйствіемъ архимедова винта, „находящагося въ косвенномъ положеніи надъ палубою". Для всплыванія лодки, подъ ея дномъ имѣлся особый, значительный по вѣсу, грузъ, который можно было либо опускать на дно морское, либо подтягивать къ лодкѣ; когда грузъ опускался на дно—лодка всплывала; когда его подтягивали къ лодкѣ—она вновь погружалась. Поступательное движеніе апарата на поверхности достигалось буксировкой, а въ погруженномъ состояніи помощью „гребковъ", повидимому приводившихся въ дѣйствіе вручную. Команда лодки—8 человѣкъ. Ея командиромъ въ 1840 году былъ гвардейскаго экипажа лейтенантъ Адамопуло.

Первый опытъ съ лодкою Шильдера былъ произведенъ комитетомъ осенью того же 1840 года. Оказалось, что лодка можетъ свободно пробыть подъ водою болѣе четырехъ часовъ. А такъ какъ для возобновленія во внутреннемъ помѣщеніи воздуха необходимо было подниматься только для „выставленія надъ водою концовъ вентиляторныхъ трубъ", то въ отношеніи скрытности судна все оказалось въ порядкѣ. Въ области же дѣйст-

вія лодки обнаружился рядъ недочетовъ, на устраненіе которыхъ Шильдеру было отпущено въ 1841 году изъ суммъ комитета 3.000 руб. Далѣе по Высочайшему повелѣнію, въ полное распоряженіе изобрѣтателя, для послѣдующихъ опытовъ, предоставили какъ самую лодку, такъ и пароходъ „Отважность“, и опыты эти производились все лѣто. 25 сентября 1841 года подводной лодкѣ предстоялъ экзаменъ въ присутствіи всѣхъ членовъ комитета: лодка, въ погруженномъ состояніи, должна была подойти собственнымъ ходомъ къ одному изъ стоявшихъ на якоряхъ кораблей, воткнуть въ бортъ послѣдняго штырь съ мѣшкомъ, наполненнымъ пескомъ, и затѣмъ уйти. Управлялъ ею самъ Шильдеръ, слѣдовавшій непосредственно за лодкой на катерѣ и командовавшій, при посредствѣ переговорной трубки, куда держать руль. Шла лодка очень медленно: въ 35 минутъ она передвинулась всего на 183 саж., а до корабля такъ и не дошла; въ ней что то испортилось.

Принимая во вниманіе, „что нынѣшнее устройство подводной лодки столь слабо и малонадежно, что она подвергается частымъ поврежденіямъ отъ весьма обыкновенныхъ на морѣ причинъ, а съ другой стороны, удостовѣряясь, что она не имѣетъ никакого самоуправленія, т. е. не можетъ располагать ходомъ своимъ безъ наружнаго содѣйствія“—комитетъ нашелъ, что лодка „не представитъ и при лучшемъ ея устройствѣ никакого ручательства къ надлежащему употребленію противъ непріятеля“. Посему комитетъ проектировалъ—всякія дальнѣйшія испытанія лодки прекратить какъ безполезныя.

На засѣданіи комитета, въ которомъ былъ прочитанъ столь суровый приговоръ, Шильдеръ не только отказался подписать журналъ, но и заявилъ, что „не считаетъ нужнымъ входить здѣсь въ объясненія причинъ неуспѣшности дѣйствія лодки“, а подастъ отдѣльное мнѣніе. Все же Государь сталъ на точку зрѣнія комитета и опыты приказалъ прекратить. Тогда Шильдеръ возбу-

дилъ ходатайство о дозволеніи ему „заниматься партикулярно усовершенствованіемъ“ подводной лодки на свои личныя средства. Николай Павловичъ на это согласился. О дальнѣйшей судьбѣ первой русской подводной лодки свѣдѣній не найдено. *)

*) Н, № 15—1840, 14; № 18—1840, 11, 14, 17, 67, 70, 72, 78, 86; № 24—1840, 13, 14 №; 30—1840, 2—4, 6; Мазюкевичъ, 347, 354, 360, 362, 383, 384, 387.

ГЛАВА VII.

Составленіе строительныхъ по крѣпостямъ предположеній. Ближайшее участіе въ этомъ дѣлѣ Императора. Высочайшія требованія и резолюціи. Самоличное пересоставленіе предположеній. Внимательность даже къ мелочамъ. Соблюденіе планомѣрности работъ. Осторожность въ урѣзываніи кредитовъ. Наблюденіе за цѣлесообразностью расходованія суммъ. Источники денежныхъ средствъ на созданіе крѣпостей. Тридцатисемилѣтніе займы. Собственныя Его Величества суммы. Мѣстныя средства. Пожертвованіе. Изысканія Монархомъ денежныхъ суммъ на крѣпости изъ всевозможныхъ источниковъ. Образованіе крѣпостныхъ эспланадъ. Законоположенія 1827 и 1844 годовъ. Мѣры къ упрежденію застройки эспланадъ. Частные примѣры. Обывательскія зданія внутри крѣпостей. Форштаты. Ихъ устройство и степень вліянія на это дѣло Николая Павловича. Вознагражденія за выселеніе обывателей изъ крѣпостей.

Въ дѣлѣ составленія строительныхъ по крѣпостямъ предположеній о новыхъ работахъ, Николай Павловичъ, не только въ періодъ своего пребыванія въ должности генералъ-инспектора по инженерной части, но и въ теченіе всего своего царствованія, неизмѣнно былъ не только ближайшимъ руководителемъ, но пожалуй, безъ преувеличенія, и главнымъ работникомъ.

Въ началѣ своей инженерной дѣятельности, Великій Князь *составлялъ* строительныя предположенія вмѣстѣ со своимъ бывшимъ наставникомъ, директоромъ инженернаго департамента, генераломъ Опперманомъ, быть можетъ и подъ руководствомъ послѣдняго. Весьма скоро главная роль въ этомъ дѣлѣ перешла всецѣло въ руки Его Высочества. Со вступленіемъ же Николая Павловича на престолъ, установившійся порядокъ ни въ чемъ не измѣнился, да и попытокъ къ его измѣненію никто не дѣлалъ. Только въ 1832 году, когда, послѣ смерти графа Оппермана, на должность директора инженернаго департамента былъ назначенъ генералъ-маіоръ Клименко, Государю, вмѣсто обширнаго матеріала, о которомъ рѣчь

впереди, попробовали представить, на первый разъ по Кронштадту, огульное требованіе на работы 1833 года, выразившееся въ суммѣ 300.000 руб. Императоръ немедленно потребовалъ доклада, „на что именно, въ отдѣльности, предполагается употребить испрашиваемые по смѣтѣ 300.000 руб., подобно тому какъ таковое свѣдѣніе представлялъ Его Величеству покойный инженеръ-генералъ графъ Опперманъ“, а также потребовалъ весь матеріалъ, необходимый для сознательнаго отношенія къ строительному предположенію, выразивъ при этомъ нѣкоторое неудовольствіе на промедленіе въ исполненіи послѣдняго приказанія. Этимъ старый порядокъ составленія предположеній былъ закрѣпленъ и на будущее.

Обыкновенно, порядокъ составленія и утвержденія строительныхъ предположеній заключался въ слѣдующемъ.

Первоначальныя предположенія о работахъ составлялись на мѣстахъ, строителями крѣпостей или командирами инженерныхъ командъ, которые были обязаны строго при этомъ руководствоваться существовавшими въ тѣ времена Высочайше утвержденными планами работъ для приведенія каждой крѣпости въ готовность. Мѣстныя первоначальныя предположенія, будучи вообще весьма подробными, заключали въ себѣ между прочимъ свѣдѣнія о степени *незаконченности* крѣпости: въ нихъ была рубрика—„Описаніе работъ, которыя остается еще произвесть по Высочайше утвержденному плану, независимо отъ предполагаемыхъ на“ такой-то годъ. Весьма часто, объѣзжая крѣпости, Государь лично указывалъ строителямъ, какія именно работы подлежатъ внесенію въ предположеніе на слѣдующій годъ, при чемъ, обыкновенно, либо провѣрялъ на мѣстности заготовленные проекты предстоявшихъ работъ, либо приказывалъ составлять таковые вновь по детальнымъ Его Величества директивамъ. Такое участіе Царя въ предварительной работѣ никогда не мѣняло дальнѣйшаго теченія дѣла; оно только запечатлѣвалось на бумагѣ. Составленныя

на мѣстѣ предположенія проходили затѣмъ черезъ органъ командировъ инженерныхъ округовъ и представлялись въ инженерный департаментъ, гдѣ предположенія обсуждались, видоизмѣнялись по существу и, въ зависимости отъ ожидавшихся асигнованій, приводились въ „окончательный" видъ, послѣ чего представлялись, черезъ военнаго министра, Императору. Однако, необходимо тутъ же замѣтить, что сказанный „окончательный" видъ на дѣлѣ сплошь да рядомъ совершенно не заслуживалъ такого названія: въ огромномъ большинствѣ случаевъ Государь самолично передѣлывалъ эти предположенія, а бывали примѣры, когда Его Величество не оставлялъ въ нихъ, какъ говорится, камня на камнѣ.

Указанныя передѣлки строительныхъ предположеній отнюдь не производились съ легкимъ сердцемъ и свободною рукою. И подтвержденіемъ тому могутъ служить неоднократные случаи задержки утвержденія предположеній по причинѣ обнаруженія въ нихъ сомнительныхъ данныхъ. Въ такихъ случахъ Государь зачастую провѣрялъ свои сомнѣнія на мѣстахъ производства работъ, при объѣздахъ крѣпостей; либо командировалъ въ крѣпости лицъ довѣренныхъ и искушенныхъ въ дѣлѣ. Такъ, въ 1843 году, по сказанной причинѣ въ Кіевъ былъ командированъ генералъ Фельдманъ; а на предположеніи о работахъ по этой крѣпости Его Величество положилъ резолюцію: „Согласенъ безъ убавки; но до возвращенія генерала Фельдмана считать только предварительно утвержденнымъ, ибо могутъ послѣдовать перемѣны". А въ 1845 году, разсматривая предположенія по всѣмъ крѣпостямъ, исчисленныя въ общей суммѣ 1.252.759 руб. сер., Императоръ положилъ на докладѣ резолюцію: „Болѣе 900.000 руб. нельзя будетъ асигновать, которые слѣдуетъ раздѣлить по потребности между крѣпостями; но я предоставляю себѣ рѣшить по Динабургу, Кіеву и Бобруйску, во время моей поѣздки, что именно дѣлать, а бумаги сіи передать генералъ-адъю-

танту Адлербергу“ (начальнику походной Его Величества канцеляріи).

Одновременно съ представленіемъ предположеній, Царю обязаны были представлять генеральные планы крѣпостей и другіе общіе чертежи, необходимые для правильности оріентировки, а равно всѣ чертежи по работамъ, занесеннымъ въ предположенія. Бывали случаи, когда послѣдніе чертежи измѣнялись Государемъ лично, и тогда имъ же измѣнялись и цифры асигнованій, когда округло, по собственному соображенію, но чаще на основаніи дополнительныхъ исчисленій инженернаго департамента, составлявшихся по приказанію Императора. Примѣрно тотъ же порядокъ исчисленія суммъ соблюдался и въ тѣхъ частныхъ случаяхъ, когда Николай Павловичъ замѣнялъ однѣ работы другими, не вошедшими въ предположенія, или когда такія, не вошедшія въ предположенія, работы подкидывались Царемъ сверхъ намѣченнаго. Въ послѣднемъ случаѣ Государь самъ изыскивалъ источники для финансированія операцій, не останавливаясь иногда при этомъ передъ назначеніемъ на работы средствъ изъ собственныхъ Его Величества суммъ. Такъ, разсматривая предположеніе на 1833 годъ по Кронштадту, Императоръ повелѣлъ вывести восточную оборонительную казарму не подъ окна нижняго этажа, а подъ крышу, и на это прибавилъ къ исчисленной на Кронштадтъ суммѣ 100.000 руб. изъ личныхъ своихъ средствъ. 17 января 1836 года, посѣтивъ инженерный департаментъ, Государь лично приказалъ директору онаго составить проектъ и смѣту на постройку капонира въ мостовомъ укрѣпленіи Динабурга. Когда проектъ и смѣта, на 184.330 руб., были представлены, Его Величество потребовалъ справку: „что именно и на какую сумму можетъ быть исполнено въ нынѣшнемъ году?“ Доложили: фундаментъ и заготовка части матеріала, всего на 67.630 руб. Николай Павловичъ нашелъ, что можно сдѣлать и больше, приказалъ сооруженіе довести безъ сводовъ подъ крышу и вновь затребовалъ исчисленія: сколько

обойдется такая работа? Новый докладъ—101.575 руб. Императоръ повелѣлъ выдать изъ собственныхъ Его Величества суммъ 100.000 руб. „съ тѣмъ, чтобы инженерный департаментъ употребилъ зависящія отъ него средства къ производству означенныхъ работъ на эту сумму; но если бы, по точному соображенію и по приступленіи къ самимъ работамъ, суммы сей оказалось недостаточно, въ такомъ случаѣ о дополнительномъ асигнованіи денегъ войти съ особымъ представленіемъ“.

Отмѣчу и такой примѣръ. Разсматривая въ іюнѣ 1841 года предположеніе по Динабургу и усмотрѣвъ въ немъ отсутствіе достаточной планомѣрности работъ, Императоръ приказалъ предположеніе передѣлать вкорень, поручивъ вице-директору инженернаго департамента, генералу Фельдману, составить два или три варіанта „предположенія работъ на готовыхъ уже фундаментахъ“; когда же по одному изъ утвержденныхъ Его Величествомъ варіантовъ оказалось, что намѣченныхъ на Динабургъ денежныхъ средствъ не хватитъ, послѣдовало повелѣніе добавить 59.700 руб., вытребовавъ ихъ какъ на экстраординарныя работы.

Вообще, о планомѣрности и раціональности использованія крѣпостныхъ кредитовъ Николай Павловичъ всегда заботился, зачастую не пропуская въ этомъ отношеніи и мелочей. Въ 1832 году, разсмотрѣвъ и значительно измѣнивъ предположеніе о новыхъ работахъ слѣдующаго года по Динабургу, Императоръ назначилъ на оборонительную казарму въ мостовомъ укрѣпленіи 86.150 руб., повидимому руководствуясь до поры до времени однимъ соображеніемъ: эта сумма являла собою остатокъ отъ общаго на крѣпость кредита за удовлетвореніемъ точно опредѣленныхъ потребностей по другимъ работамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Государь приказалъ инженерному департаменту представить справку, въ какой именно видъ будетъ при этомъ приведена сказанная казарма, которую, „по отзыву Его Величества надобно бы уже окончить“. Получивъ справку, Царь

приказалъ доложить—а въ какой видъ будетъ приведена та же казарма, если на работу дать дополнительно еще 100.000 руб.? Департаментъ, ссылаясь главнымъ образомъ на то обстоятельство, что въ Динабургѣ не имѣется достаточнаго количества кирпича, полагалъ на 100.000 руб. заготовить для казармы чугунную рѣшетку, металическія части подъемныхъ мостовъ и желѣзо на крышу. Такое предположеніе Государемъ, конечно, не было одобрено, „ибо заготовленіе означенныхъ вещей для зданія, которое еще черезъ нѣсколько лѣтъ отстроится, было бы въ настоящее время совершенно излишнимъ“. Приказавъ все же намѣченную сумму отпустить, Николай Павловичъ выразилъ желаніе, „дабы изъ упомянутыхъ 100.000 руб. было употреблено на производство работъ въ настоящемъ году при построеніи 2-го этажа... сколько возможно какъ изъ наличныхъ матеріаловъ, такъ и изъ тѣхъ, которые пріобрѣтутся; остающіяся же отъ сей суммы деньги обратить на благовременное заготовленіе матеріаловъ“ для дальнѣйшихъ работъ въ 1834 году.

Вдумчивое отношеніе Императора къ строительнымъ предположеніямъ и удивительная освѣдомленность въ ходѣ строительныхъ по крѣпостямъ операцій можетъ быть подтверждена хотя бы такими Высочайшими отмѣтками на предположеніи 1849 года по Динабургу. Предполагалось насыпать валъ 4-го контргарда; резолюція: „Отложить впредь до надлежащей осадки возведенныхъ въ 1848 году эскарповыхъ стѣнъ“. Намѣчалось возвести эскарпы 6-го контргарда; резолюція: „Отложить за неоконченіемъ фундамента по предположенію 1848 года“. На солому и порціонныя деньги войскамъ испрашивалось 3.500 руб.; резолюція: „Отложить по случаю отложенія работъ по 1 и 2 пунктамъ“ и т. д. Послѣдняя резолюція требуетъ поясненія. Дѣло въ томъ, что войска выполняли только земляныя работы; а таковыя имѣлось въ виду произвести въ 1849 году именно только по работамъ, значившимся въ пунктахъ 1 и 2 предположенія.

Насколько внимательно разсматривалъ Императоръ

строительныя предположенія явствуетъ изъ того, что даже совершенно мелочныя работы сплошь да рядомъ подвергались критикѣ и видоизмѣнялись. Напримѣръ, по предположенію на 1833 годъ испрашивалось нѣсколько сотенъ рублей на чистую отдѣлку сѣверной оборонительной казармы въ Кронштадтѣ; Государь эту работу отмѣнилъ съ указаніемъ, что по техническимъ условіямъ она является преждевременной. Или другой примѣръ. Въ пунктѣ 5-мъ предположенія на 1838 годъ по Динабургу значилось: „Въ оборонительной казармѣ произвести чистую отдѣлку, съ расшивкою швовъ, безъ штукатурки“. И тутъ же собственноручная отмѣтка Императора: „Жилые казематы и пороховые магазины отштукатурить и выбѣлить, а всѣ остальные расшить“. Кромѣ того, внимательно провѣрялись и размѣры заносимыхъ въ предположенія суммъ, путемъ сравненій общихъ исчисленій на работы съ рядомъ годичныхъ на нихъ отпусковъ, при чемъ, однако, ариѳметика довлеющаго значенія не имѣла: вѣнценосный военный инженеръ прекрасно зналъ, что первоначальныя исчисленія совпадать всегда и точно съ дѣйствительною стоимостью операцій не могутъ; онъ требовалъ лишь объясненій по обнаруженнымъ имъ несовпаденіямъ, отнюдь не выражая неудовольствія ни по поводу добавочныхъ асигнованій, ни въ случаяхъ, когда необходимость въ нихъ имѣла слѣдствіемъ нѣкоторое замедленіе въ окончаніи работъ. Такъ, въ 1825 году постройка двойной батареи на среднемъ рейдѣ въ Ревелѣ была исчислена въ суммѣ 700.000 руб., и эта цифра фигурировала по 1828 годъ включительно. Сумма фактическихъ отпусковъ 1825—1828 годовъ составила именно 700.000 руб. Между тѣмъ, на 1829 годъ на ту же работу было внесено еще 70.000 руб. Государь потребовалъ справку: почему? Инженерный департаментъ доложилъ, что первоначально стоимость была исчислена примѣрно, а теперь точно, и что 70.000 руб. есть „самая послѣдняя сумма“. Царь удовлетворился этимъ, положилъ на справкѣ резолюцію—„отпу-

стить слѣдуетъ"—и указалъ, чтобы батарея была закончена непремѣнно въ 1829 году. Строитель, Фельдманъ, доложилъ, что требованія этого исполнить нельзя и что работы будутъ закончены къ 30 мая 1830 года. Государь принялъ къ свѣдѣнію. Далѣе обнаружилась необходимость въ дополнительныхъ, ранѣе непредусмотрѣнныхъ, работахъ: въ 1830 году—на 12.000 руб. и въ 1831 году—на 8.300 руб. Николай Павловичъ и къ этому отнесся совершенно спокойно, каждый разъ требуя лишь объясненій, какія именно дополнительныя работы и по какой причинѣ оказались нужными.

Относясь вполнѣ спокойно къ промедленіямъ въ осуществленіи строительныхъ операцій, вызывавшимся техническими и другими неизбѣжными причинами, Монархъ совершенно иначе смотрѣлъ на медленность въ исполненіи Высочайшихъ приказаній по части предварительныхъ по работамъ распоряженій вообще и въ области благовременности утвержденія предположеній въ частности. 20 октября 1833 года Николаю Павловичу было представлено предположеніе по Кронштадту. Не найдя возможнымъ утвердить таковое, Государь потребовалъ дополнительныхъ данныхъ. 25 октября требованіе было подтверждено. 26 октября „Государь Императоръ изволилъ въ третій разъ подтвердить о скорѣйшемъ представленіи справки". Въ 1836 году, изыскавъ возможность добавить на работы по Кіевской крѣпости 300.000 руб. сверхъ намѣченнаго, Царь затребовалъ въ началѣ іюня свѣдѣніе, какія именно работы могли бы быть произведены на эту сумму. Не дождавшись справки и къ 28 іюню, Государь повидимому выразилъ на словахъ свое неудовольствіе Августѣйшему генералъ-инспектору по инженерной части. По крайней мѣрѣ, Михаилъ Павловичъ, послѣ свиданія съ Царемъ въ этотъ день, тотчасъ же потребовалъ къ себѣ директора инженернаго департамента, а, узнавъ, что свѣдѣнія потребованы съ мѣста, приказалъ немедленно послать въ Кіевъ „эстафету" и „эстафетою" же привезти въ Петербургъ предположеніе.

Послѣднее привезли съ возможною по тому времени скоростью. И все же Государь повелѣлъ сдѣлать „строгое замѣчаніе“ за медленность какъ командиру кіевскаго инженернаго округа, генералъ-маіору Мочульскому, такъ и строителю крѣпости, полковнику Жеванову. Нельзя къ сказанному не прибавить, что разсмотрѣвъ, видоизмѣнивъ и утвердивъ новое предположеніе, осуществленіе котораго оказалось связаннымъ съ немалымъ оживленіемь работъ, по сравненію съ предыдущими годами, Николай Павловичъ тогда же и исключительно по собственной иниціативѣ повелѣлъ наряжать въ 1837 году на крѣпостныя по Кіеву работы пѣхотныя части не до 15 сентября, какъ раньше, а до 1 октября.

При разсмотрѣніи строительныхъ предположеній, Государь весьма часто указывалъ, въ какой постепенности вести ту или другую работу или какія работы должны быть выполнены въ первую очередь. Иногда постепенность работъ предуказывалась на длительные промежутки времени по широкимъ операціямъ. Такъ, получивъ въ октябрѣ 1836 года отъ князя Варшавскаго подробный планъ работъ по созданію западныхъ крѣпостей, разсмотрѣвъ таковой и снабдивъ его массою замѣчаній и указаній, въ числѣ коихъ были и весьма детальныя, Монархъ собственноручно обозначилъ „литерами“, въ какой постепенности вести работы по каждой изъ крѣпостей. Внимательно слѣдилъ Государь и за тѣмъ, чтобы по крѣпостнымъ работамъ не разбрасывались, не строили добавочныхъ, второстепенной важности, верковъ до окончанія главнѣйшихъ. Напримѣръ, на 1848 годъ въ предположеніе была внесена сумма въ 40.600 руб. на приступъ съ постройкѣ новой, второочередной башни передъ 6-мъ полигономъ Динабургской крѣпости. Императоръ эту работу исключилъ и собственноручно отмѣтилъ: „Прежде слѣдуетъ окончить всю крѣпость“.

Само собою разумѣется, что при утвержденіи строительныхъ предположеній принимались во вниманіе не только техническія, но и экономическія требованія выс-

шаго порядка, зависѣвшія отъ состоянія фондовъ государственной казны. Однако, какъ увидимъ ниже, Николай Павловичъ принималъ прямо героическія усилія къ тому, чтобы „состояніе государственнаго казначейства“ возможно менѣе отражалось на планомѣрности и успѣшности созданія крѣпостей, для чего самолично изыскивалъ средства, гдѣ было возможно. Даже въ критическіе моменты Императоръ не урѣзывалъ кредитовъ безъ разумнаго отношенія къ существу дѣла. Въ 1843 году Его Величеству поднесли строительное по крѣпостямъ предположеніе на слѣдующій годъ, въ которомъ, слѣдуя настояніямъ министерства финансовъ и общей директивѣ Царя, самъ инженерный департаментъ рѣзко сократилъ всѣ денежные итоги и намѣтилъ къ отложенію на будущее время цѣлую серію ранѣе утвержденныхъ къ производству работъ. Однако, рачительность департамента, съ которою онъ пошелъ на встрѣчу предъявленному требованію, Государемъ одобрена не была. Внимательно разсмотрѣвъ купюры департамента, Николай Павловичъ указалъ, что въ числѣ ихъ имѣется рядъ работъ по исправленію поврежденій въ существующихъ веркахъ, кои „необходимо привести въ должную исправность безотлагательно“, и самъ возстановилъ многіе кредиты, обреченные инженернымъ начальствомъ къ исключенію.

Случаи необходимости производства сокращеній въ строительныхъ предположеніяхъ были въ тѣ времена не рѣдко; наблюдались и примѣры, когда такая необходимость обнаруживалась неожиданно и уже послѣ того, какъ предположенія удостоивались окончательной санкціи Монарха. Въ такихъ случаяхъ Николай Павловичъ вновь принимался за работу самолично. Напримѣръ, въ сентябрѣ 1839 года, когда всѣ предположенія на 1840 годъ уже были утверждены Царемъ, министръ финансовъ вошелъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ о совершенной и безусловной необходимости сокращенія размѣра займа изъ государственныхъ кредитныхъ уста-

новленій на экстренныя крѣпостныя нужды. Государь повелѣлъ всѣ предположенія представить ему вновь и самолично указалъ, какія именно работы можно отложить для полученія экономіи въ 300.000 руб.—на сумму намѣченнаго сокращенія. Въ началѣ слѣдующаго года Николай Павловичъ разсмотрѣлъ и утвердилъ строительныя по крѣпостямъ предположенія на общую сумму въ 749.392 руб. сер.; но уже въ іюлѣ „Государь Императоръ, по настоящимъ затруднительнымъ обстоятельствамъ, признавая невозможнымъ опредѣлить нынѣ мѣру займа изъ кредитныхъ учрежденій на производство крѣпостныхъ работъ въ будущемъ году, Высочайше повелѣть соизволилъ, дабы ни къ заподрядкамъ, ни къ другимъ распоряженіямъ на счетъ предположенныхъ займовъ не было приступлено впредь до особаго Высочайшаго разрѣшенія“. Затѣмъ, строительныя предположенія были представлены Монарху въ августѣ—велѣно отложить вопросъ до ноября; представлены въ ноябрѣ—приказано повременить до декабря. Только въ январѣ 1841 года, вновь разсмотрѣвъ всѣ подробности по работамъ этого года, Царь назначилъ на нихъ 351.438 руб. сер. изъ особой экономической суммы, постоянно, какъ увидимъ, имѣвшейся въ распоряженіи инженернаго департамента, назначилъ съ тѣмъ, чтобы на остатокъ изъ послѣдненазванной суммы были выполнены работы по Севастополю, незаконченныя въ 1840 году по ряду недоразумѣній съ подрядчиками. О распорядкѣ севастопольскихъ работъ инженерному департаменту было повелѣно безотлагательно войти съ представленіемъ въ военный совѣтъ, „дабы принять нужныя мѣры къ скорѣйшему взысканію съ неисправныхъ по севастопольскимъ работамъ подрядчиковъ остающихся въ рукахъ ихъ казенныхъ денегъ“.

Естественно, что при такомъ положеніи финансовой стороны инженернаго дѣла, Государь, являвшійся фактически въ этомъ дѣлѣ главнымъ хозяиномъ и распорядителемъ, не могъ не слѣдить за цѣлесообразностью

расходованія суммъ, а слѣдя за этимъ, иногда наталкивался на недоразумѣнія, наличность коихъ хотя и не вызывала Высочайшаго гнѣва, но и не оставлялась безъ замѣчаній. Напримѣръ, въ 1842 году, разсматривая строительныя предположенія по крѣпостямъ на будущій годъ и свѣривъ ихъ со старыми предположеніями, Императоръ обратилъ вниманіе на то, что „изъ строеній, капитально исправлявшихся въ 1834, 1837 и даже 1838 годахъ, нѣкоторыя требуютъ нынѣ вновь капитальныхъ передѣлокъ, чего, при рачительномъ производствѣ работъ и правильномъ надзорѣ за ними, быть не должно". Инженерный департаментъ отыгрался на томъ, что въ прежнихъ годахъ исправлялись однѣ части зданій, а теперь предположено исправить другія. На докладѣ положена резолюція военнаго министра, гласящая, что сдѣланное Государемъ замѣчаніе „послѣдовало вслѣдствіе неясности объясненій въ представленныхъ департаментомъ вѣдомостяхъ", почему учрежденію этому и рекомендуется „на будущее время таковыя объясненія излагать обстоятельнѣе".

На сколько Николай Павловичъ лично руководилъ крѣпостными операціями и былъ фактическимъ хозяиномъ въ этомъ дѣлѣ можно видѣть хотя бы изъ такихъ двухъ примѣровъ.

Въ 1843 году Государю поднесли на утвержденіе меморію военнаго совѣта о разрѣшеніи постройки бараковъ для 4-го сапернаго баталіона въ Кіевѣ, съ отнесеніемъ потребнаго на то расхода въ 6.000 руб. на сумму въ 46.000 руб., образовавшуюся въ качествѣ экономической послѣ распорядка всѣхъ назначенныхъ на тотъ годъ работъ по Кіевской крѣпости. Утвердивъ положеніе военнаго совѣта, Императоръ тутъ же повелѣлъ представить ему немедленно соображеніе, на какія крѣпостныя по Кіеву работы думаютъ обратить остающуюся затѣмъ экономическую сумму въ 40.000 руб., при чемъ оставилъ за собою право утвердить или видоизмѣнить это соображеніе.

Разсматривая строительное предположеніе по Бобруйску на 1839 годъ, Государь привелъ его въ такой видъ, что сумма частныхъ итоговъ по внесеннымъ работамъ не совпадала, именнно превышала конечный итогъ, неподлежавшій измѣненію. При этомъ было Высочайше повелѣно: „Если, по составленіи подробныхъ смѣтъ на всѣ предположенныя работы, противу примѣрно исчисленныхъ суммъ значительныхъ уменьшеній не окажется и если въ теченіе лѣта не отыщутся еще свободныя суммы по соображенію подробныхъ смѣтъ—представить на Высочайшее усмотрѣніе объ убавкѣ нынѣ предварительно назначенныхъ къ производству работъ". *)

Въ началѣ военно-инженерной дѣятельности Николая Павловича, денежные отпуски на созданіе крѣпостей и поддержаніе ихъ въ исправности исчерпывались почти исключительно „нормальными" асигнованіями, размѣры коихъ были всегда ограниченными. Это приводило къ тому, что новыя работы велись въ общемъ медленно, а существовавшія крѣпости приходили все болѣе и болѣе въ упадокъ. Первою мѣрою для устраненія такого неблагопріятнаго положенія дѣла явилось, по инціативѣ Николая Павловича, рѣзкое раздѣленіе крѣпостныхъ нуждъ на „обыкновенныя" и „экстренныя". Къ рубрикѣ первыхъ были отнесены работы ремонтныя по крѣпостнымъ веркамъ и работы всяческія по сооруженіямъ необоронительнымъ; къ рубрикѣ вторыхъ—всѣ прочія работы оборонительныя, т. е. новыя и по капитальнымъ перестройкамъ. На обыкновенныя работы деньги расходовались почти исключительно изъ нормальныхъ отпус-

*) З, № 41—1833, 5, 18, 41, 65, 67; № 116—1833, 1—5, 13, 17, 28; № 97—1834, 537—539, 558, 559, 597, 599, 603; № 41—1835, 7; № 35—1836, 1, 8, 13, 22, 115; И, № 10—1833, 2—5; № 9—1834, 78; № 17—1836, 52, 53, 56, 79, 93, 109, 128; І, № 28—1841, 8, 11; № 208—1843, 3; № 214—1843, 12; К, № 53—1836, 450; № 39—1838, 1; № 38—1838, 52; № 22—1839, 14, 15; № 123—1841, 60; № 63—1845, 66; Л, № 32—1839, 47; № 26—1840, 16, 59, 60; № 85—1842, 279; № 34—1843, 76; № 94—1843, 164, 165; № 49—1845, 1, 45; Р, № 60—1847, 42, 44; № 43—1848, 46, 47.

ковъ; на работы экстренныя—откуда только было возможно.

Наиболѣе существеннымъ пріемомъ покрытія расходовъ по экстреннымъ работамъ являлся заемъ денегъ на 37-лѣтній срокъ изъ государственныхъ кредитныхъ установленій. Впервые—по скольку это можно было выяснить изъ документовъ—сказанная мѣра была примѣнена въ 1838 году, когда повелѣно было занять 6.349.020 руб. Надо думать, что первый заемъ былъ сдѣланъ безъ намѣренія прибѣгать къ тому же порядку и въ будущемъ, что явился онъ лишь слѣдствіемъ, съ одной стороны, назрѣвшихъ нуждъ по крѣпостямъ, а съ другой—дѣйствительно затруднительнаго въ тотъ годъ положенія государственнаго казначейства. Къ такой догадкѣ приводитъ тотъ фактъ, что первоначально погашеніе займа предполагалось производить за счетъ нормальнаго на крѣпости отпуска, а позднѣе за счетъ особаго капитала въ миліонъ рублей, отпущеннаго инженерному департаменту, по повелѣнію Государя, статсъ-секретаремъ Танѣевымъ изъ суммъ „въ собственномъ Его Величества распоряженіи состоящихъ". Хотя послѣдній капиталъ и былъ положенъ въ банкъ и его запрещено было расходовать на иныя нужды, но, очевидно, что при обращеніи пріема займа изъ государственныхъ установленій въ систему, такой капиталъ быстро растаялъ бы, а первоначальный источникъ—строго опредѣленный по размѣру нормальный на крѣпости кредитъ—съ теченіемъ времени обратился бы въ величину ничтожную и, пожалуй, отрицательную. Между тѣмъ, „затруднительность" положенія нашего государственнаго казначейства приняла характеръ хроническаго недомоганія, и вѣнценосному военному инженеру, всегда озабоченному созданіемъ сколько нибудь удовлетворительной обороны страны, волей-неволей пришлось прибѣгнуть къ удовлетворенію текущихъ крѣпостныхъ нуждъ за счетъ будущихъ благъ. Тридцатисемилѣтніе займы обратились въ ежегодные, но уже на другихъ

началахъ: займы эти погашало само государственное казначейство, внѣ всякой зависимости отъ нормальнаго на крѣпости асигнованія, которое, съ начала сороковыхъ годовъ, составляло сумму твердую, именно—180.209 руб. 42 коп. сер. въ годъ.

Для указанія размѣровъ 37-лѣтнихъ займовъ можно привести такія цифры: на всѣ крѣпости имперіи, кромѣ царства Польскаго, на экстренныя по нимъ работы, было заимствовано изъ кредитныхъ установленій: въ 1843 году—1.047.000 руб. сер., въ 1844—949.996, въ 1845—951.985, въ 1846—663.848, въ 1847—663.848, въ 1848—959.400 и т. д.

Поначалу какъ производство займовъ, такъ и ихъ погашеніе производились на условіяхъ до извѣстной степени льготныхъ, являвшихъ собою какъ бы налогъ на кредитныя установленія для удовлетворенія особо важныхъ государственныхъ нуждъ и позволявшихъ тратить на крѣпости относительно бо̀льшія суммы. Такъ, съ введеніемъ у насъ звонкой валюты, на работы продолжали выдавать деньги асигнаціями; но если таковыхъ въ касахъ не хватало, то повелѣвалось выдавать и золотомъ „безъ ограниченія по биржевому курсу“. Далѣе, Высочайше повелѣвалось суммы, заимствованныя на крѣпостныя работы, погашать не по общимъ правиламъ 37-лѣтнихъ займовъ, а безъ платежа установленныхъ премій. Однако, съ пятидесятыхъ годовъ этотъ порядокъ былъ измѣненъ: въ январѣ 1852 года послѣдовалъ Высочайшій указъ занять необходимую на нѣкоторыя крѣпости сумму изъ московской сохранной казны на 37 лѣтъ, съ платежемъ изъ государственнаго казначейства преміи, процентовъ и погашенія.

Пожалуй, вторымъ по размѣру источникомъ для крѣпостныхъ работъ въ предѣлахъ имперіи, не считая царства Польскаго, являлись собственныя суммы Его Величества. О случаяхъ отпуска таковыхъ говорить уже приходилось, и аналогичныхъ примѣровъ можно привести сколько угодно. Въ 1823 году статсъ-секретарю Танѣеву

было повелѣно отпустить на усиленіе работъ по Кронштадту 100.000 руб. Въ концѣ того же года Николай Павловичъ приказалъ поспѣшить представленіемъ ему подробнѣйшаго соображенія о работахъ 1834 года по Кронштадту же, „дабы, по докладу сего соображенія Государю Императору, Его Величество могъ усмотрѣть, сколько, сверхъ тѣхъ суммъ, кои войдутъ въ инженерную смѣту, Его Величеству можно будетъ удѣлить на сей же предметъ изъ собственныхъ суммъ“; разсмотрѣвъ же соображеніе, Государь назначилъ изъ своихъ средствъ 250.000 руб. На 1836 годъ Монархъ приказалъ, въ добавленіе къ кредиту на работы по Кіевской крѣпости, выдать изъ собственной Его Величество канцеляріи сначала 150.000 руб., а затѣмъ еще 200.000 руб. и т. д.

Весьма характерно отношеніе къ такому источнику со стороны инженернаго департамента. Когда, въ 1836 году, Императоръ приказалъ построить въ Динабургѣ капониръ, невошедшій въ финансовую смѣту, назначилъ на эту работу, по примѣрному исчисленію, 100.000 руб. изъ собственныхъ суммъ и указалъ, чтобы, въ случаѣ недохвата денегъ, Его Величеству о томъ доложили для увеличенія отпуска—департаментъ скрылъ отъ Царя обнаруженіе при началѣ работъ обилія въ мѣстѣ ихъ производства родниковыхъ ключей и зыбкости почвы; дополнительный же расходъ, въ размѣрѣ около 70.000 руб,, потребовавшійся на устройство сложнаго подъ фундаменты ростверка, отнесъ на общіе по смѣтѣ того года сбереженія.

Помимо назначенія изъ собственныхъ суммъ денегъ, необходимыхъ на вполнѣ опредѣленныя работы, Монархъ образовалъ особый капиталъ для крѣпостныхъ нуждъ, повременно пополнявшійся распоряженіями самаго Государя какъ изъ личныхъ Его Величества средствъ, такъ и изъ другихъ, самыхъ разнообразныхъ источниковъ. Этотъ денежный запасъ состоялъ „при инженерномъ департаментѣ на диспозиціи Его Величества и на храненіи въ кредитныхъ заведеніяхъ“, а расходо-

вался только на самыя неотложныя нужды и не иначе какъ по единоличной волѣ Царя. Запасъ исчислялся сотнями тысячъ рублей; напримѣръ, къ 1 января 1841 года онъ достигалъ суммы въ 474.468 руб. сер. Любопытно то обстоятельство, что инженерный департаментъ, какъ это видно изъ документовъ, дѣлая различныя по работамъ представленія, никогда не позволялъ себѣ даже намекать на возможность использованія части сказаннаго запаса, находившагося такимъ образомъ всецѣло въ рукахъ Государя.

Какъ было упомянуто, въ обособленномъ положеніи, въ смыслѣ финансированія работъ, находились крѣпости царства Польскаго. Расходы по этимъ крѣпостямъ въ значительной мѣрѣ, а при началѣ ихъ постройки полностью, покрывались мѣстными средствами—доходами царства. Но мѣстныя средства шли иногда и на другія крѣпости. Въ 1830 году Государь повелѣлъ—расходы по постройкѣ укрѣпленій и казармъ на Аландѣ отнести на доходы Финляндіи. Въ 1832 году послѣдовалъ Высочайшій указъ о постройкѣ укрѣпленій и казармъ въ Вильнѣ и Гроднѣ, для чего повелѣвалось произвести въ слѣдующемъ году дополнительный сборъ съ крестьянъ этихъ губерній, съ каждой семьи неосѣдлыхъ гражданъ и однодворцевъ—по 60 коп., а съ каждой семьи осѣдлыхъ—по 1 руб. 95 коп. Въ 1827 году четыре оборонительныя казармы въ Измаильской крѣпости строились за счетъ 25.000 левовъ, пожертвованныхъ на эту надобность мѣстными болгарскими колонистами, за счетъ 20.000 левовъ, собранныхъ по подпискѣ обывателями города, за счетъ отчисленій по $7^1/_2$ коп. съ каждой четверти пшеницы, отпускавшейся изъ Измаила заграницу, и за счетъ 50.000 рублей, асигнованныхъ на эту же работу изъ мѣстнаго областного десяти—процентнаго капитала. Въ октябрѣ 1832 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе—расходъ въ 10.000 руб. по укрѣпленію Илецкой Защиты отнести на экономическую сумму мѣстнаго соляного правленія.

При невозможности полученія изъ государственнаго казначейства прямыхъ на созданіе крѣпостей асигнованій, кои соотвѣтствовали бы насущнымъ требованіямъ въ области организаціи планомѣрной обороны страны. Николай Павловичъ какъ бы изыскивалъ свободныя суммы, гдѣ придется, изыскивалъ и предлоги для позаимствованія изъ такихъ суммъ средствъ, необходимыхъ на крѣпости. Оборонительныя работы производились за счетъ военнаго фонда, контрибуцій, капитала военныхъ поселеній, сбереженій по интендантскимъ заготовкамъ и по почтовому вѣдомству. даже за счетъ суммъ жандармскихъ. Такъ, въ 1831 году, когда рѣшено было укрѣпить Либаву, расходы на эту надобность повелѣвалось покрыть изъ кредита, „на войну опредѣленнаго". Въ 1837 году Царь повелѣлъ отпустить милiонъ рублей на оборонительныя работы по Севастополю „на счетъ турецкой контрибуціи". Въ томъ же году послѣдовало Высочайшее повелѣніе усилить средства на созданіе Кіевской крѣпости суммою въ 526.800 руб., съ полученіемъ таковой изъ капитала военныхъ поселеній. Въ слѣдующемъ году на тотъ же источникъ былъ отнесенъ, по приказанію Государя, расходъ въ 458.000 руб. на постройку въ Кіевѣ оборонительной казармы, при чемъ указывалось, что въ мирное время это зданіе предназначается для жительства кантонистовъ, а обезпеченіе послѣднихъ помѣщеніемъ лежитъ на обязанности департамента военныхъ поселеній (который, мимоходомъ будь сказано, могъ построить необходимое для кантонистовъ помѣщеніе гражданской архитектуры за сумму въ нѣсколько разъ меньшую). Въ 1843 году, при разсмотрѣніи проекта другой оборонительной казармы въ Кіевѣ, Государь приказалъ размѣстить въ ней жандармовъ и затребовать отъ шефа жандармовъ свѣдѣніе, въ какомъ состояніи находятся у него свободныя суммы съ тѣмъ, чтобы, при достаточномъ наличіи таковыхъ, отстроить казарму на жандармскій счетъ. Когда въ 1836 году Царю доложили, что въ дѣйствующей арміи (западный

округъ) получилось отъ заготовокъ по интендантству сбереженіе въ 430.000 руб., Монархъ приказалъ всю эту сумму обратить на работы по крѣпости Брестъ-Литовскъ. Новыя, значительно бо̀льшія, сбереженія, полученныя въ той же арміи отъ заготовки провіанта въ слѣдующемъ году, позволили Императору выдѣлить изъ нихъ на брестъ еще миліонъ рублей. Въ іюнѣ 1851 года, освѣдомившись о наличности 200.000 руб. сер. „сбереженія отъ дѣйствій заведенія почтовыхъ экипажей въ имперіи", Государь повелѣлъ обратить эту сумму на отстройку впереди Варшавской Александровской цитадели форта „Владиміръ". И т. д.

Еще будучи генералъ-инспекторомъ, Николай Павловичъ ополчился на департаментъ государственныхъ имуществъ, требовавшій съ инженернаго вѣдомства уплаты денегъ за земли и лѣсъ, пошедшіе для нуждъ крѣпостей. Указывая на то обстоятелство, что удовлетвореніе такого требованія было бы равносильно „перекладыванію денегъ изъ одного кармана казны въ другой", Великій Князь добился Высочайшаго повелѣнія о безвозмездномъ отпускѣ для крѣпостныхъ нуждъ какъ лѣса, такъ и земель, принадлежащихъ казнѣ. Въ тѣхъ же видахъ, уже будучи Императоромъ, разрѣшилъ безпошлинный ввозъ въ Брестъ-Литовскъ металическихъ подѣлокъ, необходимыхъ для крѣпостныхъ работъ и заготовлявшихся въ Варшавѣ, т. е. тогда „заграницей".

Въ дѣлѣ облегченія финансированія крѣпостныхъ работъ Монархъ не брезгалъ даже мелочами. Въ 1844 году возбудился вопросъ о порядкѣ ремонтированія мостовъ, расположенныхъ внутри крѣпостей, а въ ихъ числѣ и такихъ, кои, являясь крѣпостными сооруженіями, лежали на проходившихъ черезъ крѣпости дорогахъ вѣдомства путей сообщенія. Государь нашелъ, что, для объединенія внутри крѣпостей однородныхъ работъ, весь ремонтъ мостовъ подлежитъ производству инженернымъ вѣдомствомъ, но съ тѣмъ, чтобы суммы на мосты дорогъ общаго пользованія получались отъ

путейскаго вѣдомства. Въ 1838 году въ Брестъ-Литовскѣ былъ построенъ для крѣпостныхъ нуждъ новый мостъ черезъ р. Бугъ, а затѣмъ возникъ вопросъ: слѣдуетъ ли установить мостовой сборъ съ обывателей и куда таковой долженъ вноситься? Государь повелѣлъ сборъ установить, а выручаемыя деньги обращать на крѣпостныя работы.

Съ разрѣшенія Николая Павловича, въ цѣляхъ достиженія бо́льшей успѣшности производства крѣпостныхъ работъ, практиковались и такія финансовыя операціи, кои нельзя не отнести къ разряду весьма оригинальныхъ.

При производствѣ въ началѣ 1838 года торговъ на крѣпостныя работы по Ивангороду оказалось, что если сдать въ заподрядъ не только работы этого года, но и намѣченныя на все ближайшее трехлѣтіе, то въ пользу казны получится экономія въ 15%. По представленію начальника инженеровъ дѣйствующей арміи, генерала Дена, главнокомандующій, князь Варшавскій, разрѣшилъ собственною властью поступить именно такъ. Въ слѣдующемъ году обнаружились финансовыя затрудненія и работы пришлось сократить. Между тѣмъ, подрядчики наняли артели каменщиковъ, общею численностью въ 400 человѣкъ, на три года, а по сокращеніи работъ на 1840 годъ едва хватало дѣла для 150 человѣкъ. Тогда подрядчики возбудили ходатайство о разрѣшеніи имъ продолжить въ 1840 году работы въ ранѣе намѣченномъ объемѣ, на сумму въ 600.000 злотыхъ, съ тѣмъ, чтобы уплата денегъ была имъ произведена въ 1841 году. Главнокомандующій, имѣя въ виду, что иначе къ казнѣ могутъ быть предъявлены справедливыя претензіи, разрѣшилъ и это. Однако, явился вопросъ: какъ быть съ кирпичемъ, который заготовлялся хозяйственнымъ способомъ въ Демблинѣ и на выдѣлку котораго не было денегъ? И этотъ вопросъ разрѣшили безъ затрудненій: по докладу Дена, князь Варшавскій приказалъ обратить на выдѣлку кирпича „экономическую“ инженерную

сумму въ 231.000 злотыхъ. Послѣдняя же сумма образовалось такъ.

Почти въ аналогичныхъ условіяхъ съ ивангородскими, находились въ то время и работы по Новогеоргіевску, съ тою лишь разницею, что финансовый кризисъ былъ дальновидно предусмотрѣнъ Деномъ еще въ началѣ 1839 года. Неизвѣстно, зналъ ли Денъ или не зналъ, что на этотъ годъ суммы будутъ отпущены полностью; но если зналъ, то отъ подрядчиковъ скрылъ. Онъ предложилъ имъ работать въ счетъ будущаго еще съ 1839 года, а когда они согласились—отобралъ подписки въ такомъ согласіи. Когда же деньги на 1839 годъ были получены полностью, Денъ подрядчикамъ заплатилъ безъ промедленія, но при условіи, чтобы они внесли въ депозиты казны проценты со всей суммы за промежутокъ времени, составившій разницу между сроками фактической уплаты и обусловленной подписками. Эти проценты и составили 231.000 злотыхъ.

Николай Павловичъ всю эту операцію одобрилъ безъ какихъ либо замѣчаній.

Наконецъ, нельзя не отмѣтить случая возведенія цѣлаго укрѣпленія на частныя средства: къ 1854 году въ Севастополѣ была „построена оборонительная башня собственнымъ иждивеніемъ подрядчика Волохова“ *).

Заботами о правильности составленія строительныхъ предположеній и о соотвѣтственности финансированія инженерныхъ работъ не исчерпывались усилія Монарха къ доведенію нашихъ крѣпостей до возможной степени совершенства. Николай Павловичъ близко входилъ и въ самую организацію работъ, въ техническо-хозяйствен-

*) З, № 41—1833, 67; № 47—1833, 9, 10; № 41—1835, 6; № 35—1836, 22, 115, 116; И, № 51—1830, 172; № 17—1836, 52, 79; І, № 28—1841, 11; № 110—1844, 1; К, № 32—1837, 43; № 75—1837, 15; № 15—1838, 85; № 59—1838, 5; № 75—1838, 3; № 52—1839, 15, 16; № 10—1840, 19; № 25—1840, 56; № 18—1843, 10; Л, № 110—1837, 14, 19; № 41—1838, 19, 23, 50; № 32—1839, 2; № 50—1842, 56; № 85—1842, 2, 286; О, № 1—1852, 3; Р, № 60—1847, 3, 4, 40; Т, № 127—1848, 72; № 102—1853, 70; Ф, № 125—1828, 183; № 128—1832, 1; 100 В. М., VII, 269.

ную часть. и Высочайшія въ этомъ отношеніи директивы несомнѣнно повели какъ къ удешевленію работъ, такъ и къ выполненію ихъ умѣлыми руками. Но, прежде, чѣмъ приводить подтверждающія это соображеніе данныя, нѣсколько остановлюсь на другомъ вопросѣ, тѣсно связанномъ съ постройкою крѣпостей, на вопросѣ эспланадномъ.

Одновременно съ постройкою новыхъ и перестройкою существующихъ крѣпостей, принимались различныя мѣры къ тому, чтобы мѣстность впереди верковъ не застраивалась и чтобы внутри крѣпостныхъ оградъ было по возможности самое ограниченное количество частныхъ зданій, и при томъ зданій исключительно каменныхъ. Строгихъ по опредѣленности, постоянныхъ и повсюду однородныхъ эспланадныхъ правилъ до Николая Павловича не существовало. Пожалуй, такихъ правилъ не было разработано и при немъ. Но все же появилось два общихъ закона—одинъ, обнародованный въ 1827 году, и другой, относящійся къ 1844 году. По закону 1827 года повелѣвалось образовать эспланады во всѣхъ крѣпостяхъ штатныхъ, а изъ нештатныхъ въ Усть Лабинской и Темнолѣсской, путемъ запрещенія возведенія какихъ либо зданій въ 130-саженной полосѣ впереди гребня гласиса наружныхъ верковъ: по закону же 1844 года было установлено, чтобы при возведеніи „новыхъ крѣпостей. не имѣющихъ еще форштатовъ, постройка домовъ, прочныхъ оградъ и дѣланіе канавъ и насыпей, а также возведеніе фахверковыхъ и на каменныхъ фундаментахъ строеній не производились ближе разстоянія большого пушечнаго выстрѣла, т. е. 600 саж. отъ кроны крѣпостного гласиса“.

Изъ послѣдняго узаконенія явствуетъ, что при Николаѣ Павловичѣ необходимый для крѣпостной обороны просторъ достигался главнымъ образомъ возведеніемъ достаточно удаленныхъ отъ крѣпостей форштатовъ. Но не во всѣхъ крѣпостяхъ форштаты имѣлись: не всюду ихъ можно было и устроить. Въ такихъ же случахъ,

для каждаго отдѣльнаго пункта принимались особыя мѣры и устанавливались особыя правила, а въ установленіи ихъ и въ разборѣ всякихъ по этому поводу недоразумѣній Николай Павловичъ, какъ и во всѣхъ инженерныхъ вопросахъ, принималъ самое близкое участіе. Приведу нѣсколько примѣровъ.

Въ апрѣлѣ 1819 года, соображаясь съ тѣмъ обстоятельствомъ, что у Риги, Бендеръ и Хотина намѣчалось производство обширныхъ оборонительныхъ работъ, и озабочиваясь благовременнымъ упрежденіемъ грядущихъ неудобствъ и излишнихъ расходовъ, Николай Павловичъ всеподданнѣйше испрашивалъ, дабы обывателямъ, живущимъ у названныхъ крѣпостей, „объявить, чтобы на мѣстахъ, назначенныхъ подъ укрѣпленія и эспланады, не дѣлали они вновь никакихъ строеній и чтобы мѣстное начальство строго наблюдало за точнымъ исполненіемъ" такого распоряженія. Императоръ на это соизволилъ.

Совершенно аналогичныя соображенія явились причиной переписки между Августѣйшимъ генералъ-инспекторомъ и рижскимъ генералъ-губернаторомъ, генералъ-адъютантомъ маркизомъ Паулучи, начавшейся въ томъ же 1819 году. Освѣдомившись, что въ Ревелѣ, съ разрѣшенія мѣстныхъ гражданскихъ властей, обыватели эспланаду застраиваютъ даже въ чертѣ, гдѣ всякія постройки запрещены безусловно, Великій Князь началъ свой отзывъ къ Паулучи съ перечисленія цѣлаго ряда повелѣній, вполнѣ опредѣленно гласившихъ о запрещеніи застройки крѣпости. „Кромѣ сихъ Высочайшихъ постановленій—писалъ Николай Павловичъ—я не имѣю въ виду другого, на которомъ основывалось бы право гражданскаго губернатора эстляндской губерніи, равно учрежденной въ Ревелѣ, для устройства строеній и улицъ, комисіи, давать ревельскимъ жителямъ дозволеніе строиться въ крѣпости". Великій Князь просилъ Паулучи, во-первыхъ, прекратить такое самоволіе мѣстныхъ властей, а во-вторыхъ, немедленно воспретить

производство какъ въ крѣпости, такъ и на эспланадѣ оной какихъ бы то ни было построекъ, впредь до выясненія новой фигуры крѣпости и ея значенія, каковая задача въ то время была поручена Императоромъ ему, Великому Князю, и морскому министру. Паулучи отвѣтилъ на это, что о воспрещеніи постройки новыхъ домовъ имъ распоряженіе сдѣлано; что же касается до работъ, находившихся уже въ ходу, то, указывая на производство таковыхъ въ раіонѣ эспланады исключительно бѣднѣйшимъ людомъ, маркизъ просилъ объ установленіи для нихъ изъятій изъ общихъ правилъ. Взамѣнъ такихъ изъятій, Николай Павловичъ нашелъ болѣе правильнымъ устроить въ Ревелѣ форштатъ для бѣдноты и приказалъ инженерному департаменту составить соотвѣтственный планъ. Въ 1820 году послѣдовало Высочайшее утвержденіе новаго проекта крѣпости въ Ревелѣ, а къ 1827 году былъ выработанъ и новый эспланадный планъ на основаніяхъ исключительно мѣстнаго характера, по которому намѣчались и мѣста для форштатовъ. Собственно же на новой эспланадѣ предполагалось запретить какъ возведеніе какихъ либо зданій, такъ и починку существовавшихъ. Маркизъ Паулучи, находя эту мѣру явнымъ нарушеніемъ правъ собственности, возбудилъ ходатайство хотя бы о ея смягченіи. Для этого онъ полагалъ: тѣмъ обывателямъ, которые находились въ чертѣ эспланады и ранѣе, т. е. въ чертѣ старой эспланады, разрѣшить и постройку зданій, и починку ихъ, но при условіи, чтобы по первому требованію высшей военной власти они сносили свои дома безъ всякаго за то вознагражденія; тѣмъ же гражданамъ, кои попадали въ черту новой эспланады, не только дать аналогичное право, но и присуждать соотвѣтственныя вознагражденія за сносъ построекъ по военнымъ обстоятельствамъ. Естественно, инженерный департаментъ противъ предложенія Паулучи протестовалъ, находя его несогласованнымъ съ идеей эспланадныхъ правилъ, устанавливающихъ государственную

повинность. Дѣло перешло въ руки Императора Николая, который, внимательно изучивъ планъ крѣпости, собственноручно начерталъ на немъ два раіона и повелѣлъ: въ раіонѣ первомъ „не позволять отнынѣ впредь строиться и дѣлать поправки строеніямъ“; въ раіонѣ второмъ „дозволять поддерживать существующія нынѣ строенія и возводить вновь деревянныя, но отнюдь не каменныя, въ продолженіе 10 лѣтъ, объявивъ владѣльцамъ домовъ, что, по истеченіи означеннаго срока, таковое позволеніе будетъ совершенно прекращено“. Когда планъ былъ возвращенъ въ инженерный департаментъ, Опперманъ, увидивъ, что раіоны, назначенные Царемъ, не охватываютъ всю необходимую для крѣпости эспланаду (остались участки ея внѣ черты Государя), возбудилъ вопросъ: какими правилами должно руководствоваться по отношенію къ этимъ участкамъ? Монархъ повелѣлъ: обывателей на этихъ участкахъ оставить въ покоѣ впредь до особаго повелѣнія.

Въ февралѣ 1833 года, вслѣдствіе необходимости образованія эспланады вокругъ Варшавской Александровской цитадели и полагая соотвѣтственнымъ отвести подъ нее полосу шириною въ 150 саж., Государь повелѣлъ произвести въ этой полосѣ оцѣнку всѣхъ зданій, въ видахъ отчужденія таковыхъ при первой возможности, т. е. когда найдутся необходимыя для того денежныя средства. Оцѣнка завершилась столь крупнымъ итогомъ (около 12 миліоновъ злотыхъ), что князь Варшавскій полагалъ отказаться отъ 150-саженной эспланады вовсе и ограничиться лишь 25-саженной полосой отъ подошвы гласиса, разсуждая, что собственно „для безпрепятственнаго дѣйствія изъ крѣпостныхъ орудій по городу“ этого будетъ достаточно. Николай Павловичъ на мѣру эту пошелъ, но только какъ на временную, и повелѣлъ, „дабы на дистанціи 150 саж. не дозволять покуда строить новыхъ зданій ни въ какомъ случаѣ; если же кто захочетъ производить починку нынѣ существующихъ, то сіе можно, однако же съ тѣмъ, чтобы подоб-

Управляющій инженернымъ департаментомъ
Александръ Клавдіевичъ
ГЕРУА
1837—1850 г.г.
(Съ писаннаго красками портрета изъ инженернаго комитета).

ныя издержки не входили въ смѣту оцѣнки домовъ; на томъ же основаніи позволять вновь строить деревянныя службы". Чѣмъ окончился вопросъ—изъ современныхъ документовъ не видно.

Въ 1842 году финляндскій генералъ-губернаторъ, князь Меншиковъ, обратился къ генералъ-адъютанту Геруа съ жалобой на командира выборгской инженерной команды, подполковника Кульмана, творящаго де всяческія затрудненія жителямъ города при возведеніи ими построекъ въ чертѣ крѣпостной эспланады, вродѣ указаній на несоотвѣтственность шведскихъ надписей на чертежахъ, подлежащихъ утвержденію русскою властью, указаній, что фасады не согласованы съ правилами архитектуры и т. п. Самымъ же тяжелымъ для жителей признавался установленный по всѣмъ крѣпостямъ порядокъ представленія проектовъ и смѣтъ обывательскихъ построекъ на разсмотрѣніе инженернаго департамента. Меншиковъ просилъ распоряженія, чтобы всѣ частныя постройки въ Выборгѣ, возводимыя обывателями на ихъ собственной землѣ, были изъяты изъ подъ надзора со стороны Кульмана и инженернаго департамента. Геруа представилъ дѣло Михаилу Павловичу, высказавшись за соотвѣтствіе удовлетворенія желанія Меншикова, а Великій Князь и съ своей стороны просилъ военнаго министра означенное ходатайство уважить. Отвѣтъ получился такой: „Его Величество не находитъ никакой достаточной причины къ изъятію Выборгской крѣпости изъ установленнаго общаго порядка... тѣмъ болѣе, что, по близости Выборга отъ С.-Петербурга, не можетъ быть никакого затрудненія въ скоромъ разрѣшеніи таковыхъ представленій".

Въ 1847 году, вскорѣ послѣ обнародованія Высочайшаго повелѣнія о запрещеніи поддерживать зданія, расположенныя въ 300-саженной полосѣ передъ гребнемъ гласиса Петербургской крѣпости, главноуправляющій путями сообщенія и публичными зданіями сообщилъ инженерному департаменту, что владѣльцы 20 камен-

ныхъ домовъ, выстроенныхъ въ чертѣ этой полосы еще до означеннаго повелѣнія, обратились къ нему съ ходатайствомъ либо разрѣшить имъ ремонтъ домовъ, либо произвести отчужденіе таковыхъ, ибо въ неремонтируемыхъ домахъ цѣнность на квартиры все падаетъ и падаетъ, и владѣльцы „безвинно лишаются своей собственности". Докладывая это дѣло, инженерный департаментъ привелъ слѣдующій прецедентъ. Въ свое время, по случаю возведенія крѣпостныхъ верковъ и военныхъ зданій въ Кронштадтѣ, Динабургѣ, Бобруйскѣ, Кіевѣ и Брестѣ, многіе обывательскіе дома въ чертѣ эспланады предполагалось снести. Имъ была произведена оцѣнка, и тогда же запретили поддерживать зданія. Между тѣмъ, острой и фактической надобности въ сносѣ всѣхъ такихъ, обреченныхъ на отчужденіе, домовъ съ теченіемъ времени не обнаружилось, самое отчужденіе, по экономическимъ соображеніямъ, произведено не было, а со стороны владѣльцевъ былъ возбужденъ рядъ жалобъ. Тогда Государь, 17 сентября 1841 года, разрѣшилъ владѣльцамъ дома ихъ починять по усмотрѣнію и повелѣлъ на будущее время производить оцѣнку домовъ на эспланадахъ только тогда, когда въ ихъ отчужденіи окажется фактическая надобность. Основываясь на этомъ, департаментъ полагалъ и владѣльцамъ домовъ на эспланадѣ Петербургской крѣпости ремонтъ зданій разрѣшить до времени, когда будетъ повелѣно ихъ имущества отчуждать въ казну, съ тѣмъ, однако, чтобы значительныя перестройки и пристройки не допускались и чтобы новыхъ каменныхъ зданій никто не возводилъ. На докладѣ резолюція Государя: „Справедливо".

Съ форштатами дѣло стояло прочнѣе. Собственно идея крѣпостныхъ форштатовъ зародилась еще до Отечественной войны. Николай Павловичъ ее упорядоточилъ и осуществилъ по нѣкоторымъ крѣпостямъ, при чемъ въ началѣ своей инженерной дѣятельности ему пришлось приложить не мало труда къ урегулированію довольно запутаннаго вопроса, въ особенности запутаннаго въ

отношеніи застройки самихъ крѣпостей. Дѣло въ томъ, что въ 1810 году, когда рѣшено было построить крѣпость въ Бобруйскѣ, послѣдовало и Высочайшее повелѣніе: „Въ крѣпости позволять обывателямъ строить каменныя только зданія, а деревянныя единственно только на форштатахъ; евреямъ же позволить остаться въ крѣпости тѣмъ только, которые построятъ себѣ каменные дома". Около того же времени аналогичное распоряженіе было сдѣлано и по Динабургу, а въ 1812 году послѣдовалъ Высочайшій указъ по Динабургу и Бобруйску, между прочимъ гласившій: „Евреямъ же внутри крѣпостей ни жилыхъ, ни нежилыхъ зданій строить не позволять". Съ теченіемъ времени обнаружилось, что въ Бобруйскѣ жители „почти всѣ суть евреи", что строить каменные дома согласились только четыре человѣка, да и тѣмъ осуществить это намѣреніе не позволяетъ полиція, запрещающая евреямъ, на основаніи указа 1812 года, возводить въ Бобруйскѣ, какъ и въ Динабургѣ, даже каменные дома.

Первою въ этомъ отношеніи мѣрою Николая Павловича—генералъ-инспектора было сношеніе съ подлежащими властями о томъ, чтобы городничіе не вмѣшивались въ распорядки внутри крѣпостей. Затѣмъ, принимая во вниманіе, съ одной стороны, что окончательное удаленіе изъ крѣпостей всѣхъ мирныхъ обывателей невыгодно, а съ другой, что разрѣшеніе имъ устраиваться внутри оборонительныхъ оградъ хотя бы и въ каменныхъ зданіяхъ, но гдѣ попало и какъ придется, также не отвѣчаетъ интересамъ крѣпостей, Великій Князь приказалъ назначить въ крѣпостяхъ для обывательскихъ построекъ особые кварталы и допускать жителей къ возведенію домовъ только по планамъ и фасадамъ, признаннымъ военною властью вполнѣ удовлетворительными. Впослѣдствіи такіе планы и фасады даже подлежали утвержденію Высочайшею властью.

Въ современныхъ документахъ между прочимъ находимъ, что въ маѣ 1820 года, въ бытность Великаго

Князя въ Динабургѣ, строитель крѣпости, полковникъ Клименко, представилъ Его Высочеству фасадъ дома, который желалъ построить внутри крѣпости крестьянинъ Андреяновъ. Николай Павловичъ этотъ фасадъ одобрилъ и приказалъ строителю впредь представлять ему проектные фасады и планы всѣхъ обывателей, кои захотятъ строиться въ крѣпости, „и если оные будутъ нуждаться деньгами, позволилъ войти съ представленіемъ для испрошенія у Государя Императора имъ на то пособія“. Такое позволеніе, конечно, тотчасъ же послужило основаніемъ къ ряду ходатайствъ, и уже въ іюлѣ того года генералъ-инспекторъ представлялъ начальнику главнаго штаба Его Величества: „Дабы способствовать, сколь возможно, къ скорѣйшему застроенію и населенію внутренности Динабургской крѣпости, *черезъ что выиграть должно и производство самыхъ крѣпостныхъ работъ* испрашивалъ я у Государя Императора словесно соизволеніе, дабы тѣмъ изъ обывателей, которые предпринимаютъ постройку каменныхъ въ крѣпости домовъ, оказываема была помощь дачею заимообразно денегъ, съ распредѣленіемъ на нѣсколько лѣтъ взноса оныхъ въ казну; на что и угодно было Его Императорскому Величеству дать свое обѣщаніе“. А такъ какъ уже поступило три прошенія, коими на означенную надобность испрашивается ссуда въ 20.000 руб. на 10 лѣтъ, то Великій Князь и просилъ князя Волконскаго доложить о томъ Императору. На выдачу ссудъ Высочайшее разрѣшеніе послѣдовало съ тѣмъ, чтобы необходимая сумма была испрошена, сверхъ нормы, по инженерной смѣтѣ и чтобы впослѣдствіи взносы плательщиковъ ту же смѣту соотвѣтственно уменьшали. Въ томъ же году и, надо полагать, по поводу одного изъ помянутыхъ прошеній, Великому Князю потребовался планъ и фасадъ дома просителя и онъ приказалъ Опперману доставить таковой. Опперманъ доложилъ, что инженерное вѣдомство только отводитъ мѣста подъ постройки и слѣдитъ, чтобы дома удовлетворяли поставленнымъ требованіямъ; чертежей же обыватель-

скихъ домовъ въ департаментѣ не имѣется. Тогда Николай Павловичъ приказалъ: „Отнынѣ впредь, по мѣрѣ строенія новыхъ партикулярныхъ домовъ въ крѣпостяхъ Бобруйскѣ и Динабургѣ, планы и фасады оныхъ доставлять, черезъ инженерный департаментъ, ко мнѣ на утвержденіе“.

Общая мысль объ оставленіи внутри крѣпостей части обывателей проводилась затѣмъ довольно послѣдовательно и, кажется, единственнымъ въ этомъ отношеніи исключеніемъ явился Брестъ-Литовскъ, въ которомъ, по особымъ условіямъ обороны, было приказано вывести на форштаты рѣшительно всѣхъ обывателей. Но и по Бресту эта мѣра полностью осуществлена не была. Въ декабрѣ 1844 года князь Варшавскій докладывалъ, что изъ Брестъ-Литовской крѣпости обыватели выселяются, ихъ дома деревянные ломаются, а каменные отчуждаются въ казну; однако, эта мѣра приводитъ къ тому, что въ крѣпости упразднена торговля предметами первой необходимости, а такое упраздненіе для гарнизона крайне невыгодно, ибо повседневныя отлучки служащихъ на форштаты за покупками вредно отражаются на порядкѣ службы. Князь ходатайствовалъ о безотлагательномъ пріобрѣтеніи въ казну двухъ-трехъ подходящихъ каменныхъ домовъ, изъ числа расположенныхъ въ крѣпости, для отвода въ нихъ помѣщеній торговцамъ, и Государь это ходатайство уважилъ съ тѣмъ, чтобы торговцы не заводили только шинковъ *).

Фактическое выселеніе обывателей изъ крѣпостей на форштаты началось въ 1818 году въ Бобруйскѣ и въ слѣдующемъ году въ Динабургѣ. Имѣется свѣдѣніе, что весною 1819 года въ послѣдней крѣпости Николай Павловичъ лично избралъ мѣста для двухъ форшта-

*) З, № 80—1819, 5, 6, 17, 19, 20; № 25—1821, 1—4, 17; № 116—1828, 71—79; И, № 1—1819, 76, 104, 171, 180, 188, 201; № 8—1819, 1, 2; № 4—1820, 1; № 1—1827, 3, № 41—1831, 2; I, № 58—1842, 1—3, 12; № 110—1846, 6—10; К, № 4—1845, 1, 2, 15; Ф, № 105—1835, 1, 2; Приказъ № 25—1844, П. П. С. З., № 18.104.

товъ: одного—выше крѣпости по Двинѣ, другого—на островѣ по рѣчкѣ Шуницѣ; но этотъ выборъ, хотя и былъ утвержденъ Верховною властью, оказался затѣмъ не вполнѣ удачнымъ, въ чемъ убѣдился самъ Великій Князь, переизбравшій мѣста въ 1824 году. Затѣмъ, форштаты были распланированы по указаніямъ Великаго же Князя; Его Высочествомъ была установлена и очередь застройки кварталовъ. Вообще, устройство форштатовъ въ Динабургѣ и Бобруйскѣ, а затѣмъ и въ другихъ крѣпостяхъ, въ особенности въ Брестѣ и Кіевѣ, производилось подъ непосредственнымъ руководствомъ Великаго Князя и Императора Николая.

Такъ какъ на форштаты приходилось выселять преимущественно бѣдноту, то значительному числу выселяемыхъ предоставлялись различныя льготы, до вознагражденія за переходъ на новое мѣсто включительно.

Въ мартѣ 1818 года ходатайство о вознагражденіи за переносъ на форштаты деревянныхъ строеній возбудили жители Бобруйска. Николай Павловичъ затребовалъ заключеніе отъ директора инженернаго департамента. Оппермамъ отозвался, что такъ какъ дома, вновь возводимые на крѣпостныхъ форштатахъ, подлежатъ освобожденію на 10 лѣтъ отъ постоя, то вознагражденіе за переносъ обязательнымъ не представляется. Однако, принимая во вниманіе, что изъ 121 дома, предназначенныхъ къ сломкѣ, 53 принадлежатъ совершенно бѣднымъ евреямъ, а просятъ они вознагражденія не болѣе 130 руб. на домъ, то, „какъ по незначительности сей суммы, такъ и потому, что жители Бобруйска дѣйствительно съ 1812 года много терпѣли какъ во время четырехмѣсячной блокады, такъ и послѣ отъ большого постоя“, представлялось бы справедливымъ этимъ 53 обывателямъ просимое вознагражденіе выдать; имъ же, какъ и всѣмъ прочимъ, кромѣ чиновниковъ, слѣдовало бы позволить воспользоваться безденежно изъ городского лѣса бревнами и жердями, необходимыми для новыхъ зданій въ добавокъ къ матеріалу, имѣющемуся получиться отъ раз-

борки зданій старыхъ. Что же касается чиновниковъ, подлежащихъ выселенію, то у нихъ Опперманъ предполагалъ зданія купить „за умѣренную оцѣнку“, такъ какъ чиновничьи дома еще вполнѣ хороши и могутъ потребоваться для нуждъ гарнизона. Николай Павловичъ съ мнѣніемъ Оппермана, за исключеніемъ вопроса о чиновникахъ, согласился, а соотвѣтственное по этому предмету ходатайство было утверждено Высочайше.

Въ началѣ 1825 года Николай Павловичъ писалъ бѣлорусскому генералъ-губернатору, князю Хованскому: „Имѣя отъ Государя Императора порученіе наблюдать за устройствомъ динабургскихъ форштатовъ, осмотрѣлъ я ихъ подробно въ бытность мою въ Динабургѣ въ прошломъ году и нашелъ, что нынѣ существующій малый форштатъ расположенъ на мѣстѣ совершенно неудобномъ и необходимо долженъ быть перенесенъ на другое, выгоднѣйшее, ибо ежегодное полноводіе потопляетъ всю мѣстность у подошвы высоты, на которой часть онаго построена, наводняетъ огороды и даже часть высоты, которая при томъ, по близости отъ крѣпости, имѣетъ быть срыта и обращена въ гласисъ. Сверхъ того, самая разбивка форштата сдѣлана вопреки здраваго разсудка: цѣлые кварталы возведены на низкихъ болотистыхъ мѣстахъ и многія улицы проведены, безъ разбору, сквозь озеро Шуницы. Сообразивъ всѣ сіи обстоятельства, а въ особенности существующую необходимость снесть часть сказаннаго форштата, подъ гласисъ подходящую, убѣдился я, по внимательномъ обозрѣніи всего мѣстоположенія около Динабурга, что существуетъ одинъ только способъ привесть сей форштатъ въ надлежащее положеніе, съ порядкомъ и выгодою сопряженное, избѣгая всѣ здѣсь оговоренныя неудобства, а именно: перенесть оный весь на то мѣсто, которое до нынѣ назначено подъ такъ называемый большой форштатъ. Мѣсто сіе высоко, чисто, спланировано войсками, на ономъ лагеремъ стоявшими, и, по отдаленности отъ крѣпости, дозволяетъ заложить каменные

фундаменты и даже цѣлыя каменныя зданія; почему и считаю, что оно удобно можетъ быть отдано не только обывателямъ, изъ форштатотъ переносящимся, но и подъ предполагаемый будущій городъ. Дабы жители малаго форштата, по большей части бѣдные, отъ перенесенія домовъ своихъ не потерпѣли бы ущерба" Великій Князь вошелъ съ особымъ всеподданнѣйшимъ представленіемъ. По представленію этому, Государь „соизволилъ, для пособія обывателямъ бѣднаго состоянія, долженствующимъ переносить дома свои на вновь назначенныя мѣста и отстроить ихъ по даннымъ планамъ и фасадамъ, выдать отъ казны, заимообразно на 10 лѣтъ, безъ платежа процентовъ: для Динабурга—50.000 руб., а для Бобруйска—100.000 руб."; наблюденіе же затѣмъ, чтобы пособія выдавались „дѣйствительно неимущимъ" и чтобы деньги расходовались по назначенію, „повелѣно возложить на полную и непосредственную отвѣтственность строительныхъ комитетовъ обѣихъ крѣпостей"; переселяемымъ отпускать также, въ мѣрѣ потребности и безвозмездно, казенный лѣсъ, а новые дома освободить на 5 лѣтъ отъ постоя. И несмотря на Высочайшее возложеніе распредѣленія пособій непосредственно на строительные комитеты, Николай Павловичъ все же требовалъ, чтобы это дѣло проходило черезъ его руки. А насколько Великій Князь относился внимательно къ предположеніямъ мѣстнаго начальства, видно хотя бы изъ такой его резолюціи на одномъ изъ представленій: „Евреямъ, кои просятъ лѣсу, показаннымъ въ прилагаемой при семъ выпискѣ, отпустить. Послѣднему же отпустить въ такомъ только случаѣ, если за него поручатся. Вообще, обязать подпискою каждаго, что выстроитъ прочно, по данному фасаду, за чѣмъ строго смотрѣть комитету". По вступленіи же на престолъ, Николай Павловичъ, въ февралѣ 1826 года, преподалъ особую, весьма подробную, инструкцію для выдачи разсматриваемыхъ пособій.

Упраздненіе малаго форштата было произведено въ Динабургской крѣпости постепенно и притомъ въ весьма

продолжительный срокъ, изъ чего можно заключить, что крутыхъ принудительныхъ мѣръ къ выдворенію оттуда обывателей не примѣнялось. Остатки этого форштата существовали чуть ли не до конца царствованія Императора Николая. Въ концѣ 1844 года, по ходатайству динабурскаго городского головы о выдачѣ ссудъ 30 обывателямъ для отстройки на маломъ форштатѣ лавокъ, сгорѣвшихъ во время большого пожара, бывшаго 29 февраля того года, Государь повелѣлъ выдать погорѣльцамъ одну четвертую часть показаннаго каждымъ убытка, выдать безъ процентовъ и на 10 лѣтъ, но съ тѣмъ, чтобы строились они вновь уже не на маломъ, а на большомъ форштатѣ. Между тѣмъ, оказалось, что въ теченіе лѣта жители уже возобновили свои лавки на старыхъ мѣстахъ, при чемъ объ этомъ было донесено въ Петербургъ уже послѣ выдачи ссудъ. Когда же о томъ доложили Его Величеству, то, во вниманіе къ бѣдности жителей, было повелѣно—лавки оставить на мѣстѣ, но при условіи, чтобы впредь ихъ не возобновлять и не поддерживать, а когда придутъ въ ветхость, снести безъ всякаго вознагражденія.

Слѣдуетъ замѣтить, что вообще, при выселеніи обывателей изъ крѣпостей, Императоръ всегда стремился сдѣлать эту мѣру возможно менѣе для выселяемыхъ стѣснительной, а въ новыхъ поселкахъ, форштатахъ, устроить жителей съ достаточными удобствами. Такъ, въ 1829 году, осмотрѣвъ существующіе у Бобруйска три форштата—Парицкій, Слуцкій и Минскій—Николай Павловичъ убѣдился, что на первомъ изъ названныхъ форштатовъ обывательскихъ строеній весьма мало да и тѣ совершенно ветхи, а между тѣмъ этотъ раіонъ является чуть ли не единственно удобнымъ для постройки бараковъ войскамъ, привлеченнымъ къ работамъ по крѣпости. Рѣшивъ Парицкій форштатъ обратить именно подъ сказанные бараки, Его Величество повелѣлъ форштатъ уничтожить, годныя строенія перенести на форштаты Слуцкій и Минскій, а обывателямъ, за переносъ

и сносъ зданій, уплатить по оцѣнкѣ, именно 21.000 руб. Вознагражденіе это было признано столь щедрымъ, что Михаилъ Павловичъ полагалъ обязать обывателей, кромѣ переноса и сноса зданій, еще и выровнять мѣста подъ ними для большаго удобства возведенія войсковыхъ бараковъ. Однако, Его Величество признялъ такую мѣру излишнимъ обремененіемъ обывателей, ходатайство Великаго Князя отклонилъ и указалъ, что планировка мѣстности можетъ быть произведена безъ затрудненій при постройкѣ бараковъ.

Подтвержденіемъ постояннаго стремленія Государя— устраивать на форштатахъ обывателей съ достаточными удобствами—можетъ служить и тотъ характерный фактъ, что жители Брестъ-Литовска, выселенные изъ крѣпости на форштатъ и имѣвшіе въ городѣ собственныя земли, освѣдомившись въ 1848 году о томъ, что за такія земли имъ предположено выдать вознагражденія, заявили о своемъ нежеланіи получить таковыя и просили, взамѣнъ этого, дать имъ въ собственность тѣ земельные участки, какіе были имъ отведены на форштатахъ да еще съ обязательствомъ уплатить казнѣ цѣны, по которымъ эти участки были пріобрѣтены ею фактически. Государь согласился.

Въ заключеніе этого отдѣла замѣчу, что даже въ тѣхъ случаяхъ, когда обстановка складывалась по стихійнымъ причинамъ къ выгодѣ казны, такою выгодою пользовались не всегда. Напримѣръ, въ 1841 году въ Кіевѣ истребило пожаромъ цѣлый рядъ обывательскихъ зданій, преднамѣченныхъ къ отчужденію подъ крѣпостную эспланаду. Мѣстная власть донесла объ этомъ, какъ о случаѣ, устранившемъ необходимость отчужденія. Но Императоръ, „входя въ положеніе обывателей, потерпѣвшихъ отъ пожара“, приказалъ кіевскому генералъ-губернатору войти въ соображеніе „о нужномъ для нихъ пособіи, если не въ той мѣрѣ, въ какой они получили бы вознагражденіе, если бы строенія ихъ остались отъ пожара цѣлыми, то въ необходимой по состоянію ихъ“,

съ отводомъ имъ новыхъ земельныхъ участковъ въ той части города, гдѣ находится университетъ. Когда же съ мѣста было получено представленіе о выдачѣ погорѣльцамъ двухъ третей причитавшагося имъ вознагражденія, Государь повелѣлъ представленіе это внести на утвержденіе комитета министровъ. Комитетъ постановилъ проектированную мѣру привести въ исполненіе, но съ оговоркою, что обыватели получаютъ вознагражденіе не по праву, а по „Монаршему милосердію".

---

*) З, № 38—1821, 16, 17; № 121—1832, 6—8, 17, 41; И, № 19—1818, 18, 19, 22; I, № 5—1845, 1, 85—90; К, № 103—1841, 1—5. 12; № 55—1844, 8; № 158—1846, 28, 29; Ф, № 65—1829, 1, 14. 16, Приказъ № 25—1844.

ГЛАВА VIII.

Организація работъ по устройству крѣпостей и степень участія въ этомъ дѣлѣ Николая Павловича. Урегулированіе взаимоотношеній между комендантами крѣпостей и строительной администраціей, „Главныя правила“ 1821 года. Крѣпостные строительные комитеты. Наставленія имъ. Организація въ крѣпостяхъ рабочей силы. Военно—рабочія роты. Ихъ устройство, комплектованіе и служба. Экономическое значеніе военно-рабочихъ. Мѣры къ улучшенію контингента ротъ. Крѣпостные арестанты. Уничтоженіе двойственности власти надъ ними. Организація арестантскихъ ротъ и положеніе о нихъ. Привлеченіе къ крѣпостнымъ работамъ саперъ и пѣхоты. Отряды Динабургскій и Бобруйскій. Наставленіе генералъ-инспектора. Работы войскъ въ другихъ крѣпостяхъ. Инструкція о взаимоотношеніяхъ начальствъ войскового и инженернаго. Зарабочая плата. Эпизодъ по работамъ въ Севастополѣ. Производство крѣпостныхъ работъ плѣнными турками, мѣстными жителями и голодающими крестьянами. Сдача работъ съ торговъ. Распространенность подряднаго способа по западнымъ крѣпостямъ. Неудача оптовыхъ заподрядовъ въ иныхъ мѣстахъ. Мнѣніе Дена о подрядчикахъ—евреяхъ. Хозяйственныя мѣропріятія для успѣшности крѣпостныхъ работъ. Благовременная заготовка матеріаловъ. Кирпичные и другіе казенные заводы. Механическія передвижныя средства; телѣжка Мачульскаго, желѣзная дорога Пальмера, канатныя дороги и проч.

Непосредственно по назначеніи на должность генералъ-инспектора по инженерной части, Николай Павловичъ, изучая фактическое положеніе крѣпостного строительства, обнаружилъ цѣлый рядъ недочетовъ въ этомъ дѣлѣ, истекавшихъ изъ недостатка регламентаціи дѣятельности и взаимоотношеній мѣстныхъ крѣпостныхъ органовъ. Чуть ли не прежде всего вниманіе Великаго Князя обратилось на отношенія къ строительствамъ комендантовъ крѣпостей, являвшія зачастую всѣ признаки вмѣшательства въ инженерную часть не по праву, сверхъ потребности и даже во вредъ дѣлу. По крайней мѣрѣ, таковъ былъ взглядъ новаго генералъ-инспектора. Уже въ февралѣ 1818 года до Николая Павловича дошла

жалоба провинціальныхъ военныхъ властей на командира тираспольской инженерной команды, подполковника Королькова, не исполнившаго приказаніе о производствѣ работъ по крѣпости, на томъ, по мнѣнію генералъ-инспектора, вполнѣ правильномъ основаніи, что работы эти не были разрѣшены къ производству инженернымъ департаментомъ. Вскорѣ пришлось столкнуться съ недоразумѣніемъ между командиромъ бендерской инженерной команды и комендантомъ крѣпости, который „вмѣшивается въ командныя распоряженія по строительной и хозяйственной частямъ, присваиваетъ себѣ право провѣрять отчетность и т. п.“. Приходили болѣе или менѣе близкія къ приведеннымъ свѣдѣнія и изъ другихъ крѣпостей. Все это заставало Николая Павловича безъ промедленія издать соотвѣтствующую инструкцію комендантамъ. Инструкція, по директивамъ Великаго Князя, была составлена въ инженерномъ департаментѣ, утверждена Его Высочествомъ 23 декабря 1818 года и опредѣлила слѣдующія взаимоотношенія между комендантомъ и крѣпостнымъ инженернымъ начальствомъ.

Комендантъ избираетъ мѣсто для храненія денежныхъ суммъ инженернаго вѣдомства, приставляетъ къ денежному ящику караулъ и за сохранность капитала „состоитъ въ особой отвѣтственности“; самый ящикъ опечатывается двумя печатями: коменданта и командира инженерной команды. Комендантъ вѣдаетъ пожарными инструментами, хотя бы заведенными и распоряженіемъ инженернаго вѣдомства. Онъ слѣдитъ, чтобы крѣпостныя зданія не портились квартирующими въ нихъ; при обнаруженіи порчи взыскиваетъ съ виновныхъ и предлагаетъ инженерной командѣ произвести необходимыя исправленія. Всѣ прочія строительныя работы производятся не иначе какъ по проектамъ, утвержденнымъ инженернымъ департаментомъ; необходимыя для нихъ наличныя покупки, наемъ рабочихъ и мастеровыхъ или сдача работъ въ заподрядъ производится по цѣнамъ, утвержденнымъ комендантомъ, при чемъ соблюденіе выгодъ казны ле-

жить на комендантѣ обще съ командиромъ инженерной команды. Тотъ же порядокъ распространяется и на случаи продажи казеннаго имущества. Комендантъ обязанъ присутствовать и на всѣхъ торгахъ. Онъ долженъ оказывать „всякое законное вспоможеніе“ при производствѣ работъ; если же усмотритъ въ производимыхъ работахъ что либо „неполезное“, то, не дѣлая своею властью никакихъ распоряженій, доноситъ о томъ инженерному департаменту. Комендантъ, купно съ командиромъ инженерной команды, свидѣтельствуетъ ежемѣсячно произведенные расходы и наличіе штатныхъ суммъ, а въ концѣ года и наличіе оставшихся отъ работъ матеріаловъ. О поврежденіяхъ и „ветхостяхъ“ въ крѣпостныхъ веркахъ представляетъ на усмотрѣніе инженернаго департамента. Инструкція заканчивалась указаніемъ, что если въ крѣпости учреждается строительный комитетъ, то изложенныя выше обязанности коменданта по хозяйственной части съ него слагаются и возлагаются полностью на комитетъ.

Почти одновременно съ разработкою инструкціи комендантамъ, Николай Павловичъ задумалъ составить особый „уставъ“ о службѣ военныхъ инженеровъ, центромъ тяжести котораго явилось бы опредѣленіе порядка производства крѣпостныхъ работъ. Для этого Великій Князь прежде всего затребовалъ отъ всѣхъ командировъ инженерныхъ округовъ представленія соотвѣтственныхъ проектовъ, что и было исполнено. Масса полученнаго съ мѣста бумажнаго матеріала, а также составленіе проектовъ въ большинствѣ безъ системы и въ крайне расплывчатомъ изложеніи, побудили Великаго Князя передать переписку въ инженерный департаментъ съ приказаніемъ составить краткій, но по возможности полный „экстрактъ“. Представленный экстрактъ былъ Его Высочествомъ разсмотрѣнъ и уснащенъ различными замѣчаніями, послѣ чего генералъ-инспекторъ далъ Опперману директивы для составленія „главныхъ правилъ“ для дѣятельности мѣстныхъ инженерныхъ органовъ.

„Главныя правила“ были Великимъ Княземъ утверждены 17 августа 1821 года. О существѣ ихъ уже пришлось говорить въ первой главѣ настоящаго очерка.

Вникая попутно и въ детали постановки строительнаго дѣла въ крѣпостяхъ, генералъ-инспекторъ обнаружилъ и тутъ не мало недостатковъ, обусловливавшихся отсутствіемъ на мѣстахъ достаточно компетентныхъ органовъ, облеченныхъ извѣстными полномочіями по частямъ искусственной и хозяйственной. Для устраненія же такого положенія вещей, Его Высочество рѣшилъ организовать въ крѣпостяхъ съ большими работами, помимо органа командира инженерной команды, еще и органъ строителя со строительнымъ при немъ комитетомъ.

До вступленія Николая Павловича въ должность генералъ-инспектора, существовалъ только одинъ крѣпостной строительный комитетъ, именно динабургскій, учрежденный еще въ 1816 году; но и этотъ комитетъ былъ вкорень преобразованъ въ 1819 году. Его составъ этого года: предсѣдатель—комендантъ, члены—строитель, командиръ инженерной команды и одинъ „изъ опытныхъ и благонадежныхъ гражданскихъ чиновниковъ штабъ-офицерскаго чина и, если возможно, изъ тамошнихъ, хорошо извѣстныхъ главному мѣстному начальству помѣщиковъ“. Затѣмъ, въ сентябрѣ 1823 года Великій Князь сообщилъ начальнику главнаго штаба, генералъ-адъютанту барону Дибичу, что Императоръ, по представленію Его Высочества, соизволилъ на учрежденіе, для успѣшности работъ, строительнаго комитета въ Бобруйскѣ съ тѣмъ, чтобы предсѣдателемъ былъ комендантъ, а членами—строитель и „два еще штабъ-офицера, одинъ военнаго министерства, буде таковой совершенно *благонадежный* (курс. подл.) найденъ будетъ, а не то, такъ оба изъ инженерныхъ штабъ-офицеровъ“. Комендантамъ динабургскому и бобруйскому было преподано Великимъ Княземъ особое наставленіе, сущность коего такова: Комитетъ имѣетъ попеченіе и несетъ отвѣтствен-

ность за своевременность найма рабочихъ и пріобрѣтенія матеріаловъ и запасовъ; хранитъ послѣдніе въ приличныхъ и безопасныхъ мѣстахъ; прилагаетъ бдительное и безпрерывное стараніе къ достиженію выгодности цѣнъ, подлежащихъ утвержденію инженернымъ департаментомъ, послѣ чего заключаетъ „законныя обязательства съ частными людьми“; озабочивается устройствомъ казенныхъ кирпичныхъ и известковыхъ заводовъ. По хозяйственной части строитель не имѣетъ права дѣлать никакихъ распоряженій безъ вѣдома и согласія комитета. Рѣшенія послѣдняго приводятся въ исполненіе по большинству голосовъ, а всѣ отдѣльныя мнѣнія представляются въ инженерный департаментъ. Въ комитетѣ ведутся журналы, какъ денежные, такъ и матеріальные. При комитетѣ состоятъ: одинъ дѣлопроизводитель по искусственной части и два по хозяйственной. Дѣлопроизводство и отвѣтственность комитета регламентированы столь подробно, что почвы для недоразумѣній и для треній между отдѣльными его членами не оставалось никакой.

Опытъ по Динабургу и по Бобруйску, лично, многократно и подробно провѣренный самимъ Николаемъ Павловичемъ, указалъ на полную удачность принятой мѣры. Это послужило къ тому, что впослѣдствіи строители и строительные комитеты были учреждены во всѣхъ вновь устраивавшихся или капитально перестраивавшихся крѣпостяхъ.

Для характеристики позднѣйшихъ составовъ и функцій комитетовъ, привожу данныя по двумъ изъ нихъ, организованнымъ въ 1832 году въ Кіевѣ и въ Варшавѣ. Въ кіевскомъ комитетѣ должны были состоять: комендантъ, строитель, членъ по экономической части (чиновникъ), командиръ инженернаго округа во время его нахожденія въ Кіевѣ, секретарь, казначей и нѣсколько писцовъ. Предсѣдательствовалъ въ немъ старшій изъ военныхъ чиновъ. Строитель управлялъ искусственною частью. Членъ по экономической части слѣдилъ за законностью дѣлопроизводства и сдачи работъ съ подрядовъ; „въ особен-

ности—читаемъ въ инструкціи—онъ долженъ быть извѣстенъ о всѣхъ мѣстныхъ средствахъ и изыскивать выгоднѣйшіе способы на полученіе въ свое время матеріаловъ, припасовъ и инструментовъ, также вольныхъ мастеровыхъ и рабочихъ людей, потребныхъ для безостановочнаго хода работъ". Въ составъ варшавскаго комитета входили: командиръ инженернаго округа, когда онъ былъ въ Варшавѣ, комендантъ города или цитадели, строитель, польскій гражданскій чиновникъ, секретарь, два переводчика (они же писцы на польскомъ языкѣ), казначей и четыре писаря. Впослѣдствіи, именно въ 1834 году, въ кіевскій строительный комитетъ былъ назначенъ, въ качествѣ „присутствовавшаго", также и мѣстный губернскій прокуроръ.

Главной задачей строительныхъ комитетовъ, какъ цѣлокупныхъ органовъ, являлась организація крѣпостныхъ работъ исключительно въ хозяйственномъ отношеніи; часть же искусственная лежала полностью на строителѣ; за нее отвѣчалъ только онъ одинъ. Это подтверждается хотя бы тѣмъ, что вскорѣ послѣ организаціи строительнаго комитета въ Модлинѣ (Новогеоргіевскѣ), князь Варшавскій вошелъ со всеподданнѣйшимъ ходатайствомъ, чтобы комитетъ этотъ былъ упраздненъ, чтобы чины его, кромѣ строителя были переведены въ Варшаву и чтобы при варшавскомъ строительномъ комитетѣ было образовано модлинское отдѣленіе, при чемъ соотвѣтственность такой мѣры поянялась тѣмъ, что въ Модлинѣ нѣтъ ни рабочихъ, ни подрядчиковъ и что всѣ торги по Модлину, всѣ наймы и закупки приходится производить въ Варшавѣ. На ходатайство это Государь соизволилъ.

При организаціи новыхъ крѣпостныхъ строительствъ, Николай Павловичъ постоянно озабочивался тѣмъ, чтобы строители назначались изъ числа офицеровъ, уже служившихъ ранѣе въ крѣпостяхъ, гдѣ дѣйствовали строительства же. Этимъ преслѣдовалась цѣль, чтобы дѣятельность комитетовъ налаживалась быстрѣе и складнѣе,

чтобы въ нихъ находились уже опытные люди. Когда же сказанную мѣру провести почему либо оказывалось невозможнымъ, дѣлались особыя, споспѣшествовавшія дѣлу распоряженія и чаще всего къ новымъ комитетамъ прикомандировывались опытныя лица, хотя бы на время, или организація хозяйственныхъ операцій въ первое время возлагалась на бывшихъ строителей другихъ крѣпостей. При организаціи строительнаго комитета въ Кіевѣ, Государь направилъ туда самого директора инженернаго департамента, генерала Клименка, долгое время бывшаго строителемъ въ Динабургѣ, и возложилъ на него устройство новаго комитета именно въ смыслѣ налаженія дѣла *).

Текущія и такъ сказать ближайшія потребности крѣпостей въ рабочихъ рукахъ удовлетворялись при Николаѣ Павловичѣ личнымъ составомъ военно-рабочихъ и крѣпостныхъ арестантскихъ ротъ. Кромѣ того, въ крѣпостяхъ работали саперы и пѣхотныя части, а также вольные рабочіе и мастера.

До 1818 года въ нашихъ крѣпостяхъ хотя и имѣлись казенные рабочіе, мастера и фурлейты (обозные), но, во первыхъ, ихъ было слишкомъ мало, а во-вторыхъ, эта часть не имѣла никакой сколько-нибудь стройной организаціи. Николай Павловичъ, вскорѣ по вступленіи въ должность генералъ-инспектора, нашелъ необходимымъ упорядочить и это дѣло. По инціативѣ Его Высочества, для работъ инженернаго вѣдомства уже въ 1818 году было приступлено къ формированію особыхъ военно-рабочихъ ротъ, а 21 августа того года получило Высочайшее утвержденіе и положеніе объ этихъ ротахъ.

Согласно сказанному положенію, вмѣсто казенныхъ мастеровыхъ, рабочихъ и фурлейтовъ, было организовано 36 военно-рабочихъ ротъ. Кадромъ для этихъ частей

*) А, № 173—1821, 3—6; № 67—1832, 1, № 70—1832, 1, 26, 27; Г, № 4—1821, 446; Д, № 8—1832, 19, 21, 23—27; З, № 98—1819, 1—5; Ф, № 79—1823, 1, 5—7, 9—12; № 125—1828, 168; Э, № 102—1833, 1, 2; II П. С. З., № 7.543.

послужили двѣ піонерныя роты, состоявшія до того времени при работахъ на Аландѣ, и прежніе казенные рабочіе. Затѣмъ, роты были укомплектованы до штатовъ относительно неспособными къ строевой службѣ, но крѣпкими и здоровыми нижними чинами саперныхъ и піонерныхъ баталіоновъ, наиболѣе благонадежными крѣпостными арестантами, попавшими въ этотъ разрядъ не по суду, а въ дисциплинарномъ порядкѣ, наконецъ, рекрутами. Офицерами въ военно-рабочіе роты назначались преимущественно выслужившіе сроки дѣйствительной службы фельдфебеля и унтеръ-офицеры I класса инженерныхъ войскъ, кои въ дальнѣйшей своей службѣ не могли быть переводимы въ инженерный корпусъ и имѣли свою собственную линію производства. При крѣпостныхъ инженерныхъ командахъ I класса полагалось имѣть постоянно по одной военно-рабочей ротѣ, а II класса—по полуротѣ; остальныя же роты распредѣлялись по усмотрѣнію генералъ-инспектора. Тогда же для работъ нижнихъ чиновъ были установлены опредѣленные уроки и введено правило, по которому люди, исполнившіе сверхурочную работу, получали за таковую плату наравнѣ съ вольнонаемными рабочими.

Какъ число военно-рабочихъ ротъ, такъ и распредѣленіе ихъ по крѣпостямъ съ теченіемъ времени неоднократно измѣнялись. Для новыхъ крѣпостей формировались новыя роты; въ крѣпостяхъ существовавшихъ и ко времени опубликованія положенія 1818 года, количество военно-рабочихъ видоизмѣнялось въ зависимости отъ интенсивности крѣпостныхъ работъ. Такъ, въ 1827 году въ Динабургской и Бобруйской крѣпостяхъ состояло по шести военно-рабочихъ работъ, а къ 1833 году всѣхъ ротъ имѣлось 43, общею численностью въ 5.399 человѣкъ. По мѣрѣ отстройки крѣпостей и развитія въ нѣкоторыхъ изъ нихъ подряднаго способа производства работъ, нѣкоторыя роты упразднялись. Въ 1841 году состояло на лицо только 38 военно-рабочихъ ротъ, при чемъ въ это число входили три роты, числившіяся при двухъ осад-

ныхъ и при одномъ полевомъ инженерныхъ паркахъ, и одна рота, находившаяся при Зимнемъ дворцѣ. Въ февралѣ же 1842 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе распредѣлить роты по крѣпостямъ въ мѣрѣ дѣйствительной надобности—гдѣ роту, гдѣ полуроту и до одной восьмой роты, а остальныя упразднить. Къ 1844 году оставалось военно-рабочихъ ротъ всего 25.

Непосредственно послѣ организаціи военно-рабочихъ ротъ, Николай Павловичъ началъ настойчиво требовать, чтобы въ ихъ средѣ образовывалось достаточное количество искусныхъ мастеровыхъ; принималъ къ этому нѣкоторыя мѣры и лично. Такъ, въ 1820 году приказалъ выписать изъ Голландіи партіи мастеровъ каменнаго и кирпичнаго дѣла въ качествѣ инструкторовъ для военно-рабочихъ въ Динабургѣ и Бобруйскѣ. Попутно озабочивался и тѣмъ, чтобы число мастеровъ вольнонаемныхъ въ крѣпостяхъ сокращалось до возможнаго минимума. Впрочемъ, благопріятныхъ результатовъ въ послѣднемъ направленіи по началу достигнуто не было.

На содержаніе штатныхъ мастеровъ при военно-рабочихъ ротахъ инженерному департаменту отпускалась по смѣтѣ опредѣленная сумма, именно въ 30.652 руб. въ годъ. Въ концѣ 1828 года департаментъ, черезъ военнаго министра, вошелъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ о недостаточности сказанной суммы, указывая, что въ томъ году на наемъ вольныхъ мастеровъ передержали 9.228 руб. и что въ 1829 году ожидается примѣрно такая же передержка. На докладѣ Императоръ положилъ резолюцію: „Представить справку: отчего инженерный департаментъ, коему дозволено было употреблять только остатки штатной суммы отъ некомплекта мастеровыхъ на наемъ мастеровъ вольныхъ, вышелъ изъ сего назначенія, издержавъ на сей предметъ въ 1828 году болѣе 9 тыс. руб. и полагая употребить столько же въ текущемъ году изъ суммы посторонней? Сверхъ того, объяснить, сколько въ прежніе годы, до 1828, ежегодно было издерживаемо на наемъ вольныхъ мастеровъ по

инженерному вѣдомству и изъ какихъ именно суммъ?“ На это департаментъ доложилъ, что „при производствѣ обширныхъ по инженерной части въ Кронштадтѣ, Ревелѣ, Динабургѣ и Бобруйскѣ работъ состоятъ вольные мастера для слѣдующихъ двухъ важныхъ причинъ: 1) для искуснаго производства работъ и 2) для обученія нижнихъ чиновъ военно-рабочихъ ротъ разнымъ мастерствамъ“. Затѣмъ, приводилась вѣдомость, изъ которой видно, что вольнымъ мастерамъ въ 1823 году было уплачено около 20.000 руб., послѣ чего расходъ этотъ прогресировалъ и въ 1827 году достигъ суммы въ 36.000 руб., тогда какъ на штатныхъ мастеровъ тратили все время около 8.000 руб. Такъ какъ крѣпостныя работы при Николаѣ Павловичѣ, и въ особенности послѣ вступленія его на престолъ, стали вестись съ несравненно бо́льшею интенсивностью, чѣмъ раньше, и такъ какъ обстоятельство это не могло не вліять на численность абсолютнаго числа мастеровыхъ по всѣмъ крѣпостямъ, Государь приведеннымъ докладомъ удовлетворился и приказалъ недостающую на 1829 годъ сумму отпустить. Однако, и тутъ Его Величество не преминулъ рекомендовать инженерному департаменту замѣщать по возможности должности мастеровъ особо способными казенными чинами военно-рабочихъ ротъ, а вольныхъ мастеровъ нанимать преимущественно изъ числа русскихъ уроженцевъ.

Директива Царя повидимому была принята къ исполненію и завершилась на практикѣ тѣмъ, что цѣлесообразное пользованіе чинами военно-рабочихъ ротъ при производствѣ крѣпостныхъ работъ начало приносить достаточно существенныя выгоды въ экономическомъ отношеніи. Эти выгоды исчислялись весьма подробно, раздробительно и по каждой крѣпости отдѣльно. Пріемъ практиковался довольно сложный, но за то вполнѣ правильный. Опредѣлялось: 1) сколько необходимо на работы рабочихъ, 2) сколько слѣдовало бы уплатить вольнымъ, 3) сколько выдано военно-рабочимъ и 4) во

что обошлись содержаніе, продовольствіе и снабженіе военно-рабочихъ ротъ въ теченіе цѣлаго года; затѣмъ, изъ результата по пункту второму вычитывалась сумма результатовъ по пунктамъ третьему и четвертому и получалась чистая экономія. По такимъ исчисленіямъ, роты доставляли казнѣ ежегодное сбереженіе, превышавшее 200.000 руб., достигшее въ 1833 году 300.000, а 1834—280.000. Объ этихъ результатахъ ежегодно отдавалось въ приказахъ по вѣдомству, редакція коихъ всегда клонилась въ сторону константированія цѣлесообразности организаціи ротъ. Съ теченіемъ времени, польза ротъ столь ясному учету поддаваться перестала и причиною тому послужило распоряженіе Императора объ употребленіи военно-рабочихъ преимущественно для ремонтныхъ работъ, при которыхъ стоимостей единицъ работъ опредѣлять не представлялось возможнымъ.

Относясь къ военно-рабочихъ ротамъ съ заботливостью, столь естественной для иниціатора ихъ организаціи, Николай Павловичъ стремился и къ тому, чтобы личный составъ ротъ былъ по возможности благонадежнымъ. Въ этомъ дѣлѣ сразу же пришлось бороться съ распоряженіями, истекавшими изъ постороннихъ государственныхъ установленій. Не успѣли роты сформироваться, какъ на ихъ комплектованіе стали назначать различныхъ бродягъ. Въ іюлѣ 1820 года Августѣйшій генералъ-инспекторъ заготовилъ представленіе въ комитетъ министровъ о необходимости прекращенія сказаннаго порядка, при чемъ указывалъ, съ одной стороны, на растлевающее вліяніе бродягъ на чиновъ ротъ, а съ другой, на то, что подобные субъекты „чинятъ непомѣрные побѣги". Въ порядкѣ управленія, онъ переслалъ свое представленіе, для дальнѣйшаго движенія, военному министру. Баронъ Меллеръ-Закомельскій, не давъ этому дѣлу хода, сообщилъ Великому Князю, что практикуемая мѣра въ общемъ согласуется съ Высочайшимъ по этому предмету повелѣніемъ, что урегулированіе вопроса о бродягахъ и преступникахъ вообще стоитъ на очереди, что необхо-

димыя для того свѣдѣнія собираются и что затѣмъ комитетъ министровъ будетъ имѣть всестороннее по этому дѣлу сужденіе. Посему военный министръ призналъ представленіе генералъ-инспектора несвоевременнымъ и тѣмъ болѣе потому что комитетомъ „можетъ быть принято заключеніе, не во всемъ сообразное съ тѣми мѣрами, какія“ предлагаетъ Великій Князь. Но Николай Павловичъ на этомъ не успокоился. „По мнѣнію моему—отвѣчалъ онъ барону Закомельскому—бродягъ и преступниковъ въ военно-рабочія роты ни коимъ образомъ опредѣлять не слѣдуетъ, ибо самая служба военно-рабочихъ, занимая часто сихъ людей по-одиночкѣ, отнимаетъ всѣ способы имѣть за ними строгій присмотръ, а негодяямъ даетъ всегдашнюю возможность дѣлать новыя преступленія или по крайней мѣрѣ побѣги. А потому и полагаю, что общаго опредѣленія въ военно-рабочія роты изъ бродягъ и преступниковъ, безъ явнаго вреда службѣ, сдѣлать невозможно, а должно представить, какъ и до сихъ поръ дѣлалось, инженернымъ командирамъ, въ *крѣпостяхъ* (курс. подл.) находящимся, выбирать въ военно-рабочіе тѣхъ изъ крѣпостныхъ арестантовъ, въ надежности и исправленіи коихъ могли удостовѣриться самые инженерные командиры“. Повидимому, настояніе свое Николай Павловичъ провелъ въ жизнь только по вступленіи на престолъ.

Крѣпостные арестанты, сведенные въ команды и роты, существовали еще до вступленія Николая Павловича въ должность генералъ-инспектора. Но и тутъ стройной организаціи не было, и собственно арестантскихъ ротъ инженернаго вѣдомства не существовало до 1833 года. До этого срока, а въ особенности, до 1825 года, по отношенію къ арестантамъ, работавшимъ въ крѣпостяхъ, наблюдалась двойственность власти, рѣзкая невыгодность чего особенно чувствовалась на практикѣ, благодаря тому, что вѣдало ими военное начальство, а преступленія, совершенныя арестантами какъ до прибытія въ крѣпость, такъ и въ бытность на крѣпостныхъ

работахъ, подлежали компетенціи гражданскаго суда. Для поясненія же этого приведу слѣдующій примѣръ.

Лѣтомъ 1825 года въ Кронштадтѣ, въ одной изъ арестантскихъ ротъ, было произведено покушеніе на жизнь фельдфебеля, а затѣмъ сами арестанты, своими показаніями, начали это дѣло умышленно раздувать. По этому поводу Николай Павловичъ писалъ начальнику главнаго штаба: „Арестанты гражданскаго вѣдомства, поступающіе въ крѣпостную работу по приговорамъ судовъ или за бродяжничество. предпочитая заточеніе въ гражданскихъ тюрьмахъ, гдѣ они, во всякое время производства дѣла и собранія справокъ, содержатся въ совершенномъ бездѣйствіи, весьма часто наговариваютъ на себя мнимыя преступленія и злодѣянія, въ надеждѣ, что для изслѣдованія истины ихъ показаній и производства надъ ними суда, будутъ отосланы въ другія мѣста, чѣмъ, избавясь отъ крѣпостной работы, будутъ находиться въ состояніи не столь для нихъ тяжкомъ и въ продолженіи времени найдутъ средства избѣгнуть штрафа. Примѣромъ сего можетъ служить и описанное здѣсь происшествіе. Если по однимъ словамъ ихъ или показаніямъ, сдѣланнымъ при изслѣдованіи проступковъ, учиненныхъ уже въ бытность въ арестантскихъ ротахъ, таковые арестанты, не получивъ должнаго наказанія, будутъ отсылаемы въ подлежащія по ихъ показаніямъ мѣста, то въ арестантскихъ ротахъ не прекратятся никогда покушенія, клонящіяся столько же къ безпрестаннымъ безпорядкамъ, нарушающимъ военную дисциплину, какъ и къ избавленію преступниковъ отъ заслуженнаго наказанія, и тѣмъ самымъ оныя роты не будутъ соотвѣтствовать цѣли ихъ учрежденія“. Во избѣжаніе этого, Великій Князь проектировалъ: если преступленіе совершено уже въ бытность въ ротѣ— виновные подвергаются исключительно военному суду: если показано о совершеніи преступленія до прибытія на крѣпостныя работы—отчислять отъ ротъ не ранѣе полнаго выясненія вѣрности показанія. Мнѣніе Великаго

Князя было Высочайше утверждено имъ самимъ въ январѣ 1826 года.

Коренная реформа крѣпостныхъ арестантскихъ ротъ, какъ сказано, послѣдовала въ 1833 году. 19 ноября того года было Высочайше утверждено положеніе объ арестантскихъ ротахъ *инженернаго вѣдомства*, выработанное по директивамъ самого Царя. Такихъ ротъ было организовано 43 и всѣ онѣ были распредѣлены по различнымъ крѣпостямъ въ мѣрѣ потребности. Комплектовались роты изъ преступниковъ, приговоренныхъ къ крѣпостной работѣ изъ числа военно-служащихъ. Лишь при недостаткѣ таковыхъ для укомплектованія ротъ до штатовъ разрѣшалось зачислять въ нихъ также и бродягъ, и арестантовъ гражданскаго вѣдомства, но не иначе какъ по соглашенію съ инженернымъ начальствомъ. Численность каждой роты была опредѣлена въ 100—140 человѣкъ, при 16 унтеръ-офицерахъ непорочныхъ и 4 офицерахъ. Роты находились въ общемъ завѣдываніи комендантовъ крѣпостей, но въ отношеніи привлеченія ихъ къ работамъ были въ прямой зависимости отъ командировъ инженерныхъ командъ. На работы арестанты выходили съ конвоемъ отъ гарнизона; численность конвоя опредѣлялась—одинъ конвоиръ на десять арестантовъ. Отбывшіе срокъ работъ и хорошо атестованные зачислялись въ военно-рабочія роты. Арестанты, знающіе то или другое мастерство, иногда употреблялись для спеціальныхъ работъ, подъ отвѣтственностью командировъ инженерныхъ командъ; но преимущественно ими пользовались для работъ валовыхъ—земляныхъ и главнымъ образомъ по выдѣлкѣ на казенныхъ заводахъ кирпича. Работали арестанты ежедневно, не исключая праздничныхъ и воскресныхъ дней. Только въ 1851 году Государь повелѣлъ—тѣхъ крѣпостныхъ арестантовъ, которые въ теченіе недѣли работали усердно и свои уроки кончали своевременно, въ воскресенье и праздничные дни на работы не назначать.

Кстати замѣчу, что до 1831 года существовало пра-

вило, по которому въ праздничные дни, безъ особаго Высочайшаго разрѣшенія, воспрещалось производить какія бы то ни было по крѣпостямъ работы людьми непорочными, даже по найму. Только въ іюлѣ этого года послѣдовала отмѣна этого правила: „Какъ въ настоящихъ обстоятельствахъ праздность рабочаго народа обращается ему во вредъ, оставляя свободное время предаваться пьянству и разнымъ непорядкамъ, то, къ отвращенію сего зла, Государь Императоръ повелѣваетъ дозволить желающимъ производить работы и во всѣ дни табельныхъ праздниковъ“ *).

Въ эпоху Николая Павловича, при возведеніи крѣпостей, къ работамъ въ широкомъ размѣрѣ привлекались войска—инженерныя и пѣхотныя части. Въ началѣ инженерной дѣятельности Великаго Князя главная масса саперъ и піонеръ—1-я и 2-я сводныя піонерныя бригады—даже постоянно квартировали: 1-я бригада—въ Динабургѣ, 2-я—въ Бобруйскѣ. Съ приступомъ же въ началѣ тридцатыхъ годовъ къ постройкѣ западныхъ крѣпостей и къ перестройкѣ Кіева саперы переводились и туда. Словомъ, не было такихъ крупныхъ крѣпостныхъ работъ, къ коимъ бы не привлекались инженерныя войска. Такъ, въ 1826 году въ Кронштадтѣ работалъ учебный саперный баталіонъ; въ 1833 году въ Новогеоргіевскѣ—1-й, 3-й и 1-й резервный саперные баталіоны; въ 1834 году тамъ же—1-й, 2-й, 3-й и 1-й резервный; въ 1840 году въ Ивангородѣ—3-й саперный баталіонъ, а въ Новогеоргіевскѣ—2-й; въ 1842—1847 гг. въ Кіевѣ—2-я саперная бригада и т. д.

Распредѣленіе по крѣпостнымъ работамъ какъ саперъ, такъ, и въ особенности, пѣхотныхъ частей производилось ежегодно и самолично Императоромъ. Сообра-

*) А, № 15—1828, 3; Г, № 29—1820, 2, 6; З, № 2—1835, 237—239; И, № 6—1831, 5; К. № 63—1845, 7; Л, № 139—1841, 11, 28, 29; Р, № 38—1851, 1; Ф № 17—1824, 4—8; № 109—1825, 31—35, 45, 46; Приказы, № 68—1827, № 26—1832, № 27—1833, № 30—1834; I П. С. З., № 27.491; II П. С. З., № 6.584; Савельевъ, 135, 160.

женія по этому поводу инженернаго департамента служили Его Величеству только матеріаломъ. Вообще, къ этому дѣлу Николай Павловичъ относился весьма серьезно и вникалъ во всѣ его подробности.

Первый опытъ *систематическаго* примѣненія войскового труда къ постройкѣ крѣпостей былъ санкціонированъ въ 1823 году. По ходатайству Николая Павловича, въ октябрѣ того года къ инженерному корпусу были прикомандированы первыя бригады 2-й и 10-й пѣхотныхъ дивизій для производства крѣпостныхъ работъ: бригадою 2-й дивизіи—въ Динабургѣ, а бригадою 10-й дивизіи—въ Бобруйскѣ. Эти бригады были подчинены генералъ-инспектору по инженерной части на тѣхъ же основаніяхъ какъ и піонерныя бригады. Уже 29 февраля слѣдующаго года Николай Павловичъ утвердилъ особое для бригадъ „наставленіе“, сущность котораго сводилась къ слѣдующему.

Съ 1 мая бригады, въ полномъ составѣ, должны располагаться лагеремъ, по личному назначенію генералъ-инспектора, „сколь можно ближе къ мѣсту работъ“. На первое время работы будутъ продолжаться: въ Динабургѣ—до 1 октября, а въ Бобруйскѣ—до 15 октября; только при суровости осени эти сроки могутъ быть сокращаемы до 15 и 25 сентября. Когда же бригады будутъ размѣщены въ названныхъ крѣпостяхъ надлежащимъ образомъ, т. е. въ соотвѣтственныхъ казармахъ, то рабочими періодами считать: въ Динабургѣ 15 апрѣля—15 октября, а въ Бобруйскѣ 1 апрѣля—1 ноября. Внутренніе наряды должны быть уменьшаемы въ это время до крайней возможности. Дабы работы не отражались чувствительнымъ ущербомъ на обученіи войскъ, одновременно высылать на нихъ одинъ и не болѣе двухъ баталіоновъ отъ бригады, смѣняя высылаемыя части еженедѣльно. Въ каждомъ баталіонѣ надлежитъ образовать команды спеціалистовъ—плотниковъ, столяровъ, кузнецовъ и т. п. Наряды на работы дѣлаютъ строители крѣпостей. При высылаемыхъ на работы

частяхъ имѣть дежурныхъ офицеровъ, на обязанности коихъ лежитъ наблюденіе за порядкомъ и прилежаніемъ нижнихъ чиновъ. Этимъ послѣднимъ выдаются заработчія деньги наравнѣ съ чинами военно-рабочихъ ротъ, т. е. чернорабочимъ по 15, а мастеровымъ по 20 коп. въ день въ теченіе строительнаго сезона и по 10 и 15 коп. въ зимніе мѣсяцы. Изъ зарабочихъ денегъ $^1/_3$ выдается нижнимъ чинамъ на руки, а $^2/_3$ поступаютъ въ артельныя суммы. Работающимъ полагается усиленный паекъ и рабочая одежда. Наконецъ, инструментъ выдается отъ инженернаго вѣдомства; за сохранность же его отвѣчаетъ строевое начальство.

Независимо отъ „наставленія", бригадамъ были преподаны основанія для обученія людей крѣпостнымъ работамъ, разработку коихъ произвелъ, по порученію Великаго Князя, генералъ Опперманъ.

Работавшія въ Динабургѣ и Бобруйскѣ пѣхотныя бригады были соединены съ пребывавшими тамъ же бригадами піонерными въ „отдѣльные отряды". Поначалу оба отряда были подчинены командиру 2-й піонерной бригады, генералъ маіору Нагелю; но вскорѣ у каждаго отряда явился свой начальникъ: у Бобруйскаго—тотъ же Нагель, а у Динабургскаго—командиръ 1-й піонерной бригады, генералъ-маіоръ Даниловъ. Съ назначеніемъ же въ 1829 году Данилова „командиромъ отряда военнаго поселенія 1-й и 2-й піонерныхъ бригадъ" и по причинѣ дальняго разстоянія поселенія 2-й бригады отъ Динабурга, Динабургскій отрядъ, по повелѣнію Императора, былъ упраздненъ, пѣхотная бригада возвращена въ свою дивизію, къ этой дивизіи прикомандирована 1-я піонерная бригада и подчинена начальнику дивизіи, генералъ-лейтенанту Криштофовичу, съ тѣмъ, чтобы піонеръ ежегодно осматривалъ въ инженерномъ отношеніи начальникъ штаба генералъ-инспектора по инженерной части.

Въ начальный періодъ производства работъ въ названныхъ крѣпостяхъ пѣхотою наблюдались нѣкоторые

непорядки; но вскорѣ все пришло въ норму, и дѣло наладилось. Въ ряду непорядковъ нельзя не отмѣтить слѣдующаго, довольно характернаго. Дѣло въ томъ, что по „наставленію“ каждой артели пѣхотныхъ рабочихъ разрѣшалось содержать по одной парѣ лошадей или воловъ для подвозки къ мѣстамъ работъ матеріаловъ, за что артели получали плату по вольной цѣнѣ. На практикѣ лошадей завели офицеры и при томъ въ „непомѣрномъ“ числѣ. Они стали какъ бы подрядчиками по перевозкамъ, совершавшимся къ тому же на повозкахъ войскового обоза. Это вызвало распоряженіе инженернаго департамента, чтобы мѣстное инженерное начальство не принимало къ работамъ лошадей свыше такой нормы: отъ генераловъ—8, отъ штабъ офицеровъ—5 и отъ оберъ-офицеровъ - 3. Но когда о сказанныхъ аферахъ узналъ Николай Павловичъ, послѣдовало „строгое воспрещеніе“ офицерамъ заниматься впредь подобными операціями. Кому слѣдуетъ, былъ данъ и соотвѣтственный нагоняй.

Къ работамъ по Динабургу Николай Павловичъ хотѣлъ было привлечь также и мѣстный артилерійскій гарнизонъ. Въ іюнѣ 1822 года, указывая, что въ крѣпости этой расположено двѣ роты крѣпостной артилеріи, кои, кромѣ содержанія весьма малыхъ карауловъ при складахъ артилерійскихъ снарядовъ, ровно ничѣмъ не заняты, Великій Князь просилъ начальника главнаго штаба испросить Высочайшее соизволеніе на обращеніе артилеристовъ къ крѣпостнымъ работамъ наравнѣ съ военно-рабочими ротами. Однако, князь Волконскій увѣдомилъ на это, что Государь повелѣлъ „отвѣчать Его Императорскому Высочеству, что въ упомянутыхъ гарнизонныхъ артилерійскихъ ротахъ вѣроятно много старыхъ и неспособныхъ къ работѣ людей, а потому, вмѣсто употребленія ихъ въ работу, лучше прибавить имъ число карауловъ, дабы нижнихъ чиновъ армейскихъ полковъ болѣе можно было посылать въ работу“.

Удачный опытъ примѣненія войсковой рабочей силы при крѣпостныхъ работахъ въ Динабургѣ и Бобруйскѣ

побудилъ распространить ту же мѣру и на другія крѣпости, гдѣ производились обширныя работы. Пѣхоту привлекали къ работамъ по Кронштадту, Севастополю, Кіеву, Бресту, Новогеоргіевску и т. д. Но тутъ уже не было длительнаго пріурочиванія извѣстныхъ воинскихъ частей къ той или другой крѣпости: наряды на данный годъ Высочайше утверждались въ концѣ предшествовавшаго.

Войсковое начальство повидимому крѣпостныя работы обременительными для войскъ не считало, какъ не считало ихъ и вредными для обученія частей ихъ прямой службѣ. Въ документахъ найденъ лишь единичный эпизодъ уклоненія войскъ отъ этихъ работъ, относящійся къ 1843 году. Въ этомъ году начальникъ 7-й пѣхотной дивизіи, опираясь на то обстоятельство, что ввѣреннымъ ему частямъ предстоитъ рядъ строевыхъ смотровъ, отказалъ инженерному начальству въ высылкѣ людей по нарядамъ, заранѣе для того опредѣленнымъ. Дѣло было представлено на Высочайшее благовоззрѣніе, и Государь повелѣлъ: „1) Вмѣнить въ непремѣнную обязанность начальникамъ войскъ, собираемыхъ къ крѣпостнымъ работамъ, ни подъ какимъ видомъ, безъ особаго на то Высочайшаго Его Императорскаго Величества разрѣшенія, не прекращать высылки людей на работу въ опредѣленномъ числѣ по даннымъ нарядамъ; 2) въ случаѣ совершенной необходимости временного уменьшенія числа высылаемыхъ въ работу людей, допускать это въ той соразмѣрности, какъ по сношенію начальниковъ войскъ съ инженернымъ начальствомъ, окажется возможнымъ, съ тѣмъ, однако, чтобы уменьшенная на время высылка людей была впослѣдствіи пополнена въ теченіе лѣта усиленными нарядами“. Надо полагать по тому же поводу и въ томъ же году, была разработана и Высочайше утверждена особая инструкція о взаимоотношеніяхъ начальствъ войскового и инженернаго при работахъ пѣхоты въ крѣпостяхъ, общій характеръ которой былъ таковъ.

Войска употребляются на крѣпостныя работы по

Высочайшему повелѣнію. Нижнихъ чиновъ слѣдуетъ назначать на валовыя работы, кромѣ разбивки камня въ щебень, приготовленія извести и работъ въ сырыхъ и топкихъ мѣстахъ. Къ ремонтнымъ работамъ назначать нижнихъ чиновъ пѣхоты воспрещается. Инженерное начальство даетъ наряды на рабочихъ на каждую недѣлю съ расчетомъ, чтобы дневные наряды не превышали установленнаго высшимъ начальствомъ максимума. Однако, войсковому начальству разрѣшается высылать на работы людей и въ большемъ противу наряда числѣ, для ускоренія выработки урока, съ благовременнымъ предупрежденіемъ о томъ инженернаго начальства. Когда урокъ конченъ, команда должна быть отпускаема съ работъ, не ожидая часа, опредѣленнаго для конца работъ вообще; но если къ этому послѣднему часу урокъ еще не конченъ, задерживать людей воспрещается. Только при мелкихъ работахъ можетъ быть допускаемо отсутствіе уроковъ, и тогда люди должны работать положенное количество часовъ. Если вмѣсто зарабочей платы людямъ будутъ выдаваться мясныя и винныя порціи, то расходы на эту надобность относятся на инженерную смѣту въ размѣрѣ, равномъ платѣ зарабочей; недостатокъ же денегъ покрывается интендантскими кредитами. Инженерное вѣдомство отвѣтственно за прочность подмостей, сходней и другихъ приспособленій для работъ. „Самоуправство“ инженернымъ офицерамъ воспрещается строжайше; о всѣхъ замѣченныхъ непорядкахъ они обязаны доводить до свѣдѣнія войскового начальства. Войсковое начальство, съ своей стороны, не смѣетъ входить въ распоряженія по инженерной части. Наконецъ, инструкціей устанавливалось количество пѣхотныхъ офицеровъ, долженствовавшихъ присутствовать при работахъ командъ той или другой численности.

Какъ сказано, войска не тяготились крѣпостными работами и вопросовъ объ ихъ неудобствахъ для военнаго обученія частей не возбуждали. Нѣсколько въ иномъ положеніи находился вопросъ объ оплатѣ труда пѣхоты

при крѣпостныхъ работахъ. Тутъ войсковое начальство. и даже высшее, неоднократно возбуждало ходатайства о повышеніи зарабочей платы. До извѣстной степени это Императоромъ и удовлетворялось. 4 января 1834 года Николай Павловичъ повелѣлъ значительно возвысить зарабочую плату, установленную, какъ указывалось, въ 1824 году въ размѣрѣ 15—20 коп. въ день. Было опредѣлено выдавать за выполненный дневной урокъ по 40 коп. рядовымъ и по 20 коп. унтеръ—офицерамъ, „такъ какъ они только надсматриваютъ за работами, сами въ нихъ не участвуя". Въ маѣ 1835 года, Государь, „желая улучшить сколь возможно содержаніе войскъ", работающихъ въ крѣпостяхъ, приказалъ, сверхъ задѣльной платы, выдаваемой нижнимъ чинамъ, дѣйствительно работающимъ, коихъ $^{1}/_{3}$ отъ всѣхъ, при работахъ находящихся, выдавать остальнымъ три раза въ недѣлю мясную порцію. Наконецъ, въ 1846 году плата была еще увеличена по слѣдующему поводу.

Въ декабрѣ 1845 года князь Варшавскій доложилъ Императору, что въ старомъ урочномъ положеніи для нижнихъ чиновъ были установлены уроки несравненно меньшіе, чѣмъ для вольныхъ рабочихъ, тогда какъ въ урочномъ положеніи, Высочайше утвержденномъ въ 1843 году—одинаковые и при томъ съ выплатою зарабочихъ денегъ почти въ прежней нормѣ, именно: вмѣсто 40 коп. асигн., по 12 коп. сер. за урокъ. Практика показала, что нижніе чины пѣхоты вырабатываютъ не болѣе $^{2}/_{3}$ урока; даже саперы, привыкшіе къ землянымъ работамъ, не справляются съ новыми уроками. Поэтому главнокомандующій ходатайствовалъ о повелѣніи: либо платить за урокъ по 16 коп. сер., либо уменьшить урокъ на $^{1}/_{3}$. Николай Павловичъ передалъ представленіе князя на заключеніе инженернаго департамента, который доложилъ: 1) по Высочайшей волѣ въ маѣ 1843 года было установлено, чтобы войскамъ, привлеченнымъ къ крѣпостнымъ работамъ, взамѣнъ платы и усиленной дачи провіанта, выдавались мясныя и винныя порціи наравнѣ

съ частями, содержащими караулы, но въ извѣстной мѣрѣ за счетъ строительныхъ суммъ—путемъ передачи въ провіантскія учрежденія заработчей платы, и 2) въ началѣ 1845 года Государь повелѣлъ войска при крѣпостныхъ работахъ раздѣлять на четыре смѣны съ тѣмъ, чтобы ¼ работала, ¼ производила строевыя ученья, а ²/₄ были отправляемы на отдыхъ „и усиленіе ими наряда людей на работу для додѣлки уроковъ“. Такія распоряженія, по мнѣнію департамента, обуславливаютъ то обстоятельство, что проектъ князя Варшавскаго не можетъ принести какой либо пользы войскамъ; его осуществленіе отразится только на расчетахъ между инженернымъ и провіантскимъ вѣдомствами; это же указываетъ на соотвѣтственность отклоненія ходатайства. Однако, Государь съ департаментомъ не согласился. Надо полагать, вслѣдствіе того соображенія, что замѣна заработчихъ денегъ мясными и винными порціями, еще по положенію 1834 года, предусматривалась какъ мѣра исключительная, Его Величество, въ августѣ 1846 года, повелѣлъ поурочную плату войскамъ въ 12 коп. повысить до 16 коп. сер.

Какъ и во всемъ, въ вопросѣ о заработчей платѣ Николай Павловичъ всегда стремился къ справедливости, къ равномѣрности оплаты труда. Характеренъ въ этомъ отношеніи случай изъ времени пребыванія его въ должности генералъ-инспектора. Въ 1824 году на крѣпостныя работы сухопутнаго вѣдомства въ Кронштадтѣ, вызванныя памятнымъ наводненіемъ, было назначено три морскихъ экипажа, общею численностью въ 2.000 человѣкъ. Великій Князь предложилъ Опперману выдавать матросамъ ту же заработчую плату, какую получали войска въ Динабургѣ и Бобруйскѣ, т. е. около 40 к. ас. въ день. Опперманъ затруднился исполнить это предписаніе и затруднился потому, что въ Кронштадтѣ же, по крѣпостнымъ работамъ морского вѣдомства, матросамъ выдавалось только по 10 коп. въ день. Николай Павловичъ разсудилъ, что одному хозяину платить одинаковымъ работникамъ разную плату не приходится и что

морскіе порядки его не касаются, почему собственною властью и приказалъ первоначальное распоряженіе исполнить въ точности. Затѣмъ, уже post factum доложилъ о томъ Императору и выхлопоталъ утвержденіе приказанія.

Изъ документовъ, касающихся производства войсками крѣпостныхъ работъ и заботливости отношенія къ этому дѣлу со стороны вѣнценоснаго военнаго инженера, наиболѣе любопытной является переписка по такому вопросу.

Въ началѣ 1840 года командующій 5-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, генералъ-лейтенантъ Лидерсъ, вошелъ къ военному министру съ представленіемъ, въ которомъ указывалъ, что нижнимъ чинамъ его корпуса, опредѣленнымъ на работы по сносу горы въ Севастополѣ, назначены уроки чрезмѣрно большіе, что опытъ установилъ невозможность ихъ выполненія и что произошло это по причинѣ исключительной особенности севастопольскаго грунта, неподходящаго ни къ одному изъ значащихся въ урочномъ положеніи. Работы организованы такимъ образомъ, что, распоряженіемъ инженернаго начальства, гору постепенно подрываютъ, послѣ чего люди отъ пѣхоты подорваныя части разбираютъ и перетаскиваютъ къ морскому берегу. Такая организація работы весьма де несовершенна. „Сносъ горы въ Севастополѣ составляетъ такое предпріятіе, которое въ полной мѣрѣ заслуживаетъ новыхъ размышленій инженеровъ“. Съ своей стороны, Лидерсъ полагалъ соотвѣтственнымъ взрывать гору не малыми зарядами, какъ то практиковалось, а „цѣлыми системами фугасовъ, взрываемыхъ одновременно“, послѣ чего надлежало бы распорядиться, чтобы земля и камни доставлялись къ берегу на особыхъ телѣжкахъ, движимыхъ воротами или какимъ-нибудь другимъ способомъ, а никакъ не въ мѣшкахъ и не по лѣстницамъ, по которымъ послѣ дождя и безъ ноши ходить нельзя. Подобная переноска грунта уже породила въ средѣ привлеченныхъ къ работамъ

войскъ многочисленныя заболѣванія желудкомъ и ногами, и это особенно ярко указываетъ на жгучую необходимость либо измѣнить систему работъ, либо, по крайней мѣрѣ, уменьшить уроки пѣхотѣ до размѣровъ, установленныхъ въ Севастополѣ же для сноса горы подъ новое адмиралтейство.

По поводу этого представленія, генералъ-инспекторъ по инженерной части, Великій Князь Михаилъ Павловичъ, сообщилъ управляющему инженернымъ департаментомъ, что Императоръ повелѣлъ „немедленно уровнять уроки на инженерныя работы сухопутнаго вѣдомства съ морскими и объяснить, по какой причинѣ допущена между ними разница; людямъ, назначеннымъ для земляныхъ работъ по сносу горы, въ продолженіи мая, іюня и іюля мѣсяцевъ, наравнѣ съ прочими нижними чинами при севастопольскихъ работахъ, уменьшить уроки вполовину, дабы они, до наступленія дневныхъ жаровъ, могли оные окончить; разсмотрѣніе же предлагаемыхъ генералъ-лейтенантомъ Лидерсомъ способовъ къ облегченію работъ по сносу горы Его Величество Высочайше повелѣть соизволилъ окончить непремѣнно къ 1 февраля (повелѣніе сообщалось 23 января), а для наблюденія за производствомъ работъ, согласно изъявленному Высочайшему разрѣшенію и тѣми облегченными способами, какіе признаны будутъ нужными, послать адъютанта моего (т. е. генералъ-инспектора) или другого надежнаго штабъ-офицера“.

Генералъ-адъютантъ Геруа на другой же день донесъ Великому Князю, что гора сносится въ Севастополѣ подъ новое адмиралтейство и что дѣло это всецѣло относится къ кругу обязанностей морского вѣдомства, почему вѣдомство инженерное „не можетъ сдѣлать никакого заключенія на счетъ предполагаемыхъ генералъ-лейтенантомъ Лидерсомъ способовъ къ облегченію означенныхъ работъ“. Что же касается работъ инженернаго вѣдомства, то еще въ августѣ 1839 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ уменьшеніи по Севастополю уроковъ въ

жаркую пору съ такимъ расчетомъ, чтобы люди не выводились на работы съ $9^1/_2$ часовъ утра и до 3 дня; мѣра эта не была распространена только на подносчиковъ матеріаловъ къ вольнымъ каменщикамъ, такъ какъ иначе послѣдніе оставались бы безъ работы, а казна терпѣла бы убытокъ отъ прогула каменщиковъ. Не смотря на такую льготу, въ пѣхотѣ, состоявшей при севастопольскихъ рабатахъ, заболѣванія не прекратились, и тогда инженерный департаментъ проектировалъ: на выломку камня, перевозку его, какъ и извести, назначать только крѣпостныхъ арестантовъ; на обжигъ извести назначать военно-рабочихъ; нижнихъ же чиновъ пѣхоты употреблять исключительно на подноску матеріаловъ для каменщиковъ, на нагрузку и выгрузку песку и на наливаніе воды въ бочки. Такое предположеніе департамента Императоръ утвердилъ, и объ исполненіи этого было предписано мѣстному начальству. Если инженерное вѣдомство и производило въ Севастополѣ взрывы, то таковые имѣли мѣсто только на каменоломнѣ, къ работамъ по которой пѣхота непричастна. Изложенное же, по мнѣнію Геруа, указываетъ, что по сухопутному вѣдомству въ Севастополѣ все обрѣтается въ должномъ порядкѣ, почему командировать кого бы то ни было на мѣсто надобности не представляется.

Николай Павловичъ объясненіями Геруа удовлетворился, но все же приказалъ, чтобы инженерный департаментъ сообразилъ, какъ можно облегчить сносъ горы подъ новое севастопольское адмиралтейство, и пришелъ по этому поводу къ опредѣленному соглашенію съ морскимъ вѣдомствомъ въ десятидневный срокъ. Послѣ же этого, для наблюденія за исполненіемъ рѣшенія, департаменту все же командировать на мѣсто своего представителя.

На соотвѣтственный запросъ, начальникъ главнаго морского штаба, генералъ-адъютантъ князь Меншиковъ, увѣдомилъ Михаила Павловича, что, по краткости назначеннаго срока, онъ не можетъ снестись съ мѣстнымъ

начальствомъ, почему и высказываетъ лишь такія „предварительныя мысли“. 1) Такъ какъ по поводу размѣра уроковъ пѣхотѣ всегда идутъ „споры“, то пусть войсковое начальство само назначаетъ уроки; плату же пѣхотѣ производить не поденно, а сдѣльно; 2) система фугасовъ, при стопинахъ, и ненадежна, и длительна, и нигдѣ, сколько ему извѣстно, не примѣняется; 3) телѣжки, приводимыя въ дѣйствіе воротами, врядъ ли въ Севастополѣ примѣнимы и во всякомъ случаѣ обойдутся чрезмѣрно дорого; много лучше будутъ тачки, при условіи устройства необходимыхъ „пологостей“ или же веденія работъ терасами со сбрасываніемъ грунта съ верхней „дорожки“ на нижнюю; полезно устроить и соотвѣтственные желоба, по коимъ грунтъ могъ бы быть сбрасываемъ прямо въ плашкоуты, ошвартованные въ потребныхъ мѣстахъ у берега, близъ подошвы срываемой горы.

Всеподданнѣйше докладывая объ изложенномъ и въ общемъ соглашаясь съ заключеніями князя Меншикова по 2-му и 3-му пунктамъ, инженерный департаментъ указывалъ, что зарабочая плата, по 40 коп., опредѣлена не за день работы, а именно за урокъ, почему войсковое начальство можетъ высылать людей на работы, когда ему угодно: денежные расчеты все равно будутъ производиться по урочному положенію, т. е. сдѣльно.

Разсмотрѣвъ дѣло, Николай Павловичъ повелѣлъ: „1) Назначеніе времени высылки войскъ на работу и ухода съ работы предоставить начальникамъ войскъ, и удовлетворять войска зарабочею платою по урочному положенію, не по числу бывшихъ на работахъ нижнихъ чиновъ, а по количеству произведенной ими работы, съ тѣмъ, однако-жъ, чтобы при такихъ назначеніяхъ принимаемо было въ соображеніе состояніе артельныхъ суммъ нижнихъ чиновъ, дабы, черезъ сокращеніе зарабочей платы, не оскудить средства, предоставляемыя войскамъ на улучшеніе содержанія. 2) Для переноски выламываемаго при срытіи горы щебня, употреблять, вмѣсто мѣшковъ, тачки или двухколесныя телѣжки, выравнявъ для

этого мѣстность и устроивъ пристани, и, гдѣ окажется возможнымъ, сгружать щебень съ высоты непосредственно въ плошкоуты или, согласно съ мнѣніемъ начальника морского штаба, посредствомъ желобовъ. 3) Предложеніе генералъ-лейтенанта Лидерса о срывкѣ горы посредствомъ фугасовъ, согласно съ заключеніемъ генералъ-адъютанта князя Меншикова и по неудобоисполнимости сего способа, оставить безъ исполненія; но между тѣмъ поручить инженеръ штабъ-офицеру, который будетъ командированъ въ Севастополь, сообразить внимательнѣе на мѣстѣ средства къ облегченію срытія горы, если не длинными фугасами, то другимъ какимъ-нибудь способомъ".

Командировали на мѣсто подполковника Постельса, офицера весьма знающаго, знакомаго съ заграничными способами производства работъ. Онъ выработалъ обширное и обстоятельное наставленіе для веденія разсматриваемой работы, одобренное инженернымъ департаментомъ и разсмотрѣнное затѣмъ самимъ Императоромъ. Признавъ же наставленіе Постельса отвѣчающимъ обстановкѣ, Его Величество повелѣлъ: „Предоставить начальнику главнаго морского штаба работы по сносу горы подъ новое адмиралтейство производить однѣми арестанскими ротами морского вѣдомства; если же генералъ-адъютантъ князь Меншиковъ встрѣтитъ какія либо затрудненія къ исполненію сего, то употреблять на оныя и нижнихъ чиновъ отъ войскъ. Симъ послѣднимъ Его Величество всемилостивѣйше дозволяетъ назначать въ жаркое лѣтнее время половинные уроки, за которые, во избѣжаніе оскудѣнія средствъ къ ихъ содержанію, выдавать полную плату, за цѣлый урокъ установленную, т. е. по 40 коп. асигн. на человѣка. Сіе Высочайшее разрѣшеніе относится единственно до войскъ, назначаемыхъ на инженерныя и вообще государственныя работы въ Крыму".

Къ сказанному добавлю, что все обширное это дѣло было завершено въ весьма короткое время: началось въ январѣ, кончилось до наступленія южнаго строительнаго

сезона. Николай Павловичъ проволочекъ не терпѣлъ и умѣлъ заставлять подлежащіе органы работать быстро и вмѣстѣ съ тѣмъ основательно.

Установленіе зарабочей платы войскамъ, привлекавшимся къ различнымъ инженернымъ работамъ въ мирное время, само собою разумѣется, не распространялось на время военное. Хотя попытки къ тому дѣлались. Въ январѣ 1838 года командующій войсками на Кавказской линіи, генералъ-лейтенантъ Вельяминовъ, вошелъ къ военному министру съ ходатайствомъ о выдачѣ зарабочихъ денегъ частямъ, разрабатывавшимъ дороги въ періодъ военныхъ экспедицій 1834—1837 г. г. за Кубань. Доложивъ о такомъ ходатайствѣ Царю, графъ Чернышевъ отвѣтилъ: „Его Величество ни въ какомъ случаѣ не полагалъ бы назначать войскамъ особой платы за разработку дорогъ въ продолженіе военныхъ дѣйствій, такъ какъ дѣло это, если оно по мѣстному положенію края, въ коемъ происходятъ военныя дѣйствія, необходимо, составляетъ всегда и вездѣ существенную обязанность войскъ". *)

Кромѣ указанной выше рабочей силы, къ крѣпостнымъ работамъ при Николаѣ Павловичѣ привлекались плѣнные турки, мѣстные жители и голодающіе крестьяне изъ областей, постигнутыхъ неурожаемъ.

Еще въ началѣ русско-турецкой войны 1828—1829 гг., именно 5 мая, Государь поручилъ Опперману составить соображеніе объ обращеніи на крѣпостныя работы турокъ, „которые въ настоящую кампанію могутъ быть взяты нами въ плѣнъ". Уже въ первыхъ числахъ іюня наши крейсеры захватили три непріятельскіе транспорта съ 906 нижними чинами, и плѣнные эти, по волѣ Императора, были направлены въ Кіевъ. Въ октябрѣ

*) Д, № 26—1824, 1—7, 10, 11; № 7—1828, 2, 11; 3, № 111—1822, 1, 2; № 76—1826, 37, 94, 97; И, № 8—1823, 211, 212; № 12—1835, 1, 58; I, № 160—1841, 84; № 81—1842, 100; К, № 167—1845—42; Л, № 6—1838, 6; № 8—1840, 1—7, 10—13, 17—20, 26, 54; № 49—1845, 88: Приказы; № 77—1823; № 39—1825, № 20—1839, № 37—1846; П П, С, З №№ 6.700, 8.210, 16.754.

того же года 2.000 плѣнныхъ турокъ были водворены въ окрестностяхъ Бобруйска, а послѣ паденія Варны еще 1.000 человѣкъ отправили въ Кіевъ. Однако, особеннаго успѣха отъ намѣченной мѣры не получилось. Сохранилось свѣдѣніе, хотя и безъ подробностей, что въ Кіевской крѣпости турки отъ работъ отказались. Въ Бобруйскѣ же произошелъ такой эпизодъ.

Ранней весной 1829 года бобруйскій комендантъ, генералъ-маіоръ Бергъ, объявилъ плѣннымъ Высочайшую волю о привлеченіи ихъ къ крѣпостнымъ работамъ. Эта вѣсть была принята далеко не покорно. Турки заявили: „Нашъ султанъ не приказалъ намъ здѣсь работать, и мы не будемъ; пусть, что хотятъ съ нами дѣлаютъ!“ Затѣмъ, какъ доносилъ комендантъ, они подняли „ужасный крикъ съ явнымъ неповиновеніемъ и бунтомъ“. Бергъ арестовалъ пятерыхъ зачинщиковъ и прогналъ ихъ шпицрутеномъ черезъ 500 человѣкъ передъ всѣми плѣнными, при чемъ мѣра эта подѣйствовала вполнѣ успокоительно. Турки за работы принялись, хотя усерднаго къ нимъ отношенія и не проявляли. Когда доложили объ этомъ Монарху, Его Величество повелѣлъ уплачивать туркамъ зарабочія деньги наравнѣ съ пѣхотою, и усердіе появилось тотчасъ же. Впрочемъ, вскорѣ послѣдовало новое повелѣніе: часть зарабочихъ денегъ обращать на улучшеніе быта плѣнныхъ, а другую—на заведеніе одежды для отправки ихъ на родину; на руки же не выдавать ничего.

Весною 1831 года, по военнымъ обстоятельствамъ, рѣшено было укрѣпить Либаву. Государь приказалъ необходимыя работы произвести мѣстными жителями, по наряду таковыхъ распоряженіемъ гражданскаго начальства. Рижскій генералъ-губернаторъ. генералъ-лейтенантъ баронъ Паленъ, представилъ рядъ соображеній о крайнемъ неудобствѣ осуществленія этой мѣры и просилъ о производствѣ работъ сухопутными или морскими войсками. Въ виду крайней ограниченности наличнаго въ Либавѣ числа войскъ, Императоръ повелѣлъ,

чтобы баронъ Паленъ „употребилъ все возможное стараніе“ къ наряду на работы именно мѣстныхъ жителей, „соблюдая, впрочемъ, при таковыхъ нарядахъ, чтобы оные были производимы съ возможно меньшимъ отвлеченіемъ отъ работъ сельскихъ жителей“. При этомъ было повелѣно уплачивать въ день: каждому рабочему по 1 рублю и за каждую подводу по 2 р. 50 к. Послѣдняя мѣра устранила всѣ ранѣе существовавшія неудобства.

Въ мартѣ 1845 года Монархъ, „соболѣзнуя къ участи крестьянъ Витебской губерніи, постигнутой неурожаемъ“, повелѣлъ представить соображеніе, какія земляныя или другія работы по Динабургской крѣпости могли бы быть производимы этими крестьянами и по какой платѣ? При этомъ имѣлось въ виду обратить на тѣ же работы только такое количество войскъ, какое потребуется за неприбытіемъ въ Динабургъ крестьянъ въ количествѣ, отвѣчающемъ размѣру утвержденныхъ на тотъ годъ работъ. Инженерный департаментъ представилъ требуемый докладъ, но таковой былъ военнымъ министромъ возвращенъ при запискѣ о Высочайшемъ повелѣніи: „Всѣ утвержденныя по Динабургской крѣпости на текущій годъ работы произвести войсками“; крестьянамъ же предоставить лишь „дополнительныя, сверхъ назначенныхъ, земляныя работы“. Повидимому, мотивомъ перерѣшенія послужило то обстоятельство, что министерство внутреннихъ дѣлъ отказалось предуказать, сколько соберется у Динабурга крестьянъ, а это породило опасеніе за неисполненіе необходимыхъ работъ.

Между тѣмъ, крестьянъ у Динабурга собралось весьма много. Какъ ихъ использовали—неизвѣстно; но заботливости о нихъ было проявлено достаточно. Эта заботливость дошла до того, что изнуренныхъ голодомъ крестьянъ размѣстили, по волѣ Царя, въ войсковыхъ лагерныхъ баракахъ; войскамъ же было приказано проживать въ палаткахъ.

Къ зимѣ контингентъ голодающихъ у Динабурга увеличился еще болѣе. Къ этому времени витебцы стали

появляться въ Петербургѣ и нищенствовать по улицамъ. Николай Павловичъ приказалъ всѣхъ такихъ переправлять въ Динабургъ и тамъ, наравнѣ съ бѣднѣйшими мѣстными жителями, давать „изъ земляныхъ работъ одну только набивку свай, въ томъ уваженіи, что прочія земляныя работы въ зимнее время производимы не могутъ быть прочно". Большое же скопленіе витебскихъ голодающихъ у Динабурга и обнаруженіе сильнаго недорода хлѣба также и въ губерніи Могилевской вызвали Высочайшее повелѣніе—всѣ земельныя работы 1846 года, какъ въ Динабургѣ, такъ и въ Бобруйскѣ, произвести исключительно крестьянами, безъ нарядовъ отъ войскъ.

Проѣзжая въ началѣ лѣта 1846 года черезъ Динабургъ, Николай Павловичъ „съ удовольствіемъ изволилъ видѣть, что поселяне Витебской губерніи, допущенные къ работамъ по Динабургской крѣпости, въ числѣ до 5.000 человѣкъ, работаютъ усердно и получаютъ за то хорошую пищу изъ задѣльной платы. Вслѣдствіе сего, Его Величество, во всемилостивѣйшемъ вниманіи къ стѣснительному положенію жителей того края", приказалъ „припустить" къ работамъ еще 5.000 человѣкъ. Это приказаніе вызвало докладъ инженернаго департамента, въ которомъ указывалось, что на удовлетвореніе 5.000 человѣкъ зарабочими деньгами съ 1 мая по 1 октября требуется 200.000 руб. сер. и что если съ 15 іюня добавить еще 5.000 рабочихъ, то необходимо доасигновать на работы 140.000 руб. сер. На докладѣ военнымъ министромъ, княземъ Чернышевымъ, положена резолюція: „Государю Императору угодно, чтобы была представлена немедленно Его Величеству подробная справка: отчего столь огромная сумма, какова 200.000 руб. сер., потребна на содержаніе 5.000 человѣкъ рабочихъ крестьянъ въ Динабургѣ, находя, впрочемъ, эту сумму чрезмѣрно высокою. Относительно же новаго наряда до 5.000 человѣкъ еще крестьянъ на эти же самыя работы, то Его Величество соизволяетъ на это только въ такомъ случаѣ, если министръ внутреннихъ дѣлъ это найдетъ совер-

шенно необходимымъ по способамъ продовольствія жителей ближайшихъ къ Динабургу, предваривъ вмѣстѣ съ тѣмъ д. т. с. Перовскаго объ огромности суммъ, для сей мѣры потребныхъ". Справка была представлена, на ней Государь сдѣлалъ помѣту—„непомѣрно дорого"— и потребовалъ дополнительныхъ объясненій. Между тѣмъ, за перепискою время ушло, о нарядѣ вторыхъ 5.000 рабочихъ уже не пришлось думать, а вскорѣ, повидимому, и острота вопроса о голодовкѣ исчезла. Затребованныя Царемъ объясненія все же были представлены и на документѣ этомъ значится резолюція Его Величества: „Испрошенная инженернымъ вѣдомствомъ плата симъ крестьянамъ, по 31 коп. сер., несоразмѣрно велика".

На крѣпостныя работы по Сибирской и Оренбургской линіямъ Николай Павловичъ хотѣлъ одно время привлечь ссыльныхъ и полагалъ эту мѣру осуществить прежде всего при перестройкѣ Омской крѣпости, намѣченной на 1848 годъ. Повелѣніе гласило: „Представить полное соображеніе, не окажется ли возможнымъ, для полнаго успѣха въ производствѣ работъ по возобновленію земляныхъ верковъ Омской крѣпости и для сокращенія издержекъ, усилить число рабочихъ, назначаемыхъ отъ военно-арестантскихъ ротъ, рабочими изъ ссыльныхъ; при чемъ обратить вниманіе на помѣщеніе и содержаніе этихъ людей во время работы, на учрежденіе надъ ними должнаго надзора, на необходимыя при томъ издержки сравнительно съ ожидаемымъ сокращеніемъ расходовъ при работахъ, и въ особенности на нравственное вліяніе этой мѣры". На это командиръ отдѣльнаго сибирскаго корпуса, генералъ отъ инфантеріи князь Горчаковъ, донесъ, что предполагаемая мѣра „невыгодна и даже затруднительна". Невыгода заключается въ томъ, что назначеніе хотя бы 250 ссыльныхъ на работы, съ постройкою для нихъ помѣщеній, за 12-лѣтній періодъ, преднамѣченный для перестройки крѣпости, вызоветъ расходъ до 55.000 руб., и что среди ссыльныхъ не найти достаточнаго числа знающихъ какія либо мастерства.

Затруднительность же обусловливается какъ медленностью ежегоднаго сбора ссыльныхъ, разсыпанныхъ на пространствѣ громаднаго раіона, такъ, и въ особенности, обременительностью усиленнаго окарауливанія ихъ и невозможностью пресѣчь близкое сообщеніе преступниковъ съ солдатами, на коихъ первые несомнѣнно произведутъ вредное нравственное вліяніе. Эти соображенія побудили Императора отъ мысли своей отказаться.

Въ документахъ не мало частныхъ примѣровъ, при которыхъ Николай Павловичъ самъ намѣчалъ количество и родъ рабочей силы въ той или въ другой крѣпости, въ зависимости отъ объема и характера работъ, переводилъ рабочія части съ одного мѣста на другое, даже распредѣлялъ рабочихъ на тѣ или другія работы. Такъ, въ 1830 году, когда рѣшено было приступить къ коренному переустройству Кіевской крѣпости и былъ опредѣленъ рядъ первоочередныхъ работъ, кои повелѣно было закончить въ три года, инженерный департаментъ представилъ соображенія о крайней затруднительности осуществленія повелѣнія безъ сформированія новыхъ военно-рабочихъ ротъ. Государь, сообразивъ дѣйствительную нужду въ рабочихъ, повелѣлъ: новыхъ военно-рабочихъ ротъ не формировать, кіевскую военно-рабочую роту лишь усилить, назначить на работы пять армейскихъ баталіоновъ и изъ наличныхъ арестантовъ организовать шесть арестантскихъ ротъ, размѣстивъ послѣднія въ предположенномъ къ упраздненію Никольскомъ монастырѣ. Въ 1844 году, отличавшемся дождливостью лѣта, во многихъ крѣпостяхъ западнаго округа произошли обвалы крутостей и плакировки, причемъ, по изслѣдованіи, оказалось, что при оптовыхъ подрядахъ на плакировку ставятъ рабочихъ, весьма плохо знакомыхъ съ этимъ дѣломъ, и что иногда крутости устраивались независимо отъ насыпки вала и не имѣли связи съ нимъ, т. е. къ улежавшейся плотной землѣ присыпали тонкіе рыхлые слои. Когда обстоятельства эти стали извѣстными Царю, Его Величество повелѣлъ: крутости всегда насы-

пать изъ растительной земли одновременно съ образованіемъ валовъ, а плакировочныя работы производить или саперами, или, при недостаткѣ въ нихъ, военно-рабочими или арестантами; вольныхъ же рабочихъ приставлять при плакировкѣ только тогда, когда нѣтъ въ достаточномъ количествѣ ни тѣхъ, ни другихъ, и то не иначе какъ съ организаціей надзора и руководства со стороны саперъ. Будучи въ маѣ 1845 года въ Кіевѣ и подробно ознакомившись съ положеніемъ работъ, Государь приказалъ, по окончаніи лѣтнихъ работъ, всѣхъ валовыхъ рабочихъ изъ арестантовъ, кромѣ потребныхъ для выдѣлки кирпича, обратить на земляныя работы, точно указанныя Его Величествомъ. Въ 1846 году, вслѣдствіе отмѣны на будущій годъ сбора пѣхотныхъ частей у Динабурга и Бобруйска, Монархъ приказалъ земляныя работы въ этихъ крѣпостяхъ отмѣнить, а усилить каменныя, съ употребленіемъ для того арестантовъ и вольнонаемныхъ рабочихъ. И т. д.

Привлеченіе къ крѣпостнымъ работамъ въ широкихъ размѣрахъ пѣхоты, саперъ, военно-рабочихъ, арестантовъ, голодающихъ и проч. показываетъ, что въ тѣ времена въ крѣпостномъ зодчествѣ господствовалъ хозяйственный способъ производства работъ. Правда, Высочайше утвержденнымъ 8 іюля 1833 года мнѣніемъ военнаго совѣта было опредѣлено: „на всѣ вообще постройки въ крѣпостяхъ... вызывать оптовыхъ подрядчиковъ; наблюденіе же за правильностью и прочностью постройки, отданной на оптовый подрядъ, возлагается на обязанность мѣстнаго инженернаго начальства, которое отвѣтствуетъ за всѣ неисправности и злоупотребленія, въ постройкѣ допущенныя“. Однако, необходимо замѣтить, что тѣмъ же положеніемъ военнаго совѣта предусматривался рядъ исключеній изъ заподрядовъ. Подрядчикамъ надлежало сдавать всѣ крѣпостныя постройки „за исключеніемъ *только* (?) искусственныхъ, которыя должны производиться инженерами (хозяйственнымъ способомъ,), какъ-то: оборонительныя стѣны, казематы, земляныя насыпи

и все то, что относиться будетъ къ укрѣпленіямъ, помѣщенію и надобностямъ гарнизона". Нѣтъ причинъ вдаваться въ объясненія, что заподрядный способъ производства крѣпостныхъ работъ этими исключеніями сводился на-нѣтъ.

По скольку то явствуетъ изъ документовъ, огромное большинство крупныхъ дѣятелей по военно-инженерной части, да болѣе—почти всѣ, относились къ подрядному способу, если и не враждебно, то во всякомъ случаѣ съ большимъ недовѣріемъ. Исключеніемъ являлся только одинъ Денъ, державшій во всемъ свою линію, не поддававшійся ни традиціямъ, ни обычаямъ и не пользовавшійся по этому особою популярностью въ средѣ сослуживцевъ по другимъ округамъ. Въ 1835 году Дену предстояло сложить фундаментъ по Пражскому мостовому укрѣпленію. Смѣта, по урочному положенію, была исчислена въ суммѣ 1.893.293 злотыхъ. Денъ, руководствуясь не положеніемъ, а своимъ опытомъ, лично сократилъ смѣту до 1.098.455 злотыхъ. Принимая же во вниманіе, съ одной стороны, что сказанная работа „не сопряжена съ особымъ искусствомъ и требуетъ только надлежащаго присмотра за прочною и правильною работою", а съ другой, что за опредѣленную имъ сумму, „при покупкѣ матеріаловъ и наймѣ рабочихъ отъ казны, невозможно было бы произвести упомянутую работу"—онъ предъявилъ ее къ торгамъ, хотя, по закону, права на то не имѣлъ. Торговая цѣна оказалась—949.970 злотыхъ, т. е. почти вдвое меньше исчисленной по урочному положенію. Главнокомандующій, ссылаясь на спѣшность работъ, торги утвердилъ и довелъ о томъ до свѣдѣнія военнаго министра. Императоръ же „вполнѣ одобрилъ полезныя распоряженія" Дена и тѣмъ развязалъ ему руки: огромное количество работъ по западнымъ крѣпостямъ Денъ сталъ сдавать въ заподряды и съ огромною выгодою для казны, проявляя въ дѣлѣ использованія услугъ подрядчиковъ—у него всегда христіанъ—можно сказать прямо талантливость. И эта выгодность значилась не только на

бумагѣ, не только въ пониженіи единичныхъ цѣнъ внѣ зависимости отъ качества работъ: постройками Дена можно любоваться и въ настоящее время.

Приведенный эпизодъ послужилъ основаніемъ Высочайшаго повелѣнія, „чтобы инженерный департаментъ, по вѣдомству своему, сдѣлалъ опытъ производства искусственныхъ крѣпостныхъ работъ посредствомъ оптоваго подряда надъ какою либо частью производящихся вблизи столицы крѣпостныхъ построеній и, разпорядясь нынѣ же вызовомъ желающихъ, представилъ бы о послѣдствіяхъ торговъ установленнымъ порядкомъ". Инженерный же департаментъ далъ соотвѣтственное предписаніе командиру петербургскаго инженернаго округа.

Какъ и слѣдовало ожидать, особой готовности произвести этотъ опытъ и обставить его условіями, сулящими успѣхъ, проявлено не было. Генералъ Трузсонъ донесъ департаменту о заключеніяхъ командировъ инженерныхъ командъ Петербургской и Кронштадтской крѣпостей, сводившихся къ тому, „что по свойству работъ, которыя имѣются въ семъ году въ виду, нѣтъ такихъ, кои-бъ можно было отдать съ выгодою на подрядъ оптомъ", почему и просилъ, чтобы департаментъ самъ назначилъ, „какія искусственныя крѣпостныя работы, изъ имѣющихся въ виду въ семъ 1835 году, можно бы отдать на подрядъ оптомъ, если инженерный департаментъ изволитъ полагать и предвидѣть въ томъ возможность". Департаментъ, какъ будто и самъ не сочувствовавшій деновской затѣѣ, въ свои руки дѣла не взялъ и вновь предложилъ Трузсону „разсмотрѣть во всей подробности приводимыя с.-петербургской и кронштадтской инженерными командами причины, по коимъ находятъ онѣ столь рѣшительно невозможнымъ исполнить Высочайшую волю", а затѣмъ непремѣнно избрать работу самому. Трузсонъ избралъ сѣверную оборонительную казарму № 4-го въ Кронштадтѣ и избралъ эту работу едва ли чистосердечно. Во всякомъ случаѣ, результатъ получился тотъ, что даже торговаться на эту работу „желающихъ вовсе никого не

явилось, почему матеріалы и рабочіе люди заподряжены отдѣльно, какъ сіе дѣлалось и въ прошлыхъ годахъ".

А тѣмъ временемъ у Дена дѣла шли прекрасно, и Государь, весьма часто посѣщавшій западныя крѣпости и воочію неоднократно убѣждавшійся, что оптовый заподрядъ крѣпостныхъ работъ. при ограниченной конкуренціи, можетъ сопровождаться отличными результатами какъ въ экономическомъ, такъ и въ техническомъ отношеніяхъ, не переставалъ толкать инженерное вѣдомство на путь, избранный Деномъ. И все же изъ этого проку не выходило. Судя по современнымъ документамъ, до середины сороковыхъ годовъ въ крѣпостяхъ, кромѣ западнаго округа, услугами подрядчиковъ пользовались главнымъ образомъ не для производства работъ, а для заготовки необходимыхъ матеріаловъ; до извѣстной же степени широкое примѣненіе оптоваго заподряда практиковалось только въ Динабургѣ, да и тутъ не безъ треній. Въ 1845 году изъ Динабургской крѣпости пришло донесеніе, что подрядчики тамъ—евреи и что вступаютъ они въ торги съ одною цѣлью: „воспользоваться задаточными деньгами". Поэтому мѣстное инженерное начальство ходатайствовало о возвращеніи къ старому, хозяйственному, способу. Лично разсмотрѣвъ дѣло, Николай Павловичъ приказалъ: 1) вмѣнить мѣстному начальству въ обязанность имѣть строжайшій надзоръ за успѣхомъ работъ и точнымъ выполненіемъ контрактовъ; 2) установить неустойку за неисправность подрядчиковъ не въ 10—15, а въ 25 процентовъ; 3) по мѣрѣ хода работъ, взыскивать неустойки за каждую неисправность по законченной стадіи работъ, а когда неустоекъ накопится свыше 10 процентовъ отъ общей контрактной суммы—подрядчиковъ устранять, и впредь таковыхъ къ инженернымъ работамъ не допускать. Однако, мѣры эти вожделѣнным успѣхомъ не увѣнчались, и тогда послѣдовало новое Высочайшее повелѣніе: къ торгамъ по Динабургу допускать преимущественно христіанъ и только тѣхъ евреевъ, кои уже извѣстны какъ исправные под-

рядчики; новичковъ изъ евреевъ допускать къ торгамъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда ими будетъ представлено въ залогъ имущество, „вполнѣ обезпечивающее подрядъ“; самые же торги производить не на мѣстѣ, а въ Петербургѣ, при инженерномъ департаментѣ.

Во второй половинѣ сороковыхъ годовъ подрядный способъ получилъ уже большее примѣненіе, и тамъ, гдѣ работы сдавались христіанамъ, дѣло стало налаживаться. Много хуже было при подрядчикахъ изъ евреевъ.

Какъ уже было сказано, Денъ работалъ въ Польшѣ исключительно съ подрядчиками изъ христіанъ. Евреевъ къ крѣпостямъ онъ не подпускалъ, считая ихъ на крѣпостныхъ работахъ нетерпимыми. Взглядъ этотъ онъ проводилъ въ жизнь и позднѣе, въ бытность свою инспекторомъ по инженерной части. Любопытенъ по этому поводу такой случай.

Въ декабрѣ 1851 года Денъ освѣдомился, что военный совѣтъ, по представленію инженернаго департамента, допустилъ къ торгамъ на работы по Кіевской и Севастопольской крѣпостямъ хлопотавшихъ о томъ евреевъ, и что соотвѣтственное постановленіе военнаго совѣта должно быть представлено на утвержденіе Государя. Онъ тотчасъ же подалъ въ совѣтъ записку съ протестомъ, въ которомъ прежде всего указывалъ на существующее запрещеніе постояннаго пребыванія евреевъ въ названныхъ городахъ и на то обстоятельство, что хотя изрѣдка они и допускались тамъ къ подрядамъ, но Императоръ всегда ограничивалъ срокъ (періодъ) такого допуска. Далѣе Денъ говорилъ, что въ 1840 году подряды на поставку различныхъ матеріаловъ по Кіевской крѣпости были отданы безъ торговъ русскимъ купцамъ Бухтѣеву и Торлецкому именно „для прекращенія представленій о допущеніи евреевъ къ торгамъ“, а въ 1850 году Государь лично объявилъ представителямъ кіевскаго городского общества, „что Его Величество не желаетъ присутствія евреевъ въ Кіевѣ“. Въ теченіе всего времени, пока евреи не были допускаемы къ подрядамъ въ

крѣпостяхъ, „русскіе подрядчики производили всѣ работы успѣшно, своевременно и такъ хорошо, что Государь Императоръ, при всякомъ осмотрѣ. оставался совершенно доволенъ“. Какъ только же появились евреи— пошли непорядки и тяжбы. Съ Гернера и Шафа, коимъ была сдана поставка строительныхъ матеріаловъ по Кіеву въ 1836 и 1839 г.г., донынѣ не могутъ взыскать задатковъ и неустоекъ. Въ томъ же положеніи и дѣло неисправнаго подрядчика Надсона—выкреста, ранѣе носившаго фамилію Натензонъ. „Допущеніе въ настоящее время къ торгамъ евреевъ—писалъ Денъ—сдѣлано вѣроятно съ тою цѣлью, чтобы увеличить число торгующихся и черезъ то достигнуть наибольшаго пониженія цѣнъ. Сіе послѣднее обстоятельство тогда только можетъ принести ожидаемую отъ онаго пользу, когда подрядчикъ, принявшій на себя работу по низкимъ цѣнамъ, исполнитъ оную во всемъ согласно условію. Но этого то именно, какъ доказано многими опытами, при подрядчикахъ евреяхъ, рѣдко достигнуть можно. Большее число изъ нихъ не знаетъ подробностей и затрудненій, встрѣчающихся въ извѣстной мѣрѣ при каждой работѣ, а это доказывается тѣмъ, что они почти никогда не разсматриваютъ смѣтъ и условій, а, услышавъ сумму, начинаютъ торговаться изъ одной корысти и главное съ цѣлью получить отъ настоящаго подрядчика отступную плату, послѣ чего прекращаютъ торгъ; въ противномъ же случаѣ они понижаютъ при торгахъ цѣну непомѣрнымъ образомъ, надѣясь избѣгнуть потери поставкою матеріаловъ худшей доброты и производствомъ работъ, помощью обмана, съ меньшею тщательностью. Отвѣтственности за сіе они подвергаютъ себя незначительной, потому что дѣйствуютъ общими компаніями изъ нѣсколькихъ лицъ, а въ залоги представляютъ чаще всего дома, которые бываетъ весьма трудно обратить въ деньги, какъ это доказано многими примѣрами. Сверхъ того, они стараются, изъ принятыхъ на себя обязанностей, выполнить прежде выгоднѣйшія, а когда дѣло дойдетъ

до труднѣйшихъ, то объявляютъ себя неисправными, уплачиваютъ неустойку и довольствуются барышемъ, полученнымъ отъ выгоднѣйшихъ предметовъ, а казна, кромѣ потери времени, терпитъ и убытокъ, ибо ни въ какомъ случаѣ нельзя будетъ произвести оставленныхъ подрядчикомъ, невыгодныхъ, работъ за опредѣленную цѣну, а тѣмъ еще менѣе по цѣнамъ, значительно пониженнымъ при торгахъ. Наконецъ, ежели и случится, что назначено будетъ произвести работу на счетъ залога неисправнаго подрядчика, то домовъ, принятыхъ въ залогъ, долгое время нельзя продать, а между тѣмъ они приходятъ въ ветхость, и дѣло кончается тѣмъ, что казна найдется вынужденною, по совершенной несостоятельности подрядчиковъ, часть убытка, непокрывающагося малоцѣнностью ихъ залоговъ, сложить со счетовъ. Кромѣ того, подрядчики изъ евреевъ, при пріемѣ къ себѣ рабочихъ, заботятся не о достоинствѣ ихъ въ знаніи дѣла, а только о дешевѣйшей платѣ, отчего и работы не могутъ быть хороши, при томъ дурно содержатъ рабочихъ, слѣдствіемъ чего бываютъ частыя жалобы и неудовольствія рабочихъ, что также не мало вредитъ успѣху и качеству работъ".

Основываясь на изложенномъ, Денъ категорически просилъ военный совѣтъ свое постановленіе отмѣнить и вызывъ къ торгамъ по Кіеву и Севастополю подрядчиковъ изъ евреевъ воспретить.

Разсмотрѣвъ записку Дена, военный совѣтъ счелъ необходимымъ въ первую очередь реабилитировать свое постановленіе. Въ журналѣ говорится, что таковое основано на послѣднихъ узаконеніяхъ объ евреяхъ, а никакъ не на стремленіи достигнуть только выгодныхъ результатовъ торговъ, ибо цѣль всякаго казеннаго подряда заключается „въ пріобрѣтеніи нужныхъ казнѣ предметовъ по опредѣлительнымъ цѣнамъ, неотяготительнымъ для казны и безобиднымъ для поставщиковъ", а также „въ поддержаніи частной промышленности". Правда, въ Кіевѣ и Севастополѣ изъ евреевъ могутъ

оперировать только купцы 1-й гильдіи, но именно такихъ лицъ военный совѣтъ и имѣлъ въ виду. „Но какъ Вы, Милостивый Государь—сообщалъ Дену за военнаго министра генералъ-адъютантъ князь Долгоруковъ—изволили признавать необходимымъ воспретить евреямъ вступать въ подряды на упомянутыя работы по Кіеву и Севастополю, то военный совѣтъ не нашелъ съ своей стороны особыхъ препятствій къ удовлетворенію сего ходатайства Вашего Высокопревосходительства“. Ходатайство это было утверждено и Государемъ *).

Успѣшность производства крѣпостныхъ работъ никогда не упускалась Николаемъ Павловичемъ изъ вида, и онъ зачастую былъ инціаторомъ принятія различныхъ мѣръ къ достиженію такой успѣшности.

Когда приступали къ постройкѣ новыхъ крѣпостей или къ производству большихъ работъ по крѣпостямъ существовавшимъ, Императоръ всегда напоминалъ строителямъ о необходимости благовременной заготовки потребныхъ матеріаловъ и рекомендовалъ нерѣдко даже способы производства такихъ операцій. Въ бытность еще генералъ-инспекторомъ, когда исправляли многіе верки Кронштадта, сильно поврежденные наводненіемъ 1824 года, и когда ощущалась острая нужда въ огромномъ количествѣ фашинъ для укрѣпленія омываемыхъ водою откосовъ, Николай Павловичъ затребовалъ отъ Оппермана справку, не было ли случаевъ пользованія лѣснымъ матеріаломъ для кронштадтскихъ работъ изъ ораніенбаумскихъ и петергофскихъ лѣсовъ. Когда же тому нашли прецедентъ, относившійся къ 1808 году, Великій Князь тотчасъ же вошелъ въ сношеніе съ главноуправляющимъ Царскимъ Селомъ, генераломъ отъ артилеріи

*) З, № 47—1833, 9, 10; № 97—1834; 296; № 30—1835, 1—3, 11—14, 31; № 67—1835, 10, 11; И, № 10—1829, 1, 4, 20; № 1—1832, 183, 184, 198; I, № 214—1843, 36, 41, 51, 89, 313, 314, 324; № 189—1844, 161, 264, 279—281, 356; № 101—1845, 1; К, № 63—1845, 7; Л, № 49—1845, 38; Т, № 98—II—1845, 19, 20; № 4—1850, 1, 2, 4, 18; № 107—1851, 9—13; Ф, № 97—1828, 1, 3, 19, 33, 34, 62, 79.

Захаржевскимъ и, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, добился разрѣшенія рубить въ названныхъ дачахъ мелкую поросль. Для исправленія плакировокъ потребовались черная земля и дернъ—испросилъ разрѣшеніе Государя перевести учебный саперный баталіонъ изъ Краснаго Села въ Ораніенбаумъ съ тѣмъ, чтобы одна его рота, поочередно, работала въ Кронштадтѣ. „Рота эта—докладывалъ Великій Князь—будетъ расположена лагеремъ на мѣстѣ, мною избранномъ“. Въ 1832 году, когда послѣдовало окончательное рѣшеніе построить крѣпость въ Брестъ-Литовскѣ, Императоръ повелѣлъ, не ожидая утвержденія детальныхъ чертежей, приступить къ заготовкѣ необходимыхъ для работъ матеріаловъ, на что и отпустилъ 500.000 руб., а черезъ два мѣсяца затребовалъ представленія свѣдѣнія, какія по этому предмету сдѣланы распоряженія и когда приступятъ къ самимъ работамъ. Около того же времени предстояли большія работы по переустройству Кіевской крѣпости. Мѣстное инженерное начальство донесло по командѣ о крайней затруднительности приступа къ работамъ по причинѣ полнаго отсутствія на рынкѣ кирпича. Государь приказалъ или немедленно открыть въ Кіевѣ казенные кирпичные заводы, или организовать выдѣлку кирпича на Кіево-Межегорской фаянсовой фабрикѣ министерства двора съ тѣмъ, чтобы фабрика доставляла въ крѣпость кирпичъ „за соразмѣрную плату“. По приказанію или съ разрѣшенія Царя, казенные кирпичные заводы стали постепенно возникать во всѣхъ строившихся и перестраивавшихся крѣпостяхъ. Но наблюдался существенный недостатокъ въ производствѣ этого матеріала: въ каждой отдѣльной крѣпости кирпичъ изготовляли по усмотрѣнію строителя; общихъ техническихъ для того условій не существовало. Въ 1845 году „Государь Императоръ, обращая вниманіе, что при возведеніи всѣхъ вообще зданій и въ особенности крѣпостныхъ работъ, равномѣрная форма и внутреннее достоинство кирпича составляютъ одно изъ главнѣйшихъ условій не

только наружнаго вида, но и самой прочности работъ, Высочайше повелѣть соизволилъ: изъ всѣхъ крѣпостей, гдѣ производятся нынѣ или предположены крѣпостныя работы, какъ въ царствѣ Польскомъ, такъ и по вѣдомству инженернаго департамента, истребовать по два или по три кирпича, которые бы, по своимъ размѣрамъ, вѣсу, чистотѣ и прочности выдѣлки, могли служить образцовыми съ тѣмъ, чтобы кирпичи сіи были уложены при отправленіи самымъ тщательнымъ образомъ и отнюдь не могли въ пути ни обломаться, ни испортиться, и по доставленіи сюда представлены Его Величеству для выбора и утвержденія одного образца, который бы могъ служить на будущее время нормой для кирпича, употребляемаго во всѣхъ вообще какъ воинскихъ, такъ и гражданскихъ зданіяхъ".

Бывали случаи, при которыхъ Государь рекомендовалъ заводить въ крѣпостяхъ небольшіе заводы и мастерскія для выдѣлки и другихъ матеріаловъ. Такъ, въ сентябрѣ 1832 года, осматривая въ Бобруйскѣ работы, при которыхъ въ дѣло были употреблены различныя чугунныя подѣлки, и убѣдившись, что въ крѣпости имѣются большіе запасы чугуннаго лома вѣдомства крѣпостной артилеріи, Николай Павловичъ приказалъ командиру кіевскаго инженернаго округа „сочинить проектъ и смѣту на чугунную литейную—въ маломъ видѣ заводъ". Генералъ Бурмейстеръ донесъ объ этомъ директеру инженернаго департамента, присовокупляя: „Какъ мнѣ и прочимъ инженернымъ офицерамъ сего устройства не извѣстно, а потому и передаю оное на разсмотрѣніе Вашего Превосходительства". Но и департаментъ къ этой операціи отнесся не сочувственно. Въ докладѣ военному министру излагалось, что чугунныя подѣлки для инженернаго вѣдомства нужны въ крайне ограниченномъ количествѣ и при томъ такого рода, какъ ворота, орлы, рѣшетки съ украшеніями, для изготовленія коихъ нужны весьма искусные мастера. Заказываются эти предметы обыкновенно петербургскому казенному

литейному заводу. Въ Бобруйскѣ же всяческихъ необходимыхъ чугунныхъ предметовъ имѣется на лицо достаточно. Другое дѣло—переливка чугуннаго лома въ снаряды; тутъ пользы явилось бы не мало; но это дѣло артилеристовъ. Въ этомъ духѣ и завершился вопросъ: Государь приказалъ устроить въ Бобруйскѣ литейную артилерійскаго вѣдомства.

Когда въ производствѣ хозяйственныхъ крѣпостныхъ операцій, съ легкой руки Дена, начала проводиться свыше тенденція къ заподрядному способу, Николай Павловичъ неоднократно входитъ въ технику торговъ, не упуская и мелочей. Характеренъ такой фактъ, правда, собственно къ работамъ не относящійся. Въ Брестѣ построили, распоряженіемъ крѣпостной администраціи, мостъ черезъ Бугъ, служившій сообщеніемъ и для обывателей. Въ іюнѣ 1838 года съ мѣста пришло ходатайство объ установленіи за проѣздъ черезъ мостъ особаго сбора и о сдачѣ этого сбора на откупъ съ торговъ. Императоръ согласился, но съ тѣмъ, „чтобы срокъ производству торговъ былъ опредѣленъ не 1 іюля, а 1 августа, дабы желающіе торговаться успѣли прибыть къ означенному сроку". И такая предусмотрительность не замедлила завершиться удачными результатами: на торгахъ заявлена была сумма въ 6.000 руб. въ годъ—сумма, которой не ожидали.

Нельзя не отмѣтить участія вѣнценоснаго военнаго инженера также и въ дѣлѣ оборудованія крѣпостныхъ работъ усовершенствованными средствами для передвиженія земли и другихъ матеріаловъ.

Поскольку то явствуетъ изъ документовъ, до 1836 года въ нашихъ крѣпостяхъ пользовались при производствѣ земляныхъ работъ только обыкновенными тачками. Въ этомъ году инженеръ генералъ-маіоръ Мачульскій предложилъ типъ усовершенствованной „землевозной телѣжки", нѣкоторыя данныя о которой приводятся ниже. Телѣжка Мачульскаго Государемъ была одобрена и, по Высочайшему повелѣнію, примѣнена къ работамъ по крѣпо-

стямъ. Между тѣмъ, въ слѣдующемъ году адъютантъ нашего посла въ Парижѣ, гвардіи штабсъ-капитанъ Глинка, представилъ военному министру чертежъ и описаніе „механической тачки“ Палисара, яко-бы представляющей собою чрезвычайныя удобства. Императоръ не преминулъ обратить на это особое свое вниманіе, приказалъ чертежъ и описаніе разсмотрѣть въ военно-ученомъ комитетѣ и представить Его Величеству подробное заключеніе. Докладывая журналъ комитета, графъ Чернышевъ указывалъ, что тачка Палисара—машина крайне сложная, стоитъ до 500 руб. за штуку, можетъ быть примѣняема только при лошадиной тягѣ, требуя всегда одну, а временами и двухъ лошадей, всегда при двухъ рабочихъ, пользоваться ею можно только при совершенно сухой и ровной почвѣ, а успѣхъ работъ съ нею ничего удивительнаго не представляетъ. „Въ нашихъ крѣпостяхъ—писалъ военный министръ—земляныя работы производятся солдатами за плату, значительно меньшую той, которая отпускается вольнымъ рабочимъ, и по этой дешевизнѣ для земляныхъ работъ особенно полезны у насъ снаряды, не требующіе содѣйствія лошадей“. Тачка Мачульскаго несравненно проще, стоитъ 54 рубля, требуетъ только двухъ рабочихъ, а успѣхъ работы при ней, на разстояніи въ 300 саж., не менѣе половины достигаемаго при тачкѣ механической, т. е. двумя тачками Мачульскаго можно выработать то же, что и одной Палисара, но съ издержками несравненно меньшими. Поэтому графъ Чернышевъ полагалъ сообщеніе Глинки принять только къ свѣдѣнію. Соглашаясь съ правильностью заключенія, по скольку оно касалось крѣпостныхъ работъ, Императоръ все же приказалъ чертежъ и описаніе тачки Палисара передать въ вѣдомство путей сообщенія, чтобы тамъ обсудили—не пригодится ли эта тачка для дорожныхъ работъ?

Въ томъ же году въ Бобруйскѣ, по приказанію Царя, производились опыты по примѣненію къ земля-нымъ работамъ двухколесныхъ повозокъ, при ровной

мѣстности и твердомъ грунтѣ—безъ особыхъ приспособленій, а при иныхъ условіяхъ—съ прокладкою паралельныхъ, по ширинѣ хода, досокъ. Въ первомъ случаѣ и при разстояніяхъ менѣе 100 саж. результаты получались благопріятные, во второмъ—совсѣмъ плохіе, ибо какъ только хотя бы одно изъ колесъ сходило съ доски, водвореніе его на мѣсто оказывалось крайне труднымъ. Въ періодъ же этихъ опытовъ Николаю Павловичу попала въ руки статья изъ „Le Spéctateur Militaire“ о пользованіи при земляныхъ работахъ, производимыхъ войсками, переносными желѣзными дорогами, и Его Величество повелѣлъ какъ бобруйскую повозку, такъ и рекомендованное французскимъ журналомъ средство испытать въ Новогеоргіевскѣ и Брестѣ. Князь Варшавскій поручилъ производство опытовъ Дену; но послѣдній доложилъ ему, что имѣющееся въ журналѣ описаніе „столь поверхностно, что по немъ не только невозможно было сдѣлать повозокъ (vagons), но даже и объ устройствѣ самихъ желѣзныхъ полосъ трудно вывесть вѣрное заключеніе“, почему возложенная на него задача оказывалась неразрѣшимой. Бобруйская же телѣжка дала тѣ же результаты, какъ и на мѣстѣ ея первоначальнаго испытанія. Находя поэтому, что какъ двухколесная телѣжка, такъ и французскіе вагоны „одинаково неудобны“, Денъ высказался за старый способъ, за пользованіе обыкновенной тачкой, которая, по его мнѣнію, много лучше даже тамъ, гдѣ необходимо примѣнять подмости. Князь Варшавскій съ этимъ согласился и соотвѣтственный докладъ представилъ Государю.

Тѣмъ временемъ, Николай Павловичъ освѣдомился о новомъ изобрѣтеніи, и слѣдствіемъ доклада князя Варшавскаго явилось повелѣніе инженерному департаменту: „Сдѣлать соображеніе, не окажется ли полезнымъ устроить въ крѣпостяхъ дороги, изобрѣтенныя флигель-адъютантомъ полковникомъ княземъ Бѣлосельскимъ“.

Департаментъ обратился къ изобрѣтателю, который, „вмѣняя себѣ за величайшее счастье высокое вниманіе“,

согласился представить всѣ необходимыя по своему изобрѣтенію свѣдѣнія, прося при этомъ предоставить въ его распоряженіе образованнаго чертежника для составленія чертежей. Къ нему назначили инженеръ штабсъ-капитана Костомарова. Оказалось, что у Бѣлосельскаго была выбрана на „санокатную дорогу“ привилегія. Въ послѣдней указывалось, что путь изобрѣтателя „есть ничто иное какъ взятая на оборотъ обыкновенная дорога, въ которой вмѣсто того, чтобы колесамъ катится по дорогѣ, они напротивъ служать токмо средствомъ къ приведенію въ движеніе самокатни, состоящей изъ ящика, утвержденнаго на полозьяхъ и везомаго лошадью“. Въ общемъ, это была система роликовъ, по которымъ шелъ ящикъ. Опытъ, произведенный передъ выдачей привилегіи, показалъ, что грузъ въ 400 пуд. перевозится по „санокатной дорогѣ“ однoю лошадью и на протяженіи одной версты въ 20 минутъ. Всѣ данныя о дорогѣ князя Бѣлосельскаго, по приказанію Государя, были сообщены „для обстоятельнаго разсмотрѣнія“ командиру западнаго инженернаго округа и строителямъ Динабурга, Кіева и Севастополя. Первый отнесся къ ней отрицательно. Строитель Динабурга, войдя въ дѣло съ большимъ вниманіемъ, призналъ дорогу выгодной и даже представилъ соображеніе, доказывавшее. что при насыпкѣ гласиса передъ 4-мъ и 5-мъ полигонами крѣпости обыкновеннымъ способомъ расхода потребуется 2,5 мил. руб., а при пользованіи „санокатною“ дорогою всего 1,5 мил. руб. Прочія лица заявили, что мѣстность ихъ крѣпостей не подходитъ для широкаго примѣненія изобрѣтенія. Докладывая объ этомъ, Михаилъ Павловичъ, съ своей стороны, обратилъ вниманіе Монарха на дорогу Пальмера, которая де вдвое дешевле; онъ представилъ подробныя о ней данныя и полагалъ примѣнить къ крѣпостнымъ работамъ именно ее. Государь усмотрѣлъ „преимущество висячей желѣзной дороги Пальмера; но окончательное разрѣшеніе сего вопроса Его Величество предоставляетъ себѣ въ то время, когда будетъ назна-

чено приступить къ насыпкѣ гласиса Динабургской крѣпости".

Прошло около восьми лѣтъ, и инженерное вѣдомство повидимому забыло о своей рекомендаціи. Въ 1844 году Николай Павловичъ уже самъ предложилъ департаменту примѣнить при земляныхъ работахъ въ Динабургѣ легкую висячую желѣзную дорогу Пальмера. Департаментъ же доложилъ, что эта дорога весьма хороша только тамъ, гдѣ грузы передаются съ опредѣленнаго пункта на опредѣленное же мѣсто; при земляныхъ же работахъ, при коихъ приходится землю брать съ разныхъ площадей и перевозить на многіе пункты, она или непримѣнима, или сильно удорожаетъ работы. Полагая по этому для Динабурга пальмеровской дороги не заводить, департаментъ почему то находилъ болѣе подходящимъ примѣнить это же средство при работохъ по возведенію вновь предположенной крѣпости у мѣстечка Жванецъ. На докладѣ Государь положилъ резолюцію: „Вообще примѣнять тамъ, гдѣ оно полезно быть можетъ".

Изложенное показываетъ, что пожеланія Николая Павловича въ области облегченія въ крѣпостяхъ производства земляныхъ работъ проводились въ жизнь весьма туго. Въ 1849 году. будучи въ Кіевѣ, Государь наблюдалъ все тотъ же старый способъ земляныхъ работъ, при которомъ производилась срывка земли на вершинахъ холмовъ и доставленіе ея въ низины, для засыпки рытвинъ, прогономъ людей съ горы на гору. Его Величество весьма „неодобрительно" отозвался о такомъ „изнурительномъ для людей и неуспѣшномъ способѣ", и это побудило строителя, подполковника Клименка, проектировать „натягиваніе канатовъ съ движеніемъ по нимъ люлекъ". Мысль эта весьма понравилась командиру инженернаго округа, генералу Фрейману. Но инженерный департаментъ отнесся къ вопросу иначе. Указывая, что способъ Клименка совсѣмъ не является новостью, что въ Данцигѣ, еще лѣтъ 200 тому назадъ, такъ пересыпали цѣлую гору и что, не смотря на это, сказанный способъ все же не

распространился, департаментъ послѣднее обстоятельство пояснялъ необходимостью при канатныхъ дорогахъ соблюдать строгое соотношеніе между высотою срываемой горы и горизонтальнымъ разстояніемъ до мѣста свалки земли. Все же въ Кіевѣ было устроено шесть „самолетовъ“, оказавшихся весьма удобными и дававшихъ экономію въ рабочихъ и издержкахъ до 40 процентовъ. Въ сентябрѣ 1850 года Николай Павловичъ лично наблюдалъ дѣйствіе „самолетовъ“ и также призналъ ихъ весьма удобными. Имѣется свѣдѣніе, что „самолетами“ въ Кіевѣ пользовались пять лѣтъ и за это время съэкономили 26.566 руб., каковая сумма получилась главнымъ образомъ отъ сбереженія 75.798 человѣкъ рабочихъ, замѣненныхъ механическою передачею земли отъ выемокъ къ насыпямъ *).

---

*) З, № 76—1826, 37; И, № 1—1832, 183, 184, 198; № 10—1833, 1, 23, 24, 71; № 67—1834, 15; І, № 143—1841, 88—90; № 74—1845, 1; К, № 23—1837, 2—6, 40—51, 112—116, 151—153; № 45—1837, 19—21; № 59—1838, 5, 15; О, № 12—1849, 1—6; № 66—1850, 70; Т, № 30—1852, 67, 81; Ф, № 101—1835, 1, 18.

ГЛАВА IX.

Организація инженерныхъ войскъ. Піонерные и саперные баталіоны. Сведеніе баталіоновъ въ бригады. Учебный саперный баталіонъ. Переходъ понтоннаго дѣла въ инженерное вѣдомство. Устройство этой части. Конно-піонерные эскадроны и дивизіоны. Полевые и осадные инженерные парки. Арсеналы. Центральная мастеровая команда. Комплектованіе инженерныхъ войскъ. Заботы о поднятіи въ инженерныхъ частяхъ какъ строевой, такъ и искусственной подготовки. Положеніе о спеціальномъ образованіи. Войсковыя теоретическія и практическія школы. Инспекція по спеціальной подготовкѣ. Производство практическихъ саперныхъ работъ и отношеніе къ этому дѣлу Николая Павловича. Составленіе програмъ лѣтнихъ занятій. Личные осмотры работъ Императоромъ. Дѣятельность саперъ на полевыхъ маневрахъ. Маневры крѣпостные. Примѣрная осада Нарвы. Намѣреніе Монарха обратить Нарву въ образцовый учебный полигонъ. Черты изъ боевой дѣятельности саперъ.

Непосредственно передъ вступленіемъ Николая Павловича въ должность генералъ-инспектора по инженерной части, существовавшіе у насъ саперные и піонерные баталіоны, число коихъ, по инициативѣ генерала Оппермана, было доведено до числа корпусовъ, находились въ полномъ вѣдѣніи командировъ послѣднихъ и лишь при нѣкоторомъ вліяніи на ихъ строевую и техническую подготовку со стороны начальниковъ инженеровъ армій или отдѣльныхъ корпусовъ. Въ общемъ, баталіоны не представляли собою отдѣльнаго рода оружія, далеко не находились на высотѣ своего призванія и, по многимъ свидѣтельствамъ, играли въ арміяхъ роль военно-рабочихъ командъ. Николай Павловичъ, какъ уже упоминалось въ главѣ I, сразу принялъ энергичныя мѣры къ подъему инженерныхъ войскъ, и первою изъ этихъ мѣръ явилось настойчиво имъ проведенное въ жизнь стремленіе—подчинить баталіоны почти полностью генералъ-

инспектору. Средствомъ для этого послужило сведеніе баталіоновъ въ бригады, якобы вовсе не касаясь существовавшей корпусной организаціи, и учрежденіе какъ бы временныхъ должностей командировъ сводныхъ піонерныхъ бригадъ, подчиненныхъ непосредственно Великому Князю. Постепенно терминъ „сводная“ забылся; остались просто бригады; съ ними народился новый спеціальный родъ оружія—инженерныя войска, упорно не признававшійся тогдашней военной теоріей, но фактически существовавшій вполнѣ благополучно. Непосредственно начальствуя инженерными войсками съ 1818 по 1825 годъ включительно, продолжая ближайше руководить ими и по восшествіи на престолъ, Николай Павловичъ безспорно осуществилъ свою завѣтную мечту: саперные и піонерные баталіоны обратились при немъ въ образцовыя строевыя части, а по спеціальной своей подготовкѣ превзошли все когда либо существовавшее не только у насъ, но и въ иностранныхъ арміяхъ.

Необходимо замѣтить, что 19 августа 1818 года послѣдовало Высочайшее утвержденіе новаго положенія о саперныхъ и піонерныхъ баталіонахъ, хотя и разработанное подъ непосредственнымъ руководствомъ Николая Павловича, но не вполнѣ совпадавшее съ личными взглядами на вещи Великаго Князя. По положенію этому, въ которомъ въ значительной мѣрѣ отразилось вліяніе начальника главнаго штаба, генералъ-адъютанта князя Волконскаго, баталіоны во всѣхъ отношеніяхъ были подчинены командирамъ тѣхъ корпусовъ, при коихъ состояли, и отчасти начальникамъ инженеровъ армій. Первые полностью вѣдали комплектованіемъ и довольствіемъ частей; они же располагали и всѣми дисциплинарными правами. Вторые имѣли попеченіе о внутреннемъ устройствѣ и объ обученіи баталіоновъ. Начальники инженеровъ были подчинены какъ главнокомандующимъ, такъ и генералъ-инспектору по инженерной части. Они обязаны были доносить первымъ о предписаніяхъ генералъ-инспектора, а послѣднему о предписаніяхъ

главнокомандующихъ. Равнымъ образомъ, и командиры баталіоновъ доносили своимъ командирамъ корпусовъ о предписаніяхъ начальника инженеровъ, а начальнику инженеровъ о предписаніяхъ корпуснаго командира. Генералъ-инспекторъ имѣлъ право привлекать баталіоны собственною властью къ работамъ по крѣпостямъ, и правомъ этимъ Николай Павловичъ воспользовался весьма широко, на пользу крѣпостному дѣлу, на пользу войскамъ и въ видахъ жизненнаго, по логикѣ вещей, устраненія главнаго пробѣла положенія—туманнаго и какъ всегда вреднаго двоевластія.

Къ 1818 году у насъ имѣлось три саперныхъ баталіона (гвардейскій, 1-й и 2-й), семь піонерныхъ баталіоновъ (съ № 1-го по 7-й) и четыре отдѣльныя піонерныя роты—двѣ на Аландѣ, вскорѣ пошедшія на сформированіе военно-рабочихъ ротъ, и двѣ на Кавказѣ, изъ коихъ одна обслуживала потребности отдѣльнаго кавказскаго корпуса, а другая содержала Военно-Грузинскую дорогу. Въ послѣдующіе годы въ войсковой инженерной организаціи произошли такія перемѣны.

По Высочайшему повелѣнію 13 сентября 1818 года изъ существовавшихъ на Кавказѣ піонерныхъ ротъ былъ образованъ 8-й піонерный баталіонъ. 7 марта 1819 года были учреждены временныя должности командировъ 1-й и 2-й сводныхъ піонерныхъ бригадъ для общаго руководства саперами и піонерами, пріуроченными генералъ-инспекторомъ къ работамъ по Динабургской и Бобруйской крѣпостямъ, для руководства ими именно въ области производства сказанныхъ работъ. По Высочайшему повелѣнію, съ учрежденіемъ новыхъ должностей, ранѣе установленные по отношенію къ баталіонамъ порядки не должны были измѣниться ни въ чемъ; черезъ руки командировъ сводныхъ бригадъ должны были проходить лишь бумаги, касавшіяся жизни частей; надѣленные правами командировъ пѣхотныхъ бригадъ, они являлись поначалу какъ бы начальниками инженерныхъ гарнизоновъ въ Динабургѣ и Бобруйскѣ. Однако, факти-

чески, исключительно по настойчивымъ и властнымъ требованіямъ Николая Павловича, командиры бригадъ скоро стали полными хозяевами подчиненныхъ имъ частей и ближайшими исполнителями всѣхъ распоряженій и предначертаній Августѣйшаго генералъ-инспектора. Не только власть, но даже вліяніе на инженерныя войска со стороны общаго войскового начальства незамѣтно, но быстро свелись на-нѣтъ и при томъ безъ особыхъ треній, ибо генералъ-инспекторъ по праву своему обратилъ баталіоны на крѣпостныя работы, а такое обращеніе пресѣкло въ мирное время связь между баталіонами и корпусами, связь, необходимость которой въ повседневной жизни Великій Князь и Императоръ Николай Павловичъ отрицалъ всегда и категорически *).

Въ составъ 1-й сводной піонерной бригады вошли: 2-й саперный, 1-й, 2-й и 5-й піонерные баталіоны; командиръ бригады генералъ-маіоръ фонъ-Менгденъ. Въ составъ 2-й бригады: 1-й саперный, 3-й и 4-й піонерные баталіоны; командиръ бригады генералъ-маіоръ Нагель. Въ документахъ не найдено-была ли тогда же образована 3-я сводная піонерная бригада: она упоминается въ бумагахъ 1824 года, въ составѣ 6-го и 7-го піонерныхъ баталіоновъ; командовалъ ею генералъ-маіоръ князь Пхейзе (Пхеидзе?). Въ составъ бригадъ несомнѣнно не вошли только гвардейскій саперный и 8-й піонерный баталіоны.

Почти одновременно съ учрежденіемъ сводныхъ піонерныхъ бригадъ, имѣвшимъ главною цѣлью упорядоченіе подготовки баталіоновъ къ спеціальной дѣятельности въ военное время, Николай Павловичъ приложилъ стараніе и къ повышенію боевой готовности инженерныхъ частей въ смыслѣ обращенія ихъ въ болѣе

*) При Николаѣ Павловичѣ въ мирное время саперные баталіоны придавались корпусамъ только на періодъ большихъ маневровъ. По соображеніямъ же мобилизаціоннымъ баталіоны старались располагать такъ, чтобы они квартировали по возможности ближе къ корпусамъ, съ коими имъ приходилось оперировать въ военное время.

подвижныя тактическія единицы. До того времени баталіоны были сильно обременены крайне громоздкими обозами, либо задерживавшими ихъ на походѣ, либо отрывавшимися отъ своихъ частей на весьма большія разстоянія. Эта громоздкость происходила отъ того, что къ баталіонамъ были пріурочены запасы всевозможныхъ инструментовъ и принадлежностей, необходимыхъ для позиціонныхъ и крѣпостныхъ операцій. Въ соотвѣтственномъ докладѣ Великій Князь между прочимъ писалъ: „Въ послѣднюю кампанію, въ 1814 году, многія роты имѣли свой обозъ въ нашихъ предѣлахъ и въ Варшавскомъ герцогствѣ, когда уже сами съ арміей находились подъ Парижемъ; сверхъ того, полагаемый осадный инструментъ, по рѣдкости случаевъ къ его употребленію, вовсе безполезно возить всегда съ собою“. Посему генералъ-инспекторъ предлагалъ сосредоточить громоздкій инструментъ въ особыхъ подвижныхъ депо, съ освобожденіемъ отъ него баталіоновъ, что и было Высочайше утверждено 16 декабря 1821 года. Одновременно были приняты мѣры къ облегченію и улучшенію шанцеваго инструмента саперъ и піонеръ, при чемъ образцы такового были между прочимъ выписаны изъ заграницы и всесторонне испытаны для выработки русскихъ типовъ снабженія инженерныхъ частей.

Высочайшимъ повелѣніемъ 21 апрѣля 1822 года, послѣдовавшимъ по представленію Августѣйшаго генералъ-инспектора, 2-й саперный баталіонъ былъ переименованъ въ учебный, а 1-й саперный—просто въ саперный. О цѣли сформированія учебнаго баталіона, какъ дѣтища Николая Павловича, ниже будутъ приведены болѣе подробныя свѣдѣнія. Въ слѣдующемъ году было приступлено къ формированію для литовскаго отдѣльнаго корпуса 9-го піонернаго баталіона, коему 19 сентября 1823 года повелѣно именоваться литовскимъ. Около того же времени организована особая сводная учебная саперно-піонерная команда въ Варшавѣ, съ составомъ перемѣннымъ, командировавшимся въ нее отъ всѣхъ саперныхъ и

піонерныхъ баталіоновъ (гвардейскаго, учебнаго, саперпаго и семи піонерныхъ), имѣвшая цѣлью обучать полевому инженерному дѣлу учебныя команды русскихъ и польскихъ пѣхотныхъ полковъ, расположенныхъ въ царствѣ Польскомъ (всѣ эти команды въ 1825 году состояли въ вѣдѣніи „польскихъ войскъ командира 4-го пѣхотнаго полка, полковника Богуславскаго"). Въ 1828 же году изъ двухъ „поселенныхъ" саперныхъ ротъ, состоявшихъ при поселенномъ въ Новгородской губерніи гренадерскомъ корпусѣ, изъ одной роты 5-го піонернаго баталіона и изъ рекрутъ 93-го набора, былъ сформированъ временной резервный піонерный баталіонъ.

Наиболѣе крупная при Николаѣ Павловичѣ реорганизація инженерныхъ войскъ, при которой названіе „піонерныхъ" баталіоновъ исчезло, произошла въ 1829 году. 25 октября того года Государь повелѣлъ: 1) переименовать: саперный баталіонъ—въ гренадерскій саперный, 1-й піонерный—въ 1-й саперный, 2-й піонерный—въ 1-й резервный саперный, 5-й піонерный—во 2-й саперный, 3-й піонерный—въ 3-й саперный, временной резервный піонерный—во 2-й резервный саперный, 4-й піонерный—въ 4-й саперный, 6-й піонерный—въ 5-й саперный, 7-й піонерный—въ 3-й резервный саперный, маршевой піонерный, сформированный въ кампанію 1828—1829 гг., предназначить на укомплектованіе вышеуказанныхъ саперныхъ баталіоновъ; 2) всѣ эти баталіоны свести въ три саперныя бригады: въ 1-ю—изъ гренадерскаго, 1-го и 1-го резервнаго баталіоновъ (штабъ въ Динабургѣ, командиръ генералъ-маіоръ Денъ 1-й), во 2-ю—изъ 2-го, 3-го и 2-го резервнаго баталіоновъ (штабъ въ Бобруйскѣ, командиръ генералъ-маіоръ Рупертъ) и въ 3-ю—изъ 4-го, 5-го и 3-го резервнаго баталіоновъ (штабъ въ Бендерахъ, командиръ генералъ-маіоръ Ольденбургъ); 3) дѣйствующіе саперные баталіоны причислить къ корпусамъ тѣхъ же номеровъ, но считать ихъ въ командировкѣ, содержа въ бригадахъ вмѣстѣ съ резервными „подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ" генералъ-инспектора по инже-

нерной части; 4) литовскому піонерному баталіону именоваться литовскимъ саперным, а 8-му піонерному—кавказскимъ сапернымъ; 5) въ баталіонахъ: гренадерскомъ и трехъ резервныхъ имѣть по двѣ саперныя и по двѣ минерныя роты; въ прочихъ—по одной саперной и по три піонерныхъ роты. Невошедшіе въ составъ постоянныхъ бригадъ баталіоны, гвардейскій и учебный, образовали какъ бы временную бригаду, подчиненную начальнику инженеровъ гвардейскаго корпуса. Въ обособленномъ положеніи остались только литовскій и кавказскій саперные баталіоны.

Вслѣдствіе рѣшенія присвоить сапернымъ баталіонамъ номера одинаковые съ корпусами, при которыхъ они должны были состоять въ военное время, а также по соображеніямъ дислокаціоннымъ, въ послѣдующіе три года пришлось нѣкоторыя части вновь переименовать. Въ маѣ 1831 года, по полученіи литовскимъ корпусомъ номера 6-го, литовскій саперный баталіонъ переименованъ въ 6-й, а 20 октября того же года, по причинамъ, изъ документовъ не яснымъ, тотъ же баталіонъ переименованъ въ 3-й, а 3-й—въ 6-й. Непосредственно послѣ этого распоряженія, Августѣйшій генералъ-инспекторъ, Великій Князь Михаилъ Павловичъ, вошелъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ, въ которомъ указывалъ, что, вслѣдствіе сказаннаго переименованія, въ случаѣ присоединенія баталіоновъ къ корпусамъ, 6-й баталіонъ придется двинуть изъ подъ Бобруйска къ южной границѣ, а 4-й изъ подъ Бендеръ въ обратную сторону; при распредѣленіи же по бригадамъ, оба неминуемо надо передвинуть, ибо 6-й долженъ быть въ 3-й бригадѣ, а 4-й можетъ остаться на мѣстѣ только при условіи, если 3-ю бригаду составить изъ четырехъ баталіоновъ. Посему, по мнѣнію Его Высочества, представлялось бы желательнымъ: 6-й баталіонъ переименовать въ 4-й, а 4-й—въ 6-й. На это послѣдовало Высочайшее соизволеніе 8 февраля 1832 года, и послѣ этого составъ бригадъ былъ опредѣленъ: 1-я—гренадерскій, 1-й и 1-й резервный баталіоны; 2-я—2-й,

3-й, 4-й и 2-й резервный баталіоны; 3-я—5-й 6-й и 3 резервный баталіоны. *)

Въ 1832 году былъ окончательно урегулированъ вопросъ о носимомъ шанцевомъ инструментѣ въ саперныхъ баталіонахъ и было постановлено имѣть этого инструмента въ каждомъ баталіонѣ: лопатъ—410, топоровъ—290, кирокъ—80, мотыгъ—40 и ломовъ—16. А нѣсколько позднѣе, именно въ 1836 году, по почину начальника инженеровъ дѣйствующей (западной) арміи, генерала Дена, исходившаго изъ опыта польской кампаніи, значительно уменьшенъ въ баталіонахъ возимый инструментъ, съ передачей части таковаго, вмѣстѣ со всѣми громоздкими инструментальными фурами, въ полевые инженерные парки. Для баталіоновъ были заведены облегченныя повозки, при чемъ образцовая фура была во всѣхъ подробностяхъ осмотрѣна самимъ Императоромъ. Этой мѣрой баталіонамъ была придана еще большая подвижность.

По Высочайшему повелѣнію, отданному въ приказѣ военнаго министра 23 декабря 1841 года, организація саперъ была опять нѣсколько видоизмѣнена: 2-й резервный саперный баталіонъ упраздненъ, съ распредѣленіемъ его чиновъ по прочимъ баталіонамъ; 3-й резервный переименованъ во 2-й; гренадерскій саперный баталіонъ отчисленъ отъ 1-й бригады и подчиненъ начальнику инженеровъ гвардейскаго корпуса „въ составѣ бригады съ гвардейскимъ и учебнымъ саперными баталіонами"; 2-й и 3-й саперные баталіоны перечислены изъ 2-й въ 1-ю бригаду, а 4-й переведенъ изъ Бобруйска въ Кіевъ, къ находившимся тамъ баталіонамъ 3-й бригады; затѣмъ 2-я бригада упразднена, а 3-я переименована во 2-ю. Такимъ образомъ, не считая импровизованной гвардей-

*) Г, № 54—1829, 2, 4, 16; Е, № 82—1832, 1, 2, 4; Ф, № 120—1825, 13, 15; Ч, № 20—I—1842, 3, 12—14; Приказы: № 20—1819, № 35—1822, № 71—1823, № 70—1824, № 42—1825, №№ 58, 68, 69—1829, №№ 31, 57—1831; № 19—1832, I П. С. З., №№ 27.484, 27.537, 27.706, 29.612; II П. С. З., №№ 3.254, 3.527, 4.873, 5.141, 100 В. М., II, 86, 89; 100 В. М., VII, 671.

ской, получились только двѣ саперныя бригады: динабургская—1-я и кіевская—2-я. Ихъ составъ: 1-я—1-й, 2-й, 3-й и 1-й резервный баталіоны; 2-я—4-й, 5-й 6-й и 2-й резервный баталіоны.

Въ октябрѣ 1844 года Николай Павловичъ повелѣлъ: во всѣхъ саперныхъ баталіонахъ піонеръ упразднить и имѣть половину состава—минеръ, а другую—саперъ, при чемъ нижнихъ чиновъ, „для соревнованія къ лучшему образованію себя въ технической части“, подраздѣлить на три класса, назначивъ минеръ и саперъ: въ 1 й классъ—по 80, во 2-й—по 150 и въ 3-й—по 230. Годовые оклады, въ рубляхъ серебромъ, были установлены: для 1-го класса 7 (гвардія) и 5,4 (армія), для 2-го класса—6,3 и 4,65, для 3-го класса—4,65, 4,35 (учебный и гренадерскій баталіоны) и 3,75. Въ декабрѣ же 1844 года всѣ роты баталіоновъ повелѣно именовать саперными.

16 января 1845 года Государь повелѣлъ сформировать для отдѣльнаго кавказскаго корпуса новый саперный баталіонъ—3-й резервный—по военному составу существующихъ резервныхъ (но безъ понтонныхъ парковъ), выдѣливъ для сего 3-ю и 4-ю роты 5-го сапернаго баталіона и военно-рабочія роты №№ 34 и 35 съ тѣмъ, чтобы послѣднія, впредь до распоряженія, были оставлены на Военно-Грузинской дорогѣ и только числились въ баталіонѣ (вошли въ его составъ въ іюлѣ 1848 года); затѣмъ, 5-й саперный баталіонъ раздѣлить на четыре роты, уравнявъ число старослужащихъ въ 4-мъ, 5-мъ и 6-мъ баталіонахъ, а некомплектъ въ этихъ частяхъ пополнить рекрутами. Въ слѣдующемъ году кавказскій и 3-й резервный саперные баталіоны были соединены въ бригаду (командиръ, офиціально—„завѣдывающій саперными баталіонами“—генералъ-маіоръ Фелькнеръ) и имъ была придана особая подвижность: Государь повелѣлъ баталіонамъ этимъ инженернаго обоза не имѣть, какъ не имѣть вовсе и возимаго инструмента; взамѣнъ этого, устроить запасы послѣдняго: для кав-

казскаго баталіона—въ Тифлисѣ, а для 3-го резервнаго—въ крѣпости Георгіевскѣ; сказанные запасы къ мѣстамъ большихъ работъ перевозить „какъ окажется удобнымъ по обстоятельствамъ“. Однако, кавказская бригада, какъ войсковой органъ, существовала недолго: въ январѣ 1848 года должность завѣдывающаго саперными баталіонами была упразднена, надо полагать по той причинѣ, что край былъ на военномъ положеніи и что кавказскій баталіонъ оперировалъ въ Закавказьѣ, а 3-й резервный на сѣверномъ Кавказѣ.

Передъ венгерскою кампаніей, назначенные въ походъ саперные баталіоны, именно 1-й, 2-й, 3-й, 4-й и 5-й, были снабжены приборами и инструментами „для устройства полевыхъ минъ“, а въ іюлѣ 1848 года Государь повелѣлъ снабдить гальваническимъ имуществомъ всѣ саперныя части. Для имущества этого каждому баталіону придали новыя двѣ фуры. Табель гальваническихъ принадлежностей была Высочайше утверждена въ январѣ 1849 года.

Въ 1850 году Денъ опять возбудилъ вопросъ объ увеличеніи подвижности саперныхъ баталіоновъ. Генералъ боевой и опытный, онъ былъ постояннымъ противникомъ перегруженія саперъ спеціальнымъ имуществомъ, противникомъ тенденціи, уже искони наблюдавшейся въ инженерномъ вѣдомствѣ. Въ январѣ того года онъ донесъ военному министру, что въ саперныхъ баталіонахъ имѣется имущество „совершенно безполезное и даже обременительное“. Государь приказалъ представить ему вѣдомость такого излишняго имущества, разсмотрѣлъ вѣдомость во всѣхъ подробностяхъ, согласился съ мнѣніемъ Дена и благословилъ его на урѣзку табели. По новой табели было значительно сокращено количество инструментовъ математическихъ, минныхъ и въ особенности мастерскихъ, и этой мѣрою удалось уменьшить инженерный обозъ каждаго баталіона на двѣ фуры. Одновременно съ этимъ, Денъ, съ утвержденія Государя, установилъ очередныя степени готовности различныхъ

баталіоновъ къ выступленію въ походъ, степени готовности въ смыслѣ наличности инженернаго имущества и обоза. Къ первой очереди были причислены гвардейскій, 1-й и 4-й баталіоны, ко второй прочіе дѣйствующіе, къ третьей—резервные; сроки полной боевой готовности отъ трехъ недѣль до трехъ мѣсяцевъ.

Наконецъ, въ 1852 году были сформированы кадры мирнаго времени для запасныхъ инженерныхъ войскъ. Собственно для саперныхъ частей въ февралѣ того года было повелѣно сформировать кадры двухъ запасныхъ баталіоновъ, для 1-го—въ Новгородѣ, при гренадерскомъ баталіонѣ, а для 2-го—въ Кіевѣ, при 2-мъ резервномъ баталіонѣ; составъ каждаго кадра—1 офицеръ и 30 нижнихъ чиновъ.

Изъ изложеннаго явствуетъ, что піонерные и саперные баталіоны съ 1818 года по день кончины Николая Павловича подверглись слѣдующимъ измѣненіямъ.

Гвардейскій саперный баталіонъ кореннымъ реформамъ не подвергался.

1-й саперный баталіонъ переименованъ въ 1822 году въ *саперный*, а въ 1829 году въ *гренадерскій саперный* (нынѣ носитъ то же названіе).

2-й саперный баталіонъ переименованъ въ 1822 году въ *учебный саперный* (упраздненъ послѣ 1855 года).

1-й піонерный баталіонъ переименованъ въ 1829 году въ *1-й саперный* (нынѣ 8-й саперный).

2-й піонерный баталіонъ въ 1829 году переименованъ въ *1-й резервный саперный* (упраздненъ послѣ 1855 года).

3-й піонерный баталіонъ переименованъ въ 1829 году въ *3-й саперный*, въ 1831 году—въ *6-й саперный* и въ 1832 году—въ *4-й саперный* (безъ измѣненія по нынѣ).

4-й піонерный баталіонъ переименованъ въ 1829 году въ *4-й саперный* и въ 1832 году—въ *6-й саперный* (безъ измѣненія по нынѣ).

5-й піонерный баталіонъ въ 1829 году переименованъ во *2-й саперный* (нынѣ 9-й саперный).

6-й піонерный баталіонъ переименованъ въ 1829 году въ *5-й саперный* (безъ измѣненія по нынѣ).

7-й піонерный баталіонъ въ 1829 году переименованъ въ *3-й резервный саперный* и въ 1841 году—во *2-й резервный саперный* (упраздненъ послѣ 1855 года).

8-й піонерный баталіонъ переименованъ въ 1829 году въ *кавказскій саперный* (нынѣ 1-й кавказскій саперный).

9-й піонерный баталіонъ, сформированный въ 1823 году, переименованъ въ томъ же году въ *литовскій піонерный*, въ 1829 году - въ *литовскій саперный*, въ 1831 году—въ *6-й саперный* и въ томъ же году—въ *3-й саперный* (безъ измѣненія по нынѣ).

Временной резервный піонерный баталіонъ, сформированный въ 1828 году, переименованъ въ 1829 во *2-й резервный саперный*, а въ 1841 году упраздненъ.

Наконецъ, въ 1845 году сформированъ *3-й резервный саперный* баталіонъ (нынѣ 2-й кавказскій саперный).

Какъ было сказано, Высочайшимъ повелѣніемъ 21 апрѣля 1822 года, послѣдовавшимъ по ходатайству Августѣйшаго генералъ-инспектора, 2-й саперный баталіонъ былъ переименованъ въ учебный, и тогда же было объявлено положеніе о новомъ баталіонѣ, составленное подъ непосредственнымъ руководствомъ Николая Павловича. По положенію, цѣль баталіона въ мирное время заключалась въ подготовкѣ для инженерныхъ войскъ унтеръ-офицеровъ, барабанщиковъ и сигналистовъ; въ военное же время баталіонъ долженъ былъ формировать „саперные и піонерные резервы". Комплектовался баталіонъ кантонистами и воспитанниками военно-сиротскихъ отдѣленій не моложе 14 лѣтъ. Его первыя три роты имѣли въ своемъ составѣ взрослыхъ нижнихъ чиновъ не моложе 18 лѣтъ; въ 4-й ротѣ служили 14—17 лѣтніе. По мѣрѣ подготовки, унтеръ-офицеры, барабанщики и сигналисты переводились въ саперные и піонерные баталіоны; тѣ же изъ подготовлявшихся унтеръ-офицеровъ, кои оказывались къ строевой службѣ неспособными, опредѣлялись въ писаря и цейхдинеры. Съ теченіемъ времени, въ

баталіонѣ начали подготовлять также и кондукторовъ инженернаго вѣдомства; но мѣра эта въ 1827 году была отмѣнена: кондукторовъ повелѣно было готовить только 3-й ротѣ петербургскаго баталіона кантонистовъ. 19 октября 1829 года послѣдовало Высочайшее утвержденіе новаго положенія о баталіонѣ, въ общемъ мало отличавшагося отъ прежняго: три роты баталіона названы дѣйствующими и одна—резервной; баталіонъ въ военное время уже не „формировалъ“ резервовъ, а лишь „содѣйствовалъ“ такому формированію, выдѣляя одну сводную роту; комплектоваться долженъ былъ исключительно кантонистами, коихъ ежегодно направлялось въ баталіонъ по 200 человѣкъ. Повелѣніемъ 19 марта 1835 года, четвертая рота баталіона была обращена въ роту кантонистовъ, численностью въ 200 человѣкъ, которая не участвовала въ гарнизонной службѣ части и изъ которой чины переводились въ другія роты постепенно, по мѣрѣ достиженія должныхъ успѣховъ по строевому и спеціальному образованію; съ переводомъ извѣстнаго контингента кантонистовъ въ другія роты, равное число старослужащихъ нижнихъ чиновъ переводилось въ саперные баталіоны, а младшая рота укомплектовывалась до штата новыми кантонистами. Повелѣніемъ 19 апрѣля 1836 года, учебный саперный баталіонъ переведенъ въ составъ четырехъ дѣйствующихъ и одной резервной роты. Наконецъ, въ 1844 году, по причинѣ недостаточнаго выпуска кантонистовъ петербургскаго баталіона въ инженерные кондуктора, при учебномъ саперномъ баталіонѣ вновь стали подготовлять послѣднихъ, для чего была организована особая школа съ двухлѣтнимъ курсомъ *).

*) Е, № 64—1832, 161; Ж, № 51—1844, 1; У, № 93—1850, 32, 37, 42, 148—150; Ч, № 34—1844, 10; № 17—1846, 14, 22; № 24—1847, 38, 60—77 № 63—I—1848, 14, 21, 74; № 63—III—1848, 59; Приказы: № 1—1842, № 44—1844; № 6—1846; №№ 45, 58—1849, № 22—1852, № 65—1854; I П. С. З. № 29,009; II П. С. З., №№ 1.347, 3.242, 7.968, 9.086 18.300, 18.558, 19.623, 21.857 22.426, 25.506, 25.580, 25.992.

Понтонное дѣло, до вступленія Николая Павловича въ должность генералъ-инспектора, находилось въ артилерійскомъ вѣдомствѣ; имѣлось восемь понтонныхъ ротъ, при весьма большомъ количествѣ офицеровъ; ротамъ этимъ, по постановкѣ дѣла, приличествовало бы названіе обозныхъ; обильная имущественная часть и многочисленный конскій составъ находились далеко не въ удовлетворительномъ видѣ; въ общемъ, всего было много, больше нужнаго, и все было плохо. Принимая во вниманіе, съ одной стороны, что понтонное дѣло сродно піонерному, а съ другой стороны, что часть эту необходимо поставить въ соотвѣтствіе нуждамъ арміи, Августѣйшій генералъ-инспекторъ вошелъ въ 1822 году со всеподданнѣйшимъ докладомъ о передачѣ понтонныхъ ротъ въ инженерное вѣдомство и о распредѣленіи ихъ по сапернымъ и піонернымъ баталіонамъ. Высочайшее соизволеніе на это послѣдовало 22 апрѣля того года.

Первою мѣрою Великаго Князя явилась попытка уменьшить въ понтонныхъ ротахъ офицерскій составъ, сильно превышавшій потребность. Для этого проектировалось часть офицеровъ оставить въ артилеріи, а въ понтонныя роты назначить другую часть, изъ числа желавшихъ перевестись въ инженерный корпусъ. Но когда офицеровъ запросили, кто изъ нихъ хочетъ быть переведеннымъ на службу въ помянутый корпусъ—желающихъ не оказалось вовсе. Это побудило генералъ-инспектора испросить Высочайшее разрѣшеніе, „чтобы на первый случай всѣ офицеры остались при своихъ ротахъ, не перечисляя ихъ въ инженерное вѣдомство, но единственно прикомандировать къ оному, пока не найдется довольнаго числа офицеровъ инженернаго вѣдомства, чтобы замѣстить всѣ вакансіи по понтонамъ“. Излишекъ въ составѣ нижнихъ чиновъ, обусловленный главнымъ образомъ тѣмъ, что въ артилерійскихъ ротахъ состояло по 52 понтона, а въ инженерныхъ рѣшено было имѣть только по 42, Великій Князь устранилъ собственною властью, при чемъ въ нѣкоторыхъ ротахъ отборъ унтеръ-офице-

ровъ и рядовыхъ произвелъ самолично. Было уменьшено и количество лошадей, съ приказаніемъ отобрать сколько нужно, а остальныхъ продать, съ передачею денегъ въ инженерный департаментъ. „Буде же лошади—писалъ Николай Павловичъ—окажутся ниже утвержденныхъ цѣнъ, то взыскать съ ротныхъ командировъ указанную цѣну“. Далѣе началась пріемка матеріальной части, съ ближайшимъ въ этомъ дѣлѣ участіемъ Великаго Князя. Часть эта, какъ сказано, находилась въ крайне запущенномъ состояніи, въ чемъ вскорѣ воочію убѣдился и Николай Павловичъ, обнаружившій, напримѣръ, что въ 4-й понтонной ротѣ изъ 52 понтоновъ оказалось годныхъ для службы только 20. Его Высочество тотчасъ же вошелъ къ военному министру съ категорическимъ требованіемъ, чтобы исправленіе и замѣна неисправныхъ предметовъ были немедленно произведены за счетъ артилерійскаго департамента. Требованіе это было удовлетворено, послѣ чего роты были распредѣлены по баталіонамъ и приданы, по одной, саперному и семи піонернымъ. Тогда же было рѣшено, что въ военное время къ понтонной ротѣ должна придаваться одна рота піонерная, съ возложеніемъ командованія понтонною частью на младшаго штабъ-офицера баталіона.

Послѣ восшествія Николая Павловича на престолъ, понтонныя роты были переименованы въ отдѣленія, а по Высочайшему повелѣнію 14 марта 1830 года, такія отдѣленія указано было имѣть при гренадерскомъ, 1-мъ, 2-мъ, 3-мъ, 4-мъ, 5-мъ и литовскомъ саперныхъ баталіонахъ; при кавказскомъ же саперномъ баталіонѣ имѣть понтонный полупаркъ. Однако, распредѣленіе понтонныхъ отдѣленій по дѣйствующимъ баталіонамъ оказалось на практикѣ неудобнымъ, во первыхъ, какъ нарушавшее проводившійся принципъ подвижности такихъ баталіоновъ, а во вторыхъ, по той причинѣ, что для наводки мостовъ черезъ широкія рѣки приходилось назначать одновременно по два и по три отдѣленія. Тогда понтонныя отдѣленія придали резервнымъ сапернымъ бата-

ліонамъ, сначала по два отдѣленія, а въ 1841 году послѣ упраздненія 2-го резервнагосапернаго баталіона, по три отдѣленія, переименованныя въ понтонные парки.

Существеннымъ недостаткомъ нашей понтонной части того времени являлась громоздкость матеріальнаго имущества и обоза. Попытки улучшить то и другое собственными средствами успѣхомъ не увѣнчались. Тогда Государь рѣшилъ прибѣгнуть къ соотвѣтственной рекогносцировкѣ заграницей, и порученіе это было возложено 1840 году на гвардейскаго коннаго піонера, прапорщика Кистера, при чемъ офицеръ этотъ былъ избранъ генералъ-адъютантомъ Шильдеромъ, также отъѣзжавшимъ заграницу и выразившимъ готовность руководить развѣдкою Кистера. По возвращеніи въ Россію послѣ длительной командировки, Кистеръ представилъ весьма подробныя данныя объ имуществѣ и обозахъ понтонныхъ частей во Франціи, въ Англіи, въ Австріи, въ Пруссіи, въ мелкихъ германскихъ государствахъ, въ Голандіи и въ Даніи. Но матеріалъ этотъ рельефно указалъ на несоотвѣтственность прямого заимствованія какихъ либо образцовъ. Докладывая, что послѣ кампаніи 1812 года, въ которую французы испытали огромныя неудобства своихъ тяжелыхъ понтоновъ, всѣ европейскія правительства обратили на эту часть весьма серьезное вниманіе, Кистеръ констатировалъ, что пожеланія соединить въ понтонахъ и легкость передвиженія, и прочность, и способность къ устройству переправъ на всякихъ рѣкахъ и для всѣхъ родовъ оружія съ ихъ войсковыми тяжестями— привели къ тому, что должнаго успѣха не достигли нигдѣ. Вниманія, по его мнѣнію, заслуживали только „парусиновые понтоны на каучукѣ“. Разработка типа такихъ понтоновъ и была поручена Императоромъ генералъ-адъютанту Шильдеру, и задача эта, при помощи професора Шваттау, была разрѣшена имъ достаточно удачно. Но облегчился только понтонъ; обозъ же понтонныхъ парковъ остался громоздкимъ по прежнему.

Работая надъ парусиновыми понтонами, Шильдеръ спроектировалъ и особый „авангардный мостъ“ съ устоями изъ холщевыхъ, пропитанныхъ резиною, цилиндровъ, и такой мостъ, по Высочайшей волѣ, былъ построенъ въ 1844 году, испытанъ при гвардейскомъ конно-піонерномъ эскадронѣ, а затѣмъ отправленъ на Кавказъ. Тамъ его вновь испытали на Терекѣ и Сунжѣ и признали удобнымъ. Но неправильное употребленіе моста—организація при помощи этого подвижного авангарднаго средства постоянной переправы на Сунжѣ—завершилось, какъ и слѣдовало ожидать, катастрофой: въ весеннее половодье 1847 года мостъ былъ снесенъ, разбитъ по частямъ и приведенъ въ полную негодность. По ходатайству мѣстнаго начальства, Императоръ повелѣлъ изготовить въ Петербургѣ второй мостъ и отправить на Кавказъ вмѣсто погибшаго.

Въ январѣ 1850 года, инспекторъ по инженерной части, генералъ Денъ, представилъ Государю записку о неудовлетворительности существовавшей тогда организаціи понтонной части. Въ запискѣ своей онъ между прочимъ указывалъ, что опытъ наводки моста въ 1849 году при Опатовцѣ показалъ, „что безъ отдѣльнаго командира парка, безъ постоянныхъ хозяевъ понтоновъ изъ нижнихъ чиновъ и безъ нѣкотораго числа ѣздовыхъ, обученныхъ управленію лошадьми, понтонные парки никогда не будутъ въ состояніи исполнять во время войны цѣль своего учрежденія“. Выдѣленіе къ понтонамъ ротъ резервныхъ баталіоновъ съ младшимъ штабъ-офицеромъ только въ военное время нужды не исчерпывало, „а между тѣмъ устанавливались два начальства, т. е. командиръ понтоновъ и подполковникъ прикомандированной роты отъ баталіона, тогда какъ единство въ распоряженіяхъ есть вещь необходимая“. Кромѣ того, сказанное выдѣленіе сильно ослабляетъ саперные резервы. Посему Денъ полагалъ необходимымъ имѣть отдѣльныя понтонныя части. На запискѣ этой Николай Павловичъ положилъ резолюцію: „Генералу Дену лично по сему со мною

переговорить“. Вскорѣ же Монархъ преподалъ генералу такія директивы.

„Для лучшаго образованія и управленія понтонными парками въ хозяйственномъ и искусственномъ отношеніяхъ, имѣть для каждаго понтоннаго парка особаго командира и постоянную понтонную роту съ тѣмъ, чтобы роты сіи оставались по прежнему въ составѣ резервныхъ саперныхъ баталіоновъ“. Въ баталіонахъ сихъ, кои имѣютъ по четыре роты, впредь именовать: одну роту—саперною, а три (по числу парковъ)-понтонными. Саперная рота должна быть кадромъ, при мобилизаціи разворачивающимся въ четырехротный баталіонъ. Изъ состоявшихъ при баталіонѣ фурштатовъ (обозныхъ частей), раздѣлявшихся тогда на „четверть“ саперной фурштатской роты и на—три понтонныя фурштатскія роты, оставить для баталіона лишь „четверть“ роты, а три роты переименовать въ фурштатскія отдѣленія понтонныхъ ротъ. Въ мирное время понтонныя роты, „по частямъ строевой и саперной, равно хозяйственной, т. е. обмундированія и довольствія“, должны состоять въ полномъ распоряженіи командировъ резервныхъ баталіоновъ; при выступленіи же въ походъ, командиры баталіоновъ передаютъ всѣ свои обязанности командирамъ понтонныхъ ротъ. „По частямъ же искусственной и хозяйственной, собственно до понтоновъ относящихся“, командиры понтонныхъ ротъ—„полные хозяева“, а командиры баталіоновъ—только инспекторы. Кромѣ того, Николай Павловичъ далъ Дену цѣлый рядъ крайне детальныхъ указаній, изъ коихъ между прочимъ усматривается, что въ каждомъ изъ понтонныхъ парковъ въ то время состояло по 32 парусиновыхъ понтона и по 15 деревянныхъ съ соотвѣтственнымъ количествомъ настилочныхъ принадлежностей, козловыхъ ногъ, переводинъ и проч. Выработанное на основаніи сихъ Высочайшихъ директивъ положеніе было Высочайше утверждено 26 февраля 1850 года. Въ сентябрѣ же слѣдующаго года, безъ измѣненія сущности положенія, было повелѣно понтонные парки №№ 1-го, 2-го

и 3-го считать состоящими при 1-й саперной бригадѣ, а парки №№ 4-го, 5-го и 6-го—при 2-й бригадѣ. *).

Принципъ подвижности піонеръ въ военное время, озабочивавшій Николая Павловича съ первыхъ дней его вступленія въ должность генералъ-инспектора, привелъ между прочимъ къ рѣшенію посадить часть піонеръ на коней. По ходатайству Великаго Князя, 22 января 1819 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе о сформированія лейбъ-гвардіи конно-піонернаго эскадрона, а 5 августа 1822 года эскадронъ этотъ былъ раздѣленъ пополамъ и изъ второй половины организованъ 1-й конно-піонерный (армейскій) эскадронъ. Послѣ укомплектованія, въ каждомъ изъ эскадроновъ, при командирахъ въ чинѣ полковника, состояло по 8 офицеровъ и по 300 нижнихъ чиновъ; при каждомъ эскадронѣ имѣлось по 8 понтоновъ съ принадлежностями для устройства „легкихъ“ мостовыхъ переправъ. По началу оба эскадрона были соединены въ одинъ сводный дивизіонъ, состоявшій при гвардейскомъ корпусѣ; но въ 1829 году дивизіонъ этотъ распался по причинѣ повелѣнія—причислить армейскій эскадронъ къ 4-му резервному кавалерійскому корпусу, съ переводомъ его въ гор. Липецкъ.

Въ маѣ 1833 года Михаилъ Павловичъ доложилъ Государю что „употребленіе конно-піонерныхъ эскадроновъ въ двѣ послѣднія войны показало на опытѣ, что положенныхъ при одномъ таковомъ эскадронѣ восьми понтоновъ недостаточно для принесенія той пользы, какую отъ устройства легкихъ переправъ въ военное время ожидать можно“. Поэтому Великій Князь ходатайствовалъ о переформированіи обоихъ эскадроновъ въ дивизіоны, съ удвоеніемъ запасовъ ихъ понтоннаго имущества, и просилъ разрѣшить ему приступить къ разработкѣ новаго о конно-піонерахъ положенія. На послѣднее Государь

*) Г, № 1—1822, 2, 8, 37, 39, 59, 68, 73; № 54—1829, 4; У, № 93—1850, 4—11, 23—31, 35, 108, 120, 121, 155; Ч, № 3—1840, 2—13, 23; № 20—I—1842, 12—14; № 29—1847, 47; Приказы: № 81—1822, № 1—1842, № 13—1850; I П. С.З., № 29.010; II П. С. З., №№ 3.527, 23.945, 25.581.

соизволилъ, при чемъ Высочайше были преподаны слѣдующія общія директивы, характеризующія назначеніе и службу конно-піонеръ.

Дивизіоны должны служить въ военное время для быстраго устройства легкихъ переправъ, для исправленія дорогъ, мостовъ и другихъ сообщеній, для постройки легкихъ укрѣпленій и „въ случаѣ надобности“ для исполненія обязанности „обыкновенной кавалерійской и пѣхотной службы“. Дивизіоны должны дѣйствовать какъ въ пѣшемъ, такъ и въ конномъ строю, при чемъ въ послѣднемъ двояко: съ понтонами и безъ нихъ; безъ понтоновъ—какъ обыкновенная кавалерія; съ понтонами—какъ понтонеры; дивизіоны, оперирующіе на поляхъ сраженій съ понтонными парками, въ случаѣ необходимости ихъ употребленія для конныхъ атакъ, оставляютъ сказанные парки подъ прикрытіемъ карабинеръ, выдѣляемыхъ изъ общаго состава дивизіоновъ. Въ каждомъ дивизіонѣ имѣть по 16 фуръ съ понтонами и по 8 фуръ съ настилочными принадлежностями; имущество это хватитъ для устройства моста: при ближней смычкѣ—въ 27 саж., при дальней—въ 32 саж. Составъ дивизіоновъ какъ въ мирное, такъ и въ военное время, имѣть одинаковымъ. Были преподаны и другія наставленія, весьма по существу детальныя.

Разработка новаго положенія продолжалась свыше шести лѣтъ и въ результатѣ не привела ни къ чему. Вѣроятная тому причина—разнорѣчивость взглядовъ на вещи Императора и Михаила Павловича, въ особенности по отношенію къ штатамъ.

Первоначальный проектъ Великаго Князя, относившійся къ 1834 году, былъ Государемъ забракованъ, съ приказаніемъ пересоставить его по сдѣланнымъ Его Величествомъ замѣчаніямъ. Великій Князь уклонился отъ личнаго пересоставленія проекта и поручилъ эту работу Шильдеру. Проектъ Шильдера также не былъ одобренъ, при чемъ Николай Павловичъ уснастилъ его длиннымъ рядомъ указаній на то, сколько имѣть въ дивизіонахъ лоша-

Директоръ инженернаго департамента
Александръ Ивановичъ
ФЕЛЬДМАНЪ
1850—1861 г.г.
(Съ писаннаго красками портрета изъ инженернаго комитета).

дей, сколько трубачей, сколько прислуги при понтонахъ и т. п. Шильдеръ проектъ свой передѣлалъ, въ точности согласовавъ его съ Высочайшими замѣчаніями, а Михаилъ Павловичъ, всегда относившійся къ инженернымъ войскамъ съ большимъ вниманіемъ, много работавшій надъ вопросами, связанными съ жизнью этихъ войскъ и зачастую проявлявшій, вѣрнѣе стремившійся проявлять въ сказанной области большую самостоятельность, этотъ проектъ передѣлалъ по своему, съ поясненіемъ причинъ отступленій отъ Высочайшихъ указаній. Императоръ призналъ передѣлки неосновательными и въ свою очередь пояснилъ причины такой неосновательности. Проектъ вновь былъ переданъ Шильдеру, но послѣдній, принужденный работать подъ давленіемъ личныхъ взглядовъ генералъ-инспектора, уклонявшагося отъ директивъ Царя, возбудилъ ходатайство объ учрежденіи для пересоставленія проекта особаго комитета, „дабы тѣмъ избѣгнуть отвѣтственности за ошибки, которыя могли бы вкрасться“. Михаилъ Павловичъ на это не согласился и приказалъ Шильдеру данное ему служебное порученіе исполнить безотлагательно.

Тѣмъ временемъ, Николай Павловичъ рѣшилъ провѣрить свою точку зрѣнія на практикѣ и въ особенности въ дѣлѣ устройства конно-піонерами мостовыхъ переправъ. Прибывъ въ 1837 году къ учебному сбору въ Вознесенскѣ, Императоръ поднялъ 1-й конно-піонерный эскадронъ по тревогѣ, заставилъ его направиться рысью за 15 верстъ къ избранному пункту и навести черезъ рѣку мостъ. Этотъ опытъ окончательно убѣдилъ Монарха въ правильности его взгляда на характеръ организаціи будущихъ дивизіоновъ, о чемъ и былъ поставленъ въ извѣстность Августѣйшій генералъ-инспекторъ. Окончательный проектъ послѣдняго, относящійся къ 1839 году, оказался уже въ значительной степени согласованнымъ съ директивами Царя; но и тутъ имѣлось на лицо крупное отступленіе: Государь полагалъ имѣть во взводахъ по 13 рядовъ, а Великій Князь—по 15. Такое увели-

ченіе пояснялось тѣмъ, что иначе въ дивизіонахъ будетъ недостатокъ въ лошадяхъ, такъ какъ положенными на понтонъ шестью лошадьми таковой возится съ крайнимъ трудомъ. Противъ этого мѣста доклада Императоръ положилъ резолюцію: „Нельзя разрѣшить, покуда не разрѣшено будетъ, до чего облегчить можно фуры понтонныя, которые однѣ, по тяжести и неудобству, не годятся; понтоны же столь легки, что можно и впредь возить ихъ шестью лошадьми“. Этою резолюціею собственно на проектѣ Михаила Павловича была поставлена окончательная точка, вѣрнѣе окончательный крестъ.

Отказавшись до поры до времени отъ переформированія конно-піонерныхъ эскадроновъ въ дивизіоны, Государь иначе отнесся къ вопросу объ облегченіи понтоннаго обоза этихъ частей. Въ концѣ 1839 года Николай Павловичъ, указывая, что „понтонные лафеты, по тяжести и неповоротливости, весьма неудобны, а посему обращая на сей предметъ вниманіе“ Михаила Павловича, выразилъ желаніе, „дабы приложено было всевозможное стараніе къ улучшенію этихъ лафетовъ или изобрѣтенію другихъ, удобнѣйшихъ, имѣя въ виду примѣнить къ нимъ, буде возможно, колеса артилерійскихъ орудій, чѣмъ пріобрѣтется та выгода, что въ случаѣ надобности можно будетъ употреблять колеса орудійныя къ лафетамъ понтоннымъ и наоборотъ“. Задача эта была поручена инспектору арсеналовъ и парковъ инженернаго вѣдомства, генералъ-маіору Соломку, который, по совѣщаніи съ извѣстнымъ въ то время экипажнымъ мастеромъ Іохимомъ, спроектировалъ „трехколесныя понтонныя фуры на шкворнѣ“, а также разработалъ проектъ усовершенствованія „понтонныхъ лодокъ“ конно-піонеръ. Образцовая фура съ лодкой, значительно болѣе легкая, чѣмъ прежняя, была изготовлена Іохимомъ, испытана въ рядѣ пробныхъ поѣздокъ, и самый образецъ былъ Высочайше утвержденъ въ октябрѣ 1841 года. Въ декабрѣ же того года Императоръ повелѣлъ снабдить новою матеріальною частью какъ гвардейскій, такъ

и 1-й конно-піонерные эскадроны, съ производствомъ заготовки имущества въ динабургскомъ арсеналѣ. Когда же, за уменьшеніемъ инженернаго обоза въ саперныхъ баталіонахъ, оказался тамъ излишекъ въ относительно легкихъ инструментальныхъ фурахъ (1850 годъ), было повелѣно дать конно-піонернымъ эскадронамъ по двѣ такихъ фуры, нѣсколько передѣланныхъ и упроченныхъ, для перевозки введенныхъ въ табели эскадроновъ козелъ Бираго.

Въ октябрѣ 1844 года, „для соревнованія къ лучшему образованію себя въ технической части“, составъ нижнихъ чиновъ эскадроновъ былъ подраздѣленъ на три класса, съ распредѣленіемъ денежнаго вознагражденія по нормамъ, установленнымъ на тотъ же предметъ для гвардейскаго сапернаго баталіона (гвардейскій эскадронъ) и для баталіоновъ гренадерскаго и учебнаго (1-й эскадронъ). Въ каждомъ эскадронѣ было положено имѣть: піонеровъ I класса—по 60, II-го и III-го—по 134.

Въ сентябрѣ 1845 года Государь, „имѣя въ виду, что лейбъ-гвардіи конно-піонерный и 1-й конно-піонерный эскадроны составомъ своимъ равняются дивизіонамъ“, повелѣлъ эскадроны эти впредъ именовать дивизіонами. Въ сущности части остались тѣми же эскадронами; командиры дивизіоновъ завѣдывали всею частью и во всѣхъ отношеніяхъ; но въ строю дивизіонами командовали другіе офицеры, носившіе титулъ командировъ эскадроновъ. Другими словами, вся реформа выразилась въ томъ, что командира эскадрона стали величать командиромъ дивизіона и ему придали помощника по строевой части, наименованнаго командиромъ эскадрона.

Наконецъ, въ февралѣ 1852 года было Высочайше повелѣно сформировать при дивизіонахъ кадры для полуэскадроновъ резервнаго и запаснаго, въ составѣ, при каждомъ дивизіонѣ, 1 офицера и 11 нижнихъ чиновъ, съ содержаніемъ, на случай формированія полуэскадроновъ: 5 офицеровъ при 1-мъ дивизіонѣ и 153

нижнихъ чиновъ при запасныхъ кавалерійскихъ частяхъ *).

Какъ было сказано, Николай Павловичъ, уже во второй годъ пребыванія въ должности генералъ-инспектора, возбудилъ вопросъ объ уменьшеніи при піонерныхъ и саперныхъ баталіонахъ инженернаго обоза путемъ освобожденія этихъ частей отъ обязанности всюду возить за собою большіе запасы шанцеваго инструмента на случай грандіозныхъ работъ, а также минныхъ и осадныхъ инструментовъ и матеріаловъ, необходимыхъ только при операціяхъ подъ крѣпостями; запасы же эти Великій Князь полагалъ сосредоточить въ особыхъ подвижныхъ депо—въ двухъ полевыхъ и въ двухъ осадныхъ инженерныхъ паркахъ. Мнѣніе это было Высочайше утверждено 16 декабря 1821 года. Затѣмъ, въ ноябрѣ 1826 года одно отдѣленіе осаднаго парка, находившагося въ Бендерахъ, было отправлено на Кавказъ, въ распоряженіе генерала Ермолова, а бендерскій паркъ былъ пополненъ. По скольку можно судить по сохранившимся архивнымъ документамъ, содержащимъ по этой части лишь весьма отрывочныя свѣдѣнія, какъ полевые, такъ и осадные парки долгое время являли собою именно депо инструментовъ и принадлежностей, въ мирное время содержались въ крѣпостяхъ и обслуживались чинами крѣпостныхъ инженерныхъ командъ (динабургскій полевой паркъ—чинами арсенальной роты) и собственнаго персонала не имѣли; въ военное же время личный составъ импровизовался. Только въ 1848 году и только для 1-го полевого инженернаго парка было рѣшено имѣть свой личный составъ. Въ началѣ въ паркъ былъ назначенъ командиръ, младшій офицеръ и нѣсколько унтеръ-офицеровъ, съ указаніемъ, что прочіе нижніе чины должны находиться на учетѣ, состоя въ инже-

*) Г, № 54—1829, 9; № 127—1833, 2, 3, 37; Е, № 94—1832, 85, 150 184, 190—437; У, № 93—1850, 148—150; Ц, № 36—1839, 5, 21, 111, 136 142, 175; Ч № 11—1845, 3; Приказы: № 44—1844, № 44—1845, № 22—1852 № 65—1854; П. П. С. З. №№ 462, 18.300, 25, 992.

нерныхъ войскахъ вообще, и только въ маѣ 1849 года этотъ 1-й, рижскій, полевой инженерный паркъ получилъ окончательную организацію съ назначеніемъ въ него, въ добавокъ къ помянутому персоналу, еще 50 нижнихъ чиновъ.

Изъ остальныхъ инженерныхъ учрежденій, цѣлью организаціи коихъ являлось обслуживаніе войсковыхъ потребностей, надлежитъ отмѣтить арсеналы и центральную мастеровую команду.

Инженерные арсеналы были учреждены повелѣніемъ 9 февраля 1832 года въ Динабургѣ и въ Кіевѣ, а главною цѣлью ихъ учрежденія явилось пополненіе и починка понтонныхъ и инженерныхъ обозовъ, т. е. постройка и исправленіе фуръ. Для обслуживанія арсеналовъ при каждомъ состояла особая арсенальная рота. При одномъ изъ арсеналовъ повелѣно было содержать запасный понтонный паркъ въ 42 понтона. Арсеналы находились въ вѣдѣніи инженернаго департамента и особаго инспектора арсеналовъ, въ обязанности котораго между прочимъ входило слѣдить за исправностью инженернаго обоза и понтоновъ во всѣхъ инженерныхъ войскахъ.

„Мастеровая инженерная команда саперныхъ баталіоновъ“ была организована по волѣ Императора въ февралѣ 1840 года, и имѣла своимъ назначеніемъ удовлетвореніе потребностей баталіоновъ въ искусныхъ мастеровыхъ. Мѣсто пребыванія команды—Петербургъ, ея штатъ—93 человѣка, изъ коихъ 34 числилось въ постоянной командировкѣ въ Тулѣ. Нижніе чины петербургскаго состава обучались у вольныхъ кузнецовъ, токарей, столяровъ и т. п.; въ Тулѣ обучались на орудійномъ заводѣ слесарному и ложному дѣлу. По мѣрѣ подготовки мастеровыхъ, таковые переводились на службу въ саперные баталіоны, а баталіоны высылали въ команду новыхъ людей, младшихъ сроковъ службы. *)

*) Ф. № 121—1826, 1; Приказы: № 62—1832, № 7—1840, № 27—1849, II П. С З., №№ 5.146, 22.469, 22.609, 23.269; 100 В. М., II, 89.

О комплектованіи инженерныхъ войскъ офицерами изъ главнаго инженернаго училища и кадетскихъ корпусовъ свѣдѣнія были приведены во II главѣ. Къ сказанному же по этому поводу только добавлю, что въ началѣ своего царствованія, озабочиваясь скорѣйшимъ полученіемъ знающихъ саперныхъ офицеровъ русской школы и насажденіемъ инженерныхъ познаній хотя бы въ части пѣхотныхъ войскъ, Николай Павловичъ учредилъ въ Динабургѣ, при 1-й сводной піонерной бригадѣ, школу подпрапорщиковъ, со штатомъ 120 человѣкъ. Школа эта открылась въ апрѣлѣ 1828 года, а на содержаніе ея денежныя средства повелѣно было отпускать изъ кабинета Его Величества.

Нижними чинами армейскіе піонерные и саперные баталіоны комплектовались: частью молодыми солдатами изъ пѣхоты, частью на общемъ основаніи, т. е. рекрутами. Однако, Николай Павловичъ постоянно заботился о томъ, чтобы рекруты въ эти части попадали отборные. Любопытенъ по этому поводу приказъ Августѣйшаго генералъ-инспектора, отданный Его Высочествомъ начальникамъ инженеровъ 1-ой и 2-ой арміи еще въ апрѣлѣ 1818 года: „Впредь—писалъ Великій Князь—при выборѣ въ сіи баталіоны изъ полковъ или рекрутскихъ депо людей, наблюдать за непремѣнное правило, чтобы выбираемы были *молодые, здоровые, широкоплечіе и преимущественно грамотные* (курс. подл). Ростомъ *отъ четырехъ до семи* (тоже), а ежели сихъ же достоинствъ люди окажутся и *въ 8 вершковъ* (тоже), то и таковыхъ, но не свыше сей мѣры, *ибо не высокій ростъ, но помянутыя качества потребны для минерной, саперной и піонерной службы* (тоже). О нынѣ состоящихъ 9 и 8 вершковыхъ людяхъ предписываю баталіонамъ, черезъ своихъ частныхъ инспекторовъ, доставить мнѣ послужные и ранжирные списки.“

Гвардейскій саперный баталіонъ и гвардейскій конно-піонерный эскадронъ комплектовались отборными нижними чинами изъ армейскихъ саперныхъ и піонерныхъ

баталіоновъ, при чемъ на соотвѣтственность отбора Николай Павловичъ, въ особенности въ бытность генералъ-инспекторомъ, обращалъ большое вниманіе. Въ началѣ 1821 года, замѣтивъ, что присланные въ гвардію саперы и піонеры ни видомъ, ни развитіемъ не выдавались, Великій Князь рѣшилъ самолично осматривать каждую прибывающую партію, о чемъ и объявилъ въ приказѣ по корпусу. Повидимому, нижними чинами саперныхъ баталіоновъ комплектовался по началу также и 1-й конно-піонерный эскадронъ. По крайней мѣрѣ, 9 мая 1836 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе—впредь комплектовать этотъ эскадронъ рекрутами.

При вступленіи Николая Павловича въ должность генералъ-инспектора, подготовка инженерныхъ войскъ была далеко несовершенна. Въ особенности хромала часть строевая, и происходило это отъ того, что на инженерныя войска долго смотрѣли какъ на рабочія команды. Естественно, что Великій Князь, большой строевикъ, обратилъ на это весьма серьезное вниманіе; понятно и то, что въ требованіяхъ по фронтовой части онъ не былъ чуждъ даже увлеченія. Въ 1819 году, осмотрѣвъ піонерные баталіоны въ строевомъ отношеніи, Николай Павловичъ отмѣтилъ въ приказѣ по корпусу: „1-й піонерный баталіонъ...... найденъ мною весьма дуренъ и гораздо ближе къ негодности, чѣмъ къ совершенству“; 2-й—„довольно плохъ“; 4-й—„весьма слабъ“. Командира 1-го баталіона, полковника Афанасьева. посадилъ на трое сутокъ на гауптвахту съ предупрежденіемъ, что ему грозитъ увольненіе отъ службы; самый баталіонъ временно передалъ въ командованіе полковнику Геруа, „дабы завелъ въ немъ сколько возможно порядокъ“. Въ маѣ 1823 года, послѣ смотровъ, произведенныхъ обѣимъ своднымъ піонернымъ бригадамъ, Николай Павловичъ отмѣтилъ въ приказѣ по корпусу, что во 2-й бригадѣ, при общемъ церемоніальномъ маршѣ, два офицера „до того мало внимали своему дѣлу, что отсалютовали на скоромъ шагу. Я имена сихъ офицеровъ

не означаю въ приказѣ, ибо мнѣ больно, что послѣ пятилѣтняго командованія моего могутъ случаться подобныя ошибки“. Въ августѣ того же года, осмотрѣвъ сводный конно-піонерный дивизіонъ и оставшись поначалу весьма удовлетвореннымъ видѣнными практическими работами части, Николай Павловичъ произвелъ затѣмъ строевое ученье и убѣдился болѣе чѣмъ въ плохой фронтовой подготовкѣ эскадроновъ, за что командующій дивизіономъ, полковникъ Зассъ, былъ посаженъ подъ арестъ. „Арестовалъ я его—писалъ Великій Князь—въ примѣръ всѣмъ тѣмъ начальникамъ, *кои, прилагая всѣ старанія свои къ одной части ихъ обязанностей, упускаютъ изъ вида другую, не менѣе важную*“ (курс. подл.). Въ сентябрѣ 1825 года, послѣ смотра, произведеннаго въ Бобруйскѣ саперному и 3-му и 4-му піонернымъ баталіонамъ, Николай Павловичъ писалъ: „Если гдѣ мое ожиданіе совершенно обмануто было, то это при осмотрѣ 2-й сводной піонерной бригады. Я ожидалъ найти бригаду, судя по успѣхамъ прошлыхъ годовъ, въ отличномъ состояніи“. На дѣлѣ же оказалось много погрѣшностей по строевой части. „Даже барабанщики во всѣхъ трехъ баталіонахъ не умѣютъ бить подъ ногу и другъ друга сбиваютъ“. Плоха амуниція, еще хуже ея пригонка, плоха одежда и т. д. Великій Князь тутъ же приказалъ сопровождавшему Его Величество флигель-адъютанту полковнику Геруа показать командирамъ—каковъ долженъ быть строй, а самъ отбылъ въ крѣпость для осмотра строительныхъ работъ. На другой день произвелъ вторичный смотръ бригадѣ, которая оказалась значительно подтянувшейся. Все же командиръ бригады и всѣ баталіоные командиры были отправлены на сутки подъ арестъ.

И, не смотря на все изложенное, можно смѣло утверждать, что требованія по фронтовой части никогда не шли въ ущербъ спеціальной подготовкѣ инженерныхъ войскъ. Заботами о послѣднемъ полны приказы Августѣйшаго генералъ-инспектора; ими проникнуты и отно-

шенія къ саперамъ и піонерамъ Императора, какъ то увидимъ ниже. Да оно иначе и быть не могло. Николай Павловичъ и самъ былъ превосходный саперъ, и въ томъ легко убѣдиться, хотя бы ознакомившись съ наставленіемъ Государя, преподаннымъ въ октябрѣ 1828 года, когда потребовалось сформировать въ Бобруйскѣ резервный піонерный баталіонъ, предназначавшійся для пополненія боевой убыли въ баталіонахъ дѣйствующихъ: для того, чтобы формируемая часть отвѣтила своей цѣли, Николай Павловичъ вошелъ въ такія детали спеціальной піонерной службы, какія могли исходить только отъ удивительнаго знатока своего дѣла. Даже въ бытность генералъ-инспекторомъ, т. е. въ періодъ приложенія особыхъ усилій къ обращенію весьма плохихъ строевыхъ частей въ блестящія по фронтовой части, Николай Павловичъ отрасли „искусственной“ придавалъ, пожалуй, довлѣющее значеніе. Въ сентябрѣ 1821 года, въ приказѣ по поводу осмотра 2-й сводной піонерной бригады, между прочимъ читаемъ: „Въ особенности благодарю баталіоннаго командира, полковника Дена 2-го, за то, что, не смотря на огромныя практическія работы, не *выпустилъ изъ вида* и фронтъ“ (центръ тяжести очевидно на практикѣ). Въ октябрѣ 1823 года Великій Князь выразилъ признательность сводному конно-піонерному дивизіону за прекрасное ученье въ присутствіи принца Вильгельма Прусскаго, за фронтъ вообще и *„въ особенности“* за наводку моста изъ понтоновъ на среднюю смычку, законченную въ 21 минуту, начиная отъ слѣзанія съ коней. Въ сентябрѣ 1825 года, послѣ блестящаго фронтового смотра динабургскимъ піонерамъ, Великій Князь наблюдалъ за наводкой понтоннаго моста ротами 1-го и 5-го піонерныхъ баталіоновъ; наводка эта—пишетъ Николай Павловичъ—„не соотвѣтствовала моему ожиданію: вмѣсто скорости, порядка и точности, нашелъ я, что оная производится медленно, суетливо, безъ точности, и, къ сожалѣнію моему, замѣтилъ я, что г.г. офицеры почитаютъ наведеніе мостовъ занятіемъ постороннимъ, къ ихъ

должности непринадлежащимъ". Было „строжайше" предписано искусственною частью отнюдь не пренебрегать.

Замѣчу тутъ же, что при ежегодныхъ осмотрахъ баталіоновъ Августѣйшій генералъ-инспекторъ, кромѣ строевой и искусственной части, провѣрялъ также исправность вооруженія, исправность войскового имущества и степень хозяйственной распорядительности командировъ. Нѣкоторую часть ружей, напримѣръ, Великій Князь осматривалъ лично въ каждый свой пріѣздъ въ тотъ или другой баталіонъ. Осматривалъ инструменты и обозы и принималъ мѣры къ приведенію ихъ въ полный порядокъ. Такъ, найдя въ апрѣлѣ 1822 года обозъ 1-го піонернаго баталіона въ крайне запущенномъ видѣ и убѣдившись въ неповинности только-что принявшаго баталіонъ полковника Люце, приказалъ отпустить ему 1.200 руб. на исправленіе фуръ, взыскавъ эту сумму съ бывшаго командира, полковника Афанасьева. Образчикомъ же отношенія Великаго Князя къ хозяйственной распорядительности командировъ можетъ служить такая выписка изъ приказа по корпусу, относящагося къ сентябрю 1825 года; „Въ особенности объявляю мою признательность командиру 2-го піонернаго баталіона, полковнику Шильдеру, стараніями коего огороды ввѣреннаго ему баталіона, красиво отдѣланные и съ искусствомъ обработанные, приносятъ уже ощутительную пользу, способствуя, улучшеніемъ продовольствія, къ сбереженію здоровья нижнихъ чиновъ. Попеченіе о хорошемъ состояніи и здоровьѣ людей—первѣйшій и священнѣйшій долгъ начальника; я надѣюсь, что всѣ прочіе г.г. полковые и баталіонные командиры не преминутъ слѣдовать примѣру полковника Шильдера". *)

И всетаки часть искусственная стояла у Николая Павловича на первомъ планѣ.

Еще въ 1818 году, тотчасъ по вступленіи въ должность,

*) А, № 110—1828, 1—3; 3, № 145—1823, 1—5; № 120—1832, 1; Приказы: № 17—1818, № 28—1819, №№ 14, 28—1821, №№ 35, 61, 80—1823, №№ 70, 71, 75—1825; I П. С. З., № 27. 920; II П. С. З., № 9. 146.

Августѣйшій генералъ-инспекторъ приказалъ приступить къ составленію наставленія для производства въ инженерныхъ войскахъ занятій по общему и специальному образованію. Наставленіе это разрабатывалось подъ личнымъ и непосредственнымъ руководствомъ Николая Павловича и вошло въ положеніе о піонерныхъ и саперныхъ баталіонахъ, Высочайше утвержденное 19 августа 1818 года. Общая идея наставленія такова.

Въ каждомъ баталіонѣ были учреждены четыре ротныя и одна баталіонная школы, такъ сказать теоретическаго характера. Ротныя школы имѣли главною цѣлью подготовлять унтеръ-офицеровъ. Баталіонныя школы имѣли три класса. Въ первый классъ зачислялись молодые унтеръ-офицеры, коихъ требовалось еще подучить, а также рядовые, окончившіе ротныя школы; во второй опредѣлялись юнкера и уже знающіе унтеръ-офицеры для усовершенствованія ихъ познаній въ общихъ наукахъ; въ третьемъ обучали преимущественно фортификаціи и минному искусству. Нижніе чины, окончившіе полный курсъ баталіонныхъ школъ и признанные достойными офицерскаго званія, направлялись предварительно, для усовершенствованія познаній, въ главное инженерное училище. Были учреждены и практическія ротныя школы, функціонировавшія въ зимнее время, въ которыхъ обучали плотничному и другимъ мастерствамъ; срокъ пребыванія въ этихъ школахъ не опредѣлялся: по мѣрѣ выучки однихъ, поступали другіе нижніе чины. Лѣтомъ производились учебныя практическія занятія, долженствовавшія продолжаться не менѣе одного мѣсяца. Всѣ рядовые должны были знать рѣзку дерна, вязаніе фашинъ, плетеніе туровъ и плетня, а всѣ минеры—составленіе рамъ и выдѣлку пяльцевъ и пороховыхъ ящиковъ. Всѣ нижніе чины обучались постройкѣ земляныхъ укрѣпленій, починкѣ дорогъ, а саперы, кромѣ того, и производству осадныхъ работъ. Такъ какъ устройство палисадовъ, блиндажей, блокгаузовъ и имъ подобныхъ сооруженій требовало значительныхъ денежныхъ

затратъ, то этимъ работамъ разрѣшалось обучать на моделяхъ. Всѣ унтеръ-офицеры должны были умѣть разбивать укрѣпленія. Всѣ офицеры—укрѣплять позиціи и производить съемки мѣстностей. Младшимъ офицерамъ, до чина поручика включительно, задавались особыя зимнія задачи.

Хотя наставленіе было разработано весьма подробно и весьма тщательно, но оно не являлось „уставомъ", и Николай Павловичъ отнюдь не требовалъ слѣпого руководства имъ. По свидѣтельству извѣстнаго сапернаго генерала Кренке, положеніе это „служило какъ бы точкой опоры отъ большихъ увлеченій: офицеръ, буквально исполнявшій порученія по наставленію, не подвергался отвѣтственности; но офицеръ, который сообразно съ обстоятельствами, отступалъ отъ правилъ, указанныхъ наставленіемъ, всегда ставился выше".

Послѣ пятилѣтняго примѣненія наставленія 1818 года къ жизни войскъ, Николай Павловичъ нашелъ необходимымъ пересмотрѣть таковое и дополнить. По програмѣ генералъ-инспектора и подъ его руководствомъ, надъ этимъ работали преимущественно офицеры гвардейскаго сапернаго баталіона, и получилось новое изданіе, вышедшее въ 1824 году, могущее и понынѣ разсматриваться какъ образецъ руководства. Составитель отдѣла о войскахъ VII тома „Столѣтія военнаго министерства", Г. С. Габаевъ, говоритъ, что бывшіе въ его рукахъ экземпляры сказаннаго изданія носили „массу слѣдовъ работъ послѣдующихъ составителей курсовъ фортификаціи, справочныхъ книгъ и наставленій, пользовавшихся этими экземплярами для облегченія своего труда. Сличая же чертежи" первоисточника и позднѣйшихъ книжекъ, убѣждаешься, что таковые „часто скопировывались".

Наставленіе 1818 года съ поправками 1824 года въ сущности дѣйствовало до конца царствованія Императора Николая. Въ немъ повременно производились лишь частичныя измѣненія и дополненія, изъ коихъ отмѣчу слѣдующія.

Въ 1828 году, по личному указанію Государя (14 марта), были организованы бригадныя піонерныя (саперныя) школы, состоявшія подъ ближайшимъ и непосредственнымъ вѣдѣніемъ командировъ бригадъ. Цѣль ихъ организаціи—увеличеніе контингента достаточно образованныхъ унтеръ-офицеровъ. Отъ каждаго баталіона въ бригадную школу назначалось по одному офицеру, а старшій изъ нихъ, по утвержденіи генералъ-инспекторомъ, назначался „командиромъ“ школы; отъ каждой роты всѣхъ баталіоновъ—по четыре рядовыхъ; для ближайшаго надзора за учениками, на каждые 16 человѣкъ назначался унтеръ-офицеръ. Срокъ обученія 15 октября—15 апрѣля, послѣ чего оказавшіе успѣхи производились въ вице-унтеръ-офицеры, а не оказавшіе таковыхъ откомандировывались въ роты рядовыми. Тогда же былъ учрежденъ особый центральный „Комитетъ піонерныхъ школъ“, находившійся подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ генералъ-инспектора и состоявшій изъ предсѣдателя, въ лицѣ начальника инженеровъ гвардейскаго корпуса, и членовъ: командировъ и младшихъ штабъ-офицеровъ гвардейскаго и учебнаго саперныхъ баталіоновъ. Комитетъ былъ обязанъ разсматривать отчеты „объ успѣхахъ“ въ бригадныхъ и баталіонныхъ школахъ инженерныхъ войскъ, вырабатывать програмы для этихъ школъ, выбирать учебники и пособія и наблюдать, чтобы обученіе шло должнымъ образомъ. Впослѣдствіи, именно въ 1838 году, безъ перемѣны функціи комитета, была измѣнена лишь его организація: комитетъ положено было имѣть при главномъ инженерномъ училищѣ, подъ предсѣдательствомъ начальника послѣдняго и при членахъ: инспекторѣ классовъ училища и одномъ изъ членовъ инженернаго отдѣленія военно-учебнаго комитета. Разсматриваемое учрежденіе было упразднено съ введеніемъ въ 1851 году особой инспекціи инженерныхъ войскъ.

Въ началѣ 1840 года при гвардейскомъ саперномъ баталіонѣ была организована особая учебная команда по примѣненію къ военному дѣлу гальванизма. Въ нее

было назначено по одному офицеру отъ гвардейскаго баталіона и отъ каждой изъ трехъ саперныхъ бригадъ, а также „достаточное число“ нижнихъ чиновъ. Предполагалось, что въ годичный курсъ офицеры и нижніе чины подучатся новому дѣлу настолько, что затѣмъ, будучи откомандированы къ мѣстамъ постояннаго служенія, окажутся способными руководить научными и практическими занятіями по гальванизму на мѣстахъ, гдѣ надлежало также учредить уже бригадныя гальваническія команды, съ привлеченіемъ въ нихъ по офицеру отъ каждаго баталіона, а также по одному военному инженеру и по одному офицеру военно-рабочихъ ротъ. Предположеніе оправдалось блестяще, а главною тому причиною явилось врученіе Императоромъ преподаванія въ командѣ при гвардейскомъ саперномъ баталіонѣ академику Якоби. По прошествіи года была составлена особая записка о дѣятельности послѣдней команды, въ связи съ трудами ея преподавателя, представляя которую Царю, Великій Князь Михаилъ Павловичъ испрашивалъ награжденіе Якоби орденамъ Станислава 2-й степени. „Государь, прочитавъ съ особеннымъ удовольствіемъ означенное обозрѣніе“, пожаловалъ Якоби орденъ Владиміра 4 степени.

Въ 1842 году во всѣхъ саперныхъ баталіонахъ были введены новыя „практическія“ школы, цѣль основанія коихъ видна изъ такого сжатаго экстракта соотвѣтственнаго „предположенія“.

Предполагалось, что саперный баталіонъ въ военное время можетъ быть употребляемъ или для возведенія укрѣпленій собственными силами, или, при обширныхъ работахъ, для возведенія укрѣпленій при вспомогательныхъ рабочихъ. Въ первомъ случаѣ отъ сапера требуется „опытность его ремесла“; во второмъ—спеціальныя познанія еще болѣе необходимы, такъ какъ, по обширности работъ, офицеровъ и унтеръ-офицеровъ окажется совершенно недостаточно для того, чтобы безпревывно и вездѣ слѣдить „за всѣми малѣйшими подробностями“.

Для этого необходимо, чтобы, кромѣ унтеръ-офицеровъ, „обязанныхъ совершенно знать свое дѣло какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ отношеніи“, въ каждой ротѣ имѣлся двойной, противъ числа унтеръ-офицеровъ, комплектъ рядовыхъ съ такими же свѣдѣніями. „Совершенное образованіе сапера, по нынѣшнему ходу его занятій, требуетъ иногда нѣсколько лѣтъ“, что заставляетъ непремѣнно изыскать способъ для сокращенія этаго срока. Лѣтнія практическія занятія, при всей пользѣ ихъ, „стремятся только къ рѣшенію и испытанію вопроса самой науки“; исключая заготовленія траншейнаго матеріала, такія занятія часто не доставляютъ надлежащей практики въ кругу ближайшихъ обязанностей сапера; кромѣ того, и дороговизна различныхъ матеріаловъ исключаетъ возможность испытать на практикѣ всѣ случаи, относящіеся къ этого рода дѣятельности. Для достиженія же сказанной цѣли, надо преобразовать существующія практическія школы, кои подготовляютъ лишь плотниковъ. Въ новыхъ школахъ нижнихъ чиновъ предполагалось обучать, кромѣ плотничнаго дѣла, изготовленію изъ глины и другихъ удобныхъ и дешевыхъ матеріаловъ моделей различныхъ частей полевыхъ укрѣпленій, мостовъ, сооруженій при осадной войнѣ и всего, что входитъ въ кругъ полнаго образованія сапера. Практическія школы должны быть ротныя и баталіонныя. Въ первыхъ имѣть по 10 человѣкъ отъ каждаго отдѣленія, т. е. по 40 человѣкъ, съ возложеніемъ обученія на одного изъ субалтернъ-офицеровъ подъ наблюденіемъ ротнаго командира; курсъ, сообразно съ успѣхомъ, для иныхъ годичный, для другихъ двухгодичный; лучшихъ 10 человѣкъ направлять въ баталіонную школу, производя задѣмъ пополненіе. Въ баталіонной школѣ обучать практически всему, что долженъ знать унтеръ-офицеръ, и также одинъ или два года. Обученіе въ этой школѣ должно ввѣряться одному изъ лучшихъ субалтернъ-офицеровъ подъ наблюденіемъ младшаго штабъ-офицера. Модели должны из-

готовляться въ масштабѣ $^1/_6 - ^1/_4$. Для земляныхъ работъ пользоваться ящиками, наполненными глиною съ пескомъ; въ нихъ сначала производить трасировку и далѣе все какъ въ дѣйствительности, до отдѣлки всѣхъ подробностей включительно. „Для показанія дефилированія, можно дѣлать изъ глины возвышенія въ видѣ горъ"; тутъ масштабъ $^1/_{10}$. „При таковомъ ходѣ занятій можно быть увѣреннымъ, что практическое образованіе въ саперныхъ баталіонахъ быстро разовьется между нижними чинами, и найдутся нѣкоторые изъ нихъ, кои, по способностямъ и прилежанію, окажутъ лучшіе передъ товарищами успѣхи, такъ что въ настоящей практикѣ они будутъ исполнять важную для саперныхъ солдатъ обязанность перваго сапера или минера". Такимъ слѣдовало бы дать на обшлагъ галунъ и увеличенное жалованіе.

Всѣ эти мысли Императоромъ были вполнѣ одобрены.

Вообще Николай Павловичъ постоянно заботился объ улучшеніи наставленія для спеціальнаго образованія саперъ и нерѣдко вводилъ такія улучшенія по своей личной инціативѣ. Такъ, въ началѣ 1847 года Его Величество прислалъ генералъ-адъютанту Фельдману номеръ французскаго „журнала военныхъ знаній" для разбора вновь принятаго англичанами способа „осадныхъ предпріятій", а когда такой разборъ получилъ, то положилъ на рукописи резолюцію: „Надо велѣть и у насъ испытать, и хорошее ввести въ новое изданіе наставленія для саперныхъ баталіоновъ, которымъ пора теперь же заняться". Тутъ рѣчь шла главнымъ образомъ о способахъ вязки фашинъ, плетенія туровъ и мантелетовъ, заготовленія плетня и т. п.

Въ декабрѣ 1851 года ближайшій надзоръ за спеціальнымъ образованіемъ инженерныхъ войскъ былъ возложенъ на особаго „инспектора саперныхъ баталіоновъ", коему были приданы права одинаковыя съ инспекторомъ стрѣлковыхъ баталіоновъ и который находился въ непосредственномъ распоряженіи инспектора по инженерной части. Никакого органа при новомъ должностномъ

лицѣ положено не было; онъ имѣлъ лишь личнаго адъютанта. На должность инспектора былъ назначенъ генералъ-лейтенантъ Бухмейеръ. По положенію, Высочайше утвержденному въ февралѣ слѣдующаго года, инспекторъ саперныхъ баталіоновъ былъ обязанъ осматривать ежегодно 1-ю и 2-ю саперныя бригады и производить инспекторскіе смотры во 2-й бригадѣ (въ гвардіи и въ 1-й бригадѣ такіе смотры производили начальники инженеровъ гвардейскаго корпуса и дѣйствующій арміи); при осмотрахъ провѣрять цѣлесообразность практическихъ работъ и вообще способовъ подготовки частей къ боевой дѣятельности; по окончаніи осмотровъ представлять отчеты инспектору по инженерной части. Онъ былъ совѣщательнымъ членомъ военно-ученаго комитета и участвовалъ въ составленіи програмъ лѣтнихъ занятій и въ разработкѣ задачъ офицерамъ *).

Производство лѣтнихъ практическихъ саперныхъ работъ было поставлено при Николаѣ Павловичѣ на широкую ногу сразу. Еще въ первые годы пребыванія въ должности генералъ инспектора, Великій Князь исходатайствовалъ увеличеніе необходимымъ на это денежныхъ отпусковъ, и баталіоны стали ежегодно получать: саперные, вмѣсто 1.400 руб.—2.500, піонерные, вмѣсто 950—1.500. Впослѣдствіи, будучи Императоромъ, Николай Павловичъ нерѣдко приказывалъ отпускать на практику саперъ и дополнительныя суммы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, завелся и обычай выдавать за практическія занятія пособія артелямъ нижнихъ чиновъ. Такихъ пособій, въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, баталіоны, на рубли асигнаціями, ежегодно получали: гвардейскій—4.025 руб., гренадерскій и учебный—по 2.975, конно-піонеры—1.050 и т. д.

Въ началѣ каждаго года составлялись самыя подробныя програмы предстоящихъ лѣтнихъ работъ. Въ

---

*) Ч, № 4—1841, 5—8; № 35—1842, 10, 11, 22—34, 52; № 24—1847, 38, 60—77; Приказы: № 4—1838, № 105—1851; I П. С. З., № 27. 484; II П. С. З., №№ 1.876, 25.815, 25.974; Болдыревъ, 92; Волькенштейнъ, 9.

1818—1825 годахъ такія програмы разрабатывались подъ ближайшимъ руководствомъ Августѣйшаго генералъ-инспектора и утверждались имъ же. Позднѣе разработка производилась тѣмъ же порядкомъ, но утверждались програмы самимъ Императоромъ. Впрочемъ, и при составленіи програмъ вліяніе на дѣло со стороны Государя сказывалось рѣзко и постоянно. Не увлекаясь массою относящагося къ этому вопросу архивнаго матеріала, ограничусь данными по составленію такой програмы для петербургскихъ саперъ въ 1851 году.

Въ началѣ этого года начальникъ инженеровъ гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ, генералъ-адъютантъ Витовтъ, представилъ инспектору по инженерной части, генералу Дену, проектъ програмы лѣтнихъ работъ, представлявшій собою произведеніе довольно объемистое. Ознакомившись съ этимъ трудомъ, Денъ тотчасъ же запросилъ Витовта: кто составлялъ програму? Получился отвѣтъ: гвардіи инженеръ капитанъ Кренке. Денъ приказалъ прислать къ нему капитана на другой же день. Совмѣстно съ Кренке, генералъ переработалъ програму отъ начала до конца, доложилъ Государю, вновь переработалъ ее, и только тогда она была Высочайше утверждена. Сущность предстоявшей практики саперъ заключалась въ исправленіи учебнаго полигона, въ срывкѣ прошлогоднихъ траншейныхъ работъ, въ заготовкѣ различныхъ инженерныхъ матеріаловъ и въ производствѣ ряда новыхъ оборонительныхъ работъ. Для установленія же степени вліянія на характеръ работъ самого Императора, привожу слѣдующія выдержки изъ програмы.

„По Высочайшей волѣ, подъ гребнемъ гласиса лѣваго фаса люнета, на мѣстѣ вѣроятнаго вѣнчанія, расположить ярусныя мины Белидора для взорванія брешь—батареи; съ тою же цѣлью и на томъ же фасѣ заложить ярусные фугасы сверлами Нобеля и генералъ-адъютанта Шильдера; навѣсными ракетами малаго калибра тревожить атакующаго и тѣмъ недопустить его возобновить брешь—батарею или разрушенное вѣнчаніе гласиса......

Въ исполненіе Высочайшей воли, вырыть канаву отъ рва люнета къ басейну впереди лежащему, а по заложеніи на днѣ ея водосточной трубы, опять засыпать; работу эту производить исподволь въ теченіе всего лѣта...... По Высочайшей волѣ, брешь-батарею вооружить осадными орудіями съ единственною цѣлью—испытать дѣйствіе горновъ Белидора противъ брешь-батареи, дѣйствительно вооруженной........ По устроеніи спусковъ въ ровъ, съ Высочайшаго соизволенія, произвести штурмъ-эскаладу земляного долговременнаго укрѣпленія и маневръ отраженія приступа; предположить штурмъ отбитымъ и продолжать постепенную атаку"...... Далѣе Высочайше повелѣвалось составить особыя команды и упражнять ихъ въ преодолѣніи искусственныхъ препятствій, въ подрываніи, подрубаніи и опрокидываніи штурмфаловъ, въ перекладываніи плетня черезъ волчьи ямы, въ растаскиваніи засѣкъ и проч. съ тѣмъ, чтобы, по Высочайшей волѣ, произвести затѣмъ маневръ атаки полевого укрѣпленія. Высочайше повелѣвалось отстроить въ полѣ капониръ Венцеля и подвергнуть его артилерійскому разстрѣлу „какъ постройку, еще не испытанную на самомъ дѣлѣ". Наконецъ, „испытать вновь вводимыя фугасныя ракеты малаго калибра, дѣйствуя ими, согласно Высочайшей воли, черезъ трубы, высверленныя въ брустверѣ люнета".

Изложеннымъ далеко не исчерпывалась вся програма: мною приведены только личныя дополненія Императора.

Лѣтнія практическія занятія петербургскіе саперы производили на инженерныхъ полигонахъ, кои устраивались преимущественно близъ Петергофа и за московской заставой; провинціальные саперы—у существующихъ крѣпостей, главнымъ образомъ у Динабурга, Бобруйска, Новогеоргіевска и Кіева. Но въ 1852 году дѣло это предполагалось расширить еще болѣе. Въ іюлѣ этого года начальникъ штаба инспектора по инженерной части, генералъ Политковскій, по приказанію Дена, писалъ

инспектору саперныхъ баталіоновъ, генералу Бухмейеру, что практикуемыя саперныя работы не даютъ возможности „пріобрѣсть практическую опытность въ изученіи дѣйствій артилеріи противъ осадныхъ и оборонительныхъ работъ, сколько въ отношеніи поврежденій, оною производимыхъ, и препятствій, причиняемыхъ въ ходѣ работъ, сколько же и въ отношеніи изысканія средствъ къ скорѣйшему возстановленію поврежденій. Для отвращенія столь важнаго недостатка въ образованіи нашихъ саперныхъ баталіоновъ“, Денъ признавалъ весьма полезнымъ привлекать къ практическимъ сапернымъ занятіямъ крѣпостную и даже осадную артилерію, „которая, способствуя такимъ образомъ практическому военному образованію саперныхъ офицеровъ, съ своей стороны пріобрѣтала бы необходимый практическій навыкъ для дѣйствія изъ орудій по крѣпостнымъ частямъ демонтирною, анфиладною и рикошетною стрѣльбою“. Для этого необходимы особые учебные артилерійско-инженерные полигоны. У Новогеоргіевска мѣсто для такого полигона Денъ избралъ лично, а Бухмейеру предлагалъ сдѣлать тоже у Кіева. Начавшаяся Восточная война воспрепятствовала осуществленію этой полезной идеи.

Въ бытность свою генералъ-инспекторомъ, Николай Павловичъ болѣе нежели акуратно посѣщалъ практическія работы петербургскихъ саперъ. Фраза—„во все теченіе нынѣшняго лѣта производили гвардейскій саперный баталіонъ и лейбъ-гвардіи конно-піонерный эскадронъ, *въ присутствіи моемъ*, практическія работы“—повторяется почти въ той же редакціи во всѣхъ осеннихъ приказахъ Великаго Князя. Ежегодно же осматривалъ генералъ-инспекторъ и конечные результаты практики 1-й и 2-й сводныхъ піонерныхъ бригадъ. Почти тоже положеніе осталось и послѣ восшествія Николая Павловича на престолъ. Въ исторіи гвардейскаго сапернаго баталіона, на страницахъ, посвященныхъ пребыванію этой части въ лагеряхъ у Петергофа, между прочимъ читаемъ: „Случалось, что Государь Императоръ

Николай Павловичъ пріѣзжалъ неожиданно, со стороны Егерской слободки, прямо на минныя работы, приказывалъ не извѣщать начальство о своемъ пріѣздѣ, садился на туръ и, потребовавъ планъ минныхъ работъ, милостиво и внимательно выслушивалъ объясненія завѣдывающаго работами или дежурнаго по минамъ офицера и дѣлалъ свои замѣчанія". Результатами осмотровъ Государемъ саперныхъ практическихъ работъ полны приказы по инженерному корпусу за 1826—1853 года. Въ 1853 году, напримѣръ, петербургскіе „саперы нѣсколько разъ имѣли счастье производить работы въ присутствіи" Императора, наслѣдника и Великихъ Князей Николая Николаевича и Михаила Николаевича. Не менѣе часто бывалъ Государь и на крѣпостныхъ маневрахъ, о которыхъ свѣдѣнія будутъ приведены ниже.

Саперы постоянно привлекались къ войсковымъ полевымъ маневрамъ и проявляли на нихъ широкую дѣятельность, въ особенности начиная съ сороковыхъ годовъ. Производились ими работы весьма большія. Такъ, гвардейскій саперный баталіонъ на маневрахъ 1841 года укрѣпилъ въ теченіе одной ночи позицію при Ропшѣ, построивъ бастіонный фронтъ и три батареи, а на маневрахъ слѣдующаго года, будучи въ авангардѣ гвардейскаго корпуса, укрѣпилъ въ ночь позицію у дер. Воронниной и въ двое сутокъ возвелъ у Ропши шесть батарей на 40 орудій. 1-й конно-піонерный эскадронъ построилъ въ 1841 году черезъ Донъ мостъ на понтонахъ, плотахъ и козлахъ. Гренадерскій саперный баталіонъ въ теченіе 16 часовъ привелъ въ 1842 году въ оборонительное состояніе заброшенную крѣпость временъ Петра Великаго—Капорье и т. д.

Бывало, что Императоръ самъ указывалъ для маневровъ фортификаціонныя заданія, требовалъ заблаговременнаго составленія проектовъ, а цѣлесообразность послѣднихъ провѣрялъ лично. Лѣтомъ 1841 года Его Величество приказалъ командиру учебнаго sапернаго баталіона, полковнику Хомутову, для предстоявшихъ боль-

шихъ войсковыхъ маневровъ, составить проектъ укрѣпленія Царскаго Села со стороны Павловска. Была избрана линія въ 3 версты протяженіемъ: лѣвый флангъ у колоніи Фриденталь (у Московскаго шоссе), гдѣ намѣчалось построить три открытыя съ горжи укрѣпленія для обстрѣливанія пространства между желѣзною дорогою и шоссе въ Павловскъ и для упрежденія обхода центра; центръ—каменный трехъ-этажный домъ генерала Малиновскаго, подлежавшій вмѣстѣ съ садомъ приведенію въ оборонительное состояніе, съ постройкою передъ нимъ люнета; правый флангъ—кладбище съ каменною оградою, намѣченное къ приведенію въ оборонительное состояніе, съ постройкою около него двухъ редутовъ. За этими опорными пунктами—вторая линія обороны, въ которую включенъ городской валъ, усиленный рядомъ батарей. Государь лично провѣрилъ проектъ на мѣстѣ и повелѣлъ: „Отсыпать нынѣ же только однѣ полигонныя батареи, а прочія означить только вѣхами; батарею же № III поставить такъ, чтобы не пересѣкать дороги парковой". Во время же маневра учебный саперный баталіонъ въ теченіе сутокъ возвелъ батарею на 3 орудія и „люнетъ на 5 пушекъ", разработалъ нѣкоторые пути сообщенія и построилъ три моста. *)

Еще большое значеніе, въ смыслѣ практики саперъ, придавалось маневрамъ крѣпостнымъ, и къ дѣлу этому Николай Павловичъ относился еще внимательнѣе.

Уже было сказано, что петербургскіе саперы имѣли въ своемъ распоряженіи инженерные полигоны, а провинціальные проводили лѣто подъ крѣпостями, а также, что тѣ и другіе занимались исподволь работами по осадѣ и оборонѣ крѣпостей, которыя являлись какъ бы длительными крѣпостными маневрами. Начиная же съ сороковыхъ годовъ, по волѣ Императора, крѣпостные ма-

---

*) У, № 36—1851, 9—15, 20, 55, 62, 74; № 30—1852, 2, 3, 5, 6; Ч, № 8—1841, 1—5; № 27—1842, 10—12, 65, 105, Приказы: № 51—1820, № 36—1848, № 68—1851, № 53—1852, №№ 43, 45—1853; 100 В. М., VII, 682; Случевскій, 5.

невры приняли иной характеръ: програмы расширились, введенъ былъ элементъ непрерывности работъ, обстановку, въ мѣрѣ возможности, стали согласовывать съ обстановкою боевою. Поскольку то явствуетъ изъ сохранившихся документовъ, первый такой маневръ былъ произведенъ въ концѣ лѣта 1841 года подъ Динабургомъ: осадныя работы были начаты съ первой паралели и непрерывно доведены до конца, со спускомъ въ ровъ и переходомъ черезъ него, съ постройкою особыхъ батарей и веденіемъ минной войны. Въ 1843 году такой же маневръ былъ произведенъ подъ Новогеоргіевскомъ, а въ слѣдующемъ подъ Бобруйскомъ. Однако, уже въ 1846 году главнокомандующій, князь Варшавскій, запротестовалъ противъ осадныхъ работъ у существующихъ, важныхъ въ военномъ отношеніи крѣпостей, мотивируя свой протестъ тѣмъ, что такія „примѣрныя осады“ обнаруживаютъ слабыя части крѣпостей и оставляютъ за собою трудно устранимый слѣдъ. Тогда Николай Павловичъ повелѣлъ: „Впредь примѣрныя атаки, съ производствомъ осадныхъ работъ, дѣлать противъ однѣхъ только заштатныхъ крѣпостей; въ случаѣ же назначенія примѣрной атаки и обороны при штатныхъ крѣпостяхъ, не только ограничивать производство осадныхъ работъ примѣрною трасировкою, но и принять за постоянное правило, чтобы трасировка сія была приводима въ исполненіе не земляными линіями, а однѣми вѣхами“. Въ соотвѣтствіи этому, намѣтивъ производство въ 1847 году крѣпостного маневра подъ Динабургомъ, Императоръ приказалъ: „Ограничиться одною примѣрною обороною этой крѣпости противу мнимо атакующаго непріятеля, какъ для сокращенія наряда войскъ въ Динабургѣ, такъ и потому, что вообще траншейныхъ работъ и заложенія батарей противъ этой крѣпости допускать не слѣдуетъ; по означить ходъ атаки только вѣхами“.

И все же маневръ оказался весьма поучительнымъ, благодаря тому обстоятельству, что програма его, примѣненная къ боевой обстановкѣ, была составлена весьма

тщательно, провѣрена и исправлена самимъ Монархомъ и утверждена Его Величествомъ лишь въ третьей редакціи.

По програмѣ этой указывалось произвести примѣрную оборону только одного мостового укрѣпленія и то съ осуществленіемъ работъ, какъ увидимъ, не въ полномъ объемѣ, въ видахъ экономическихъ. Собственно для обороны укрѣпленія назначены: полный артилерійскій гарнизонъ, одинъ полкъ пѣхоты, одна саперная рота, одинъ штабъ и два оберъ-офицера изъ полевыхъ инженеровъ. На мѣстахъ нѣкоторыхъ мнимыхъ осадныхъ батарей (вѣхи) и головъ сапъ указывалось поставить щиты—мишени для прицѣльной стрѣльбы артилеріи днемъ и ночью. Для сокращенія издержекъ, охранительное вооруженіе выставить не полное, а оборонительное только на одномъ бастіонѣ; прочія орудія лишь обозначить, имѣя артилерійскую прислугу при всѣхъ орудіяхъ, какъ установленныхъ, такъ и обозначенныхъ. Хотя оба фаса вооружаемаго бастіона, по мѣстнымъ условіямъ, подвержены анфиладѣ, все же траверсы насыпать только на одномъ фасѣ. Амбразуръ прорѣзать не болѣе восьми. Для организаціи внѣшней службы до условнаго обложенія крѣпости, высылать впередъ изъ общаго гарнизона крѣпости отряды пѣхоты съ нѣсколькими легкими орудіями, а также кавалерійскіе разъѣзды. Между этими отрядами и крѣпостными верками имѣть эшелонированными сильныя заставы, кои представятъ опору рекогносцировочнымъ отрядамъ при отступленіи; послѣ же условнаго тѣснаго обложенія, изъ плацдармовъ прикрытаго пути мостового укрѣпленія высылать по ночамъ патрули, обязанные, при обнаруженіи чего либо подозрительнаго, оповѣщать о томъ гарнизонъ выстрѣломъ, по которому артилерія „должна тотчасъ освѣтить окрестность по направленію послѣдовавшаго выстрѣла“ свѣтящимися ядрами изъ мортиръ; далѣе же дѣйствовать по обстоятельствамъ. Въ теченіе осады имѣть въ редюитахъ постоянные караулы, высылающіе секреты къ подошвѣ гласиса.

Затѣмъ—цѣлый рядъ наставленій детальнаго характера, представляющихъ собою весьма сжатый, прекрасно составленный, конспектъ изъ курса атаки и обороны крѣпостей. Програма заканчивалась указаніемъ, что инструкція сія не должна стѣснять коменданта; онъ воленъ отъ нея отступать въ мѣрѣ надобности и личныхъ соображеній. Любопытно, что расходы по маневру повелѣно было покрыть „изъ комнатныхъ суммъ" Его Величества.

Маневръ былъ выполненъ съ большимъ успѣхомъ. Весьма удачно стрѣляла артилерія: изъ 242 снарядовъ, выпущенныхъ днемъ и ночью по щитамъ, попало 138; процентъ попаданій изъ крѣпостныхъ ружей по головамъ сапъ также превысилъ 50; изъ тѣхъ же ружей въ щитики, изображавшіе рекогносцирующихъ офицеровъ, попало: на 900 шаговъ—свыше 16%, на 750—свыше 20% и на 450—свыше 32%. Подробный отчетъ о маневрѣ Государь приказалъ разсмотрѣть въ особомъ комитетѣ подъ предсѣдательствомъ генералъ-квартирмейстера главнаго штаба, генералъ-адъютанта графа Берга, а затѣмъ представить Его Величеству съ заключеніемъ комитета.

Въ октябрѣ 1847 года, по поводу послѣдовавшаго рѣшенія уничтожить въ Кіевѣ Звѣринецкое укрѣпленіе, Николай Павловичъ повелѣлъ „назначить Звѣринецкое укрѣпленіе Кіевской крѣпости въ будущемъ году для примѣрной обороны съ производствомъ полныхъ осадныхъ и оборонительныхъ работъ, принимая укрѣпленіе за крѣпость, могущую выдержать осаду, и съ тѣмъ, чтобы въ оборонѣ и осадѣ участвовали баталіоны 2-й саперной бригады". Изъ длиннаго, правленнаго Государемъ и затѣмъ Высочайше утвержденнаго, наставленія отмѣчу, что для сокращенія издержекъ и расхода людей было указано: для осадныхъ работъ всегда назначать полное число рабочихъ, какъ саперъ, такъ и армейскихъ, а на прикрытіе ихъ, въ караулы и резервы—одни только кадры; охранительную службу организовать только впереди южнаго, атакованнаго, фронта; вооружить только

этотъ фронтъ, а если не хватитъ орудій—обозначить таковыя кольями (отнюдь при этомъ не трогая охранительнаго вооруженія Кіевской крѣпости, которую между прочимъ считать при маневрѣ несуществующею); траверсовъ построить до десяти, одѣвая одну сторону фашинами, а другую турами, съ устройствомъ зарядныхъ погребковъ; прочіе траверсы обозначить кольями; амбразуры прорѣзать только тамъ, откуда удобнѣе дѣйствовать по подступамъ, одѣвая ихъ разными способами; артилерійской прислуги назначить по одной смѣнѣ на каждыя два орудія; пѣхоты для обороны верковъ отъ нечаяннаго нападенія имѣть вполовину положеннаго, а въ резервахъ лишь кадры; при производствѣ артилерійской стрѣльбы вести журналъ по каждому орудію, указывая каждое попаданіе въ щиты, дабы произвести затѣмъ сравнительную оцѣнку успѣшности стрѣльбы прицѣльной, рикошетной и навѣсной; во избѣжаніе несчастныхъ случаевъ, мины взрывать только по сигналу посредниковъ; и т. д. Маневръ этотъ не состоялся; помѣшала Венгерская кампанія.

Въ 1850 году у Бабигона (близъ Петергофа) была построена „крѣпость"—въ сущности одинъ учебный капонирный фронтъ—спеціально для крѣпостного маневра того года. для производства котораго были назначены: гвардейскіе саперный баталіонъ и конно-піонерный дивизіонъ, учебный саперный баталіонъ, отрядъ военно-учебныхъ заведеній и другія войска. На маневръ неоднократно прибывали Императоръ и Наслѣдникъ Цесаревичъ. Послѣ маневра обложенія крѣпости, съ наступленіемъ темноты, въ Высочайшемъ присутствіи была заложена первая паралель и ведущіе къ ней изъ осаднаго депо ходы сообщенія; работы прикрывали пѣхота и кавалерія. Вскорѣ по открытіи работъ, гарнизонъ крѣпости сдѣлалъ вылазку на лѣвый флангъ паралели. Послѣ примѣрнаго боя, Государь „по сбору" собралъ всѣхъ рабочихъ и сигналомъ „отбой" прекратилъ дальнѣйшее устройство паралели. Ея часть была къ тому

времени уже закончена; часть—только трасирована. По второй паралели было повелѣно ограничиться только трасировкой. Изъ второй паралели трасированы подступы къ двумъ полупаралелямъ (по капиталямъ равелина и смежнаго съ нимъ входящаго плацдарма), кои сдѣланы летучею сапою, одна по нашему наставленію, другая по англійскому способу; обѣ полупаралели были устроены съ заворотами для мортирныхъ батарей. Подступы изъ полупаралелей, часть третьей паралели и двѣ „овальныя“, впереди послѣдней, траншеи устроены тихою одинокою сапою. Изъ каждой овальной траншеи выведено по одной прямой двойной сапѣ съ траверсами, послѣ чего приступлено къ устройству „вогнутыхъ“ траншей. Въ это время, минными взрывами, осажденный разрушилъ часть работъ въ лѣвой сапѣ. Атакующій увѣнчалъ воронки, исправилъ поврежденія и, устроивъ обходы около начатыхъ имъ наступательныхъ минныхъ работъ, закончилъ вогнутую траншею съ заворотами тихою „полудвойною“ сапою. По взорваніи усиленнаго горна въ присутствіи Наслѣдника Цесаревича, атакующій увѣнчалъ воронку и „предполагаемыя“ смежныя, а затѣмъ устроилъ летучею сапою сообщеніе съ ними. Наконецъ, по взорваніи новаго усиленнаго горна въ присутствіи Императора произведено вѣнчаніе его воронки и вѣнчаніе гласиса съ устройствомъ брешь-батареи, чѣмъ маневръ и закончился.

Но самый грандіозный крѣпостной маневръ былъ произведенъ при Николаѣ Павловичѣ въ 1845 году подъ Нарвой.

Въ ноябрѣ 1844 года военный министръ увѣдомилъ Августѣйшаго генералъ-инспектора, что Его Величество „между прочими предназначеніями для мѣстныхъ занятій войскъ, желая, чтобы войска гвардіи и гренадеръ имѣли случай участвовать въ практическихъ занятіяхъ, подобныхъ произведеннымъ съ полнымъ успѣхомъ при крѣпостяхъ Новогеоргіевской и Бобруйской, Высочайше повелѣть соизволилъ: произвести въ будущемъ году при-

мѣрную осаду и оборону крѣпости Нарвы, и на сей предметъ командировать туда весною саперные баталіоны, при гвардейскомъ и гренадерскомъ корпусахъ состоящіе, для благовременнаго производства необходимыхъ работъ и исправленія поврежденныхъ верковъ. Для обороны сей крѣпости предназначается 2-я гренадерская дивизія съ ея артилеріей, и въ концѣ іюля предположеніе большихъ маневровъ гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ будутъ связаны съ осадой Нарвы, о чемъ Его Императорское Величество Высочайше изволитъ дать особое начертаніе". Въ декабрѣ же управляющій инженернымъ департаментомъ, генералъ-адъютантъ Геруа, получилъ отъ Михаила Павловича „составленное подъ собственнымъ Его Императорскаго Величества наблюденіемъ предположеніе для большихъ маневровъ и примѣрной" осады Нарвы, сущность котораго заключалась въ слѣдующемъ.

„Для сокращенія расходовъ по оборонительнымъ работамъ, можно предположить, что атака удобна только на фронтъ между 1-мъ и 2-мъ бастіонами, а что остальные фронты крѣпости и Иванъ-Городъ недоступны". На правомъ берегу Наровы осаждающія войска ограничиваются только блокадой. Ниже крѣпости долженъ быть устроенъ мостъ черезъ Нарову. Осадныя работы начать около 10 іюля, прямо съ третьей паралели; первую и вторую паралель только обозначить. Вмѣстѣ съ тѣмъ, осадныя работы саперами до конца не доводятся: ихъ надлежитъ остановить въ такомъ положеніи, чтобы для завершенія осады и спуска въ ровъ потребовалось бы два дня. Весь намѣченный для крѣпостной операціи отрядъ, т. е. 2-я гренадерская дивизія, придетъ въ Нарву 1 іюля; одинъ полкъ, двѣ роты саперъ, двѣ роты стрѣлковъ и одна легкая батарея составятъ гарнизонъ крѣпости; три полка и всѣ остальныя части войдутъ въ составъ осаднаго корпуса. Въ связи съ крѣпостными операціями будутъ произведены и общіе маневры гвардіи и гренадеръ. Затѣмъ, въ январѣ, повелѣно привлечь къ осаднымъ работамъ гвардейскій конно-піонерный эскад-

ронъ. Всѣхъ же инженерныхъ войскъ, участвующихъ въ осадѣ и оборонѣ Нарвы, оказалось фактически пять частей: гвардейскій, учебный и гренадерскій саперные баталіоны, гвардейскій конно-піонерный эскадронъ и нарвская инженерная команда.

Руководствуясь наставленіями Императора, были составлены: инструкція коменданту крѣпости (20 страницъ), какъ руководящая, съ правомъ отступать отъ нея, и програма ряда опытовъ при оборонѣ (12 стр.) Ихъ характеръ такой же какъ програмъ динабургской и кіевской, приведенныхъ выше.

По поводу производства конечнаго маневра сохранилось извѣстіе, что Государь прибылъ въ Нарву раннимъ утромъ 25 іюля, а въ девятомъ часу осматривалъ оборонительныя работы „по наружнымъ пристройкамъ впереди 1-го полигона". а также работы въ крѣпостномъ рву. Выѣхавъ затѣмъ въ поле, обозрѣвалъ работы осаждающаго. Черезъ нѣсколько времени Его Величество возвратился въ крѣпость, взошелъ на брустверъ Тріумфъ бастіона, при лѣвомъ плечномъ углѣ его, и приказалъ открыть огонь, конечно холостыми выстрѣлами, какъ со стороны осаждающаго, такъ и со стороны осажденнаго. Подъ гулъ канонады саперы устроили переправу черезъ ровъ равелина, послѣ чего на равелинъ были направлены штурмовыя колоны. Выразивъ войскамъ свое удовольствіе, Императоръ направился верхомъ черезъ весь городъ и въѣхалъ на валъ Гоноръ бастіона, откуда осматривалъ противоположный берегъ и все расположеніе крѣпости, послѣ чего отбылъ „на квартиру". Немного времени спустя, Его Величество выѣхалъ изъ крѣпости для осмотра моста, построеннаго конно-піонерами черезъ рѣку Нарову въ четырехъ верстахъ ниже крѣпости, и тутъ дождался прибытія „десантнаго отряда"— отряда военно-учебныхъ заведеній при двухъ орудіяхъ, направленнаго въ Нарву на судахъ изъ подъ Петергофа. Когда конно-піонеры свой мостъ развели, и десантъ прошелъ въ крѣпость, Государь вторично осматривалъ осад-

ныя работы и посѣтилъ лагери 2-й гренадерской дивизіи и саперныхъ баталіоновъ, бивакировавшихся у дер. Іоалла, на лѣвомъ берегу Наровы, въ трехъ верстахъ выше крѣпости. Остатокъ свѣтлаго времени былъ использованъ для осмотра различныхъ крѣпостныхъ сооруженій. Съ наступленіемъ темноты и до полуночи крѣпостной маневръ продолжался въ присутствіи Царя. Съ 10 часовъ утра 26 числа Императоръ вновь приказалъ открыть огонь по крѣпости и съ ея верковъ, послѣ чего произведенъ переходъ черезъ главный ровъ и штурмъ 1-го и 2-го бастіоновъ, чѣмъ маневръ и былъ законченъ. Опыты боевой стрѣльбы и минной войны были произведены ранѣе.

Осадныя и оборонительныя работы подъ Нарвой были произведены въ столь широкомъ масштабѣ и съ такимъ соблюденіемъ всѣхъ правилъ инженернаго искусства, что Николаю Павловичу пришла мысль обратить Нарву въ образцовый полигонъ. Передъ отъѣздомъ изъ крѣпости Его Величество повелѣлъ—„оставить въ настоящемъ видѣ всѣ инженерныя работы, произведенныя при примѣрной атакѣ и оборонѣ Нарвы въ нынѣшнемъ году, дабы, поддерживая ихъ, онѣ могли служить къ вящшему практическому образованію молодыхъ офицеровъ какъ инженерныхъ, такъ и артилерійскихъ“. А осенью того года начальникъ военно-походной канцеляріи Его Величества, генералъ-адъютантъ Адлербергъ, писалъ Фельдману: „Государь Императоръ, предполагая полезнымъ имѣть крѣпость образцовую въ отношеніи содержанія верковъ во всегдашней исправности и улучшенія наружнаго вида, съ примѣненіемъ всѣхъ новѣйшихъ усовершенствованій по части земляныхъ работъ, но не касаясь каменныхъ сооруженій, ниже расположенія и системы укрѣпленія, изволилъ избрать для сего крѣпость Нарву, удобную для того по близости отъ столицы. Вслѣдствіе сего, Государь Императоръ, прежде окончательнаго по сему распоряженія, желаетъ, чтобы Ваше Превосходительство представили свое соображеніе: какъ

это привести въ исполненіе безъ значительныхъ расходовъ и съ употребленіемъ къ нужнымъ работамъ гвардейскаго, учебнаго и гренадерскаго саперныхъ баталіоновъ". На сколько Николай Павловичъ лично интересовался этимъ дѣломъ и сколь близкое принялъ въ немъ участіе, видно изъ того, что когда Фельдманъ представилъ подробное по этому предмету соображеніе, Государь, весьма внимательно и не безъ критики разсмотрѣвъ таковое, повелѣлъ: „1) Осыпавшіяся и осѣвшія части наружныхъ крутостей бруствера переплакировать, внутреннія брустверныя стѣны защебенить и исправить, малую на нихъ крутость обложить вновь дерномъ, брустверамъ дать надлежащую высоту и крону ихъ выравнить. 2) Банкеты привести въ надлежащую профиль, а отлогость ихъ обложить дерномъ. 3) Спланировать (выравнить) всѣ валганги, давъ имъ небольшое паденіе ко внутренней сторонѣ крутости для стока дождевыхъ водъ. 4) Крутости валганговъ и наружныя крутости отступныхъ фланковъ бастіоновъ привести въ совершенно правильный видъ и для сего выпучившіяся мѣста обрѣзать, а вдавшіяся и вездѣ, гдѣ окажется необходимымъ, переплакировать". Затѣмъ, Императоръ приказалъ „допустить, чтобы валганги обрасли травою, но для устраненія протаптыванія тропинокъ, поверхность банкета крѣпко утрамбовать и устлать слоемъ плитнаго или кирпичнаго щебня или крупнымъ пескомъ (грантомъ) и наблюдать, чтобы ходили только по банкетамъ". Работы было приказано производить исподволь, начавъ со 2-го полигона.

На практикѣ оказалось, что приведеніе крѣпости въ образцовый видъ не такъ просто. Имѣть прекрасные валы и полуобрушенные эскарпы и контръ-эскарпы неприличествовало. Исправленіе каменныхъ сооруженій требовало особыхъ асигнованій, такъ какъ на ремонтныя суммы сдѣлать этого было невозможно. Хотя Государь и не остановился передъ нѣкоторыми специальными денежными отпусками, но асигнованія затянулись. Къ

началу Восточной войны былъ приведенъ въ полный порядокъ только 2-й бастіонъ, и тѣмъ все дѣло ограничилось.

Еще хуже пошелъ вопросъ объ образцовыхъ осадныхъ работахъ. Весьма скоро обнаружилось, что большая часть траншейныхъ работъ была произведена на частновладѣльческихъ земляхъ, на которыхъ крестьяне разводили огороды. Казнѣ были предъявлены большія денежныя претензіи. Въ результатѣ, уже въ 1847 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе—сказанныя земли возвратить по принадлежности *).

Существовалъ при Николаѣ Павловичѣ и пріемъ, одновременно совмѣщавшій боевыя потребности и боевую подготовку саперныхъ офицеровъ на аренѣ постоянныхъ въ тѣ времена военныхъ дѣйствій—на Кавказѣ. Въ февралѣ 1840 года, принимая во вниманіе, „что экспедиціи въ горахъ постоянно сопряжены съ большими инженерными работами, при которыхъ на каждомъ шагу необходимо употреблять саперъ", Императоръ повелѣлъ командировать ежегодно и на годъ въ отдѣльный Кавказскій корпусъ по одному оберъ-офицеру отъ каждаго сапернаго баталіона.

При обрисованныхъ усиліяхъ Монарха въ области воспитанія и образованія саперъ, немудренно, что этотъ родъ оружія проявилъ въ разсматриваемую эпоху на поляхъ брани и высокую энергію, и большое знаніе своего дѣла. А поработать въ боевой обстановкѣ саперамъ таки пришлось не мало. Ихъ главнѣйшія боевыя операціи, по даннымъ Максимовскаго: въ 1827 году, въ персидскую войну—взятіе Абасъ-Абада, Сердарь-Абада, Эривани и Тавриза и переправа черезъ Араксъ; въ

*) I, № 160—1844, 1, 6—9, 23, 60—92, 94, 116; № 149—1845, 110; № 20—1846, 1—9, 104, 288, 289; К, № 155—1843, 20, 48, 74; Л, № 80—I—1845, 350—353; О, № 130—1847, 4, 13—16, 18, 28, 29, 35; П, № 143—1847, 1; № 8—1847, 1, 10, 12, 22—37, 63, 172, 248; Т, № 99—1845, 1—5; Ч, № 27—1842, 10—12; Приказы: № 34—1845, № 46—1850, № 42—1851.

1828—1829 годахъ—взятіе Варны, Селистріи, Кюстенджи, Шумлы, Гумръ, Карса, Ахалцыха, Ахалкалаки, Ацхура, Ардагана, Анапы и Поти и переправа черезъ Дунай; въ 1831 году—штурмъ Варшавы, укрѣпленіе складовъ въ Ломжѣ и въ Ловичѣ и переправы черезъ Бугъ и Вислу; въ 1849 году—укрѣпленіе Бартфельда, Каша и Эперіешь и переправа черезъ Тиссу; въ 1853—1855 годахъ—переправа черезъ Дунай, осада Селистріи, уничтоженіе дорогъ и мостовъ въ Карпатахъ на всемъ протяженіи австрійской границы и блестящая оборона Севастополя; почти весь періодъ царствованія Императора Николая—рядъ геройскихъ дѣлъ на Кавказѣ. „Вездѣ—утверждаетъ тотъ же авторъ—строевыя инженерныя войска выказывали необыкновенную быстроту въ работѣ, находчивость, пылкую отвагу во всѣхъ дѣйствіяхъ противъ непріятеля и стойкую храбрость, когда приходилось работать подъ вражескимъ огнемъ“. Извѣстный военный професоръ Болдыревъ говоритъ: „Осады, произведенныя нашими войсками въ турецкую войну 1828—1829 годовъ, достаточно показываютъ, до какой степени совершенства было доведено техническое образованіе нашихъ саперныхъ баталіоновъ. Въ этомъ отношеніи они далеко оставили за собою своихъ предшественниковъ. Если прежнія осады, произведенныя нашими войсками и пользовались заслуженной славой, то ее надо отнести болѣе къ отвагѣ и мужеству строевыхъ войскъ, чѣмъ къ искусству производства осадныхъ работъ. Въ осадахъ 1828 и 1829 годовъ наши саперы выполняютъ, едва ли не въ первый разъ, всѣ ближайшія и трудныя работы, которыя могутъ быть съ успѣхомъ производимы только саперами, знающими свое дѣло. Эти работы, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, свойству турецкихъ крѣпостей и самому характеру ихъ обороны, требовали и отступленій отъ общепринятыхъ правилъ и находчивости въ ихъ замѣнѣ“ *).

*) Приказъ № 5—1840; Максимовскій 187; Болдыревъ, 93.

Наиболѣе блестящія страницы исторіи инженерныхъ войскъ безспорно относятся къ эпохѣ Императора Николая I. Онъ лично перевоспиталъ эти войска, онъ почти создалъ ихъ наново, онъ былъ отцомъ русскаго сапера, и потомки николаевскихъ саперъ этого забывать не должны и не забудутъ.

КОНЕЦЪ 1-й ЧАСТИ.

